БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXVIII XXIV IX I
Полка 6 7 1
№ 6 33 7.г.3.о.1

1-78

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ,

СОЧИНЕНІЕ

ОРД. ПРОФЕССОРА, Dr. Ф. ЛОРЕНЦА.

ЧАСТЬ III.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

4364

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У ИЗДАТЕЛЯ, КНИГОПРОДАВЦА Ю. А. ЮНГМЕЙСТЕРА.

На Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, въ домѣ Котомина.

1855.

Уч. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Dr. Фридриха Лоренца,

Орд. профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра.

Части III-ей Отдѣленіе I.

Изданіе второе.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
У издателя, книгопродавца Ю. А Юнгмейстера,
1853.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 16 августа 1852 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

въ типографіи Эдуарда Веймара.

V. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ РЕФОРМАЦІЕЮ, ДО ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА.

1517—1648.

Новое время начинается распаденіемъ западной церкви и раздѣленіемъ западныхъ христіанъ въ слѣдствіе несогласія касательно ея ученія. Такъ какъ начала, которыя произвели разрывъ, рѣзко различаются, то изобразить время реформаціи есть одна изъ труднѣйшихъ историческихъ задачъ *).

Изъ изложеннаго хода развитія церковныхъ отношеній ясно, что Германія болѣе всѣхъ могла быть недовольна ими. Послѣ того какъ западной Церкви удалось уничтожить направленную про-

*) Между источниками для исторіи Реформаціи первое мѣсто занимаютъ: Dr. Martin Luthers sämmtliche Werke, какъ на Нѣмецкомъ, такъ и на Латинскомъ языкахъ, in 24 Theilen herausgegeben von J. G. Walch. Halle, 1740—42. Joh. Sleidanus, de statu religionis et reipublicae Carolo V Caesare (Ausgabe von J. G. Böhme. Frankfurt a M. 1785—86 3 Bde.

тивъ нея оппозицію, неудовольствіе выразилось въ другомъ видѣ. Оно обнаруживалось въ непріязненныхъ отношеніяхъ между магистратами и духовными властями почти во всѣхъ Нѣмецкихъ городахъ. Частыя столкновенія между ними были неизбѣжны и споръ, который былъ прежде между Папою и Императоромъ, теперь раздробился на малыя сферы и продолжался въ каждомъ городѣ между свѣтскою и духовною властію, потому что гражданскія власти не могли всегда ладить съ духовными, которыя уже владѣли весьма многими свѣтскими правами или по крайней мѣрѣ объявляли на нихъ притязанія. Я уже выше изложилъ, въ какомъ отношеніи къ Церкви находился ученый міръ, несостоявшій уже исключительно изъ духовныхъ. Нѣмецкое дворянство, обузданное вѣчнымъ земскимъ миромъ, равнымъ образомъ было ожесточено противъ свѣтскихъ и духовныхъ властей.

Левъ X, въ сравненіи съ большею частію своихъ предшественниковъ со времени Пія II, былъ

Vit. Lud. a Seckendorf commentarius de Lutheranismo sive de reformatione religionis. Francof. et Lips. 1692. W. E. Löscher, vollständige Reformationsacta und Documente. Leipz. 1740 3 Bde. 4. Изъ новѣйшихъ сочиненій самое лучшее: Leopold Ranke's Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin. 1839—43. 5 Bde. Безпристрастіемъ отличается K. A. Menzel's Neuere Geschichte der Deutschen von der Reformation bis zur Bundesacte. 1—3 Bd. Breslau, 1826—30. Въ отношеніи къ догматикѣ важное сочиненіе G. J. Plank's Geschichte der Entstehung, der Veränderungen und Bildung des protestantischen Lehrbegriffs. Leipzig 1791—1800. 6 Bände.

папою, достойно управлявшимъ Церковью *). Съ именемъ его соединяется цвѣтущее состояніе искусства въ Италіи, до чего оно было доведено его покровительствомъ и поощреніями. Впрочемъ щедрость его не всегда сообразовалась съ средствами и онъ, при такой любви къ искусствамъ, вскорѣ увидѣлъ необходимость прибѣгнуть къ приношеніямъ Христіанскаго міра. Такимъ образомъ обнародованная въ 1517 году индульгенція должна была доставить нужныя средства для довершенія колоссальнаго зданія въ Римѣ, церкви св. Петра. Доминиканецъ Іоаннъ Тецель, которому было поручено проповѣдывать индульгенцію, подалъ поводъ одному нищенствующему монаху, Августинцу Мартину Лютеру, доктору богословія и профессору при Виттенбергскомъ университетѣ, вступить съ нимъ въ споръ. Лютеръ выступилъ противъ индульгенціи 31-го октября 1517 года и это время справедливо почитается началомъ Реформаціи, потому что въ происшедшемъ по этому случаю ученомъ спорѣ Лютеръ дошелъ до тѣхъ двухъ началъ, изъ которыхъ развилась новая форма Церкви. Эти начала суть слѣдующія: *непреложность одного Св. Писанія и оправданіе только вѣрою.*

*) Левъ X происходилъ изъ фамиліи Медичи. Англичанинъ Roscoe, который описалъ жизнь Лоренца Медичи, посвятилъ одно свое твореніе правленію папы Льва X: William Roscoe's life of Pope Leo X.

Можетъ быть искусства въ Италіи достигли бы цвѣтущаго состоянія и безъ такого покровителя, какъ Левъ X, но при всемъ томъ нельзя отвергнуть, что онъ своимъ споспѣшествованіемъ дѣйствовалъ подобно благодѣтельнымъ лучамъ солнца, которое скорѣе и лучше доводитъ посѣянное до зрѣлости. Высшей точки своего развитія достигла живопись въ Ломбардской школѣ при *Леонардо-да-Винчи*, въ Римской при *Рафаэль*, въ Венеціянской при *Тиціанѣ* и во Флорентинской при *Микель-Анжело*. Леонардо и вся его школа отличается правильнымъ анатомическимъ изображеніемъ; до сихъ поръ часто были нарушаемы законы правильности въ соразмѣрности и размѣщеніи отдѣльныхъ частей, но за то лицамъ старались дать всю силу и все выраженіе души; со времени Леонарда никто не долженъ былъ пренебрегать этими законами. Знаменитѣйшая и извѣстнѣйшая его картина есть Тайная Вечеря, которую онъ написалъ въ послѣднее десятилѣтіе 15-го столѣтія въ трапезѣ монастыря alle Grazie въ Миланѣ. Римская школа отличалась отъ своихъ предшественниковъ своею идеальностію и свойственнымъ ей выраженіемъ безукоризненной чистоты души. Высшей степени совершенства въ этомъ отношеніи достигъ Рафаэль-де'-Санти изъ Урбино; стоитъ видѣть только одно изъ его удивительныхъ твореній, чтобы убѣдиться въ выраженномъ идеализмѣ всѣхъ религіозныхъ представленій. Само собою разумѣется, что и богатая Венеція въ произведеніяхъ искусства не оставалась позади другихъ Итальянскихъ городовъ; но характеръ образовавшейся здѣсь школы есть какой-то натурализмъ, слѣдовательно направленіе, которое клонится болѣе къ выраженію чувственной стороны, нежели нравственной. На самомъ дѣлѣ мы это видимъ у Тиціана, въ которомъ надобно удивляться роскошнымъ формамъ и богатству красокъ. Микель Анжело де'Бонаротти соединилъ въ себѣ всѣ достоинства Флорентинскаго развитія искусства. Этотъ мужъ былъ и отличный архитекторъ, и ваятель, и живописецъ; характеристическая черта его произведеній состоитъ въ стремленіи къ колоссальному при большомъ искусствѣ во всякой механической отдѣлкѣ. При такомъ совершенствѣ искусства, какое мы видимъ въ

этихъ художникахъ, задача покровителя искусствъ состояла не столько въ томъ, чтобы пробудить великіе таланты и руководить ими, но болѣе въ томъ, чтобы занимать ихъ достойнымъ образомъ. Левъ X исполнялъ это со всею щедростію, но только щедрость его превосходила его средства и по этому онъ былъ принужденъ обратиться къ приношеніямъ Христіанскаго міра. Съ этою цѣлію онъ обнародовалъ въ 1517 году индульгенцію для Германіи и, чтобы предотвратить въ этомъ дѣлѣ всѣ препятствія, привлекъ на свою сторону перваго духовнаго курфирста Германіи, Албрехта, Архіепископа Майнцскаго. Албрехтъ далъ ходъ этой индульгенціи и поручилъ проповѣдывать ее между прочими Доминиканцу Іоанну Тецелю. Сей послѣдній своими поступками подалъ поводъ Августинцу Мартину Лютеру вступить съ нимъ въ споръ.

Мартинъ Лютеръ родился 10-го ноября 1483 года въ Ейслебенѣ. Отецъ его былъ рудокопъ. Будучи назначенъ своимъ отцемъ для ученыхъ занятій, онъ посвятилъ себя теологіи. Отличительною чертою его духа было недовольствоваться поверхностію, но проникать въ глубину и все понимать основательно; по этому преподаваемая ему схоластическая система не могла удовлетворить его души, жаждущей истины. Надѣясь въ монастырѣ, можетъ быть, найти удовлетвореніе, въ которомъ ему отказалъ міръ, Лютеръ вступилъ въ орденъ нищенствующихъ монаховъ и сдѣлался Августинцемъ въ Эрфуртскомъ монастырѣ. Но здѣсь также онъ не могъ найти, чего искалъ, и въ безпрестанной борьбѣ съ сомнѣніями, которыя обуревали его душу, онъ былъ близокъ къ погибели. Отъ этого мучительнаго состоянія онъ былъ освобожденъ генералъ-викаріемъ Августинскаго ордена Іоанномъ Штаупитцомъ, который прибылъ въ Эрфуртъ для посѣщенія монастыря. Лютеръ получилъ къ нему довѣріе и открылъ ему свою душу *). Привлеченный

*) Самъ Лютеръ разсказываетъ: Consulebam et confitebar Domino Staupitio, quam horrendas et terrificas cogitationes haberem. Эти мысли были конечно сомнѣнія, которыя въ немъ произвела пустая схоластическая формальность; этимъ объясняется также его ненависть къ схоластикѣ и Аристотелю,

этимъ человѣкомъ, котораго все существо казалось ему чѣмъ-то необыкновеннымъ, Штаупитцъ принялъ въ немъ участіе. Онъ указалъ на Св. Писаніе и перемѣстилъ его, въ 1508 году, въ Виттенбергъ, гдѣ Лютеръ, по его рекомендаціи у курфирста Фридриха Саксонскаго получилъ мѣсто профессора философіи при университетѣ, основанномъ тамъ въ 1502 году. Дѣятельность Лютера въ Виттенбергѣ была истинно спасительнымъ средствомъ для прежняго болѣзненнаго состоянія его души. Занимаясь проповѣдями, лекціями и исполненіемъ ежедневныхъ обязанностей по дѣламъ своего ордена, онъ возвратилъ себѣ силу духа. Въ какомъ уваженіи онъ находился у своего ордена и какъ цѣнилъ его университетъ, видно изъ того, что въ 1510 году онъ, по дѣламъ ордена, былъ отправленъ къ папскому двору и что въ 1512 году богословскій факультетъ сдѣлалъ его докторомъ богословія. Такимъ образомъ Лютеръ былъ въ уваженіи у своего ордена, былъ высоко цѣнимъ университетомъ, былъ извѣстенъ ученому міру въ то время, какъ Тецель съ своею торговлею появился не далеко отъ Виттенберга. Стремленіе народа къ Тецелю побудило Лютера проповѣдывать противъ злоупотребленія и, когда Тецель отозвался на это грубостію и горячностію, то онъ 31-го октября 1517 года прибилъ у придворной церкви въ Виттенбергѣ 95 тезъ или спорныхъ пунктовъ, чтобы диспутомъ точнѣе разъяснить и опредѣлить сущность индульгенцій **). Лютеръ былъ весьма удивленъ, что его тезы противъ одного только злоупотребленія были приняты въ Германіи, какъ возстаніе противъ всѣхъ основаній Цер-

котораго онъ называетъ histrionem: Nihil ita ardet animus, говоритъ онъ, quam histrionem illum, qui tam vere graeca larva ecclesiam lusit, multis revelare, ignominiamque ejus cunctis, ostendere.

**) Чтобы охарактеризовать духъ, въ какомъ были написаны тезы Лютера, достаточно привести 71 и 72 тезу; первая изъ нихъ слѣд.: «Wer wider die Wahrheit des päpstlichen Ablasses redet, der sei verflucht und vermaladeiet;» вторая же напротивъ прибавляетъ: «Wer aber wider des Ablasspredigers muthwillige und freche Worte Sorge trägt oder sich bekümmert, der sei gebenedeiet.»

кви, что они распространились съ невѣроятною быстротою и встрѣчали съ одной стороны громкое одобреніе, а съ другой сильное противорѣчіе. Противорѣчіе Лютера сдѣлалась столь значительнымъ только потому, что Тецель, подъ защитою папскаго авторитета, представлялъ нападеніе на свою торговлю какъ возстаніе противъ достоинства и могущества Папы и что партія, взявшая сторону Лютера, думала точно также. Онъ же, не думая ни о чемъ болѣе, какъ только объ ученомъ разысканіи, вдругъ увидѣлъ съ одной стороны ожесточеніе противъ себя, а съ другой восторженныя привѣтствія, какъ предводителю партіи. Университетъ во Франкфуртѣ на Одерѣ, изъ соперничества къ Виттенбергскому Университету, принялъ сторону Тецеля; особенно за это дѣло взялся профессоръ Конрадъ Вимпина и написалъ противъ всѣхъ тезъ Лютера столько же противныхъ мнѣній, въ которыхъ, опираясь на неограниченность папской власти, онъ утверждалъ, что папская индульгенція достаточна для освобожденія грѣшника отъ всѣхъ наказаній не только въ этой жизни, но и въ будущей. Въ тоже время Доминиканскій Орденъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы погубить Августинскаго монаха и Доминиканецъ Сильвестръ Пріеріасъ, который, какъ magister sacri Palatii въ Римѣ, занимался цензурою книгъ, писалъ противъ лютеровыхъ тезъ. Вреднѣе же всего для Лютера было сочиненіе, изданное противъ него знаменитымъ богословомъ въ Ингольштадтѣ, докторомъ Іоанномъ Экомъ, подъ заглавіемъ «Обелиски» потому что онъ напоминаетъ въ этомъ сочиненіи о Гуссѣ и Гусситахъ. Многіе, принявшіе сторону Лютера, отстали отъ него. Отъ него отдѣлились даже нѣкоторые свободномыслящіе ученые, опасаясь, чтобы волненіе, произведенное этимъ споромъ, не повело къ расколу. Представителемъ ихъ можетъ почитаться отличнѣйшій изъ нихъ, Эрасмъ Роттердамскій *). Онъ съ ревностію занимался классическою

*) Leben des Erasmus von Rotterdam. Eine gekrönte Preisschrift von A. Müller. Hamburg 1828. Сначала Эрасмъ въ отношеніи къ Лютеру былъ нейтраленъ, какъ онъ самъ къ нему пишетъ: Ego me, quoad licet, integrum servo, quo magis prosim literis reflorescentibus. Послѣ же онъ говоритъ: At

литературою и заботился о возрожденіи ея, чтобы ею озарить разумъ и согрѣть чувство. Хотя онъ очень мало уважалъ нѣкоторыя недостаточныя постановленія Римской Церкви, однакоже опасался всякаго шага, который могъ вести къ расколу и по этому не только отдѣлился отъ Лютера, но даже потомъ выступилъ противъ него, какъ противникъ. Лютеръ между тѣмъ, воодушевленный надеждою на Бога, смѣло подвизался противъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Въ это время онъ также нашелъ опору въ придворномъ проповѣдникѣ и секретарѣ Курфирста Саксонскаго, Георгіи Спалатинѣ, который принялъ въ немъ участіе и доставилъ ему расположеніе курфирстскаго двора. Усиленный такимъ образомъ, Лютеръ старался отвѣтить на всѣ написанныя противъ него сочиненія; онъ исполнилъ это съ горячностію и грубостію и безъ пощады обнаруживалъ всѣ слабости своихъ противниковъ. Самое важное, что произошло изъ этого литературнаго спора, состояло въ томъ, что Лютеръ дошелъ до основнаго начала своего ученія и высказалъ его такъ: *Папы и соборы подвержены заблужденію; безошибочны же, какъ уже сказалъ св. Геронимъ, только каноническія книги Св. Писанія.*

Лютеръ, въ началѣ вовсе не думая объ оппозиціи противъ Церкви, въ своихъ изслѣдованіяхъ по случаю спора объ индульгенціяхъ дошелъ до такихъ результатовъ, которые показывали въ немъ явнаго противника существовавшей системы. Подъ защитою Фридриха, курфирста Саксонскаго, онъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ народную довѣренность и, будучи исполненъ въ своихъ сочиненіяхъ убѣдительнаго краснорѣчія, могъ сообщать праздной толпѣ новый духъ, ревность къ религіоз-

mihi stat semper, stabitque sententia, vel membratim discerpi potius, quam fovere discordiam praesertim in negotio fidei.

нымъ дѣламъ и пробудить въ ней такое стремленіе къ новымъ идеямъ, какихъ никогда не видѣли въ исторіи. При столь твердой защитѣ, какую имѣлъ Лютеръ, пользуясь покровительствомъ своего князя и расположеніемъ народа, первыя попытки Римскаго двора погубить его были тщетны. Въ Римѣ тѣмъ болѣе старались утушить это дѣло кроткими мѣрами, что по смерти императора Максимиліана курфирстъ Фридрихъ былъ однимъ изъ правителей Имперіи. Едва только споръ этотъ повидимому затихъ, какъ вдругъ пламя снова было раздуто Лейпцигскимъ диспутомъ, начатымъ въ 1519 году докторомъ Экомъ. На этомъ диспутѣ Лютеръ говорилъ противъ первенства Римской Церкви и отвергалъ положеніе Папы, какъ несогласное съ Библіею и противное духу Христіанства.

Какъ бы ни смотрѣли на намѣреніе Лютера, все же нельзя не согласиться, что этотъ необыкновенный мужъ обладалъ особенною силою сообщать жизнь и духъ массѣ народа. Въ Римѣ сначала весьма мало обращали вниманія на весь происшедшій въ Германіи споръ. Левъ X смотрѣлъ на него, какъ на ссору между Августинцами и Доминиканцами и ближе былъ къ тому, чтобы принять брата Мартина, котораго онъ называлъ un bellissimo ingegno, подъ свое покровительство, нежели осудить его. Но когда мнѣнія Лютера становились смѣлѣе и настроеніе духа въ Германіи со дня на день принимало болѣе сомнительный характеръ, то Папа увидѣлъ себя въ необходимости нарядить судъ и Лютеръ въ августѣ 1518 года получилъ приказъ въ продолженіе 60 дней явиться на судъ. Императоръ

Максимиліанъ взялъ на себя исполненіе всѣхъ мѣръ, которыя нужно будетъ предпринять противъ смѣлаго нововводителя. Онъ думалъ тогда объ избраніи внука своего Карла Испанскаго въ короли Римскіе, и чтобы получить на это согласіе Папы, старался расположить его въ свою пользу. Папѣ между тѣмъ избраніе Карла было такъ непріятно, что онъ всѣми средствами старался воспрепятствовать ему и лучше желалъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Курфирстомъ Саксонскимъ, нежели пользоваться услужливостію Императора. Эти политическія отношенія благопріятствовали Лютеру. Если бы онъ, повинуясь повелѣнію, отправился въ Римъ, то, при непоколебимой твердости въ своихъ мнѣніяхъ, навѣрное не избѣжалъ бы смерти или вѣчнаго заключенія; теперь же, такъ какъ Папа имѣлъ нужду въ Курфирстѣ Саксонскомъ, то Курфирсту стоило только обнаружить желаніе, чтобы изслѣдованіе Лютерова дѣла производилось въ Германіи, и Папа тотчасъ согласился на это. Онъ поручилъ это легату Ѳомѣ-де-Віо, который обыкновенно назывался Каетаномъ, отъ мѣста рожденія своего Гаэты. Лютеръ явился къ кардиналу Каетану въ октябрѣ 1518 года въ Аугсбургѣ, гдѣ Максимиліанъ тогда собралъ послѣдній въ свое царствованіе имперскій сеймъ. Для своей безопасности онъ взялъ императорскую охранную грамоту. Кардиналъ принялъ его весьма ласково, обошелся съ нимъ съ большимъ уваженіемъ, однако же при этомъ тонкомъ обхожденіи ни въ чемъ не успѣлъ; вступивъ съ нимъ въ диспутъ, кардиналъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что онъ такимъ образомъ ничего не сдѣлаетъ. Лютеръ, убѣжденный въ непреложности одного Св. Писанія, требовалъ на все причинъ и доказательствъ изъ Библіи и отвергалъ приводимыя кардиналомъ буллы и опредѣленія соборовъ, говоря, что никто не можетъ дѣлать опредѣленій, противныхъ Св. Писанію. Каетанъ отпустилъ Лютера съ замѣчаніемъ, чтобы онъ явился къ нему не иначе какъ съ отреченіемъ отъ своихъ мнѣній. Послѣ этого Лютеру оставалось только бѣжать. Штаупитцъ доставилъ ему лошадь, а Аугсбургскій ратсгеръ Лангенмантель 20-го октября въ мрачную ночь отворилъ ему маленькую дверь въ городской стѣнѣ. Можно се-

бѣ представить какъ былъ раздраженъ кардиналъ не только тайнымъ бѣгствомъ Лютера, но и его публичною аппеляціею. Онъ тотчасъ же писалъ къ Курфирсту Саксонскому и требовалъ отъ него или выдачи Лютера, или удаленія его изъ Саксонскихъ владѣній. По нѣкоторомъ размышленіи Курфирстъ отказалъ въ этомъ папскому легату и объявилъ, что онъ принимаетъ въ уваженіе просьбу Лютера о безпристрастномъ изслѣдованіи его мнѣній и что онъ никого не можетъ наказать, кто не былъ уличенъ. Послѣ этого публичнаго признанія со стороны Курфирста значеніе Лютера увеличивалось со дня на день, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же году онъ нашелъ себѣ сотрудника, который тѣсно соединился съ нимъ. Мы часто встрѣчаемъ въ исторіи явленіе, что два знаменитые мужа какъ бы дополняютъ другъ друга и, соединяясь, совершаютъ подвиги, которыхъ не могли бы совершить порознь. Въ такомъ отношеніи другъ къ другу находились Лютеръ и Филиппъ Меланхтонъ (*). Меланхтонъ, хотя ему было только 22 года, былъ вызванъ изъ Тюбингена въ Виттенбергъ профессоромъ Греческаго языка. Старшіе его сотрудники не уважали его по причинѣ молодости, но Лютеръ принялъ участіе въ молодомъ сотоварищѣ и склонилъ его въ своемъ дѣлѣ на свою сторону. Хотя Меланхтонъ не былъ духовнымъ и предметъ собственныхъ его занятій былъ далекъ отъ богословія, но при тогдашнемъ методѣ образованія у него богословіе также служило основаніемъ всѣмъ его занятіямъ и при томъ при той важности, какую тогда пріобрѣли богословскіе споры, весьма естественно, что онъ былъ увлеченъ всеобщимъ направленіемъ. Его ученость дополняла то, чего не доставало его другу, а его кроткій характеръ былъ часто благодѣтеленъ для Лютера, обуздывая его огнен-

*) Меланхтонъ собственно назывался Schwarzerde, но по тогдашнему обыкновенію грецизировалъ свое имя; онъ родился 16-го февраля 1497 года въ Бреттенѣ при Брухсалѣ. Его сочиненія (Philippi Melanthonis opera omnia. Witteberg, 1580. IV, fol.) принадлежатъ также къ источникамъ для исторіи Реформаціи. Сравн. Philipp Melanchthon. Sein Leben und Wirken, aus den Quellen dargestellt von Karl Matthes. Altenburg, 1841.

ную и бурную силу. Въ связи этихъ двухъ замѣчательныхъ людей важно также и то, что Меланхтонъ сдѣлалъ гуманистическое образованіе нераздѣльнымъ съ реформаціею и съ этихъ поръ оно шло съ нею рука въ руку. Къ этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ для Лютера присоединилась еще смерть императора Максимиліана. Онъ умеръ 12-го января 1519 года и курфюрстъ Саксонскій, по опредѣленію золотой буллы, принялъ на себя намѣстничество въ тѣхъ земляхъ, которыя пользовались Саксонскимъ правомъ, слѣдовательно во всей сѣверной Германіи. По этому папскій дворъ уважалъ Курфюрста и ради Курфюрста не предпринималъ насильственныхъ мѣръ противъ Лютера; онъ старался дѣйствовать на него кротостію и съ этою цѣлію послалъ въ Саксонію Саксонскаго дворянина Карла фонъ Мильтица, который былъ папскимъ камергеромъ. Мильтицъ прибылъ въ Саксонію подъ предлогомъ доставить Курфюрсту освященную золотую розу, которую папа ежегодно посылалъ одному изъ важнѣйшихъ князей, собственно же ему поручено было окончить Лютерово дѣло во что бы то ни стало. Мильтицъ совѣщался съ Лютеромъ въ Альтенбургѣ и своимъ тонкимъ и умнымъ обращеніемъ довелъ его до того, что онъ обѣщалъ умолкнуть, если только противники его также будутъ молчать. Послѣ этого Мильтицъ отправился въ Лейпцигъ и тамъ съ такою суровостію укорялъ Тецеля, что онъ съ досады заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Казалось, что буря, воздвигнутая продажею индульгенцій, совершенно утихнетъ; но чтобы утишить споръ, который такъ занималъ всеобщее вниманіе, нужно было избѣгать всего, что могло напоминать объ немъ. Потому ничто не могло болѣе повредить возстановленному повидимому миру, какъ вдругъ обнародованный большой диспутъ въ Лейпцигѣ. Поводъ къ этому подалъ докторъ Экъ изъ Ингольштадта, который уже прежде какъ мы видѣли, выступилъ противъ Лютера съ своимъ сочиненіемъ «Обелиски». Будучи знаменитымъ диспутаторомъ онъ хотѣлъ усмирить Виттенбергскихъ ученыхъ и, вызывая на диспутъ профессора Андрея Боденштейна или Карлштадта, онъ собственно имѣлъ въ виду Лютера. Лютеръ дѣйствительно былъ такъ раздраженъ нѣ-

сколькими выставленными противными ему мнѣніями, что тогда только успокоился, когда получилъ охранную грамоту отъ герцога Георга Саксонскаго, которому принадлежалъ Лейпцигъ, чтобы явиться на диспутъ. Удивительно, что ни одинъ изъ обоихъ папскихъ легатовъ, бывшихъ тогда въ Германіи, ни Каетанъ, ни Мильтицъ, не воспрепятствовалъ этому диспуту; только епископъ Мерзебургскій, къ епархіи котораго принадлежалъ Лейпцигъ, при тогдашнемъ броженіи умовъ видѣлъ опасность этого пренія и запретилъ его; но Лейпцигскій магистратъ, преданный Папѣ, не повиновался епископу. Хотя герцогъ Георгъ былъ ревностнѣйшимъ приверженцемъ Римской Церкви, однако онъ допустилъ диспутъ, надѣясь посредствомъ его открыть истину, и самъ неутомимо и со всею внимательностію присутствовалъ на немъ съ начала до конца, не смотря на то, что онъ продолжался 19 дней, съ 27-го іюня до 15-го іюля. Мнѣніе Эка о первенствѣ Римской Церкви встрѣтило въ Лютерѣ противника. Лютеръ отвергалъ это, утверждая, что изрѣченія Спасителя, на которыхъ основывается превосходство апостола Петра и его послѣдователей, должно понимать въ другомъ смыслѣ, нежели какъ думали до сихъ поръ, что Римской Церкви вовсе не принадлежитъ честь быть матерью прочихъ церквей, что божественность учрежденія папской монархіи не основана на Библіи и что совершенно противно духу Христіанства принимать на землѣ другаго главу вселенской церкви, кромѣ самого Христа, тогда какъ Христосъ обѣщалъ пребывать со своею церковію до скончанія вѣка *). Хотя было положено предста-

*) Propositio Lutheri слѣдующее: Romanam ecclesiam aliis ecclesiis fuisse superiorem probatur ex frigidissimis decretis Romanorum Pontificum, contra quae sunt textus divinae scripturae, historiae approbatae mille centumque annorum et decretum concilii Nicaeni omnium sacratissimi. Къ другу же своему Спалатину Лютеръ писалъ тогда: Deus bone, quantae seu tenebrae, seu nequitiae Romanensium! Et quod in Dei judicio mireris per tot secula non modo durasse, sed etiam praevaluisse et inter decretales relata fuisse tam impudentia, tam impura, tam crassa mendacia, inque fidei articulorum, ne quid monstrosissimi monstri desit, locum successisse. Ego sic angor, ut prope non dubitem, Papam esse proprium Antichristum illum, quem vulgata

вить акты диспута на разсмотрѣніе Парижскому и Эрфуртскому университетамъ, однако Лютеръ, раздраженный тѣмъ, что противники его гордились побѣдою, въ августѣ того же года издалъ такъ называемыя «рѣшенія своихъ мнѣній».

Во время самаго Лейпцигскаго диспута также было рѣшено, кому наслѣдовать императорскій престолъ послѣ Максимиліана. Выборъ Курфирстовъ, особенно по вліянію Курфирста Соксонскаго, палъ на внука Максимиліанова, Карла, короля Испанскаго **). При столь сильномъ броженіи умовъ, въ какомъ находилась Нѣмецкая нація, и при участіи, которое принимали въ Лютерѣ дворянство и народъ, дѣло Лютера должно было обратить на себя особенное вниманіе новаго Императора, тѣмъ болѣе, что оно между тѣмъ пріобрѣтало большую важность. Именно Папа, въ іюлѣ 1520 года, отлучилъ Лютера отъ церкви, какъ еретика, а Лютеръ на это проклятіе отвѣчалъ аппеляціею на Папу ко вселенскому собору и публичнымъ *сожженіемъ папской буллы и каноническаго права.*

Вмѣстѣ съ Карломъ Испанскимъ императорской короны домогался также король Французскій Францъ и собраніе курфирстовъ раздѣлилось между обоими;

opinione exspectat mundus. Adeo conveniunt omnia, quae facit, loquitur, statuit.

**) Sepulveda de rebus gestis Caroli V. Colon. 1657. 4. History of the emperor Charles V. by W. Robertson. London 1769. 3 voll. 4.

Папѣ же не хотѣлось, чтобы выборъ палъ на одного изъ этихъ двухъ сильныхъ королей, потому онъ старался побудить курфирстовъ, чтобы они предложили корону одному изъ чреды своей. Курфирсты согласились на это и единодушно избрали своего товарища Фридриха, курфирста Саксонскаго. Но Фридрихъ былъ столь благоразуменъ, что отклонилъ отъ себя этотъ выборъ; собственныя силы казались ему слишкомъ слабыми, чтобы съ честію носить императорскій титулъ. Такъ какъ на юго-востокѣ Имперіи угрожали Турки, то онъ особенно предлагалъ въ императоры короля Карла, который, уже какъ наслѣдникъ Австрійскихъ земель, долженъ былъ съ этой стороны защищать границы Имперіи. Представленіе столь сильнаго курфирста было уважено и Карлъ 28-го іюня 1519 года былъ избранъ въ Римскіе короли. Карлъ, обладая многими землями, казался въ глазахъ другихъ сильнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ; по этому, чтобы не потерпѣть отъ него притѣсненій и сохранить честь Нѣмецкаго народа въ отношеніи къ иноземцамъ и свободу въ отношеніи къ Императору, Курфирсты заставили пословъ Карла подписать отъ имени ихъ государя договоръ, заключавшій въ себѣ 34 пункта; это была первая письменная избирательная капитуляція, встрѣчающаяся въ Нѣмецкой исторіи. Кромѣ обязанности сохранять прежніе государственные законы и учрежденія, оставить сословіямъ ихъ настоящія права и льготы, не вводить въ государство иноземнаго войска, не назначать имперскаго сейма внѣ Нѣмецкой имперіи, положено было также въ придворныя и государственныя должности избирать только придворныхъ Нѣмцевъ, въ бумагахъ и договорáхъ не употреблять другаго языка, кромѣ Нѣмецкаго или Латинскаго, и не вызывать сословій ни на какой судъ внѣ Имперіи. Что касается до церковныхъ отношеній, то Карлъ въ своей избирательной капитуляціи обязался удерживать Римскій Дворъ отъ всего того, что онъ предпринималъ противъ конкордатовъ; съ другой же стороны ему было вмѣнено въ обязанность защищать Римскій престолъ, Папу и Церковь. Объ отдѣленіи отъ Папы въ собраніи курфирстовъ тогда еще никто не думалъ и вовсе нельзя

было ожидать, что самымъ знмѣчательнымъ событіемъ въ царствованіе Карла V будетъ раздѣленіе Церкви. Хотя Испанцы были недовольны тѣмъ, что ихъ молодой король принималъ императорскую корону, но самъ Карлъ безъ всякихъ опасеній съ живѣйшею радостію принялъ извѣстіе о своемъ избраніи и, не смотря на тогдашнія безпокойства въ Испаніи, въ маѣ 1520 года предпринялъ путешествіе въ Германію. Онъ совершилъ это путешествіе моремъ, какъ изъ недовѣрчивости къ королю Французскому, такъ и для того, чтобы мимоѣздомъ побывать въ Англіи и вступить въ личную дружбу съ королемъ Генрихомъ VIII, супругомъ тетки его Екатерины Арагонской. Успѣвъ въ этомъ, онъ высадился въ Нидерландахъ и осенью отправился въ Ахенъ, гдѣ былъ коронованъ 22-го октября 1520 года и тотчасъ же принялъ титулъ Римскаго Императора. Послѣ этого, въ началѣ слѣдующаго года, императоръ Карлъ V назначилъ первый имперскій сеймъ въ Вормсѣ.

При началѣ новаго правленія Германія была сильно взволнована. Въ возстаніи противъ Римской Церкви, которое началъ Лютеръ, приняла участіе большая часть дворянства. Нѣмецкое дворянство было весьма недовольно обуздывавшимъ его земскимъ миромъ и его безпокойный духъ выражался въ большомъ неудовольствіи противъ свѣтскихъ и особенно духовныхъ властей. Въ появленіи Лютера многіе видѣли начало преобразованія существовавшаго порядка вещей и по этому, подобно *Ульриху фонъ-Гуттену* и *Францу фонъ-Сикингену*, и многіе другіе имперскіе рыцари ясно выступили какъ приверженцы и защитники Лютера *). Гуттенъ помогалъ Лютеру искусствомъ и остротою своего пера, а Сикингенъ предлагалъ ему убѣжище въ своихъ замкахъ.

Лютеръ, ободренный такимъ участіемъ, принимаемымъ въ немъ и въ его дѣлѣ, весьма много ожидалъ

*) Des deutschen Ritters Ulrich von Hutten sämmtliche Werke, gesammelt und herausgegeben von Ernst Münch. Berlin, 1821 bis 25, 5 Bde. Franz von Sickingens Thaten, Plane, Freunde und Ausgang, durch E. Münch. Stuttgart und Tübingen, 1827.

также и отъ вновь избраннаго молодаго Императора. Онъ писалъ къ нему 15-го января 1520 года и, хотя не получилъ отвѣта, но, несмотря на то, сочиненіе его, изданное въ іюнѣ того же года, было озаглавлено такъ: «Императору и Христіанскому дворянству Нѣмецкой націи». Въ этомъ сочиненіи Лютеръ весьма краснорѣчиво и смѣло изложилъ главныя черты замышляемой имъ реформаціи. Сначала онъ показываетъ, какъ до сихъ поръ Римскій дворъ отклонялъ отъ себя всѣ попытки къ исправленію его. Приверженцы Римской Церкви, «говоритъ онъ», оградили себя тройною стѣною и до сихъ поръ защищались ею, чтобы никто не могъ сдѣлать у нихъ преобразованія, а чрезъ это все Христіанство ужасно упало. Во первыхъ, когда ихъ тѣснила свѣтская власть, тогда они говорили, что свѣтская власть не имѣетъ надъ ними силы, но что напротивъ духовная власть выше свѣтской. Во вторыхъ, когда ихъ обличили на основаніи Св. Писанія, то они говорили, что никто не можетъ изъяснить Св. Писанія, кромѣ Папы. Въ третьихъ, когда имъ угрожали соборомъ, то они выдумали, что право созывать соборы принадлежитъ только Папѣ». Это сочиненіе произвело рѣшительный разрывъ между Лютеромъ и Римскою Церковью и по этому весьма естественно, что она поднялась со всею силою противъ смѣлаго нововводителя, прямо стремившагося къ ея ниспроверженію. Докторъ Экъ, который одержалъ верхъ на диспутѣ, но, не смотря на то, терялъ уваженіе по мѣрѣ возвышенія Лютера, еще въ началѣ 1520 года отправился въ Римъ съ тѣмъ, чтобы выхлопотать приговоръ для осужденія Лютера. Теперь онъ достигъ своей цѣли, потому что 14-го іюля 1520 года Папа приказалъ написать буллу, въ которой сорокъ одно положеніе, извлеченное изъ сочиненій Лютера, признано еретическимъ; всѣ принимавшіе ихъ подвергались по этой буллѣ проклятію, а виновнику дано 60 дней срока, въ продолженіе котораго онъ долженъ былъ законнымъ образомъ совершенно отказаться отъ всѣхъ своихъ заблужденій; если же онъ не воспользуется даннымъ ему временемъ, то, въ силу этой буллы, будетъ осужденъ какъ еретикъ; всѣмъ властямъ между тѣмъ, подъ страхомъ проклятія, пове-

4364
Ген. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

лѣно было представить его въ Римъ. Папа послалъ эту буллу съ двумя своими придворными чиновниками Каррачіоли и Алеандромъ къ Архіепископу Майнцскому, чтобы тотъ привелъ ее въ исполненіе. Но прежде этихъ легатовъ возвѣстителемъ буллы въ Германіи явился Экъ, что весьма ослабило ея дѣйствіе. Со времени Лейпцигскаго диспута Экъ былъ извѣстенъ какъ личный врагъ Лютера и папскій приговоръ въ его рукахъ казался дѣломъ мести, а это раздражало чувство народной справедливости. По этому онъ вездѣ встрѣчалъ непріятности: въ Лейпцигѣ, гдѣ въ прошедшемъ году онъ праздновалъ большой тріумфъ, теперь онъ принужденъ былъ скрываться; прибитая булла была забросана грязью; въ Эрфуртѣ даже не дали и прибить ее. Въ другихъ мѣстахъ само духовное начальство замедляло ея обнародованіе или препятствовала свѣтская власть. 17-го ноября Лютеръ подалъ на Папу апелляцію ко Вселенскому Собору и зашелъ такъ далеко, что 10-го декабря, при большомъ стеченіи народа, публично сжегъ буллу и каноническое право съ нѣкоторыми сочиненіями своихъ противниковъ и объявлялъ это свѣту съ самымъ смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ *). Послѣ столь рѣшительныхъ шаговъ Лютеръ не могъ и думать о примиреніи съ Папою; дѣло же его, при участіи дворянства и народа, почти сдѣлалось дѣломъ націи и должно было быть предметомъ первыхъ заботъ новаго Императора, Реформатору благопріятствовали относительно Императора два обстоятельства: во первыхъ то, что Карлъ V былъ обязанъ курфирсту Фридриху Саксонскому, который теперь рѣшительно принялъ сторону Лютера **); во вторыхъ то, что импер-

*) Вотъ слова Лютера: «Ich, Martinus Luther, Doctor der heiligen Schrift, Augustiner zu Wittenberg, füge männiglich zu wissen, dass durch mein Wissen, Rath und Zuthat auf Montag nach St. Nicolai im 1520sten Jahre verbrennet sind die Bücher des Papstes zu Rom und etlicher seiner Jünger. Въ письмѣ къ Спалатину Лютеръ говоритъ, что онъ это сдѣлалъ, ut videant incendiarii Papistae, non esse magnarum virium, libros exurere, quos refutare non possunt.

**) Курфирстъ въ 1620 году спрашивалъ Эразма Роттердамскаго, какого онъ мнѣнія объ Лютерѣ; Эрасмъ призналъ его виновнымъ.

скимъ сословіямъ намѣренія Императора казались подозрительными и что они съ самаго начала хотѣли ему показать, что онъ призванъ не для неограниченнаго господства, но только для чести быть главою союза Нѣмецкихъ княжествъ и республикъ. По этому, какое бы ни было мнѣніе Императора касательно нововведенія, оно не имѣло большой важности, но важно было мнѣніе сословій. Большая же часть ихъ благопріятствовала Лютеру и вообще направленіе умовъ было таково, что ужъ никто болѣе не осмѣливался защищать Папу и его дѣла, чтобы не раздражить противъ себя реформаторовъ, опасаясь ихъ насмѣшекъ и ругательствъ черни.

Когда весною 1521 года Карлъ V собралъ свой первый имперскій сеймъ въ Вормсѣ, то, по требованію сословій, на сеймъ былъ приглашенъ и Лютеръ. Опираясь на твердомъ основаніи Св. Писанія, онъ объявилъ здѣсь, что не хочетъ и не можетъ отказаться ни отъ одного пункта, въ несправедливости котораго не будетъ убѣжденъ свидѣтельствами изъ Св. Писанія. Естественно, что онъ былъ осужденъ и съ отлученіемъ отъ Церкви соединился еще приговоръ Имперіи, по которому такъ называемымъ Вормскимъ эдиктомъ онъ былъ приговоренъ къ изгнанію. Не смотря на это, Курфирстъ Саксонскій продолжалъ защищать Лютера: онъ нѣсколько времени тайно держалъ его въ Вартбургѣ близъ Эйзенаха, между тѣмъ какъ Вормскій эдиктъ по отъѣздѣ Императора изъ Германіи потерялъ всю

силу въ рукахъ правящаго вмѣсто него имперскаго регенства.

Папскіе легаты Каррачіоли и Алеандръ вѣроятно истощили всѣ средства, чтобы воспрепятствовать появленію Лютера на сеймѣ; они обнародовали вторую буллу, и проклятіе, которое въ первой буллѣ было объявлено Лютеру и всѣмъ его приверженцамъ и защитникамъ подъ нѣкоторыми условіями и въ снисходительныхъ выраженіяхъ, во второй было обнародовано безъ всякихъ условій и въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ. Впрочемъ, чѣмъ суровѣе были выраженія буллы, тѣмъ яснѣе открывалась слабость папскаго авторитета, когда они не могъ ихъ приводить въ исполненіе, и значеніе Церкви весьма потерпѣло, когда имперскія сословія успѣли настоять на томъ, чтобы Лютеръ явился на сеймъ и былъ выслушанъ. 6-го марта императоръ выдалъ ему охранную граммату; тоже самое сдѣлали и князья, чрезъ земли которыхъ Лютеръ долженъ былъ проѣзжать. Хотя Лютеръ, не смотря на эту охранную граммату, былъ убѣжденъ, что въ Вормсѣ его ожидаетъ участь Гусса, однако онъ съ неустрашимостію отправился туда. Душа его была полна высочайшихъ чувствованій и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе оставлялъ онъ вездѣ, гдѣ только останавливался и проповѣдывалъ, а онъ дѣлалъ это почти во всѣхъ большихъ городахъ, чрезъ которые пролегалъ его путь. Настроеніе націи обнаруживалось при этомъ обстоятельствѣ яснѣйшимъ образомъ: путешествіе Лютера было совершеннымъ торжествомъ, многіе стремились увидѣть и отдать честь человѣку, который отважился возстать противъ Папы. Онъ прибылъ въ Вормсъ 16-го апрѣля. Необозримое множество народа ожидало и сопровождало его; до глубокой ночи комната его была наполнена князьями, графами и рыцарями. На слѣдующій день имперскій наслѣдственный маршалъ Ульрихъ фонъ-Паппенгеймъ самъ лично ввелъ его въ Вормскую ратушу, гдѣ было имперское собраніе. Какъ скоро Лютеръ предсталъ предъ тронъ Императора, ему предложили вопросъ, указывая на его книги, «признаетъ ли онъ

эти книги своими твореніями и отказывается ли онъ отъ ихъ содержанія, или впредь будетъ утверждать то же?» Лютеръ тотчасъ хотѣлъ отвѣчать; но адвокатъ его, докторъ правъ Шурфъ, удержалъ его, убѣдивъ сперва прочитать заглавія книгъ, а для отвѣта на второй вопросъ попросить времени для размышленія. Эта просьба была исполнена, но его упрекнули въ томъ, что онъ зналъ прежде, для чего его призываютъ, и слѣдовательно имѣлъ довольно времени, чтобы подумать объ отвѣтахъ. Спустя два дня, приготовивъ удовлетворительный отвѣтъ, Лютеръ снова явился въ имперское собраніе. Представъ во второй разъ предъ тропомъ онъ такъ началъ рѣчь свою Императору и имперскимъ сословіямъ: «Повинуясь волѣ вашей, я явился въ то время, которое вчера вечеромъ вы мнѣ назначили, и прошу Ваше Величество и Ваши Милости выслушать это, какъ я надѣюсь, справедливое и истинное дѣло; если же я по незнанію, можетъ быть, не приличному кому либо приличествующаго титула или въ чемъ либо въ другомъ поступлю противъ обыкновеній двора, то будьте ко мнѣ снисходительны, потому что я всегда жилъ въ монастыряхъ. О себѣ я могу сказать только то, что во всемъ, написанномъ до сихъ поръ мною въ простотѣ сердца, я ни объ чемъ не думалъ и ничего не искалъ, кромѣ славы Бога, пользы и блаженства Христіанъ. Потомъ онъ раздѣлилъ свои сочиненія на три класса. «Первый классъ заключалъ въ себѣ сочиненія о вѣрѣ, которыя написаны были въ самомъ Христіанскомъ духѣ, такъ что сами противники его не могли отказать этимъ сочиненіямъ въ томъ, что они достойны быть читаны всякимъ Христіаниномъ, слѣдовательноотъ нихъ онъ не могъ отказаться, не оскорбляя Христіанскихъ истинъ. Во второмъ классѣ своихъ сочиненій онъ касался папства. Третій классъ сочиненій наконецъ былъ направленъ противъ отдѣльныхъ лицъ, которыя взялись защищать Папу; хотя онъ охотно допускалъ, что иногда употреблялъ здѣсь слишкомъ суровыя и сильныя выраженія, все же вообще онъ не соглашался отвергнуть содержанія этихъ сочиненій. Когда послѣ того отъ него потребовали короткаго отвѣта: отказывается ли онъ отъ нихъ или нѣтъ, то онъ заклю-

чилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Такъ какъ отъ меня требуютъ короткаго, простаго и вѣрнаго отвѣта, то я даю слѣдующій, который не имѣетъ ни роговъ, ни зубовъ: я вѣрю только свидѣтельствамъ Св. Писанія, или яснымъ причинамъ, такъ какъ я убѣжденъ въ указанныхъ и приведенныхъ мною изрѣченіяхъ и моя совѣсть совершенно занята словомъ Божіимъ, то я не могу и не хочу отказаться ни отъ чего, потому что поступать въ чемъ либо противъ совѣсти опасно и безразсудно. Здѣсь я передъ вами, иначе дѣйствовать не могу, да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь.» Увѣренность, съ которою Лютеръ велъ свое дѣло, должна была произвести глубокое впечатлѣніе на его приверженцевъ и даже могла привлечь къ нему и его противниковъ; но она не могла имѣть того дѣйствія на Императора, который разбиралъ это дѣло холоднымъ разсудкомъ и смотрѣлъ на него съ политической точки зрѣнія. Въ тотъ же день онъ собственноручно написалъ сословіямъ письмо, въ которомъ объявилъ, что хочетъ поступить съ монахомъ, который одинъ возсталъ противъ всеобщей религіи, какъ съ еретикомъ, и требовалъ отъ сословій подтвердить то, что они должны были сдѣлать какъ Христіане. При совѣщаніяхъ касательно этого письма было также предложено лишить Лютера охранной грамматы и, по примѣру Констанцскаго Собора, поступить съ нимъ какъ поступили съ Гуссомъ; но, вспомнивъ, сколько несчастій причинило Германіи сожженіе Гусса, сословія не хотѣли повторенія этого; самъ Императоръ, какъ говорятъ, сказалъ при этомъ случаѣ: если во всемъ свѣтѣ не будетъ вѣрности и вѣры, то онѣ найдутъ себѣ убѣжище у него. Кромѣ того надобно было принять въ соображеніе, что Лютеръ былъ подъ защитою важнѣйшихъ изъ имперскихъ князей, пользовался привязанностію рыцарства и имѣлъ опору въ воодушевленіи народа, что не легко было уничтожить. По этому рѣшили еще разъ вступить съ Лютеромъ въ переговоры, но не было никакихъ средствъ достигнуть согласія и Архіепископъ Трирскій требовалъ, чтобы самъ Лютеръ посовѣтовалъ, чѣмъ бы пособить дѣлу; но онъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ другаго совѣта, кромѣ того, который далъ Гамаліилъ: «если

это дѣло отъ человѣка, то оно скоро разрушится, но если отъ Бога, то вы уничтожить его не можете *)». Послѣ этихъ напрасныхъ стараній Лютеръ былъ выпущенъ изъ Вормса 26-го апрѣля; охранная грамматa должна была защищать его еще 21 день, но во время возвратнаго пути ему запрещено было проповѣдывать. По всему положенію дѣлъ можно было предвидѣть, что Лютеръ не минуетъ изгнанія; Курфюрстъ Саксонскій не осмѣливался прямо противиться этому. Онъ переговорилъ съ Лютеромъ, послѣ чего 4-го мая въ Тюрингенскомъ Лѣсу на Лютера напали замаскированные всадники и отвезли его въ Вартбургъ у Эйзенаха. Здѣсь Лютеръ жилъ нѣсколько времени, скрываясь подъ именемъ и одеждою рыцаря, между тѣмъ распространилась молва, что онъ погибъ отъ рукъ враговъ и исчезъ навсегда.

По отъѣздѣ Лютера Курфюрстъ Саксонскій также оставилъ Вормсъ; его примѣру послѣдовали и многіе другіе князья. Въ самомъ дѣлѣ число оставшихся было такъ мало, что 26-го мая Императоръ могъ всѣхъ ихъ собрать въ своемъ кабинетѣ, чтобы получить отъ нихъ согласіе на эдиктъ, которымъ объявлялось изгнаніе Лютеру и его приверженцамъ, Императоръ думалъ Вормскимъ эдиктомъ окончить все дѣло **). Въ 1521 году онъ оставилъ Германію и вскорѣ былъ занятъ другими важными политическими предпріятіями, которыя рѣшительно не позволяли ему дѣйствовать на дѣла Германскія. Мы позже представимъ эти отношенія въ связи, теперь же будемъ слѣдить за развитіемъ реформаціи. Сила, которая могла быть противопоставлена нововведеніямъ и броженію умовъ, зависѣла отъ того, какъ Карлъ V замѣнитъ свою особу въ

*) Дѣян. Апост. гл. 5, ст. 38 и 39.

**) Многіе въ его свитѣ судили объ этомъ дѣлѣ справедливѣе. Испанецъ Альфонсо Вальдесъ такъ заключаетъ одно письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ своего друга о ходѣ дѣлъ въ Вормсѣ: Habes hujus tragoediae, ut quidam volunt, finem, ut egomet mihi persuadeo, non finem, sed initium. Nam video Germanorum animos graviter in sedem Romanam concitatos.

Германіи на время своего отсутствія. О замѣщеніи Императора на время его отсутствія разсуждали на Вормскомъ сеймѣ, въ слѣдствіе чего было учреждено имперское регенство. Оно было составлено такъ, что въ немъ всѣ сплы, на которыя съ теченіемъ времени раздробилась власть Императора, имѣли своихъ представителей. Самъ Императоръ былъ замѣщенъ имъ самимъ назначеннымъ императорскимъ намѣстникомъ и двумя императорскими совѣтниками; собраніе курфирстовъ было замѣнено однимъ, лично присутствующимъ курфирстомъ и пятью совѣтниками, которыхъ избрали другіе курфирсты; подобнымъ же образомъ были замѣщены прочіе князья и сословія. Своимъ намѣстникомъ въ имперскомъ регентствѣ Карлъ назвалъ брата своего Фердинанда, которому въ апрѣлѣ 1521 года онъ уступилъ наслѣдственныя Габсбургскія земли въ Германіи *). Фердинандъ, будучи воспитанъ въ Испаніи, не зналъ ни Нѣмецкаго языка, ни отношеній Германіи; приставленный же къ нему помощникомъ пфальцъ-графъ Фридрихъ тайно предался реформаціи. Уже устройство имперскаго регентства весьма затрудняло свободное движеніе и энергическое развитіе сплы; кромѣ этого медленность въ дѣлахъ должна была еще болѣе увеличиться, потому что рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ Императоръ удержалъ за собою. Противъ нововведеній въ религіи имперское регенство уже потому было совершенно безсильно, что члены его сами могли быть заражены новымъ ученіемъ и отчасти дѣйствительно и были. Разрывъ, который уже начиналъ раздѣлять Нѣмецкую жизнь, проникъ также и въ высшее правительственное мѣсто и совершенно уничтожилъ всѣ предпринятыя мѣры.

Вормскій одиктъ тѣмъ болѣе оставался безъ исполненія, что наслѣдникъ Папы Льва, Адріанъ VI, самъ допускалъ необходимость реформаціи

*) Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten von F. B. v. Bucholtz. Wien 1831—38. 9 Bde. Раздѣленіе наслѣдственныхъ земель между обоими братьями изложено въ 1 т. стр. 141—191.

Но между тѣмъ какъ Папа чрезъ это вошелъ въ непріятное отношеніе къ кардиналамъ, что его погубило, приверженцы Лютера ввели его ученіе въ практическую жизнь. Браки священниковъ, уничтоженіе приватныхъ обѣдень, введеніе Нѣмецкаго языка на Литургіи и причащенія мирянъ подъ обоими видами, переселеніе монаховъ и монахинь изъ монастырей раздѣлили приверженцевъ старой и новой Церкви. Къ тому же Лютеръ далъ новому направленію твердое основаніе своимъ мастерскимъ Нѣмецкимъ переводомъ Библіи, который онъ началъ во время пребыванія въ Вартбургѣ. Между тѣмъ безпорядки, происходившіе въ Виттенбергѣ при введеніи новаго порядка вещей и особенно увеличенные появленіемъ секты *перекрещенцевъ* или *анабаптистовъ*, заставили Лютера оставить Вартбургъ и снова явиться въ Виттенбергѣ, чтобы самому управлять ходомъ реформаціи.

Левъ X умеръ 1-го декабря 1521 года и мѣсто его занялъ прежній учитель Императора, кардиналъ Адріанъ Утрехтскій. Адріанъ VI былъ человѣкъ строгихъ и простыхъ правовъ и хотѣлъ уничтоженіемъ всѣхъ злоупотребленій и соблазновъ лишить враговъ Церкви всякаго предлога къ возстаніямъ; онъ надѣялся этимъ положить конецъ ненависти Германцевъ къ папству. Такимъ образомъ произошло замѣчательное явленіе, что самъ Папа предпринималъ реформацію. Но это стремленіе Адріана тотчасъ встрѣтило сильное сопротивленіе кардиналовъ и высшихъ

церковныхъ сановниковъ. Они предсказывали Папѣ, что онъ не только не обратитъ Лютеранъ, но еще утвердитъ ихъ мнѣнія и дастъ имъ болѣе вѣсу въ глазахъ народа. Въ самомъ дѣлѣ теперь уже было поздно прекращать начатое движеніе уступками, которыя задумалъ Адріанъ, и въ папскихъ уступкахъ теперь видѣли только утвержденіе Лютерова ученія. Это обнаружилось на имперскомъ сеймѣ, который былъ созванъ въ Нюренбергѣ въ сентябрѣ 1522 года. Здѣсь явился папскій нунцій Керегати и, послѣ обвинительной рѣчи за неисполненіе папской буллы, представивъ всѣ противорѣчія новаго ученія и всѣ несчастія, которыя надобно было ожидать отъ него, онъ объявилъ, что самъ Папа рѣшился предпринять реформацію. Онъ не только обѣщалъ строгое исполненіе конкордатовъ, но и устраненіе злоупотребленій. Отвѣтъ имперскаго сейма на столь неожиданныя и удивительныя предложенія показалъ съ одной стороны, какъ вѣрны были предсказанія кардиналовъ, а съ другой, что достоинство папскаго престола совершенно пало въ Германіи. Имперскій сеймъ объявилъ, что повелѣнія Папы и Императора противъ Лютера потому не были исполнены, что уже съ давняго времени были жалобы на Папу, а Лютеръ въ своихъ сочиненіяхъ только привелъ это въ большую ясность, и что, если-бы теперь вздумали исполнить повелѣнія, то надобно-бы было опасаться возстанія народа, который увидѣлъ-бы въ этомъ попираніе истины; что-же касается до обѣщаній Папы, то имперскій сеймъ благодаритъ его за это и желаетъ ему счастливаго успѣха, и что онъ ещепредставитъ Папѣ свои жалобы, которымъ онъ удовлетворилъ-бы при своей реформѣ. Эти жалобы или gravamina состояли изъ ста членовъ и заключали въ себѣ столь сильныя ограниченія папскаго престола, что нунцій уѣхалъ до окончанія сейма, чтобы не быть принуждену принять ихъ. Кардиналы чрезвычайно были недовольны такимъ окончаніемъ Нюренбергскаго сейма и на Папу посыпались отъ нихъ столь сильные упреки за его неполитическій поступокъ, что Адріанъ, съ одной стороны мучимый упреками окружающихъ, а съ другой безполезными усиліями противъ нововводителей, изнемогъ. Онъ умеръ 14-го

сентября 1523 года и ему наслѣдовалъ кардиналъ Медичи, подъ именемъ Климента VII. При столь благопріятныхъ обстоятельствахъ реформація перешла изъ области понятій въ самую жизнь и начала обращаться въ дѣйствительную перемѣну существовавшаго досель церковнаго порядка и богослуженія. Варооломей Бернгарди, священникъ города Кемберга, отважился преступить запрещеніе брака священникамъ и въ 1521 году женился. Этотъ примѣръ, оставленный безъ наказанія, нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, которымъ однокая жизнь была въ тягость. Даже монахи, постоянные защитники Папскаго Престола, не остались вѣрными своимъ обѣтамъ. Въ слѣдствіе этого были отворены монастырскія ворота, монахи и монахини оставляли свои обители и дѣлались приверженцами реформаціи. Въ это время приступили и къ перемѣнамъ въ богослуженіи, изъ которыхъ важнѣйшія состояли въ томъ, что стали служить обѣдни на Нѣмецкомъ языкѣ и только при совершеніи таинствъ; что приватныя обѣдни были совершенно отмѣнены и что міряне стали участвовать въ причащеніи крови Христовой. Проповѣдь сдѣлана была главною частію богослуженія и это тѣмъ болѣе важно, что начатыя перемѣны въ религіозной жизни получили твердое основаніе въ Лютеровомъ переводѣ Библіи. Новый Завѣтъ явился въ первый разъ въ Виттенбергѣ въ 1522 году, а Ветхій Завѣтъ выходилъ мало по малу отдѣльными частями и былъ совершенно окончѣнъ въ 1534 году. Переводъ Лютера, не говоря уже о его религіозной и политической важности, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ твореніямъ Нѣмецкой литературы. До сихъ поръ церковный, т. е. Латинскій языкъ былъ и всеобщимъ письменнымъ языкомъ; если-же кто и писалъ на національномъ языкѣ, то употреблялъ нарѣчіе своей провинціи; но такъ какъ Лютеровъ переводъ Библіи былъ народною и учебною книгою въ большей части Германіи и необыкновенно удачно образовалъ всѣ формы языка, то верхне-Нѣмецкое нарѣчіе, на которомъ онъ былъ написанъ, пріобрѣло рѣшительный перевѣсъ надъ другими. Этотъ переводъ во все послѣдующее время оставался источникомъ Нѣмецкаго языка; онъ служилъ къ со-

храненію силы его и въ то несчастное время, когда въ немъ господствовалъ жалкій канцелярскій слогъ и когда на немъ нельзя было написать ни одного предложенія безъ примѣси Французскихъ и Латинскихъ фразъ.

Весьма естественно, что броженіе умовъ, произведенное въ народѣ реформаціею, перешло и за предѣлы религіи, и обратилось противъ политическихъ учрежденій. Народъ, невѣрно понимая приложеніе Лютерова ученія о Христіанской свободѣ и о свободномъ употребленіи Св. Писанія, началъ возставать противъ всего, что по его понятію, противорѣчило Евангелію, и, требуя перемѣны этого, думалъ, какъ онъ самъ выражался, споспѣшествовать утвержденію божескихъ правъ. Уже съ давняго времени крестьяне и обитатели маленькихъ городовъ южной Германіи были недовольны своимъ состояніемъ. Работы въ пользу господъ, налоги, которыми обременялись, и которые настоятельно были собираемы, наконецъ примѣръ сосѣдей Швейцарцевъ, свободныхъ отъ всѣхъ подобныхъ ограниченій, это уже давно питало въ крестьянахъ тайное негодованіе и еще до реформаціи въ различныхъ мѣстахъ производило возмущенія крестьянъ. Стоило только реформаціи раздуть это пламя неудовольствія, и, оно разлилось по всей Германіи. Такимъ образомъ въ 1525 году, въ одно и тоже время, въ слѣдствіе одинакихъ причинъ и съ одинѣми цѣля-

ми, въ различныхъ частяхъ Германіи вспыхнула *большая крестьянская война* *).

Крестьянская война имѣла весьма замѣчательныя слѣдствія для реформаціи и самымъ существеннымъ образомъ перемѣнила, какъ положеніе Лютера, такъ и ходъ реформаціи. Всѣ мятежныя мысли и планы бѣдныхъ противъ богатыхъ, рыцарей противъ князей, которые до сихъ поръ соединялись съ реформаціею, теперь отдѣлились отъ нея и заключились въ тесномъ кругу перекрещенцевъ. Демократическій элементъ, столь сильно дѣйствовавшій въ первые годы реформаціи, исчезъ и Лютеръ вступилъ въ совершенно другое положеніе, нежели за 4 года предъ симъ, когда онъ въ тріумфѣ проѣзжалъ въ Вормсъ. Всѣ непосредственныя связи между нимъ и низшими классами народа были прекращены; имперскіе рыцари, которыхъ за пять лѣтъ предъ симъ онъ имѣлъ въ виду въ своемъ сочиненіи «Христіанскому дворянству Нѣмецкаго народа,» совершенно исчезли отъ его взоровъ. Гетцъ фонъ-Берлихингенъ находился подъ арестомъ, Францъ фонъ-Сикингенъ въ войнѣ съ Рейнскими князьями былъ смертельно раненъ и умеръ. Многіе самые рев-

*) Sartorius, Versuch einer Geschichte des deutschen Bauernkrieges. Berlin, 1795. — Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in den schwäbisch-fränkischen Gränzlanden. Aus handschriftlichen, meist archivalischen Quellen geschöpft und herausgegeben von Ferd. Friedr. Oechsle. Heilbronn, 1830.

ностнѣйшіе изъ его друзей между имперскими рыцарями были лишены своихъ замковъ, наконецъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ въ 1523 году кончилъ жизнь свою на островѣ Уффнау на Цюрихскомъ Озерѣ скитающимся изгнанникомъ. Изъ любимца народа Лютеръ сдѣлался теперь любимцемъ князей и аристократическихъ правленій городовъ; вездѣ, гдѣ только преобразовалась церковь по его ученію, высшая церковная сила переходила въ руки свѣтской власти и реформація не мало содѣйствовала совершенному образованію территоріальныхъ княжескихъ владѣній.

Между тѣмъ какъ реформація распространилась *секуляризаціею Пруссіи*, которую Гохмейстеръ Нѣмецкаго Ордена обратилъ въ свѣтское герцогство, и правильнымъ введеніемъ Лютеранскаго ученія въ Саксоніи и Гессенѣ, въ нѣдрахъ ея произошло несогласіе касательно ученія о Св. Таинахъ, которое раздѣлило новую церковь на двѣ, именно въ то время, когда единство казалось главнымъ условіемъ ея существованія. Ученіе *Ульриха Цвингли*, принятое въ Швейцаріи и южной Германіи, было отвержено Лютеромъ и приверженною къ нему сѣверною Германіею. Не смотря на это несогласіе, приверженцы новаго ученія не теряли духа и рѣшились, въ 1529 году, на Шпейерскомъ сеймѣ протестовать противъ рѣшенія большинства

голосовъ, въ слѣдствіе чего и получили названіе *протестантовъ*.

Со времени уничтоженія демократическаго элемента при дальнѣйшемъ развитіи реформаціи мы должны обратить особенное вниманіе на князей и города. Церкви угрожала большая опасность, потому что духовные князья могли соблазниться и, соглашась съ ученіемъ Лютера, отказаться отъ своихъ обѣтовъ. И дѣйствительно одинъ духовный князь подалъ примѣръ воспользоваться реформаціею для свѣтскихъ выгодъ. Именно *Альбрехтъ*, маркграфъ *Бранденбургскій*, въ 1511 году былъ избранъ гохмейстеромъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Чтобы понять тогдашнія отношенія этого духовнаго рыцарскаго государства, мы должны обратиться къ тому времени, когда Польша, соединясь съ Литвою подъ правленіемъ перваго короля изъ дома Ягеллоновъ, снова пріобрѣла значительный перевѣсъ надъ Орденомъ. Орденъ вскорѣ почувствовалъ это. Литва до сихъ поръ вела съ Орденомъ постоянныя войны, и за обладаніе Самогитіею находилась съ нимъ въ тѣхъ же непріязненныхъ отношеніяхъ, какъ и Польша за Помереллію. Слѣдовательно поводовъ къ войнѣ было достаточно. 15-го іюля 1410 года соединенная Польско-Литовская армія нанесла Ордену при Таннебергѣ столь сильное пораженіе, что Орденъ долженъ бы былъ совершенно погибнуть, если бы его не спасло мужество и твердость, съ которыми онъ защищалъ Маріенбургъ. По Торнскому миру, заключенному въ 1411 году, Орденъ отказался отъ Самогитіи. Пораженіе при Таннебергѣ для Ордена не ограничилось одною потерею этой провинціи, но имѣло для него еще худшія слѣдствія. Орденъ потерялъ довѣріе къ своимъ внутреннимъ силамъ, упалъ въ уваженіи своихъ подданныхъ, и, между тѣмъ какъ онъ самъ былъ стѣсненъ перевѣсомъ Польши, подданные его чувствовали себя облегченными, будучи увѣрены найти себѣ въ Польшѣ всегдашнюю защиту. Старшій сынъ и наслѣдникъ Ягелла, Владиславъ III, былъ отвлеченъ отъ Пруссіи тѣмъ, что долженъ былъ бороться съ Турками на противоположной границѣ

своего царства и въ этой борьбѣ, какъ мы уже видѣли, 10-го ноября 1444 года подъ Варною лишился жизни. Но въ его правленіе Пруссіи уже былъ нанесенъ тотъ ударъ, который при братѣ и наслѣдникѣ его Казимірѣ II привелъ ее въ зависимость отъ Польши. Неудовольствіе за притѣсненія и жестокость орденскаго правленія довели до того, что въ 1440 году земское дворянство и Прусскіе города заключили общій союзъ; такъ какъ обѣ стороны не могли примириться, то въ 1454 году союзъ отказалъ въ повиновеніи Ордену и отдался подъ власть и защиту Польши. Тринадцатилѣтняя война, сопровождаемая большимъ кровопролитіемъ и ужасными опустошеніями; рѣшила судьбу Пруссіи. По Торнскому миру, заключенному 19-го октября 1466 года, вся западная Пруссія была соединена съ Польшею, восточная хотя и была оставлена во владѣніи Ордена, но какъ Польскій ленъ. Въ слѣдствіе такого отношенія Гохмейстеръ Нѣмецкаго Ордена сдѣлался Польскимъ княземъ и государственнымъ совѣтникомъ. Съ этого времени Орденъ всегда старался освободиться отъ этой зависимости, но всегда безуспѣшно. При избраніи Альбрехта онъ также надѣялся, что этотъ князь, довольно сильный своими родственными связями, поможетъ ему достигнуть давно желаемой цѣли. И дѣйствительно Албрехтъ отказалъ Сигизмунду, королю Польскому, въ требуемой присягѣ и ленныхъ обязательствахъ, но въ происшедшей по этому случаю войнѣ онъ не былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ и долженъ былъ радоваться, что король Польскій въ 1521 году согласился на четырехлѣтнее перемиріе. Во время этого перемирія Албрехтъ ѣздилъ въ Германію искать помощи у имперскихъ сословій. Этой цѣли онъ не достигъ, но за то онъ присталъ къ Лютеровой реформаціи. Побѣжденный Нюрнбергскимъ священникомъ Андреемъ Озіандромъ, онъ на возвратномъ пути совѣтовался съ самимъ Лютеромъ. Лютеръ совѣтовалъ ему оставить Орденъ, жениться и обратить Пруссію въ наслѣдственное княжество. Албрехтъ послѣдовалъ этому совѣту тѣмъ охотнѣе, что и высшее Прусское духовенство желало такой перемѣны. Посему вмѣсто того, чтобы по окончаніи перемирія снова начать войну, обѣ сто-

ны возобновили переговоры и 8-го апрѣля 1525 года былъ заключенъ такъ называемый Краковскій вѣчный миръ съ Польшею. По условіямъ этого мира та часть Пруссіи, которая до сихъ поръ была ленпымъ владѣніемъ Ордена, была отдана Албрехту какъ свѣтское герцогство, которое должно переходить къ его потомкамъ, если же ихъ не будетъ, то къ родственникамъ по боковой линіи. Прусскія земскія сословія съ удовольствіемъ согласились на этотъ миръ, потому что теперь, къ величайшей ихъ радости, окапчивалось колеблющееся орденское правленіе, находившееся въ безпрерывныхъ войнахъ съ Польшею. Епископы передали свѣтское управленіе своими епископствами новому владѣтелю и признали при этомъ правило Лютера, чтобы епископамъ ввѣрялась только должность проповѣдника, а не свѣтская власть. Они способствовали введенію новаго церковнаго порядка и Восточная Пруссія была первою страною, гдѣ реформація съ самаго начала получила прочное устройство. Самъ новый герцогъ Прусскій еще яснѣе доказалъ свое отпаденіе отъ Ордена и отъ Римской Церкви тѣмъ, что въ слѣдующемъ году сочетался бракомъ съ Датскою принцессой Доротеею. Изъ орденскихъ чиновниковъ и рыцарей, находившихся въ Пруссіи, этому поступку воспротивился только одинъ комтуръ Мемельскій Эрикъ Брауншвейгскій; когда же онъ увидѣлъ, что не можетъ составить партію, то, получивъ пенсію, согласился оставить Пруссію. Но весьма горячо вступились за это орденскіе рыцари въ Германіи и вся католическая партія. Со стороны Папы герцогъ Прусскій былъ отлученъ отъ Церкви, а со стороны Императора объявленъ имперскимъ изгнанникомъ. Орденскіе рыцари въ Германіи избрали новаго гохмейстера и администратора Пруссіи, но они ограничились только объявленіемъ этого, потому что не было сдѣлано ни одного шага, для приведенія этого въ исполненіе. Такимъ образомъ Албрехтъ спокойно наслаждался плодами своего отпаденія; между тѣмъ Нѣмецкій Орденъ долженъ былъ ограничиться своими владѣніями въ Германіи; и гохмейстеръ съ этихъ поръ утвердилъ свою резиденцію въ Мергентгеймѣ, въ центрѣ уменьшенныхъ орденскихъ земель.

Къ подражанію поступка Гохмейстера Лютеръ побуждалъ также и племянника его, кардинала Альбрехта Бранденбургскаго, который въ то же время былъ архіепископомъ Майнцкимъ и Магдебургскимъ. При первыхъ успѣхахъ крестьянскаго возстанія и при опасеніи, что въ скоромъ времени духовныя княжества въ Германіи уничтожатся, дѣйствительно казалось, что кардиналъ думалъ объ этомъ или по крайней мѣрѣ хотѣлъ обратить въ свѣтское княжество Магдебургское архіепископство, въ которомъ уже и безъ того реформація глубоко укоренилась. Но скорое окончаніе крестьянской войны перемѣнило образъ мыслей кардинала и вмѣсто того, чтобы принять реформацію, онъ съ этого времени на всю жизнь остался противникомъ ея, хотя при слабости своего характера и не былъ слишкомъ опасенъ.

Убѣдивъ одного духовнаго князя жениться и стараясь побудить къ тому и другаго, Лютеръ женился самъ: 13-го іюня 1525 года онъ вступилъ въ бракъ съ Екатериною фонъ Бора, прежде бывшею монахинею въ уничтожившемся Цистерціанскомъ монастырѣ Нимпченъ. Многіе даже изъ его друзей порицали этотъ поступокъ; но Лютеръ дѣйствовалъ по своему положенію, довершивъ этимъ рѣшительнымъ шагомъ свое отпаденіе отъ католическаго духовенства. Между тѣмъ, какъ никто изъ духовныхъ князей кромѣ Гохмейстера не осмѣливался воспользоваться реформаціею, свѣтскіе князья дѣйствовали тѣмъ рѣшительнѣе. 5-го мая 1525 года умеръ Фридрихъ, курфюрстъ Саксонскій. Его братъ и преемникъ Іоаннъ объявилъ себя противъ старой церкви гораздо открытѣе и рѣшительнѣе, нежели Фридрихъ. Онъ тотчасъ секвестровалъ всѣ монастыри и духовныя имѣнія и тѣмъ уничтожилъ основаніе, на которомъ до сихъ поръ утверждались церковь и училища. Естественно, что такимъ образомъ въ Саксонской церкви водворилась анархія; никто не зналъ какихъ ему держаться обрядовъ или какого ученія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все осталось въ прежнемъ видѣ и единственная перемѣна состояла въ томъ, что духовные вступали въ бракъ; въ иныхъ была отмѣнена обѣдня, причащеніе-же совершалось по старымъ обрядамъ, въ другихъ-же на оборотъ бы-

ла удержана обѣдня, а причащались подъ обоими видами. Вреднѣе всего дѣйствовалъ недостатокъ доходовъ, потому что никто не думалъ о содержаніи церквей и училищъ на счетъ приходовъ. Какъ глубоко чувствовалъ это Лютеръ, то показываютъ его жалобы во всѣхъ тогда написанныхъ имъ сочиненіяхъ; впрочемъ онъ не ограничился однѣми жалобами, но принялся за самое дѣло.

Реформація, которая въ Саксоніи, мѣстѣ своего рожденія, должна была испытать состояніе безначалія, въ другихъ мѣстахъ была произведена съ меньшими потрясеніями. Такъ произошло въ Гессенѣ*). Ландграфъ Гессенскій Филиппъ Великодушный въ 1525 году со всею пылкостію своего юношескаго духа объявилъ себя приверженцемъ новаго ученія и клялся, что онъ скорѣе откажется отъ земли и подданныхъ, нежели уклонится отъ слова Божія. Предвидя между тѣмъ, въ какое трудное положеніе приведетъ его присоединеніе къ реформаціи, онъ старался оградить себя на будущее время политическими союзами. Послѣ диспута, происходившаго въ 1526 году въ Гомбергѣ, на которомъ Францъ Ламбертъ Авиньонскій защищалъ новое ученіе и весьма легко одолѣлъ своихъ противниковъ, реформація была введена въ Гессенѣ безъ шума и безъ большаго сопротивленія. Конфискованныя церковныя имѣнія были раздѣлены на три части: одну изъ нихъ Ландграфъ обратилъ въ пользу основаннаго имъ Марбургскаго университета, другую употребилъ на школы и госпитали, третью же оставилъ на случай, если угрозы извнѣ заставятъ его защищать нововведеніе оружіемъ. Предвидя эту опасность, Ландграфъ ревностно старался о томъ, чтобы для защиты составить союзъ между всѣми князьями и городами, принимавшими новое ученіе. Хотя Лютеръ былъ противъ этого и хотѣлъ продолжать распространеніе своего ученія, такъ какъ это было до сихъ поръ, безъ обнаженія ме-

*) Philipp der Grossmüthige, Landgraf von Hessen. Ein Beitrag zur genauern Kunde der Reformation und des sechszehnten Jahrhunderts. Aus den Urkunden und andern Quellen bearbeitet von Dr. Christoph von Rommel. Giessen, 1830. 3 Bde.

ча, смѣло полагаясь только на помощь Божію, однако все болѣе и болѣе приближалось время, когда приверженцы новаго ученія должны были тѣсно соединиться другъ съ другомъ. Но въ то самое время, когда единство казалось необходимѣе всего, въ новой церкви произошелъ разрывъ: она раздѣлилась на двѣ партіи или секты. Тотъ самый духъ, который породилъ иконоборство обратился также противъ таинствъ религіи и старался все чудесное и непостижимое привести въ такой видъ, чтобы сдѣлать его доступнымъ и понятнымъ разуму. Лютеръ съ большимъ огорченіемъ увидѣлъ, что ученіе Карлштадта въ Швейцаріи и южной Германіи нашло себѣ многихъ приверженцевъ и что такимъ образомъ образовалась партія такъ называемыхъ сакраментистовъ.

По случаю долгаго отсутствія главы Имперіи, Вормскій эдиктъ утратилъ всю силу: ни имперское регентство, ни имперскій сеймъ не предпринимали ни одного рѣшительнаго дѣйствія, чтобы удержать распространеніе реформаціи, и даже самъ имперскій сеймъ, собранный въ 1524 году, на представленіе Климента VII, преемника Адріана, чрезъ кардинала Кампеджіо, отвѣчалъ Лютеровымъ требованіемъ; именно: онъ требовалъ созванія всеобщаго собора въ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ Нѣмецкой имперіи. Уже нѣсколько лѣтъ соборъ былъ предметомъ общаго желанія; въ немъ видѣли самое вѣрное средство къ устраненію всѣхъ недостатковъ Церкви; Папа же не соглашался на это и выискивалъ другія средства, именно онъ поручилъ кардиналу Кампеджіо позаботиться о заключеніи союза для поддержанія Церкви, и таковой союзъ дѣйствительно состоялся въ Регенсбургѣ 6-го іюля 1524 года. Для этой цѣли оба герцога Баварскіе Людовикъ и Вильгельмъ соединились съ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ Австрійскимъ; къ нимъ присоединилось еще 12 епископовъ. Вслѣдствіе этого соединенія католическихъ князей и евангелическіе князья соединились между собою. 4-го мая 1526 года курфирстъ Іоаннъ Саксонскій и Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, заключили союзъ въ Торгау для защищенія новаго ученія; въ скоромъ времени къ Торгаускому союзу приступили Филиппъ, герцогъ

Брауншвейгъ-Грубенгагенскій, Оттонъ, Эрнстъ и Францъ, герцоги Брауншвейгъ-Люнебургскіе, Генрихъ, герцогъ Мекленбургскій, Вольфгангъ, князь Ангальтскій, оба графа Мансфельда, городъ Магдебургъ, а нѣсколько позже и Альбрехтъ, герцогъ Прусскій. Дѣйствія союза обнаружились на имперскомъ сеймѣ, который былъ созванъ въ этомъ-же году въ Шпейерѣ, потому что рѣшеніемъ этого сейма исполненіе Вормскаго эдикта было нѣкоторымъ образомъ отсрочено и каждому предоставлено вести себя въ отношеніи всего запрещеннаго этимъ эдиктомъ такъ, чтобы онъ могъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ Богомъ и Императоромъ. Причиною такой уступчивости было отчасти стѣсненное положеніе эрцъ-герцога Фердинанда, въ которое онъ тогда, какъ мы ниже изложимъ, былъ приведенъ Турками, и дѣйствительно страшная сила тогдашняго Турецкаго могущества не мало содѣйствовала реформаціи. Но такъ какъ эта уступчивость была не добровольная, но вынужденная, то непріязнь все болѣе возрастала и обнаруживалась въ нѣкоторыхъ жестокихъ наказаніяхъ приверженцевъ Лютера. Такъ 8-го февраля 1527 года въ Мюнхенѣ былъ сожженъ священникъ Георгъ Вагнеръ; 18-го августа того-же года той же самой участи подвергся въ Баваріи Леонардъ Кайзеръ, перешедшій въ Лютеранское вѣроисповѣданіе. Подобные случаи подавали поводъ ко многимъ выдумкамъ и порождали величайшую недовѣрчивость во всѣхъ принимавшихъ ученіе, за которое нѣкоторые были осуждены на сожженіе и дѣйствительно сожжены. При такой всеобщей недовѣрчивости Ландграфъ Гессенскій получилъ отъ Оттона фонъ-Пакка, одного изъ чиновниковъ Георга Саксонскаго, извѣстіе о томъ, что многіе католическіе князья, по побужденію эрцъ-герцога Фердинанда, заключили въ Бреславлѣ союзъ съ тою цѣлію, чтобы разомъ съ нѣсколькихъ сторонъ напасть на покровителей и приверженцевъ Лютера и истребить ихъ. Хотя это извѣстіе было ложно, однако Ландграфъ повѣрилъ ему и дѣло дошло-бы до дѣйствительной войны, если-бы Лютеръ и Меланхтонъ всѣми силами не воспротивились необдуманнымъ мѣрамъ. Богосло-

вы успѣли удержать этотъ порывъ до тѣхъ поръ, пока не открылся обманъ или опрометчивость доносчика. Паккъ долженъ былъ тяжко раскаяться въ своемъ поступкѣ. Герцогъ Георгъ преслѣдовалъ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ поймалъ его въ Нидерландахъ и арестовалъ. Пытками вынудили у несчастнаго признаніе въ обманѣ и обезглавили его. Не смотря на то, что все оказалось ложнымъ, Ландграфъ принудилъ Франконскихъ епископовъ заплатить ему за сдѣланныя приготовленія къ войнѣ. Этимъ онъ еще болѣе ожесточилъ своихъ противниковъ и Императоръ какъ ему, такъ и Курфирсту Саксонскому, сдѣлалъ жестокій выговоръ. Когда Императоръ объявилъ о скоромъ возвращеніи своемъ въ имперію, то католики ободрились и на имперскомъ сеймѣ, созванномъ въ 1529 году имперскимъ регентствомъ въ Шпейерѣ, большинство голосовъ было на сторонѣ католиковъ. Предложеніе, сдѣланное имперскому сейму и принятое большинствомъ голосовъ, состояло въ томъ, чтобы еще разъ просить Императора, созвать всеобщій соборъ для уничтоженія религіознаго раскола, и чтобы до собора тѣ, которые держались Вормскаго эдикта, оставались при немъ и удерживали въ томъ своихъ подданныхъ; Лютеране-же могли-бы до того времени держаться новаго ученія, но не должны были предпринимать никакихъ нововведеній. Всѣ, принявшіе реформацію, протестовали противъ этого, отчего и получили названіе *протестантовъ*. Они протестовали противъ опредѣленія, ограничивавшаго дальнѣйшее распространеніе Евангелія, и положили, что въ дѣлахъ вѣры не можетъ рѣшать большинство голосовъ. Карлъ V весьма неблагосклонно принялъ этотъ протестъ, представленный депутатами, присланными къ нему отъ протестующихъ сословій; онъ приказывалъ протестующимъ отказаться отъ протеста, когда-же посланные, не смотря на приказаніе заставили нотаріуса засвидѣтельствовать, что имъ представленъ протестъ, то Императоръ велѣлъ ихъ арестовать, потерялъ свойственную ему твердость и спокойствіе духа и въ гнѣвѣ называлъ ихъ мятежниками и возмутителями спокойствія. Теперь все зависѣло отъ поя-

вленія въ имперіи самого Карла, и какъ во время перваго пребыванія Императора въ Вормсѣ было рѣшено дѣло самого Лютера, такъ теперь на предположенномъ сеймѣ въ Аугсбургѣ должно было рѣшиться дѣло его приверженцевъ.

Императоръ, со времени удаленія изъ Германіи, былъ вовлеченъ въ столь разнообразныя и важныя обстоятельства и занятія, что не могъ и думать о сильномъ противодѣйствіи распространенію реформаціи. Въ Испаніи онъ долженъ былъ бороться съ недовольными городами, которые произвели рѣшительное возстаніе, а съ Франциомъ I Французскимъ онъ вступилъ въ продолжительную войну, которая была ведена съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ то время когда Карлъ, подавивъ возстаніе въ Испаніи, утвердилъ и увеличилъ власть свою на Пиренейскомъ полуостровѣ и, счастливо окончивъ Французскую войну, въ которой король Францъ и его союзникъ, папа Климентъ VII, попались ему въ плѣнъ, совершенно покорилъ своему вліянію Италію, въ то время братъ его Фердинандъ, получившій въ наслѣдство Богемію и Венгрію, былъ несчастливъ въ борьбѣ съ Османскими Турками. Вторженіе Турковъ до Вѣны показало необходимость направить всѣ силы противъ этого родового врага Христіанъ и Императоръ, по возвращеніи своемъ въ имперію, долженъ былъ стараться о томъ, чтобы, прекративъ религіозные раздоры,

обратить силы имперскихъ сословій противъ Турковъ.

Испанцы, недовольные тѣмъ, что Карлъ въ началѣ своего правленія оказывалъ особенное покровительство Нидерландцамъ, въ 1520 году, по отъѣздѣ его для коронованія императорскою короною, произвели рѣшительное возстаніе *). Города, не хотѣвшіе долѣе сносить причиняемыхъ имъ притѣсненій, 29-го іюля 1520 года въ Авилѣ составили юнту и отказали правительству въ повиновеніи. Къ городамъ присоединилась еще часть дворянъ, между которыми особенно замѣчателенъ Жуанъ Падилья, который по побужденію своей смѣлой жены Маріи Пачеко явился главою недовольныхъ. Это возстаніе сдѣлалось дѣйствительно весьма опаснымъ, когда Падилья 2-го сентября захватилъ въ свои руки помѣшанную мать Карла, королеву Іоанну; онъ заставилъ ее объявить себя главнокомандующимъ силами государства и созвать кортесовъ въ Тордесильясъ. Но чѣмъ далѣе заходили въ своихъ требованіяхъ возмутители, ослѣпленные счастіемъ, тѣмъ скорѣе отдѣлялись отъ нихъ всѣ тѣ, которые желали только ограничить королевскую власть, а не уничтожить ее, и приверженцы короля соединялись тѣснѣе и тѣснѣе другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ въ партіи юнты произошли раздоры и въ нѣкоторыхъ возмутившихся городахъ появилась анархія. 5-го декабря 1520 года графъ Гаро, предводительствуя королевскою партіею, штурмомъ взялъ городъ Тордесильясъ и отнялъ королеву Іоанну. Но рѣшительное окончаніе борьбы послѣдовало послѣ битвы, которая 23-го апрѣля 1521 года дана была королевской партіи приверженцами юнты, предводительствуемыми Падильею, при Торрелобатонѣ, недалеко отъ Вильялара; въ этой битвѣ Падилья былъ

*) Исторія возстанія Испанскихъ городовъ подробно изложена въ сочиненіи Fr. v. Raumer's Geschichte Europa's seit dem Ende des 15-ten Jahrhunderts (Leipzig 1832). Bd. 1, Seite 104—175. Что Нидерландцы злоупотребляли своимъ вліяніемъ на Испанію и угнетали города налогами, на то соглашается самъ Іовій, говоря: Belgi, Chevrio principe atque auctore, civitates insuitatis avaritiae commentis expilaverunt.

разбитъ; онъ самъ попался въ плѣнъ и на слѣдующій день былъ казненъ. Съ его паденіемъ возмущеніе прекратилось: юнта распалась; одинъ городъ сдавался за другимъ и только еще Толедо нѣсколько времени продолжалъ сопротивленіе, которое тамъ было поддерживаемо вдовою Падильи, Маріею Пачеко. Возвратясь въ Испанію, Карлъ нашелъ эту страну усмиренною, и, обнародовавъ 1-го ноября 1522 года въ Вальядолидѣ великодушную амнестію, легко довершилъ дѣло покоренія. Съ этого времени онъ господствовалъ надъ Пиренейскимъ полуостровомъ неограниченнѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ.

Хотя отношенія между Франціею и Италіею были опредѣлены Нойонскимъ миромъ, однако два такіе мужа, какъ Императоръ Карлъ V и король Францъ I, соперничествовавшіе уже при домогательствѣ императорскаго достоинства, не могли долго жить въ мирѣ при столь многихъ представлявшихся имъ поводахъ къ спорамъ*). Эти споры, непосредственно по избраніи Карла въ императоры, повели къ открытію войны и Императоръ заключилъ съ Папою союзъ для изгнанія Французовъ изъ Италіи. Дѣйствія его были такъ удачны, что до 1523 года Французы потеряли всѣ владѣнія и союзниковъ въ Италіи. Война въ одно и то же время была ведена на границахъ Нидерландовъ, на границахъ Испаніи и въ Италіи, но такъ какъ два первыя мѣста военныхъ дѣйствій не представляютъ особенно важныхъ событій, то мы ограничимся ходомъ этой войны въ Италіи. Здѣсь Императоръ пріобрѣлъ союзника въ герцогѣ Карлѣ Бурбонскомъ, который, будучи оскорбленъ королемъ Франціомъ, нарушившимъ его права, перешелъ на сторону Императора и получилъ отъ него начальство надъ Итальянскою арміею. Попытка Французовъ снова утвердиться въ своихъ Итальянскихъ владѣніяхъ совершенно не удалась: войско Французское должно было отступить съ большою потерею, предводитель его, адмиралъ Бонниветъ,

*) Histoire de François Premier, roi de France, dit le grand roi et le père des lettres, par M. Gaillard. 2-de édition. Paris, 1769. 7 vol.

на возвратномъ пути былъ смертельно раненъ, а рыцарь «безъ страха и укоризны» Баярдъ умерщвленъ. Францъ Сфорца, братъ того Максимиліана, который послѣ битвы при Мариньяно потерялъ Миланъ, снова получилъ это герцогство отъ Императора въ ленъ. Императорское войско, не довольствуясь изгнаніемъ Французовъ изъ Италіи, по побужденію Бурбона, рѣшилось вторгнуться въ самую Францію и, въ надеждѣ получить подкрѣпленіе отъ приверженцевъ Бурбона, въ августѣ 1524 года двинулось въ Провансъ и осадило Марсель. Это предпріятіе впрочемъ окончилось весьма несчастливо. Послѣ безполезной 40-дневной осады императорскіе полководцы въ сентябрѣ 1524 года, должны были отступить; войско же, приведенное ими назадъ въ Италію, было такъ ослаблено войною, нуждою, болѣзнями, побѣгами солдатъ, и впало въ такой развратъ, что не могло долѣе держаться противъ Французовъ. Этимъ благопріятнымъ для себя положеніемъ дѣлъ воспользовался король Францъ и ещё разъ самъ повелъ свое войско за Альпы. Онъ тѣмъ болѣе былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что Папа Климентъ VII отказался отъ участія въ войнѣ и, какъ казалось, хотѣлъ принять сторону Французовъ. Почти безъ всякаго затрудненія онъ занялъ большую часть герцогства Миланскаго и только предъ Павіею, которую защищалъ Испанецъ Антоніо де-Лейва, встрѣтилъ сопротивленіе, такъ что 28-го Октября долженъ былъ начать осаду. Чтобы удалить императорское войско изъ Ломбардіи, Францъ послалъ часть своихъ силъ на Неаполь; Лануа, Испанскій вице-король Неаполя, дѣйствительно хотѣлъ послѣдовать туда съ частію императорскаго войска, но Пескара воспротивился дѣленію силъ и настоялъ на томъ, чтобы рѣшить дѣло при Павіи, потому что осада происходила зимою и слѣдовательно могла ослабить силу и ревность Французовъ, между тѣмъ какъ императорское войско надѣялось получить помощь изъ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ король Францъ стоялъ подъ Павіею, Бурбонъ поспѣшилъ въ Германію, чтобы набрать тамъ войска, и 5-го Января 1525 года въ императорскій лагерь прибыло 12,000 Нѣмецкихъ ратниковъ подъ предводительствомъ Геор-

га Фрундсберга (*). Хотя державшіе сторону Императора все еще не были столь многочисленны, какъ Французы, однако-же въ день рожденія Карла, 24-го Февраля, они рѣшились сдѣлать нападеніе и совершили этотъ подвигъ съ такою храбростію и съ такимъ искусствомъ, что Французы не только потерпѣли ужасное пораженіе, но еще Король Францъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Король навлекъ на себя это несчастіе тѣмъ, что для сохраненія своей чести не хотѣлъ снять осады съ Павіи, и къ этому-то роду чести относится извѣстное выраженіе Короля въ письмѣ его къ матери, гдѣ онъ говоритъ: «все потеряно, кромѣ чести». Побѣда при Павіи имѣла весьма важныя слѣдствія: въ теченіе двухъ недѣль въ Италіи не осталось ни одного Француза и перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ Императора. Карлъ V принялъ извѣстіе о побѣдѣ своего войска весьма спокойно; онъ не назначилъ шумныхъ торжествъ, но отправился въ церковь, благодарилъ Бога зя свое счастіе и объявилъ, что онъ воспользуется этимъ случаемъ для награжденія своихъ друзей, помилованія враговъ и возстановленія мира въ нѣдрахъ Христіанства. Плѣнный Король въ Іюнѣ 1525 года былъ отвезенъ въ Испанію; условія же, которыя ему предлагали для полученія мира и свободы, были столь суровы, что онъ не могъ согласиться на нихъ. Между тѣмъ Франціею управляла мать Короля, Луиза Савойская; она особенно заботилась о составленіи противъ Императора лиги между Итальянскими государствами. Многіе, даже герцогъ Миланскій, согласились на это, но планъ ихъ былъ открытъ и герцогство Миланское снова было занято приверженцами Императора. Это обстоятельство и болѣзнь плѣннаго Короля побудили Императора смягчить свои требованія, такъ что 15-го Января 1526 года въ Мадритѣ былъ утвержденъ слѣдующій договоръ: Францъ по освобожденіи своемъ долженъ былъ уступить Императору герцогство Бургундію и до исполненія этого условія оста-

*) Georg von Frundsberg, oder das deutsche Kriegshandwerk zur Zeit der Reformation Dargestellt durch Dr. F. W. Barthold. Hamburg, 1833.

вить обоихъ своихъ сыновей заложниками, отказаться отъ всѣхъ притязаній на Италію и Нидерланды, удовлетворить герцога Бурбона и его приверженцевъ, жениться на сестрѣ Императора Элеонорѣ и помогать Императору въ войнѣ противъ Турковъ; къ тому-же онъ долженъ былъ дать обѣщаніе, что снова возвратится плѣнникомъ въ Испанію, если какое-либо изъ этихъ условій не будетъ выполнено къ назначенному сроку. Но, получивъ свободу, Францъ тотчасъ началъ искать отговорокъ отъ этихъ условій, а потомъ Папа разрѣшилъ его отъ данной клятвы; парламентъ же объявилъ, что онъ не обязанъ ни исполнять договора, ни возвращаться въ Испанію. 22-го Мая 1526 года король Францъ съ Папою, герцогомъ Миланскимъ и республикою Венеціанскою заключилъ такъ называемую священную лигу, въ которой также болѣе или менѣе принимали участіе Швейцарцы, Флорентинцы и король Англійскій Генрихъ VIII. Такимъ образомъ снова возгорѣлась война. Хотя императорскія силы не были слабѣе непріятельскихъ, но на ихъ сторонѣ вскорѣ оказался чувствительный недостатокъ въ деньгахъ и войска начали возмущаться. Это привело герцога Бурбона, сдѣлавшагося по смерти Пескары главою непокорнаго войска, къ смѣлой мысли, вести свои отряды на Римъ и заставить Папу заплатить за издержки войны, которой онъ былъ главнымъ виновникомъ. Этотъ походъ былъ предпринятъ и совершенъ съ величайшею смѣлостію. 7-го Мая 1527 года императорское войско взяло Римъ приступомъ и такъ какъ герцогъ Бурбонъ въ началѣ дѣйствія палъ пораженный пулею, то войско, не имѣвшее предводителя, поступило съ покореннымъ городомъ самымъ ужаснымъ образомъ (*). Папа убѣжалъ въ крѣпость Св. Ангела, а городъ въ продолженіе двухъ недѣль испытывалъ всѣ ужасы опустошенія и своеволія необузданныхъ солдатъ. Такъ какъ въ этомъ войскѣ находилось 12,000 Нѣмецкихъ ратниковъ, то весьма есте-

*) Взятіе Рима въ глазахъ современниковъ было столь важнымъ событіемъ, что объ немъ дошли до насъ многія подробныя реляціи. См. Ἅλωσις Romae ap. Hofmann. script. T. 1, p. 529 и Comment. captae urbis ap. Schard. script. T. II.

ственно, что они съ гордостію побѣдителей выказывали здѣсь господствовавшія въ Германіи мнѣнія. Такъ они предъ крѣпостію Ангела въ глазахъ Папы сыграли шутку, гдѣ, надѣвъ кардинальскія одежды, избирали въ папы Лютера. Климентъ VII долженъ былъ сдаться войску, надъ которымъ принялъ начальство Филибертъ, принцъ Оранскій, и содержался подъ стражею, какъ залогъ за значительныя, требуемыя отъ него суммы. Можно себѣ представить, сколь радостно было это событіе для противниковъ папскаго престола; многіе изъ нихъ зашли весьма далеко въ своихъ ожиданіяхъ и даже думали, что теперь Императоръ начнетъ дѣйствовать за-одно съ Лютеранами или по крайней мѣрѣ не предприметъ ничего для возстановленія папскаго авторитета. Но всѣ, обольщавшіе себя подобными надеждами, обманулись въ характерѣ Карла. Все произошло безъ его вѣдома и противъ его воли; войско дѣйствовало въ этомъ случаѣ, какъ самостоятельная сила, а самъ Карлъ былъ приведенъ этою побѣдою въ такой страхъ, что публично приказалъ молиться въ церквахъ объ освобожденіи Св. Отца и извинялся предъ всѣми князьями, которыхъ мнѣнія могли имѣть какую-либо силу. Что это не было лицемѣріе, доказываетъ поведеніе Карла въ отношеніи къ Папѣ, хотя съ другой стороны онъ весьма искусно успѣлъ по возможности воспользоваться политическими выгодами, которыя достались ему столь неожиданно. Папа 30-го Октября 1527 года долженъ былъ согласиться на слѣдующія условія: онъ получилъ свободу, но долженъ былъ дать изъ своей фамиліи заложниковъ и заплатить войску 350,000 дукатовъ; въ отношеніи Неаполя и Милана онъ обязывался никогда не дѣйствовать противъ Императора.

Въ то время, какъ императорское войско было въ походѣ противъ Рима, Французы, подъ предводительствомъ Лотрека, вступили въ Италію. Такъ какъ Ломбардія была совершенно оставлена императорскими войсками, то Лотрекъ весьма легко занялъ въ ней важнѣйшіе города. Съ Павіею онъ обошелся ужаснѣйшимъ образомъ въ отмщеніе за пораженіе, претерпѣнное здѣсь Французами. Движенія Французовъ были столь

быстры, что уже въ февралѣ 1528 года они явились предъ Римомъ. Между тѣмъ находившееся въ Римѣ императорское войско чрезвычайно умепьшилось; многіе которые при разграбленіи города обогатились, удалились оттуда, другіе были убиты или умерли отъ заразительныхъ болѣзней. По этому, при приближеніи Французовъ, войско оставило Римъ и отступило въ Неаполь, который 17-го апрѣля 1528 года былъ обложенъ Лотрекомъ. Французы тѣмъ болѣе были увѣрены во взятіи города, что они не только окружили его съ суши, но при помощи Генуэзскаго флота, надъ которымъ начальствовалъ Андрей Дорія, заперли также гавань; и дѣйствительно голодъ въ Неаполѣ былъ такъ великъ, что ежедневно ожидали сдачи. Осажденные съ похвальнымъ мужествомъ держались до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не перемѣнились и не приняли благопріятнѣйшаго для нихъ оборота. Именно, не только союзники Французовъ или совершенно оставляли ихъ, какъ Генрихъ VIII, или оказывали имъ только слабую помощь, какъ Венеція, но даже самъ король Францъ оставилъ войско подъ Неаполемъ безъ всякой помощи; онъ нѣсколько разъ обѣщалъ послать туда денегъ, но всегда расточалъ ихъ на роскошь и удовольствія *). Вреднѣе же всего было то, что Французы весьма дурно обращались съ Генуэзцемъ Андреемъ Доріею. Явно намѣреваясь лишить Геную прежняго ея значенія, они хотѣли начать это взятіемъ подъ стражу адмирала Доріи, который противился ихъ мѣрамъ; однако Дорія предупредилъ этотъ планъ и, заключивъ съ Императоромъ сходный для своего отечества миръ, открылъ осажденнымъ въ Неаполѣ свободный подвозъ. Недостатокъ, до сихъ поръ господствовавшій въ городѣ, теперь появился во Французскомъ лагерѣ и произвелъ тамъ такую смертность, что по прошествіи одного мѣсяца во Французскомъ войскѣ осталось только 400 человѣкъ. Самъ Лотрекъ

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ Французскіе историки, изъ которыхъ Beaucaire (Belcar. rer. Gallic. lib. XIX, cap. 52) говоритъ: «Lautrecius, in desperationem versus, Francisci socordiam execratus est, qui neque ulla ratione, neque data fide, neque sua utilitate motus, tot inutiles impensas faceret, necessarias omitteret.» Въ другомъ мѣстѣ этотъ-же историкъ говоритъ о Королѣ: «In omnem luxum et vanas impensas prodigus.»

умеръ 15-го августа и изъ войска, которое онъ привелъ въ Неаполь, ни одинъ человѣкъ не возвратился во Францію. Въ слѣдующемъ году Французы должны были оставить также верхнюю Италію и Императоръ снова овладѣлъ этою страною. Карлъ V былъ всегда готовъ къ миру потому что война, не смотря на успѣхъ, тяготила его, отвлекая отъ важнѣйшихъ занятій и препятствуя дѣйствовать какъ противъ реформаціи, такъ и противъ Турковъ. По этому и теперь онъ согласился на миръ. Сначала 29-го іюня 1529 года онъ заключилъ миръ въ Барцелонѣ съ Папою Климентомъ VII; Папа согласился уступить Императору многія выгоды, за что тотъ покровительствовалъ фамиліи Медичи. Хотя Флорентинцы старались отвратить паденіе своей республики, но они всегда обнаруживали такую преданность Французамъ, что Императоръ считалъ необходимымъ привести ихъ отъ себя въ зависимость. Такимъ образомъ и этотъ старый Гвельфскій городъ въ 1530 году сдѣлался Гибеллинскимъ. За миромъ въ Барцелонѣ слѣдовалъ, 5-го августа 1529 года, миръ между Императоромъ и Франціею, заключенный въ Камбре двумя женщинами, Маргаритою Австрійскою, теткою Карла, и Луизою Савойскою, матерью Франца, почему и называется *дамскимъ миромъ*. По этому миру Францу возвратили его обоихъ сыновей, которые находились у Императора заложниками, и онъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Италію и Фландрію. По счастливомъ окончаніи этой войны, Императоръ прибылъ въ Италію; здѣсь онъ привелъ въ порядокъ еще нерѣшенныя дѣла, а именно простилъ Сфорцѣ его отпаденіе и возвратилъ ему герцогство Миланское. Въ Болоньѣ онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Папою и 24-го февраля 1530 года былъ коронованъ здѣсь императоромъ. Весьма естественно, что обоими главами при этомъ случаѣ были разсмотрѣны также вопросы касательно дѣйствій противъ реформаціи и противъ Турковъ, что должно было получить окончательное рѣшеніе на назначенномъ Карломъ имперскомъ сеймѣ.

Въ то время, какъ Карлъ терялъ деньги, время и людей въ своихъ войнахъ съ Франціею, братъ его Фердинандъ не менѣе былъ занятъ доставшимся ему

наслѣдствомъ въ Богеміи и Венгріи и войною съ Турками. По смерти султана Селима, которымъ мы пресѣкли Османскую исторію, сынъ и преемникъ его Сулейманъ воспользовался тѣмъ, что приготовилъ его отецъ, для завоеванія двухъ важныхъ форпостовъ Христіанъ: острова Родоса и города Бѣлграда, которые успѣшно сопротивлялись оружію Магомета II. Хотя Родосъ и теперь защищался съ такимъ-же мужествомъ, какъ и противъ Магомета, но безъ помощи съ Запада сила рыцарей была не достаточна для спасенія острова. По этому въ 1521 году рыцари оставили островъ и его заняли Османы. Въ 1530 году Императоръ, въ вознагражденіе потери, далъ Іоаннитскому Ордену островъ Мальту и съ этой-то скалы Орденъ снова сталъ ужасать невѣрныхъ. Взятіемъ Бѣлграда султанъ Сулейманъ проложилъ себѣ дорогу въ Венгрію и въ 1526 году вторгся въ это королевство. Людовикъ II въ этой опасности не могъ противопоставить многочисленному Турецкому войску болѣе 22,000 человѣкъ и 29-го августа 1526 года былъ разбитъ при Могачѣ. Молодой король обратился въ бѣгство, но попалъ съ своею лошадью въ болото; при своемъ тяжеломъ вооруженіи, будучи совершенно одинъ, онъ не могъ получить никакой помощи и здѣсь погибъ. Такъ какъ Людовикъ не оставилъ послѣ себя дѣтей, то, по существовавшимъ договорамъ, законнымъ его наслѣдникомъ былъ Фердинандъ, эрцъ-герцогъ Австрійскій. И дѣйствительно Фердинандъ тотчасъ-же былъ признанъ королемъ въ Богеміи и принадлежащихъ къ ней земляхъ: Моравіи, Силезіи и Лаузицѣ, давъ Богемцамъ увѣреніе, что онъ достигъ королевскаго сана по свободному выбору. Въ Венгріи же его сторону приняла только одна партія, главами которой были палатинъ Стефанъ Баторій и сестра Фердинанда, вдовствующая королева Марія,— другая-же партія провозгласила королемъ Іоанна Заполію, воеводу Седмиградскаго; и Фердинандъ въ 1527 году не прежде могъ возложить на себя Венгерскую корону, какъ прогнавъ своего соперника оружіемъ. Заполія искалъ помощи у Сулеймана, и обѣщалъ ему сдѣлаться вассаломъ Порты, по этому Сулейманъ, въ 1529 году, вторично съ могущественнымъ войскомъ вторгся въ Венгрію. При тогдашнемъ положеніи Евро-

пы не возможно было противопоставить невѣрнымъ достаточныя силы, такъ что Сулейманъ не только безъ затрудненія занялъ большую часть Венгріи, но даже 26-го сентября 1529 года осадилъ Вѣну. Въ Вѣнѣ едва только успѣли возстановить крѣпости и сдѣлать необходимыя приготовленія къ защитѣ, какъ вдругъ непріятель появился на границахъ Германіи. Стоитъ только обратить вниманіе на тогдашнее положеніе Имперіи, гдѣ религіозный расколъ раздѣлялъ всѣхъ на двѣ партіи и во многихъ ненависть къ Папѣ была сильнѣе, нежели страхъ къ Туркамъ, то легко убѣдиться, что Сулейманъ не даромъ надѣялся на большія завоеванія. Вѣна мужествомъ и искусствомъ своего военачальника, графа Николая Сальма, и твердостію своихъ гражданъ выдерживала осаду до тѣхъ поръ, пока для освобожденія ея не прибыло императорское войско, сдѣлавшееся по заключеніи Камбрейскаго мира свободнымъ. Сулейманъ, узнавъ объ этомъ и видя приближеніе неблагопріятнаго для своихъ дѣйствій времени года, 16-го октября снялъ осаду и возвратился въ Константинополь, приказавъ въ Офенѣ короновать воеводу Іоанна королемъ Венгерскимъ въ ленной отъ себя зависимости (*).

Турецкое могущество, грозное для Австрійскаго дома, побудило Императора попытаться на имперскомъ сеймѣ, собранномъ въ 1530 году въ Аугсбургѣ, прекратить религіозный расколъ на основаніи Аугсбургскаго исповѣданія, составленнаго протестующими сословіями; но эта попытка не удалась, потому что основныя начала одной партіи

*) Jos. von Hammer's Wiens erste aufgehobene türkische Belagerung zur 300-jährigen Jubelfeier derselben zum Theil aus bisher unbekannten christlichen und türkischen Quellen erzählt. Pesth, 1829. О пріобрѣтеніи Австрійскимъ домомъ Богеміи и Венгріи см. 2-й и 3-й томъ: Bucholtz Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten.

столь рѣзко противорѣчили основнымъ началамъ другой, что между ними не могло быть истиннаго согласія. Императоръ, не достигнувъ своей цѣли переговорами, прибѣгнулъ къ угрозамъ: протестующимъ сословіямъ рѣшеніемъ Аугсбургскаго сейма былъ опредѣленъ срокъ, въ который они должны были примириться съ католическими сословіями. Эти угрозы побудили протестантовъ соединиться для взаимной защиты, и 27-го февраля 1531 года они заключили *Шмалькальденскій союзъ*, которымъ обязались въ религіозныхъ дѣлахъ отражать силу силою. Теперь, чтобы получить отъ Имперіи помощь противъ Турковъ, Императору ничего болѣе не оставалось, какъ заключить съ протестантами миръ. Такимъ образомъ 23-го іюля 1532 года былъ заключенъ *религіозный миръ въ Нюрнбергѣ*, по которому всѣ, признавшіе Аугсбургское исповѣданіе, могли свободно держаться его до всеобщаго собора. По заключеніи этого мира Императоръ могъ собрать столь многочисленное войско, что былъ въ состояніи отразить нападеніе султана Сулеймана.

Аугсбургскій имперскій сеймъ, бывшій въ 1530 году, не менѣе важенъ въ развитіи реформаціи, какъ и Вормскій, бывшій въ 1521 году. Въ Вормсѣ предъ имперскимъ собраніемъ явился только одинъ виновникъ отпаденія отъ Папы; теперь же, въ Аугсбургѣ, явился не самъ онъ, но вмѣсто него выступили князья и сословія. Сеймъ долженъ былъ открыться еще въ апрѣлѣ; Курфирстъ Саксонскій и Ландграфъ Гессенскій уже въ началѣ мая прибыли въ Аугсбургъ, самъ-же

Карлъ былъ еще въ Италіи и весьма медленно ѣхалъ чрезъ Тироль и Баварію. Между тѣмъ онъ давалъ разумѣть Курфирсту Саксонскому, какъ ему непріятно, что религіозныя несогласія разстроиваютъ дружественныя отношенія мѣжду Австрійскимъ и Саксонскимъ домами. Онъ потребовалъ также, чтобы Лютеранскіе священники, находящіеся въ Аугсбургѣ при свитѣ протестантскихъ князей, не говорили проповѣдей. Безъ сомнѣнія это была рѣшительная минута и много зависѣло отъ того, будутъ-ли протестанты столь слабы, чтобы согласиться на требованіе Императора, или еще до начала сейма почувствуютъ въ себѣ достаточную силу для удержанія своихъ правъ. Хотя богословы совѣтовали уступить и хотя самъ Лютеръ писалъ изъ Кобурга, что не должно противодѣйствовать Императору, потому что онъ ихъ государь и Аугсбургъ его городъ, однако, не смотря на это, когда канцлеръ Брюкъ обратилъ вниманіе Курфирста Саксонскаго на опасныя слѣдствія такой уступчивости и совѣтовалъ ему отказать Императору въ его требованіи, то Курфирстъ послѣдовалъ совѣту Брюка, за что и получилъ прозваніе Постоянnаго. Такую-же рѣшительность протестанты выказали Императору при въѣздѣ его въ Аугсбургъ 15-го іюня 1530 года; они пренебрегли благословеніемъ папскаго легата Кампеджіо и отказались на слѣдующій день участвовать въ процессіи по случаю праздника тѣла Христова. Дѣло касательно проповѣдей кончилось тѣмъ, что проповѣди говорить было запрещено проповѣдникамъ обѣихъ партій, и никто не могъ говорить проповѣди, если не получитъ на то особеннаго приказанія отъ самого Императора.

Императоръ желалъ сначала предложить и рѣшить вопросъ касательно помощи противъ Турковъ, но большая часть сословій считала болѣе важными и болѣе необходимыми вопросы религіозные и настояла на томъ, чтобы сперва они были предложены на разсмотрѣніе; они хотѣли сообразовать свои мнѣнія касательно помощи противъ Турковъ, смотря по благопріятному или неблагопріятному рѣшенію церковныхъ дѣлъ. По этому Императоръ потребовалъ отъ обѣихъ сто-

ронъ, чтобы опѣ свободно и откровенно изложили свои мнѣнія на бумагѣ. Въ слѣдствіе требованія Императора Меланхтонъ, по порученію протестантовъ, составилъ исповѣданіе протестантскаго ученія. По разсмотрѣніи его знаменитѣйшими Лютеранскими богословами и по одобреніи самимъ Лютеромъ, его подписали Іоаннъ, курфирстъ Саксонскій, Георгъ, маркграфъ Бранденбургскій, Эрнстъ и Францъ, герцоги Люнебургскіе, Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, Вольфгангъ, князь Ангальтскій, и магистраты имперскихъ городовъ Нюрнберга и Рейтлингена. 25-го іюня это исповѣданіе было представлено и прочитано въ присутствіи Императора и князей. Разсматривая содержаніе Аугсбургскаго исповѣданія, можно видѣть, что оно утверждено на древнихъ основныхъ Христіанскихъ догматахъ, и въ этомъ отношеніи протестанты справедливо утверждаютъ, что во всѣхъ основныхъ истинахъ они согласны съ католиками *). Но къ этому исповѣданію было присоединено еще семь членовъ; они-то собственно и составляли различіе и производили разрывъ. Эти семь членовъ были слѣдующіе: 1) лишеніе мірянъ причащенія крови, 2) запрещеніе брака священникамъ, 3) форма и значеніе обѣдни, 4) обязанность на исповѣди исчислять грѣхи, 5) заповѣданное различіе въ пищѣ, 6) монастырскіе обѣты и 7) власть епископовъ **). Эти семь пунктовъ всегда препятствовали соединенію, потому

*) Confessio August. eaque invariata (Hal. 1830) p. 36: Haec fere summa est doctrinae apud nos, in qua cerni potest nihil inesse, quod discrepet a scripturis, vel ab ecclesia catholica, vel ab ecclesia Romana, quatenus ex scriptoribus nota est. Quod cum ita sit, inclementer judicant isti, qui nostros pro haereticis haberi postulant.

**) Articuli, in quibus recensentur abusus mutati заключаются слѣдующимъ замѣчаніемъ: Hi sunt praecipui articuli, qui videntur habere controversiam. Quamquam enim de pluribus abusibus dici poterat, tamen, ut fugeremus prolixitatem, praecipua complexi sumus, e quibus cetera facile judicari possunt. Tantum ea recitata sunt, quae videbantur necessario dicenda esse, ut intelligi possit, in doctrina ac ceremoniis apud nos nihil esse receptum contra scripturam aut ecclesiam catholicam, quia manifestum est, nos diligentissime cavisse, ne qua nova et impia dogmata in ecclesias nostras serperent.

что протестанты и слышать не хотѣли о признаніи власти Папы и епископовъ. Католики, опровергая это исповѣданіе, еще болѣе усилили разрывъ. Въ первый разъ ихъ опроверженіе было написано столь рѣзко, что его отвергъ самъ Императоръ, отъ проницательности котораго не скрылась неприличность его въ сравненіи съ благоразумною умѣренностію Меланхтона. Во второй-же разъ, хотя въ болѣе приличной формѣ, но столь-же рѣзкое по содержанію, оно было принято Императоромъ. Протестанты требовали этого опроверженія, чтобы въ свою очередь опровергнуть его, но имъ было отказано изъ опасенія, чтобы споръ между учеными не довелъ дѣла до чего-либо худшаго. Теперь для совѣщанія о прекращеніи религіознаго раскола была составлена коммиссія изъ 16 избранныхъ сановниковъ, частію свѣтскихъ, частію духовныхъ князей, но и въ этомъ тѣсномъ кругу мнѣнія были несогласны и все, что сдѣлала эта коммиссія шестнадцати, состояло единственно въ томъ, что она съ дружественною просьбою обратилась къ протестантскимъ сословіямъ и упрашивала ихъ не отдѣляться отъ Римской церкви, если и дѣйствительно въ нее вкрались нѣкоторыя злоупотребленія, потому что Императоръ за тѣмъ теперь и пріѣхалъ въ Германію, чтобы съ согласія Папы устранить ихъ и возстановить въ имперіи единство и миръ. Дѣйствительно положеніе дѣлъ было чрезвычайно запутанное и вовсе нельзя было предвидѣть, чѣмъ все это кончится. Послѣ многоразличныхъ толковъ еще разъ была сдѣлана попытка для примиренія: вмѣсто коммиссіи шестнадцати была составлена новая коммиссія изъ меньшаго числа членовъ, именно: каждая партія представила двухъ князей, двухъ юристовъ и трехъ богослововъ. Разумѣется послѣдніе были важнѣе всѣхъ. Изъ католическихъ богослововъ были избраны: Экъ, Вимпина и Кохлеусъ, а изъ протестантскихъ: Меланхтонъ, Бренцъ и Шнепфъ. Какъ ни были уступчивы обѣ стороны, но, при отвращеніи протестантовъ снова покориться папству и епископскому правленію, все было тщетно. Вся жизнь новой партіи возникла изъ противодѣйствія Папѣ и отказаться отъ этого значило

бы потерять свою лучшую силу (*). 24-го августа число членовъ коммиссіи было уменьшено до 6-ти, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, это нисколько не содѣйствовало примиренію: основныя идеи обѣихъ партій были слишкомъ противоположны для истиннаго примиренія. 31-го августа, въ седьмой день послѣ уменьшенія числа членовъ коммиссіи, протестанты отвергли послѣднія предложенія, сдѣланныя имъ со стороны католиковъ, и повторили свое требованіе всеобщаго собора. Твердость протестантовъ поставила Императора въ непріятное положеніе: все было истощено для убѣжденія ихъ, прибѣгнуть же къ силѣ у него не доставало ни средствъ, ни рѣшительности. Частные переговоры, которые онъ велъ съ протестантами, также не достигали своей цѣли, потому что протестанты были уже столь смѣлы, что не уступали Императору и того, что ему было необходимо, чтобы съ честію выпутаться изъ этого дѣла. Теперь Императору ничего не оставалось, какъ вмѣстѣ съ католическими сословіями начертать планъ окончательнаго рѣшенія сейма, а чтобы протестанты не могли сказать, что это рѣшеніе было сдѣлано безъ ихъ вѣдома, то 22-го сентября онъ приказалъ ихъ пригласить къ себѣ на квартиру и велѣлъ имъ прочитать его. Тамъ было сказано, что Императоръ милостиво выслушалъ ихъ исповѣданіе, но, опровергнувъ его достаточными основаніями, отвергъ; что онъ также нѣсколько разъ вступалъ съ ними въ переговоры, частію самъ, частію-же чрезъ другихъ, въ слѣдствіе чего съ нѣкоторыми пунктами они согласились, другіе-же еще остались спорными. Чтобы теперь возстановить въ имперіи миръ и единство, онъ даетъ имъ время до 15-го апрѣля слѣдующаго года, въ теченіе котораго касательно спорныхъ пунктовъ они должны рѣшить: согласится ли имъ съ Папою, Императоромъ и прочими главами и членами ка-

(* Во время самаго этого кризиса, когда коммиссія четырнадцати занималась примиреніемъ, Лютеръ напечаталъ въ Кобургѣ: Erklärung des zweiten Psalms (Werke, Bd. 16, S. 1085—95), гдѣ онъ жестоко нападаетъ на Папу. Въ это-же самое время онъ написалъ свою извѣстную церковную пѣснь: Eine feste Burg ist unser Gott.

толическаго Христіанства, или нѣтъ, Императоръ же съ своей стороны въ это время также подумаетъ, что ему дѣлать. Въ продолженіе назначеннаго срока они не должны ни печатать, ни продавать ничего новаго, ни предпринимать дальнѣйшихъ нововведеній въ вѣрѣ и не принуждать подданныхъ себѣ католиковъ присоединятся къ своей сектѣ. Четыремъ имперскимъ городамъ: Страсбургу, Констанцу, Меммингену и Линдау, которые, какъ приверженцы Цвингли, представили свое собственное исповѣданіе, такъ называемое confessio tetrapolitana, было объявлено, чтобы они опять присоединились къ всеобщей католической церкви; въ случаѣ-же сопротивленія имъ угрожали жестокимъ наказаніемъ. Протестанты протестовали противъ этого опредѣленія сейма и отвѣчали на него чрезъ Саксонскаго канцлера Брюка: что они не только не могутъ допустить, будто-бы ихъ исповѣданіе было основательно опровергнуто, какъ сказано въ опредѣленіи, но что напротивъ, если-бы имъ было доставлено это опроверженіе, то они ясно доказали-бы, что ихъ исповѣданіе утверждено только на Словѣ Божіемъ, и что они, только выслушавъ его, составили на него отвѣтъ, изъ котораго Императоръ можетъ видѣть, сколь ихъ вѣроисповѣданіе твердо противъ всякаго опроверженія. При этихъ словахъ Брюкъ хотѣлъ вручить Императору *апологію Аугсбургскаго исповѣданія*, но Императоръ, по совѣту своего брата, не принялъ ея. Столь-же сильно канцлеръ Брюкъ отвергалъ употребляемое въ опредѣленіи сейма названіе своей партіи сектою; онъ говорилъ, что то, чему они вѣрятъ, есть вѣра, основанная на Словѣ Божіемъ, а не секта. На слова Императора, что онъ ничего не измѣнитъ въ опредѣленіи сейма, протестанты отвѣчали, что у нихъ всегда готово оправданіе, и просили Имцератора не гнѣваться на нихъ, но быть и оставаться благосклоннымъ къ нимъ государемъ. Тѣмъ кончились всѣ переговоры, и сеймъ, не достигнувъ своей цѣля, разъѣхался..

Хотя богословы старались не давать религіозному дѣлу политическаго вида, но оно уже давно сдѣлалось политическимъ. Оно преимущественно занимало те-

перь всѣ умы, имъ однимъ болѣе полугода занимался Аугсбургскій сеймъ и къ нему только относилось опредѣленіе сейма; могли ли послѣ этого богословы утверждать, что дѣло ихъ не приняло политическаго характера? Опредѣленіе сейма было написано въ столь грозныхъ и столь жесткихъ выраженіяхъ противъ протестантской партіи, что она должна была опасаться насилія и по этому приготовиться къ сопротивленію; не менѣе опасны для нея были дѣйствія Императора непосредственно послѣ сейма. Приписывая распространеніе реформаціи преимущественно слабости имперскаго регентства, онъ уничтожилъ это слабое правительственное учрежденіе, а 5-го января 1531 года достигъ того, что братъ его Фердинандъ былъ избранъ въ Римскіе короли. Естественно, что Курфюрстъ Саксонскій протестовалъ противъ этого выбора, и избраніе Фердинанда, въ соединеніи съ опредѣленіемъ сейма, не мало содѣйствовало къ оживленію ревности протестантовъ. Теперь богословы объявили, что они нисколько не противятся союзу для защищенія религіи, если только юристы считаютъ это позволительнымъ *); юристы-же объявили, что въ подобномъ союзѣ нѣтъ ничего противнаго государственному устройству. Такъ какъ 15-го апрѣля оканчивался назначенный протестантамъ срокъ, то они должны были приготовиться, чтобы спокойно ожидать этого времени. И такъ 27-го февраля 1531 года въ Шмалькальденѣ былъ заключенъ союзъ. По этому союзу Іоаннъ, курфюрстъ Саксонскій, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іоанномъ Фридрихомъ, Филиппъ, Эрнстъ и Францъ, герцоги Брауншвейгъ-Люнебургскіе, Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, Вольфгангъ, князь Ангальтскій, Гебгардъ и Альбрехтъ, графы Мансфельдскіе, и одиннадцать имперскихъ городовъ обязались всегда общими силами вспомоществовать другъ другу, если кому-либо въ дѣлахъ вѣры будетъ угрожать насиліе. Хотя Императоръ и

*) Самъ Лютеръ въ письмѣ 15 января 1531 года, выражается такъ: Ego pro mea parte dixi: Consulo ut theologus; sed si juristae possent docere legibus suis id licere, ego permitterem eos suis legibus uti; ipsi viderint. Nam si Caesar statuit in suis legibus, ut in hoc casu liceat sibi resisti, patiatur legem, quam tulerit.

всѣ имперскія сословія были объявлены совершенно безопасными отъ этого союза, но это была только канцелярская форма; ибо ясно было, что союзъ заключенъ только противъ Императора. Съ этого времени религіозное дѣло совершенно превратилось въ гражданскую борьбу партій; союзники просили еще подкрѣпленія у Короля Французскаго и Короля Англійскаго, политическихъ враговъ Карла V; такимъ образомъ самъ Императоръ былъ стѣсненъ. Каждую минуту онъ долженъ былъ опасаться нападенія Турковъ и для отраженія ихъ надѣяться на помощь имперіи, но ея нельзя было ожидать прежде примиренія съ протестантами. И такъ онъ долженъ былъ рѣшиться на трудный шагъ: предложить протестантамъ миръ. При открывшихся по этому случаю переговорахъ трудно было рѣшить слѣдующій пунктъ: долженъ ли этотъ миръ распространяться только на тѣхъ, которые уже приняли новое ученіе, или также и на тѣхъ, которые присоединятся къ нему въ будущности. Противъ рѣшенія этого пункта Лютеране протестовали уже въ Шпейерѣ, когда они были еще не соединены и слабы; теперь-же, когда между ними былъ союзъ и когда Императоръ болѣе нуждался въ мирѣ, нежели они, разумѣется надобно было ожидать, что они скорѣе отважатся на все, нежели уступятъ Императору. И дѣйствительно Курпринцъ, канцлеръ Брюкъ и уполномоченный Ландграфа Гессенскаго настойчиво требовали, чтобы миръ распространялся на всѣхъ, но такъ какъ католики ни подъ какимъ видомъ не хотѣли уступить, то казалось, что переговоры, начатые въ Швейнфуртѣ, а съ мая 1532 года продолжавшіеся въ Нюрнбергѣ останутся тщетными. Наконецъ Лютеръ побудилъ свою партію къ уступчивости. При своемъ отвращеніи къ войнѣ онъ думалъ, что ничего не должно щадить для заключенія мира. Совѣтъ Лютера былъ принятъ старымъ Курфюрстомъ Іоанномъ, а по его повелѣнію и сыномъ его, и такимъ образомъ протестанты уступили и обѣщали держаться только Аугсбургскаго исповѣданія, но не предпринимать дальнѣйшихъ нововведеній. 23-го іюля 1532 года былъ подписанъ обѣими партіями такъ называемый *первый религіозный миръ въ Нюрнбергѣ*. Главныя условія это-

го мира было слѣдующія: чтобы Императоръ позаботился о созваніи собора въ скоромъ времени, до собора же между Императоромъ и сословіями долженъ былъ господствовать всеобщій миръ; чтобы ни кто не оскорблялъ и не притѣснялъ другаго за вѣру, но чтобы всѣ были соединены истинною дружбою и Христіанскою любовію. Всѣ процессы Каммергерихта, угнетавшіе протестантовъ въ дѣлахъ вѣры, положено было уничтожить, а новыхъ не начинать. Протестанты же съ своей стороны обѣщали Императору должное повиновеніе и помощь противъ Турковъ. Первымъ слѣдствіемъ мира было то, что Императоръ со страшною силою могъ выступить противъ Турковъ. Султанъ Сулейманъ уже два года приготовлялся отмстить за свое посрамленіе при прежней неудачѣ. Въ началѣ 1532 года онъ выступилъ съ такимъ многочисленнымъ войскомъ, какого не выводилъ еще ни одинъ Султанъ. Онъ не только рѣшился совершенно покорить себѣ Венгрію, гдѣ до сихъ поръ еще продолжались перѣшительныя сраженія между Фердинандомъ и Заполіею, но хотѣлъ распространить свои завоеванія и на Германію. Императоръ, по примиреніи съ протестантами, собралъ около Вѣны 76,000 войско и Султанъ, который вовсе не ожидалъ этого соединенія императорскихъ силъ, не отважился теперь идти къ Вѣнѣ, но обратился на Штирію и 1-го августа достигъ городка Гюнца. Жители этого незначительнаго мѣстечка рѣшились запереть ворота; Турки для поддержанія своей чести хотѣли наказать ихъ и начали осаду. Граждане въ продолженіе двадцати двухъ дней выдерживали Турецкую осаду съ такимъ мужествомъ, что Сулейманъ наконецъ удовольствовался только позволеніемъ 10-ти янычарамъ войдти на часъ въ городъ, чтобы водрузить Турецкое знамя. Часть Турецкаго войска, которая чрезъ Семмерингъ хотѣла возвратиться въ Австрію, 19-го сентября была совершенно разбита Себастьяномъ Шертлиномъ; въ это-же время Андрей Дорія присталъ съ императорскимъ флотомъ къ Морею и возмутилъ противъ Османскаго владычества Грековъ. Эти обстоятельства устрашили Сулеймана и не позволили ему дать Императору генеральнаго сраженія: онъ отступилъ и Карлъ пріобрѣлъ сла-

ву уничтоженія предпріятія Турковъ, которое ужасало всю Европу. По удаленіи Турковъ разсѣялось и имперское войско, не сдѣлавъ ничего для возвращенія Венгріи. Что касается до положенія Фердинанда въ Венгріи въ это время, то тамъ всѣ непріязненныя дѣйствія были прекращены до 1535 года, и хотя въ это время снова возгорѣлась война, но Іоаннъ Заполія былъ всегда готовъ къ миру, такъ что Императору не стоило никакого труда принять посредничество между своимъ братомъ и Іоанномъ. Такъ 24-го февраля 1538 года въ Гросвардейнѣ былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Фердинандъ долженъ былъ уступить Іоанну Заполіи королевство Венгрію только на время его жизни; по смерти же его оно опять, переходило къ Фердинанду; если-бы даже у Іоанна остался и сынъ, то онъ и его потомство только въ томъ случаѣ могли оказывать притязанія на Венгерскую корону, когда ни Фердинандъ, ни Карлъ не оставятъ наслѣдниковъ мужескаго пола.

Разсматривая развитіе религіозныхъ дѣлъ до перваго религіознаго мира, мы замѣтимъ въ немъ слѣдующій важный моментъ: что *религіозныя дѣла пустили глубокіе корни въ политическія отношенія Нѣмецкой имперіи*. Хотя сословія, принявшіе реформацію, были весьма малочисленны, но за то они были единодушны и исполнены такой ревности, которая одна давала прочное основаніе ихъ партіи и доставляла имъ перевѣсъ надъ многочисленными, но слабыми противниками. Пользуясь этимъ перевѣсомъ, протестанты въ 1534 году отняли у Австрійскаго дома герцогство Виртембергское и снова утвердили въ немъ изгнаннаго герцога Ульриха. Получивъ снова во владѣніе свою

землю и, *по договору въ Кадани*, будучи утвержденъ въ ней Императоромъ, Ульрихъ ввелъ въ Виртембергѣ реформацію.

По Нюрнбергскому религіозному миру Императоръ обѣщалъ позаботиться о скоровременномъ созваніи всеобщаго собора. Для исполненія этого обѣщанія онъ въ концѣ 1532 года оставилъ Германію и отправился въ Италію. Хотя Папѣ весьма непріятно было созваніе собора, соединявшагося всегда съ шумомъ и преніями партій, но положеніе дѣлъ было такого рода, что онъ никакъ не могъ не удовлетворить желанію Императора. Климентъ VII согласился созвать соборъ, но съ условіемъ, чтобы всѣ участвующіе въ немъ имперскіе князья и другіе главы Христіанства приняли прежде нѣкоторыя положенія, которыя онъ намѣренъ выдать. Это было объявлено въ началѣ 1533 года имперскимъ сословіямъ императорскимъ указомъ и папскою буллою. Вскорѣ послѣ сего при Саксонскомъ дворѣ явился епископъ Реджіосскій въ качествѣ папскаго нунція. Между тѣмъ 16-го августа 1532 года умеръ старый курфирстъ Іоаннъ и ему наслѣдовалъ сынъ его *Іоаннъ Фридрихъ*. Нунцій предложилъ новому Курфирсту семь членовъ, на которые онъ и его партія должны были согласиться прежде, нежели будетъ созванъ соборъ. *Первый* членъ обѣщалъ всеобщій и свободный соборъ, каковы были въ древнія времена соборы отцевъ церкви, о которыхъ по справедливости можно сказать, что въ нихъ присутствовалъ Св. Духъ. *Второй*-же членъ требовалъ, чтобы члены собранія объявили согласіе безусловно принимать и исполнять рѣшенія его, потому что иначе всѣ труды собора для рѣшенія чего-либо были бы напрасны. *Третій* членъ требовалъ, чтобы всѣ, которые должны участвовать на немъ, или сами явились, или по крайней мѣрѣ прислали вмѣсто себя достаточно-уполномоченныхъ. *Въ четвертомъ* членѣ было поставлено, чтобы до окончанія собора всѣ нововведенія оставались безъ дѣйствія. *Въ пятомъ* членѣ Папа предложилъ три города: Мантуу, Піаченцу и Болонью,

въ одномъ изъ которыхъ князья могли избрать мѣсто собранія собора. *Въ шестомъ* членѣ Папа предвидѣлъ, что можетъ быть нѣкоторые князья откажутся явиться на соборъ или ранѣе оставятъ его; по этому *седьмымъ* членомъ было поставлено, что и они тѣмъ не менѣе должны принять рѣшенія собора; въ случаѣ же упорства Императоръ и всѣ Христіанскіе короли имѣли право и даже были обязаны принудить ихъ къ тому силою. Шмалькальденскіе союзники по совѣщанію съ богословами объявили противъ папскихъ положеній, что созываемый соборъ долженъ быть въ Нѣмецкомъ городѣ и въ дѣйствіяхъ своихъ сообразоваться съ Словомъ Божіимъ, а не съ папскими повелѣніями. Но, отвергая такимъ образомъ предложенныя имъ положенія, они вмѣстѣ съ тѣмъ отвергали и соборъ. Между тѣмъ 25-го сентября 1534 года умеръ папа Климентъ VII, и смертію его соборъ опять былъ отложенъ. Ему наслѣдовалъ кардиналъ Александръ Фарнезе, подъ именемъ Павла III, мужъ твердый и упорный, отъ котораго нельзя было ожидать ни малѣйшей уступки на счетъ правъ Римскаго престола. Такимъ образомъ религіозный миръ, при заключеніи котораго было предположено въ скоромъ времени созвать соборъ, оказался недостаточнымъ, потому что между обѣими партіями безпрестанно происходили неудовольствія. Такъ 30-го января 1534 года протестанты отказали въ повиновеніи Рейхскаммергерихту за то, что тотъ все еще продолжалъ принимать жалобы и производить слѣдствія касательно конфискованныхъ церковныхъ имѣній. Они дошли опять до самоуправства и даже проявили его на самомъ дѣлѣ, однимъ ударомъ отторгнувъ отъ владѣній Австрійскаго дома герцогство Виртембергское и обративъ его въ протестанство (*).

Герцогъ Ульрихъ за многіе необудманные поступки лишился своихъ владѣній. Потерявъ любовь подданныхъ, во время междуцарствія отъ смерти Максим-

*) Joh. Tethingeri Pedii commentarius de Würtembergiae rebus gestis Huldricho Principe lib. III ap. Schard. script. T. II. d. 56 sqq. C. F. Sattler's Geschichte des Herzogthumes Würtemberg unter der Regierung der Herzoge. Ulm. 1769—83. 13 Th. in 4.

ліана до избранія Карла V, онъ долженъ былъ также начать войну со Швабскимъ союзомъ. Ульрихъ уже давно питалъ сильное негодованіе противъ имперскаго города Рейтлингена, которое при безпрестанныхъ столкновеніяхъ посто янно усиливалось. Такъ его кастеланъ въ Ахальмѣ приказалъ умертвить одного Рейтлингенскаго гражданина за то, что тотъ безъ позволенія стрѣлялъ въ лѣсахъ его дичь, а въ отмщеніе самъ былъ убитъ въ Рейтлингенѣ, прибывъ туда въ 1519 году. Герцогъ принялъ этотъ случай за предлогъ чтобы наказать ненавистный городъ: тотчасъ-же собралъ свое войско, еще въ январѣ двинулся къ Рейтлингену, взялъ его штуромъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Но Рейтлингенъ принадлежалъ къ Швабскому союзу, и союзъ для освобожденія своего города собралъ такую силу, что Ульрихъ въ короткое время потерялъ и землю, и подданныхъ. Послѣ этого Карлъ V осудилъ Герцога, изгнаннаго изъ его собственныхъ владѣній, на изгнаніе изъ имперіи и откупивъ отъ Швабскаго союза Виртембергъ, передалъ его, вмѣстѣ съ Австрійскими землями въ Германіи, брату своему Фердинанду. Съ этого времени Ульрихъ искалъ себѣ прибѣжища по чужимъ землямъ и у Нѣмецкихъ дворовъ; онъ вездѣ просилъ помощи, но нигдѣ не находилъ ея и, казалось, совершенно былъ исключенъ изъ ряда Нѣмецкихъ князей. Императоръ не слушалъ никакихъ просьбъ за него; на Аугсбургскомъ сеймѣ онъ отвергъ просьбы Ландграфа Гессенскаго и другихъ князей и законнымъ порядкомъ отдалъ Виртембергъ въ ленъ своему брату. Ландграфъ Гессенскій сталъ теперь приготовляться, чтобы силою получить то, чего не могъ достигнуть просьбами. Швабскій союзъ, который одинъ только могъ оказать ему сопротивленіе, въ то время уже распадался, именно въ слѣдствіе реформаціи: различіе въ вѣрѣ между членами лишило его единодушія. Ландграфъ Гессенскій и герцогъ Ульрихъ въ маѣ 1534 года вторглись въ Виртембергъ и совершили свое предпріятіе весьма удачно. Австрійскій штатгальтеръ, пфальцъ-графъ Филиппъ, 13-го мая былъ разбитъ при Лауфенѣ, а въ концѣ мѣсяца уже вся страна опять была въ рукахъ Ульриха. Всѣ ждали, что Императоръ и братъ его, во

чтобы то ни стало, отмстятъ нанесенное имъ пораженіе; но, при посредничествѣ Курфирста Саксонскаго, 29-го іюня, противъ всякаго ожиданія, дѣло было окончено Каданскимъ договоромъ. Хотя Фердинандъ пожертвовалъ герцогствомъ Виртембергскимъ, но за то протестанты признали его теперь королемъ Римскимъ, въ чемъ до сихъ поръ они ему отказывали, а Ландграфъ и герцогъ Ульрихъ должны были на колѣняхъ просить прощенія у Императора сами, а у Римскаго Короля чрезъ уполномоченныхъ. Естественно, что теперь первымъ дѣломъ Ульриха было ввести въ своей возвращенной землѣ реформацію. Секвестрованіе духовныхъ имѣній не только дало ему средства поддерживать новое церковное устройство, но онъ могъ еще вознаградить Ландграфа Гессенскаго и заплатить свои долги, надѣланные во время 15-ти лѣтняго изгнанія. Съ этого времени реформація распространилась по всей Швабіи.

Въ одно и то-же время съ насильственнымъ введеніемъ реформаціи въ Виртембергѣ всеобщее вниманіе было занято возобновившимся *фанатизмомъ перекрещенцевъ*. Послѣ неудачныхъ предпріятій Ѳомы Мюнцера эта секта, преслѣдуемая какъ Лютеранами, такъ и Католиками, казалось, совершенно была уничтожена; но вдругъ въ Мюнстерѣ она появилась съ новою силою и рядомъ своихъ дѣйствій показала всѣ ужасы, до которыхъ могутъ довести религіозныя идеи, не управляемыя высшими законами, но предоставленныя одной силѣ воображенія необразованнаго народа (*).

*) Главные источники для исторіи безпокойствъ въ Мюнстерѣ суть слѣдующіе: Hortensius de bell. Anabapt. ap. Schard. T. II и Hermanni de Kerssenbroch narratio de obsidione Monasteriensi ap. Menken. scriptt. rer. Germ. T. III. Срав.

Въ Мюнстерѣ, главномъ городѣ называемаго по имени его Вестфальскаго епископства, господствовала та-же самая непріязнь между гражданами и духовенствомъ, какъ и въ другихъ городахъ. Но епископъ и домкапитулъ умѣли до сихъ поръ подавлять всѣ возмущенія въ Мюнстерѣ: многіе изъ партіи народа за эти не разъ повторявшіяся возмущенія были наказаны; между ними также одинъ богатый и извѣстный фабрикантъ суконъ *Бернгардъ Книппердолингъ*; это еще болѣе раздражило народъ. Волненіе начало усиливаться, когда въ 1529 году Бернгардъ Ротманъ сталъ проповѣдывать лютеранское ученіе. Хотя онъ долженъ былъ оставить городъ, но спустя нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ находился въ Виттенбергѣ и Швейцаріи, онъ опять возвратился. При такихъ обстоятельствахъ епископъ былъ не въ состояніи управлять паствою и сложилъ съ себя свое достоинство; избранный-же преемникомъ ему Эрикъ, принцъ Брауншвейгскій, спустя нѣсколько недѣль умеръ и нововводители укрѣпились во владѣніи церквами. Домкапитулъ и многіе знаменитые граждане оставили городъ. 1-го іюня Домкапитулъ назначилъ епископомъ Франца, графа Вальдекскаго, и онъ, при посредничествѣ Ландграфа Гессенскаго, 14-го февраля 1533 года заключилъ съ гражданами договоръ, по которому обѣщалъ всѣ реформы до вселенскаго собора оставить неприкосновенными. Граждане-же съ своей стороны обязались повиноваться ему, какъ своему главѣ, во всѣхъ законныхъ его требованіяхъ. Послѣ этого епископъ торжественно въѣхалъ въ городъ и при всеобщей радости о возстановленіи мира никто и не думалъ, что скоро все это перемѣнится. Еще во время спора съ епископомъ въ Мюнстеръ изъ Нидерландовъ прокралось нѣсколько перекрещенцевъ. Въ короткое время дошло до того, что въ Мюнстерѣ протестантское духовенство раздѣлилось на двѣ партіи, за и противъ перекрещенцевъ, и едва только окончилась борьба между приверженцами старой вѣры и нововведителями, какъ вдругъ началась другая

Geschichte der Kirchenreformation zu Münster und ihres Unterganges durch die Wiedertäufer, von H. Jochmus. Münster, 1825.

— между Лютеранами и перекрещенцами. Для предотвращенія худыхъ послѣдствій совѣтъ назначилъ диспутъ между обѣими партіями съ тѣмъ, чтобы побѣжденная партія уступила. Побѣдителями на диспутѣ совѣтъ призналъ противниковъ перекрещенцевъ; но вмѣсто того, чтобы позаботиться объ удаленіи только перекрещенскихъ проповѣдниковъ, онъ положилъ изгнать изъ города и всѣхъ ихъ приверженцевъ. Это заставило всѣхъ перекрещенцевъ взяться за оружіе. Для отвращенія гражданской войны партія умѣренныхъ примирилась съ перекрещенцами и каждому было позволено держаться той вѣры, которою онъ надѣется достигнуть блаженства. Перекрещенцы своимъ тѣснымъ союзомъ и подкрѣпленіемъ извнѣ скоро пріобрѣли перевѣсъ въ городѣ. Въ то время, какъ ихъ вездѣ преслѣдовали, Мюнстеръ представлялъ имъ безопасное убѣжище и потому они стекались туда со всѣхъ сторонъ. Два человѣка, переселившіеся изъ Нидерландовъ, *Іоаннъ Маттисенъ*, Гарлемскій булочникъ, и *Іоаннъ Бокольдъ*, Лейденскій портной, сдѣлались особенно сильными предводителями партіи перекрещенцевъ. Духъ смѣлости, поселенный между перекрещенцами этими двумя лицами, обнаружился немедленно по ихъ прибытіи. 8-го февраля 1534 года фанатизмъ взволновалъ народъ; на слѣдующій день перекрещенцы собрались передъ ратушей, осадили ее и хотѣли господствовать надъ городомъ; другіе граждане также вооружились, но у нихъ опять не достало рѣшительности окончить дѣло оружіемъ и они предпочли еще разъ примириться съ перекрещенцами. Большая часть зажиточныхъ гражданъ, опасаясь безпрестанныхъ безпокойствъ, выѣхала изъ города; оставшіеся же должны были для своего спокойствія принять второе крещеніе. Безпорядки въ Мюнстерѣ продолжались до 1535 года и не прежде какъ ночью съ 24-ое на 25-го іюня этого года епископъ снова овладѣлъ своимъ городомъ.

Завоеваніе Виртемберга Ландграфомъ Гессенскимъ и продолжительные безпорядки въ Мюнстерѣ показали самымъ яснымъ образомъ безсиліе Им-

періи и доказали, что избраніе Фердинанда въ короли нисколько ей не помогало. Самъ Императоръ находился въ Испаніи; лѣтомъ 1535 года онъ совершилъ оттуда походъ противъ Туниса. Совершивъ походъ съ величайшимъ успѣхомъ, онъ въ 1536 году прибылъ въ Италію и снова началъ заботиться о созваніи собора. Протестанты отвергли соборъ такъ называемыми *Шмалькальденскими статьями*, а Императоръ не могъ рѣшительно приняться за дѣла Германскія, тѣмъ болѣе, что снова былъ вовлеченъ въ войну съ Франціомъ, королемъ Французскимъ, за обладаніе Миланомъ. Протестанты, составлявшіе Шмалькальденскій союзъ, воспользовались этими обстоятельствами для распространенія реформаціи. Въ слѣдствіе смерти Георга, герцога Саксонскаго, удаленія кардинала Албрехта изъ Галле, присоединенія къ реформаціи Іоакима II, курфирста Бранденбургскаго, изгнанія Генриха, герцога Брауншвейгскаго, и наконецъ въ слѣдствіе занятія епископскаго престола въ Наумбургѣ однимъ протестантскимъ духовнымъ *во всей сѣверной Германіи была введена реформація.*

Смѣлый морской разбойникъ Хайреддинъ Барбаросса изгналъ Тунисскаго короля Мулей-Гассана изъ его владѣній и со своимъ значительнымъ флотомъ вступилъ подъ покровительство Османскаго султана Сулеймана. Хайреддинъ былъ весьма опасенъ для мореплавателей и угрожалъ большими опасностями Италіи и прочимъ приморскимъ Христіанскимъ землямъ, такъ

что Карлъ самъ лично выступилъ, чтобы сокрушить силу морскаго разбойника. Предпріятіе его было увѣнчано счастливѣйшимъ успѣхомъ. 20-го іюля 1535 года онъ взялъ Тунисъ, освободилъ многихъ Христіанъ, находившихся въ рабствѣ, и возстановилъ изгнаннаго Мулей-Гассана въ прежнемъ его достоинствѣ, обязавъ ежегодною данью (*). Этимъ дѣяніемъ, достойнымъ главы Христіанства, онъ помрачилъ Франца, короля Французскаго, который былъ въ союзѣ съ Турками. Изъ Туниса Императоръ прибылъ въ Италію и отправился въ Римъ; его вездѣ принимали какъ Христіанскаго тріумфатора, съ почестями и изъявленіемъ благодарности. Онъ воспользовался своимъ свиданіемъ съ Папою, чтобы опять возобновить дѣло о соборѣ, а когда Павелъ III дѣйствительно назначилъ соборъ въ Мантуѣ, протестанты въ началѣ 1537 года отвергли его такъ называемыми Шмалькальденскими статьями, въ которыхъ Лютеръ весьма рѣзко высказалъ свое отреченіе отъ папства (**). Шмалькальденскія статьи, были приняты также Англичанами въ южной Германіи и Швейцаріи, послѣ того, какъ Страсбургскій богословъ Буцеръ своими стараніями успѣлъ соединить обѣ партіи такъ называемою Виттенбергскою конкордіею. При этихъ обстоятельствахъ Папа снова отложилъ соборъ: Императоръ же именно въ это время былъ вовлеченъ въ войну съ Королемъ Французскимъ и по этому не могъ приняться за дѣла Германскія съ большею энергіею. Францъ Сфорца, герцогъ Миланскій, умеръ 24-го октября 1535 года бездѣтнымъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ Императора, который и безъ того имѣлъ право на это наслѣдство: между тѣмъ король Францъ объявилъ, что онъ отказался отъ Милана только въ пользу Сфорцы и что слѣдственно теперь притязанія его на этотъ го-

*) Diarium expeditionis Tunetanae, interprete J. Etropio, ap. Schard. T. II. Antonii Ponti Hariadenus Barbarossa seu bellum Tunetanum in A. Matthaei Analectis vet. aevi, T. I.

**) Чтобъ понять надлежащимъ образомъ смѣлостьвъ выраженіяхъ Лютера, нужно припомнить, что Шмалькальденскія статьи были государственнымъ актомъ который надобно было представить Императору.

родъ снова имѣютъ силу. Въ слѣдствіе этого въ 1536 году между ними произошла война и Карлъ рѣшился начать ее вторженіемъ во Францію. Король же Францъ хотѣлъ занять берега Роны и Дюранса, утвердить два крѣпкіе лагеря при Авиньонѣ и Валенсѣ и такимъ образомъ голодомъ истощить войско своего противника. Этотъ планъ удался ему сверхъ ожиданія: въ то время, какъ оба войска стояли другъ противъ друга, не дѣлая нападенія, въ лагерѣ Карла произошелъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ слѣдствіе чего появилась зараза, отъ которой погибло до 30,000 человѣкъ, такъ что Императоръ долженъ былъ возвратиться въ Италію; здѣсь онъ заболѣлъ и въ ноября мѣсяцѣ на кораблѣ отправился въ Испанію. Въ слѣдующемъ году война продолжалась безъ рѣшительныхъ успѣховъ; хотя Папа старался при своемъ посредничествѣ заключить миръ между соперниками, но ему удалось произвести только перемиріе на 10 лѣтъ, которое и было заключено въ Ниццѣ въ 1538 году. Въ этомъ-же году Императоръ и Король имѣли свиданіе въ Эгъ-Мортѣ, но оно нисколько не утвердило между ними взаимнаго довѣрія, точно также какъ и путешествіе Карла въ 1540 году чрезъ Францію въ Гентъ, чтобы своимъ присутствіемъ подавить происшедшее тамъ возстаніе. Оба монарха при этихъ случаяхъ были весьма учтивы другъ съ другомъ, но споры между ними нисколько не уменьшились и въ будущности все еще угрожала война.

Такимъ положеніемъ дѣлъ протестанты воспользовались какъ нельзя лучше. Шмалькальденскій союзъ принималъ подъ свое покровительство и тѣ сословія, которыя приняли реформацію уже послѣ Нюренбергскаго религіознаго мира, и всѣхъ обѣщалъ соединенными силами защищать противъ опредѣленій Каммергерихта. Перевѣсъ Шмалькальденскаго союза надъ католиками увеличивался съ каждымъ днемъ, такъ что католики должны были противопоставить ему подобную же силу. Императорскій вице-канцлеръ Гельдъ, занимавшійся до сихъ поръ переговорами съ протестантами касательно собора и огорченный безуспѣшнымъ окончаніемъ ихъ, ѣздилъ теперь ко всѣмъ като-

лическимъ дворамъ, съ тѣмъ, чтобы противъ Шмалькальденскихъ союзниковъ составить католическую лигу. И дѣйствительно она была заключена въ Нюрнбергѣ 10-го іюня 1538 года. Кромѣ Императора и Римскаго Короля членами ея были герцоги Баварскіе, Георгъ, герцогъ Саксонскій, герцоги Брауншвейгскіе: Эрикъ старшій и Генрихъ младшій и архіепископы Майнцскій и Зальцбургскій. Впрочемъ католическая лига не достигла никакого значенія: вся ея дѣятельность была уже ослаблена тѣмъ, что въ слѣдующемъ году она лишилась Георга, герцога Саксонскаго, смерть котораго произвела великія перемѣны въ сѣверной Германіи.

Георгъ былъ всегдашнимъ противникомъ реформаціи, и, не смотря на всѣ трудности удержать старое церковное устройство вблизи курфиршества Саксонскаго, принявшаго реформацію, онъ успѣлъ въ этомъ своими неутомимыми усиліями. Сыновья его умерли еще при немъ и наслѣдство переходило къ его брату Генриху, который столь-же ревностно держался Лютеранства, какъ онъ самъ Католичества. Сначала Георгъ старался обязать своего брата, чтобы онъ, принявъ правленіе, не производилъ никакихъ перемѣнъ въ дѣлахъ религіи; но когда Генрихъ отказался отъ этого, то онъ намѣревался завѣщать свою землю Австрійскому дому. Между тѣмъ онъ умеръ 17-го апрѣля 1539 года, не успѣвъ привести въ исполненіе своего намѣренія; наслѣдникъ же его Генрихъ тотчасъ ввелъ въ своихъ владѣніяхъ реформацію. Какъ смерть Георга, такъ равно и удаленіе изъ Галле кардинала Албрехта Майнцскаго содѣйствовало совершенному уничтоженію прежняго церковнаго устройства въ этихъ странахъ. До сихъ поръ Албрехтъ имѣлъ свою резиденцію въ Галле и препятствовалъ распространенію реформаціи въ своихъ епархіяхъ Магдебургской и Гальберштадтской; теперь же, думая, что онъ одинъ не въ силахъ удержать потокъ нововведенія, рѣшился извлечь изъ развалинъ прежняго церковнаго устройства еще столько выгодъ, сколько было возможно; за принятіе на себя его долговъ и за уплату значительныхъ суммъ онъ позволялъ земскимъ сословіямъ своихъ духовныхъ

княжествъ въ сѣверной Германіи вводить у себя какую имъ угодно форму религіи и церковнаго устройства. Какъ скоро послѣ того онъ оставилъ Галле и переселился въ Майнцъ, то вездѣ были призваны Лютеранскіе проповѣдники и въ короткое время Магдебургская и Гальберштадтская области были преобразованы по правиламъ реформаціи. Не менѣе важно было и то, что почти въ это-же самое время къ новой церкви присоединился также Іоакимъ II, курфирстъ Бранденбургскій. Отецъ его Іоакимъ I-й былъ ревностнымъ приверженцемъ папизма, супруга-же его была столь предана новому ученію, что оставила своего мужа, чтобы жить въ Виттенбергѣ, вблизи Лютера. Особенная приверженность ея къ Лютеранству перешла и къ ея дѣтямъ; по этому, по смерти стараго Курфирста въ 1535 году, надобно было ожидать, что наслѣдникъ его Іоакимъ II отпадетъ отъ старой церкви. Между тѣмъ Іоакимъ сначала не дѣлалъ этого изъ уваженія къ своимъ тестямъ Георгу, герцогу Саксонскому, котораго дочь была его первою женою, и Сигизмунду, королю Польскому, съ дочерью котораго онъ былъ въ второмъ бракѣ. Но когда въ герцогствѣ Георга была введена реформація и когда удаленіе Албрехта изъ Галле лишило Католичество въ этихъ странахъ послѣдней опоры, то Іоакимъ оставилъ старую церковь и открыто призналъ то ученіе, къ которому уже давно былъ преданъ въ тишинѣ. 1-го ноября 1539 года онъ принялъ причащеніе подъ обоими видами; его примѣру послѣдовали его совѣтники, чиновники, Берлинскій магистратъ и большая часть гражданъ, такъ что въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ реформація была введена безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ.

Вскорѣ по введеніи реформаціи въ большей части сѣверной Германіи самымъ мирнымъ образомъ, отъ Католичества силою было отторжено цѣлое герцогство. Генрихъ, герцогъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, при всѣхъ случаяхъ выказывалъ себя самымъ ожесточеннымъ противникомъ реформаціи. Въ 1538 году Ландграфъ Гессенскій перехватилъ письмо Герцога къ Архіепископу Майнцскому, которое было наполнено не только оскорбленіями для Ланд-

графа лично, но и угрозами его партіи. Это подало поводъ къ публичной перепискѣ между ними, которая съ обѣихъ сторонъ была ведена съ величайшею грубостію (*). Она продолжалась нѣсколько лѣтъ и ожесточили ихъ другъ противъ друга до высшей степени, а когда въ октябрѣ 1540 года имперскій Каммергерихтъ опредѣлилъ оштрафовать имперскій городъ Госларъ, принятый въ Шмалькальденскій союзъ, то Герцогъ Брауншвейгскій принялъ на себя исполненіе приговора для того только, чтобы раздражить своихъ противниковъ. Но уже можно было предвидѣть, что противная партія этого не допуститъ и дѣйствительно Императоръ долженъ былъ уничтожить приговоръ, чтобы не допуститъ войны между герцогомъ Генрихомъ и главами Шмалькальденскаго союза. Едва только Императоръ оставилъ имперію, предпринявъ походъ противъ Алжира, какъ герцогъ Генрихъ началъ притѣснять Госларъ. Курфирстъ Саксонскій и Ландграфъ Гессенскій поспѣшили Гослару на помощь. Въ іюлѣ 1542 года они вступили въ Брауншвейгъ, предводительствуя 16,000 пѣхоты и 4000 конницы, и въ короткое время покорили всю страну при всеобщемъ торжествѣ жителей. Герцогъ съ своимъ сыномъ убѣжалъ въ Баварію. Разумѣется въ завоеванной землѣ была введена реформація. Шмалькальденскіе союзники объявили герцогамъ Баварскимъ, которые вступились за изгнаннаго князя, чтобы сей послѣдній не вступалъ уже болѣе во владѣніе своею землею, и отклонили вмѣшательство имперскаго Каммергерихта тѣмъ, что 4-го декабря 1542 года декларацією во всемъ отказались повиноваться этому верховному судилищу. Они приводили на это слѣдующія основанія: различіе религіи и простирающее

(*) Одинъ памфлетъ Курфирста Саксонскаго противъ Герцога Брауншвейгскаго былъ озаглавленъ такъ: Wahrhaftige, beständige, ergründete christenliche und aufrichtige Verantwortung wider des verstockten, gottlosen, vermaledeieten, verfluchten, bösthätigen Ehrenschänders, auch hurensüchtigen Holofernes von Braunschweig unverschämt calphurnisch Schand-und Lügenbuch. Лютеръ также вмѣшался въ этотъ споръ и напечаталъ противъ Герцога одну статью подъ заглавіемъ: Wider Hans Wurst Doctor Martinus Luther.

изъ него пристрастіе судей. Могущество союза и страхъ, распространяемый имъ, были такъ велики, что Римскій король Фердинандъ долженъ былъ согласиться на это. Когда въ послѣдствіи герцогъ Генрихъ, противъ воли и повелѣнія Императора, хотѣлъ снова утвердиться въ своихъ владѣніяхъ, то 22-го октября 1545 года онъ былъ пораженъ при Кальфельдѣ и попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Еще болѣе шуму надѣлалъ другой насильственный поступокъ. Когда въ епископствѣ Наумбургскомъ, окруженномъ владѣніями Курфирста Саксонскаго, въ 1541 году упразднилось мѣсто епископа, то у Курфирста родилась мысль совершенно лишить Епископа Наумбургскаго управленія его владѣніями и замѣнить его лютеранскимъ духовнымъ. Но онъ хотѣлъ это сдѣлать съ одобренія юристовъ и богослововъ и требовалъ отъ юристовъ доказательства, что епископство Наумбургское издавна находится подъ властію Саксонскаго владѣтеля и что слѣдовательно безъ согласія его никакой выборъ епископа не можетъ имѣть силы; а отъ богослововъ — мнѣнія, какъ-бы побудить домкапитулъ къ избранію такого епископа, который дѣйствительно обладалъ-бы всѣми качествами, предписываемыми апостоломъ Павломъ. Юристы исполнили требованіе своего государя согласно съ его желаніемъ; богословы-же, будучи убѣждены, что въ такомъ государствѣ, какъ Нѣмецкая имперія, церковь можетъ сохранить свою независимость только при участіи мужей изъ дворянскихъ и княжескихъ фамилій, совѣтовали, чтобы домкапитулъ избралъ въ епископы какаго-либо князя, преданнаго чистому ученію. Между тѣмъ отъ домкапитула не скрылись тайныя намѣренія Курфирста и, чтобы предупредить его, онъ ускорилъ избраніе новаго епископа и избралъ Юлія Пфлуга, происходившаго изъ благородной Саксонской фамиліи. Курфирстъ воспротивился этому избранію и силою утвердилъ епископомъ имъ самимъ избраннаго лютеранина Николая Амсдорфа. У новаго епископа не только были отняты свѣтскія права, но и управленіе доходами; онъ получалъ не болѣе 600 гульденовъ и слѣдо-

вательно былъ ничто иное, какъ чиновникъ, служащій на жалованьи у Курфирста Саксонскаго, между тѣмъ какъ до сихъ поръ епископъ былъ такимъ-же имперскимъ княземъ, какъ и самъ Курфирстъ. Курфирстъ не смотря на императорскіе рескрипты и рѣшенія имперскаго сейма, съ твердостію поддерживалъ поставленнаго имъ епископа и Пфлугъ достигъ своихъ правъ, а Амсдорфъ оставилъ присвоенное достоинство не прежде уничтоженія Шмалькальденскаго союза, т. е. не ранѣе 1547 года.

Послѣ того какъ вся сѣверная часть Имперіи въ нѣсколько лѣтъ была совершенно преобразована, реформація казалась непреодолимою и вездѣ болѣе и болѣе обнаруживалась склонность уступать ей. Такъ Германъ, архіепископъ Кельнскій, началъ вводить реформацію въ своихъ владѣніяхъ; реформаторскій духъ пробудился также и въ гражданахъ Метца. Всѣ обращавшіеся въ реформацію находили себѣ опору въ Шмалькальденскомъ союзѣ, которому не могла противустоять никакая сила въ Германіи. Этотъ союзъ съ 1531 года, т. е. со времени своего образованія распространялся, и пріобрѣталъ одну выгоду за другою: онъ вынудилъ у Императора Нюренбергскій религіозный миръ, отвергъ вмѣшательство Рейхскаммергерихта въ дѣла вѣры и наконецъ совершенно отказалъ ему въ повиновеніи; онъ-же возстановилъ власть Ульриха, герцога Виртембергскаго, въ его владѣніяхъ, и изгналъ Генриха, герцога Брауншвейгскаго; видя пріобретенное имъ

могущество, Курфирстъ Саксонскій возвелъ въ епископское достоинство лютеранина; надѣясь на его помощь, епископы и города начали принимать реформацію. Но это уже былъ верхъ могущества союза; послѣ этого онъ началъ ослабѣвать и упадать, и именно въ то время, когда болѣе всего надобно было дѣйствовать рѣшительно, потому что Императоръ, счастливо окончивъ новую войну съ Францомъ, королемъ Французскимъ, миромъ въ Креспи и имѣя подъ своимъ начальствомъ войско, составленное изъ Итальянцевъ и Испанцевъ, требовалъ, чтобы протестанты покорились всеобщему собору, котораго они столь часто желали.

Чѣмъ болѣе увеличивался Шмалькальденскій союзъ во внѣшнемъ объѣмѣ, тѣмъ болѣе онъ принималъ въ себя началъ своего внутренняго паденія. Тѣ прекрасные дни, когда члены союза собирались въ Шмалькальденѣ и когда на собраніе являлись всѣ князья лично, уже давно прошли; теперь при самыхъ важныхъ переговорахъ присутствовали только нѣкоторые члены союза, другіе-же вмѣсто себя посылали своихъ чиновниковъ и то безъ достаточнаго уполномочія; многіе уже болѣе не вносили установленныхъ суммъ. Большая часть союзниковъ думала о своихъ собственныхъ цѣляхъ и вовсе не заботилась объ общихъ интересахъ. Курфирстъ Саксонскій и Ландграфъ Гессенскій, бывшіе главами союза, не могли не замѣтить упадка его и опаснаго положенія, въ которое они были этимъ поставлены. Надѣясь на силы союза, они рѣшались на такіе поступки, которые навлекли на нихъ неумолимый гнѣвъ Императора, а теперь не могли получить отъ союза никакой помощи. Ландграфъ Гессенскій задумалъ новый союзъ между собою, своимъ зятемъ Морицомъ Саксонскимъ и Курфирстомъ Сак-

сонскимъ; но Курфирстъ не могъ жить въ согласіи съ своимъ двоюроднымъ братомъ Морицомъ и это несогласіе между ними, эта вражда между Эрнестинскою и Албертинскою линіями Саксонскаго дома имѣла весьма важное вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій *). Герцогъ Морицъ, будучи двадцати лѣтъ, наслѣдовалъ своему отцу Генриху 18-го августа 1541 года. Уже отецъ его въ послѣднее время показывалъ явную холодность къ Шмалькальденскому союзу и не платилъ условленной суммы. Морицъ-же совершенно отказался отъ участія въ союзѣ. Такъ какъ онъ былъ воспитанъ при дворѣ герцога Георга, ревностнаго католика, то многіе ожидали, что онъ опять обратится къ старой церкви, но это ожиданіе не оправдалось. Морицъ остался вѣрнымъ протестантству, однако-же не хотѣлъ соединить своей судьбы съ судьбою Шмалькальденскаго союза, котораго паденіе было явно; тѣмъ болѣе еще онъ не хотѣлъ вступить подъ руководство своего двоюроднаго брата, Курфирста, котораго онъ далеко превосходилъ своими дарованіями; и такъ онъ рѣшился соединиться съ Императоромъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда Императоръ прибылъ въ Германію съ войскомъ, состоящимъ изъ Испанцевъ и Итальянцевъ.

Императоръ, усмиривъ возстаніе въ Гентѣ и успокоивъ Нидерланды, предпринялъ походъ противъ Алжира, откуда Гассанъ-Ага, предводительствуя морскими разбойниками, дѣлалъ нападенія на берега Италіи и Испаніи. Этотъ второй походъ Карла противъ невѣрныхъ на сѣверо-африканскихъ берегахъ не былъ такъ удаченъ, какъ первый. Онъ былъ предпринятъ слишкомъ поздно, именно осенью 1541 года. Едва только Императоръ успѣлъ пристать къ берегу и высадить войско, какъ вдругъ начались проливные дожди, такъ что всѣ палатки были пробиты на сквозь, артиллерійскія орудія и порохъ сдѣлались никуда не годными и никто не могъ оставаться въ этой наводненной странѣ: къ тому-же императорскій флотъ былъ застигнутъ оркаѳомъ и частію пото-

*) Dr. Fr. A. v. Langenn's Moritz, Herzog und Churfürst zu Sachsen. Leipzig 1841, 2 Bde in. 8°.

плѣнъ, а частію разсѣянъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать объ исполненіи предпріятія и все вниманіе было обращено только на то, чтобы счастливо вывести войско изъ Африки. Карлъ въ этомъ затрудненіи сохранилъ величайшее присутствіе духа *); онъ своею рѣшительностію успѣлъ опять посадить войско на корабли и въ ноябрѣ 1541 года возвратился въ Испанію; но, прибывъ въ Европу онъ тотчасъ былъ вовлеченъ въ новую войну со старымъ своимъ соперникомъ Франциомъ, королемъ Французскимъ. Карлъ отдалъ герцогство Миланъ въ лено сыну своему Филиппу; Францъ же, видя это и досадуя на то, что надежды его на Миланъ не оправдались, воспользовался убіеніемъ въ Миланской области двухъ Французскихъ агентовъ и принялъ это за предлогъ къ объявленію Императору войны. Такъ какъ Герцогъ Клевскій вступилъ въ союзъ съ Франціею, то Императоръ, опасаясь за свои Нидерланды, въ 1543 году прибылъ въ Германію съ Испанско-Итальянскимъ войскомъ и сдѣлалъ на него нападеніе. Въ сентябрѣ Герцогъ принужденъ былъ покориться и на колѣняхъ у Императора просить помилованія, которое и получилъ, только съ обязательствомъ отстать отъ союза съ Франціею и отказаться отъ Гельдерна. По покореніи Герцога Клевскаго Императоръ рѣшился, при помощи Нѣмецкой имперіи, изъ Германіи нанести Франціи рѣшительный ударъ. Такъ какъ по этому случаю для него важнѣе всего было остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ протестантами, то онъ старался успокоить Шмалькальденскихъ союзниковъ и на Шпейерскомъ сеймѣ въ 1544 году такъ умѣлъ привязать ихъ къ себѣ, что собственно ихъ содѣйствію былъ обязанъ тѣмъ, что Имперія участвовала въ войнѣ противъ Франціи. Получивъ помощь отъ Имперіи и имѣя свое собственное войско, Карлъ въ этомъ-же году двинулся во

*) Caroli V expeditio ad Argeriam per N. Villagagonem, equitem Rhodium, ap. Schard. T. II. Іовій, также современный историкъ, выражаетъ состояніе Карла въ слѣдующихъ словахъ: Caesar nullum timoris signum edidit, sed ea animi fortitudine ac praesentia, qua in maxima tranquillitate usus fuerat, quo ceteris metum adimeret, omnem fortunae injuriam toleravit.

Францію и проникъ такъ далеко, что отстоялъ на два дня пути отъ самаго Парижа. Генрихъ VIII Англійскій также принялъ участіе въ этой войнѣ, какъ союзникъ Императора, и, завоевавъ Булонь, вторгся изъ него во Францію. Будучи этимъ приведенъ въ опасное положеніе, король Францъ склонился къ миру, который и былъ заключенъ между нимъ и Императоромъ въ Кресси 18-го сентября 1544 года на слѣдующихъ условіяхъ: обѣ стороны обязались возвратить свои завоеванія и Францъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на спорныя земли; Императоръ же обѣщалъ выдать за Карла, герцога Орлеанскаго, втораго сына Короля, или свою дочь Марію, и за нею отдать въ приданое Нидерланды, или дочь Фердинанда, Анну, и за нею отдать Миланъ. Но такъ какъ 8-го сентября 1545 года Герцогъ Орлеанскій умеръ, то послѣднее условіе было уничтожено, слѣдовательно все осталось въ такомъ-же положеніи, въ какомъ было и до начала войны, и изъ всѣхъ плановъ Франца увеличить свои владѣнія не осуществился ни одинъ.

Всѣ бывшія доселѣ примиренія съ протестантами заключались всегда на время до всеобщаго собора и слѣдовательно съ открытіемъ собора миръ прекращался и протестанты должны были или соглашаться съ соборомъ, или ожидать, что Императоръ употребитъ противъ нихъ силу. Такъ какъ въ декабрѣ 1545 года дѣйствительно былъ созванъ *соборъ въ Тридентѣ*, протестанты-же объявили, что они не могутъ признать этого собора такимъ, которому они подали аппеляцію, то обѣ партіи взялись за оружіе и наконецъ надобно было рѣшить дѣло войною, которой такъ долго опасались и которой всегда избѣгали.

Въ послѣдніе годы Императоръ старался прекратить расколъ религіозными преніями, въ которыхъ участвовали бы обѣ партіи. Съ этою цѣлію подобныя пренія для рѣшенія спорныхъ пунктовъ дѣйствительно были въ Вормсѣ и Регенсбургѣ въ 1540 и 1541 годахъ: но чѣмъ болѣе обѣ партіи согласовались въ нѣкоторыхъ пунктахъ, тѣмъ болѣе увеличивалось разногласіе между ними касательно другихъ. Окончаніе этихъ религіозныхъ преній достаточно показало, что и собору не удастся примирить противныя партіи. Что одна партія хотѣла признавать всеобщимъ и божественнымъ, то другая отвергала, какъ дѣло человѣческое. По этому, когда въ 1545 году Папа назначилъ соборъ въ Тридентѣ, то Императоръ на Вормскомъ имперскомъ сеймѣ напрасно старался побудить протестантовъ также присутствовать на соборѣ. Здѣсь только было рѣшено, чтобы въ началѣ слѣдующаго года снова собрать имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ. Между тѣмъ 13-го декабря 1545 года Тридентскій соборъ дѣйствительно уже былъ открытъ *). Такъ какъ все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что протестанты не будутъ присутствовать на соборѣ, то и католики съ своей стороны не выказывали большой ревности къ нему и папскіе легаты должны были ждать восемь мѣсяцевъ, пока собралось достаточное число членовъ, чтобы можно было открыть соборъ съ честію. Императоръ желалъ начать соборъ совѣщаніемъ объ устройствѣ Церкви, Папа-же хотѣлъ положить начало разсужденіемъ о догматахъ вѣры; по этому сначала произошелъ споръ и большинствомъ

*) Мы имѣемъ два подробныя, но совершенно противоположныя описанія Тридентскаго собора, одно *Фра Паоло Сарпи* (Istoria del Concilio Tridentino, nella quale si scuoprono tutti gli arteficij della corte di Roma, per impedire, che nè la verita de' dogmi si patefasse, nè la riforma del Papato e della chiesa si tentasse. London. 1619), другое-же *Сфорцы Паллавичини* (Istoria del Concilio di Trento. Rom 1664). Первый, какъ уже показываетъ заглавіе его сочиненія, старается обвинить папство; второй-же явно стремится къ тому, чтобы опровергнуть обвиненія Сарпи. Разумѣется, что они оба пристрастны и слѣдовательно, чтобы узнать истину, нужно читать какъ того, такъ и другаго. См. Ранке: Zur Kritik Sarpi's und Pallavicini's въ его Geschichte der Römischen Päpste, Band 3, S. 270—289.

голосовъ было рѣшено, въ одно и то же время трактовать объ обоихъ предметахъ вмѣстѣ. Естественно, что сначала было обращено вниманіе на тѣ изъ догматовъ вѣры, которые занимали свѣтъ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ, и между ними прежде всего на спорный пунктъ, который былъ весьма важенъ для начала и послѣдующаго хода реформаціи, именно: заключается-ли все Христіанское ученіе исключительно въ писаніи или кромѣ его должны имѣть значеніе и преданіе церковныя? Съ этимъ вопросомъ соединялись и другіе: можно-ли всѣ книги, употребляемыя въ церквахъ, считать истинными и достовѣрными; необходимо-ли для уразумѣнія Св. Писанія, знать языкъ, на которомъ оно первоначально было написано; должно ли измѣнить ученіе вѣры въ слѣдствіе варіантовъ и изъясненій основнаго текста и тѣмъ возвысить грамматиковъ на степень судей въ дѣлахъ вѣры. Послѣ многихъ споровъ касательно этихъ вопросовъ 8-го апрѣля 1546 года соборъ положилъ: что истина заключается въ книгахъ Св. Писанія и въ неписанныхъ преданіяхъ, которыя апостолы получили изъ устъ Христа и которыя, будучи охраняемы Св. Духомъ, и послѣ апостоловъ, переходя отъ однихъ до другихъ, дошли до настоящаго собора. Всѣ каноническія книги Св. Писанія были объявлены богодухновенными; въ это число были приняты и такъ называемые апокрифы. Vulgata была утверждена и во всѣхъ публичныхъ лекціяхъ, диспутахъ проповѣдяхъ и изъясненіяхъ она одна должна была считаться достовѣрною (pro authentica habeatur). Наконецъ было положено, чтобы въ дѣлахъ вѣры и воспитанія, относящихся къ Христіанскому ученію, никто не смѣлъ мудрствовать изъ довѣрія къ своему уму, изворачивать смыслъ Св. Писанія и такимъ образомъ дѣйствовать противъ правилъ Вселенской Церкви.

Императоръ назначилъ теперь имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ, гдѣ, по его распоряженію, съ января 1546 года снова было открыто религіозное преніе между учеными богословами, окончившееся въ мартѣ безъ всякаго успѣха. Прибывъ 10-го апрѣля 1546 го-

да въ Регенсбургъ, Императоръ не нашелъ тамъ ни одного князя, а только нѣсколькихъ пословъ. Онъ снова разослалъ пригласительныя грамматы, въ которыхъ представлялъ сословіямъ затруднительное положеніе имперіи и повелѣвалъ имъ явиться какъ можно скорѣе. Въ слѣдствіе этого всѣ протестантскіе князья, не принадлежавшіе къ Шмалькальденскому союзу, явились лично; отъ союзниковъ-же прибыли только послы. На этомъ сеймѣ дѣло дошло до разрыва. 5-го іюня Императоръ открылъ сеймъ рѣчью, въ которой съ горестію говорилъ, что всѣ употребленныя имъ до сихъ поръ усилія остались тщетными и что ни одна изъ его надеждъ не оправдалась. Католическія имперскія сословія отвѣчали на это Императору, чтобы онъ передалъ религіозныя дѣла Тридентскому собору и принудилъ протестантовъ покориться ему; Шмалькальденскіе-же союзники объявили, что они не могутъ признать Тридентскаго собора такимъ, которому они подали апелляцію. Лишенный такимъ образомъ всякой надежды на спокойное примиреніе, Карлъ рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы кончить дѣло оружіемъ. 9-го іюня онъ послалъ въ Римъ кардинала Мадруцци, чтобы заключить союзъ съ Папою. Папа при этомъ союзѣ имѣлъ особенно въ виду религіозные интересы и союзъ явно былъ заключенъ съ тою цѣлію, чтобы силою оружія обратить протестантовъ къ старой церкви и принудить ихъ къ повиновенію Римскому престолу. Такимъ образомъ Папа выставилъ въ поле 12,000 пѣхоты и 500 всадниковъ и обѣщалъ содержать это войско въ продолженіе шести мѣсяцевъ отъ начала войны; кромѣ того онъ позволилъ Императору обратить на эту войну половину годовыхъ доходовъ со всѣхъ Испанскихъ церквей. Но между тѣмъ какъ Папа смотрѣлъ на эту войну, какъ на дѣло чисто религіозное, Императоръ, находившійся въ Регенсбургѣ, возвысилъ ея политическое значеніе и, привлекши на свою сторону даже протестантскихъ князей, далъ этому дѣлу совершенно другой видъ. Важнѣе всего было то, что Императоръ привлекъ на свою сторону Морица, герцога Саксонскаго; Морицъ и другіе протестантскіе князья, согласившіеся на предложенія

Императора, обѣщали покориться Тридентскому собору. По всему видно было приближеніе войны. Императоръ разослалъ бывшихъ при немъ капитановъ и полковниковъ набирать войска; графу фонъ Бюрену отдано было приказаніе прибыть въ скоромъ времени съ арміею, которою онъ командовалъ въ Нидерландахъ; изъ Италіи уже приближались папскія войска. Шмалькальденскіе союзники не могли долго сомнѣваться, что все это будетъ направлено на нихъ: но съ убѣжденіемъ, что наконецъ послѣ многихъ колебаній настала рѣшительная минута, Шмалькальденскій союзъ повидимому получилъ прежнюю рѣшительность: онъ взялся за оружіе.

Прежде нежели обѣ партіи для рѣшенія своего дѣла обнажили мечи, главный виновникъ всѣхъ этихъ волненій, сообщившій имъ первый толчекъ, былъ похищенъ изъ браннаго шума и переселенъ въ жилище мира: ночью съ 17-го на 18-е февраля 1546 года въ Эйслебенѣ умеръ Лютеръ. Онъ до послѣдняго вздоха сохранилъ двѣ отличительныя черты, именно: непоколебимую вѣру въ Іисуса Христа, какъ Спасителя міра, и непримиримую ненависть къ тому, кто именовалъ себя намѣстникомъ Христовымъ на землѣ.

Какъ ни рѣшительно протестанты взялись за оружіе, не смотря на то главы союза скоро обнаружили въ своихъ движеніяхъ и повелѣніяхъ какую-то нетвердость и нерѣшительность. Объявленное Императоромъ осужденіе начальниковъ союза на изгнаніе не осталось безъ своего нравственнаго дѣйствія и увеличило нерѣшительность протестантовъ. Такъ Императоръ пріобрѣлъ перевѣсъ въ южной Германіи и всѣ бывшіе тамъ члены Шмалькальденскаго союза къ концу 1546 года принуждены были покориться ему. Въ слѣдующемъ году онъ напалъ на

Курфирста Саксонскаго въ его собственныхъ владѣніяхъ и 24-го апрѣля побѣдою при Мюльбергѣ на Эльбѣ покорилъ своей власти Курфирста и всѣ его земли; владѣнія и курфирстское достоинство плѣнника онъ передалъ Морицу, герцогу Саксонскому. Теперь и Ландграфу Гессенскому болѣе ничего не оставалось, какъ признать надъ собою власть Императора и остаться въ заключеніи, на которое онъ былъ осужденъ. *Такъ распался Шмалькальденскій союзъ*, и только Магдебургъ и нѣкоторые города въ нижней Саксоніи, во главѣ которыхъ былъ Бременъ, рѣшились продолжать сопротивленіе *)

При начатіи Шмалькальденской войны Императоръ находился въ Регенсбургѣ, не болѣе какъ съ 3,000 Испанцевъ, 5,000 Нѣмецкихъ ратниковъ и 700 всадниками; самъ онъ такъ страдалъ ревматизмомъ, что даже не могъ сидѣть на лошади. По этому онъ старался избѣгать всего, что могло дать Шмалькальденской войнѣ видъ войны религіозной. Съ этою-же цѣлію 22-го іюля 1546 года, объявляя свой приговоръ на изгнаніе главныхъ участниковъ союза, онъ ничего не упомянулъ о дѣлахъ собора, упрекалъ Курфирста Саксонскаго и Ландграфа Гессенскаго только въ томъ, что они изъ своекорыстія дѣлали тщетными его постоянныя и многолѣтнія усилія, скрывая подъ видомъ религіи свои преступные замыслы. Но не упомянувъ ничего о соборѣ, Карлъ впалъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, ибо непонятно было, отчего

*) Все, что касается до Шмалькальденской войны, собрано въ сочиненіи: Fr. Hortleder's, Handlungen und Ausschreiben von den Ursachen des deutschen Kriegs Kaiser Karls V wider die Shmalkaldischen Bundesverwandten. Gotha 1645.

теперь Императоръ вдругъ вмѣнилъ участникамъ Шмалькальденскаго союза въ преступленіе и счелъ за государственную измѣну то, что допускалъ до сихъ поръ въ продолженіе многихъ лѣтъ и на столь многихъ сеймахъ. Онъ имѣлъ право на войну только по отношенію къ собору, но по своимъ политическимъ видамъ именно этотъ предлогъ старался устранить. Весьма естественно, что такимъ образомъ онъ не могъ угодить Папѣ. Тотъ болѣе всего желалъ сдѣлать извѣстнымъ, что эта война, которая отчасти была ведена и его силами, предпринята для возстановленія церковнаго устройства, потрясеннаго протестантами. Съ этою цѣлію онъ буллою далъ знать Швейцарскому союзу о заключеніи союза съ Императоромъ и объявилъ, что этотъ союзъ заключенъ только для защищенія старой религіи отъ безбожныхъ и упорныхъ еретиковъ. Кромѣ того Папа обнародовалъ обѣщаніе самаго милостиваго отпущенія грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые примутъ участіе въ походѣ Императора или будутъ ему содѣйствовать молитвою и милостынею. Это обстоятельство разрушило весь планъ Императора: Карлъ потерялъ теперь все въ глазахъ народа и богослововъ и протестантская церковь считала его наравнѣ съ Папою и Турками. Еще сильнѣйшее дѣйствіе оно произвело на Шмалькальденскихъ союзниковъ; они съ неожиданнымъ единодушіемъ и энергіею взялись теперь за оружіе и чрезъ нѣсколько недѣль вывели въ поле 50,000-ую армію и артиллерію изъ 120 пушекъ. Казалось, что начальники союза, предводительствуя такою силою, могли-бы смѣлымъ ударомъ отвѣтить на объявленный имъ приговоръ; но у нихъ не доставало согласія и въ союзническомъ войскѣ, гдѣ многіе имѣли право подавать свой голосъ, различіе мнѣній военачальниковъ вскорѣ обнаружило свое пагубное дѣйствіе (*). Предво-

*) Perizonius (comment. rerum sub Carolo V gestarum даетъ слѣдующую прекрасную характеристику обоихъ начальниковъ союза: Summam rerum curabant Elector et Landgravius, paribus auspiciis sed auctoritate illius maiore. Erat Landgravius vir strenuus, consilio et manu promptus, communi causae addictissimus, nec dubium, quin, si solus habuisset imperium, longe melius et felicius rem gessisset atque imparatum adhuc Caesarem forsan

дитель войска имперскихъ городовъ, Севастьянъ Шертлинъ, открылъ войну походомъ въ Тироль, съ тѣмъ, чтобы заградить путь Итальянскимъ войскамъ и разогнать Тридентскій соборъ; но среди исполненія своего плана онъ былъ отозванъ, чтобы соединить свои силы съ большимъ войскомъ Курфирста и Ландграфа. Опасаясь вступить въ Баварію, которая держала нейтралитетъ, Шмалькальденскіе союзники не могли напасть на Императора, находившагося въ Регенсбургѣ, и онъ успѣлъ присоединить къ себѣ шедшее къ нему изъ Италіи вспомогательное войско, состоявшее изъ 12,000 Итальянцевъ подъ предводительствомъ Оттавія Фарнезе и 6,000 Испанцевъ изъ Неаполя. Однако союзники все еще превосходили Императора своею силою; по этому имъ открылся весьма благопріятный случай, когда 31-го августа обѣ арміи при Ингольштадтѣ подошли одна къ другой такъ близко, что битва казалась неизбѣжною. Протестанты повидимому совершенно приготовились къ бою и къ Императору было послано объявленіе, въ которомъ его привѣтствовали: «Карлъ, называющій себя пятымъ Императоромъ Римскимъ этого имени.» Войско стояло въ боевомъ порядкѣ, началась стрѣльба, но до рѣшительной битвы не дошло; всѣ дѣйствія Шмалькальденскаго войска ограничились тѣмъ, что оно до 2-го сентября стрѣляло въ императоскій лагерь безъ всякаго успѣха. Столь-же безуспѣшна была попытка воспрепятствовать соединенію съ Императоромъ 20,000-му войску, которое шло изъ Нидерландовъ; оно присоединилось къ Императору 15-го сентября. Императорская армія возрасла теперь до 60,000 и была подъ начальствомъ славныхъ генераловъ и опытныхъ офицеровъ. Ясно было, что этотъ походъ кончится ко вреду Шмалькальденскихъ союзниковъ; они начали нуждаться въ деньгахъ и никто

oppressisset. At Elector erat lenti consilii, incertus et fluctuans animi et tamen pervicax, unde factum, ut semper fere haesitaret suspensa mente et oblatas subito occasiones opportunas elabi identidem pateretur, nec facile tamen ab aliis impelli aut persuaderi posset. Vir uno verbo optimus, nec ingenio aut judicio aut rerum peritia destitutus, sed tamen ad res quae expeditam et maturam repuirunt operam, ut sunt bellicae, recte gerendas minus idoneus.

не заботился о поправленіи этого недостатка. Къ тому-же одно совершенно неожиданное событіе вдругъ перемѣнило образъ дѣйствій Курфирста Саксонскаго. Именно въ концѣ октября Морицъ, герцогъ Саксонскій, вторгся въ курфиршество Саксонское и овладѣлъ имъ всѣмъ, исключая не сдававшихся ему городовъ: Виттенберга, Готы и Эйзенаха. Въ оправданіе своихъ дѣйствій Морицъ объявилъ, что такъ какъ король Фердинандъ готовился изъ Богеміи привести въ исполненіе приговоръ Курфирста на изгнаніе, то онъ обязанъ былъ занять курфирстскія владѣнія, чтобы не предать ихъ въ чужія руки. Этотъ поступокъ герцога Морица возбудилъ всеобщее негодованіе между протестантами; его обвиняли въ томъ, что онъ измѣнилъ религіи и предался Императору. Особенно-же былъ разгнѣванъ курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ: горя мщеніемъ и не имѣя покоя, онъ въ скоромъ времени рѣшился предоставить южную Германію самой себѣ. Возвратясь въ свое курфиршество, онъ къ началу 1547 года не только опять овладѣлъ своими землями, но и выгналъ герцога Морица изъ его собственныхъ владѣній.

Удаленіе Курфирста и Ландграфа изъ южной Германіи совершенно предало ее въ руки Императора. Города одинъ за другимъ покорялись ему и тѣмъ съ большею поспѣшностію, чѣмъ болѣе опасались потерять, чѣмъ болѣе боялись императорскаго гнѣва и надѣялись на его милости. Даже Ульрихъ, герцогъ Виртембергскій, былъ весьма радъ, что могъ отдѣлаться только денежнымъ штрафомъ. Въ теченіи января 1547 года императорское войско покорило всѣ прирейнскія земли и вторглось въ Вестфалію. Это вторженіе рѣшило дѣло Германа, архіепископа Кельнскаго, который въ своемъ архіепископствѣ началъ вводить реформацію и Папою былъ за это отрѣшенъ отъ мѣста. Германъ принужденъ былъ покориться папскому приговору и сложить съ себя свое достоинство. Успѣхи въ южной Германіи и особенно большія суммы, собранныя въ городахъ, дали Императору средства продолжать свои удачныя дѣйствія. Весною чрезъ Франконію онъ двинулся въ Богемію и соединился здѣсь съ братомъ своимъ Фердинандомъ и

герцогомъ Морицомъ. Отсюда онъ вторгся въ курфиршество Саксонское и курфирстъ, ожидая изъ Богеміи подкрѣпленія, вдругъ встрѣтилъ идущаго противъ него сильнаго непріятеля. Курфирстъ стоялъ на правомъ берегу Эльбы при Мюльбергѣ, какъ вдругъ на противоположной сторонѣ 24-го апрѣля внезапно появилось непріятельское войско и ему не оставалось другаго средства, какъ быстрымъ отступленіемъ искать защиты въ Виттенбергской артиллеріи. Онъ легко успѣлъ-бы въ этомъ, если-бы непріятель не нашелъ переправы. Но Императоръ съ своею конницею переправился чрезъ рѣку и настигъ Курфирста недалеко отъ Лохаускаго лѣса. Обѣ стороны не имѣли артиллеріи: Курфирстъ отправилъ свою впередъ, а Императоръ долженъ былъ ожидать, пока наведутъ мостъ, чтобы переправить чрезъ Эльбу. Курфирстъ имѣлъ предъ Императоромъ ту выгоду, что у него была пѣхота и стрѣльцы; но стрѣльцы не умѣли воспользоваться этимъ случаемъ: они слишкомъ рано начали стрѣлять и ихъ пули, прежде мѣткія, теперь были издержаны напрасно. Прежде нежели они успѣли начать стрѣльбу во второй разъ, герцогъ Морицъ, предводительствуя Венгерскими гусарами, ворвался въ средину Саксонскаго войска и разсѣялъ его. Конница Курфирста обратилась въ постыдное бѣгство и въ короткое время побѣда была совершенно на сторонѣ Императора. Это сраженіе было рѣшительное, и особенно потому, что курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ попался въ плѣнъ. Карлъ тотчасъ двинулся къ Виттенбергу, гдѣ находилась супруга Курфирста съ дѣтьми; осмотрѣвъ укрѣпленія города, онъ увидѣлъ, что имъ нельзя овладѣть безъ продолжительной осады. Онъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что владѣтель города былъ въ его рукахъ и требовалъ отъ плѣннаго Курфирста, чтобы тотъ приказалъ своимъ подданнымъ сдаться, но Іоаннъ Фридрихъ съ гордостію отвергъ это требованіе. Карлъ видѣлъ въ его отказѣ одно упорство, достойное наказанія; нашлись также такіе люди, которые усиливали его негодованіе и представляли ему, что для совершеннаго укрощенія мятежа и предотвращенія его нуженъ примѣръ строгости. Убѣжденный этимъ Императоръ рѣшился произнести надъ плѣннымъ

Курфирстомъ смертный приговоръ. Такъ какъ исполненіе этого приговора угрожало возмущеніемъ всей Германіи, то протестантскимъ князьямъ, находившимся въ императорскомъ войскѣ, стоило только походатайствовать за несчастнаго плѣнника, представить Императору безполезность и весь вредъ его чрезмѣрной строгости, и онъ склонился на болѣе кроткія мѣры. Впрочемъ смертный приговоръ имѣлъ то дѣйствіе, что курфирстская фамилія сдѣлалась уступчивѣе и 18-го мая былъ заключенъ договоръ, извѣстный подъ именемъ *Виттенбергской капитуляціи*. По этому договору Іоаннъ Фридрихъ уступилъ свои владѣнія Императору, который передалъ ихъ какъ конфискованныя земли, герцогу Морицу съ обязательствомъ оставить за дѣтьми плѣннаго 50,000 гульденовъ ежегоднаго дохода и, вмѣсто наличныхъ денегъ, уступить имъ извѣстное число городовъ и нѣкоторыя волости. Въ договорѣ были исчислены всѣ мѣста, которыми ограничились владѣнія Эрнестинской линіи Саксонскаго дома; важнѣйшія между ними были: Эйзенахъ, Веймаръ и Іена. Такъ какъ, по опредѣленію Золотой Буллы, курфирстское достоинство было нераздѣльно съ курфирстскими владѣніями, то оно также досталось Морицу. Что касается до самого прежняго Курфирста, то онъ, въ наказаніе за свои мятежи, до тѣхъ поръ долженъ былъ оставаться при дворѣ Императора или сына его, Инфанта Испанскаго, пока будетъ угодно его величеству. По этому-же договору Виттенбергъ сдался Императору 24-го мая 1547 года. Замѣчательно, что Альба и Гранвелла совѣтовали Карлу вырыть и сжечь кости Лютера, покоящіяся въ Виттенбергѣ; но Карлъ далъ на это достойный себя отвѣтъ: «Я веду войну съ живыми, а не съ мертвыми: пусть онъ покоится, онъ нашелъ своего судью.» Императоръ изъ уваженія къ протестантскимъ князьямъ, находившимся на его сторонѣ, обошелся съ покореннымъ городомъ чрезвычайно милостиво. Для предотвращенія всякихъ безпорядковъ Испанцы не были впущены въ городъ и въ Виттенбергѣ въ присутствіе самого Императора не было произведено никакой перемѣны въ богослуженіи, но говорили проповѣди и пѣли, какъ и

прежде по-Лютерански. По паденіи Курфирста Саксонскаго для совершеннаго окончанія войны въ пользу Императора не доставало только усмиренія Ландграфа Гессенскаго и покоренія Магдебурга. Ландграфъ, возвратясь изъ южной Германіи, не смотря на силу своего войска и значительную артиллерію, впалъ въ совершенное уныніе. Онъ вовсе не думалъ подать помощь Курфирсту или поспѣшить для освобожденія осажденнаго Виттенберга; всѣ его мысли были устремлены къ тому, какъ бы примириться съ Императоромъ при посредствѣ своего зятя, новаго курфирста Морица, и курфирста Бранденбургскаго. Пока Іоаннъ Фридрихъ не былъ еще въ плѣну и Виттенбергъ не былъ взятъ, то ему предлагались довольно снисходительныя условія, но онъ отвергъ ихъ, считая слишкомъ унизительными. Когда-же Курфирста Саксонскаго постигло несчастіе, то его положеніе сдѣлалось хуже, а малодушіе еще болѣе усилилось; отъ него требовали тогда: сдать всѣ крѣпости, выдать артиллерію и безусловно покориться милости Императора; впрочемъ Императоръ объявилъ, что Ландграфъ Гессенскій, покорясь ему, можетъ не опасаться ни тѣлеснаго наказанія, ни вѣчнаго заключенія (*). Замѣчательно, что посредствующіе князья и при дальнѣйшихъ переговорахъ съ императорскими совѣтниками оставались того мнѣнія, что Ландграфъ не будетъ наказанъ заключеніемъ и, въ этомъ убѣжденіи, уговорили его безъ всякаго опасенія явиться къ императорскому двору. Они были такъ увѣрены въ

(*) Сохранился докладъ, который былъ представленъ Императору; въ немъ содержатся слова: ne tournera à peine corporelle ou perpetuel emprisonnement. Разсказъ, что посредники и Ландграфъ Гессенскій были обмануты превращеніемъ слова einig въ ewig (litterulae unius inversa forma), уже давно признанъ баснею. По всей вѣроятности совѣтники Императора не отклоняли посредствующихъ князей отъ ихъ мнѣнія, что Ландграфъ можетъ окончить свое дѣло безъ всякаго заключенія; иначе весьма трудно понять, какъ два такихъ мужа, какъ Іоакимъ и Морицъ, могли обнадеживать Ландграфа. Новѣйшее и основательнѣйшее изслѣдованіе этого запутаннаго дѣла можно найти въ Ranke's Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Томъ IV, стр. 522—532.

этомъ, что самими собою ручались за безопасность Ландграфа. Ландграфъ дѣйствительно прибылъ въ императорскій лагерь, находившійся въ то время въ Галлѣ на рѣкѣ Саалѣ. 19-го іюня онъ публично повергся къ ногамъ Императора и думалъ этимъ совершенно освободиться; но Императоръ, уходя, не хотѣлъ дать ему руки, какъ обыкновенно бывало при совершенномъ примиреніи, и тѣмъ показалъ, что онъ весьма огорченъ Ландграфомъ и неудовольствуется столь легкимъ наказаніемъ. Въ тотъ же вечеръ герцогъ Альба объявилъ Ландграфу, что онъ плѣнникъ Императора. Теперь только оба посредствовавшіе князья, Іоакимъ Бранденбургскій и Морицъ Саксонскій, увидѣли, что они слишкомъ поторопились: всѣ ихъ ходатайства объ освобожденіи Ландграфа были теперь напрасны; Императоръ далъ тотько обѣщаніе въ послѣдствіи обратить вниманіе на ихъ просьбы. Какъ ни былъ доволенъ Императоръ тѣмъ, что Ландграфъ находился въ его рукахъ, однако нельзя не согласиться, что заключеніе его и особенно содержаніе въ плѣну было противъ политики и по этому послѣдствія были весьма вредны для Императора; равнымъ образомъ неблагоразумно было и то, что Карлъ удалился изъ сѣверной Германіи, не покоривъ Магдебурга, въ чемъ онъ также долженъ былъ очень раскаяваться. 22-го іюня онъ выступилъ изъ Галле, чтобы возвратиться въ южную Германію. Этимъ походомъ онъ навлекъ на себя нерасположеніе народа. Приказавъ вести предъ собою обоихъ плѣнныхъ, окруженныхъ Испанскою стражею, и будучи не всегда въ состояніи предотвращать нѣкоторые безпорядки, которые себѣ позволяли Итальянцы, онъ отвращалъ отъ себя народъ. Перваго сентября Карлъ назначилъ сеймъ въ Аугсбургѣ для того, какъ сказано въ грамматѣ, чтобы довершить успокоеніе и единство Имперіи. Онъ строго приказалъ всѣмъ сословіямъ являться лично и только въ случаѣ доказанной болѣзни позволилъ присылать уполномоченныхъ, и то не съ половинным уполномоченіемъ, какъ это водилось до сихъ поръ, но съ полнымъ. Для полнаго обозрѣнія тогдашняго положенія Карла V надобно еще замѣтить, что въ томъ-же самомъ году, когда ему удалось

разрушить Шмалькальденскій союзъ, смерть Франца, короля Французскаго, избавила его отъ могущественнѣйшаго и безпокойнѣйшаго противника.

Не смотря на побѣду Карла, положеніе его не было еще вцѣ всѣхъ трудностей. Хотя Карлъ могъ теперь требовать отъ протестантовъ, чтобы они покорились собору, но *переведеніе собора изъ Тридента въ Болонью* совершенно перемѣнило положеніе дѣлъ. Теперь протестанты съ основаніемъ могли не признавать собора въ Болоньѣ и не покоряться его опредѣленіямъ. Императоръ, желая примирить протестантовъ съ католическою церковью, самъ вступилъ съ нею въ жаркій споръ, и на соборѣ, долженствовавшемъ окончить расколъ въ Христіанствѣ, произошла схизма. Императоръ долженъ былъ на Аугсбургскомъ сеймѣ въ 1548 году опредѣлить отношенія протестантовъ интеримомъ и снова признать на время ихъ независимость отъ католической церкви.

Со смертію папы Павла III исчезли всѣ препятствія къ возвращенію собора въ Тридентъ и преемникъ его, Юлій III, въ 1551 году снова открылъ соборъ въ этомъ городѣ: но теперь обстоятельства существенно перемѣнились. Морицъ, курфирстъ Саксонскій, вступилъ въ совершенно другое отношеніе къ Императору. Съ тѣхъ поръ, какъ Морицъ въ союзѣ съ Императоромъ достигъ сво-

ей цѣли, упрочилъ за своимъ домомъ курфиршество Саксонское и самъ утвердился въ курфирстскомъ достоинствѣ, ревность его къ Императору видимо охладѣла. Дѣлаясь холоднѣе къ Императору, онъ болѣе и болѣе преклонялся на сторону протестанства и, видя въ немъ опору для самостоятельности князей противъ императорской власти, намѣревался явиться его защитникомъ. Чѣмъ болѣе Императоръ былъ убѣжденъ въ вѣрности столь обязаннаго ему Курфирста, тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ дѣйствительнѣе былъ ударъ, нанесенный ему Морицомъ весною 1552 года въ союзѣ съ Королемъ Французскимъ: Императоръ былъ обращенъ въ бѣгство, *Тридентскій соборъ разогнанъ* и *договоромъ въ Пассавѣ* 2-го августа 1552 года протестантамъ были предоставлены въ Имперіи тѣ же права, которыми пользовались католики.

10-го ноября 1549 года умеръ папа Павелъ III, столь упорно противившійся возвращенію собора въ Тридентъ *). Хотя преемникомъ ему былъ избранъ кардиналъ Дельмонте, тотъ самый, который перевелъ соборъ изъ Тридента въ Болонью, однако-же новый Папа, принявшій имя Юлія III, нашелъ полезнымъ для своихъ собственныхъ интересовъ и для выгодъ духовенства прекратить споръ съ Императоромъ. По этому, тотчасъ-же по возвышеніи своемъ въ папское достоинство, онъ отправилъ къ Карлу посла, чрезъ котораго изъявилъ ему свою готовность на все, что только Императоръ считаетъ нужнымъ для

*) О Павлѣ III. см: Die Römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat, im 16-ten Jahrhundert, von L. Ranke т. 1, стр. 237—269.

возстановленія церковнаго мира. Императоръ весьма былъ этому радъ и, желая еще разъ получить отъ имперскихъ сословій обѣщаніе на безусловную покорность опредѣленіямъ собора, назначилъ 25-го іюня 1550 года новый имперскій сеймъ въ Аугсбургѣ. Сословія не могли не согласиться на требованіе Императора и 13-го февраля 1551 года касательно собора было постановлено: всѣмъ оставаться при послѣднемъ единодушномъ желаніи сейма и всѣ спорные пункты въ религіи представить на разсмотрѣніе всеобщаго собора. Императоръ, какъ покровитель церкви и защитникъ собора, по своей силѣ и власти объявилъ долженствовавшимъ присутствовать на немъ, что каждый изъ нихъ можетъ свободно и безпрепятственно прибыть туда, представить все, что онъ считаетъ нужнымъ для успокоенія своей совѣсти, и съ тою-же свободою и безопасностію удалиться. Онъ обѣщалъ также оставаться въ имперіи и быть всегда какъ можно ближе къ мѣсту собора. Такимъ образомъ теперь открылась возможность окончить расколъ; Папа сдѣлался уступчивѣе, а Императоръ считалъ себѣ за честь окончить въ свое правленіе религіозный расколъ, который при немъ-же возникъ и въ началѣ, по его упущенію, усилился. Но Карлъ не достигъ своей цѣли: тотъ самый сеймъ, который рѣшилъ дѣло о соборѣ, вмѣстѣ подалъ поводъ къ образованію и средства къ исполненію одного плана, который разомъ уничтожилъ всѣ предначертанія Императора. Онъ поручилъ курфирсту Морицу исполнить приговоръ надъ Магдебургомъ. Морицъ ежемѣсячно получалъ для этого 60,000 золотыхъ гульденовъ, слѣдовательно имѣлъ средства содержать большое войско, которое было опаснымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбиваго протестантскаго князя въ то время, когда самъ Императоръ не имѣлъ войска и когда всюду господствовало столь сильное волненіе. Но Императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности Курфирста; Морицъ дѣйствительно въ ноябрѣ 1550 года двинулся къ Магдебургу и началъ осаждать его. Осада, не смотря на его ревность, тянулась весьма долго. Это, разумѣется, можно было объяснить сильнымъ укрѣпленіемъ города и храбростію его защит-

никовъ, такъ что никто не подозрѣвалъ въ Курфирстѣ тайныхъ намѣреній, тогда какъ онъ думалъ вовсе не о покореніи Магдебурга. Достигнувъ въ союзѣ съ Императоромъ своихъ личныхъ цѣлей, Морицъ не могъ не замѣтить, что пріобрѣтенный Императоромъ перевѣсъ въ имперіи можетъ быть для князей весьма тягостнымъ, особенно если ему удастся устранить и протестанство. Къ тому же онъ былъ лично оскорбленъ Императоромъ, ибо всѣ его усилія возвратить свободу своему тестю, Ландграфу Гессенскому, остались тщетными. Ландграфъ сидѣлъ въ одной Нидерландской крѣпости, гдѣ со времени неудачной попытки убѣжать онъ содержался съ большею строгостію. Морицъ нѣсколько разъ просилъ за него, но напрасно; а между тѣмъ, такъ какъ онъ съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ уговорилъ Ландграфа прибыть въ Галле, то долженъ былъ теперь слышать упреки отъ его фамиліи. Къ личнымъ непріятностямъ присоединилось еще то, что Императоръ старался упрочить наслѣдство въ Имперіи за сыномъ своимъ, инфантомъ Филиппомъ. Онъ хотѣлъ устроить такъ, чтобы по смерти или отреченіи его отъ престола, братъ его Фердинандъ былъ императоромъ, а инфантъ Филиппъ королемъ Римскимъ; по смерти же Фердинанда, когда Филиппъ сдѣлается императоромъ, Римскимъ королемъ былъ-бы сынъ Фердинанда, Максимиліанъ, т. е., чтобы императорская корона наслѣдовалась попеременно то Испанскою, то Нѣмецкою линіею Австрійскаго дома. Карлъ уже вызвалъ сына своего въ Германію, но его гордость и Испанская величавость не понравились Нѣмецкимъ князьямъ (*). Болѣе всѣхъ планомъ Императора былъ

*) Въ Sastrowe's Lebensbeschreibung, herausg. von Mohnicke (ч. 2 стр. 629) находятся любопытныя извѣстія объ обхожденіи Инфанта съ Нѣмецкими князьями: «Когда Тридентскій кардиналъ, сдѣланный его маршаломъ и гофмейстеромъ, замѣтивъ ему, что большая разность между его Испанскими князьями и курфирстами Нѣмецкими, привелъ въ примѣръ, какъ его отецъ обращался съ князьями, то онъ съ гордостію отвѣчалъ ему, что большая также разность между его отцемъ и имъ, потому что тотъ сынъ только короля, а онъ сынъ Императора.»

недоволенъ Фердинандъ; по этому онъ тайно противодѣйствовалъ ему и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на замышляемое противъ Императора предпріятіе Морица.

Всѣ замыслы Морица противъ Императора были непроницаемою тайною; онъ занимался осадою Магдебурга и безпрекословно назначилъ своихъ богослововъ для присутствованія на соборѣ. Въ слѣдствіе папской буллы соборъ дѣйствительно снова былъ открытъ въ Тридентѣ 1-го мая 1551 года; но какъ изъ Германіи никто не явился, изъ Франціи же тѣмъ болѣе никого нельзя было ожидать, то въ первый день соборъ только отложилъ новое засѣданіе до 1-го сентября. Императоръ разослалъ грамматы, которыми приглашалъ духовенство и князей явиться на соборъ; имперскимъ-же архіепископамъ за дальнѣйшую медлительность угрожалъ не только гнѣвомъ, но и лишеніемъ регалій и другими мѣрами. Никто изъ протестантскихъ князей съ такою ревностію не старался исполнить волю государя, какъ курфирстъ Морицъ. Онъ немедленно назначилъ богослововъ, которые-бы вмѣстѣ съ Меланхтономъ отправились въ Тридентъ представителями ихъ ученія. Меланхтонъ по этому случаю составилъ новое исповѣданіе, извѣстное подъ именемъ *Саксонскаго*. 8-го іюля 1551 года оно было прочитано въ Лейпцигѣ въ собраніи проповѣдниковъ и профессоровъ, которые 10-го іюля подписали его. Такъ какъ это исповѣданіе должно было служить основаніемъ, на которомъ бывшіе на соборѣ могли бы утверждать всѣ свои мнѣнія, то въ немъ были изложены всѣ спорные пункты, хотя въ приличномъ тонѣ, но опредѣленно и рѣзко. Въ заключеніи было сказано, что это исповѣданіе заключаетъ въ себѣ единственно истинныя ученія и что только на основаніи ихъ соборъ можетъ искоренить старыя заблужденія и вкоренившіяся злоупотребленія. Императоръ былъ весьма недоволенъ, услышавъ, что протестанты стараются утвердить составленное ими ученіе прежде, нежели было объявлено мнѣніе собора; вину-же этого приписывалъ не курфирсту Морицу, но ревностнымъ богословамъ. Морицъ своими

стараніями, чтобы его депутаты присутствовали на соборѣ, повидимому достаточно выказалъ свои благія намѣренія, и никто, особенно-же Императоръ, не могъ и думать, что у него уже все готово для нападенія, какъ на Императора, такъ и на соборъ. Дѣйствительно 11-го октября явился уполномоченный Курфирста Бранденбургскаго, который отъ имени своего государя обѣщалъ собору повиновеніе и услуги, и увѣрялъ, что всѣ опредѣленія собора Курфирстъ будетъ исполнять и защищать со всею искренностію и какъ приличествуетъ Христіанскому князю. Прибывшее-же вслѣдъ за Бранденбургскимъ Виртембергское посольство, равно какъ и уполномоченный отъ Страсбурга и другихъ южныхъ имперскихъ городовъ, историкъ Іоаннъ Слейданъ, обнаруживали болѣе ревности къ протестантству. Южно-Германскіе протестанты, подобно Саксонскимъ, составили свое собственное исповѣданіе и хотѣли представить его собору, но предсѣдательствовавшій папскій легатъ не принималъ ничего на бумагѣ, потому что въ такомъ случаѣ спорамъ не было-бы конца, Виртембергцы-же и Слейданъ не хотѣли признавать папскаго легата предсѣдателемъ. Какъ впрочемъ ни были велики несогласія, все-же прибытіе уполномоченныхъ отъ многихъ протестантскихъ князей и сословій принесло большую выгоду; всѣ ожидали только примѣра курфирста Морица, чтобы снова водворить согласіе въ церковномъ обществѣ. Морицъ-же, принимавшій повидимому всѣ возможныя мѣры для достиженія этой великой цѣли, втайнѣ готовилъ средства къ совершенно противнымъ дѣйствіямъ. Онъ съ большимъ искусствомъ тянулъ осаду Магдебурга и, показывая видъ, что хочетъ взять городъ, на дѣлѣ щадилъ его, такъ что граждане безъ всякаго труда продолжали упорствовать противъ Императора. Курфирстъ, какъ видно изъ послѣдствій, старался сосредоточивать свое войско въ одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока у него все не будетъ готово для нанесенія удара Императору. Для достиженія своей цѣли онъ заключилъ также союзъ съ Генрихомъ II, королемъ Французскимъ, который былъ всегдашнею опорою всѣхъ враждебныхъ Императору партій въ Ита-

ліи и Германіи. Еще во время осады Магдебурга въ Саксонію прибылъ Жанъ де Фресъ, епископъ Байонскій, и 5-го октября 1551 года заключилъ съ Курфирстомъ договоръ, по которому Король обѣщалъ помочь Курфирсту и союзнымъ съ нимъ князьямъ воспрепятствовать Императору подавить Нѣмецкую свободу, подобно Испанской, и принудить его къ освобожденію плѣннаго Ландграфа Гессенскаго; князья же соглашались, чтобы Король занялъ и удержалъ за собою, съ титломъ викарія св. Римской имперіи, епископства Камбре Мецъ, Тулъ и Вердюнъ, которыя хотя издревле принадлежали Нѣмецкой Имперіи, но не говорили Нѣмецкимъ языкомъ *). Съ этимъ договоромъ Албрехтъ, маркграфъ Бранденбургъ-Кульмбахскій, принадлежавшій къ союзу противъ Императора, отправился подъ чужимъ именемъ въ Парижъ; онъ и Севастьянъ Шертлинъ, который со времени Шмалькальденской войны находился въ Французской службѣ, въ продолженіе семи недѣль вели переговоры въ величайшей тайнѣ; наконецъ 15-го января 1552 года Король въ замкѣ Шамборъ, близъ Блуа, подписалъ договоръ и подтвердилъ его клятвою. Незадолго предъ тѣмъ Морицъ покорилъ Магдебургъ, но съ гражданами поступилъ такъ снисходительно, что не хотѣлъ удалить изъ города или наказать даже самыхъ жаркихъ противниковъ, которые столь долго порицали и поносили его и Императора. Подъ предлогомъ недостатка въ деньгахъ для уплаты жалованья войску, бывшему при осадѣ Магдебурга, онъ могъ еще удержать его при себѣ и расположилъ его въ Турингіи по зимнимъ квартирамъ. Естественно, что мало-по-малу начали распространяться предположенія и слухи о замыслахъ курфирста Морица; въ Саксоніи видѣли Французскаго посланника; поѣздка маркграфа Албрехта въ Парижъ также не осталась въ тайнѣ и вездѣ говорили о предпріятіи Курфирста противъ

*) Туанъ (Hist. sui temporis lib. VIII, p. 668) такъ выражаетъ этотъ пунктъ договора: Adjectum conventionibus, videri e re omnium esse, ut rex quamprimum Cameracum, si possit, Divodorum sive Metim, Tullum et Virodunum, Lotharingiae civitates, occupet et praesidio firmatas vicarii imperii nomine in posterum teneat.

Императора, какъ о дѣлѣ уже извѣстномъ и совершенно рѣшенномъ. Эти слухи дошли и до императорскаго двора, который въ то время находился въ Инспрукѣ, чтобы быть ближе къ собору. Императоръ не вѣрилъ ничему, что ему ни говорили въ предостереженіе, и, какъ говорятъ, всегда отвѣчалъ, что если и курфирстъ Морицъ можетъ измѣнять, то на землѣ не должно быть болѣе ни вѣрности, ни вѣры. Императорскіе министры также не предполагали въ Нѣмцахъ столько хитрости, чтобы замышлять подобныя предпріятія, и Гранвелла счелъ за нужное скрыть отъ Курфирста распространившіеся объ немъ слухи, чтобы этимъ дѣйствительно не побудить его къ чему либо, о чемъ онъ вовсе и не думалъ. Морицъ-же съ своей стороны всѣми мѣрами отвращалъ отъ себя всякое подозрѣніе. Давъ обѣщаніе лично явиться въ Инспрукъ, онъ велѣлъ тамъ отвести для себя квартиру и послалъ впередъ двухъ своихъ совѣтниковъ. Въ январѣ Меланхтонъ съ двумя другими богословами отправился въ Тридентъ, получивъ отъ Курфирста грамматy, въ которой онъ изъявлялъ собору свое глубочайшее благоговѣніе и уваженіе и ничего такъ не желалъ какъ возсоединенія разъединенной церкви. Но, прибывъ въ Нюрнбергъ, Саксонскіе богословы получили повелѣніе остаться здѣсь и ожидать приказаній для дальнѣйшихъ дѣйствій. Чтобы этотъ поступокъ не показался страннымъ, Курфирстъ отправилъ въ Тридентъ Саксонское посольство, съ тѣмъ чтобы предложить собору нѣкоторыя требованія. Послы требовали для Саксонскихъ богослововъ охранной грамматы въ томъ видѣ, въ какомъ она была дана отъ Базельскаго собора Гусситамъ; чтобы до того времени и до прибытія богослововъ соборъ прекратилъ свои дѣйствія и уничтожилъ всѣ прежнія свои опредѣленія; наконецъ, чтобы Папа, какъ партія, также покорялся опредѣленіямъ собора, какъ и протестанты. Епископы должны были быть освобождены отъ данной ими Папѣ присяги, чтобы ихъ голоса можно было считать свободными и опредѣленія ихъ невынужденными. Впрочемъ эти требованія были предложены только для вида, чтобы подъ этимъ предлогомъ выиграть время, а соборъ, ревностно зани-

маясь опредѣленіемъ своихъ отношеній къ протестантамъ, былъ уже близокъ къ своему уничтоженію. Въ концѣ января слухи объ открытіи войны все болѣе и болѣе усиливались, и справедливость ихъ повидимому подтверждалась тѣмъ, что Саксонскіе боговословы, вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь въ Тридентъ, изъ Нюрнберга воротились домой. Чѣмъ вѣроятнѣе и справедливѣе становились эти слухи, тѣмъ труднѣе было удерживать Нѣмецкихъ прелатовъ въ Тридентѣ; они, разумѣется, въ случаѣ войны хотѣли дома слѣдить за своими интересами и одинъ за другимъ оставляли Тридентъ. Когда 7-го апрѣля получили достовѣрное извѣстіе, что война дѣйствительно началась и что Морицъ, уже какъ врагъ Императора, вторгся въ Аугсбургъ, то Итальянскіе прелаты толпами бѣжали за Эчь. При вторженіи-же непріятелей въ Тироль, всѣ, оставшіеся еще въ Тридентѣ, считали бѣгство единственнымъ средствомъ къ спасенію *). Такимъ образомъ соборъ былъ разогнанъ и папа Юлій III, уступая необходимости, издалъ буллу, которою отложилъ соборъ на два года.

Хотя прежде и говорили о начатіи войны, разогнавшей Тридентскій соборъ, однако-же она, какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, открылась для всѣхъ неожиданно. Морицъ съ удивительною хитростію умѣлъ обманывать Императора до послѣдней минуты. Лишь только съ начатіемъ весны открылось лучшее время года, курфирстъ Морицъ собралъ въ Турингіи все свое войско, состоявшее изъ 20,000 пѣхоты и 5,000 конницы. 23-го марта 1552 года при Бишофсгеймѣ къ нему присоединился Вильгельмъ, молодый ландграфъ Гессенскій, и при Ротенбургѣ на Тауберѣ Албрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, съ 10,000 пѣхоты и 2,000 всадниковъ. Они съ быстротою двинулись къ Аугсбургу и 4-го апрѣ-

*) Unoquoque rebus suis fuga vel ad altiores montes, vel densas silvas aut maritima loca seu finitimas civitates consulente. Протестанты торжествовали уничтоженіе собора и Бугенгагенъ въ письмѣ своемъ къ Королю Датскому надсмѣхался надъ этимъ въ слѣдующей игрѣ словъ: «Das Conciliabul ist und bleibt zu Trennt (zertrennt).»

ля заняли его безъ сопротивленія *). Предъ собою союзные князья разослали манифесты, въ которыхъ объявили, что цѣль войны есть спасеніе религіи, угрожаемой Императоромъ, водвореніе всеобщаго мира и Христіанскаго согласія; особенно-же они нападали на то, что Императоръ хочетъ, пользуясь религіознымъ расколомъ, подавить свободу Нѣмецкой націи **). Въ то-же время въ имперскія области вступилъ Генрихъ, король Французскій, какъ защитникъ Нѣмецкой свободы и мститель за плѣнныхъ князей. Такимъ образомъ Императоръ вдругъ встрѣтилъ нападеніе съ двухъ сторонъ и, будучи къ тому совершенно неприготовленъ, долженъ былъ чрезъ своего брата Фердинанда открыть съ Морицомъ переговоры, но результатомъ этихъ переговоровъ, веденныхъ въ Линцѣ, было только то, что положили начать перемиріе съ 16-го мая и въ этотъ день назначено было съѣхаться въ Пассавѣ. Въ остававшееся еще время союзники хотѣ-

*) Въ Аугсбургѣ, равно какъ и во всѣхъ имперскихъ городахъ, занятыхъ союзниками, возстановлено было прежнее управленіе, измѣненное Императоромъ, и цехамъ возвращены ихъ права. Thuan. lib X, p. 94: Foederati veterem senatum, quem Caesar aboleverat, restituunt, tribubus quoque jure suffragiorum reddito.

**) Въ этомъ манифестѣ сказано: «Es liegt vor Augen, wa maassen man uns Deutsche sammt und sonders endlich zu einem solchen unerträglichen, viehischen, erblichen, Servitud, Joch und Dienstbarkeit, wie in andern Nationen vor Augen ist, zu bringen vorhat, darob unsere Nachkommen und Kindeskinder bis in Himmel schreien und uns, die wir solches zugesehen hätten, unter der Erden verfluchen würden, mit dem schmählichen Aufrucke, dass doch unsere Voreltern selige zur Erhaltung solcher Freiheit ihr Blut willig vergossen und das Gut dazu aufgesetzt, und also vermittelst göttlicher Verleihung ihre Freiheiten wider alle Nationen bisher gewaltiglich erhalten, welche Exempel auch uns billig sollten bewogen haben. So haben wir denn einmal Herz und Mannheit geschöpft und zu Offenbarung desselben neben andern Christlichen Potentaten uns vertreulich zusammengethan und also vereinigt, dass wir im Namen Gottes mit Heereskraft und gewaltiger Hand die Erledigung bemeldten Landgrafens suchen, das beschwerliche Joch des vorgestellten vieihischen Servituds und Dienstbarkeit von uns werfen und die alte löbliche Libertät und Freiheit unsers geliebten Vaterlands, der deutschen Nation, acerrime vindiciren und erretten mögen.

ли сдѣлать нападеніе на Императрскій дворъ, находившійся въ Инспрукѣ. Они съ большою быстротою двинулись въ Тироль, и, взявъ 19-го мая Эренбергскій проходъ, отстояли отъ Инспрука только на два дня пути. Но происшедшее въ одномъ полку возмущеніе, при чемъ Морицъ едва не потерялъ своей жизни, не позволило имъ на слѣдующій день вступить въ Инспрукъ; прибывъ-же туда 23-го мая, Курфирстъ уже не нашелъ тамъ Императора. Карлъ, ночью, во время проливнаго дождя, не смотря на мученія отъ сильнаго ревматизма, убѣжалъ въ Виллахъ въ Каринтіи. Это бѣгство надѣлало въ то время много шуму и вмѣнялось Императору въ величайшее безчестіе. Онъ самъ такъ-же смотрѣлъ на свой поступокъ и думалъ, что если онъ уступитъ мятежникамъ, то унизитъ себя и Имперію. Его упорство прекратило начатые 26-го мая въ Пассавѣ мирные переговоры и Морицъ возвратился къ своей арміи. Римскій-же король Фердинандъ, который, по своимъ дѣламъ съ Венгріею, болѣе всѣхъ нуждался въ мирѣ, самъ отправился къ своему брату въ Виллахъ и старался перемѣнить его образъ мыслей. Императоръ согласился на его благоразумныя предложенія, замѣтивъ впрочемъ для защищенія своей чести, что дѣлаетъ это только по причинѣ большой опасности со стороны Турковъ, и желая избавить Германію отъ войны. Такъ состоялся договоръ, названный по имени города, въ которомъ происходили переговоры, *Пассавскимъ договоромъ*. 2-го августа 1552 года онъ былъ подписанъ Римскимъ Королемъ. Этотъ важный договоръ, служившій въ послѣдствіи основаніемъ законной независимости протестантства, состоялъ изъ 10-ти членовъ. *Первымъ* членомъ Морицъ и союзники были обязаны положить оружіе и распустить войска, при чемъ Императоръ настоятельно требовалъ не оставлять войска Королю Фуанцузскому, но передать его на службу королю Фердинанду. *Вторымъ* членомъ Филиппу, ландграфу Гессенскому, была объявлена совершенная свобода, съ условіемъ клятвою подтвердить заключенную въ Галлѣ капитуляцію и дать обѣщаніе не мстить за свое заключеніе, но въ продолженіе всей жизни быть покорнымъ княземъ. *Третьимъ*, *четвертымъ* и *пятымъ*,

которые касались самаго затруднительнаго пункта, именно религіознаго раскола, было постановлено въ продолженіе текущаго полугода созвать имперскій сеймъ съ тѣмъ, чтобы онъ позаботился о совершенномъ прекращеніи религіозныхъ споровъ; до того-же времени каждая партія обязывалась не препятствовать другой держаться своей религіи; интеримъ и соборъ, около которыхъ все вращалось въ послѣдніе годы, теперь пали сами собою. *Шестымъ* положено: въ Каммергерихтѣ засѣдать извѣстному числу протестантскихъ членовъ; пока въ этомъ судилищѣ судьями были только католики, то протестанты, опасаясь съ ихъ стороны пристрастнаго суда, не хотѣли повиноваться ему; теперь же, сдѣлавшись побѣдителями, они требовали и получили въ этомъ верховномъ имперскомъ судилищѣ столько-же голосовъ, какъ и католики. *Осьмымъ членомъ* были оправданы и прощены Императоромъ всѣ, еще во время Шмалькальденской войны осужденные на изгнаніе; кромѣ того всѣмъ участвовавшимъ въ настоящей войнѣ объявлена всеобщая амнистія. *Двумя послѣдними* членами было постановлено привести все въ состояніе, бывшее до начала войны. Постановленіе прекратить религіозный расколъ на имперскомъ сеймѣ привело всѣ дѣла въ такое положеніе, до котораго уже часто доходили, но при которомъ всегда останавливались, впрочемъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть при этомъ положеніи дѣлъ быть въ безопасности, если предполагаемое примиреніе не совершится, то къ договору было сдѣлано дополненіе, по которому все, предоставленное протестантамъ Пассавскимъ договоромъ, должно было имѣть силу на вѣчныя времена, если даже партіи и не примирятся. Хотя Императоръ не соглашался на это дополненіе (*), но такъ какъ оно бы-

*) Въ письмѣ отъ 16-го іюля 1552 года къ сестрѣ своей королевѣ Маріи, Императоръ говоритъ касательно этого пункта слѣдующее: qu'il ne ferait rien contre son devoir et conscience, quand même tout devait se perdre. Эти слова открываютъ намъ нѣсколько внутреннее состояніе Императора и объясняютъ, отчего, когда дѣла приняли оборотъ, противный его планамъ, мірскія занятія слѣлались для него такъ несносны, что онъ удалился отъ свѣта.

ло принято Королемъ Римскимъ и другими князьями, бывшими въ Пассавѣ, то можно было надѣяться, что на предстоящемъ сеймѣ оно будетъ утверждено.

Походъ, предпринятый Императоромъ для отнятія отъ Французовъ занятыхъ ими Лотарингскихъ епископствъ Меца, Тула и Вердюна, и безпокойства, произведенныя Албрехтомъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ, при усмиреніи котораго курфирстъ Морицъ въ сраженіи при Сиверсгаузенѣ потерялъ жизнь, замедлили созваніе имперскаго сейма, долженствовавшаго, по Пассавскому договору, окончательно опредѣлить положеніе обѣихъ религіозныхъ партій. Такъ называемый *Аугсбургскій религіозный миръ*, по которому принимавшіе Аугсбургское исповѣданіе совершенно были уравнены въ правахъ съ католическими сословіями, состоялся на Аугсбургскомъ имперскомъ сеймѣ не прежде 1555 года. Императоръ Карлъ V съ горестію долженъ былъ увидѣть, что, не смотря на его старанія, религіозный расколъ окончился утвержденіемъ двухъ особенныхъ церквей. Видя, что счастіе отвратилось отъ него, онъ, сложивъ съ себя свои короны, удалился въ Испанскую провинцію Эстремадуру въ уединеніе Гіеронимитскаго монастыря св. Юста, гдѣ жилъ до самой смерти, постигшей его 21-го сентября 1558 года.

По заключеніи Пассавскаго договора, возстановившаго миръ съ имперскими сословіями, Императора не-

ключительно занимало намѣреніе отнять отъ Французовъ занятыя ими области и города Мецъ, Тулъ и Вердюнъ. Мысль, что потомство, смотря на него какъ на одного изъ могущественнѣйшихъ императоровъ, нѣкогда скажетъ, что въ его правленіе Имперія уменьшилась и лишилась одного изъ своихъ оплотовъ,— весьма оскорбляла его самолюбіе. Это такъ безпокоило его, что онъ, не смотря на глубокую осень, въ этомъ же году двинулся въ поле. Войско, осадившее Мецъ, было подъ начальствомъ герцога Альбы и маркиза Мариньяно. Но поспѣшность испортила все дѣло. Едва только началась осада, какъ наступила зима, которая, сколько помнили, была одна изъ жесточайшихъ; въ Мецѣ же съ сильнымъ гарнизономъ находился искусный и храбрый полководецъ Францъ Гизъ. Эти два препятствія, а именно: съ одной стороны зимній холодъ, а съ другой храбрость Французовъ, были причиною совершенной неудачи: холодъ и голодъ губили императорскихъ воиновъ тысячами, оставшіеся же въ живыхъ не хотѣли дѣлать приступа и Императоръ, съ большимъ неудовольствіемъ, 2-го января 1553 года долженъ былъ снять осаду. Онъ съ горестію отступилъ отъ города, сказавъ, что уже нѣтъ болѣе мужей (*).

Если уже эта война замедлила созваніе имперскаго сейма, назначеннаго Пассавскимъ договоромъ, то тѣмъ болѣе тому препятятствовали военныя дѣйствія Албрехта, маркграфа Бранденбургскаго. Онъ не признавалъ Пассавскаго договора; заключивъ союзъ съ Морицомъ собственно для того, чтобы дѣйствовать противъ Франконскихъ епископовъ, онъ продолжалъ войну съ епископами Бамбергскимъ и Вюрцбургскимъ и принудилъ ихъ и имперскій городъ Нюрнбергъ принять весьма невыгодныя условія. Императоръ, желая отвлечь Маркграфа отъ Французовъ и привлечь на свою сторону, подтвердилъ эти условія; епископо-

*) Мы находимъ подробное описаніе осады Меца у Туана въ его Hist. sui temporis lib. XI. Онъ разсказываетъ, что Императоръ, будучи не въ состояніи убѣдить своихъ воиновъ сдѣлать приступъ, сказалъ: Nunc me desertum a meis nullosque circa me homines video.

пы же, принужденные согласиться на нихъ, въ послѣдствіи не хотѣли ихъ исполнять, но искали себѣ защиты у Рейхскаммергерихта и въ союзѣ съ Морицомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и Генрихомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ. Въ слѣдствіе этого Албрехтъ обратился на Брауншвейгъ; между нимъ и соединившимися противъ него князьями 9-го іюля 1553 года въ Люнебургской области при деревнѣ Сиверсгаузенѣ произошла жесточайшая и кровопролитнѣйшая битва. Въ самомъ началѣ битвы пали два сына Герцога Брауншвейгскаго, но значительнѣе всѣхъ между погибшими въ этотъ день былъ самъ курфирстъ Морицъ. Морицъ своею храбростію выигралъ побѣду, но заплатилъ за нее жизнію; онъ былъ смертельно раненъ пулею и спустя два дня послѣ битвы умеръ, не болѣе 32 лѣтъ отъ роду. Албрехтъ такъ былъ ослабленъ пораженіемъ, что не могъ болѣе держаться въ сѣверной Германіи. Побѣжденный еще разъ при Брауншвейгѣ и осужденный послѣ того на изгнаніе, онъ бѣжалъ во Францію, гдѣ и умеръ въ нуждѣ, въ началѣ 1557 года. О преждевременной смерти курфирста Морица весьма сожалѣли друзья и враги его и всѣ признавали, что въ немъ свѣтъ лишился одного изъ дѣятельнѣйшихъ мужей. Впрочемъ все, что онъ пріобрѣлъ для своего дома и что сдѣлалъ для своей партіи, не было потеряно. Своему дому онъ доставилъ курфирстское достоинство; хотя прежній курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ объявилъ на него свои притязанія, но онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и притомъ продолжительное заключеніе ослабило его честолюбіе такъ, что онъ легко согласился на договоръ, по которому курфирстское достоинство осталось за Августомъ, братомъ Морица. Кромѣ того Морицъ спасъ самостоятельность протестантства; хотя онъ самъ не дожилъ до сейма, на которомъ было предположено произвести уравненіе въ правахъ обѣихъ сторонъ, опредѣленное Пассавскимъ договоромъ, но Римскій Король ревностно старался объ исполненіи этого условія. Самъ Императоръ, со времени неудачнаго похода противъ Меца, дѣлался болѣе и болѣе мрачнымъ; всегда бывшая въ немъ наклонность къ созерцательному уеди-

непію, со дня на день развивалась и пріобрѣтала въ немъ большую силу. Онъ никого болѣе не видѣлъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ нарочно призывалъ къ себѣ; государственныя дѣла ему такъ надоѣли, что онъ всегда чувствовалъ боль въ рукѣ, если ему надобно было подписать или раскрыть какую нибудь бумагу. Часто въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ стоялъ на колѣняхъ въ комнатѣ, обитой чернымъ и освѣщенной семью факелами. При этомъ отвращеніи къ занятіямъ, при этомъ направленіи духа къ созерцанію и спасенію души, онъ не могъ снова начать Нѣмецкое религіозное дѣло. По этому онъ предоставилъ брату своему Фердинанду окончить религіозный расколъ, какъ онъ можетъ, и никто не могъ бы исполнить этого порученія лучше Римскаго Короля. Хотя Фердинандъ былъ совершенно преданъ старому ученію, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, видѣлъ невозможность обратить протестантскихъ князей къ католичеству, между тѣмъ какъ ему было нужно привести Имперію въ такое состояніе, чтобы онъ могъ разсчитывать на ея силы противъ Турковъ. Собравъ сеймъ въ Аугсбургѣ и открывъ его 5-го февраля 1555 года, Фердинандъ пошелъ инымъ путемъ къ достиженію цѣли, нежели которому слѣдовали доселѣ. До сихъ поръ, вмѣсто того, чтобы прежде всего опредѣлить положеніе обѣихъ партій, это дѣло всегда отлагали до собора, до религіозныхъ преній или до другаго сейма; но такъ какъ этимъ путемъ нельзя было достигнуть примиренія, то надобно было какъ-нибудь утвердить въ Имперіи спокойствіе. По этому Фердинандъ въ своей рѣчи при открытіи сейма предложилъ прочный миръ. Сословія признали необходимость мира и содѣйствовали Королю въ исполненіи его намѣренія. Дѣло касательно мира началось тѣмъ, что изъ князей, графовъ и городскихъ депутатовъ была составлена коммиссія, которая вмѣстѣ съ коллегіею Курфюрстовъ должна была согласить интересы обѣихъ партій. Единственнымъ значительнымъ противникомъ этого предпріятія былъ кардиналъ Оттонъ, епископъ Аугсбургскій; онъ не хотѣлъ отступить ни на шагъ отъ началъ Римской іерархіи и говорилъ, что соборъ уже давно разбиралъ это дѣло и что, по рѣшенію его

одна сторона должна уступить другой. Кардиналъ нашелъ опору своей оппозиціи въ прибывшемъ въ Аугсбургъ папскомъ легатѣ Морове, но такъ какъ 23-го марта 1555 года папа Юлій III умеръ, то легатъ поспѣшно удалился въ Римъ, чтобы присутствовать при избраніи новаго папы, а за нимъ съ тою-же цѣлію послѣдовалъ и кардиналъ. Удаленіе ихъ уничтожило важное препятствіе, и дѣйствительно тогда всѣ согласились заключить всегдашній миръ, хотя и не состоится соединеніе обѣихъ партій; но едва только начали разбирать отдѣльныя статьи, то, при убѣжденіи каждой партіи въ истинѣ и справедливости своего дѣла, тотчасъ-же встрѣтились затрудненія, которыхъ въ этомъ случаѣ нельзя было избѣжать. Во первыхъ протестанты потребовали, чтобы всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ имперскимъ сословіямъ было предоставлено на произволъ признавать-ли вмѣстѣ со своими подданными старую церковь, или держаться Аугсбургскаго исповѣданія; католики-же воспротивились такому произволу духовныхъ князей. Они утверждали, что духовный князь обязанъ своимъ званіемъ только своему вѣроисповѣданію и слѣдовательно, перемѣняя вѣроисповѣданіе, долженъ лишаться своего мѣста. По ихъ мнѣнію всякій духовный князь, переходя въ протестантство, какъ-бы умиралъ для своей должности; по этому мѣсто его должно было считаться упраздненнымъ и быть предоставлено лучшему католику. Смотря на предметъ съ этой точки, католики не соглашались на требованіе протестантовъ: они допускали, чтобы свѣтскіе князья по произволу присоединялись къ той или другой церкви, отъ духовныхъ-же требовали такъ называемаго *Reservatio ecclesiastica* или *духовнаго предохраненія*, т. е. обязательства прелатовъ, подъ страхомъ потерять мѣсто, оставаться въ своей церкви. Къ этому духовному предохраненію присоединялся другой, не менѣе важный спорный пунктъ: протестанты требовали, чтобы правительство предоставило свободу въ избраніи религіи подданнымъ владѣтельныхъ лицъ обѣихъ церквей. Католики съ равнымъ упорствомъ противились и этому требованію, предвидя, что оно повлечетъ за собою неизбѣжное паденіе католичества въ ихъ земляхъ.

Разсужденіе объ этихъ двухъ пунктахъ продлилось до августа, но согласія все не было; наконецъ протестанты, убѣжденные просьбами короля Фердинанда, уступили и, для заключенія мира, касательно перваго пункта согласились принять слѣдующее опредѣленіе: такъ какъ имперскія сословія не могли согласиться въ дѣлѣ о духовномъ предохраненіи, то предоставить его Римскому Королю, чтобы оно было рѣшено императорскою властію. Рѣшено было такъ, что архіепископъ, епископъ, прелатъ или другое духовное лице, оставляя старую религію, долженъ отказаться и отъ архіепископства, епископства или прелатства со всѣми ихъ выгодами и доходами, не вредя впрочемъ чрезъ-то своей чести; избраніе имъ преемниковъ предоставлялось капитуламъ *). Католики, достигнувъ рѣшенія этого пункта такъ, какъ имъ хотѣлось, удержали свою церковь въ Германіи отъ совершеннаго паденія. Области духовныхъ князей были ковчегомъ Римской церкви въ Германіи, которому надежнымъ якоремъ служило духовное предохраненіе, но ему угрожала еще опасность, потому что это дѣло было кончено императорскимъ могуществомъ, а не единодушнымъ рѣшеніемъ сейма. Касательно втораго пункта было поставлено, что подданные духовныхъ владѣтелей, уже нѣсколько лѣтъ признававшіе Аугсбургское исповѣданіе, могли спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ и при своей вѣрѣ; тѣмъ-же, которые въ послѣдствіи захотятъ перейти къ нему, позволялось только переселяться со всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ слѣдствіе этого рѣшенія свободу въ избраніи религіи получили только князья и непосредственныя сословія, а не народъ и духовенство, среди которыхъ образовалась новая церковь **); подданнымъ, въ слу-

*) Thuan.lib.XVI, p. 690: Si quis antistes aliave dignitate in ecclesia praeditus a religione veteri desciscat, is continuo dignitate ac jure excidat, fructibusque, quos inde percepit, privetur; quod ipsum tamen sine ulla ejus infamia fiat; jusque sit collegio aut iis, ad quos jure vel consuetudine id pertinet, alium in illius locum sufficere.

**) Господствующимъ правиломъ было: cujus regio, ejus et religio.

чаѣ несогласія съ правительствомъ по дѣламъ религіи, оставалось только право переселенія. Не смотря на то, религіозный миръ былъ принятъ съ радостію, какъ благодѣяніе: 21-го сентября эти пункты были рѣшены, а 26-го сентября 1555 года окончательно было утверждено и обнародовано заключеніе мира. Главными условіями его, кромѣ выше-разсмотрѣнныхъ пунктовъ, были слѣдующія: приверженцы Аугсбургскаго исповѣданія могли съ этого времени совершенно свободно держаться своей религіи и не опасаться никакого насилія за религію, обязуясь съ своей стороны не ссориться съ католиками за вѣру, не поносить ихъ за нее и не причинять имъ насилія. Потомъ протестантамъ были уступлены конфискованныя ими церковныя имѣнія, которыхъ теперь никто не могъ у нихъ оспаривать ни судомъ, ни силою. Наконецъ они были совершенно освобождены отъ Папы и епископовъ. Духовный судъ въ протестантской церкви остался въ рукахъ свѣтскихъ князей и свѣтскаго правительства, которые приняли это право съ самаго начала и пользовались имъ до сихъ поръ; какъ попечителямъ и покровителямъ церкви имъ было вмѣнено въ обязанность пещись о богослуженіи и о проповѣданіи чистаго ученія; консисторіямъ-же было поручено заботиться о поддержаніи Христіанскихъ правилъ и единства *).

Карлъ V былъ такъ недоволенъ этимъ окончаніемъ Германскихъ дѣлъ, что политика сдѣлалась для него тягостною. Въ немъ родилось желаніе употребить оставшееся время жизни для себя и онъ рѣшился сложить съ себя всѣ свои короны. Съ появленіемъ въ немъ этой мысли онъ не хотѣлъ болѣе быть императоромъ и королемъ; земное величіе тѣмъ болѣе тяготило его, чѣмъ болѣе онъ познавалъ его ничтожество, и онъ спѣшилъ слагать съ себя одну корону за другою. 25-го октября 1555 года въ торжественномъ собраніи въ Брюсселѣ онъ передалъ Испанскую монархію и Нидерланды сыну своему Филиппу, которому уже прежде уступилъ Итальянскія земли; послѣ того, до

*) Смотри статью: Die Grundzüge der protestantischen Kirchenverfassung въ Ranke's deutsche Geschichte Bd. 5, S. 435—443.

отъѣзда своего въ Испанію онъ выдалъ курфирстамъ, князьямъ и сословіямъ Нѣмецкой имперіи граммату, которою освобождалъ ихъ отъ всѣхъ въ отношеніи къ нему обязанностей, и передавалъ свои права брату своему Фердинанду. Это былъ первый примѣръ, что Римско-Нѣмецкій Императоръ добровольно отказывался отъ своего достоинства. Наслѣдникъ папы Юлія III, *Марцеллъ II*, умеръ чрезъ три недѣли по возведеніи его въ папское достоинство *) и на мѣсто его, подъ именемъ Павла IV, былъ избранъ строгій Іоаннъ Петръ Караффа. Считая себя также въ правѣ подавать свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся императорскаго достоинства, онъ не признавалъ отреченія Карла V и Фердинандъ I до 1558 года не могъ настоящимъ образомъ вступить въ императорскія права. Карлъ въ сентябрѣ 1556 года на кораблѣ уѣхалъ въ Испанію и, прибывъ туда, отправился въ Эстремадуру въ монастырь св. Юста. Сначала онъ проводилъ тамъ время весело и пріятно, занимаясь сельскими и механическими работами, но вскорѣ душа его исполнилась мрачныхъ мыслей и онъ предался только религіознымъ занятіямъ. Онъ скорбѣлъ въ особенности о томъ, что не могъ поддержать мира и единства церкви. 21-го сентября 1558 года онъ умеръ съ крестомъ въ рукахъ.

Самымъ важнымъ событіемъ въ правленіе Карла V было потрясеніе Папскаго Престола; преемникъ его Филиппъ II считалъ главною своею задачею заботиться о томъ, чтобы это потрясеніе не окончилось совершеннымъ паденіемъ Папскаго Престола. Два важнѣйшія и дѣйствительнѣйшія средства, которыя были употреблены для этой

*) Скоропостижная смерть Марцелла разрушила всѣ надежды, произведенныя его добротою и мудростію; къ нему примѣняли стихъ Виргилія, относящійся къ Марцеллу, племяннику Августа:

Aen. VI. ст. 869:

Ostendent terris hunc tantum fata, neque ultra
Esse sinent.

цѣли, получили начало свое въ Испаніи; это были—инквизиція и орденъ Іезуитовъ.

Въ слѣдствіе соединенія Испаніи съ Германіею Карломъ V реформація проникла и въ Испанію. Въ свитѣ Императора въ Германію прибыли Испанскіе государственные люди, придворные, богословы и нѣкоторые изъ нихъ приняли здѣсь новое ученіе, кромѣ того солдаты, которыхъ Карлъ V употреблялъ противъ ереси, также приносили съ собою за Пиренеи расположеніе къ новому ученію. Но духъ народа не благопріятствовалъ нововведенію въ Испаніи; здѣсь господствовала живая привязанность къ Св. Престолу, такъ что возстаніе противъ него не могло найти одобренія. Въ какомъ свѣтѣ представлялось Испанцамъ отпаденіе отъ католичества можно видѣть изъ слѣдующаго событія, происшедшаго въ 1546 году и надѣлавшаго въ то время много шуму. Одинъ молодой Испанецъ, по имени *Іоаннъ Діацъ*, прибылъ въ Германію и принялъ новое ученіе. Въ Страсбургѣ онъ соединился съ Буцеромъ и отправился съ нимъ въ Регенсбургъ на богословское преніе между католиками и протестантами, которое было назначено незадолго до начатія Шмалькальденской войны. Здѣсь его узналъ одинъ Испанецъ и сталъ упрекать въ томъ, что онъ своимъ сообществомъ съ еретиками безславитъ Испанское правовѣріе; не произведя своими упреками на молодаго человѣка никакого впечатлѣнія, Испанецъ извѣстилъ объ этомъ его брата Альфонса. Альфонсъ, находившійся тогда въ Римѣ, поспѣшилъ избавить свою фамилію отъ такаго поношенія или смыть съ нея это пятно кровію заблудшагося. Онъ пашелъ своего брата въ Нейбургѣ на Дунаѣ, гдѣ тотъ хлопоталъ о напечатаніи одного сочиненія Буцера, и, при всемъ, стараніи не успѣвъ обратить его въ лѣдра католической церкви, велѣлъ его убить *). Можно утвердительно сказать, что этотъ духъ, поднявшій руку

*) Достовѣрное извѣстіе объ этомъ событіи, искаженномъ разнымъ образомъ партизанскою ненавистію, доставляетъ сопутникъ Діаца Клавдій Сенаркле въ своей Historia vera de morte Iohannis Diazii.

Альфонса на столь ужасное дѣло, былъ господствующимъ въ Испаніи. По этому ужасная инквизиція, утвержденная, какъ мы видѣли, для другихъ цѣлей, теперь съ согласія народа съ успѣхомъ особенно была направлена противъ нововведеній въ религіи. Сколь ни твердую опору получилъ Папскій Престолъ въ инквизиціи, все-же онъ былъ-бы весьма слабъ, если-бы вѣрность и повиновеніе ему основывались только на страхѣ. Надобно было покорять умы Папскому Престолу убѣжденіемъ въ божественности его основанія. Католики одушевились новою ревностію къ вѣрѣ и между ними образовались новые ордена, посвящавшіе себя поддержанію Католической Церкви; между ними былъ орденъ *Театиновъ*, старавшійся дѣйствовать на людей образованныхъ, и орденъ *Капуциновъ*, происшедшій изъ преобразованія Францискаскаго ордена, направлявшій болѣе свою дѣятельность на низшіе классы народа; но самымъ важнымъ для внутренней жизни Римской Церкви въ скоромъ времени сдѣлался *орденъ Іезуитовъ* *). Первое обстоятельство, подавшее поводъ къ образованію братства Іисуса, относится къ 1521 году, въ которомъ Лютеръ явился на Вормскій сеймъ. При защищеніи Памплоны отъ Французовъ одинъ Испанскій офицеръ, по имени *Донъ Иниго* или *Игнатій Лойола*, уроженецъ провинціи Гипускоа, былъ тяжело раненъ въ ногу. Во время болѣзни онъ проводилъ время въ чтеніи книги Flores Sanctorum; эта книга дала его воображенію духовное направленіе и онъ, видя, что худо залеченная рана не позволитъ ему снова явиться на военномъ поприщѣ, рѣшился сдѣлаться воиномъ Христа. По окончаніи леченія онъ въ 1523 году отправился на богомолье въ Іерусалимъ, а оттуда прибылъ въ Парижскій университетъ съ тѣмъ, чтобы изучить богословіе. Здѣсь онъ нашелъ себѣ нѣсколькихъ товарищей, одушевленныхъ тою-же ревностію къ церкви и раздѣлявшихъ

*) Allgemeine Geschichte der Jesuiten von dem Ursprunge ihres Ordens bis auf die gegenwärtige Zeit; von P. Ph. Wolff. 4 Bde 2. Ausg. Leipzig, 1803. Новѣйшее изложеніе начала и образованія ордена Іезуитовъ находится въ Ranke's Geschichte der römischen Päpste т. 1, стр. 177—195 и 214—231.

съ нимъ его образъ мыслей. Они съ большою торжественностію составили между собою общество; приняли на себя обѣтъ цѣломудрія и поклялись, окончивъ свой академическій курсъ, проводить свою жизнь въ Іерусалимѣ въ совершенной бѣдности, посвятивъ ее заботамъ о Христіанахъ или обращенію Сарацинovъ; въ случаѣ-же невозможности достигнуть Іерусалима, они положили предложить свои услуги Папѣ и объявить ему готовность, не требуя награды и безъ всякихъ условій, итти во всякое мѣсто, куда только ему угодно будетъ послать ихъ. Въ 1537 году они предприняли свое путешествіе во Св. Землю, но въ Венеціи, гдѣ хотѣли сѣсть на корабли, встрѣтили препятствіе, потому что Венеція въ то время была въ войнѣ съ Османскою Портою. Такимъ образомъ они предложили свои услуги Папѣ и просили его объ утвержденіи своего общества, которое они называли братствомъ Іисуса. Сначала Папа отказалъ имъ, но когда Лойола кромѣ трехъ обѣтовъ, общихъ всѣмъ монашескимъ орденамъ, т. е., бѣдности, цѣломудрія и повиновенія начальникамъ, обязалъ всѣхъ членовъ своего общества принять еще четвертый,—обѣтъ безусловнаго повиновенія Папѣ и готовности ѣхать на служеніе религіи, куда только ему угодно будетъ послать ихъ, то просьба ихъ была принята. Такъ какъ Папскій Престолъ въ то время со всѣхъ сторонъ терпѣлъ нападенія и почитатели его частію уже отпали отъ него, частію же еще колебались въ своей вѣрности, то этотъ орденъ, слѣпо покорявшійся волѣ Папы, долженъ былъ показаться ему помощію Небесъ. Братство Іисуса было утверждено 27-го сентября 1540 года папою Павломъ III. По утвержденіи ордена представителемъ или генераломъ его единодушно былъ избранъ Игнатій Лойола. Лойола умеръ въ 1556 году, а въ 1623 причтенъ католическою церковію къ лику святыхъ. При ближайшемъ наслѣдникѣ его Лайнезѣ и одномъ изъ позднѣйшихъ генераловъ ордена Аквавивѣ, основанное имъ общество получило окончательное устройство *).

*) Кто хочетъ узнать орденъ Іезуитовъ, тотъ долженъ изучить его законы, собранные въ Corpus institutorum societatis Jesu. Antw. 1709.

Назначивъ себѣ цѣлію бороться съ протестантствомъ и, гдѣ можно, совершенно уничтожать его, орденъ Іезуитовъ получилъ устройство совершенно различное отъ другихъ монашескихъ орденовъ. Такъ какъ ихъ дѣятельность была болѣе политическою, нежели религіозною, то имъ нужно было обращаться въ свѣтѣ и усвоивать высшее общественное образованіе, чтобы вездѣ, при дворѣ, или въ обществѣ дамъ, или въ кругу простаго народа, всегда быть въ состояніи держать себя приличнымъ образомъ. По этому они не только не носили монастырскихъ одеждъ, но и были совершенно свободны отъ общественныхъ служеній. Оставляя-же менѣе существенное, они тѣмъ съ большею энергіею брались за такія обязанности, исполненіе которыхъ обѣщало и доставило имъ сильное вліяніе: они проповѣдывали, исповѣдывали и особенно занимались воспитаніемъ юношества. Естественно, что Іезуитскій орденъ и при избраніи членовъ своихъ долженъ былъ поступать совершенно иначе, нежели другіе монашескіе ордена. Въ другіе ордена обыкновенно принимались люди всякаго рода, безъ большаго испытанія, чѣмъ легко объясняется ихъ паденіе и преобразованіе; Іезуиты-же образовывали своихъ сочленовъ систематически. Всякій, пожелавшій вступить въ орденъ, долженъ былъ открыть начальнику свою совѣсть, т. е. не только высказать свои погрѣшности, но и всѣ склонности, господствующія въ себѣ страсти и вообще все настроеніе своей души. Если по всему этому можно было заключить, что изъ него будетъ способный человѣкъ, то его подвергали испытанію, которое продолжалось 13 лѣтъ. Въ продолженіе этого времени онъ долженъ былъ каждые полгода давать отчетъ во всемъ, что происходило въ глубинѣ его души, а между тѣмъ за нимъ наблюдали, и если открывалось, что онъ что-либо утаилъ или солгалъ, то безъ пощады прогнали. Хотя Іезуитъ считалъ позволительнымъ обманывать другихъ, но начальнику ордена всегда долженъ былъ говорить совершенную истину. Кто по окончаніи 13-тилѣтняго испытанія оказывался удовлетворительнымъ, тотъ давалъ обѣты и его принимали въ число *профессовъ*. Но такъ какъ всѣ они обѣтомъ обязы-

вались ѣхать въ всякое мѣсто, куда ихъ ни посылалъ Папа, то въ скоромъ времени необходимость заставила увеличить орденъ прибавленіемъ къ нему еще нѣкоторыхъ разрядовъ. Такъ произошли *схоластики*, посвящавшіе себя обученію, *духовные коадъюторы*, которые имѣли постоянное жилище, *свѣтскіе коадъюторы* заботившіеся о свѣтскихъ дѣлахъ ордена. Такъ какъ обученіе вездѣ перешло въ руки Іезуитовъ, то они могли избирать людей для своего ордена изъ самыхъ даровитыхъ католиковъ. Наконецъ управленіе братства Іисуса столь-же должно было отличаться отъ управленія прочихъ монашескихъ орденовъ, сколь различны были ихъ цѣли. Все управленіе основывалось на строгой подчиненности и взаимномъ надзорѣ; каждый подчиненный обязывался безусловно повиноваться всѣмъ, начиная отъ непосредственнаго начальника до генерала ордена, который избирался депутатами провинцій и пользовался своимъ достоинствомъ пожизненно. Генералъ назначалъ и отрѣшалъ всѣхъ орденскихъ чиновниковъ по благоусмотрѣнію; въ его рукахъ находилось также управленіе доходами и орденскими имѣніями. Повелѣнію его никто не могъ противорѣчить; одинъ вопросъ его открывалъ ему всѣ мысли, склонности и страсти его подчиненныхъ; что онъ приказывалъ, то дѣлалось, что хотѣлъ знать, то ему сообщалось. Мало примѣровъ столь неограниченной власти, какова была власть Іезуитскихъ генераловъ, хотя они властвовали не надъ трусливыми и низкими людьми, а надъ мужами, принадлежавшими къ отличнѣйшимъ въ своемъ родѣ, которые своимъ умственнымъ образованіемъ могли помѣряться съ величайшими учеными и въ мужествѣ не уступили-бы храбрѣйшимъ воинамъ *). Но при всей неограниченности своей власти генералъ также находился подъ надзоромъ; къ нему обыкновенно приставляли особа-

*) Повиновеніе, требуемое у Іезуита, обязываетъ его, отрекаясь отъ собственнаго сужденія, слѣпо покориться своему начальнику, который можетъ употреблять его какъ орудіе, неимѣющее воли. Constitut. VI, 1: Et sibi quisque persuadeat, quod, qui sub obedientia vivunt, se ferri ac regi a divina providentia per superiores suos sinere debent, perinde ac cadaver essent.

го адмонитора, который долженъ былъ предостерегать его, чтобы онъ не употребилъ своей власти ко вреду ордена; кромѣ того надъ нимъ наблюдали такъ называемые ассистенты, которые, въ случаѣ важнаго преступленія генерала, имѣли право созывать орденское собраніе и предлагать отрѣшеніе генерала отъ должности.

При такой организаціи этотъ орденъ необходимо въ скоромъ времени долженъ былъ всюду получить вліяніе и пріобрѣсть любовь высшихъ и низшихъ классовъ народа. Іезуиты сначала стали исповѣдывать и старались утверждать за собою мѣста духовниковъ при княжескихъ дворахъ. Какъ духовные отцы они совершенно овладѣвали совѣстію своихъ духовныхъ дѣтей и гдѣ князья были слабы, тамъ владѣніями ихъ управляли ихъ духовники Іезуиты. Послѣ начали занимать каѳедры въ училищахъ и университетахъ: въ учености и рвеніи къ наукамъ они соперничествовали не только съ своими единовѣрцами, но и съ протестантами. Наконецъ, получивъ проповѣдническія мѣста въ соборахъ, они утвердили свое вліяніе на большую массу народа. Благодаря этому вліянію и дѣйствіямъ Іезуитовъ, католическій міръ снова оправился и соединилъ свои силы противъ протестантства.

При такомъ положеніи дѣлъ, каково было въ Нѣмецкой имперіи со времени Аугсбургскаго религіознаго мира, несогласія между обѣими религіозными партіями утверждались болѣе и болѣе и такъ рѣзко отдѣлили одну партію отъ другой, что нельзя было и думать о соединеніи ихъ. Однако-же для вида еще разъ была сдѣлана попытка и употреблено обыкновенное и уже безполезное средство, т. е. созванъ вселенскій соборъ,

но результатомъ его было рѣшительное утвержденіе *религіозныхъ партій*, Лютеранъ — въ слѣдствіе *Наумбургскаго конвента*, а католиковъ — въ слѣдствіе въ третій разъ созваннаго *Тридентскаго собора*.

Папа Пій IV, вступившій на папскій престолъ по смерти Павла IV 18-го августа 1559 года, 29-го ноября 1560 года издалъ буллу, которою снова созывалъ Тридентскій соборъ, разогнанный въ 1552 году, для продолженія прерванныхъ тогда занятій. На соборъ приглашались и протестанты; но, судя по положенію ихъ дѣлъ въ слѣдствіе побѣды курфирста Морица и происшедшаго по этому случаю религіознаго мира, можно было предвидѣть, что они не явятся туда. Казалось, что время требовало уже, чтобы католическому собору былъ противопоставленъ протестантскій и чтобы обѣ партіи догматически отдѣлились одна отъ другой. Но для исполненія этого протестантамъ надобно было преодолѣть гораздо большія трудности, нежели католикамъ. У католиковъ уже была извѣстная система, между тѣмъ какъ протестанты только старались составить ее, при чемъ встрѣчали тѣмъ большія затрудненія, чѣмъ болѣе между ними было несогласій въ мнѣніяхъ *). Если-бы они поручили это дѣло генеральному синоду изъ богослововъ, то ихъ взаимныя несогласія доставили-бы обильную пищу насмѣшкамъ и злорадованію ихъ противниковъ. Поэтому Христоферъ, герцогъ Виртембергскій, въ то время славнѣйшій и ревностнѣйшій изъ протестантскихъ князей, предложилъ, чтобы для этого собрались не богословы, но сами князья. Этотъ конвентъ князей составился въ Наумбургѣ въ концѣ 1560

*) О богословскихъ спорахъ, волновавшихъ въ то время протестантскую партію, я скажу ниже. Меланхтонъ, бывшій со смерти Лютера главою Виттенбергской школы, не имѣлъ столько энергіи, чтобы служить опорою своей партіи. Утомленный богословскими спорами, онъ умеръ 19-го апрѣля 1560 года. Хотя ему было только 64 года, но жизнь наскучила ему; послѣднія слова его были: «In te, Domine, speravi et non confundar in aeternum.»

года и всѣ князья согласились снова подписать Аугсбургское исповѣданіе, потому что изъ тѣхъ, которые нѣкогда представили его императору Карлу V., въ живыхъ осталось только двое: Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, и Вольфгангъ, князь Ангальтскій. Когда они дѣйствительно снова подписали Аугсбургское исповѣданіе, то нельзя было сомнѣваться, какъ конвентъ отвѣтитъ Папѣ, приглашавшему князей на соборъ. Папскіе легаты, посланные съ приглашеніемъ, прибыли въ Наумбургъ въ февралѣ 1561 года. Князья не приняли адресованныхъ имъ папскихъ грамматъ, потому что не хотѣли признать употребленныхъ на адресѣ словъ: dilecto filio, говоря, что Папа уже не есть ихъ духовный отецъ и слѣдовательно не имѣетъ права называть ихъ своими сынами. На приглашеніе Папы 16-го февраля они написали отрицательный отвѣтъ. Въ заключеніи они говорили, что ихъ всѣхъ одушевляетъ одно желаніе—не уклоняться отъ Аугсбургскаго исповѣданія и не принимать болѣе папскихъ законовъ.

Такимъ образомъ произошелъ рѣшительный разрывъ между старою и новою церковью и соборъ, снова открытй 18-го января 1562 года, окончилъ-бы свои дѣла безъ всякихъ затрудненій, если-бы императоръ Фердинандъ не настаивалъ на устраненіи нѣкоторыхъ злоупотребленій. Фердинандъ жаловался на безнравственную жизнь духовенства, продажность церковныхъ мѣстъ и требовалъ нѣкоторыхъ преобразованій, которымъ положили начало протестанты. Онъ предлагалъ во-первыхъ пересмотрѣть служебники и агенды и представлялъ на разсужденіе собора,—такъ какъ народъ душевно желаетъ, чтобы въ церквахъ употреблялся отечественный языкъ,—нельзя-ли перевести на него нѣкоторыя Латинскія пѣсни и молитвы. Во вторыхъ онъ обратилъ вниманіе собора на то, что многіе, которые были-бы отличными католиками, держатся протестантства только для того, чтобы причащаться подъ обоими видами, и что слѣдовательно, для противодѣйствія протестантству, лучше всего допустить причащеніе кровію. Нако-

пецъ, въ-третьихъ, Императоръ настаивалъ, чтобы священникамъ позволили вступать въ бракъ, представляя, что въ противномъ случаѣ надобно опасаться, чтобы католическіе приходы не остались безъ священниковъ. Соборъ тѣмъ болѣе не ободрилъ предложенныхъ Императоромъ преобразованій, что они сообразовывались съ нуждами только одной страны, а не всего Христіанства. Что для Германіи было не только хорошо и спасительно, но даже и необходимо, то не было таковымъ-же для Испаніи, Италіи и Франціи, а между тѣмъ на соборѣ собственно только духовенство этихъ земель имѣло своихъ представителей, потому что, при 187 Итальянскихъ епископахъ, 32 Испанскихъ, и 26 Французскихъ, Нѣмецкихъ было только два; по этому всѣ вопросы соборъ рѣшилъ по желанію Римской куріи, равно какъ Французскаго и Испанскаго дворовъ. Фердинандъ касательно своихъ предложеній велъ съ папскимъ дворомъ особые переговоры, посредствомъ которыхъ достигъ только того, что Нѣмецкимъ католикамъ было дозволено причащаться подъ обоими видами. На это Папа могъ согласиться, не подвергая церковную систему потрясенію; дозволить-же бракъ священникамъ нельзя было, не измѣнивъ существенно характера духовенства.

Если уже Тридентскій соборъ въ то время, когда онъ былъ созванъ въ первый разъ и потомъ снова открытъ во вторый разъ, т. е. когда еще можно было надѣяться на соединеніе съ протестантами, не выпускалъ изъ виду интересовъ католической церкви, то естественно, что онъ тѣмъ болѣе дѣйствовалъ для нихъ при открытіи своемъ въ третій и послѣдній разъ, когда уже послѣдовалъ открытый и вѣчный разрывъ между католиками и протестантами. Когда, по рѣшеніи существенныхъ вопросовъ искусными переговорами при дворахъ, всѣ препятствія для успѣшнаго окончанія собора были уничтожены, то менѣе важные пункты уже не представляли большаго затрудненія. Догматы, касающіеся священства, бракосочетанія, отпущенія грѣховъ, чистилища, почитанія святыхъ были утверждены въ духѣ католической церкви, а протестант-

скія мнѣнія отвергнуты и преданы проклятію. Всѣ произведенныя соборомъ преобразованія имѣли цѣлію снова утвердить церковную іерархію и дать ей большую крѣпость; оставшіеся вѣрными католической церкви опять стали подвергаться неумолимымъ церковнымъ наказаніямъ и, въ случаѣ нужды, отлученію отъ церкви. Для образованія молодаго духовенства въ строгомъ смиреніи были учреждены семинаріи. Приходы получили новое устройство: при совершеніи и проповѣданіи таинствъ былъ введенъ строгій порядокъ; дѣйствія монашествующихъ лицъ были опредѣлены извѣстными законами. Епископамъ было подтверждено, чтобы они съ точностію исполняли свои обязанности и особенно наблюдали за подчиненнымъ имъ духовенствомъ; кромѣ того они подписали и клятвою подтвердили исповѣданіе, которымъ обязывались исполнять постановленія Тридентскаго собора и покоряться Папѣ. Соборъ былъ закрытъ 4-го декабря 1563 года, а въ началѣ слѣдующаго года папа Пій IV утвердилъ его постановленія во всемъ ихъ объемѣ. Въ благодарность собору за единодушіе, съ которымъ онъ начался, продолжался и окончился, Папа назначилъ празднество. Папа дѣйствительно болѣе всѣхъ былъ обязанъ собору. Соборъ не только содѣйствовалъ признанію папской власти, но еще болѣе утвердилъ и распространилъ ее. Такъ какъ Папѣ было поручено изъяснять постановленія Тридентскаго собора, то онъ могъ теперь предписывать формы вѣры и жизни. Для исполненія этого порученія Сикстъ V въ 1588 году составилъ особую коммиссію. По повелѣнію Пія IV, на основаніи постановленій собора, были составлены forma professionis fidei Catholicae и такъ называемый Тридентскій катихизисъ, оконченный и изданный въ 1566 году. Такимъ образомъ Католическая Церковь, выдержавъ трудную борьбу, снова утвердила свое ученіе и устройство; самая потеря ея только укрѣпила ея силы.

Теперь въ Германіи на долгое время утвердилось спокойствіе, между тѣмъ какъ сосѣдствен-

ныя ей страны, въ которыя отсюда проникла реформація, терпѣли сильныя волненія. Мы сперва обратимъ вниманіе на *Францію*, потому что здѣсь не просто подражали Лютеровой реформаціи, но *Іоаннъ Кальвинъ* далъ ей особенный видъ, который болѣе сообразовался съ Французскимъ характеромъ. Хотя при королѣ Франціѣ I, равно какъ и преемникѣ его Генрихѣ II, поддерживавшихъ протестантовъ въ Германіи, огнемъ и мечемъ истребляли ихъ во Франціи, однако-же Французская реформація нашла себѣ опору въ маленькомъ королевствѣ *Наваррѣ*, гдѣ она была принята королевствующею фамиліею Бурбоновъ, и во *Французской Швейцаріи*, особенно въ *Женевѣ*. Французскіе протестанты, или такъ называемые Гугеноты, не смотря на всѣ преслѣдованія, такъ размножились, что по смерти Генриха II уже могли составить могущественную партію и стремиться къ полученію вліянія на дѣла государства (*).

Богословскій факультетъ Парижскаго университета, или такъ называемая Сорбонна, имѣлъ во Франціи

*) Главнымъ источникомъ для исторіи Французской реформаціи служитъ: Jac. Aug. Thuani Historiarum sui temporis libri CXXV. Lutetiae 1609. Важнѣйшіе мемуары оставили: Gaspard de Saulx, seigneur de Tavannes въ Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France, t. XXIII—XXV и Michel de Castelnau въ 33 томѣ того-же собранія. Новѣйшее изслѣдованіе исторіи Французской реформаціи есть: Histoire de la réforme, de la ligue, et du régne de Henri IV, par M. Capefigue. Paris, 1834 — 35. 8 vol.

первый голосъ во всемъ, что касалось до ученія вѣры. Въ прошломъ столѣтіи онъ отличался на соборахъ въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ своею ревностію, съ которою онъ старался о преобразованіи церкви и объ ограниченіи папской власти. На этомъ основаніи надобно было-бы ожидать, что онъ не очень будетъ противиться Лютеровой реформаціи. Что самъ Лютеръ надѣялся на это, видно изъ того что во время своего затруднительнаго положенія онъ думалъ искать себѣ убѣжище въ Парижѣ и что на Лейпцигскомъ диспутѣ онъ предоставилъ свое дѣло на рѣшеніе Парижскаго университета. Но этотъ университетъ былъ средоточіемъ и главною опорою схоластической философіи, а такъ какъ Лютеръ смотрѣлъ на нее, какъ на изобрѣтеніе дьявола и совершенно исключилъ ее изъ богословія, то члены Сорбонны сдѣлались заклятыми врагами новаго ученія. Они объявили Лютера отъявленнымъ еретикомъ, котораго надобно сжечь вмѣстѣ съ его сочиненіями, если онъ не отречется отъ нихъ. Но во Франціи были всѣ тѣ безпорядки и злоупотребленія, которыя въ другихъ странахъ произвели потребность и желаніе церковной реформаціи; по этому не удивительно, что Лютерово ученіе проникло сюда и здѣсь также начало пускать свои корни. Теперь много зависѣло отъ того, какъ на него будетъ смотрѣть правительство. Хотя король Францъ I поддерживалъ Нѣмецкихъ протестантовъ противъ Императора, но изъ этого еще нельзя заключать, что онъ старался доставить побѣду новому ученію, а не уничтожить его. Та самая политика, которая побудила Короля поддерживать протестантовъ въ Германіи, заставляла его тѣснить ихъ въ своихъ владѣніяхъ; его выгоды требовали питать несогласія въ Германіи, но не допускать ихъ въ свое государство (*). По этому онъ повелѣлъ строжайшимъ образомъ наказывать тѣхъ, кото-

*) De Saulx говоритъ: Le Roi hayt les Huguenots plus pour son estat que pour la religion, en crainte, que les estrangers s'aydassent de ses subjects contre lui ainsi, que s'estaient aydez les princes lutheriens d'Allemagne, subjects de l'Empereur, contre celuy-mesme.

рые отступятъ отъ существующихъ правилъ церкви, и въ 1535 году показалъ, сколь серьезно онъ смотритъ на это дѣло. Въ одинъ день на многихъ публичныхъ мѣстахъ и даже на Луврскомъ дворцѣ нашли пасквили, заключавшіе въ себѣ самыя ѣдкія насмѣшки надъ многими ученіями и обрядами католической церкви. Король назначилъ розыскъ, въ слѣдствіе котораго шестеро виновныхъ были открыты и взяты подъ стражу. Для отвращенія наказанія, которое, какъ думали, за подобное богохульство должно было постигнуть все королевство, по повелѣнію Короля была назначена торжественная процессія, въ которой участвовали Король, принцы крови и высшее дворянство. Предъ всѣмъ собраніемъ Король громкимъ голосомъ торжественно объявилъ, что если-бы одна рука его заразилась ересью, то онъ тотчасъ-бы отсѣкъ ее другою и что даже не пощадилъ-бы собственныхъ дѣтей, если-бы они оказались виновными въ этомъ преступленіи. Въ тотъ же день шесть узниковъ были сожжены предъ глазами процессіи самымъ мучительнымъ образомъ. По всей Франціи начало распространяться страшное преслѣдованіе, такъ что даже Вальденсы, избѣжавшіе въ 13-мъ столѣтіи преслѣдованія Иннокентія III, теперь въ 16-мъ столѣтіи были истреблены съ варварскою жестокостію. Остатокъ этихъ Вальденсовъ держался въ горахъ графства Венессенъ; при своемъ прилежаніи они обработали эту дикую страну и, живя спокойно, не обращали на себя всеобщаго вниманія. Теперь, когда отверженіе папской іерархіи стало считаться государственнымъ преступленіемъ, и ихъ спокойствіе было нарушено. Въ 1540 году Эсскій парламентъ получилъ приказаніе поступить съ ними по всей строгости и по этому, когда они отказались оставить приписываемыя имъ заблужденія, то судъ приговорилъ ихъ къ смерти, а имѣнія ихъ объявилъ государственною собственностію. Строгость, съ которою этотъ жестокій приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, доходила до безчеловѣчія; въ 1545 году, подъ предводительствомъ президента барона д'Оппеда, на несчастныхъ напалъ вооруженный отрядъ и губилъ ихъ всѣхъ безъ

различія возраста и пола; 22 деревни были обращены въ пепелъ и страна, воздѣланная прилежаніемъ преслѣдуемой партіи, пришла въ прежнюю дикость (*). Протестантскимъ князьямъ, жаловавшимся королю на преслѣдованія своихъ единовѣрцевъ, Король представилъ осужденныхъ возмутителями и преступниками.

При этихъ преслѣдованіяхъ во Франціи для новаго ученія было весьма важно получить убѣжище въ маленькомъ королевствѣ Наваррѣ и во Французской Швейцаріи, именно въ Женевѣ. Въ Наваррѣ приняла новое ученіе бывшая тамъ на престолѣ фамилія Бурбоновъ, боковая линія современной королевской династіи во Франціи. Женева, свергнувъ съ себя въ 1532 году иго епископа, оставила также старую церковь и въ союзѣ съ Швейцарскими реформатскими кантонами удачно защищалась противъ Герцога Савойскаго; отторгнутое при этомъ случаѣ отъ Савойскаго дома епископство Лозанна было присоединено къ протестантскому кантону Берну. 7-го октября 1536 года Женева и Бернъ вступили въ тѣсный союзъ, который послужилъ къ утвержденію рѣформаціи въ Женевѣ и Ваатландѣ. Хотя такимъ образомъ преслѣдуемымъ во Франціи протестантамъ открылись здѣсь убѣжища, но эти земли были слишкомъ слабы, чтобы доставить имъ средства явно сопротивляться преслѣдованію. По этому новое ученіе распространялось въ тишинѣ и послѣдователи его собирались для совершенія своего богослуженія не иначе, какъ подъ защитою ночи и темноты лѣсовъ. Отъ этого кажется Французскіе протестанты

*) Туанъ (lib VI, p. 517 — 532) весьма подробно и точно описалъ преслѣдованіе Вальденсовъ; онъ заключаетъ свое повѣствованіе такъ: XXII omnino vici numerantur, de quibus summum ab Oppeda sumtum supplicium est; quo auctore rursus delecti ex judicibus, qui de haereticis quaestionem haberent; ii partem reliquiarum ad triremes damnant, partem grandi pecunia multant.

въ пасмѣшку и получили свое названіе *Гугенотовъ* (*). Какъ бы не объясняли это названіе, все-же оно болѣе приличествуетъ Французскимъ протестантамъ, нежели названіе Лютеранъ, какъ до сихъ поръ и во Франціи называли всѣхъ тѣхъ, которые уклонялись отъ старой церкви. Хотя дѣйствительно сочиненія Лютера сообщили первый толчекъ реформаціи, но Французы въ скоромъ времени получили своего собственнаго реформатора который повелъ это дѣло въ духѣ своей націи. Это былъ *Іоаннъ Кальвинъ*, родившійся 10-го іюля 1509 года въ Нойонѣ. Онъ съ юности отличался своими дарованіями и былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ и знатныхъ родителей изъ фамиліи де Момморъ онъ отправился въ Парижскій университетъ съ намѣреніемъ заниматься богословіемъ, и въ скоромъ времени, будучи еще 18 лѣтъ, получилъ священническое мѣсто. Впрочемъ онъ, кажется, не занялъ этого мѣста и не былъ посвященъ, потому что вскорѣ сталъ заниматься юриспруденціею, для чего сначала посѣщалъ университетъ въ Орлеанѣ, а потомъ въ Буржѣ. Здѣсь учитель Греческаго языка, Нѣмецъ, по имени Мельхіоръ Вольмаръ, познакомилъ его съ ученіемъ реформаціи, въ слѣдствіе чего онъ въ 1532 году снова принялся за богословскія занятія и съ такимъ жаромъ взялся за евангелическое ученіе, что въ скоромъ времени уже не могъ съ

(*) Современные писатели производятъ это названіе отъ имени Гуго Капета. Thuanus lib, XXIV, p. 160: Nec de nihilo suspecta erat Caesarodunensium de ea refides, quippe quorum plerique novam religionem amplectebantur, adeo ut ab eo loco tunc primum Hugonoti ridiculum simul et odiosum nomen innotuerit, quo, qui antea Lutherani dicebantur, passim postea in Gallia vocari coepere. Hujus autem origo haec fuit, quod cum singulae urbes apud nos peculiaria nomina habeant, quibus mormones, lemures, manducos et cetera hujusmodi monstra inania anilibus fabulis ad incutiendum infantibus ac simplicibus feminis terrorem vulgo indigetant, Cæsaroduni (Туръ) Hugo rex celebratur, qui noctu pomoeria civitatis obequitare et obvios homines pulsare ac rapere dicitur. Ab eo Hugonoti, appellati, qui ad ea loca ad conciones audiendas ac preces faciendas itidem noctu, quia interdiu non licebat, agminatim in occulto conveniebant.

безопасностію оставаться во Франціи и въ 1535 году бѣжалъ въ Базель. Здѣсь въ томъ-же году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ Christianae religionis institutio и, въ краснорѣчивомъ предисловіи посвятилъ это сочиненіе Королю Францу. Онъ надѣялся такимъ образомъ склонить Короля въ пользу протестантства; хотя Король не обратилъ вниманія на это сочиненіе, однако-же оно принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ произведеніямъ въ реформаторскомъ духѣ 16-го столѣтія, и доставило новому ученію во Франціи весьма многихъ послѣдователей. Въ 1536 году Кальвинъ, на обратномъ пути изъ Феррары, гдѣ онъ находился при дворѣ принявшей евангелическое ученіе герцогини Ренаты, сдѣлался извѣстнымъ въ Женевѣ и получилъ тамъ мѣсто проповѣдника и учителя богословія; спустя два года былъ отсюда изгнанъ за строгость, съ которою стремился къ исправленію нравовъ; послѣ того онъ жилъ въ Германіи до тѣхъ поръ, пока въ 1541 году снова могъ возвратиться въ Женеву, гдѣ уже оставался въ большомъ уваженіи до самой смерти, послѣдовавшей 27-го мая 1564 года, и какъ проповѣдникъ, писатель и членъ церковнаго совѣта пользовался сильнымъ вліяніемъ (*). Съ нимъ соединился славный мужъ *Ѳеодоръ-де-Безъ* или Беца, родившійся 24-го іюня 1519 года въ Везелé въ Бургундіи. Его воспитывалъ тотъ самый Мельхіоръ Вольмаръ, который бросилъ въ сердце Кальвина первыя сѣмена евангелическаго ученія; Беца также занимался юриспруденціею и сначала жилъ весело. Изъ этого періода его жизни мы имѣемъ собраніе его веселыхъ и умныхъ стихотвореній. Потомъ тяжкая болѣзнь перемѣнила его правъ; онъ сталъ заниматься богословіемъ и пробывъ нѣсколько времени профессоромъ Греческой литературы въ Лозаннѣ, въ 1559 году получилъ мѣсто въ

(*) Das Leben Johann Calvins, des grossen Reformators, von Paul Henry. Hamburg 1835 — 38. 2 Bände. Капефигъ (Hist. de la réform. t. II, p. 85) говоритъ о Кальвинѣ: On obéissait en France à ses conseils toujours impérieux, et parmi le peuple Calvin était considéré comme le pape des huguenots.

Женевѣ. По смерти Кальвина онъ совершенно занялъ его мѣсто, столь важное для реформаторовъ, и оставался на немъ до самой смерти, послѣдовавшей 13-го октября 1605 года (*). Эти два мужа дали реформаціи направленіе, которое соотвѣтствовало національному духу Французовъ. Чѣмъ болѣе такимъ образомъ Кальвинская церковь удалялась отъ папства, тѣмъ болѣе она сообразовывалась съ духомъ Французовъ, любящихъ крайности. Женева сдѣлалась теперь школою, въ которой получало образованіе молодое Французское дворянство, преклонявшееся на сторону новаго ученія, и откуда безпрестанно являлись во Францію новые проповѣдники и новые приверженцы реформатскаго ученія. Еще до смерти Франца I всюду образовались общины, въ вооруженіи собиравшіяся подъ открытымъ небомъ для совершенія своего богослуженія, и королевская власть была не въ состояніи остановить паренія умовъ.

Наслѣдникъ Франца I, Генрихъ II, началъ свое правленіе весьма счастливо. Мы выше изложили, какимъ образомъ онъ въ союзѣ съ Нѣмецкими протестантами, овладѣвъ епископствами Мецомъ, Тулономъ и Вердюномъ, защищалъ ихъ противъ Карла V. Эта война окончена перемиріемъ еще до отреченія Карла отъ престола; но преемникъ Карла, Филиппъ II, возобновилъ ее. Хотя теперь съ непріятелями Французовъ соединились и Англичане, которыхъ королева Марія вышла за Филиппа, и хотя Французы дважды потерпѣли пораженіе, именно при С. Кантенѣ и Гравелингенѣ, не смотря на то 8-го января 1558 года они, подъ предводительствомъ герцога Франца Гиза, взяли городъ Кале, единственное еще остававшееся въ рукахъ Англичанъ владѣніе во Франціи, и по миру, заключенному 3-го апрѣля 1559 года въ Като-Камбрези, удержали за собою свое завоеваніе. Скоро послѣ заключенія мира, 10-го іюля 1559 года умеръ Генрихъ II и ему наслѣдовалъ сынъ его Францъ II, бывшій только 16 лѣтъ.

(*) Leben des Theodor Beza und des Peter Martyr Vermili. Von Fr. Christ. Schlosser. Heidelberg. 1809.

Со вступленіемъ на престолъ несовершеннолѣтняго и слабаго Франца II во Франціи начались раздоры партій, которые еще болѣе усилились при братѣ и наслѣдникѣ Франца, Карлѣ IX. Партіи, стремившіяся къ политическому вліянію, для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ прибѣгали къ помощи религіозныхъ партій, сражавшихся за вѣру. Такъ какъ Гизы стали во главѣ католиковъ, то политическіе ихъ противники *принцъ Конде* и *адмиралъ Колиньи* вооружили за себя протестантовъ и такимъ образомъ вскорѣ возгорѣвшаяся во Франціи междоусобная война получила характеръ войны религіозной. Въ этой борьбѣ протестантская партія пріобрѣтала одну выгоду за другою и наконецъ по миру въ С. Жермень-анъ-Лейѣ, заключенному 8-го августа 1570 года, не только получила право свободно исповѣдывать свою религію, но и всѣ тѣ политическія права, которыми пользовались католики (*).

На опеку надъ молодымъ королемъ оказывали притязанія во первыхъ *Екатерина Медичи*, какъ мать Короля, во вторыхъ *Бурбоны*, какъ ближайшіе принцы крови, въ третьихъ *Гизы* за свои услуги государству и какъ родственники Маріи Стюартъ, супруги Короля. Гизы были не Французскаго происхожденія, но вели свой родъ изъ Лотарингіи; по мужескому колѣну они считали однимъ изъ своихъ предковъ Готфрида Бульонскаго, а по женскому старались произ-

(*) A. C. Davila Istoria delle guerre civili di Francia. Venezia, 1630. 4.

вести свой родъ отъ Каролинговъ *). При Франціѣ они были лишены своего значенія, при Генрихѣ же II опять получили такую силу, что по смерти его вмѣстѣ съ Екатериною де, Медичи овладѣли регентствомъ. Въ то время во главѣ дома Гизовъ стояли герцогъ Францъ и братъ его, Кардиналъ Лотарингскій, два мужа, принадлежащіе къ славнѣйшимъ характерамъ шестнадцатаго столѣтія. Францъ доставилъ государству значительныя услуги какъ воинъ; Кардиналъ же не менѣе былъ ловокъ въ дѣлахъ управленія и въ области богословія, какъ братъ его въ полѣ. Противъ Гизовъ составилась партія, воглавѣ которой стояли *Бурбоны*, происходившіе отъ младшаго сына Людовика Святаго, послѣ царствующей фамиліи Валуа единственная въ то время цвѣтущая отрасль королевскаго дома **). Будучи реформатами, Бурбоны могли надѣяться на вѣрную помощь Гугенотовъ. Меж-

(*) Генеалогическія отношенія дома Гизовъ были въ то время слѣдующія: Клавдій Гизъ, †1550.

Францъ, герцогъ Гизъ, уб. въ 1563 г.	Карлъ, кардиналъ Лотарингскій, †1574.	Марія, супр. Іакова V Шотландскаго, †1560.	Клавдій, Омальскій †, 1573.	Людовикъ, кардиналъ Гизъ, 1578.	Ренатъ Ельбефскій † 1566.
Генрихъ, герцогъ Гизъ, уб. въ 1588 г.	Людовикъ, кардиналъ уб. въ 1588 г.	Карлъ, герцогъ Майенскій, †1611.	Карлъ †1618.		
Карлъ		Марія Стюартъ, супр. Франца II, въ послѣдствіи Королева Шотландская.			

(**) Родственныя связи Бурбоновъ, играющихъ роль во Французской реформаціи, можно видѣть изъ слѣдующей генеалогіи:
Карлъ, герцогъ Вандомскій †1537.

Антонъ, король Наваррскій, †1562.	Карлъ, кардиналъ Бурбонскій, †1590.	Людовикъ, принцъ Конде, †1569.
Генрихъ IV.	Генрихъ Конде, †1588.	Францъ Конди, †1614.	Карлъ Суассонскій, †1612.

ду всѣми, державшими сторону Бурбоновъ, особенно прославился домъ Шатильонскій, доставившій реформатамъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ въ лицѣ адмирала *Каспара Колины* и брата его *Франца дь'Андело.*

Партія, составившаяся противъ Гизовъ, прежде всего устремила свое вниманіе на то, чтобы отнять у нихъ Короля и захватить его въ свои руки. Для этой цѣли множество дворянъ изъ всѣхъ частей государства, большею частію реформаты, составили такъ называемый *Амбоазскій заговоръ.* Всѣ заговорщики, во главѣ которыхъ былъ Лимузинскій дворянинъ де-ла-Реноди, должны были въ мартѣ 1560 года собраться при Блуа, гдѣ тогда находился дворъ, и овладѣть этимъ городомъ; но планъ ихъ былъ открытъ до исполненія. Гизы успѣли съ дворомъ убѣжать въ Амбоазскую крѣпость и принять столь дѣятельныя мѣры, что не только уничтожили заговоръ, но и наказали его виновниковъ. Самъ-де-ла-Реноди заплатилъ за свое предпріятіе жизнію и многіе изъ его приверженцевъ, попавшіеся въ руки Гизовъ, были повѣшены на башняхъ Амбоазскаго замка. Принцъ Конде съ величайшимъ искусствомъ отклонилъ отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи въ этомъ неудавшемся предпріятіи. Онъ оправдалъ себя въ собраніи при дворѣ и вызывалъ на поединокъ всякаго, кто осмѣлился сомнѣваться въ его невинности; даже герцогъ Гизъ, хотя былъ убѣжденъ, что принцъ принималъ участіе въ заговорѣ, однако-же долженъ былъ принимать видъ, что вовсе не подозрѣваетъ его, и объявилъ, что онъ будетъ секундантомъ принца, если кто осмѣлится безчестить столь великое имя такимъ ничтожнымъ подозрѣніемъ *). Но дѣла противорѣчили его словамъ; въ то время, какъ принцъ въ южной Франціи вооружалъ за

(*) Туанъ, подробно описавшій въ 24 книгѣ своей исторіи Амбоазскій заговоръ, который онъ называетъ tumultus Amboisianus, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: his utrinque dictis, majorene Condaei fiducia an Guisii dissimulatione, incertum, cum nemo compareret, qui conditionem acciperet, Condæus quam potuit demississime regem rogavit, ne in posterum hujusmodi calumniis aures præberet.

себя Гугенотовъ, Гизы заняли всѣ крѣпости въ государствѣ своими приверженцами и приглашали государственныя сословія на декабрь 1560 года въ Орлеанъ, куда еще въ октябрѣ переселился дворъ. Бурбоны не могли отказаться отъ участія въ этомъ сеймѣ, не подавъ повода къ подозрѣнію; по этому они явились въ Орлеанъ и въ надеждѣ на свой авторитетъ, не имѣли даже при себѣ вооруженной свиты. Гизы совершенно вооружили противъ нихъ молодаго и робкаго Короля; Король вѣрилъ словамъ дядей своей супруги, что Конде намѣреваетя при помощи Гугенотовъ овладѣть короною. По этому онъ встрѣтилъ принца съ сильными упреками и, не давъ ему времени отвѣчать на нихъ, велѣлъ его арестовать, чтобы послѣ изслѣдовать дѣло. Противъ Конде нашли такъ много свидѣтелей и перехваченныхъ писемъ, которые обличали его въ намѣреніи произвести возстаніе, что судебная коммиссія признала его виновнымъ и приговорила къ смерти. Короля-же Наваррскаго нельзя было погубить законнымъ путемъ; по этому его хотѣли умертвить на аудіенціи, которую ему давалъ Король. Убійцамъ, скрытымъ при королевскомъ кабинетѣ, велѣно было напасть на Антона Наваррскаго, когда онъ съ жаромъ начнетъ отвѣчать на королевскіе упреки. Но оставался-ли Антонъ спокойнымъ, или молодой Король не рѣшился быть свидѣтелемъ убійства, только Антонъ вышелъ изъ королевскаго кабинета невредимымъ. Прежде нежели успѣли сдѣлать новую попытку и взвести принца Конде на эшафотъ, король Францъ заболѣлъ. Опасаясь постоянно кинжала или отравы, онъ совершенно разстроилъ свое и безъ того слабое здоровье и 5-го декабря 1560 года умеръ. Такъ какъ у него не было дѣтей, то корона перешла къ его одиннадцатилѣтнему брату Карлу IX.

Ни одно царствованіе не начиналось при такихъ несчастныхъ предзнаменованіяхъ, какъ царствованіе Карла IX, и дѣйствительно не много было столь несчастныхъ царствованій, какъ это. Густыя облака несчастій, грозно носившіяся надъ государствомъ, каждую минуту заставляли ожидать бури, а несогласія владѣвшихъ кормиломъ правленія все болѣе раз-

стровали государство. Тотчасъ по смерти короля Франца принцъ Конде получилъ свободу, а враги его Гизы потеряли ту власть, которою пользовались доселѣ, потому что теперь за малолѣтствомъ Короля правленіе было поручено матери его, королевѣ Екатеринѣ де'Медичи. Екатерина старалась подавить возвысившихся Гизовъ и, поддерживая противъ нихъ Гугенотовъ, хотѣла установить въ государствѣ равновѣсіе. Сообразно съ принятою политикою Екатерина хотѣла соединить обѣ религіозныя партіи и по этому назначено было собраніе для разсужденія о религіи. Собраніе открылось 9-го сентября 1561 года въ одномъ женскомъ монастырѣ въ городѣ Пуасси близъ Сенъ-Жермена. Со стороны католиковъ сюда явились три кардинала, 36 архіепископовъ и епископовъ, нѣсколько членовъ изъ государственныхъ сословій и весь дворъ; евангелическая партія прислала 12 проповѣдниковъ и 22 депутатовъ, ораторомъ которыхъ былъ Ѳеодоръ Беца, послѣ Кальвина славнѣйшій мужъ въ реформатской церкви. Л'Опиталь открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой представлялъ, что на это собраніе надобно смотрѣть, какъ на національный соборъ, отъ котораго можно ожидать лучшихъ плодовъ, нежели отъ всеобщаго церковнаго собора; далѣе онъ всѣмъ совѣтовалъ быть смиренными и безпристрастными, католиковъ же особенно увѣщевалъ не считать приверженцевъ новаго ученія своими врагами, потому что они также крещены и такіе же Христіане, какъ и католики, не проклинать ихъ, но призывать, искать ихъ и отпирать имъ двери, не обнаруживать предъ ними злобы и ненависти, но принимать ихъ со всею любовію. Диспутъ не достигъ предположеннаго соединенія и окончился, какъ обыкновенно, увеличеніемъ вражды партій. Слова Беды касательно св. причащенія открыли бездну, отдѣлявшую въ догматическомъ отношеніи одну партію отъ другой. Хотя такимъ образомъ ненависть католиковъ къ реформатамъ еще болѣе усилилась; но реформаты выиграли то, что, сдѣлавъ свое исповѣданіе извѣстнымъ, уничтожили много ложныхъ толковъ, которыми до тѣхъ поръ искажали ихъ ученіе. Чѣмъ болѣе усиливались Гугеноты, тѣмъ болѣе досадовали Гизы. Чтобы избавить

католическую церковь отъ угрожающей ей опасности, къ Гизамъ присоединился коннетабль *Монморанси* и маршалъ *Сентъ-Андре*. Союзъ этихъ двухъ мужей съ герцогомъ Гизомъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *Тріумвирата*. Союзники тѣсно соединились съ Филиппомъ II, королемъ Испанскимъ, и привлекли къ себѣ со стороны Гугенотовъ Антона, короля Наваррскаго, давъ ему обѣщаніе, что Король Испанскій, вмѣсто потерянной имъ Наварры, уступитъ ему Сардинію. Правительница съ ужасомъ увидѣла, что ея системѣ равновѣсія угрожаетъ опасность; католики грозили совершеннымъ перевѣсомъ надъ своими противниками. Екатерина, стараясь составить имъ противовѣсіе, стала покровительствовать реформатамъ. Она повелѣла собраться въ Сенъ-Жерменѣ депутатамъ всѣхъ парламентовъ въ королевствѣ и предложила имъ на разсмотрѣніе, что дѣлать съ протестантами, если, не обращая вниманіе на достоинство или недостоинство ихъ религіи, имѣть въ виду только благо государства. Въ этомъ вопросѣ заключался уже и отвѣтъ; если смотрѣть на это только съ политической точки, то разумѣется отвѣтъ долженъ клониться въ пользу реформатовъ. И такъ правительница въ 1562 году эдиктомъ, называемымъ по мѣсяцу, въ которомъ былъ изданъ, *Январскимъ эдиктомъ*, позволила реформатамъ отправлять свое богослуженіе. Имъ позволено было сходиться на свои религіозныя собранія въ предмѣстіяхъ предъ городскими воротами, только не болѣе 300 человѣкъ вдругъ и безъ оружія. Правительница могла требовать этого отъ нихъ, потому что всѣмъ начальствамъ велѣно было охранять эти собранія. Январскій эдиктъ не могъ успокоить католиковъ; дозволенныя теперь реформатамъ публичныя проповѣди рѣдко обходились безъ жаркой полемики, обращенной противъ папства; по этому католики вездѣ старались мѣшать реформатскимъ собраніямъ и обѣ партіи часто доходили до драки. Свобода вѣроисповѣданія открыла многихъ тайныхъ реформатовъ; нѣкоторые монастыри совершенно были оставлены монахами и монахинями и многіе католическіе священники вступили въ бракъ. Такимъ образомъ эдиктъ вмѣсто того, чтобы примирить партіи и водворить спо-

койствіе, еще рѣзче отдѣлилъ одну партію отъ другой; будучи же нарушенъ, только ускорилъ начатіе войны, которую онъ долженъ былъ удерживать, и сдѣлалъ ее болѣе жестокою.

Сигналомъ къ открытію междусобной войны была такъ называемая *кровавая баня въ Васси* (massacre de Vassy). Герцогъ Гизъ, возвращаясь съ Нѣмецкой границы, гдѣ онъ въ Цабернѣ имѣлъ свиданіе съ Христофоромъ, герцогомъ Виртембергскимъ, 1-го марта 1562 года прибылъ въ одинъ городъ въ Шампани, именно въ Васси, въ то время, какъ тамъ въ одномъ сараѣ общество реформатовъ совершало свое богослуженіе. Свита герцога раздражила молившихся и отъ ссоры дошло до схватки. Герцогъ Гизъ, прибывшій туда, чтобы утишить смятеніе, былъ раненъ камнемъ, брошеннымъ ему въ лице; ожесточенная этимъ его свита ворвалась въ сарай и ниспровергала все, что ей попадалось подъ руки; каѳедра была разломана. Это обстоятельство довело обѣ партіи до разрыва. Желая захватить Короля въ свои руки, чтобы объявить своихъ противниковъ возмутителями, обѣ партіи спѣшили въ Фонтенебло, гдѣ пребывала Екатерина съ своимъ сыномъ. Гизы предупредили принца Конде; они съ тріумфомъ ввезли Короля въ Парижъ, куда за ними послѣдовала и Королева мать, не имѣвшая уже никакого значенія. Когда въ Фонтенебло прибылъ принцъ Конде, начальствуя своими поспѣшно собранными приверженцами, Короля уже нѣсколько часовъ тамъ не было. Зайдя же такъ далеко, принцъ не могъ уже воротиться; по этому, не думая много, онъ занялъ Орлеанъ, прогналъ оттуда всѣхъ католиковъ и сдѣлалъ этотъ городъ сборнымъ мѣстомъ для своей партіи. Тѣмъ началась первая междоусобная война, которая впрочемъ происходила не только между войсками Конде и тріумвировъ, но и во всякой провинціи, во всякомъ городѣ, во всякой деревнѣ, гдѣ только жили вмѣстѣ приверженцы стараго и новаго ученія. При ниспроверженіи гражданскаго устройства и при необузданности страстей противники могли удовлетворять страшной религіозной ненависти жестокостями и въ этомъ отношеніи ни одна партія не усту-

пала другой; напротивъ одна старалась превзойти другую въ остроуміи при изобрѣтеніи мученій, такъ что вражда, раздѣлявшая ихъ, сдѣлалась неестественною *).

Самое чувство патріотизма должно было уступать религіозной ненависти; принцъ Конде 20-го сентября 1562 года заключилъ съ Елисаветою, королевою Англійскою, договоръ, по которому купилъ себѣ ея помощь уступкою Дьеппа, Гавръ-де-Граса и Руана. Въ слѣдствіе этого поступка правительство уничтожило всѣ законы, изданные въ пользу реформатовъ, а Колиньи и его брата осудило на изгнаніе; принцъ Конде былъ пощаженъ, ибо полагали, что онъ дѣйствуетъ только по принужденію. Сначала католики обратились противъ городовъ, занятыхъ Англійскими вспомогательными войсками; при осадѣ Руана Антонъ Наваррскій былъ такъ тяжело раненъ, что 17-го ноября 1562 года умеръ. Такъ какъ онъ не пользовался большимъ вліяніемъ, то смерть его не произвела существенной перемѣны въ положеніи партіи. Между тѣмъ Конде, получивъ вспомогательное войско изъ Германіи, чувствовалъ себя въ силахъ въ декабрѣ 1562 года итти на самый Парижъ; но его задерживали переговорами до тѣхъ поръ, пока для подкрѣпленія Парижа не прибыло католическое войско изъ Нормандіи. Не осмѣливаясь теперь сдѣлать нападеніе на столицу, Конде обратился на Нормандію, желая тамъ соединиться съ Англичанами. Католическое войско двинулось за нимъ и настигло его при Дрё. Здѣсь 19-го декабря произошла битва. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Гугенотовъ; они взяли въ плѣнъ коннетабля Монморанси и убили маршала Сентъ-Андре; въ Парижѣ уже распространилось извѣстіе о пораженіи католиковъ. Замѣчательно, что Королева-мать, какъ говорятъ, приняла это извѣстіе равнодушно, сказавъ: «Хорошо; впредь надо будетъ молиться на Французскомъ языкѣ.» Но потомъ герцогъ Гизъ далъ дѣлу другой обо-

(*) Со стороны католиковъ ознаменовалъ себя жестокостію *Блезъ-де-Монтлюкъ*, а со стороны Гугенотовъ *Бомонтъ*, *Баронъ Адре*. Ихъ обоихъ характеризуетъ Капефигъ въ своей Hist. de la réf. T. II. p. 301—304.

ротъ: онъ взялъ въ плѣнъ принца Конде и отнялъ у реформатовъ побѣду, которая, какъ думали, была уже въ ихъ рукахъ. Въ слѣдствіе битвы при Дрё и плѣненія Монморанси и Конде во главѣ католиковъ остался одинъ герцогъ Гизъ, а во главѣ реформатовъ адмиралъ Колиньи. Въ началѣ 1563 года герцогъ Гизъ двинулся къ Орлеану, сборному мѣсту Гугенотовъ. Онъ употреблялъ все стараніе, чтобы овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ и уже занялъ всѣ внѣшнія укрѣпленія и приготовилъ все къ приступу, какъ вдругъ убійство избавило реформатовъ отъ ихъ главнаго врага. *Жанъ-де-Мерей*, называемый *Польтротомъ*, 18-го февраля 1563 года застрѣлилъ Герцога тремя отравленными пулями. Убійца высказалъ на пыткѣ, что его подстрекнули къ убійству Колиньи и Беца; но адмиралъ и Беца публично оправдали себя отъ этого обвиненія. Колиньи говорилъ, что хотя онъ считаетъ смерть Гиза величайшимъ счастіемъ и старался-бы умертвить его всѣми позволенными военными средствами, но клянется честію и жизнью, что въ этомъ убійствѣ непринималъ никакого участія. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы убійцу не умерщвляли, пока не сдѣлаютъ между ними очной ставки; но Правительница-королева старалась, кажется, оставить въ сомнѣніи вину или невинность адмирала. Польтротъ 18-го марта былъ казненъ: подозрѣніе же все оставалось на адмиралѣ и фамилія убитаго до тѣхъ поръ не могла успокоиться, пока не совершила кровавой мести *).

Смерть герцога Гиза проложила путь къ миру. Королева-мать, избавившись отъ ига господствовавшей партіи, опять получила силу; принцъ Конде и Коннетабль, весьма желая освободиться изъ плѣна, равнымъ образомъ содѣйствовали заключенію мира. Такимъ образомъ Королевѣ удалось доставить потрясенному государству мгновенное отдохновеніе. По

(*) Туанъ (кн. XXXIV, стр. 619) такъ характеризуетъ герцога Франца Гиза: Vir nostra aetate, vel fatente invidia, maximus et quavis laude dignus, seu rei militaris scientiam cum summa felicitate conjunctam, sive maturam in rebus agendis prudentiam spectes, et profecto Galliae bono atque ornamento natus, si in pacatiora tempora et rectius administratam rempublicam incidisset.

мирному Амбоазскому эдикту, обнародованному 19-го марта 1563 года, всѣ дворяне, имѣвшіе право собственнаго суда, получили свободу вѣроисповѣданія для себя и своихъ областей; это право было предоставлено также всѣмъ городамъ, въ которыхъ имъ пользовались до сихъ поръ, исключая только Парижа. Реформаты съ своей стороны должны были распустить свои войска, отказаться отъ внѣшнихъ союзовъ и дать обѣщаніе впредь болѣе ихъ не заключать. Адмиралъ и другіе начальники реформатовъ были недовольны этимъ договоромъ, на который принцъ Конде согласился только для того, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ заключенія. Пользуясь благопріятными обстоятельствами они хотѣли доставить своей партіи одинакія права съ католиками; когда же она получила только то, что уже имѣла, то Колиньи и брать его съ неудовольствіемъ удалились въ свои имѣнія. Они не принимали участія въ предпріятіи, бывшемъ какъ-бы первымъ плодомъ возстановленнаго мира, именно въ изгнаніи Англичанъ изъ Франціи, опасаясь, что скоро опять будутъ нуждаться въ помощи Англійской Королевы. Отнявъ у Англичанъ крѣпости, занятыя ими во время междоусобной войны, Королева-мать еще въ 1563 году вмѣстѣ съ Королемъ совершила путешествіе по провинціямъ. Она хотѣла, чтобы присутствіе Его Величества всюду возстановило спокойствіе, чтобы Карлъ самъ увѣрился въ любви къ себѣ своихъ подданныхъ и получилъ къ нимъ взаимное расположеніе. Но это путешествіе не могло произвести въ молодомъ Королѣ благоволенія къ его подданнымъ реформатамъ. По этому Гугеноты и по заключеніи мира должны были оставаться недовѣрчивыми и осторожными. Во время междоусобной войны ихъ партія получила хорошую организацію и своихъ предводителей. Мужи, думавшіе сначала воспользоваться Гугенотами только для своихъ политическихъ цѣлей, теперь совершенно пристали къ нимъ и партія ихъ не имѣвшая прежде ни крѣпкой связи, ни правъ, преслѣдуемая инквизиціею, теперь при первой тревогѣ готова была взяться за оружіе и подъ начальствомъ своихъ предводителей защищать свои права.

Они имѣли свои собственные магазины, сборныя мѣста и при иностранныхъ дворахъ держали тайныхъ и явныхъ агентовъ. Для противодѣйствія этому союзу Гугенотовъ соединились также и католики; между ними всюду образовались общества, съ цѣлію защищать и поддерживать католическую вѣру и такимъ образомъ католическая партія также получила свою организацію, вовсе независимую отъ правительства. Такъ какъ по этому правительство не всегда могло обуздать партіи, что при постоянныхъ столкновеніяхъ между ними какъ-бы сама собою готовилась новая междоусобная война. Когда въ 1567 году полководецъ Альба велъ изъ Италіи Испанскую армію въ возмутившіяся Нидерланды, то Французское правительство нашло необходимымъ назначить отрядъ войска, чтобы слѣдить за маршемъ Испанцевъ вдоль по Французской границѣ. Реформаты-же думали, что это войско назначено противъ нихъ и въ собраніи у адмирала Колиньи положили предупредить дворъ и захватить Короля. Король въ то время находился въ одномъ загородномъ мѣстѣ при Мо; при быстромъ движеніи конницы Конде, онъ долженъ былъ, подъ защитою своихъ съ поспѣшностію собранныхъ Швейцарцевъ, удалиться въ Парижъ (*). Нападеніемъ Конде началась *вторая междоусобная война*. 9-го ноября 1567 года при Сенъ-Дени произошло сраженіе, въ которомъ католики, не смотря на превосходство своихъ силъ, съ трудомъ одержали побѣду, но все же смертію коннетабля Монморанси, павшаго въ битвѣ, потеряли болѣе, нежели реформаты своимъ пораженіемъ. Вообще эти междоусобныя войны отличаются тѣмъ, что реформаты, проигрывая всѣ главныя сраженія, послѣ каждаго пораженія опять являлись въ полѣ съ новою силою; это объясняется тѣмъ, что сила реформатской партіи состояла въ дворянахъ и ихъ свитѣ, которые, будучи конными, въ случаѣ

(*) Это нападеніе еще болѣе увеличило ненависть Карла IX къ реформатамъ: odio ex fugae necessitate intus concepto, nec nisi cum Protestantium pernicie ac nominis Gallici infamia deposito, sicuti prudentissimi quique eorum providerant.

неудачнаго сраженія легко избѣгали преслѣдованій и имъ стоило только соединиться, чтобы снова получить прежнюю силу. Такимъ образомъ битва при Сенъ-Дени мало имѣла вліянія на рѣшеніе войны; Дворъ спѣшилъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія заключеніемъ мира, который состоялся *въ Лонжюмо* 23-го марта 1568 года. Этотъ миръ называется *малымъ миромъ*, потому что спустя не болѣе шести мѣсяцевъ возгорѣлась *третья междоусобная война*. Эту войну Дворъ началъ съ такою же хитростію, какъ Гугеноты предъидущую. Онъ хотѣлъ захватить принца Конде и адмирала Колиньи, но они оба убѣжали въ приморскій городъ Рошель, укрѣпленнѣйшій болверкъ реформатовъ, а такъ какъ всѣ изданные до сихъ поръ эдикты были отмѣнены и свобода вѣроисповѣданія уничтожена, то вся реформатская партія снова взялась за оружіе. Частое нарушеніе клятвою подтвержденныхъ договоровъ уничтожило взаимное довѣріе партій и погасило въ нихъ послѣднюю искру чувства. По этому третья междоусобная война представляетъ болѣе ужасовъ, нежели двѣ предъидущія; ожесточеніе дошло до того, что противники ни сколько не щадили другъ друга. Католики подъ предводительствомъ герцога Анжуйскаго Генриха, брата Карла IX (*), 13-го марта 1569 года при Жарнакѣ на Шарантѣ вступили въ битву съ реформатами, которыми предводительствовалъ принцъ Конде. Въ этой битвѣ реформаты лишились своего предводителя. Еще прежде принца Конде лягнула лошадь и повредила ему бедро, по этому упавъ во время сраженія вмѣстѣ съ лошадью, онъ не могъ встать и долженъ былъ сдаться. На пути въ главную квартиру католической арміи ему встрѣтился викомтъ Монтескье и, выстрѣливъ изъ пистолета, разбилъ ему голову. Дворянство без-

(*) Герцогу Анжуйскому было тогда не болѣе 18 лѣтъ. Capefigue, Hist. de la réf. T. II, p. 473: Le duc d'Anjou, élevé enfant dans les guerres civiles, était le fils chéri de Catherine de Médicis, l'ami de son coeur, celui pour qui elle appellait une couronne. A la mort du vieux Connétable, elle le plaça avec le titre de lieutenant-général à la tête de ses armées, qu'elle dirigeait elle-même par Strozzi, général expérimenté des bandes italiennes.

условно покорялось павшему предводителю, какъ принцу крови, но не охотно-бы оказывало такую покорность кому-либо изъ равныхъ себѣ; по этому смерть Конде могла бы много повредить реформатамъ, если-бы не явилась въ Коньякъ, гдѣ собрались предводители и войска Гугенотовъ, Іоанна, королева Наваррская, высокоуважаемая реформатами; одною рукою она вела своего шестнадцатилѣтняго сына Генриха, другою-же сына павшаго принца Конде. Она обоихъ представила войску и молодой Генрихъ Наваррскій съ энтузіасмомъ былъ провозглашенъ предводителемъ арміи и главою реформатской партіи. Адмиралъ Колиньи, управлявшій всѣмъ во имя принца, получилъ теперь еще большую силу, нежели до пораженія при Жарнакѣ (*). Католическая партія хотѣла избавиться отъ него убійствомъ и назначила высокую цѣну за его голову, но никто не польстился этою наградою. Хотя 3-го октября 1569 года Колиньи рѣшительно былъ пораженъ Герцогомъ Анжуйскимъ при Монконтурѣ, въ Пуату, при чемъ и самъ былъ раненъ, не смотря на то весною слѣдующаго года онъ опять оправился и даже двинулся на Парижъ. Въ слѣдствіе этого похода начались мирные переговоры, которые повели къ заключенію *мира въ Сенъ-Жермень-анъ-Лейѣ* 8-го августа 1570 года. По этому миру реформаты не только безопасно могли исповѣдывать свою вѣру, но и въ политическихъ правахъ были сравнены съ католиками; они могли занимать всѣ государственныя должности, а для безпристрастнаго суда извѣстное число ихъ стало засѣдать въ судилищахъ; кромѣ того для большей ихъ безопасности имъ были уступлены на два года четыре ими избранныя крѣпости: Рошель, Шарите, Монтобанъ и Коньякъ.

(*) Францъ д'Андело, братъ Колиньи, умеръ 26-го мая 1569 года, vir prudentia, aequitate, ac rei militaris scientia inter Gallos praecipuus, et cujus morte, ut nuper Condaei, summopere labefactas Protestantium vires cum cuncti merito existimarent, tamen Colinii, in quem totum belli onus recumbebat, virtute restituta res est.

Миръ въ Сенъ-Жермень-ань-Лейѣ былъ слѣдствіемъ убѣжденія, что насильственное подавленіе реформатовъ невозможно. Въ высшей степени невѣроятно, что онъ былъ заключенъ съ намѣреніемъ увѣрить реформатовъ въ безопасности для того, чтобы, не успѣвъ побѣдить открытою силою, истребить ихъ *однимъ* ударомъ при помощи хитрости. На основаніи кровавой бани во время Варѳоломеевской ночи заключаютъ, что Дворъ съ самаго начала намѣревался собрать въ одно мѣсто протестантскихъ начальниковъ и предводителей, чтобы уничтожить ихъ однимъ разомъ; но какъ могло быть, что бы столь черный замыселъ созрѣвалъ въ тишинѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ; чтобы столь опасная тайна хранилась такъ долго и не открылась какимъ либо образомъ? Все, кажется, болѣе доказываетъ, что Дворъ заключилъ миръ чистосердечно; но нарушенію этого мира содѣйствовали многія обстоятельства. Причинами истребленія реформатовъ въ Варѳоломеевскую ночь были: ненависть Гизовъ къ Колиньи, которые считали своею обязанностію отмстить ему за убіеніе своего отца,—зависть Королевы-матери, Екатерины Медичи, которая видѣла, что прежнее ея вліяніе на Короля переходитъ теперь къ Колиньи, и народный фанатизмъ. Въ Королѣ воспламенили прежнюю ненависть къ реформатамъ, обвинивъ ихъ въ вымышленномъ заговорѣ, и онъ

далъ свое согласіе на умерщвленіе всѣхъ Гугенотовъ, собравшихся въ Парижѣ на празднество по случаю бракосочетанія Генриха Наваррскаго съ Маргаритою Валуа. Такъ произошла *кровавая баня въ ночь св. Варѳоломея* или *Парижская кровавая свадьба*, — событіе, которое кажется еще ужаснѣйшимъ, нежели каково оно на самомъ дѣлѣ, потому что, произойдя въ слѣдствіе мгновеннаго затрудненія, оно не имѣло ни одного изъ тѣхъ слѣдствій, которыми думали оправдать себя его виновники (*).

По возстановленіи мира, для уничтоженія всѣхъ несогласій и соединенія обѣихъ партій узами взаимнаго довѣрія положено было сочетать бракомъ Генриха Наваррскаго съ Маргаритою, сестрою Карла IX. Колиньи вмѣстѣ съ принцемъ отправился ко двору и былъ тамъ прекрасно принятъ. Когда онъ хотѣлъ предъ Королемъ преклонить колѣно, то Карлъ не допустилъ его до этого, но, обнявъ его, сказалъ, что этотъ день счастливѣйшій въ его жизни, и потомъ прибавилъ: «Теперь вы у меня и уже не оскверняете насъ». Король оказывалъ этому старому и достойному мужу полное довѣріе; Колиньи показалъ ему всѣ неудобства той политики, которой слѣдовали до сихъ поръ, и побуждалъ его освободиться отъ вліянія матери; онъ доказывалъ Королю, что выгоды Франціи требуютъ не за-одно дѣйствовать съ Испаніею, но напротивъ противодѣйствовать Испанскимъ интересамъ и поддерживать противъ Филиппа II Ни-

(*) Парижская кровавая свадьба представлена въ 52 книгѣ Туана и въ 3 томѣ уже часто выше приведеннаго сочиненія Капефига, который при объясненіи этого событія пользовался многими ненапечатанными источниками. Есть превосходная монографія: Die Pariser Bluthochzeit, dargestellt von Dr. Ludwig Wachler. Lepzig 1826.

дерланды. Карлъ IX согласился на политическіе совѣты Колиньи, которые совершенно клонились къ возобновленію прежней, почти родовой политики Франціи; снова были заключены союзы съ Нѣмецкими протестантскими князьями и съ Елисаветою, королевою Англійскою; для доказательства совершенной перемѣны Французской политики недоставало только рѣшительнаго объявленія Испаніи войны. Католики съ ужасомъ смотрѣли на этотъ переворотъ; папа Пій V никакъ не хотѣлъ дать позволенія на бракъ принцессы Маргариты съ реформатскимъ принцемъ, но 1-го мая 1572 года онъ умеръ, а преемникъ его Григорій XIII былъ уступчивѣе. Между тѣмъ бракосочетаніе надобно было отложить до августа, потому что 8-го іюня 1572 года въ Парижѣ умерла мать Генриха, Іоанна, королева Наваррская. Чѣмъ болѣе приближалось время бракосочетанія, тѣмъ болѣе Парижъ наполнялся прибывавшими туда реформатскими дворянами. При постоянной ненависти, раздѣлявшей обѣ партіи, на улицахъ Парижа часто происходили насилія, но Король былъ совершенно одинаково благосклоненъ ко всѣмъ. Королева-мать видѣла, что приверженность ея сына къ адмиралу лишила ее всякаго вліянія. До сихъ поръ она владѣла Королемъ, теперь же чувствовала себя устраненною; и такъ весьма естественно, что эта честолюбивая и властолюбивая женщина присоединилась теперь къ Гизамъ и ихъ партіи. Герцогъ Генрихъ Гизъ горѣлъ мщеніемъ за убіеніе своего отца, которое партія Гизовъ все еще приписывала адмиралу. Королева и Гизы, соединенные общими интересами, положили погубить адмирала (*). Послѣ того, какъ 17-го августа 1572 года бракъ Генриха Наваррскаго съ принцессою Маргаритою былъ уже совершенъ и когда уже нѣсколько дней протекло въ празднествахъ, то 22-го августа сдѣлана была попытка

(*) Адмирала часто предостерегали, но онъ на всѣ предостереженія отвѣчалъ: sibi certum esse, facta semel pace et inducta praeteritorum memoria, regis fidem sequi, et malle unco per Lutetiae vicos trahi, quamiterum ad arma civilia decurrere.

привести этотъ планъ въ исполненіе. Когда въ этотъ день адмиралъ шелъ изъ Луврскаго дворца домой, въ него выстрѣлили изъ окна одного дома, мимо котораго ему надобно было проходить; въ него попали 2 пули, одною онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, а другая оторвала ему съ правой руки указательный палецъ. Бывшіе съ адмираломъ окружили домъ, но убійца успѣлъ убѣжать. Впрочемъ извѣстно, что это былъ слуга дома Гизовъ, по имени Моревель. Если-бы ему удалось исполнить намѣреніе, то едва ли кровавая бапя Варѳоломеевской ночи запятнала-бы Французскія лѣтописи; но такъ какъ это ему не удалось, то Королева, участіе которой въ этомъ преступленіи не могло скрыться, рѣшилась употребить всѣ мѣры, чтобы погубить адмирала и его приверженцевъ. Воспользовавшись угрозами реформатовъ, что они сами станутъ мстить, если убійца не будетъ наказанъ, она представила ихъ Королю опасными для государства. Въ тотъ самый день, когда Король посѣтилъ раненнаго адмирала и выразилъ свое искреннее участіе въ немъ, она убѣдила его, что послѣ столь дерзкаго покушенія противъ Колиньи жизнь его подвержена опасности и что онъ можетъ обезопасить себя только уничтоженіемъ всей реформатской партіи. Королю донесли, будто-бы Гугеноты составили противъ него заговоръ и для доказательства представили ему подложныя бумаги. Карлъ IX впалъ въ страхъ отъ угрожающей опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренный въ мнимой измѣнѣ, сдѣлался жестокимъ. Онъ согласился не только на убіеніе адмирала, но и на истребленіе всѣхъ Гугенотовъ; для совершенія этого назначена была ночь съ 23-го на 24-е августа; только Король Наваррскій и принцъ Конде были изъяты изъ всеобщей гибели. Въ день, предшествовавшій ночи избіенія, были приняты всѣ мѣры, чтобы увѣрить обреченную на смерть партію въ совершенной безопасности; это удалось такъ, что реформаты никогда спокойнѣе не отходили ко сну, какъ въ тотъ вечеръ, послѣ котораго среди ночи ихъ ожидало столь ужасное пробужденіе. Всѣ приготовленія къ крова-

вой банѣ были сдѣланы въ величайшей тайнѣ и уже подъ вечеръ; для отличія себя католики обвязывали себѣ лѣвую руку бѣлымъ полотномъ и къ шляпѣ прикрѣпляли бѣлый крестъ. Мать и братъ Короля не отходили отъ него ни на часъ, чтобы удержать его при произнесенномъ однажды рѣшеніи; но на Короля находило то раскаяніе, то страхъ. Когда при началѣ Варѳоломеева дня, 24-го августа, онъ услышалъ первый выстрѣлъ, которымъ началось избіеніе, то послалъ одного дворянина съ повелѣніемъ пощадить адмирала и остановить все предпріятіе. Но раскаяніе Короля, равно какъ и это повелѣніе, было уже поздно: глубокая тишина ночи во всѣхъ частяхъ города была прервана шумомъ оружія, крикомъ сражающихся и стенаніями умирающихъ; свѣтъ факеловъ и смоляныхъ вѣнковъ превратилъ ночь въ день и освѣщалъ совершеніе убійствъ. Быстрѣе всѣхъ дѣйствовалъ герцогъ Гизъ: побуждаемый мщеніемъ, онъ поспѣшилъ къ дому Колиньи, куда при крикѣ «во имя Короля» ворвалась толпа убійцъ. Надобно замѣтить что не Французъ обагрилъ свои руки въ крови достойнаго Колиньи; убійцею его былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Богемецъ, по другимъ-же Нѣмецъ изъ слугъ Гизовъ (*). Онъ съ тремя Французскими полковниками и однимъ Итальянцемъ изъ Сіены, по имени Петруцци, ворвался въ комнату адмирала; адмиралъ въ то время стоялъ у стѣны и молился. На вопросъ Богемца: «Ты ли адмиралъ?» онъ спокойно отвѣчалъ «Я; но ты, молодой человѣкъ, долженъ быть почтителенъ къ моимъ сѣдинамъ». Вмѣсто отвѣта Богемецъ пронзилъ его мечемъ и далъ нѣсколько ударовъ въ голову; трупъ чрезъ окно былъ выброшенъ на дворъ, гдѣ ожидали его герцогъ Гизъ и графъ Ангулемскій.

(*) По изслѣдованіямъ Вахлера убійцею Колиньи былъ Богемецъ, именно *Діановичъ;* Французскіе же источники показываютъ, что онъ былъ Нѣмецъ: Bemius Germanus in Guisii familia a puero educatus, говоритъ Туанъ кн. LII. стр. 128. Капефигъ говоритъ объ немъ: Behem, Allemand très devoué à la maison de Lorraine; il avait épousé une bâtarde du Cardinal.

Собственно по смерти Колиньи началось убійство по всему городу; съ фанатисмомъ соединились мщеніе и корыстолюбіе, которыя увеличивали число жертвъ. Въ Парижѣ въ эту ночь было убито болѣе 2000 Гугенотовъ и только немногимъ удалось спастись бѣгствомъ. Король Наваррскій и принцъ Конде угрозами и ласкательствами были принуждены принять католичество. Парижскія сцены повторялись также и въ провинціяхъ, гдѣ ожесточеніе католиковъ было столь-же велико, какъ и въ столицѣ; и чрезъ нѣсколько дней въ различныхъ частяхъ Франціи еще было убито до 30,000 человѣкъ. Сначала Король хотѣлъ сложить вину этого злодѣянія на Гизовъ, но когда мать представила ему, что этимъ онъ себя унизитъ, то онъ принялъ вину на себя и приказалъ парламенту разсмотрѣть заговоръ Гугенотовъ и осудить тѣхъ, которые принудили его принять такія мѣры.

Подобныя злодѣянія, каковы были совершены въ ночь Св. Варѳоломея, всегда наказываются сами собою, если при совершеніи ихъ не бываетъ послѣдовательности. Пламя междоусобной войны не только не было погашено кровію убитыхъ, но еще вспыхнуло въ четвертый разъ и не могло быть удержано иначе, какъ только уступкою реформатамъ ихъ прежнихъ правъ. Хотя все такимъ образомъ опять пришло въ прежнее положеніе, но взаимная недовѣрчивость и ненависть усилились и соединеніе обѣихъ партій сдѣлалось еще труднѣе. Вовсе нельзя было предвидѣть, какъ Франція выйдетъ изъ этого несчастнаго положенія. Каждый годъ вмѣсто исцѣленія прежнихъ ранъ, государству наносились новыя; право и справедливость не имѣ-

ли уже никакого значенія, всякое оскорбленіе от мщалось мечемъ, кинжаломъ или ядомъ и положено было начало мести на многія поколѣнія. Религія, подавшая поводъ ко всѣмъ этимъ замѣшательствамъ, совершенно изчезла въ своемъ истинномъ и благодѣтельномъ значеніи; мѣсто ея заступило невѣріе или самое грубое суевѣріе; настало золотое время для звѣздочетовъ, предсказателей, вѣдьмъ и чародѣевъ. Затрудненія государства еще болѣе увеличились, когда Карлъ IX умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, а отъ брата и наслѣдника его Генриха III нельзя было ихъ и ожидать, такъ что имъ долженъ былъ пресѣчься домъ Валуа. Но въ такомъ случаѣ корона переходила въ домъ Бурбоновъ и ближайшее право на нее прунадлежало Генриху, королю Наваррскому. Сколь ужасно было для католиковъ видѣть законнымъ наслѣдникомъ престола не просто еретика, но еретика, во второй разъ обратившагося къ заблужденію, отъ котораго однажды отрекся! Для отвращенія этой опасности между ревностнѣйшими католиками образовалась *лига*. Герцогъ Генрихъ Гизъ, какъ глава ея, получилъ такую силу въ государствѣ, что смѣлъ надѣяться, по изгнаніи приверженныхъ къ реформаціи Бурбоновъ, возвести на престолъ свой домъ. Король Генрихъ III, изгнанный *въ день баррикадъ* изъ Парижа Гизами и ихъ приверженцами, не находя другихъ средствъ выйти изъ стѣсненнаго по-

ложенія, 24-го декабря 1588 года въ Блуа приказалъ умертвить Герцога Генриха Гиза и брата его Кардинала Гиза.

Неожиданное событіе во время Варѳоломеевской ночи, какъ молнія, поразило Гугенотовъ; пораженные и лишенные правъ, они сначала думали, что все потеряно безвозвратно и многіе бѣжали изъ Франціи въ другія протестантскія земли. Но вскорѣ они опять ободрились и, получивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительную силу, готовились къ оборонѣ. Изъ своихъ четырехъ крѣпостей они потеряли только Ла-Шарите, на которую сдѣлано было нападеніе въ расплохъ, въ трехъ же другихъ и особенно въ Рошели защищались удачно. Хотя королевское войско подъ предводительствомъ Герцога Анжуйскаго осадило этотъ городъ и Герцогъ устремилъ на него всѣ свои силы, но осажденные съ отчаяніемъ отражали всѣ нападенія. Между тѣмъ по пресѣченіи дома Ягеллоновъ, Герцога Анжуйскаго, по выбору Польскаго народа, призывали на упраздненный Польскій престолъ; въ слѣдствіе этого желая уѣхать въ свое новое королевство, не предоставивъ никому другому чести окончанія войны, онъ 6-го іюля 1573 года заключилъ съ Рошелью миръ. По этому *четвертому религіозному миру* Реформатамъ опять было позволено держаться своей религіи, и кровопролитіе, совершенное въ Варѳоломеевскую ночь, не доставило католикамъ никакой выгоды кромѣ ненависти соотечественниковъ и иностранцевъ. Еще при отъѣздѣ новаго Короля Польскаго можно было предвидѣть, что въ скоромъ времени смертію брата его Карла IX для него упразднится и престолъ Французскій. Несчастный Калъ IX видимо клонился къ смерти. Терзаясь при видѣ разстроеннаго состоянія государства, онъ мучился и отъ угрызеній совѣсти за Варѳоломеевскую ночь, которыхъ въ немъ не могли заглушить ни софизмы, ни легкомысліе матери. Страшные призраки постоянно напоминали ему о ужас-

помъ кровопролитіи *). Онъ изнемогъ отъ этихъ душевныхъ страданій и умеръ 30-го мая 1574 года; правленіе же перешло къ брату его Генриху III. Получивъ въ Польшѣ извѣстіе объ упраздненіи Французскаго престола, Генрихъ тотчасъ-же тайно уѣхалъ изъ Кракова, опасаясь, чтобы Поляки не удержали его. Чтобы получить престолъ Французскій, онъ сложилъ съ себя Польскую корону. Проѣзжая чрезъ Вѣну, онъ остановился на нѣсколько дней при императорскомъ дворѣ и получилъ отъ умнаго и благороднаго императора Максимиліана II прекрасные совѣты. Императоръ говорилъ, что его отецъ Фердинандъ и дядя Карлъ V старались подавить религіозный расколъ въ Германіи оружіемъ, но не имѣли успѣха; по этому онъ съ совершеннаго согласія имперскихъ сословій допустилъ въ имперіи свободу вѣроисповѣданія и съ тѣхъ поръ правитъ совершенно спокойно; этому примѣру онъ совѣтовалъ слѣдовать Генриху во Франціи. Генрихъ не былъ убѣжденъ такими совѣтами, и по вступленіи на престолъ не оправдалъ ни одной надежды, которыя подавалъ своими прежними дѣйствіями на военномъ поприщѣ.

Принявъ правленіе, Генрихъ III, кромѣ обѣихъ партій католиковъ и гугенетовъ, нашелъ еще третью партію *политиковъ* или *недовольныхъ*, которая старалась, при помощи государственныхъ сословій, преобразовать дворъ и правительство **). Преклоняясь на сторону то той, то другой партіи, Генрихъ ни у одной не пріобрѣлъ ни довѣрія, ни опоры, менѣе же всего у католической. Католики съ ужасомъ смотрѣли на будущность. Генрихъ III по смерти младшаго своего брата Франца Геркулеса, герцога Алансонскаго, оставался послѣднею отраслію дома Валуа и такъ какъ онъ не имѣлъ наслѣдника, то, по

*) Thuan. lib. LVII, p. 606: Somnum nocturni horrores post casum Sanbartholomaeum plerumque interrumpebant.

**) Thuan. l. c. p. 570: Ii de quietis publicae perturbationibus, edictorum regiorum violatione et prava reipublicae administratione vulgo ac palam querebantur, eamque convocatis regni comitiis corrigi et emendari petebant, illorumque factio Politicorum et Malecontentorum ob id sibi nomen sumsit.

Французскимъ правамъ наслѣдства, престолъ долженъ былъ перейти къ Генриху, королю Наваррскому. Хотя Король Наваррскій, равно какъ и двоюродный братъ его принцъ Конде, въ Варооломеевскую ночь и были принуждены принять католичество, но, получивъ свободу, они оба тотчасъ-же снова обратились къ реформаціи и Генрихъ Наваррскій опять сдѣлался главою гугенотовъ. Католики не могли помириться съ мыслію, что ихъ королемъ будетъ нѣкогда гугенотъ. Они обратили свои взоры на Генриха, герцога Гиза, мужественнаго защитника католической церкви, и у нихъ утвердилось мнѣніе, что герцогъ Гизъ, по своему мнимому происхожденію отъ Карла Великаго, имѣетъ большія права на престолъ, нежели Король Наваррскій. Выпущены были сочиненія, въ которыхъ рѣзко изображалась несправедливость Гугона Капета относительно Каролинговъ. Съ того времени, говорили эти сочинители, гнѣвъ Божій разразился надъ Франціею и государство сдѣлалось добычею еретиковъ; спасти его можно только возстановленіемъ католической вѣры и законной династіи Каролинговъ, бывшихъ всегда покорными сынами церкви. Католики взялись за это дѣло еще съ большимъ рвеніемъ, когда Генрихъ III, заключивъ съ гугенотами въ 1576 году *пятый религіозный миръ*, согласился предоставить имъ большія выгоды, нежели какими они пользовались доселѣ. По этому миру, заключенному 6-го мая 1576 года въ Болье, гугеноты получили неограниченную свободу вѣроисповѣданія и могли занимать всѣ государственныя должности: въ судилищахъ должно было засѣдать одинакое число судей изъ обѣихъ религіозныхъ партій. Варооломеевская ночь была объявлена прискорбнымъ для Короля событіемъ и по этому уничтожены всѣ ея слѣдствія: память адмирала Колиньи была почтена достойнымъ образомъ и имѣнія его возвращены его наслѣдникамъ. Хотя въ послѣдствіи Генрихъ III опять уничтожилъ нѣкоторыя изъ этихъ условій и при своей шаткой политикѣ снова сдѣлался врагомъ гугенотовъ, но уже не могъ получить довѣрія католиковъ. Католическая партія, составивъ *лигу*, приняла особенную, независимую отъ правительства ор-

гапизацію и нашла себѣ опору въ Королѣ Испанскомъ, который, опасаясь, чтобы Французы не помогали Нидерландамъ, по своимъ политическимъ видамъ долженъ былъ какъ можно долѣе поддерживать во Франціи безпокойства. По миру въ Болье принцу Конде было предоставлено штатгальтерство въ Пикардіи. Католики же этой провинціи, думая, что чрезъ то католическая религія подвергается опасности, соединились и дали торжественную клятву поддерживать ее *). Въ скоромъ времени этотъ союзъ распространился по всей Франціи и утвердилъ свое средоточіе въ Парижѣ. Парижъ уже въ то время, какъ и теперь, служилъ во Франціи образцемъ для прочихъ городовъ. Съ присоединеніемъ его лига получила энергическое управленіе: шестнадцать представителей шестнадцати городскихъ кварталовъ, на которые раздѣлялся Парижъ, управлявшіе городомъ, сдѣлались теперь правителями и лиги. Напрасно Генрихъ III старался сдѣлать лигу безвредною, принявъ надъ нею главное начальство и вступивъ въ совершенно непріязненныя отношенія къ гугенотамъ, онъ не могъ соединить своихъ интересовъ съ интересами лиги, такъ чтобы она безусловно предалась ему. Она болѣе смотрѣла на герцога Генриха Гиза какъ на своего главу, а Король со страхомъ и стыдомъ увидѣлъ, что онъ обойденъ партіями и лишенъ всякаго рѣшительнаго вліянія на дѣла. Ему оставалось на выборъ предаться герцогу Гизу или Королю Наваррскому. Въ февралѣ 1588 года главы лиги совѣщались въ Парижи и представили Королю слѣдующія требованія: чтобы онъ удалилъ отъ двора и лишилъ достоинствъ нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей, ввелъ Испанскую инквизицію, принялъ и привелъ въ исполненіе рѣшеніе Тридентскаго собора, возобновилъ войну съ еретиками и велъ-бы ее до совершеннаго уничтоженія ихъ. Когда Король не уважилъ этихъ требованій, то герцогъ Гизъ, не смотря на запрещеніе

*) Въ актѣ союза (Thuan. lib LXIII, p 438) сказано: foederis praefectus creetur, cui universi promptam obedientiam et obsequium sine conditione praestare teneantur.

Короля, 9-го мая прибылъ въ Парижъ. Народъ принялъ его съ восхищеніемъ: раздались крики: «да здравствуетъ Гизъ! да здравствуетъ защитникъ церкви и вѣры!» многіе цѣловали руки и одежду Герцога и преклоняли предъ нимъ колѣни. Король считалъ себя уже не безопаснымъ въ своей столицѣ и 11-го мая велѣлъ для своей защиты ввести войска. Граждане, видя это, также вооружились и 12-го мая построили на улицахъ баррикады. Столь неожиданное возстаніе легко преодолѣло королевскіе отряды. Въ слѣдствіе этого journée des barricades Король удалился изъ Парижа и вступилъ въ переговоры съ лигою, какъ съ самостоятельною державою. Чтобы только удержаться на престолѣ, онъ былъ принужденъ согласиться на требованія лиги и предоставить герцогу Гизу необыкновенную власть. Внутреннее разстройство Франціи ясно выказалось, когда Генрихъ III, находясь подъ вліяніемъ лиги, въ октябрѣ 1588 года собралъ государственныя сословія въ Блуа, а приверженцы Короля Наваррскаго собрались на свой сеймъ въ Рошели. Переговоры на сеймѣ въ Блуа приняли неблагопріятный для Короля оборотъ. Гизы, пользуясь сильнымъ вліяніемъ, настояли на устраненіи Короля Наваррскаго отъ престолонаслѣдія. Генрихъ III все болѣе и болѣе увѣрялся въ намѣреніи герцога Гиза занять престолъ и до него дошли слова сестры Герцога, Екатерины Монпансье, которая съ гордостію говорила, что она уже наточила ножницы для постриженія Короля, чтобы предоставить престолъ достойнѣйшему. При такомъ положеніи дѣлъ Генрихъ созвалъ вѣрнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ и представилъ имъ, что онъ забылъ всѣ оскорбленія со стороны герцога Гиза, согласился на его требованія и предоставилъ ему такую власть, какой ни одинъ король не предоставлялъ своимъ подданнымъ: но Герцогъ, вмѣсто благодарности, ежедневно оказываетъ большія и большія притязанія, управляетъ по своему произволу сеймомъ и явно стремится къ умерщвленію Короля и пріобрѣтенію короны. Большая часть совѣтниковъ рѣшила, что Король можетъ смотрѣть на герцога Гиза, какъ на

явнаго доказаннаго преступника и измѣнника и законнымъ образомъ предать его смерти. Но король Генрихъ былъ такъ слабъ предъ могущественнымъ герцогомъ, что не осмѣлился предать его суду, но прибѣгнулъ къ убійству. Онъ выбралъ изъ 45 Гасконскихъ дворянъ, бывшихъ его тѣлохранителями, восемь самыхъ смѣлыхъ и поставилъ ихъ въ своей предъ-кабинетной комнатѣ, которая назначена была для совершенія убійства. Хотя Герцогъ получилъ нѣсколько извѣщеній о составленномъ противъ него замыслѣ, но въ излишней самонадѣянности не обратилъ на нихъ вниманія и, по приглашенію 24-го декабря 1588 года, отправился на совѣщаніе въ кабинетъ Короля. Едва только онъ вошелъ въ упомянутую комнату, дверь за нимъ тотчасъ затворилась и онъ еще не успѣлъ выхватить шпаги или защититься какъ либо иначе, какъ напавшіе на него восемь убійцъ уже умертвили его. На слѣдующій день по повелѣнію Короля былъ умерщвленъ и братъ убитаго Герцога, кардиналъ Гизъ. Третій братъ, Герцогъ Майенскій, котораго не было въ Блуа, убѣжалъ въ Парижъ. По истребленіи Гизовъ Генрихъ III съ радостнымъ лицомъ явился къ своей матери, которая была больна и ничего не знала объ убійствѣ. «Сегодня,» вскричалъ онъ, «я сдѣлался королемъ Французскимъ, потому что Король Парижскій убитъ.» Екатерина ужаснулась и сказала: «Дай Богъ, чтобы ты не сдѣлался королемъ надъ ничѣмъ и умѣлъ бы такъ хорошо шить, какъ разрѣзалъ.» Умная женщина совѣтовала ему дѣйствовать быстро и рѣшительно. Она не долго пережила страхъ, въ который была приведена этимъ извѣстіемъ, и умерла 5-го января 1589 года, находясь у всѣхъ въ пренебреженіи.

Убіеніе Гизовъ было для лиги сигналомъ къ возмущенію противъ Короля; Генрихъ III, оставленный всѣми и видя со всѣхъ сторонъ угрозы, обратился къ Королю Наваррскому и гугенотамъ.

Но фанатизмъ вооружилъ противъ него убійцу, Іакова Клемана, который 1-го августа 1589 года въ Сенъ-Клу умертвилъ его. Хотя теперь Генрихъ Наваррскій de jure и былъ королемъ Французскимъ, но ему еще многаго не доставало, чтобы утвердиться въ этомъ достоинствѣ de facto. Какъ ни велики были представлявшіяся при этомъ затрудненія, но они не устрашали смѣлаго и твердаго духомъ Короля Наваррскаго. Находясь въ цвѣтѣ лѣтъ, испытавъ во время своей бурной жизни и счастіе, и несчастіе, Генрихъ IV былъ, кажется, назначенъ самою судьбою, чтобы вывести Францію изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ она находилась въ то время. Это былъ король совершенно въ духѣ Французовъ: онъ былъ доступенъ народу, хотя нисколько тѣмъ не унижалъ своего достоинства, храбръ и предпріимчивъ, исполненъ ума и остроты, однимъ словомъ — въ немъ олицетворялись всѣ прекрасныя и милыя качества Французовъ. Когда онъ добровольно перешелъ въ католичество, то лигисты не могли противойдѣствовать общему желанію народа. *По въѣздѣ Генриха IV въ Парижъ въ мартѣ 1594 года уничтожилась лига* и вся Франція признала Генриха королемъ. Новый король исцѣлилъ раны своего государства, нанесенныя ему во время столь продолжительныхъ междоусобій. *Нантскимъ эдиктомъ* онъ опредѣлилъ религіозныя отношенія такъ,

что удовольствовалъ обѣ партіи и, утвердивъ спокойствіе и согласіе, возвратилъ Франціи прежнее благосостояніе, такъ что она, бывъ до сихъ поръ игралищемъ чужой политики, получила теперь такую силу, что снова могла принять на себя ту же роль, которую играла до междоусобныхъ войнъ, и стремиться къ рѣшительному вліянію на дѣла Европы.

Гизы пользовались величайшимъ уваженіемъ лиги и по этому убіеніе ихъ весьма ожесточило лигистовъ. Убитыхъ представляли мучениками за католическую вѣру. При такомъ направленіи легко было вооружить противъ Короля всю лигу. Въ слѣдствіе этого въ Парижѣ объявили Короля лишеннымъ престола, съ чѣмъ согласились всѣ города, принадлежавшіе къ лигѣ. Шестнадцать начальниковъ Парижскихъ кварталовъ сдѣлались главами управленія, вооружили народъ и изгнали всѣхъ чиновниковъ, нехотѣвшихъ приступить къ союзу. Удаливъ такимъ образомъ, или подавивъ страхомъ всѣхъ судившихъ безпристрастно, они назначили 22-го февраля 1589 года Герцога Майеннскаго генералъ-лейтенантомъ королевства. Духовенство рѣшительно приняло сторону противниковъ Короля и всѣмъ, признававшимъ Генриха III, отказывало въ отпущеніи грѣховъ. Папа Сикстъ V также объявилъ себя противъ Короля и угрожалъ ему за убіеніе кардинала Гиза отлученіемъ отъ церкви. Въ этомъ положеніи королю Генриху III ничего болѣе не оставалось, какъ соединиться съ Королемъ Наваррскимъ и реформатами. Оба короля соединили свои войска и двинулись къ Парижу, чтобы въ главномъ пунктѣ потушить рождающееся пламя междоусобія. Король Французскій назначилъ свою главную квартиру въ Сен-Клу, Король Наваррскій въ Медонѣ и когда они отрѣзали отъ столицы всѣ повозы, то недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ

вскорѣ принудилъ-бы ее сдаться, если-бы между фанатиками не нашлось убійцы. Въ столь безправственныя времена, каковы были тогда, на убійство рѣшались весьма легко, такъ что въ теченіе междоусобной войны оно сдѣлалось даже обыкновеннымъ и лигисты теперь прибѣгли къ нему.

Генрихомъ III прекратился домъ Валуа и, по праву наслѣдства, Французская корона принадлежала теперь *Бурбонскому* дому. Такъ какъ Генрихъ Наваррскій, глава этого дома, объявилъ, что относительно религіи онъ покорится опредѣленіямъ собора, который положено было созвать въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ, то большая часть католическаго дворянства, бывшаго на сторонѣ Генриха III, признала его королемъ; лига же рѣшительно объявила себя противъ Генриха IV и провозгласила королемъ, подъ именемъ *Карла X*, дядю его, кардинала Карла Бурбонскаго, находившагося впрочемъ во власти Генриха. Кромѣ того она заключила самый тѣсный союзъ съ Испаніею, и когда въ слѣдующемъ году Карлъ Бурбонскій умеръ, то обѣщала Королю Филиппу, уничтоживъ Салійскій законъ, предоставить Французскій престолъ дочери его *Клары Изабеллы*, которой мать была сестрою Генриха III. И такъ лига при помощи Испаніи, а Генрихъ IV при содѣйствіи Англіи и Германскихъ протестантскихъ князей продолжали войну. 14-го марта 1590 года при Иври произошла битва, въ которой Генрихъ IV, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, одержалъ рѣшительную побѣду. Побѣдитель тотчасъ двинулся къ Парижу и хотѣлъ голодомъ принудить городъ къ сдачѣ. Парижъ былъ уже доведенъ до того, что въ немъ ежедневно многіе умирали отъ недостатка въ пищѣ, какъ вдругъ изъ Нидерландовъ прибылъ съ своимъ войскомъ Испанскій полководецъ, Герцогъ Пармскій, и 30-го августа принудилъ Короля снять осаду. Хотя Генрихъ IV по недостатку въ деньгахъ долженъ былъ распустить часть своего войска, тогда какъ лигѣ постоянно и ревностно содѣйствовалъ Король Испанскій, не смотря на то

съ тѣхъ поръ, какъ католическіе прелаты начали наставлять его въ своей вѣрѣ и онъ такимъ образомъ добровольно сталъ приготовляться къ переходу въ католическую церковь, дѣла его со дня на день становились лучше. Между тѣмъ въ нѣдрахъ самой лиги родилось несогласіе: Герцогъ Майеннскій, поссорившисьсъ 16-ю начальниками лиги и Испанцами, сталъ отдѣляться отъ партіи, которой нѣсколько лѣтъ былъ главою. Этотъ раздоръ еще болѣе усилилъ всеобщее желаніе мира и спокойствія, для достиженія чего самое легкое средство представляла покорность Генриху IV. Лигисты для противодѣйствія всеобщему желанію созвали въ Парижъ государственныя сословія и предложили избраніе новаго короля. Испанская партія старалась побудить этотъ сеймъ къ клятвѣ, что онъ и въ томъ случаѣ не признаетъ королемъ Генриха Наваррскаго, если онъ сдѣлается католикомъ, многіе же воспротивились этому и Парижскій парламентъ 28-го іюня 1593 года опредѣлилъ: что Салійскій законъ отмѣненъ быть не можетъ и что нельзя избирать въ короли иностранца. Въ то-же время Генрихъ IV, какъ онъ самъ выражается, сдѣлалъ опасный шагъ; 25-го іюля 1593 года въ Сенъ-Денн онъ пошелъ къ обѣднѣ и по окончаніи литургіи многими епископами торжественно былъ принятъ въ лоно католической церкви (*). Лига утверждала, что самъ Папа долженъ снять съ Короля отлученіе, а между тѣмъ, чтобы воспрепятствовать этому, въ союзѣ съ Королемъ Испанскимъ вооружила противъ него Папскій дворъ. Такъ какъ по смерти Сикста V Папскій престолъ находился совершенно подъ вліяніемъ Испанцевъ, то тогдашній папа Климентъ VIII не осмѣлился содѣйствовать Генриху IV: не смотря на то однако-жъ, всѣ болѣе и болѣе преклонялись на сторону этого короля, всѣ стали желать порядка и умѣренности и по этому соз-

*) Извѣстное выраженіе Генриха: «Paris vaut bien une messe,» показываетъ, какъ надо смотрѣть на его переходъ отъ реформатской церкви къ католической; это было слѣдствіемъ политики, о которой Донъ-Жуанъ Баптиста де Таксисъ (Comment. lib. VIII, cap. 19) говоритъ: Actus procul dubio rebus suis accomodatissimus Ligaeque mortalis.

ванный противъ Генриха IV сеймъ розошелся безъ успѣха. По отъѣздѣ Герцога Майеннскаго изъ Парижа въ февралѣ 1594 года Парижскій комендантъ Бриссакъ и prevôt города Л'Юйлье, положили конецъ всѣмъ безпорядкамъ тѣмъ, что ночью съ 21-го на 22-е марта 1594 года отворили королевскимъ войскамъ ворота. Генрихъ предъ тѣмъ обѣщалъ безусловное забвеніе всего прошедшаго, безопасность собственности, неприкосновенность религіи и все, что только можно было желать законно. Извѣстіе объ этихъ обѣщаніяхъ и о занятіи города Королемъ произвело невыразимую радость. Король при необъятномъ стеченіи народа отправился въ церковь Nôtre-Dame, гдѣ спѣли торжественное Te-Deum. Отсюда онъ поѣхалъ въ Лувръ и занялъ дворецъ своихъ предшественниковъ; Папскій легатъ и Испанскій посланникъ узнали о случившемся тогда, какъ уже нельзя было противопоставить никакихъ препятствій. Генрихъ IV великодушно позволилъ Испанцамъ свободно возвратиться въ отечество и когда они проѣзжали мимо Лувра, то онъ учтиво кланялся имъ и кричалъ: «Кланяйтесь отъ меня вашему государю, но не приходите опять!» Благородный Генрихъ былъ какъ-бы сотворенъ для того, чтобы возвратить разстроенному государству спокойствіе и благосостояніе. Презирая всякое мщеніе, онъ искренно прощалъ своихъ противниковъ и дѣлалъ ихъ преданными себѣ подданными *). Онъ не оставилъ этого пути кротости и тогда, какъ 7-го декабря 1594 года одинъ молодой человѣкъ, Жанъ-Шатель,

*) Испанецъ Таксисъ есть неопровержимый свидѣтель этого и говоритъ: (l. c cap. 20) Usus est Henricus ad reductionem eorum, qui contra eum stabant, summa arte ac prudentia; universaliter omnibus, etiam communitatibus publico edicto omnia condonavit absque aliqua restrictione aut poena. Et quod maxime mirum, quam primum se unusquisque, qualiacunque contra eum egisset, reconciliasset, ita humaniter ac confidenter cum eo egit et facere perrexit, tanquam si in nihil praeteriti unquam incidisset, qua clementia admirabili unumquemque ita allexit, ut non remanserit tandem in regno, qui non libenter ejus obedientiae se submiserit. Exemplum non indignum posteritati relinquendum, ut sciant principes, plus in generali culpa saepe valere mansuetudinem, quam rigorem.

покусился на его жизнь; ударъ сдѣланъ былъ въ губы и, удержанный зубами, не причинилъ вреда. Единственнымъ слѣдствіемъ этой попытки было изгнаніе изъ Франціи Іезуитовъ, потому что убійца былъ ихъ воспитанникомъ; въ послѣдствіи ихъ опять приняли въ королевство. Наконецъ 17-го сентября 1595 года самъ папа Климентъ VIII разрѣшилъ Короля отъ отлученія. Послѣ столь важнаго событія и большая часть членовъ дома Гизовъ не замедлила примириться съ Королемъ. Только Герцогъ Омальскій убѣжалъ въ Испанію, Герцогъ Майеннскій напротивъ 31-го января 1596 года покорился Королю. Война съ Испаніею еще продолжалась, но безъ важныхъ слѣдствій и 12-го іюня 1598 года была окончена Вервенскимъ миромъ. Этотъ миръ между Франціею и Испаніею былъ заключенъ на основаніи мира въ Като-Камбрези. Такимъ образомъ Испанія расточила во Франціи значительныя суммы безъ всякихъ для себя выгодъ.

Въ этомъ-же году однимъ многообъемлющимъ закономъ были устроены дѣла реформатовъ. Совершить это дѣло было труднѣе, нежели какъ кажется съ перваго взгляда, ибо если Генрихъ покровительствовалъ реформатамъ, то остатокъ лиги находилъ поводъ обвинять его въ ереси; если же напротивъ онъ пренебрегалъ реформатами, то являлся неблагодарнымъ той партіи, съ которою такъ долго держался однихъ мнѣній и содѣйствію которой былъ обязанъ своею побѣдою. По совершенномъ уничтоженіи лиги и по примиреніи со всѣми своими врагами, Генрихъ 13-го апрѣля 1598 года издалъ знаменитый эдиктъ, называемый по имени Бретаньскаго города, въ которомъ онъ былъ подписанъ, *Нантскимъ эдиктомъ*. Этимъ эдиктомъ реформатамъ дозволено свободно жить по всей Франціи и возстановлены всѣ прежнія постановленія, изданныя въ ихъ пользу. И такъ они могли строить церкви, отправлять свое богослуженіе и созывать синоды. Имъ былъ открытъ путь ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, а, для утвержденія безпристрастнаго суда, къ Парижскому парламенту и прочимъ тогдашнимъ государственнымъ судилищамъ были при

соединены особыя такъ называемыя *камеры эдикта*, долженствовавшія заниматься только тяжебными дѣлами реформатовъ. Такимъ образомъ они въ правахъ почти сравнились съ католиками и Король долженъ былъ прибавить только немногія ограниченія: имъ не позволялось отправлять своего богослуженія въ Парижѣ и на пространствѣ 5-ти миль въ окружности столицы, равно какъ и въ Реймсѣ, Тулузѣ, Дижонѣ и другихъ городахъ, которые и сдались подъ этимъ условіемъ; кромѣ того имъ было запрещено во время католическихъ праздниковъ заниматься и исправлять обязанности своего званія, чтобы не нарушать благоговѣнія католиковъ; относительно браковъ они должны были сообразоваться съ постановленіями каноническаго права, а католическому духовенству платить десятину. Не смотря на эти ограниченія, эдиктъ встрѣтилъ сопротивленіе; именно Парижскій парламентъ не хотѣлъ внести его въ свой реэстръ. И дѣйствительно Король до 25-го февраля 1599 года не могъ вынудить у парламента согласія на это. Для убѣжденія парламента въ необходимости внести эдиктъ въ реэстръ, Генрихъ IV говорилъ рѣчь съ свойственнымъ ему необыкновенно искреннимъ и трогательнымъ выраженіемъ. Такимъ образомъ Нантскій эдиктъ во всей Франціи получилъ силу закона и сообщилъ законность существованію реформатовъ. Если въ самомъ дѣлѣ взять во вниманіе твердость реформатовъ, съ какою они не страшились никакихъ жертвъ, не щадили ни имущества, ни крови, то надобно согласиться, что они вполнѣ заслуживали того. Во время появленія Нантскаго эдикта во Франціи считалось болѣе 760 реформатскихъ церквей. Бѣдность въ особенности препятствовала имъ завести въ деревняхъ свои школы; они не только не могли, какъ было въ Германіи, конфисковать богатыя имѣнія католическаго духовенства, но даже должны были нести двойную тяжесть: поддерживать свои собственныя церкви и платить десятину католической церкви. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи протестантство не могло получить во Франціи той силы, какъ въ Германіи, гдѣ оно было двигателемъ образованія.

Доставивъ государству внѣшнее и внутреннее спокойствіе, Генрихъ IV обратилъ свое вниманіе на финансы, находившіеся въ столь разстроенномъ положеніи, что Король часто нуждался въ самомъ необходимомъ. Въ этомъ отношеніи помощникомъ его былъ *Сюлли*, оказавшій государству величайшія услуги. Этотъ славный мужъ былъ въ службѣ Генриха съ 12 лѣтъ и участвовалъ почти во всѣхъ битвахъ и сраженіяхъ во время войнъ своего Государя. Хотя онъ остался приверженцемъ протестантской религіи, но преданность и вѣрность его къ Генриху IV не перемѣнились, когда Генрихъ перешелъ въ католичество. При своемъ твердомъ характерѣ и высокомъ умѣ онъ всегда былъ совѣтникомъ и помощникомъ Генриха. Дѣятельностію Сюлли финансы были приведены въ лучшее состояніе. Чтобы составить себѣ понятіе о дѣятельности и заслугахъ этого мужа, стоитъ только бросить взглядъ на безпомощное состояніе Генриха въ началѣ его правленія и на силу его въ концѣ царствованія, когда всѣ арсеналы были наполнены оружіемъ, войско было въ полномъ числѣ и имѣло хорошее вооруженіе и кромѣ того въ сокровищницѣ находилось 36 милліоновъ ливровъ чистыхъ денегъ. 17-го декабря 1599 года Генрихъ IV, съ согласія Папы, развелся со своею супругою Маргаритою Валуа подъ тѣмъ предлогомъ, что бракъ съ нею былъ вынужденъ и что она была съ нимъ въ близкомъ родствѣ. Спустя годъ онъ женился на *Маріи де'Медичи*, которая 27-го сентября 1601 года родила ему сына, бывшаго въ послѣдствіи короля Людовика XIII. Между тѣмъ и всѣ старые товарищи Генриха, раздѣлявшіе съ нимъ счастіе и несчастіе первыхъ лѣтъ, остались ему столь же преданными и вѣрными, какъ Сюлли; въ этомъ отношеніи Генрихъ былъ весьма огорченъ поступкомъ Бирона, котораго онъ возвысилъ въ санъ адмирала, маршала и герцога. Биронъ изъ честолюбія и гордости измѣнническими сношеніями съ Испаніею и Савойею согласился на замыслъ, долженствовавшій снова возжечь во Франціи только-что удержанную междоусобную войну. Получивъ извѣстіе объ этой измѣнѣ, Генрихъ пригласилъ Бирона къ себѣ въ Парижъ, убѣдительно просилъ его открыть истину и сознаться

во всемъ, обѣщая въ такомъ случаѣ совершенное прощеніе; а такъ какъ Бирономъ отпирался и требовалъ изслѣдованія дѣла судомъ, то Король нарядилъ надъ нимъ судъ. Судьи нашли виновнымъ и приговорили его къ смерти и въ августѣ 1602 года Генрихъ велѣлъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Онъ считалъ необходимымъ показать свою строгость; но какъ тревожило это его благородное сердце, то видно изъ его словъ, сказанныхъ имъ Англійскому посланнику: «Я не говорю, какъ мой предшественникъ по смерти герцога Гиза: теперь я Король! но скорблю и сердечно жалѣю о паденіи такого мужа.» Съ Англіею и Нидерландами, тогдашними естественными врагами Испаніи, Генрихъ всегда былъ въ дружбѣ и кромѣ того онъ въ той самой степени возвысилъ Францію, въ какой могущество Испаніи было ослаблено Филиппомъ II; по этому со стороны Испаніи онъ былъ совершенно безопасенъ.

Въ то время, какъ Карлъ V уступилъ Испанскій престолъ сыну своему Филиппу, Испанія находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Она наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ и извлекала значительныя богатства изъ своихъ завоеваній за Атлантическимъ Океаномъ и изъ другихъ державъ: Сициліи, Неаполя, Милана и Нидерландовъ. Но между тѣмъ какъ сама Испанія и ея Итальянскія провинціи были охраняемы отъ реформаціи отвращеніемъ народа ко всякому нововведенію въ религіи, въ Нидерландахъ было совсѣмъ иначе; эта страна, находясь по своему положенію въ соприкосновеніи съ Франціею и Германіею, была кромѣ того въ родствѣ съ обѣими державами по происхожденію и языку своихъ обитателей. Такимъ образомъ эта

провинція не могла противиться нововведеніямъ, проникавшимъ туда изъ большихъ сосѣдственныхъ державъ. Мы обратимся теперь къ *исторіи реформаціи въ Нидерландахъ*, которая представляется намъ не въ видѣ междоусобной войны, но борьбою за независимость государства и за свободу совѣсти—съ Филиппомъ Испанскимъ *). Протестантство утвердилось въ Нидерландахъ подъ защитою оппозиціи противъ Испанскаго правительства и противъ преданнѣйшаго ему кардинала Гранвеллы, а эта политическая оппозиція въ соединеніи съ религіозною партіею получила такую силу, что могла принудить Короля къ удаленію ненавистнаго ей министра.

Король Испанскій правилъ въ Нидерландахъ не такъ неограниченно, какъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ, но по конституціи, которую сохранять онъ обязывался торжественною клятвою, долженъ былъ въ каждой области и въ каждомъ городѣ соблюдать особыя привилегіи. Счастливое положеніе Нидерландовъ при устьяхъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ Европейскихъ рѣкъ съ давнихъ временъ сообщило жителямъ этой страны склонность къ торговой и мануфактурной дѣятельности; за пріобрѣтенныя богатства города покупали у своихъ владѣтелей привилегіи, которыя были

*) Со стороны католиковъ главными источниками служатъ: Istoria della guerra di Fiandria, descritta dal Cardinale G. Bentivoglio, Colon. 1633.4 и Famiani Stradae de bello Belgico decas prima ab excessu Caroli V usque ad initia praefecturae Alexandri Farnesii. Lugd. Bat 1645. Decas secunda ab initio praefecturae Alexandri Farnesii usque ad annum MDXC, Rom. 1648. Со стороны протестантовъ: Emman. Meteeren's Niederländische Historien vom Anfange des Krieges bis 1612. Arnheim, 1614, fol. Новѣйшее обработаніе есть Dr. H. Leo's zwölf Bücher Niederländischer Geschichten. 2ter Theil. Halle, 1835.

источниками новыхъ богатствъ. Открытіе новаго торговаго пути вокругъ Африки, приведшее въ упадокъ торговыя государства въ Италіи, доставило Нидерландамъ величайшія выгоды. Нидерландскіе рынки сдѣлались теперь посредствующими между южною и сѣверною Европою и товары изъ Остъ-и Вестъ-Индіи переходили въ сѣверную Европу чрезъ руки Нидерландскихъ купцовъ. Городъ Антверпенъ представлялъ тогда видъ всемірной гавани. Карлъ V, собиравшій въ Нидерландахъ болѣе доходовъ, нежели во всякомъ другомъ изъ своихъ государствъ, справедливо могъ называть ихъ лучшимъ камнемъ въ своей коронѣ. При Карлѣ V Соединенные Нидерланды состояли изъ 17 областей: изъ четырехъ герцогствъ: *Брабанта*, *Лимбурга*, *Луксембурга* и *Гельдерна*; семи графствъ: *Артуа*, *Геннегау*, *Фландріи*, *Намура*, *Цютфена*, *Голландіи* и *Зеландіи*; маркграфства *Антверпена* и пяти господствъ: *Фрисландіи*, *Мехельна*, *Утрехта*, *Оберейсселя* и *Гренингена*. Всякая провинція имѣла свое особое управленіе; общимъ-же средоточіемъ для всѣхъ ихъ были такъ называемые *генеральные штаты* или собраніе депутатовъ отъ всѣхъ провинцій; на этомъ собраніи духовенство, дворянство и граждане имѣли своихъ представителей, безъ согласія которыхъ нельзя было не налагать новыхъ податей, ни издавать новыхъ законовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи соединились подъ *однимъ* скипетромъ, верховная правительственная власть находилась въ рукахъ оберъ-штатгальтера, который имѣлъ при себѣ совѣты государственный, финансовый и тайный и котораго резиденція находилась въ Брюсселѣ. До сихъ поръ Нидерландцы были самыми вѣрными сынами католической церкви и ихъ богатство особенно выказывалось въ содержаніи духовенства и украшеніи церквей. Нигдѣ не было столь богатыхъ и столь великолѣпныхъ храмовъ, какъ въ Нидерландахъ, и нигдѣ процессіи и другія религіозныя торжества не совершались съ большимъ блескомъ, какъ тамъ. Но едва только реформація родилась въ Германіи, какъ тотчасъ-же нашла себѣ путь и въ Нидерланды. Пока царствовалъ Карлъ V, народъ спокойно смотрѣлъ на преслѣдованіе еретиковъ, потому что Карлъ управлялъ сообразно съ ду-

хомъ Нидерландцевъ, сынъ-же его Филиппъ, замысливъ уничтожить ихъ государственное устройство, возбудилъ въ нихъ подозрѣніе и вскорѣ реформація соединилась съ политическою оппозиціею противъ Испанскаго государства.

Изъ всѣхъ своихъ готударствъ Калръ V прежде всего передалъ Нидерланды сыну своему Филиппу. 25-го октября 1555 года въ собраніи генеральныхъ штатовъ онъ перенесъ данную ему клятву на сына своего. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ, опершись на плечо Вильгельма Оранскаго, онъ изложилъ все, что ему давало право на благодарность Нидерландцевъ, и просилъ штаты доказать свою благодарность вѣрностію его сыну; съ другой стороны онъ увѣщевалъ и сына любить Нидерландцевъ, сохранять ихъ права и соблюдать чистоту вѣры, какъ твердѣйшую опору престола. Когда Императоръ заключилъ свою рѣчь, то у него на глазахъ показались слезы. Филиппъ также плакалъ и весьма немногіе не были тронуты этимъ торжественнымъ прощаніемъ. Но вскорѣ Филиппъ потерялъ расположеніе Нидерландцевъ своею мрачною серьезностію, изображавшеюся на его челѣ, и своею Испанскою гордостію. Онъ говорилъ только по-Испански и всегда Испанскому дворянству оказывалъ предпочтеніе предъ Нидерландскимъ. Съ какою недовѣрчивостію смотрѣли сословія на новаго государя, обнаружилось въ ихъ предосторожности, съ которою была написана форма присяги, гдѣ они обѣщали повиноваться ему, сколько это согласно съ привилегіями и правами ихъ страны. Филиппъ II имѣлъ многія похвальныя качества: онъ былъ государь, исполненый самыхъ благодѣтельныхъ намѣреній относительно своихъ подданныхъ и отличался неутомимою дѣятельностію и неподкупною справедливостію, цѣнилъ и награждалъ всякую заслугу, сообразную съ его образомъ мыслей, а мужамъ, которыхъ онъ испыталъ и нашелъ надежными, оказывалъ безусловную довѣренность. Но онъ считалъ католическую вѣру необходимою для счастія своихъ народовъ и, при этомъ убѣжденіи въ вѣкѣ стремленія ко всему новому, былъ ревностнѣйшимъ противникомъ всяка-

го нововведенія въ государствѣ и церкви. Кромѣ того съ его ограниченнымъ умомъ, считавшимъ тѣ правила совершеннѣйшими, изъ которыхъ было менѣе всего исключеній, никакъ не могло согласоваться столь неправильное управленіе, какъ въ Нидерландахъ, гдѣ каждая провинція имѣла другія права и обыкновенія. Такъ какъ Филиппъ не скрывалъ своего образа мыслей, то между Нидерландцами родилось всеобщее убѣжденіе, что онъ намѣревается уничтожить ихъ государственное устройство и сколь это убѣжденіе ни было неосновательно, не смотря на то оно столь-же сильно содѣйствовало реформаціи въ Нидерландахъ, какъ убѣжденіе въ планахъ Карла V противъ имперскаго правленія содѣйствовало ей въ Германіи.

Принявъ правленіе, Филиппъ прежде всего снова привелъ въ дѣйствіе и усилилъ прежнія постановленія противъ еретиковъ и до тѣхъ поръ не могъ спокойно оставить этой страны, пока не поручилъ верховаго правленія въ ней чистому католику, потому особенно, что многіе изъ вальможъ, занимавшихъ штатгальтерскія мѣста, были у него въ подозрѣніи, и между ними особенно принцъ *Вильгельмъ Оранскій*. Вильгельмъ происходилъ изъ младшей линіи дома Нассаускаго, которая по наслѣдству пріобрѣла княжество Оранжъ и потому называлась Нассау-Оранскою. Онъ родился 14-го апрѣля 1533 года въ Диллепбургѣ и, будучи съ раннихъ лѣтъ принятъ въ число императорскихъ пажей, воспитывался въ глазахъ Карла V. Карлъ скоро узналъ его умственныя силы и, не смотря на его молодость, сталъ поручать ему дѣла государственныя, которыя Вильгельмъ исполнялъ къ удовольствію Императора. Оставляя свое политическое поприще, Императоръ доказалъ ему свою любовь и довѣріе великими почестями; ему было поручено подать брату Карла, Фердинанду, императорскую корону, и кромѣ того при прощаніи съ Нидерландскими сословіями Императоръ оперся на плеча Вильгельма. Этимъ онъ какъ-бы символически хотѣлъ показать, чтобы и наслѣдникъ его имѣлъ опору въ принцѣ Оранскомъ, но если это и дѣйствительно былъ намекъ, то Филиппъ не обратилъ на него никакого вниманія, пото-

му, что принцъ Оранскій былъ противенъ ему и онъ всѣ препятствія, встрѣчаемыя въ Нидерландахъ, приписывалъ принцу или его происканъ *). Филиппъ предоставилъ оберштатгальтерство своей сестрѣ *Маргаритѣ Пармской*, о которой я уже прежде сказалъ, что она была въ супружествѣ съ первымъ герцогомъ Флорентинскимъ Александромъ де'Медичи, а по убіеніи его вышла за Октавія Фарнезе, герцога Пармскаго, и родила ему сына Александра Фарнезе. Она была женщина опытная въ дѣлахъ политическихъ и имѣла мужескій умъ **). Такъ какъ мать ея была Нидерландка, Нидерландцы могли смотрѣть на нее, какъ на свою землячку и порученіе ей оберъ-штатгальтерства дѣйствительно произвело на нихъ пріятное впечатлѣніе, которое впрочемъ вскорѣ было уничтожено вѣстію, что Филиппъ далъ ей въ помощники епископа *Антона Перенота Гранвеллу*. Гранвеллу ненавидѣли всѣ сословія и всѣ дѣйствія правительства встрѣтили сопротивленіе именно потому, что на нихъ смотрѣли какъ на дѣла Гранвеллы. Жалобы Нидерландцевъ начались съ того времени, когда Филиппъ, по совѣту Гранвеллы, вздумалъ оставить въ Нидерландахъ 3,000 Испанскаго войска. По отъѣздѣ Короля въ августѣ 1559 года неудовольствія на этотъ поступокъ достигли до того, что оберъ-штатгальтерша не смѣла долѣе держать оставленнаго войска и весною 1560 года велѣла ему выступить. Во время этого спора между правительствомъ и сословіями неудовольствія еще болѣе были увеличены

*) Выѣзжая изъ Флиссингена, Филиппъ упрекалъ принца Оранскаго въ томъ, что онъ препятствуетъ исполненію его намѣреній, и когда принцъ возразилъ, что все не нравящееся Королю выходитъ отъ сословій, то Филиппъ до того забылся, что схватилъ принца за руку и, тряся его, съ горячностію закричалъ: «No los estados, ma vos, vos, vos.»

**) Strada dec. prima, lib I, p. 41: Et vere aderat ei non modo animus muliebrem conditionem supergressus, sed etiam habitus quidam corporis, incessusque, quo non tam femina sortita viri spiritus, quam vir ementitus veste feminam videretur. Quippe vires illi tantae, ut venari vel cervos mutatis ad cursum equis consuesset, cujusmodi venationi homines perquam robusti succumbunt. Nec deerat aliqua mento superiorique labello barbula; immo, quod raro in mulieres, nec nisi praevalidas cadit, podagra idemtidem laborabat.

дѣйствіями Папы. По отъѣздѣ изъ Нидерландовъ Короля тамъ явилась папская булла, по которой Нидерландская церковь должна была получить совершенно новое устройство. До сихъ поръ во всѣхъ Нидерландахъ было только 4 епископства, которыя находились въ зависимости частію отъ архіепископа Кёльнскаго, а частію отъ архіепископа Реймскаго. Эти епископствв не могли исполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей въ столь обширныхъ и многолюдныхъ областяхъ, особенно когда имъ поручили еще отыскивать, судить и наказывать еретиковъ. Папа своею буллою изъ прежнихъ 4 діоцезовъ сдѣлалъ 18 и уничтожилъ зависимость ихъ отъ чужихъ архіепископовъ, возвысивъ три новыя епископства, именно: Мехельнъ, Камбре и Утрехтъ на степень архіепископствъ и сдѣлавъ ихъ митрополіями надъ другими. Гранвелла былъ назначенъ архіепископомъ въ Мехельнѣ и немного спустя получилъ кардинальское достоинство. Эти распоряженія Папы произвели неописанное негодованіе во всѣхъ сословіяхъ: епископы жаловались на уменьшеніе своихъ епархій, дворянство на увеличеніе числа голосовъ, наблюдавшихъ въ собраніяхъ сословій интересы правительства; народъ-же видѣлъ въ этомъ предварительныя мѣры ко введенію инквизиціи. Всѣ негодовали особенно на Гранвеллу и это негодованіе выражалось въ пасквиляхъ, сатирическихъ картинахъ и маскахъ *). Слѣдствіемъ столь сильнаго негодованія на правительство было появленіе реформаціи. Новымъ епископамъ было поручено исполненіе эдиктовъ противъ еретиковъ, а свѣтскимъ начальствамъ повелѣно помогать имъ. Штатгальтеры-же провинцій изъ ненависти къ епископамъ отказывали имъ въ своемъ содѣйствіи и брали сторону еретиковъ не изъ любви къ ихъ ученію, но для противодѣйствія правительству. Такимъ образомъ мѣра, употребленная для удержанія реформаціи, послужила къ распространенію ея. Протестант-

*) Для осмѣянія Гранвеллы дворяне пришивали къ рукавамъ ливрей своихъ лакеевъ головы съ красными шапками и когда оберштатгальтерша запретила это, то это украшеніе было замѣнено другимъ, именно *связкою стрѣлъ съ девизомъ*: Concordia res parvae crescunt.

скіе проповѣдники перестали скрываться; къ нимъ стекалось безчисленное множество народа не для того, чтобы слушать ученіе вѣры,—какъ было въ Германіи,—но для того чтобы слушать порицанія Гранвеллы и Испанскаго правительства. Людей, назначенныхъ правительствомъ, для уничтоженія этихъ собраній, прогоняли камнями; захваченныхъ-же во многихъ мѣстахъ освобождали силою, такъ что судилища были принуждены тайно казнить еретиковъ, приговоренныхъ къ смерти. Многіе штатгальтеры и между ними принцъ Оранскій и графъ Эгмонтъ объявили оберъ-штатгальтершѣ, что народъ нельзя иначе успокоить, какъ только удаленіемъ Гранвеллы. Но между тѣмъ они сами поддерживали народное волненіе, чтобы принудить Короля къ удаленію ненавистнаго министра. Хотя ненависть къ Гранвеллѣ ясно выражала отвращеніе къ Испанскому правительству вообще, однакоже Филиппъ склонился наконецъ на просьбы оберъ-штатгальтерши и отозвалъ кардинала. 10-го марта 1564 года Гранвелла оставилъ Нидерланды и мѣсто его занялъ президентъ Вигліусъ, человѣкъ болѣе умѣренный.

Протестанты, пользуясь оппозиціею противъ Гранвеллы, теперь тѣмъ болѣе не хотѣли снова скрываться по прежнему, чѣмъ болѣе узнавали свою многочисленность и силу. Но Филиппъ II не соглашался на ихъ требованіе предоставить имъ свободу въ религіи и рѣшительно объявилъ, что онъ въ своихъ государствахъ не потерпитъ никакой церкви, кромѣ католической. Строгое повелѣніе его, всѣми мѣрами инквизиціи исполнять эдикты противъ еретиковъ, произвело сильное неудовольствіе и подало поводъ къ образованію *союза Гезовъ*. Подъ покровительствомъ этого союза проте-

станты дѣлались смѣлѣе и смѣлѣе, такъ что наконецъ въ августѣ 1566 года произошло явное *иконоборство*. Это обстоятельство имѣло весьма важныя слѣдствія: католики, дѣйствовавшіе до сихъ поръ противъ Испанцевъ вмѣстѣ съ протестантами, теперь отдѣлились отъ нихъ и обѣ религіозныя партіи въ Нидерландахъ стали столько же непріязненныя одна другой, какъ въ Германіи и Франціи; потомъ это доставило королю Филиппу предлогъ послать въ Нидерланды Испанское войско и назначить туда оберъ-штатгальтеромъ строгаго непреклоннаго герцога Альбу.

Оппозиція противъ Гранвеллы, настоявъ на удаленіи его, сдѣлала еще шагъ впередъ и объявила, что при продолженіи прежней строгости противъ еретиковъ, государству угрожаетъ народное возстаніе, что теперь уже невозможно истребить новаго ученія огнемъ и мечемъ и что для отвращенія мятежа нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ согласія на свободу въ религіи. Хотя оберъ-штатгальтерша очень хорошо знала образъ мыслей Короля и не могла надѣяться, что онъ пожертвуетъ желаніямъ Нидерландцевъ своимъ религіознымъ убѣжденіемъ, однакоже сдѣлала опытъ и въ началѣ 1565 года отправила къ Испанскому двору графа Эгмонта. Эгмонтъ, будучи полководцемъ, отличался въ послѣднюю войну съ Французами: при Сенъ-Кантенѣ, командуя конницею, онъ много содѣйствовалъ къ одержанію побѣды, а при Гравелингенѣ одинъ выигралъ битву. Это былъ человѣкъ веселый, открытый, чуждый заботъ, живущій только для настоящаго, нисколько не думая о будущности, въ надеждѣ, что будетъ въ состояніи владѣть и управлять ею. Онъ прибылъ къ Испанскому двору въ мартѣ. Когда онъ представилъ Ко-

ролю многочисленность и смѣлость еретиковъ и непріязненное настроеніе народа, то Филиппъ, казалось, нѣсколько времени не могъ ни на что рѣшиться и, назначивъ коммисію изъ богослововъ, предоставилъ ей рѣшить: должно-ли согласиться на требованіе Нидерландцевъ? Коммиссія рѣшила, что онъ можетъ это сдѣлать, принявъ въ соображеніе особенное государственное устройство Нидерландовъ и опасность мятежа; но Филиппъ возразилъ, что онъ спрашиваетъ не о томъ, что онъ *можетъ*, но о томъ, что онъ *долженъ* сдѣлать. Тогда богословы объявили, что необходимости нѣтъ; и Король при всемъ собраніи повергся на колѣни предъ распятіемъ и сказалъ, что онъ лучше вовсе не хочетъ царствовать, нежели царствовать надъ еретиками (*). Графъ Эгмонтъ былъ отпущенъ отъ двора безъ опредѣленнаго отвѣта, а оберъ-штатгальтерша получила строгое повелѣніе исполнять всѣ эдикты противъ еретиковъ, подкрѣплять епископскую инквизицію свѣтскою властію и ни мало не отступать отъ опредѣленій Тридентскаго собора. Съ объявленіемъ королевскаго повелѣнія началась Нидерландская революція; это повелѣніе такъ раздражило народъ, что объ исполненіи его нельзя было и думать. Одно названіе инквизиціи остановило торговлю; множество сочиненій распространило въ народѣ опасенія на счетъ правъ и побудило его къ противодѣйствію. Католики, равно какъ и протестанты, священники, какъ и міряне, были приведены въ волненіе и раздѣляли всеобщее негодованіе на Испанію за нарушеніе своихъ правъ. Такое расположеніе умовъ нашло себѣ опору въ тѣхъ дворянахъ, которые со вступленіемъ на пре-

(*) Strada lib. IV, p. 152: Rex negavit, accitos a se illos fuisse, ut docerent, an permittere id posset, sed an sibi necessario permittendum praescriberent. Illis necessitatem videri nullam asseverantibus, tum Rex in eorum conspectu, humi positus ante Christi Domini simulacrum, Ego vero, inquit, Divinam Majestatem tuam oro quaesoque, Rex omnium Deus, hanc ut mihi mentem perpetuam velis, ne illorum, qui te Dominum respuerint, uspiam esse me aut dici Dominum acquiescam.

столъ Филиппа лишились мѣстъ и пришли въ бѣдность. Бракосочетаніе принца Александра Пармскаго съ Португальскою принцессою Маріею, празднуемое въ то время въ Брюсселѣ, привлекло въ этотъ городъ большую часть Нидерландскихъ дворянъ: при этомъ случаѣ они уговорились о всеобщемъ союзѣ противъ правительства. Въ слѣдствіе этого уговора 16-го февраля 1566 года нѣкоторые дворяне дѣйствительно вступили между собою въ союзъ. Они торжественною клятвою обязались всѣми средствами препятствовать введенію Испанской инквизиціи, какъ учрежденію, противному договорамъ и общественному благосостоянію; впрочемъ они вовсе не думали оскорблять этимъ Короля, но хотѣли только отвратить возстаніе и кровопролитіе. Главами союза объявили себя: графъ *Генрихъ Бредероде* и братъ Принца Оранскаго *Людовикъ Нассаускій*; манифестъ союза былъ составленъ однимъ ученымъ, *Филиппомъ Марникомъ*, и выпущенъ подъ именемъ *компромисса* (*). Такъ какъ выступить надобно было большою массою, то члены союза спѣшили найти себѣ соучастниковъ. Трудно повѣрить, сколь много приступило къ этому союзу: къ нему присоединялись люди всѣхъ классовъ и состояній; къ тому-же члены его прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы только пріобрѣсти сколь можно болѣе соучастниковъ: они увѣщевали и подкупали. Разумѣется союзъ, составленный изъ столь разнообразныхъ частей, не могъ имѣть никакой прочности, но всеже цѣль его привести въ страхъ оберъ-штатгальтершу и дать своимъ требованіямъ видъ общаго требованія всего народа была достигнута. 5-го апрѣля 1566 года депутація отъ союза, состоявшая изъ 300 дворянъ, поднесла оберъ-штатгальтершѣ прошеніе, въ которомъ союзъ представилъ,

(*) Strada (lib. V, p 172) говоритъ объ этомъ заговорѣ: quae sive a mutuis, sive a multorum promissis vulgo Compromissum appellata est; ac variis dein linguis, quo ubique vulgaretur, prodiit in lucem, cum hac inscriptione, ut Britanice quidem edita praeferebat: Exemplar foederis a Proceribus Nobilibusque inferioris Germaniae percussi ob Hispanicam inquisitionem hisce provinciis intentatam.

что эдикты, изданные противъ еретиковъ, и инквизиція служатъ причинами волненія и по этому требовалъ отмѣненія того и другаго. При этомъ случаѣ союзъ получилъ себѣ названіе, чего до сихъ поръ ему еще не доставало. Когда депутаты входили въ дворецъ и приближались къ оберъ-штатгальтершѣ, то она поблѣднѣла, а графъ Барлемонтъ шепнулъ ей, чтобы она не боялась этихъ gueux или нищихъ. Его слова услышалъ одинъ изъ депутатовъ и разсказалъ это во время обѣда, которымъ въ тотъ-же день угощалъ все общество Бредероде. Это названіе было удержано, и всѣ, при восклицаніи: «да вздравствуютъ Гейзы» пили за благо союза. Какъ отличительный знакъ союзники носили на шеѣ золотой пфеннигъ, на одной сторонѣ котораго былп изображеніе Короля, а на другой двѣ сложенныя руки съ нищенскимъ посохомъ и надпись: fidèles au Roi jusqu'à la besace. Такъ произошло названіе Гейзовъ, которое въ послѣдствіи носили всѣ, отпавшіе отъ Папы и Короля (*). Оберъ-штатгальтерша тотчасъ остановила инквизицію и послала извѣстіе о положеніи дѣлъ въ Мадридъ. Здѣсь государственный совѣтъ положилъ, чтобы самъ Король ѣхалъ въ Нидерланды и на время отмѣнилъ все, что раздражало Нидерландцевъ. Оберъ-штатгальтерша получила повѣленіе приготовить все для пріема Короля и объявить народу его милостивыя намѣренія. Но эта снисходительность была уже несвоевременна: королевская депеша пришла въ Брюссель, когда началось иконоборство.

Какъ скоро въ Испанію пришло первое извѣстіе объ иконоборствѣ, то Филиппъ назначилъ совѣщаніе,, на которое были приглашены Руй Гомецъ-де-Сильва, принцъ Эболи, герцогъ Феріа, кардиналъ великій-инквизиторъ Діего де Спиноза, духовникъ Короля Бернардъ де-Френада и герцогъ Альба. Послѣдній будучи прежде всѣхъ спрошенъ о своемъ

(*) Слова, которыя Барлемонтъ прошепталъ оберъ-штатгальтершѣ, были слѣдующія: «Ce n'est qu'un tas de gueux!» — Ex quo dicterio, говоритъ Туанъ (lib XL, pag. 403), invaluit postea, ut qui Hugonoti apud nos, in Belgio Geusii appellarentur.

мнѣніи, совѣтовалъ силою привести Нидерланды въ повиновеніе, и хотя съ нимъ согласился только великій-инквизиторъ, тогда какъ всѣ другіе предпочитали этому кроткія мѣры и личное появленіе Филиппа въ Нидерландахъ, однако-же Король принялъ совѣтъ Альбы и рѣшено было послать въ Нидерланды Испанское войско. Начальство надъ нимъ сначала хотѣли поручить инфанту Донъ-Карлосу, но Филиппъ считалъ его неспособнымъ для занятія столь важнаго поста и предоставилъ это старому и опытному полководцу Фердинанду Альварецу Толедскому, герцогу Альбѣ. Вильгельмъ Оранскій окружилъ Испанскій дворъ своими лазутчиками и по этому тотчасъ узналъ мнѣніе, принятое въ Мадридскомъ государственномъ совѣтѣ. Зная, что въ Испаніи все приписывали его дѣйствіямъ, онъ увидѣлъ угрожавшую ему опасность и долженъ былъ или смѣло противиться ей, или искусно уклоняться отъ нея. Ему хотѣлось предостеречь графа Егмонта, которому угрожала такая же опасность, но который не подозрѣвалъ ея, и убѣдить его вмѣстѣ дѣйствовать противъ Испанцевъ. Онъ хотѣлъ этого потому, что Эгмонтъ пользовался такою любовію старыхъ солдатъ, которыхъ водилъ на побѣду при Гравелингенѣ, и имѣлъ такое вліяніе на дворянство, что его примѣръ долженъ былъ имѣть рѣшительныя слѣдствія. 3-го апрѣля 1567 года принцъ имѣлъ съ графомъ тайное свиданіе въ Виллеброкѣ, деревнѣ между Брюсселемъ и Антверпеномъ, и долго съ нимъ совѣщался. Но Эгмонтъ не обратилъ вниманія на предостереженіе принца и, не смотря на всѣ его доказательства, не видѣлъ опасности; онъ считалъ себя въ правѣ надѣяться на благодарность Короля и думалъ, что если онъ остановитъ протестантскія проповѣди и накажетъ иконоборцевъ, то Филиппъ проститъ и забудетъ все. Принцъ утверждалъ, что эта надежда обманчива и сказалъ графу напередъ, что онъ послужитъ Испанцамъ мостомъ, чрезъ который они войдутъ въ Нидерланды и послѣ того въ знакъ побѣды выставятъ его голову. При этомъ случаѣ Вильгельмъ со слезами обнялъ графа и уже въ послѣдній разъ; оба друга болѣе уже не видѣлись. Принцъ

Орапскій тотчасъ послѣ этого свиданія оставилъ отечество. Видя, что безъ содѣйствія Эгмонта и безъ рѣшительнаго согласія дворянъ силою дѣйствовать не возможно, онъ рѣшился уклониться отъ бури и поберечь себя до благопріятнѣйшаго времени. 11-го апрѣля онъ оставилъ Антверпенъ и удалился въ Диллепбургъ, въ Нассау, чтобы оттуда слѣдить за ходомъ дѣлъ. Удаленіе осторожнаго и умнаго принца послужило предостереженіемъ тысячамъ трудолюбивыхъ гражданъ: они выселялись въ Англію и Германію и тамъ искали свободы вѣроисповѣданія, въ которой имъ отказывали въ отечествѣ. Вельможи, оставшіеся въ Нидерландахъ, старались снискать милость Короля наказаніемъ иконоборцевъ и преслѣдованіемъ протестантовъ. Съ тою-же жестокостію, съ которою до сихъ поръ иконоборцы бросались на католическіе храмы, нападали теперь католики на протестантскія церкви. Гейзовъ предавали казнямъ, лишали имуществъ, такъ что они, какъ замѣчаетъ іезуитъ Страда, были теперь настоящими гейзами или нищими. Мало по малу все повидимому было приведено въ спокойствіе, такъ что оберъ-штатгальтерша могла просить Короля объ освобожденіи Нидерландовъ отъ Испанскихъ отрядовъ. Но въ Мадридѣ считали эту тишину слѣдствіемъ страха, а не раскаянія и Герцогъ Альба получилъ повелѣніе вести въ Нидерланды войско, собранное въ Италіи. Это войско состояло изъ 10,000 лучшихъ солдатъ подъ начальствомъ офицеровъ, образованныхъ въ войнахъ Карла V. Съ рѣдкою въ этомъ столѣтіи дисциплиною Альба повелъ свою армію изъ Генуи чрезъ Савойскія Альпы, вдоль по Бургундской и Лотарингской границамъ. Во время марша къ нему присоединилось еще 10,000 Нѣмецкихъ наемниковъ, такъ что онъ прибылъ въ Нидерланды съ 20,000 войскомъ. Прибытіе его было сигналомъ для новыхъ переселеній и всѣ, спасшіе хотя только жизнь, должны были считать себя счастливыми, потому что въ скоромъ времени всѣ гавани были заперты и эмиграція запрещена подъ страхомъ смерти. 28-го августа 1567 года герцогъ вступилъ въ Брюссель. Предъ оберъ-штатгальтершею

онъ мало по малу сталъ выказывать такое самовластіе, что она сочла необходимостію просить Короля объ увольненіи себя отъ должности, на что Король и согласился. Маргарита Пармская оставила Нидерланды въ концѣ 1567 года и съ нею, кажется, удалился добрый ангелъ этой страны, потому что Альба сталъ попирать права и привилегіи страны, губить народъ и отнимать имущества съ такимъ своеволіемъ и съ такою жестокостію, которыя превзошли всѣ опасенія.

Герцогъ Альба началъ свое управленіе Нидерландами учрежденіемъ кроваваго совѣта и казнію графовъ Эгмонта и Горна; но еще болѣе, нежели своею жестокостію, онъ раздражалъ умы произволомъ, съ которымъ налагалъ на провинціи неслыханныя подати. Особенно тягостно было платить требуемую имъ десятую часть цѣны со всякой покупаемой и продаваемой вещи и это-то требованіе сдѣлалось лозунгомъ, соединившимъ всѣ интересы оппозиціи. Оппозиція составлялась особенно около принца Вильгельма Оранскаго, къ которому стекались всѣ эмигранты. Съ тѣхъ поръ, какъ Гейзы занятіемъ города Бриля на островѣ Фоорнѣ въ 1572 году утвердились въ Нидерландахъ, Вильгельмъ Оранскій принялъ титулъ королевскаго штатгальтера Голландіи и Зеландіи и подкрѣпляемый энергіею сѣверныхъ провинцій и ревностію ихъ къ протестантству, организировалъ оппозицію, которую не былъ въ состояніи превозмочь ни герцогъ Альба, ни преемникъ его

Реквезенсъ. Послѣ смерти Реквезенса съ сѣверными провинціями, по *Гентскому договору*, соединились и южныя, желая освободиться отъ Испанскаго войска; но уже интересы протестантовъ и католиковъ отдѣлялись слишкомъ рѣзко, такъ что католическія и протестантскія провинціи не могли долго оставаться въ твердомъ союзѣ. Семь сѣверныхъ провинцій: Гельдернъ, Цютфенъ, Фрисландія, Оберейссель Голландія, Гренингенъ и Зеландія 23-го января 1579 года по *Утрехтской Уніи* составили одно нераздѣльное цѣлое и продолжали борьбу съ Испаніею тѣмъ съ большимъ мужествомъ, что ихъ могущество возрастало въ той степени, какъ Испанская сила ослабѣвала.

Чрезъ 12 дней по прибытіи Альбы графы Эгмонтъ и Горнъ были арестованы и бумаги ихъ отобраны (*). Въ то-же время былъ учрежденъ такъ называемый *Трибуналъ мятежей* (Conseil des troubles) или, какъ называли его Нидерландцы, Кровавый Совѣтъ (bloedraedt). Кругъ дѣйствій этого судилища былъ такъ обширенъ, что ни одинъ Нидерландецъ не былъ въ безопасности (**), потому что суду его подлежали не только протестантскіе проповѣдники и ихъ приверженцы, но и всѣ подписавшіе просьбы противъ инквизиціи, противъ эдиктовъ касательно еретиковъ и противъ новыхъ епископовъ, равно какъ и всѣ обви-

(*) Strada lib. VI, p. 300: Cardinalis Granvellanus, Romae audito, quod Bruxellis acciderat, sciscitatus ab eo, qui rem denarrabat, an captus quoque fuisset Taciturnus (sic Orangium nominabat), atque eo negante dixisse fertur: Uno illo retibus non concluso, nihil a Duce Albano captum.

(**) Предсѣдатель Кроваваго Совѣта Докторъ Іоаннъ-де Варгасъ держался слѣдующаго правила: Haeretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt contra, ergo debent omnes patibulare.

пенные въ томъ, что не противились проповѣдямъ и инкоборству или принимали протестантскихъ проповѣдниковъ, сочиняли или только пѣли пѣсни въ прославленіе Гейзовъ—всѣхъ ихъ представляли предъ Кровавый Совѣтъ и наказывали смертію. Чтобы составить себѣ понятіе о дѣятельности этого судилища, нужно только представить, что герцогъ Альба въ первый годъ своего правленія изъ конфискованнаго имущества преданныхъ казни Нидерландцевъ составилъ, какъ говорятъ, сумму въ 20 милліоновъ талеровъ. Процесъ графовъ Эгмонта и Горна шелъ весьма быстро и, не смотря ни на законныя формы, ни на ходатайство императора Максимиліана II-го, 4-го іюня 1568 года былъ окончепъ приговоромъ ихъ къ смерти. На слѣдующій день была совершена казнь, и можно сказать, что весь Нидерландскій народъ почувствовалъ ударъ, погубившій столь благородныхъ мужей. Теперь взоры обратились на принца Оранскаго. Вильгельмъ обѣщалъ не предпринимать противъ Короля ничего до тѣхъ поръ, пока не тронутъ его чести и имѣнія. Теперь сдѣлали то и другое: Кровавый Совѣтъ объявилъ его виновнымъ въ оскорбленіи Его Величества и конфисковалъ его имѣніе; а герцогъ Альба велѣлъ взять и отправить въ Испанію старшаго сына его, Филиппа, котораго онъ оставилъ въ Левенской гимназіи, считая его безопаснымъ подъ защитою привилегій этого учебнаго заведенія. Оскорбленный вдвойнѣ, какъ гражданинъ и какъ отецъ, принцъ Оранскій взялся теперь за оружіе: въ то время, какъ братъ его Людовикъ Нассаускій чрезъ Эмсъ вторгся въ Гренингенъ, самъ принцъ, переправясь чрезъ Маасъ, ворвался въ южныя провинціи. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха: Людовикъ потерпѣлъ пораженіе, а принца Оранскаго Альба искуснымъ маневрированіемъ держалъ до тѣхъ поръ въ напряженіи, пока у него не вышли деньги, такъ что онъ долженъ былъ отпустить своихъ наемниковъ. По совѣту адмирала Колиньи принцъ далъ теперь войнѣ другое направленіе: онъ позволилъ своимъ приверженцамъ заниматься морскимъ разбоемъ и указалъ имъ на богатые корабли непріятелей, гдѣ они могли удовлетворить своему корыстолюбію и мщенію. Та-

кимъ образомъ, не владѣя ни однимъ пунктомъ въ Нидерландахъ и не имѣя средствъ выставить въ поле новаго войска, принцъ открылъ себѣ значительный источникъ силы и сталъ вести войну на томъ полѣ, на которомъ Нидерланды были могущественнѣе Испанцевъ. *Морскіе Гейзы*, какъ называли Нидерландскихъ морскихъ разбойниковъ, производили свои грабежи, начиная отъ устья Эмса вдоль по берегамъ Нидерландскимъ, Англійскимъ и Французскимъ. Дуврь и Рошель служили имъ безопасными пристанищами. Нужда мало по малу пріучила ихъ къ порядку и они избрали себѣ предводителемъ Маркскаго графа Вильгельма. До 1572 года морскіе Гейзы всегда искали себѣ убѣжища въ Англійскихъ гаваняхъ, потому что въ самихъ Нидерландахъ не имѣли еще ни одного пункта. Но въ мартѣ 1572 года Англійская Королева, будучи не въ состояніи уклоняться долѣе отъ настоятельныхъ требованій Альбы, повелѣла Гейзамъ оставить Англійскіе берега и воды. Это по-видимому несчастное для нихъ обстоятельство послужило имъ въ пользу. Они выѣхали изъ Дувра, имѣя около 40 кораблей; захвативъ же на морѣ еще два богатонагруженные Испанскіе корабля, они погнались за нѣсколькими другими, и преслѣдовали ихъ до устья Мааса. Здѣсь вѣтеръ перемѣнился и они, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими землями, не имѣя другихъ средствъ къ спасенію, должны были овладѣть какимъ-нибудь безопаснымъ мѣстечкомъ въ Нидерландахъ. Имъ представился таковымъ городъ Бриль на островѣ Фоорнѣ, при устьѣ Мааса. 1-го апрѣля 1572 года они сдѣлали нападеніе, взяли городъ, заняли его во имя принца Оранскаго, какъ королевскаго штатгальтера Голландіи и Зеландіи, и по возможности укрѣпили. Это было первое пріобрѣтеніе инсургентовъ на Нидерландской землѣ,—слабое начало государства, сдѣлавшагося въ послѣдствіи столь могущественнымъ на морѣ и на сушѣ, въ Европѣ и внѣ ея. Хотя Альба велѣлъ своимъ отрядамъ, стоявшимъ въ Голландіи, выгнать Гейзовъ изъ Бриля, но сдѣланное ими нападеніе было неудачно: они въ безпорядкѣ отступили, а раздраженные крестьяне взялись за оружіе и многихъ перебили.

Въ то время, какъ Гейзы овладѣли Бриллемъ, ненависть къ Альбѣ достигла высшей степени. Герцогъ съ согласія Короля наложилъ на Нидерландцевъ новыя подати: онъ потребовалъ единовременно сотую часть съ имѣнія каждаго и установилъ навсегда при продажѣ недвижимаго имѣнія брать *двадцатую*, а при продажѣ движимыхъ вещей *десятую часть цѣны*. Для торговой націи, какъ Нидерландская, эти налоги были столь тягостны, что встрѣтили рѣшительное сопротивленіе; герцогу представляли, что это разстроитъ торговлю и приведетъ въ упадокъ страну. Но чѣмъ болѣе было противорѣчій, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовалъ Альба; по этому Гейзы, овладѣвъ Гарлемомъ, нашли все въ сильномъ волненіи, преимущественно за десятину. Гейзы тотчасъ воспользовались столь благопріятными для нихъ обстоятельствами: они разгласили, что пришли для освобожденія страны отъ десятины и, въ знакъ этого намѣренія, изобразили на своихъ знамёнахъ 10 пфенниговъ (*). Прежде всѣхъ свергъ Испанское иго и принялъ освободителей городъ Флиссингенъ; города Вере, Цирикзе и Элкгейзенъ послѣдовали его примѣру, прогнали Испанцевъ и водрузили у себя Оранское знамя. Замѣчательно, что эти города не отказывали еще Королю Испанскому въ повиновеніи, но присягали принцу Оранскому, какъ королевскому штатгальтеру Голландіи и Зеландіи. Въ половинѣ 1572 года эти двѣ провинціи почти совершенно объявили себя на сторонѣ принца Оранскаго и ввели у себя реформатское богослуженіе. Въ іюлѣ въ Дордрехтѣ было собраніе Голландскихъ и Зеландскихъ сословій, на которомъ положили, чтобы ни провинціи, ни принцъ Оранскій не заключали съ Королемъ отдѣльнаго мира. Кромѣ того сословія назначили извѣстную сумму, на которую принцъ долженъ былъ собрать и содержать сухопутное войско; въ отношеніи-же религіи постановили, чтобы какъ протестанты, такъ и католики пользова-

*) Strada lib. VII, p. 359: Dux aquatilium Geusiorum fuit Gulielmus Comes a Marcha, Lumaei Dominus, odiūm in Albanum professus, depictis in vexillo decem monetis, ad decimi nummi memoriam invidiamque militibus inserendam.

лись равною вѣротерпимостію. Эта сдѣлала Голландію и Зеландію убѣжищемъ, для терпѣвшихъ въ другихъ мѣстахъ притѣсненія за вѣру. Всѣ бѣжавшіе изъ южныхъ Нидерландскихъ провинцій и изъ Франціи, гдѣ Парижская кровавая свадьба произвела между Гугенотами всеобщее смятеніе и многихъ побудила къ бѣгству, стремились въ вновь возникавшее государство. Между тѣмъ новому государству предстояла трудная борьба, потому что Альба, отразивъ нападенія подкрѣпленнаго Французскими Гугенотами графа Людовика Нассаускаго и вторженія въ Брабантъ принца Оранскаго, послалъ свое войско на отложившіяся провинціи. Войска, двинувшіяся осенью 1572 года въ Голландію, находились подъ начальствомъ сына Альбы, Фридриха де-Толедо, который показалъ себя достойнымъ своего отца. Прежде они встрѣтили городокъ Нарденъ, который, будучи не въ состояніи защищаться, сдался за обѣщаніе пощады. Но Испанцы не исполнили своего обѣщанія: всѣ жители были избиты, городъ разграбленъ и обращенъ въ пепелъ. Испанцы хотѣли своимъ вѣроломствомъ устрашить народъ, но вмѣсто того только болѣе ожесточили его, что они увидѣли при Гарлемѣ, на который пошли прямо отсюда. Не смотря на слабое укрѣпленіе города, граждане рѣшились защищаться до послѣдняго человѣка. Даже женщины Гарлемскія воодушевились духомъ брани и составили особенный отрядъ, который не безъ славы нѣсколько разъ вступалъ въ открытый бой съ непріятелемъ. При такой рѣшительности осажденныхъ Испанцы не могли иначе принудить городъ къ сдачѣ, какъ голодомъ. Гарлемъ держался семь мѣсяцевъ, но наконецъ, когда всѣ попытки принца Оранскаго освободить его отъ осады остались безъ успѣха, то истомленные голодомъ жители сдались 12-го іюля 1573 года. Побѣдители большую часть гражданъ за долгое сопротивленіе утопили или повѣсили, на прочихъ же наложили тяжкую контрибуцію. По взятіи Гарлема Испанцы направили свой путь къ Алькмару, но здѣсь успѣхи ихъ были остановлены. Нидерландцы приготовились насквозь пробить плотины и лучше предать страну въ жертву волнамъ, нежели въ руки Испанцевъ. Въ слѣдствіе этого Испанское войско пос-

пѣшно удалилось изъ Голландіи. Такъ какъ Нидерланды грозили защищаться стихіями, то Альба, опасаясь въ борьбѣ съ ними потерять свою воинскую славу, просилъ Короля объ отставкѣ и получилъ ее. Осыпанный проклятіями всей страны, онъ оставилъ Брюссель 13-го декабря 1573 года. Содѣйствовавшіе ему во время насильственнаго его владычества, равно какъ и члены Кроваваго Совѣта, вскорѣ послѣдовали за нимъ. Король принялъ его милостивѣе, нежели ожидали, и мы въ послѣдствіи увидимъ, что онъ еще разъ является при одномъ важномъ предпріятіи, именно при завоеваніи Португаліи.

Преемникъ Альбы *Донъ Луи Зунига-и-Реквезенсъ* долженъ былъ кротостію поправить то, что предшественникъ его испортилъ своею жестокостію; но и онъ также требовалъ устраненія протестантскаго богослуженія, считая довольно снисходительнымъ данное имъ протестантамъ позволеніе переселяться съ имуществомъ. Этотъ пунктъ прекратилъ переговоры, открытые въ Бредѣ при посредничествѣ Императора. Четырнадцатаго апрѣля 1574 года на Мокской равнинѣ произошло сраженіе, въ которомъ Испанцы одержали рѣшительную побѣду; два брата принца Оранскаго, Людовикъ и Генрихъ Нассаускіе, потеряли въ этомъ сраженіи жизнь. Эта побѣда имѣла-бы важныя слѣдствія, если-бы въ Испанскомъ войскѣ не произошло возмущенія за недоплату жалованья; впрочемъ, когда городъ Антверпенъ для уплаты войску былъ принужденъ выдать значительную сумму и Реквезенсъ согласился простить его, то оно снова повиновалось и въ маѣ двинулось къ городу Лейдену. Хотя Лейденъ былъ худо укрѣпленъ и скудно снабженъ жизненными припасами, однако-же граждане сопротивлялись съ такимъ мужествомъ, какое могла вдохнуть только непримиримая ненависть, и съ такою-же храбростію противостояли оружію непріятеля, съ какою твердостію переносили мученія голода *). Таковая твер-

*) Страда (книга VIII, стр. 390) разсказываетъ, что на предложеніе Испанцевъ покориться Лейденскіе граждане отвѣчали: Alimenta sibi non defutura, donec laevum brachium restaret; hoc esuros, dextero ad libertatem tuendam reservato.

достью заслуживала спасенія и дѣйствительно сословія Голландіи и Зеландіи рѣшились прорвать плотины между Маасомъ и Ейселемъ, хотя причиненный этимъ ущербъ доходилъ до 7 тоннъ золота. Лишь только это было исполнено 3-го октября, равнина наполнилась водою. Испанцы поспѣшно бросились въ бѣгство однако-же многіе изъ нихъ не успѣли избѣжать смерти въ преслѣдовавшихъ ихъ волнахъ. Лодки и корабли Зеландцевъ снабжали истомленный городъ съѣстными припасами и преслѣдовали бѣгущихъ Испанцевъ. Ненависть къ Испанцамъ была столь ужасна, что Зеландскіе матросы вырывали изъ тѣлъ ихъ сердца и раздирали ихъ своими зубами *). Принцъ Оранскій 4-го октября самъ прибылъ въ Лейденъ и, тронутый перенесенными мученіями этого города, предложилъ ему въ вознагражденіе за то на выборъ: университетъ или на нѣсколько лѣтъ свободу отъ податей. Лейденъ избралъ университетъ, который и былъ основанъ 6-го января 1575 года; граммата на основаніе его была составлена принцемъ Оранскимъ и сословіями все еще во имя короля Филиппа. Ни одинъ университетъ въ свѣтѣ не имѣлъ столь славнаго начала, какъ Лейденскій; возникши изъ героизма великодушныхъ гражданъ онъ разцвѣталъ среди военныхъ бурь и шума оружій и сдѣлался новымъ оплотомъ протестантизма и тѣсно связаннаго съ нимъ классическаго образованія. Заслуги Лейденскаго университета для классической филологіи извѣстны всему свѣту. Испанцы, послѣ неудачнаго предпріятія противъ Лейдена, направили всѣ свои силы на Зеландію и послѣ продолжительной осады взяли Цирикзе. Положеніе инсургентовъ нѣсколько времени было столь дурно, что поколебало твердость даже самаго принца Оранскаго; но, кажется, судьба хотѣла только испытать будущую республику, ибо счастіе, на время оставившее ее, вдругъ снова стало ей благопріятствовать и, въ слѣдствіе смерти Испанскаго оберъ-штатгальтера, положеніе дѣлъ совершенно перемѣни-

*) Многіе изъ Зеландскихъ матросовъ имѣли на шляпахъ серебряное изображеніе полумѣсяца съ надписью: *Лучше быть Туркомъ, нежели Папистомъ.* Lunulis pileo praefixis, attexto cum carmine: Turca magis, quam Papa placet.

лось. Реквезенсъ умеръ 5-го марта 1576 года такъ скоропостижно, что даже не успѣлъ назначить себѣ преемника. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ его смерти было возстаніе необузданной Испанской арміи, которая хотѣла воспользоваться безначаліемъ, чтобы самой удовлетворить себя за нѣкоторыя недоимки. Брюссельскій государственный совѣтъ, за неимѣніемъ оберъ-штатгальтера, принявшій управленіе дѣлами на себя, объявилъ солдатъ мятежниками и вооружилъ противъ нихъ гражданъ, находившихся въ опасности. Солдаты, видя, что съ ними обращаются какъ съ врагами и въ тѣхъ провинціяхъ, которыя оставались вѣрными Королю, считали себя въ правѣ не соблюдать никакихъ условій; по этому они опустошили многіе города и овладѣли богатымъ Антверпеномъ. При убійствахъ и пожарѣ, испепелившемъ въ этомъ городѣ прекрасное зданіе ратуши, они опустошали городъ въ три дня *) и нанесли ему такой ударъ, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе войны его нѣсколько разъ постигали тяжкія бѣдствія. Онъ потерялъ прежнее свое значеніе, и честь быть первымъ торговымъ городомъ тогдашняго міра досталось Голландскому городу Амстердаму. Противъ *Испанской фуріи*, какъ называли возстаніе солдатъ, соединились всѣ Нидерланды; 8-го ноября 1576 года сословія южныхъ провинцій заключили съ принцемъ Оранскимъ *Гентскій договоръ*, по которому обѣ партіи согласились употребить всѣ силы для изгнанія Испанскаго войска изъ Нидерландовъ и для возстановленія правъ и привилегій сословій. Назна-

*) Туанъ въ 62-й книгѣ своей Исторіи весьма подробно описываетъ несчастіе Антверпена: Ad praedas versi totum triduum in iis consumserunt, pecuniae fere colligendae intenti; nam supellectilem et merces parvo pretio a civibus redimi passi sunt, quippe quam asportare non poterant, foederatorum exercitu tam vicino et urbi veluti circumposito. Igitur pecunia ubique indagata et per exquisita tormenta ab iis, qui aut occultam aut praesentem non habebant, extorta. Inde collecta ingens pecunia, quae ab hujusmodi rerum peritis ad quadraginta auri amphoras, hoc est ad vicies centena millia aureorum aestimata fuit. То же самое показаніе мы находимъ у Страды (lib. IX, p. 421), съ прибавленіемъ, что солдаты для того, чтобы легче вынести свои богатства, дѣлали изъ золота эфесы къ своимъ кинжаламъ и мечамъ, шлемы и панцыри.

ченный Королемъ въ оберъ-штатгальтеры *Донъ-Жуанъ Австрійскій*, прибывъ въ Нидерланды, не иначе могъ получить доступъ въ страну и пріобрѣсти довѣріе народа, какъ подтвердивъ Гентскій договоръ и повелѣвъ Испанскому войску удалиться. Такъ какъ Филиппъ II также согласился на этотъ договоръ, то многіе предались радостной надеждѣ, что теперь безпокойства уже оканчиваются и что снова возвратятся мирныя времена и благоденствіе. Но вскорѣ открылось, что Донъ-Жуанъ хранитъ коварные замыслы, и эта радость обратилась въ недовѣрчивость а недовѣрчивость въ отвращеніе. Всѣ провинціи оставили его и, чтобы не предоставить правленія совершенно въ руки принца Оранскаго, южныя Нидерландскія сословія пригласили въ оберъ-штатгальтеры принца изъ Нѣмецкой линіи Австрійскаго дома, эрцгерцога Матѳія. Матѳій принялъ ихъ приглашеніе и въ началѣ 1578 года явился въ Нидерландахъ противникомъ Донъ-Жуана. Такимъ образомъ произошло странное явленіе,—борьба между двумя оберъ-штатгальтерами во имя и за права одного и того-же монарха. Для увеличенія запутанности, въ лицѣ герцога Алансонскаго, брата Генриха III, Короля Французскаго, явился новый защитникъ Нидерландовъ; онъ, подъ условіемъ выставить на свой счетъ войско, получилъ титулъ *протектора Нидерландовъ*. Донъ-Жуанъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ, былъ такъ пораженъ представившимися ему затрудненіями, что отъ печали впалъ въ болѣзнь, въ которой и умеръ 1-го октября 1578 года. Отъ новаго положенія дѣлъ болѣе всѣхъ выиграли сѣверныя провинціи, которыя прежде всѣхъ произвели возмущеніе. Театръ войны былъ совершенно удаленъ отъ Зеландіи и Голландіи и семь сѣверныхъ провинцій, большею частію протестантскихъ, для тѣснѣйшаго соединенія 23-го января 1579 года заключили *Утрехтскую унію*. Этимъ договоромъ было положено, чтобы соединившіяся области составляли одно нераздѣльное цѣлое, съ общаго согласія вели войну, налагали подати, укрѣпляли пограничныя мѣста, заключали договоры, не терпѣли притѣсненій за вѣру и рождающіеся споры рѣшали большинствомъ голосовъ въ судахъ или на всеобщихъ

сеймахъ. Девизомъ на своихъ гербахъ унія приняла изреченіе: Concordia parvae res crescunt.

Утрехтская унія была пріуготовительнымъ шагомъ соединявшихся провинцій къ рѣшительному отпаденію отъ Испаніи. Когда король Филиппъ осудилъ принца Вильгельма Орапскаго на изгнаніе и назначилъ цѣну за его голову, то онъ отвѣтилъ на это изгнаніе не только подробною оправдательною грамматою, но принялъ мѣры для рѣшительныхъ дѣйствій: 26-го іюля 1581 года онъ убѣдилъ сословія отложиться отъ короля Филиппа и объявить себя независимыми. Хотя въ слѣдствіе этого сужденія принцъ Оранскій былъ убитъ въ 1584 году, но все-же въ слѣдствіе его смерти Испанцы не достигли того, чего надѣялись. Въ сынѣ Вильгельма, *Морицѣ Оранскомъ*, новая республика получила предводителя, который повелъ дѣла по пути, проложенному его отцемъ, и утверждалъ республику на положенномъ имъ основаніи.

На мѣсто Донъ-Жуана Австрійскаго король назначилъ оберъ-штатгальтеромъ Нидерландовъ *Александра, герцога Пармскаго*, человѣка съ большими талантами, но который при вступленіи въ свою должность встрѣтилъ величайшія затрудненія. Изъ 17 областей Испанцамъ повиновались только три и Испанское войско было вдвое слабѣе Нидерландскаго. Впрочемъ противники его были между собою несогласны; эрцгерцогъ Матоій и герцогъ Алансонскій были слабы и, не вступая въ открытыя дѣйствія, съ завистію пре-

слѣдовали другъ друга; только въ сѣверныхъ провинціяхъ Вильгельмъ Оранскій посредствомъ Утрехтской уніи образовалъ крѣпкую и связную массу. Когда мирные переговоры, веденные при посредничествѣ Императора въ Кельнѣ, прекратились безъ всякихъ слѣдствій и эрцгерцогъ Матеій, которому наскучило свое положеніе, удалился изъ Нидерландовъ, то герцогъ Пармскій открылъ свои военныя дѣйствія съ такимъ счастіемъ, что завоевалъ Маастрихтъ и обратилъ къ повиновенію Королю Валлонскія провинціи, которыя ревностно держались католицизма и, слѣдовательно, не были противныхъ мнѣній съ Филиппомъ касательно религіи. Въ это время, при увеличившихся опасностяхъ, принцъ Оранскій предложилъ тѣснѣе соединиться съ герцогомъ Алансонскимъ, имѣвшимъ тогда виды на бракосочетаніе съ Елисаветою, королевою Англійскою. По этому совѣту отложившіяся провинціи 19-го сентября 1580 года заключили съ герцогомъ Алансонскимъ договоръ, по которому онъ самъ и его потомки мужескаго пола признавались владѣтелями Нидерландовъ, съ тѣмъ только, чтобы тамъ жить и хранить права и привилегіи страны. Впрочемъ герцогъ Алансонскій, при слабости своего характера, былъ только второстепенною особою, а главное управленіе Нидерландами по-прежнему оставалось въ рукахъ принца Оранскаго. При убѣжденіи, что принцъ Оранскій есть душа Нидерландскаго мятежа и въ надеждѣ убіеніемъ его облегчить покореніе мятежниковъ, Филиппъ II 15-го марта 1580 года объявилъ его изгнанникомъ. Тому, кто доставитъ его мертваго или живаго, обѣщано было въ награду 25,000 золотыхъ, прощеніе всѣхъ прежнихъ преступленій и если это будетъ кто-либо изъ низшаго сословія, то возвышеніе въ дворяне. Противъ этого объявленія Короля Вильгельмъ написалъ къ сословіямъ оправдательную граммату, которая служитъ важнымъ историческимъ документомъ, потому что въ ней принцъ представляетъ и оправдываетъ все свое политическое поприще *). Впро-

*) Граммата Филиппа II на изгнаніе Вильгельма, равно какъ и апелляція принца, находятся въ J. du Mont Corps universel et diplomatique du droit des gens, T. V, № 175 и 179.

чемъ онъ отвѣтилъ на это объявленіе не только словами, но и рѣшительнымъ поступкомъ. По внушенію его собравшіяся въ Гагѣ сословія 26-го іюля 1581 года отложились отъ короля Филиппа и объявили данную ему присягу болѣе недѣйствительною. Принцъ Оранскій, герцогъ Алансонскій и высшіе сановники на время приняли на себя управленіе отдѣльными областями, уже не во имя Короля, какъ было до сихъ поръ, но во имя сословій. Гербы, изображенія, титулы и надписи, свидѣтельствовавшіе о прежнихъ отношеніяхъ къ Испаніи, были измѣнены. Сдѣлавъ такой рѣшительный шагъ, инсургенты не нашли себѣ счастія въ герцогѣ Алансонскомъ. Ему давно уже наскучило быть подъ опекою принца Оранскаго, на всякомъ шагу стѣсняться законами и онъ рѣшился, при помощи Французскихъ отрядовъ, сдѣлаться неограниченнымъ государемъ и овладѣть важнѣйшими городами. Семнадцатаго января 1583 года онъ хитростію и силою овладѣлъ-было уже Антверпеномъ, но жители этого города опять оправились и снова начали дѣйствовать съ такою силою и единодушіемъ, что прогнали всѣхъ Французовъ изъ города. Послѣ столь вѣроломнаго и коварнаго поступка герцогъ потерялъ всякое довѣріе къ себѣ и уваженіе; онъ возвратился изъ Нидерландовъ во Францію, гдѣ въ слѣдующемъ году и умеръ. Разумѣется, что такіе безпорядки на сторонѣ инсургентовъ не мало содѣйствовали успѣхамъ Испанцевъ. Герцогъ Пармскій умѣлъ съ равнымъ искусствомъ пользоваться всѣми выгодами, какъ въ полѣ, такъ въ политикѣ. Такъ какъ многіе были несогласны на низложеніе Филиппа, считая это дѣло превосходящимъ предоставленныя имъ права, то герцогъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, успѣлъ многихъ примирить съ Испанскимъ владычествомъ. Кромѣ того онъ льстилъ Нидерландцамъ надеждою, что Филиппъ, наученный опытомъ, перемѣнитъ свои убѣжденія; нѣкоторыхъ-же привлекалъ къ себѣ обѣщаніемъ мира, который, разумѣется, казался необходимою потребностію для народа, столь долго бывшаго жертвою опустошительной войны. Казалось, что убіеніе принца Оранскаго могло бы еще дать

оборотъ благопріятный для Испанцевъ, и можно было надѣяться, что награда, обѣщанная Филиппомъ убійцѣ принца, обольститъ какого-либо корыстолюбца или фанатика, тѣмъ болѣе, что въ столь смутныя времена, какъ мы видѣли во Французской исторіи, весьма легко рѣшались на убійства. Одинъ Бискайскій купецъ, близкій къ банкротству, жившій въ Антверпенѣ, до тѣхъ поръ подстрекалъ своего прикащика, молодаго Бискайца, по имени Іоанна Хаурегви, убить принца, пока тотъ не взялся совершить злодѣяніе. Осмнадцатаго марта 1582 года Хаурегви исповѣдывался во грѣхахъ и, получивъ отпущеніе ихъ и надежду на небесную награду, отправился въ Антверпенскій замокъ, гдѣ подалъ принцу прошеніе. Въ то время, какъ тотъ читалъ его, онъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Впрочемъ Испанцы рано предались радости: какъ ни опасна была рана, нанесенная принцу, однако-же, благодаря крѣпости своего тѣла и искуснымъ дѣйствіямъ врачей, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выздоровѣлъ. Но съ этого времени жизнь принца всегда была въ опасности *). Не смотря на то, онъ не принималъ никакихъ предосторожностей для своей защиты и, уповая на Провидѣніе, не скрывался отъ убійцъ. Еще три заговора были открыты и уничтожены до исполненія ихъ; четвертый-же удался одному воспитаннику Іезуитовъ, Валтасару Жерарду. Подъ ложнымъ именемъ онъ явился къ принцу въ Дельфтъ и своею притворною ревностію къ протестантству успѣлъ пріобрѣсти его благоволеніе. Между тѣмъ самъ выжидалъ удобнаго случая, и какъ скоро онъ представился, то 10-го іюня 1584 года застрѣлилъ принца тремя пулями. Сказавъ: «Боже мой, Боже мой! помилуй меня и этотъ бѣдный народъ!» Вильгельмъ упалъ на землю и вскорѣ испустилъ духъ **).

*) Strada (decad. secund. lib. IV, p. 220) замѣчаетъ: Orangium persuasio exinde tenuit, violenta se morte casurum, non minus quam qui coeperint apoplectico humore semel percuti satis intelligunt, non desiturum intestinum hostem, donec repetito saepius ictu aliquando perimat.

**) Thuan. lib. LXXIX, p. 473: Quo vulnere accepto Arausionensis non aliam vocem misit, quam orare Deum, ut animae suae

Убійцу схватили и четвертовали, но король Филиппъ далъ его фамиліи дворянство; католики-же признали его мученикомъ. Испанцы надѣялись, что со смертію принца Нидерландская республика, преданная бурямъ междоусобій, сдѣлается легкою ихъ добычею, какъ корабль безъ кормчаго, брошенный въ жертву волнамъ: но они ошиблись. Новая республика не нуждалась въ славныхъ мужахъ, которые могли взяться за кормило и мощными руками привести этотъ корабль въ безопасную пристань. Мѣсто Вильгельма Оранскаго занялъ второй сынъ его *Морицъ*, потому что старшій все еще томился въ плѣну; къ Морицу приставили совѣтъ изъ 18-ти членовъ и предоставили ему управленіе дѣлами войны на морѣ и насушѣ, равно какъ и право набирать и отпускать наемниковъ; рѣшеніе-же дѣлъ касательно заключенія союзовъ и мировъ и наложенія податей генеральные штаты удержали за собою. Надежда, что Король смягчитъ свои основныя начала и предложитъ Нидевландцамъ миръ, не оправдалась. Филиппъ, напротивъ, объявилъ герцогу Пармскому, что онъ нигдѣ въ своихъ государствахъ не потерпитъ еретиковъ, равно какъ и еретическаго богослуженія, но развѣ только позволитъ имъ переселеніе. Онъ говорилъ, что того требуетъ слава Божія, для которой онъ готовъ жертвовать всѣмъ, и что если онъ за грѣхи свои не во всемъ будетъ имѣть успѣхъ и не всегда будетъ встрѣчать удачи, то по крайней мѣрѣ будетъ спокоенъ, что никогда ради человѣческихъ выгодъ не уклонялся отъ высшихъ законовъ. При такомъ образѣ мыслей Филиппа убіеніе Вильгельма Оранскаго произвело только большее ожесточеніе въ народѣ. Принцъ Оранскій былъ предметомъ весьма разнородныхъ сужденій; что можно сказать противъ него, то заключается въ грам-

et populi adflicti misereretur, nam se graviter vulneratum esse. Et statim in conclave, ubi pransus fuerat, relatus lectoque impositus vitam finivit, astante Aloisia, ultima uxore, quae patrem virumque eodem mortis genere sibi ereptum moerens animi mirum in modum discruciabatur et nihilominus constantiam a Deo, qua haec mala Christiane perferret, enixis precibus implorabat, Алоизія или Луиза, послѣдняя супруга Вильгельма Оранскаго, была дочь адмирала Колиньи.

матѣ Короля на изгнаніе его; что-же напротивъ, разсматривая его положеніе, можно сказать въ его защиту, то представляетъ намъ его оправдательная граммата. Въ глазахъ безпристрастнаго потомства онъ является мужемъ, соединявшимъ въ себѣ со спокойнымъ, умѣреннымъ, но сильнымъ характеромъ отвращеніе ко всякой крайности. Дѣятельность его, съ которою онъ всегда дѣйствовалъ для чести и благосостоянія отечества, имѣла важныя слѣдствія: слабымъ Нидерландскимъ областямъ, приведеннымъ основными началами Филиппа и дѣйствіями жестокаго исполнителя воли его, герцога Альбы, въ жалкое состояніе, онъ далъ новое и славное бытіе. Но для достиженія этого принцъ Оранскій пожертвовалъ тремя братьями, павшими въ борьбѣ съ Испанцами, свободою своего старшаго сына и всѣмъ своимъ княжескимъ достояніемъ. По этому господство надъ Нидерландами, предоставленное ходомъ дѣлъ потомству этого мужа, на котораго собственно должно смотрѣть какъ на основателя Нидерландскаго государства, было только заслуженнымъ имъ вознагражденіемъ.

Хотя воинскій геній герцога Пармскаго снова покорилъ Испанскому владычеству южныя провинціи, какъ то: Брабантъ и Фландрію, не смотря на то самая республика, состоявшая изъ провинцій, соединенныхъ Утрехтскою уніею, не вступала непосредственно въ войну и потому благосостояніе ея возрастало. Война, имѣвшая цѣлію уничтожить возникшую республику, болѣе возвысила и обогатила ее. Для покоренія торговаго народа есть только одно средство, именно: остановить его торговлю и закрыть источники, изъ которыхъ онъ почерпаетъ богатства вмѣстѣ съ

мужествомъ и силою. Но Филиппъ II не только не могъ остановить торговли Нидерландцевъ, но даже долженъ былъ позволить имъ торговать со своими собственными подданными; Испанцы для удовлетворенія своихъ нуждъ вывозили товары изъ отложившихся отъ нихъ провинцій и Филиппъ расточалъ свои собственныя богатства для пополненія сокровищницы республики. Провинціи, занятыя Испанскими войсками, были страшно опустошены; торговля и ремесла находились у нихъ въ совершенномъ упадкѣ, а потому не только всѣ протестанты, но и вообще многіе ремесленники убѣгали оттуда въ независимыя провинціи, которыя по этому не нуждались ни въ храбрыхъ воинахъ для своего войска, ни въ трудолюбивыхъ ремесленникахъ для своихъ фабрикъ. Такъ произошло, что Испанцы, славившіеся въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія величайшею воинскою силою и которыхъ армія считалась лучшею и ужаснѣйшею въ тогдашнемъ свѣтѣ, потеряли свою славу въ борьбѣ съ тѣми, которыхъ они обыкновенно презирали, какъ торговцевъ. Кромѣ всѣхъ этихъ выгодныхъ для Нидерландцевъ обстоятельствъ имъ благопріятствовало и то, что Филиппъ II не сосредоточивалъ своихъ силъ противъ однихъ Нидерландовъ, но пускался въ то-же время въ другія столь-же трудныя и требующія многихъ издержекъ предпріятія. Потому прежде

нежели доведемъ до конца Нидерландскую войну, мы разсмотримъ дѣйствія Филиппа въ другихъ мѣстахъ. Его безуспѣшныя усилія воспрепятствовать дому Бурбоновъ вступить на Французскій престолъ изложены уже выше, и хотя ему удалось *соединить Португалію съ Испаніею*, но за то онъ ослабилъ свои военныя силы и разстроилъ свои финансы ко вреду своему въ войнѣ съ Нидерландами.

Преслѣдуя въ Нидерландахъ еретиковъ, Филиппъ II въ своихъ Пиринейскихъ государствахъ не менѣе былъ жестокъ съ Маврами. Хотя они давно уже были принуждены принять Христіанство, однако все еще отличались отъ старыхъ Христіанъ языкомъ, одеждою и нравами, Филиппъ-же рѣшился уничтожить и это различіе и истребить до послѣдняго слѣда всякое воспоминаніе о Магометанскомъ владычествѣ. По совѣту кардинала Спинозы было положено, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ ни одинъ Мавръ ни открыто, ни тайно не смѣлъ ни говорить, ни читать, ни писать по-арабски; чтобы въ продолженіе тридцати дней были выданы всѣ Арабскія книги; чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ всякое Маврское одѣяніе было замѣнено Кастильскимъ и каждый вмѣсто своего Арабскаго названія принялъ бы новое. Имъ было запрещено исполнять всѣ ихъ обряды при празднествахъ и свадьбахъ и не позволено играть на ихъ музыкальныхъ инструментахъ. Въ 1567 году эти повелѣнія были объявлены и силою приведены въ исполненіе. Мавры, приведенные въ отчаяніе, взялись за оружіе и такимъ образомъ возгорѣлась война, ознаменованная съ обѣихъ сторонъ ужасными насиліями и жестокостями. Король достигъ своего желанія не ранѣе, какъ чрезъ два года, такъ, что съ 1569 года исчезли всѣ внѣшніе признаки, напоминавшіе объ Арабскомъ владычествѣ.

Филиппъ II, ставившій выше всего честь Христіанства, при своемъ положеніи, не могъ оставаться спокойнымъ въ отношеніи къ Османскимъ Туркамъ, родовымъ врагамъ Христіанскаго имени. Подвластныя имъ разбойничьи Африканскія государства тревожили Испанскіе и Итальянскіе берега и стремились къ владычеству надъ всѣми островами Средиземнаго Моря. Въ 1565 году они сдѣлали нападеніе на Мальту и были отражены только съ большими усиліями. Теперь они обратили свое вниманіе на Кипръ. — Здѣсь въ 1474 году пресѣклась фамилія Лузиньянская, владычествовавшая въ Кипрѣ съ королевскимъ титуломъ со времени третьяго крестоваго похода, и этимъ прекраснымъ и богатымъ островомъ успѣли овладѣть Венеціянцы. Но островитяне не очень были довольны ихъ правленіемъ. Это обстоятельство благопріятствовало Туркамъ, которые потребовали уступки острова и 1-го іюля 1570 года прибыли къ нему съ военною силою. Вся страна со всѣми городами, исключая Фамагосту и Никозію, должна была сдѣлаться ихъ достояніемъ. Венеціянцы, не ожидавъ такого нападенія, не могли въ то время подать помощи, а пока они старались склонить на участіе въ своемъ дѣлѣ короля Испанскаго и папу Пія V, 9-го сентября была потеряна Никозія. Взявъ Никозію Турки тотчасъ заперли и обложили Фамагосту, хотя этотъ городъ съ мужествомъ защищался подъ начальствомъ храбраго Баградино и хотя 20-го мая 1571 года состоялся союзъ между Филиппомъ, Піемъ и республикою Венеціянскою, но союзники замедлили подать помощь стѣсненному городу; Баградино, вынужденный недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, 1-го августа сдалъ и Фамагосту. Турки обѣщали предоставить ему вмѣстѣ съ гарнизономъ свободное отступленіе, но нарушили капитуляцію и съ храбраго Баградино съ живаго содрали кожу. Когда уже весь Кипръ былъ потерянъ союзническій флотъ соединился подъ начальствомъ сведеннаго брата Филиппа, Донъ-Жуана Австрійскаго, и 7-го октября 1571 года при Лепанто одержалъ надъ Турками рѣшительную побѣду; Турки потеряли 200 кораблей и 10,000 плѣнныхъ. Впрочемъ

эта побѣда не принесла никакихъ выгодъ; Венеціянцы, которые болѣе всѣхъ терпѣли отъ этой войны, заключили въ 1573 году съ Турками отдѣльный миръ на столь невыгодныхъ условіяхъ, какъ будто сраженіе при Лепанто ими потеряно. Они уступили султану Кипръ, обязались платить дань и удовлетворить его за военныя издержки. Испанцы же направили теперь свои силы на тягостныя для нихъ разбойническія владѣнія на Сѣверо-Африканскихъ берегахъ и Донъ-Жуанъ въ октябрѣ 1573 года завоевалъ Тунисъ. Донъ-Жуанъ желалъ, чтобы Филиппъ предоставилъ ему это завоеваніе съ титуломъ королевства, но Филиппъ отказалъ ему и Тунисъ въ слѣдующемъ году былъ потерянъ.

Выше было изложено, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась Португалія при смерти Эмануила Великаго. Въ 1521 году Эмануилу наслѣдовалъ сынъ его *Іоаннъ III*; въ его правленіе Португальцы съ успѣхомъ продолжали дѣлать географическія открытія, въ слѣдствіе которыхъ заключали торговые союзы и пріобрѣтали новыя владѣнія. Португалецъ *Магелланъ* первый совершилъ путешествіе вокругъ свѣта; кромѣ того Португальцы пріобрѣли Молукскіе острова и распространили свои завоеванія въ Индіи и Бразиліи. Богатство Португаліи достигло высокой степени, и эта страна тѣмъ болѣе пользовалась благосостояніемъ и ничѣмъ не возмущаемымъ спокойствіемъ, что Іоаннъ III, будучи столь же уменъ какъ и отецъ его, удерживался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ Европы. Во многихъ внутреннихъ учрежденіяхъ онъ слѣдовалъ примѣру Испаніи; такъ онъ соединилъ достоинство гроссмейстера всѣхъ рыцарскихъ орденовъ съ короною и ввелъ у себя Испанскую инквизицію, такъ же принялъ въ свое государство Іезуитовъ. Послѣ 36-лѣтняго мирнаго царствованія, онъ умеръ въ 1557 году и, пережившъ своихъ дѣтей, предоставилъ престолъ тогда еще трехъ-лѣтнему внуку своему *Севастіану*. До 1562 года опека и правленіе находились въ рукахъ бабки несовершеннолѣтняго Короля, *Екатерины*, младшей сестры Карла V; когда

же она по причинѣ глубокой старости и изъ отвращенія къ мірскимъ занятіямъ сложила съ себя свое достоинство, то Кортесы передали опеку двоюродному дѣду Короля, кардиналу Инфанту Генриху. Генрихъ былъ чрезвычайно преданъ Іезуитамъ и имъ исключительно повѣрялъ воспитаніе короля Севастіана. Молодой Король, будучи уже отъ природы рѣшителенъ до упорства и храбръ до дерзости, получилъ отъ своихъ воспитателей фантастическое направленіе; они внушили ему, что высшую человѣческую обязанность составляетъ исполненіе слѣдующихъ двухъ правилъ, именно: повиновеніе Папѣ и борьба съ невѣрными. Вступивъ въ 1568 году въ управленіе на четырнадцатомъ году отъ роду, молодой Король хотѣлъ тотчасъ предпринять походъ въ Индію и, когда ему отсовѣтовали это, то онъ настоялъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ совершить походъ въ Африку; ни представленія бабки, ни двоюроднаго дѣда, ни короля Испанскаго Филиппа не могли отклонить его отъ этого намѣренія. Онъ особенно твердо держался своего намѣренія потому, что султанъ Феца и Марокко, Магометъ, будучи вытѣсненъ своимъ дядею Мулеемъ, просилъ у него помощи. Король обѣщалъ изгнанному свое содѣйствіе только не съ тѣмъ, чтобы опять возвести его на престолъ, но чтобы подъ этимъ предлогомъ самому овладѣть Мароккскимъ государствомъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что приготовилъ все нужное для своего коронованія въ государи Феца и Марокко. Въ іюнѣ 1578 года, высадившись съ войскомъ въ Африку, онъ отвергъ всѣ мирныя предложенія Мулея и 4-го августа далъ его войскамъ сраженіе при Алкассарѣ. Португальцы въ этомъ сраженіи были разбиты и король Севастіанъ убитъ (*). Королемъ, безъ вся-

(*) По свидѣтельству очевидца *Нонія Маскареньи* Туанъ (кн. LXV стр. 665) разсказываетъ о смерти Короля такъ: Tandem Sebastianus, cum vires pugna diuturna fessum deficerent et languidos ictus dirigentem cuncti impune circumstarent, captus et erepto ense et galea omnino exarmatus est. Exortaque de tanto captivo inter Mauros rixa, cum se ad mutuam perniciem ob id petituri viderentur, multique jam confecti vulneribus in turba cecidissent, superveniens centurio Mauros increpat, quasi ex tanta

каго сопротивленія, былъ признанъ двоюродный дѣдъ убитаго, кардиналъ *Генрихъ*; но такъ какъ и Генрихъ не имѣлъ дѣтей, то спрашивалось, кто долженъ быть его наслѣдникомъ. Явились многіе соискатели и родились различныя мнѣнія о престолонаслѣдіи (*). По занимаемой степени и по своему происхожденію отъ мужской линіи ближайшее право на престолъ имѣлъ *Антоніо*, Пріоръ Пратскій, сынъ Людовика, втораго брата *Іоанна* III, но король Генрихъ отвергъ притязанія Антоніо. Надобно было рѣшить, предоставить ли право на престолъ потомству дочерей самого Эмануила Великаго или отдать преимущество потомкамъ дочерей младшаго сына его Эдуарда. Въ первомъ случаѣ законнымъ наслѣдникомъ былъ Филиппъ, король Испанскій, въ послѣднемъ Райнуччіо, герцогъ Пармскій. Этимъ запутаннымъ вопросомъ о наслѣдствѣ занимались многіе юристы и университеты; между тѣмъ рѣшить его можно было весьма просто; стоило только обратиться къ старымъ основнымъ законамъ, утвержденнымъ Кор-

victoria fructum eum captantes, ut se mutua peste conficerent, atque ut finem rixae imponeret, stricto gladio regem captivum in capite graviter sauciavit, ita ut ex eo semianimis in terram caderet. Statimque repetitis vulneribus in terra jacens confossus est, praesente Nonio Mascaregna, penes quem unum rei fides fuit. Хотя трупъ Короля былъ выданъ Португальцамъ, однако-же многіе невѣрили свидѣтельству Маскареньи и судьба Севастіана долго считалась неизвѣстною.

(*) Чтобы понять различныя притязанія, нужно познакомиться съ слѣдующею генеалогическою таблицею:

Эмануилъ Великій.

Іоаннъ III	*Изабелла* въ супружествѣ съ императоромъ Карломъ V.	*Беатриса* въ супружествѣ съ Карломъ Савойскимъ.	*Людовикъ*	*Генрихъ.*	*Эдуардъ.*
Іоаннъ Маріи въ супружествѣ съ Филиппомъ II.		*Эмануилъ Филибертъ.*	*Антоніо* Пріоръ Пратскій.	*Маріи* въ супр. съ Александромъ Парм-скимъ. *Райнуччіо.*	*Екатерина* въ супруж. съ Іоанномъ, герцог. Браганцкимъ.
Севастіанъ.					

тесами въ Ламего. Хотя по этимъ законамъ принцессы имѣли право на наслѣдство, но, вступая въ бракъ съ иностранными князьями, теряли его, потому что иностранецъ никогда не могъ быть королемъ Португальскимъ. Только тѣ принцессы удерживали право на наслѣдство, которыя были въ супружествѣ съ Португальцами. Въ слѣдствіе этого законнымъ наслѣдникомъ престола былъ *Іоаннъ, герцогъ Браганцкій*, какъ супругъ Инфантины Екатерины, которая была еще жива. Король Испанскій съ такою дѣятельностію старался поддержать свои мнимыя права, что Герцогъ Браганцкій, удержанный его угрозами, не воспользовался благопріятствовавшимъ ему опредѣленіемъ Кортесовъ въ Ламего и вообще не употреблялъ усилій для достиженія короны. Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, не получивъ еще никакого рѣшенія, когда 31-го января 1580 года умеръ Генрихъ. Пять штатгальтеровъ, назначенныхъ Генрихомъ, на время приняли правленіе на себя. Всѣ надѣялись, что Король въ своемъ завѣщаніи рѣшилъ: кому быть его преемникомъ, но, открывъ завѣщаніе, нашли только слѣдующія слова: оставляю царство тому, кому оно принадлежитъ по правамъ наслѣдства. Кто же это былъ изъ многихъ искателей короны, все еще оставалось вопросомъ. Между тѣмъ король Филиппъ нисколько не сомнѣвался, что ближайшее право принадлежитъ ему. Онъ обѣщалъ Португаліи въ случаѣ добровольной покорности управлять ею чрезъ вице-короля; не назначать туда иностранныхъ чиновниковъ, не вводить въ нее иностраннаго войска; оставить неприкосновенными права сословій; всѣ дѣла вести на Португальскомъ языкѣ, посѣщать Португалію какъ можно чаще и оставаться въ ней столь долго, сколько будетъ возможно, смотря по обстоятельствамъ, позволить свободную торговлю съ Испаніею и вообще согласиться на все, чего только можно было отъ него требовать, не унижая его. Три штатгальтера и многіе изъ дворянъ, прельстясь обѣщаніями Филиппа или боясь его угрозъ склонились на его сторону; народъ же былъ противъ Испанскаго господства и такъ какъ Герцогъ

Браганцкій нисколько не поддерживалъ своихъ притязаній, то онъ 20-го іюна 1580 года при Сантаремѣ провозгласилъ королемъ Антонія Пратскаго. Между тѣмъ Филиппъ собралъ войско, которое подъ предводительствомъ стараго герцога Альбы вторгнулось въ Португалію. 24-го августа Альба при Алькантарѣ разсѣялъ войско Антонія, который самъ въ этомъ сраженіи былъ раненъ, и занялъ столицу Лиссабонъ. Послѣ этого 11-го сентября въ Лиссабонѣ былъ провозглашенъ королемъ Филиппъ. Когда уже вся страна была приведена въ его владѣніе, то онъ самъ пріѣхалъ въ Португалію и въ апрѣлѣ 1581 года созвалъ сословія въ Таморъ. Какъ онъ ни старался привлечь къ себѣ народъ, но никакъ не могъ пріобрѣсти его расположенія; не смотря на весьма значительную награду, назначенную тому, кто выдастъ Антонія живаго, не нашлось никого, кто-бы измѣнилъ ему. Впрочемъ Антоній не могъ предпринять ничего значительнаго, потому что даже колоніи и другія страны, бывшія въ зависимости Португаліи, признали королемъ Филиппа II. По этому Антоній оставилъ Португалію и въ 1595 году умеръ въ Парижѣ. Завоеваніе Португаліи было послѣднимъ подвигомъ Альбы; онъ умеръ въ декабрѣ 1582 года 74-хъ лѣтъ отъ роду. Вицекоролемъ Португаліи Филиппъ наименовалъ кардинала Албрехта Австрійскаго, но Португальцы ненавидѣли его господство и въ покоренной странѣ не рѣдко происходили возмущенія. Народъ питалъ еще надежду на освобожденіе отъ Испанскаго ига; думая, что король Севастіанъ не погибъ въ битвѣ при Алкассарѣ, но что онъ снова явится, и дѣйствительно четыре человѣка являлись одинъ за другимъ, выдавая себя за Севастіана, и находили себѣ приверженцевъ. Что трое изъ нихъ были самозванцы—можно сказать съ достовѣрностію; что-же касается до четвертаго, то самыя точныя изслѣдованія не привели ни къ какому опредѣленному результату; впрочемъ, кто-бы онъ ни былъ, онъ не имѣлъ большаго успѣха, какъ и его предшественники, но попался въ руки Испанцевъ и былъ казненъ.

Хотя соединеніемъ Португаліи съ Испаніею владѣнія Филиппа расширились, но за то внутренняя сила ихъ ослабла. Снаряженіе *непобѣдимой армады*, которую Филиппъ выслалъ противъ Англіи, чтобы наказать ее за содѣйствіе, оказанное Нидерландцамъ, еще болѣе истощило государство, такъ что Нидерландцы, мужественно продолжая свою войну, дѣйствовали съ успѣхомъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ требовали себѣ независимости. Къ концу 1585 года приблизительно была утверждена граница между Испанскими Нидерландами и независимыми провинціями: Фландрія, Артуа, Геннегау, Намуръ, Люксембургъ, южный Брабантъ, Антверпенъ и Мехельнъ остались за Испанцами; а Голландія, Зеландія, Утрехтъ, Фрисландія, Оберейссель, Гренингенъ, Гельдернъ и сѣверный Брабантъ образовали область Соединенныхъ Штатовъ. Какъ ни тяжело было для Испанской гордости Филиппа, однако же онъ долженъ былъ согласиться на независимость этихъ штатовъ. Въ 1609 году Филиппъ III, сынъ и наслѣдникъ Филиппа II, окончилъ сорокалѣтнюю войну съ Нидерландцами двѣнадцатилѣтнимъ перемиріемъ. Разумѣется, что цвѣтущее состояніе Нидерландскихъ Штатовъ, получившее начало во время войны, тѣмъ болѣе продолжалось во время мира, хотя все еще религіозныя и политическія партіи нѣсколько нарушали внутреннее спокойствіе. Споръ между *Арминіяна-*

ми и *Гомаристами* въ 1618 году подалъ поводъ къ созванію *собора въ Дортрехтѣ* и повлекъ за собою образованіе двухъ политическихъ партій: партіи сословій и Оранской партіи, которыя враждовали между собою до паденія Нидерландской республики.

Герцогъ Пармскій снова покорилъ Испанскому владычеству Фландрію и Брабантъ; 2-го сентября 1584 года онъ завоевалъ Гентъ, 10-го марта 1585 года Брюссель и наконецъ послѣ весьма замѣчательной осады 17-го августа 1585 года также Антверпенъ. Соединенныя Сѣверныя Нидерланды, видя увеличивающуюся опасность, обратились съ просьбою о помощи къ Елисаветѣ, королевѣ Англійской; которая, будучи до сихъ поръ весьма осторожною въ сношеніяхъ съ инсургентами, чтобы не вовлечь себя въ войну съ Испаніею, теперь открыто и рѣшительно приняла ихъ сторону. Въ декабрѣ 1585 года она послала на помощь Нидерландцамъ войско подъ начальствомъ графа Лейстерскаго, которому Нидерландцы оказали такое довѣріе, что даже признали его своимъ штатгальтеромъ; но онъ не имѣлъ такихъ талантовъ, чтобы при столь запутанномъ положеніи дѣлъ, какъ въ Нидерландахъ, съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Герцога Пармскаго. Онъ вскорѣ вступилъ въ открытый споръ съ сословіями; видя непрочность своего положенія, онъ сложилъ съ себя свое достоинство и въ декабрѣ 1587 года возвратился въ Англію. Впрочемъ все же помощь Англичанъ была благодѣтельна для Нидерландовъ въ томъ отношеніи, что побудила Короля Филиппа объявить Англичанамъ войну и тѣмъ принудила его отвлечь свои силы отъ Нидерландовъ для того, чтобы направить ихъ особенно противъ Англіи. Онъ повелѣлъ въ Лиссабонской гавани снарядить такой флотъ, какой еще никогда не являлся на морѣ и который уже напередъ назвали непобѣдимымъ. Въ немъ считалось не менѣе 138 линейныхъ кораблей, вооруженныхъ

3,600 пушками и наполненныхъ 18,000 опытныхъ воиновъ; на этотъ флотъ добровольно вступилъ цвѣтъ Испанскаго войска и дворянства *). Герцогъ Пармскій долженъ былъ помогать флоту со стороны Нидерландовъ, и какъ скоро войско высадится въ Англію, то принять надъ нимъ начальство. Сикстъ V далъ этой экспедиціи свое Папское благословеніе и многіе такъ мало сомнѣвались въ успѣхѣ ея, что Герцогъ Савойскій предлагалъ уже Королю Испанскому за Англію свои Итальянскія владѣнія. Тридцатаго мая 1588 года непобѣдимая армада выступила изъ Лиссабона, но, значительно потерпѣвъ отъ бури, должна была искать спасеніе въ Корунской гавани, гдѣ не прежде 12-го іюля снова подняла свои якори и направила путь въ Каналъ. Начальствовавшій ею Герцогъ Медина Сидонія, прибывъ въ Каналъ, не мало испугался, найдя Герцога Пармскаго еще не готовымъ къ содѣйствію и услышавъ, что берега Шотландіи, откуда Испанцы также ожидали помощи, заняты непріятелями. Между тѣмъ какъ онъ ни на что еще не рѣшался, Англичане, подъ предводительствомъ Гауэрда и Дрека, Нидерландцы же на своихъ легкихъ корабляхъ сдѣлали на него нападеніе; въ происшедшемъ сраженіи тяжелый флотъ Испанскій дѣйствовалъ такъ неискусно, что Испанцы положили оставить узкую морскую полосу между Нидерландами и Англіею, и, оплывъ кругомъ Англію, Шотландію и Ирландію, возвратиться домой. На дорогѣ флотъ былъ разсѣянъ бурею и частію прибитъ къ берегамъ Шотландскимъ, частію же Оркадскимъ островамъ, такъ что только не многіе корабли возвратились въ отечество. Филиппъ принялъ извѣстіе объ этомъ несчастіи съ большою твердостію: «я снарядилъ флотъ, «говорилъ онъ, »противъ Англіи, а не противъ морской бури и покоряюсь волѣ Божіей». Весь протестантскій миръ торжествовалъ несчастное окон-

*) Strada lib. XI, p. 548: Illud constat, raro unquam Hispanos expeditionem frequentiore nobilitate speque victoriae alacriore suscepisse; ideoque perpaucis in classem admissis ex aliis nationibus, facti gloriam Hispano nomini eos quaesivisse creditum est.

чаніе этого страшнаго предпріятія *). Съ этого времени самостоятельность Нидерландской республики была упрочена, потому что Герцогъ Пармскій тѣмъ болѣе ослабѣвалъ, чѣмъ сильнѣе дѣлались нападенія республики и наконецъ 3-го декабря 1592 года умеръ. Преемникъ его графъ Мансфельдъ не могъ возстановить въ Испанскомъ войскѣ упавшей дисциплины; по этому Филиппъ послалъ въ Нидерланды эрцъ-герцога Австрійскаго Эрнста, но онъ вскорѣ недѣятельностію и другими своими поступками лишилъ себя всякой довѣренности. По смерти его въ 1595 году на его мѣсто былъ поставленъ братъ его Албрехтъ, и наконецъ Филиппъ избавился отъ хлопотъ съ Нидерландами, уступивъ ихъ Албрехту въ приданое за своею дочерью, *Кларою Евгеніею Изабеллою*, которая вступила съ нимъ въ бракъ. Филиппъ уже почти два года сильно страдалъ подагрою; теперь его страданія усилились. Во время этихъ страшныхъ мученій Филиппъ обнаруживалъ величайшее терпѣніе и преданность волѣ Божіей и находилъ утѣшеніе и покой въ исторіи страданій Христа, которую приказывалъ читать себѣ. Онъ умеръ 13-го сентября 1598 года съ горестнымъ сознаніемъ, что не достигъ цѣлей своей жизни. Въ безуспѣшной борьбѣ съ духомъ времени онъ истощилъ несмѣтныя сокровища своего государства, такъ что предъ смертію не могъ платить процентовъ за свои долги. Дѣятельностію своею въ продолженіе долгаго правленія онъ ничего не внесъ въ жизнь, но такъ ослабилъ Испанію, что она съ этого времени на долго осталась въ упадкѣ и все болѣе и болѣе теряла свое

*) Въ память пораженія армады были выбиты медали съ надписью venit, ivit, fuit, О томъ, какъ принялъ король Филиппъ извѣстіе о несчастіи своего флота, Страда (l. c. 564) говоритъ слѣдующее: Clade prolixius audita, stante Rex vultu, Ego vero, inquit, ago ex animo gratias Divinae Majestati, cujus a liberali manu tantum potentiae viriumque circumdatum mihi video, ut aliam rursus in mare classem educere non dubie possim. Neque multum referre arbitror, quod aqua decurrens aliquando intercipiatur, dummodo fons, ex quo fluxerit, salvus sit. His dictis calamum resumit et eadem, qua coeperat, tranquillitate vultus ad scribendum redit.

вліяніе на дѣла Европейскія, которымъ пользовалась при Карлѣ V.

Сынъ и наслѣдникъ его Филиппъ III былъ человѣкъ безъ дальнаго образованія и силы; онъ предоставилъ управленіе дѣлами любимцу своему герцогу Лермѣ, но тѣмъ не облегчилъ участи своего государства, потому что Лерма равнымъ образомъ былъ человѣхъ весьма ограниченный. Эрцъ-герцогъ Албрехтъ все еще продолжалъ войну въ Нидерландахъ, но безъ успѣха. Оставшись въ 1600 году въ генеральномъ сраженіи съ Испанцами при Ньюпортѣ побѣдителями, Нидерландцы не хотѣли покориться ни на какихъ условіяхъ. Поколѣніе, возросшее во время независимости, не хотѣло и слышать о покорности Испанцамъ, которые своею непріязнію къ протестантству потеряли всякое довѣріе, и вовсе не боялось продолженія войны, потому что видѣло въ этомъ собственныя выгоды. Нидерландцы утвердились также въ Остъ-Индіи и, сражаясь въ Европѣ за свою независимость, по другую сторону Океана образовывали значительное государство *) Чрезъ то особенно теряли Португальцы и ихъ представленія вмѣстѣ съ мнѣніемъ полководца Спинолы, который равнымъ образомъ совѣтовалъ заключить миръ, склонили наконецъ Испанскій дворъ къ уступчивости. *Ольденъ Барневельдъ*, одинъ изъ государственныхъ мужей Голландіи, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, также содѣйствовалъ заключенію мира и хотя Морицъ Орапскій, опасаясь въ случаѣ мира потерять свое значеніе, противился этому, не смотря на то 9-го сентября 1609 года при посредничествѣ Франціи было заключено 12-тилѣтнее перемиріе. Въ договорѣ эрцъ-

*) Прежде нежели Нидерландцы стали ѣздить въ Остъ-Индію вокругъ мыса Доброй Надежды, они пытались найти проѣздъ на Сѣверо-Востокѣ; но послѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ экспедицій этотъ планъ оказался неудобноисполнимымъ, по причинѣ многихъ стоящихъ на пути ледяныхъ массъ и потому былъ оставленъ. Въ этихъ экспедиціяхъ особенно отличались *Вильгельмъ Барендсъ* и *Іаковъ Гемскеркъ*, открывшіе Шпицбергенъ. Утвержденіе Нидерландовъ въ Остъ-Индіи и основаніе тамъ ихъ колоній ниже, при обозрѣніи Европейскихъ колоній, будетъ изложено въ связи.

герцогъ Альбрехтъ и его супруга объявили отъ себя и отъ имени Филиппа III, что они вели переговоры съ соединенными Нидерландами, какъ со свободнымъ и самостоятельнымъ государствомъ; обѣ стороны удержали за собою тѣ земли, которыми владѣли при заключеніи договора, обязались, отпустить военнопленныхъ безъ выкупа, и во время перемирія не залагать новыхъ крѣпостей. Съ этого времени провинціи, заключившія въ 1579 году Утрехтскую унію, являются въ ряду Европейскихъ государствъ самостоятельною республикою подъ именемъ *Соединенныхъ Штатовъ*. Могущество ихъ опиралось на торговлѣ и морской силѣ, которыя и послужили имъ основаніемъ; ни одно государство скорѣе соединенныхъ Нидерландовъ не достигало всемірной торговли, не смотря на бури, сопровождавшія ихъ начало. Вскорѣ ихъ корабли стали появляться на всѣхъ моряхъ, а смѣлость и терпѣніе ихъ матросовъ сдѣлали ихъ первыми мореходцами въ свѣтѣ. Они захватили въ свои руки Остъ- и Вестъ-Индскую торговлю и Амстердамъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Антверпенъ. Въ годъ заключенія перемирія съ Испанцами здѣсь былъ основанъ извѣстный вексельный банкъ, въ которомъ было въ нѣкоторое время больше наличныхъ денегъ, нежели въ какомъ нибудь изъ другихъ Европейскихъ банковъ, и который въ новѣйшее время пользуется кредитомъ въ той же силѣ.

Разумѣется, что реформація, доставившая соединеннымъ Нидерландамъ самобытность, сдѣлалась въ нихъ господствующею. Но едва только Нидерланды успѣли устранить противодѣйствіе католиковъ, какъ въ самой реформатской церкви родилось несогласіе касательно нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Поводомъ къ тому было ученіе о Божественномъ предопредѣленіи или предназначеніи и о человѣческой волѣ; о чемъ *Гомаръ* и *Арминій* представили различныя мнѣнія. Они оба были профессорами при Лейденскомъ университетѣ и вступили въ споръ тѣмъ болѣе жаркій, что ихъ различныя мнѣнія были высказаны весьма рѣзко. Такимъ образомъ возникли двѣ религіозныя партіи *Арминіанъ* и *Гома-*

ристовъ; такъ какъ первые подали правительству ремонстрацію, а послѣдніе выпустили контраремонстрацію, то одни называются также *ремонстрантами*, а другіе *контраремонстрантами*. Различествуя въ догматическихъ началахъ, эти партіи были также несогласны касательно церковнаго управленія и тогда какъ Гомаристы отвергали всякое вмѣшательство свѣтскаго правительства въ дѣла Церкви, Арминіяне предоставляли свѣтскому начальству право созывать духовныхъ, распоряжаться церковными дѣлами, предотвращать раздоры и заботиться о мирѣ. Большинство было на сторонѣ Гомаристовъ или контраремонстрантовъ и они настоятельно требовали созванія Собора. Такъ какъ Ольденъ Барневельдъ, имѣвшій въ то время въ республикѣ большое значеніе, какъ пенсіонеръ совѣта или Синдикъ Голландіи, принялъ сторону Арминіанъ, то Морицъ Оранскій присоединился къ партіи Гомаристовъ, надѣясь съ помощію ихъ избавиться отъ сего соперника. Такимъ образомъ религіозный споръ тотчасъ получилъ политическое значеніе. Морицъ вопреки желанію Барневельда настоялъ на томъ, чтобы былъ созванъ соборъ. Двадцать пятаго іюня 1618 года назначили соборъ въ Дортрехтѣ; предъ открытіемъ его, по повелѣнію принца Оранскаго, Ольденъ Барневельдъ и друзья его Гуго Гроцій и Гогербетсъ были арестованы. Открытый 13-го ноября соборъ былъ нѣкоторымъ образомъ вселенскимъ соборомъ кальвинской церкви потому что на немъ присутствовали не только Нидерландскіе проповѣдники, но были также депутаты изъ Швейцаріи, Германіи, Англіи и Шотландіи; не было только изъ Франціи, потому что Французское правительство не позволило гугенотамъ присутствовать на этомъ соборѣ. Президентомъ былъ избранъ Іоаннъ Богерманнъ, человѣкъ ограниченный, но ревностный Кальвинистъ; уже одно это избраніе показывало, что перевѣсъ былъ на сторонѣ Гомаристовъ или контраремонстрантовъ. Потому соборъ въ самомъ началѣ положилъ, что ремонстрантовъ нельзя считать членами собора и что соборъ созванъ не для диспутовъ или переговоровъ съ ними, но для того,

чтобы судить ихъ. Напрасно протестовали ремонстранты, они принуждены были удалиться и соборъ постановилъ, чтобы всѣхъ ихъ какъ ложныхъ учителей и еретиковъ, оставившихъ церковь, отрѣшить отъ мѣстъ и впредь никого не принимать ни въ какую должность, кто не приметъ и не подпишетъ опредѣленій собора. Генеральные Штаты подтвердили постановленіе собора и ремонстранты, не бывъ выслушаны, были осуждены. По утвержденіи стараго исповѣданія, 9-го мая 1619 года соборъ былъ закрытъ. Его опредѣленія были исполнены съ величайшею суровостію; двѣсти проповѣдниковъ и многіе учители были отрѣшены отъ мѣстъ, 80 было изгнано, а какъ не смотря на то Арминіянскія общества все еще держались и, скрываясь подобно своимъ предкамъ во времени Испанскаго владычества, собирались въ лѣсахъ, овинахъ и погребахъ, то по всей странѣ распространилось всеобщее преслѣдованіе ихъ. Это преслѣдованіе побудило многихъ Арминіянъ къ переселѣнію и большая часть ихъ поселилась въ Шлезвигѣ, гдѣ герцогъ Фридрихъ принялъ ихъ съ благосклонностію и гдѣ они выстроили Фридрихсштатъ.

Важнымъ слѣдствіемъ этого религіознаго спора было то, что онъ далъ жизнь двумъ политическимъ партіямъ, *партіи сословій* и *Оранской партіи*. Принцъ Оранскій имѣлъ штатгальтерское достоинство въ Голландіи, Зеландіи, Гельдернѣ, Утрехтѣ и Оберейсселѣ; двоюродный же братъ его Людовикъ Нассаускій былъ штатгальтеромъ Фрисландіи и Гренингена. Все устройство республики осталось въ прежнемъ видѣ, но такъ какъ теперь штатгальтеры управляли уже не во имя Короля, то спрашивалось, кому собственно должна принадлежать верховная власть. Въ слѣдствіе этого вопроса образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна, Оранская, старалась сдѣлать штатгальтерское достоинство наслѣдственнымъ и съ нимъ соединить верховную власть, другая же партія сословій предоставляла верховную власть Генеральнымъ Штатамъ, а штатгальтера считала чиновникомъ ихъ: главою этой партіи былъ

Голландскій пенсіонеръ совѣта *Іоаннъ Ольденъ Барневельдъ*. Съ упорствомъ защищая притязанія и права Генеральныхъ Штатовъ противъ принца Морица, Ольденъ Барневельдъ навлекъ на себя его ненависть и принцъ воспользовался религіознымъ раздоромъ для низверженія своего противника.

Хотя въ Англіи были всѣ тѣ причины, которыя въ другихъ странахъ породили реформацію и содѣйствовали ея распространенію, но сначала въ ней противъ реформаціи былъ лично вооруженъ самъ король Генрихъ VIII, и кромѣ того первый министръ его, кардиналъ Волсей, будучи духовнымъ, преслѣдовалъ ее по духу своего званія. Когда же католическая церковь воспротивилась желанію Короля развестись съ супругою Екатериною, то Генрихъ VIII со всею пылкостію своего характера обратился противъ католичества. Чтобы развестись съ Екатериною и сочетаться бракомъ съ Анною Болейнъ, Генрихъ VIII отторгъ Англію отъ повиновенія папскому престолу и сдѣлался *главою Церкви*. Хотя Генрихъ удерживалъ свое государство отъ реформаціи въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была произведена на континентѣ, но все-же его царствованіе въ слѣдствіе уничтоженія папскаго авторитета и конфискованія части церковныхъ имѣній открыло реформаціи путь въ Англію и приготовило здѣсь ея распространеніе. Генрихъ VIII умеръ 28-го января 1547 года, оставивъ двухъ дочерей, Марію и Елисаве-

ту, и сына Эдуарда, который ему и наслѣдовалъ *).

Отторгнувъ свое государство отъ повиновенія Папѣ, Генрихъ VIII сдѣлалъ для реформаціи только то, что проложилъ ей путь въ Англію; по смерти же его, при несовершенно-лѣтнемъ сынѣ его *Эдуардѣ VI*, духъ протестантизма развился во всей силѣ. Принявъ протестантское ученіе Англиканская церковь удержала впрочемъ прежнюю іерархію. Въ правленіе Эдуарда VI приняли другой видъ и отношенія Англіи къ Шотландіи; въ Шотландію также проникла реформація и мало по малу уничтожила національную ненависть, раздѣлявшую эти двѣ страны. Заботясь объ утвержденіи реформаціи Эдуардъ при опредѣленіи порядка престолонаслѣдія рѣшился обойти бывшую въ католичествѣ сестру Марію и передать корону Іоаннѣ Грей, но это произвело реакцію, въ слѣдствіе которой по смерти его на престолъ вступила Марія, а вмѣстѣ съ нею католическая церковь снова получила господство и какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи образовались двѣ взаимновраждебныя религіозныя партіи.

*) Главнѣйшій источникъ для исторіи Англійской реформаціи есть Gilbert Burnet's history of the reformation of the church of England. London, 1679—81, 2 тома. Новѣйшія обработыванія суть со стороны протестантовъ: Sharon Turner's hist. of the reign of Henry the VIII, comprising the political history of the commencement of English Reformation; и со стороны католиковъ John Lingard's history of England.

Эдуардъ VI вступилъ на престолъ только 10 лѣтъ; во главѣ регентства, въ рукахъ котораго было правленіе, стоялъ дядя его по матери, Эдуардъ Сеймуръ, бывшій Герцогомъ Сомерсетскимъ. Герцогъ Сомерсетскій былъ рѣшительно преданъ реформаціи и потому овладѣвъ, подъ титуломъ протектора, дѣлами правленія, тотчасъ началъ уничтожать церковныя постановленія предшествовавшаго короля, и, подъ руководствомъ архіепископа Кранмера, производилъ въ Англиканской церкви перемѣны, все болѣе и болѣе удалявшія ее отъ католической и приближавшія къ протестантской. Прежняя служба была замѣнена литургіею, которая совершалась уже не на Латинскомъ, но на Англійскомъ языкѣ, священникамъ позволено вступать въ бракъ и введено причащеніе подъ обоими видами. Іерархія же удержала тотъ самый видъ и то же устройство, которое получила отъ старой церкви: во главѣ Англиканской церкви стоялъ Король; клиръ составляли 2 архіепископа, 24 епископа, имѣвшіе въ тоже время мѣсто и голосъ въ верхней палатѣ парламента, значительное число архидіаконовъ и діаконовъ и 10000 священниковъ, которые всѣ были надѣлены богатыми приходами.

Со времени Эдуарда VI отношенія Англіи къ Шотландіи начинаютъ пріобрѣтать большее и большее значеніе, потому-что теперь наступило время, когда этимъ странамъ, столь долгое время составлявшимъ отдѣльныя государства и находившимся въ постоянной враждѣ, надлежало соединиться. Шотландія во все продолженіе среднихъ вѣковъ поддерживала Французовъ противъ Англіи и эта политика: союзомъ съ Франціею составлять противовѣсіе могуществу Англіи, сдѣлалась наслѣдственною въ домѣ Стюартовъ. Хотя Король Шотландскій, Іаковъ IV, царствовавшій отъ 1488 до 1513 года, сочетался бракомъ съ Маргаритою, сестрою Генриха VIII, однако онъ не уклонялся отъ своей фамильной политики, сынъ же его Іаковъ V, вступивъ въ бракъ съ Маріею, дочерью Герцога Гиза, снова вступилъ въ прямой родственный союзъ съ Франціею. Онъ умеръ 8-го декабря 1542 года и оста-

вилъ послѣ себя единственную дочь Марію Стюартъ, которая родилась за семь дней до его смерти. Генрихъ VIII тотчасъ же составилъ планъ, женивъ на Маріи сына своего Эдуарда, соединить оба государства и, не щадя ни денегъ, ни обѣщаній, успѣлъ склонить на свою сторону Шотландскихъ вельможъ. Выгоды этого союза были дѣйствительно явны, потому что Эдуардъ и Марія по лѣтамъ составляли прекрасную чету, а между тѣмъ Шотландцы въ слѣдствіе этого брака вступали въ хорошія отношенія съ могущественною Англіею и могли надѣяться на непрерывный миръ и усиленіе своего могущества. Такимъ образомъ 25-го августа 1543 года былъ заключенъ договоръ, который рѣшилъ бракъ Маріи съ Эдуардомъ. Но противъ этого договора, при помощи ревностныхъ католиковъ, возсталъ кардиналъ Битонъ; онъ представилъ настоящее положеніе дѣлъ и будущую зависимость Шотландіи отъ Англіи въ столь мрачномъ видѣ, что спустя восемь дней по заключеніи договора, правитель государства Графъ Аранскій уничтожилъ этотъ договоръ и возобновилъ союзъ съ Франціею. Чтобы отмстить за нарушеніе даннаго слова, въ маѣ 1544 года къ Эдинбургу двинулось Англійское войско; однакожъ Генрихъ не могъ возстановить договора. Между тѣмъ кардиналъ Битонъ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы удержать Шотландію отъ реформаціи и поддержать старый союзъ съ Франціею, 29-го мая 1546 года въ Сентъ-Андрюсѣ былъ убитъ *). Такъ какъ смерть его уничтожила главное препятствіе къ исполненію плановъ Англіи, то протекторъ Англіи, Герцогъ Сомерсетскій, возобновилъ переговоры; онъ

*) Причиною убіенія кардинала была ненависть къ нему протестантовъ, возбужденная его жестокими преслѣдованіями, и въ особенности месть за вѣроломное убіеніе протестантскаго проповѣдника *Георга Вижарда*. По словамъ *Іоанна Днокса* hist. of the reform. p. 65 одинъ изъ убійцъ, Іоаннъ Мельвиль, сказалъ кардиналу: Before the Almighty I protest, that it is neither hatred of thy person, nor love of thy riches, nor fear of thy power, which moves me to seek thy death; but only because thou hast been and still remainest an obstined enemy to Christ Jesus and his holy gospel.

предложилъ даже, чтобы Марія Стюартъ воспитывалась въ Шотландіи и, достигнувъ совершеннолѣтія, сама избрала себѣ супруга по совѣту своихъ дворянъ, только до того времени не оказывала бы предпочтенія никакому другому принцу. Сначала Шотландцы согласились на это предложеніе, но вскорѣ партія, видѣвшая въ соединеніи съ Англіею утрату своей свободы и паденіе вѣры, одержала верхъ. Теперь Герцогъ Сомерсетскій употребилъ силу. Призываемый приверженцами Англичанъ и протестантизма, онъ съ войскомъ двинулся въ Шотландію и 10-го сентября 1547 года при Пинкей одержалъ надъ Шотландцами побѣду. Впрочемъ эта побѣда не произвела ожидаемыхъ слѣдствій; Шотландцамъ помогли Французы и въ слѣдующемъ году Марія Стюартъ была послана во Францію, гдѣ воспитывалась и въ послѣдствіи вышла за-мужъ за Дофина Франца.

По возвращеніи изъ Шотландіи Герцогъ Сомерсетскій увидѣлъ, что враждебная ему партія, во главѣ которой стоялъ Іоаннъ Дудлей Графъ Варвикъ, такъ поколебала его могущество, что онъ уже не въ состояніи былъ держаться на своемъ мѣстѣ. Поэтому 14-го октября 1549 года онъ сложилъ съ себя регентство, и бразды правленія перешли въ руки честолюбиваго Графа Варвикскаго, который принялъ достоинство Герцога Нортумберландскаго. Новый герцогъ старался всѣми мѣрами утвердить свое могущество; истреблялъ всѣхъ кого только считалъ для себя опаснымъ; въ числѣ казненныхъ былъ и прежній протекторъ, герцогъ Сомерсетскій. Герцогъ Нортумберландскій обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и съ такимъ искуствомъ повелъ это дѣло, что самъ Король убѣдился въ винѣ своего дяди и велѣлъ исполнить приговоръ его къ смерти. Герцога Сомерсетскаго казнили 22-го января 1552 года; онъ умеръ съ большою твердостію и преданностію судьбѣ. Освободясь отъ своихъ враговъ, или подавивъ ихъ страхомъ, Герцогъ Нортумберландскій созвалъ парламентъ, въ которомъ большее число депутатовъ со-

ставляли зависимые отъ него и совершенно преданные ему люди. Надѣясь на ихъ содѣйствіе честолюбивый герцогъ вознамѣрился утвердить порядокъ престолонаслѣдія такъ, чтобы возвести на престолъ свою фамилію. Въ это время надобно было разсмотрѣть и рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи, потому что Король Эдуардъ VI видимо клонился къ смерти. Генрихъ VIII завѣщалъ престолъ послѣ Эдуарда дочерямъ своимъ Маріи и Елисаветѣ, а послѣ ихъ потомкамъ младшей сестры своей Маріи; потомство же старшей сестры его Маргариты было совершенно обойдено *). Герцогъ же Нортумберландскій старался убѣдить молодаго Короля, что нетерпимость Маріи необходимо требуетъ не допускать ее до престола, потому что иначе она разрушитъ все дѣло реформаціи; а чтобы оправдать этотъ поступокъ, то онъ совѣтовалъ той же участи подвергнуть и сведенную сестру ея Елисавету; въ этомъ случаѣ законною наслѣдницею оставалась Іоанна Грей, внучка Генриха VIII, по младшей сестрѣ его Маріи. Герцогъ Нортумберландскій сочеталъ Іоанну бракомъ съ однимъ изъ сыновей своихъ, Гильфордомъ Дудлеемъ, и такимъ образомъ, стараясь о возведеніи ея на престолъ, дѣйствовалъ въ пользу своего собственнаго дома. Молодой Король согласился на представленіе Герцога Нортумберландскаго, имѣвшаго на него сильное вліяніе, и 11-го іюня 1553 года объявилъ Іоанну Грей своею наслѣдницею; хотя сначала мно-

*) Слѣдующая генеалогическая таблица показываетъ ихъ родственныя отношенія:

Генрихъ VII

Генрихъ VIII.	*Маргарита,*	*Марія,*
Марія, Елисавета, Эдуардъ VI.	бывшая за Іаковомъ IV Шотландскимъ	супр. Герцога Суффокскаго
	Іаковъ V.	*Франциска* супруга Генриха Грея
	Марія Стюартъ.	*Іоанна Грей.*

гіе изъ сильныхъ сановниковъ противились этому и утверждали, что король безъ согласія парламента не имѣетъ права измѣнять порядка престолонаслѣдія, однако-же Король настоялъ на своемъ, судьи, члены тайнаго совѣта и, послѣ продолжительнаго сопротивленія, самъ Кранмеръ **) признали Іоанну Грей наслѣдницею престола. При такомъ положеніи дѣлъ 6-го іюля 1553 года умеръ Эдуардъ VI и Герцогъ тотчасъ приступилъ къ исполненію своего плана. Іоанну въ высшей степени поразили слова отца и тестя, когда они поздравили ее съ королевскимъ достоинствомъ, потому что все было сдѣлано безъ ея вѣдома. Она была 16-ти лѣтъ и отличалась необыкновенною красотою, была образована такъ, какъ рѣдко бываетъ въ ея полѣ; она въ подлинникѣ читала и понимала Платона. Будучи менѣе привлекаема прелестями короны, нежели устрашаема соединенными съ нею опасностями, Іоанна отказывалась отъ нея и не прежде согласилась какъ по настойчивомъ требованіи родственниковъ и по объявленіи главныхъ судей, что она не только имѣетъ право, но обязана вступить на престолъ; 9-го іюля ей присягнула лейбъ-гвардія и чины, 10-го для нея былъ занятъ Тауэръ и обнародованы права ея на престолъ, равно какъ и причины удаленія отъ него Маріи. Но при этомъ смѣломъ поступкѣ Герцогъ Нортумберландскій упустилъ изъ виду самое необходимое, именно захватить принцессъ Марію и Елисавету. Марія тотчасъ явилась съ притязаніями и, давъ обѣщаніе ничего не измѣнять въ установленномъ устройствѣ церкви, привлекла на свою сторону жителей Норфока; кромѣ того сестра ея Елисавета присоединила еще къ ней всѣхъ своихъ приверженцевъ, потому что, защищая права Маріи, она защищала и свои собственныя. Въ это время, какъ Герцогъ Нортумберландскій со своими

**) Thuan. lib. XIII, 347: Thomas Cranmerus, Cantuariensis archiepiscopus, in aulam accersitur, ut subscribat; quod primo recusavit, legitimae successionis jus violari neutiquam aequum existimans, sed in familiare colloquium regis decumbentis admissus, cum ille urgeret, et religionis periculum ante oculos poneret, post longam disceptationem assensum et ipse praebuit.

приверженцами шелъ противъ Маріи, отъ него не только отпалъ Лондонъ, но и тайный совѣтъ провозгласилъ королевою Марію и требовалъ, чтобы Іоанна сложила съ себя корону. Іоанна повиновалась безъ малѣйшаго замедленія, потому что она приняла корону, только уступая честолюбію другихъ. Послѣ этого и Герцогъ Нортумберландскій призналъ королевою Марію, но его раскаяніе было уже поздно, его вмѣстѣ съ Іоанною и многими другими взяли подъ стражу. Третьяго августа Королева Марія вступила въ Лондонъ и католики торжествовали начало ея правленія, питая радостную надежду, что она возстановитъ на островѣ католическую церковь. Герцогъ Нортумберландскій со старшимъ сыномъ своимъ и четырьмя другими сообщниками 22-го августа 1553 года были казнены; хотя Іоанну также приговорили къ смерти, но Королева не велѣла приводить этого приговора въ исполненіе, а приказала держать ее вмѣстѣ съ мужемъ подъ стражею. Въ скоромъ времени Марія открыла предъ всѣми свою душу. Нарушивъ данное слово, она съ слѣпою ревностію начала возстановлять католическую церковь и въ парламентѣ нашла готовность съ обыкновенною покорностію содѣйствовать исполненію ея воли. Всѣ законы Эдуарда VI были уничтожены частію тѣми же самыми лицами, которые съ жаромъ содѣйствовали ихъ утвержденію, многіе, не хотѣвшіе покориться реакціи, принуждены были бѣжать или попались въ заключеніе *). Между заключенными замѣчательнѣйшимъ лицемъ былъ Архіепископъ Крапмеръ. Всеобщее негодованіе, произведенное такими дѣйствіями Королевы, еще бо-

*) Между иностранными учеными, которые дѣйствовали въ Англіи въ пользу реформаціи, замѣчательнѣйшимъ былъ *Петръ Мартиръ Вермилл.* Thuan. lib. XIII. p. 365: De Vermilio aliquandiu disceptatum est in senatu, an idem de eo, quod de ceteris judicium haberetur, quod ille multum damni religioni dedisse diceretur. Sed itum est in eam sententiam, ut quia publica fide in Angliam venerat, cum suis incolumis dimitteretur. Itaque publicis litteris acceptis manu reginae subscriptis Antverpiam, et inde Coloniam, ac postremo Argentoratum, unde profectus erat, se contulit.

лѣе усилилось, когда Марія обручилась съ сыномъ Карла V, Филиппомъ, и въ 1554 году дѣйствительно сочеталась съ нимъ бракомъ. Въ слѣдствіе этого брака съ противнымъ народу принцемъ, котораго уже тогда знали, какъ упорнѣйшаго противника всѣхъ нововведеній, происходили многія народныя возстанія, подавленныя большими кровопролитіями и подавшія поводъ ко многимъ казнямъ. Въ это время была казнена вмѣстѣ съ мужемъ и Іоанна Грей. Она претерпѣла смерть 12-го февраля 1554 года съ величайшею твердостію и на эшафотѣ объявила себя достойною своей несчастной участи, за то, что не сильнѣе противилась возведенію себя на престолъ и тѣмъ нарушила спокойствіе и порядокъ въ государствѣ. Королева охотно бы погубила вмѣстѣ съ своими врагами и свою сестру Елисавету, чтобы, въ случаѣ, если сама не оставитъ по себѣ наслѣдниковъ, утвердить престолъ за католичкою Маріею Стюартъ, но Елисавета и въ заключеніи вела себя такъ умно и осторожно, что самые ревностнѣйшіе католики не находили причинъ къ обвиненію ея. Самъ Филиппъ принялъ ея сторону, частію по чувству справедливости, частію боясь возстанія, частію же опасаясь того, что Марія Стюартъ, сдѣлавшись въ одно время королевою Франціи, Англіи и Шотландіи, будетъ въ состояніи выставить большія силы противъ Испанской монархіи, бывшей тогда въ постоянномъ соперничествѣ съ Франціею. Потому 19-го мая 1554 года Елисавету освободили изъ подъ стражи, хотя все еще содержали подъ строгимъ надзоромъ. Намѣреніе Маріи освободиться отъ нея, выдавъ ее за какого-либо иностранца, не исполнилось, потому что она упорно противилась этому.

Между тѣмъ въ Англію прибылъ папскій легатъ кардиналъ Поль, Англійскій уроженецъ и родственникъ королевскаго дома; въ сентября 1554 года былъ созванъ парламентъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія для примиренія съ Папою. Такъ какъ католики отказывались отъ конфискованныхъ церковныхъ имѣній и старались только настоять на

возстановленіи папскаго авторитета, то все дѣло кончилось легче, нежели думали. Двадцать четвертаго декабря кардиналъ Поль разрѣшилъ Англичанъ отъ проклятія и принялъ ихъ въ лоно католической церкви. Казалось, что эта столь важная перемѣна произошла со всеобщаго согласія; но внимательный наблюдатель могъ замѣтить, что въ глубинѣ сердецъ таилось упорство (*). Властители-же, занятые своимъ торжествомъ, не замѣчали этого и думали, что теперь они могутъ дѣйствовать свободно. Они положили совершенно истребить противную партію. Въ слѣдствіе этого намѣренія, на что впрочемъ изъявила согласіе и Марія съ своимъ мужемъ, начались жесточайшія преслѣдованія и кто отказывался подписывать предлагаемые догматы вѣры, того безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій осуждали. Этими изслѣдованіями, которые по своей жестокости имѣютъ мало себѣ подобныхъ въ Исторіи, управляли епископы Гардинеръ и Боннеръ.

Въ числѣ многихъ отличнѣйшихъ мужей, погибшихъ въ это время на кострѣ, былъ также и архіепископъ Кранмеръ, глава Англійской протестантской церкви. Сначала его щадили не съ тѣмъ, чтобы спасти, но чтобы обратить его къ старой церкви. Дѣйствительно различныя обѣщанія довели старца до того, что онъ рѣшился подписать отреченіе, въ которомъ принималъ многіе пункты католическаго ученія и раскаявался въ своихъ заблужденіяхъ и поступкахъ. Склонивъ его къ отреченію, ему написали рѣчь, которую онъ долженъ былъ публично прочитать въ церкви. Враги его радовались случаю помрачить славу мужа, который своею ученостію, честностію и кротостію пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе; они радовались тѣмъ болѣе, что не думали пощадить его, но и его равнымъ образомъ намѣревались сжечь на кострѣ. Но вдругъ они увидѣли, что радость ихъ была напрасна, когда

*) Въ одной реляціи, относящейся къ 1556-му году, Венеціанскій посланникъ *Микели* говоритъ: Nell' intrinseco gli animi sono più che mai alterati, ma non ardiscano di mostrarsi per la paura che hanno della perdita della vita e delli beni.

Кранмеръ 24-го февраля 1556 года въ церкви, вмѣсто чтенія написанной ему рѣчи, громко сталъ обвинять себя, что въ минуту слабости и страха смерти отказался отъ истины и подписалъ отреченіе. Послѣ этого Кранмеръ 21-го марта былъ сожженъ. Взойдя на костеръ, онъ прежде всего положилъ въ огонь свою правую руку, которою подписалъ отреченіе, и мужественною смертію смылъ съ себя пятно прежней слабости. Уже одни эти жестокости со дня на день дѣлали правительство ненавистнѣе, но политическія дѣйствія его еще болѣе усиливали народное негодованіе. Марія изъ угожденія своему супругу, находившемуся тогда въ войнѣ съ Франціею, также объявила войну этой державѣ и, не имѣя средствъ вести ее, насильственно собрала съ народа большія суммы. Не смотря на то однакоже у Англичанъ былъ отнятъ Кале, единственное владѣніе, удержанное ими изъ всѣхъ завоеваній во Франціи; городъ былъ взятъ 2-го сентября 1558 года Французомъ Гизомъ. Эта потеря увеличила раздражительность Королевы и она, обремененная разнаго рода заботами, наконецъ изнемогла подъ тягостію ихъ и умерла 17-го ноября 1558 года. Въ одинъ день съ нею умеръ и кардиналъ Поль, преемникъ Кранмера въ достоинствѣ архіепископа Кентербурійскаго; такимъ образомъ въ одно время упразднились и могли принять новыя начала королевскій престолъ и высшее духовное мѣсто въ королевствѣ.

По смерти Маріи для замѣщенія престола каждая партія представила свою кандидатку: католики *Марію Стюартъ*, а протестанты *Елисавету*. Но между тѣмъ какъ Елисавета съ согласія большей части народа овладѣла престоломъ и утверждала свою власть возстановленіемъ протестантства, равно какъ своею мудростію и умѣренностію, соперница ея, Марія Стюартъ, возвратясь

по смерти своего перваго супруга Франца II, Короля Французскаго, въ Шотландію, своимъ легкомысліемъ и приверженностію къ католической Церкви поставила себя въ опасное положеніе. По своей собственной винѣ, она принуждена была предать свою судьбу въ руки своей соперницы. Изгнанная своими подданными и обвиненная въ тяжкихъ преступленіяхъ, несчастная Королева Шотландская искала у Елисаветы защиты и помощи, но вмѣсто того нашла строгій судъ. Будучи по повелѣнію Елисаветы взята подъ стражу, Марія, волнуемая страстями, для освобожденія себя отъ этого, по ея мнѣнію, неправедливаго заключенія, хотѣла возмутить принимавшихъ въ ней участіе католиковъ и чрезъ это сдѣлалась столь опасною для своей соперницы, что той для сохраненія государственнаго спокойствія и для своей личной безопасности оставалось только одно средство, лишить ее жизни. Соперничество обѣихъ Королевъ кончилось тѣмъ, что Марія въ февралѣ 1587 года погибла подъ сѣкирою палача. Въ правленіе Елисаветы протестантство какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи, пустило глубокіе корни. Если сравнить жалкое положеніе Англіи, въ которомъ Елисавета нашла ее при своемъ вступленіи, съ могуществомъ и благосостояніемъ, въ которомъ она оставила ее, то легко убѣдиться, что Англичане справедливо до сихъ поръ съ бла-

годарностію и уваженіемъ сохраняютъ память о ея правительственныхъ талантахъ, о ея мужескомъ умѣ и благородномъ характерѣ (*).

Въ царствованіе Маріи протестанты, угнетаемые преслѣдованіями, взирали на Елисавету съ тихою надеждою, по смерти же Маріи съ громкимъ торжествомъ провозгласили ее королевою. Двадцать третьяго ноября она въѣхала въ Лондонъ. При избраніи своихъ совѣтниковъ Елисавета тотчасъ показала свой проницательный умъ, назначивъ своими министрами Николая Бекона, Франца Валсингама и Вилліама Сесиля, возведеннаго ею въ достоинство Барона Бурглей,—мужей, которые своею безкорыстною ревностію и знаніемъ государственныхъ дѣлъ вполнѣ заслуживали ея довѣріе.

Первымъ дѣломъ, которое надлежало рѣшить Елисаветѣ, было сдѣланное ей предложеніе на вступленіе въ бракъ: ей предложилъ свою руку Филиппъ II, Король Испанскій. Но этотъ союзъ требовалъ совершенной приверженности къ католичеству. Елисавета же, видя, что любовь, съ которою она была принята при вступленіи на престолъ большею частію Англичанъ, имѣла главнымъ своимъ основаніемъ надежду на возстановленіе протестантства, не хотѣла играть расположеніемъ къ себѣ народа и неоправдать всеобщей надежды. Потому, отблагодаривъ Короля Испанскаго за предложеніе, она съ большою учтивостію дала ему отрицательный отвѣтъ. Двадцать пятаго января 1559 года собрался парламентъ и вручилъ Королевѣ верховную власть надъ церковію. Для исполненія церковныхъ дѣлъ Елисавета учредила духовный судъ Court of high Commission и, пользуясь своею духовною вла-

*) Главнымъ источникомъ для исторіи правленія Елисаветы все еще остается Cambdeni Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elisabetha. Londin. 1675. — О соперничествѣ Елисаветы съ Маріею Стюартъ см. Die Königinnen Elisabeth und Maria Stuart, nach den Quellen im Brittischen Museum und Reichs-Archiv von Fr. v. Raumer. Leipzig, 1836.

стію, съ большою осторожностію опять стала вводить въ церкви преобразованія, уничтоженныя ея предшественницею. Втораго апрѣля 1559 года она заключила миръ съ Франціею; къ этому миру приступили Марія Стюартъ и ея мужъ Францъ; впрочемъ Марія не отказывалась отъ своихъ притязаній и потому этотъ пунктъ, равно какъ и многіе другіе, касавшіеся Шотландіи, было положено разсмотрѣть еще точнѣе и, что можно, рѣшить мирнымъ образомъ.

При Французскомъ дворѣ на Шотландію смотрѣли какъ на Французскую провинцію и Гизы, которыхъ сестра Марія была правительницею Шотландіи, употребляли всѣ мѣры, чтобы силою истребить проникшія туда начала реформаціи. Но это было не такъ легко, особенно когда явился Джонъ Дноксъ, давшій Шотландской реформаціи прочное основаніе и опредѣленное направленіе (*). Дноксъ родился въ 1505 году, учился въ Глазговѣ, и чтеніемъ Библіи былъ доведенъ до протестантства. Учась у Кальвина, онъ усвоилъ его начала и держался ихъ строже самаго Кальвина. При своей желѣзной волѣ и непоколебимой вѣрѣ въ Бога, онъ не увлекался ни какими мірскими интересами; но, не получивъ философскаго образованія, ввелъ въ свои начала много предразсудковъ; свой индивидуальный характеръ онъ сообщилъ и новой церкви. Отличительными чертами Шотландской церкви были: въ высшей степени строгая нравственность, необыкновенная страсть къ преслѣдованіямъ и упорнѣйшее сопротивленіе всякому вмѣшательству государства въ дѣла церкви. Дноксъ долженъ былъ бороться съ величайшими несчастіями. Такъ какъ онъ одобрялъ убіеніе Битона, то его 19 мѣсяцевъ, до февраля 1549 года, держали на Французскихъ

*) Leben des Schottishen Reformators Johann Knox, mit einem Abrisse der Schottishen Reformationsgeschischte von S. Th. M'Crie, übersetzt und in Auszug gebracht von J. G. Plank. Göttingen, 1817. Для исторіи Шотландіи все еще сохраняетъ классическое достоинство Buchanani rerum Scoticarum historia. Amstelod. 1697, Новѣйшая и лучшая исторія Шотландіи есть: Tytler's history of Scotland.

галерахъ; получивъ свободу, онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Женевѣ и Англіи. Возвратясь въ 1555 году въ Шотландію, онъ соединился тамъ реформатовъ такъ называемымъ Covenant или союзомъ, которымъ они обязывались, не щадя жизни, распространять истинное слово Божіе и истреблять католичество. Впрочемъ, видя себя въ Шотландіи не безопаснымъ, онъ въ 1556 году во второй разъ оставилъ свое отечество; но и въ удаленіи имѣлъ сношенія со своею партіею, и лишь только обстоятельства сдѣлались по видимому для него благопріятнѣе, то онъ въ маѣ 1559 года смѣло возвратился. Одиннадцатаго мая онъ въ Пертѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, говорилъ проповѣдь и позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки противъ католическаго богослуженія и почитанія иконъ. Произведенное имъ волненіе дошло до страшнаго иконоборства, которое въ короткое время распространилось по большей части государства; мятежники разграбили церкви и разрушили 260 монастырей. Джоксъ не только не препятствовалъ совершенію этихъ преступленій, но еще говорилъ, что по разореніи гнѣздъ не слетятся и вороны. Правительница, будучи въ то время не въ состояніи силою удержать нововводителей, успокоила ихъ договоромъ, которымъ реформатамъ представлялась религіозная свобода; получивъ же вспомоществованіе отъ Французовъ, она тотчасъ нарушила договоръ. Это вѣроломство произвело второе возстаніе на бо̀льшемъ пространствѣ, нежели первое, и для укрощенія его снова надобно было допустить свободу въ исповѣданіи вѣры. Въ это время Шотландскіе реформаты получили сильнаго свѣтскаго главу въ *Іаковѣ*, пріорѣ Сентъ-Андрюскомъ, незаконномъ сынѣ Короля Іакова V, слѣдовательно сведеномъ братѣ Королевы Маріи Стюартъ. Обѣ партіи согласно признаютъ въ этомъ мужѣ необыкновенныя дарованія, но различно судятъ о побужденіяхъ, изъ которыхъ проистекали всѣ его дѣйствія; протестанты видятъ въ немъ мужа, одушевленнаго любовію къ религіи и свободѣ; католики же приписываютъ ему необузданное честолюбіе и утверждаютъ, что онъ не презиралъ никакого сред-

ства, чтобы только покорить королевство своему произволу. Когда Правительница во второй разъ нарушила свое слово, то Шотландцы принялись за дѣло смѣлѣе и рѣшительнѣе; бароны, реформатское духовенство, депутаты городовъ и деревень соединились подъ названіемъ: «*дворянство и общины Шотландской церкви*» и 23-го октября 1559 года объявили Правительницу низложенною. Впрочемъ произнести этотъ приговоръ было легче, нежели привести его въ исполненіе; по этому враги Правительницы просили помощи у Елисаветы и, чтобы привлечь ее къ себѣ, приняли на время Англійскую литургію. Хотя Елисавета не желала имѣть дѣла съ Шотландскими мятежниками, но убѣдясь, что успѣхи Англійской реформаціи тѣсно соединены съ успѣхами реформаціи въ Шотландіи, согласилась на ихъ просьбу. Королевѣ представили, что Французы уже теперь утвердились въ Шотландіи, и что если имъ дадутъ спокойно тамъ продолжать свои дѣйствія, то они, покоривъ Шотландію, обратятся и на Англію, чтобы возвести на Англійскій престолъ Марію Стюартъ. Припявъ все это въ соображеніе, Елисавета 27-го февраля 1560 года заключила съ недовольными Шотландцами слѣдующій договоръ: Англичане обѣщали подать Шотландцамъ помощь для возстановленія ихъ прежнихъ правъ и для удаленія Французскаго войска, Шотландцы же обязывались во всемъ быть вѣрными и покорными Королевѣ Маріи Стюартъ и ея супругу и не нарушать ихъ законныхъ правъ. Вмѣшательство Елисаветы въ дѣла Шотландіи произвело при Французскомъ дворѣ величайшее негодованіе, но такъ какъ тамъ образовались различныя партіи, борепіе которыхъ повергло Францію на долгое время въ слабость и нищету, то Франція не могла сдѣлать ничего рѣшительнаго для Шотландіи. Между тѣмъ 11-го іюня 1560 года умерла Шотландская Правительница, что весьма облегчило положеніе Королевы Елисаветы относительно Шотландіи. Спустя три недѣли по смерти Маріи Гизъ, союзные Шотландцы и Елисавета 8-го іюля въ Эдинбургѣ заключили съ Французскими уполномоченными и намѣстниками Маріи Стюартъ до-

говоръ, по которому было положено: чтобы Французское войско въ продолженіе 20 дней оставило Шотландію и всѣ иностранцы были бы отрѣшены отъ государственныхъ должностей; чтобы съ наступленіемъ августа собрался парламентъ для устроенія религіозныхъ дѣлъ и принятія нужныхъ мѣръ для управленія государствомъ въ отсутствіе ихъ Королевскихъ Величествъ и чтобы впредь безъ согласія парламента нельзя было ни начинать войны, ни заключать мира. При заключеніи договора Елисавета не упустила изъ виду и своихъ собственныхъ интересовъ, она ввела въ него одинъ пунктъ, которымъ Король Францъ и супруга его Марія Стюартъ обязывались сложить съ себя титулъ и гербъ королевскаго достоинства въ Англіи и Ирландіи.

Въ день, назначенный Эдинбургскимъ договоромъ, т. е. 1-го августа 1560 года, собрался Шотландскій парламентъ и такъ какъ большинство въ этомъ собраніи составляли реформаты, то въ немъ никто не осмѣлился защищать старой церкви. Парламентъ торжественно уничтожилъ католическое богослуженіе и прервалъ всякое сношеніе съ Папою. Получивъ перевѣсъ, реформаты въ свою очередь тотчасъ явились притѣснителями противной партіи, постановивъ: чтобы всякаго, кто впредь будетъ служить или слушать обѣдню, лишать имѣнія, сдѣлавшаго же это во второй разъ, подвергать тѣлесному наказанію, а въ третій продавать казни. Теперь въ Шотландіи ввели новое церковное устройство, называемое пресвитеріанскимъ. Всѣ степени духовной іерархіи были отмѣнены, каждая община сама избирала себѣ проповѣдника, а эти проповѣдники для управленія церковными дѣлами составляли общіе или провинціальные синоды. Касательно обрядовъ приняли правило Кальвина, по которому совершенно уничтожилась всякая пышность и всѣ церемоніи, дѣйствовавшія на чувства. Ненависть къ католической вѣрѣ и страсть какъ можно болѣе уклоняться отъ нея дошла до того, что реформаты положили разрушить всѣ аббатства, монастыри и монастырскія церкви, католическія би-

бліотеки, произведенія искусствъ и даже могилы, такъ что все, спасенное прежде отъ ярости иконоборцевъ, было уничтожено теперь этимъ закономъ. Французскій дворъ весьма негодовалъ на распоряженія парламента; Королева не принимала ихъ и не хотѣла утвердить Эдинбургскаго договора. Мало по малу открывалось, что Франція намѣревается послать въ Шотландію Французское войско, чтобы силою дать Шотландскимъ дѣламъ другой оборотъ. Но вдругъ одно происшествіе разрушило этотъ планъ и произвело въ положеніи дѣлъ существенную перемѣну; 5-го декабря 1560 года неожиданно умеръ Король Францъ II. Вдова его Марія Стюартъ опять осталась съ одною Шотландіею и на Францію могла смотрѣть только какъ на союзную державу. Слѣдствія смерти Франца были чувствительны и для Елисаветы: она потеряла союзника въ Филиппѣ II, который присоединился теперь къ ея непріятелямъ. Хотя Марія Стюартъ по смерти своего супруга лишилась прежняго уваженія при Французскомъ дворѣ, но, не смотря на то, такъ была расположена къ Франціи, что не хотѣла возвратиться въ Шотландію и только убѣжденная представленіями своихъ дядей Гизовъ, согласилась явиться тамъ Королевою. Вмѣсто того, чтобы вступить съ Елисаветою въ дружественныя отношенія, она вовсе отказалась на пути заѣхать въ Англію, *) но отправилась моремъ прямо въ Шотландію, гдѣ вышла на берегъ 19-го августа 1561 года. Такимъ образомъ на островѣ явились двѣ соперницы, изъ которыхъ одна была королевою всѣхъ протестантовъ въ Англіи и Шотландіи другая же королевою всѣхъ католиковъ обоихъ государствъ. Марія, слѣдуя совѣтамъ своего сведенаго брата, возведеннаго въ достоинство Графа Муррея, поручила высшія должности протестантамъ и сначала были ею довольны; когда же она потребовала, чтобы для нея со-

*) Это было тѣмъ удивительнѣе, что Елисавета, какъ говоритъ Туанъ, (кн, XXIX, стр. 171), велѣла сказать ей: Si per Anglam transire vellet, nullum ejus officium desideraturam, idque Anglam pro summo beneficio habituram; sin congressum declinaret, contumeliae loco accepturam.

вершалось католическое богослуженіе и 24-го августа дѣйствительно велѣла во дворцѣ отслужить обѣдню, то пресвитеріанцы толпою вломились во дворецъ и силою воспрепятствовали исполненію ея желанія; переломали восковыя свѣчи и можетъ быть позволили бы себѣ еще бо́льшія безчинства, если бы Королева не получила помощи. Нетерпимость пресвитеріанцевъ достигла такой степени, что, по мнѣнію Дюкса, католическая обѣдня была опаснѣе для страны, нежели 10000 непріятелей. Напрасно Марія хотѣла привлечь къ себѣ этого страшнаго ревнителя протестантизма милостивымъ прощеніемъ и послѣ этой неудачи столь же безуспѣшно старалась погубить его обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ; ея ласкательствамъ противился суровый и строгій правъ реформатора, а возносимое ею преступленіе Дюксъ отклонилъ отъ себя оправданіемъ. Возникавшій разрывъ Маріи съ реформатскимъ духовенствомъ былъ болѣе усиленъ извѣстіемъ, что дядя ея, Кардиналъ Лотарингскій, представилъ на Тридентскій Соборъ ея грамоту, въ которой она признавала Соборъ дѣйствительнымъ и обѣщала Папѣ должное повиновеніе не только со стороны Шотландіи, но и Англіи, если только будетъ тамъ наслѣдницею престола. Марія во всякомъ случаѣ имѣла послѣ Елисаветы ближайшее право на Англійскій престолъ и потому Англійскіе протестанты, для избѣжанія опасности вступить подъ власть католической принцессы, считали необходимымъ, чтобы королева ихъ вступила въ бракъ; Елисавета же, не смотря на то, что многіе искали руки ея, никому не рѣшилась отдать ее. Между тѣмъ какъ Марія Стюартъ не могла держаться въ Шотландіи, и должна была бѣжать въ Англію, гдѣ оставалась, до смерти на эшафотѣ 16-го февраля 1587 года, подъ стражею, ея соперница Елисавета управляла Англіею до глубокой старости съ мудростью и славою. Она умерла 3-го апрѣля 1603 года и съ нею угасъ домъ Тудоровъ. Ей наслѣдовалъ Іаковъ, сынъ Маріи Стюартъ, который, достигнувъ Англійскаго престола, соединилъ на себѣ Шотландскую, Англійскую и Ирландскую короны.

Ни при одномъ дворѣ въ то время не было такой образованности и нравственности, какъ при дворѣ дѣвственной Королевы; занимаясь сама науками, она поощряла ихъ и содѣйствовала имъ по всему своему государству. Англійская литература въ ея правленіе достигла цвѣтущаго состоянія, а Англійскій языкъ пріобрѣлъ силу и правильность. Въ это время явились два писателя, имѣющіе историческое значеніе, именно: *Францъ Бекьнъ* (Bacon), отецъ эмпирической философіи, и *Виллі-амъ Шекспиръ*, творецъ романтической драмы. Бекьнь родился въ 1561 году и былъ сынъ Николая Бекьна, хранителя государственной печати. Онъ при Елисаветѣ равно какъ и преемникѣ ея занималъ важныя государственныя должности, но, не имѣя отцовской честности, былъ отставленъ за подкупы. Такимъ образомъ онъ получилъ время заниматься науками и сообщать свои наблюденія и опыты потомству. Главными сочиненіями его считаютъ de augmentis scientiarum и Organon. Онъ основывалъ знаніе на опытѣ и отвергалъ умозрѣніе или знаніе изъ понятій; поступая при этомъ методически, онъ явился въ своемъ сочиненіи философомъ; эмпиризъ его не состоитъ только въ видѣніи, слышаніи, чувствованіи или воспріятіи отдѣльныхъ предметовъ, но существенная задача его въ томъ, чтобы составлять роды, отыскивать общія начала и выводить законы. Въ первомъ

изъ вышеприведенныхъ сочиненій Бекьнъ раздѣляетъ всѣ науки по тремъ силамъ души на три отдѣла, именно: по памяти на науки историческія, по фантазіи на поэтическія и по разуму на общія. Въ своемъ Organon онъ старался ниспровергнуть существовавшую въ то время логику, замѣняя силлогистическія заключенія *наведеніемъ*; это наведеніе состоитъ въ дѣланіи наблюденій и опытовъ, по которымъ можно составлять общія опредѣленія (formae). Заслуга Бекоповой философіи та, что она открыла совершенно новой путь естествоиспытанію; дѣйствительно съ этого времени естественныя науки получаютъ новую жизнь и начинаютъ вытѣснять существовавшіе еще остатки средневѣковой схоластики *).

Вилліамъ Шекспиръ родился въ апрѣлѣ 1564 года въ Стрегфордѣ на Эвенѣ. Онъ выросъ въ бѣдности, но судьба вывела его изъ стѣсненнаго положенія и поставила на сцену. Онъ сначала сдѣлался актеромъ; но отъ актера весьма не далеко къ драматическому писателю, и Шекспиръ при своихъ талантахъ совершилъ этотъ переходъ въ скоромъ времени. Когда онъ далъ свободу своему поэтическому генію, то изъ неизчерпаемой глубины его духа выходило одно твореніе за дру-

*) Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Bd. 3, S. 252—270.

гимъ *). Обстоятельство, что этотъ величайшій въ новѣйшее время драматическій писатель не имѣлъ ученаго образованія, но вышелъ изъ среды народа, раздѣлялъ народный вкусъ и оправдывалъ его въ своихъ образцовыхъ сочиненіяхъ,—имѣло рѣшительное вліяніе на развитіе драмы. Онъ утверждалъ свою драму на тѣхъ началахъ, которыя до сихъ поръ господствовали только на народномъ театрѣ. Театръ западныхъ Христіанскихъ народовъ произошелъ изъ представленій духовныхъ піесъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *мистерій*, соединявшихся обыкновенно съ большими церковными празднествами. Дѣйствіе происходило въ этихъ піесахъ на небѣ, въ аду и на землѣ, а дѣйствующими лицами въ нихъ были Ангелы, діаволъ и люди. Представленія продолжались иногда по нѣскольку дней и не утомляли слушателей, потому что имѣли для нихъ не только эстетическій, но и религіозный интересъ. Впрочемъ мистеріи могли оставаться въ уваженіи только до тѣхъ поръ, пока къ нимъ приступали съ благочестіемъ, необходимымъ для поддержанія ихъ достоинства; а такъ какъ въ нихъ съ религіею соединялся еще другой интересъ, то со временемъ

*) Какъ онъ смотрѣлъ на поэтическое творчество, это онъ высказалъ въ Midsummernight's dream Act V, Sc. 1 въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

The poet's eye, in a fine frenzy rolling,
Doth glance from heaven to earth, from earth to heaven,
And, as imagination bodies forth
The forms of things unknown, the poet's pen
Turns them to shapes, and gives to airy nothing
A local habitation and a name.

въ нихъ стали злоупотреблять святынею; злоупотребленія же разумѣется были запрещены и измѣнены. По этому предметами драмы, вмѣсто религіозныхъ предметовъ, сдѣлались предметы моральные и вмѣсто непосредственно божественныхъ и святыхъ лицъ въ нее введены были аллегорическія фигуры. Мѣсто мистерій заняли такъ называемыя *моралитеты*, въ которыхъ дѣйствующими лицами явились аллегоріи смерти, грѣховъ, добродѣтелей, пороковъ и т. п. Слѣдующую степень въ развитіи драмы составили историческія представленія и этотъ шагъ совершился посредствомъ такъ называемыхъ *dumb-shows* или пышныхъ выходовъ, въ которыхъ дѣйствовавшія лица въ костюмахъ представляли взорамъ зрителей какое либо историческое событіе, но только въ пантомимахъ, пока въ послѣдствіи актеры не оживили этого нѣмаго представленія діалогомъ и дѣйствіемъ. На этой степени развитія находилась въ Англіи драматическая поэзія, когда на сценѣ явился Шекспиръ и началъ для нея работать вмѣстѣ съ другими писателями, между которыми особенно отличались *Гринъ* и *Марло*. Хотя въ это время были знакомы съ древнею драмою и старались ввести ее, но она не удовлетворяла народу. Шекспиръ, руководствуясь народнымъ вкусомъ, не имѣлъ нужды стѣснять себя такъ называемымъ единствомъ мѣста и времени, но могъ

разширить предѣлы сцены, и не довольствуясь одною ситуаціею, ставить на «доскахъ, означающихъ свѣтъ», всю жизнь человѣческую, Конечно естественное развитіе драмы, которое нашелъ и продолжалъ Шекспиръ, внесло въ нее много неправильностей и ошибокъ, но они съ избыткомъ выкупаются тѣми преимуществами, которыя этотъ поэтъ далъ своимъ піесамъ. Его трагедіи составляютъ, такъ сказать, философію страсти, потому что каждая изъ нихъ имѣетъ содержаніемъ страсть, которая развивается предъ нашими глазами отъ первыхъ началъ до конечнаго истощенія. Потому онѣ обыкновенно начинаются спокойно и часто довольно весело, такъ что по началу вовсе нельзя и думать о слѣдующей за тѣмъ бурѣ. Возьмемъ на примѣръ *Макбета*:—этотъ герой при началѣ піесы еще вовсе и не думаетъ о низверженіи своего короля; онъ доволенъ своей судьбой и милость короля есть единственная цѣль его стремленій. Но вскорѣ мы видимъ, что пророчество о его будущемъ величіи пробуждаетъ въ немъ столь преступныя мысли, что онъ самъ приходитъ отъ нихъ въ ужасъ. Напрасно старается онъ освободиться отъ пробудившейся въ немъ страсти; собственное честолюбіе и честолюбіе жены мучатъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не совершаетъ страшнаго злодѣянія, которое доставляетъ ему корону. Но для утвержденія на себѣ короны ему не-

обходимы новыя преступленія, а съ каждымъ новымъ преступленіемъ въ немъ усиливаются ни чѣмъ незаглушимыя мученія совѣсти, которыя наконецъ доходятъ до высшей степени, когда онъ видитъ себя принужденнымъ защищать царство и жизнь свою противъ законнаго короля. Трагическое искусство Шекспира есть анатомія души; какъ анатомъ, желая отыскать причины болѣзней, разрѣзаетъ тѣло, такъ поэтъ открываетъ намъ внутреннюю жизнь и представляетъ нашимъ взорамъ, какъ страсть рождается, усиливается и наконецъ разстроиваетъ душу. Такое представленіе дѣлаетъ сильное впечатлѣніе. Кто видѣлъ, какъ Макбетъ мало по малу доходитъ до того, что совершаетъ одно преступленіе за другимъ, тотъ теряетъ увѣренность въ своей безопасности, познаетъ человѣческую слабость и силу искушенія, и ему болѣе ничего неостается какъ ударять себя въ грудь, восклицая: «Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному!» При этомъ направленіи къ психологизированію Шекспиръ обращалъ все свое вниманіе на то, чтобы дать своимъ лицамъ надлежащій характеръ и привести въ гармонію форму рѣчей, влагаемыхъ имъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, съ выражаемыми въ нихъ состояніями души. Въ томъ и другомъ онъ является истиннымъ художникомъ, котораго никто не провосходилъ ни изъ предшественниковъ, ни изъ потомковъ. Творенія

его пользовались заслуженною имъ признательностію современниковъ; они доставили ему благоволеніе Королевы Елисаветы и ея наслѣдника, благосклонность публики и значительное имущество, съ которымъ онъ, оставивъ въ 1613 году сцену, спокойно и во всеобщемъ уваженіи жилъ на своей родинѣ до самой смерти, послѣдовавшей 23-го апрѣля 1616 года.

Для Скандинавскаго Сѣвера реформація, можно сказать, была важнѣе, нежели для Юга-Западной Европы, потому что она произошла въ одно время съ уничтоженіемъ Кальмарской Уніи и возстановленіемъ Шведскаго престола, и въ скоромъ времени сдѣлалась твердѣйшею опорою новаго порядка вещей. Христіанъ II, стараясь возстановить и утвердить унію жестокостію, только ускорилъ ея уничтоженіе; по низверженіи Христіана Данія обратилась въ избирательное государство, Швеція же въ Густавѣ Вазѣ получила себѣ собственнаго Короля и въ обоихъ государствахъ была введена реформація *).

Мы прервали Скандинавскую исторію тамъ, гдѣ Король Христіанъ II, силою возстановивъ Унію думалъ утвердить ее Стокгольмскою баней. Теперь только, думалъ Христіанъ, Швеція достаточно была наказана за прежнее упорство. Поручивъ прав-

*) Для исторіи Даніи кромѣ Mallet histoire de Danemarc важно еще соч. Die Reformationshistorie von Münter; дѣла Шведскія наилучшимъ образомъ изложены во второмъ томѣ уже выше приведеннаго сочиненія Geschichte Schwedens von E. G. Geijer.

леніе большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Уніи, онъ возвратился въ Данію. Хотя въ Швеціи Папская булла побудила его къ жестокостямъ, однако, прибывъ въ Данію, онъ началъ склоняться на сторону реформаторовъ; онъ выслушивалъ появлявшіяся и здѣсь жалобы на испорченность католической церкви и вступилъ въ сношеніе съ Лютеромъ. Но всѣ законы его клонились болѣе къ ограниченію власти духовныхъ, нежели къ исправленію ученія и церковнаго устройства; при томъ же онъ вооружилъ противъ себя дворянство и Ганзейскіе города, но не привлекъ на свою сторону ни гражданъ, ни крестьянъ, а потому ни въ комъ не имѣлъ опоры и когда въ Швеціи неудовольствія на его правленіе дошли до открытаго мятежа, то стоило только въ Даніи явиться предводителю, который бы соединилъ недовольныхъ Христіаномъ, чтобы и тамъ произошло подобное же возстаніе. Такой предводитель вскорѣ нашелся, именно, когда Король поссорился съ дядею своимъ Фридрихомъ, Герцогомъ Голштинскимъ. Христіанъ выпросилъ у шурина своего, Императора Карла V, грамоту, по которой Герцогъ Голштинскій долженъ былъ получать въ ленъ земли не отъ Епископа Любекскаго, какъ было до сихъ поръ, но отъ Короля Датскаго. Герцогъ Фридрихъ, опасаясь чрезъ то придти въ зависимость отъ Даніи, соединился съ недовольными Датскими дворянами, и они, ободренные пріобрѣтеніемъ начальника изъ числа членовъ Королевской фамиліи, 20-го января 1523 года отказали Королю въ повиновеніи. Въ тоже время они предложили Герцогу Фридриху корону и угрожали въ случаѣ его отказа предоставить ее кому либо другому. Когда Фридрихъ въ концѣ января принялъ ихъ предложенія, то оставленный всѣми Христіанъ уже не сопротивился Фридриху, но 14-го апрѣля 1523 года со всею фамиліею и своею ненавистною совѣтницею Зигбриттою убѣжалъ въ Нидерланды. Послѣ бѣгства его новый Король, *Фридрихъ I*, овладѣлъ всѣмъ королевствомъ; ему присягнула и Норвегія.

Въ то время какъ поступки Христіана въ Даніи принесли ему столь горькіе плоды, дѣйствія его въ

Швеціи были для него еще гибельнѣе. Между заложниками, которыхъ Христіанъ въ 1518 году вывезъ изъ Швеціи, находился *Густавъ*, происходившій по отцу изъ фамиліи *Васа*, а по матери изъ фамиліи *Стуре*, и родившійся 12-го мая 1490 года въ Упландскомъ городѣ Линдгольмѣ. Густавъ съ раннихъ лѣтъ отличался своими дарованіями и въ послѣдней войнѣ съ Даніею показалъ на дѣлѣ, что не оставилъ эти дарованія безъ развитія; потому Христіанъ весьма цѣнилъ этого плѣнника и отдалъ его вмѣсто залога подъ надзоръ родственнику своему Баннеру. Здѣсь Густавъ пріобрѣлъ такую любовь, что ему позволяли ходить вездѣ безъ всякаго присмотра. Въ одинъ день въ сентябрѣ 1519 года онъ воспользовался своею свободою и бѣжалъ въ Любекъ. Баннеръ послѣдовалъ за убѣжавшимъ въ Любекъ и потребовалъ у Магистрата его выдачи; но въ интересахъ Любека было подрывать Датское могущество и противопоставлять Королю Христіану новыхъ соперниковъ въ Швеціи, по этому онъ не выдалъ Густава. Въ маѣ 1520 года Густавъ прибылъ въ Швецію и нашелъ всѣхъ въ унынiи, а своихъ ближайшихъ родственниковъ уже готовыми покориться Христіану; онъ предостерегалъ ихъ отъ извѣстнаго вѣроломства Христіана, но они, не слушая его совѣтовъ, отправились въ Стокгольмъ для принятія присяги. Густавъ справедливо предвидѣлъ вѣроломство Христіана, онъ вскорѣ получилъ страшное извѣстіе о Стокгольмской банѣ и узналъ, что его отецъ и зять казнены, а мать и сестра увезены плѣнницами въ Данію, и что назначена цѣна за его собственную голову. Тогда онъ бѣжалъ въ Далекарлію, гдѣ скрывался подъ тамошними одѣяніями въ постоянной опасности быть узнаннымъ и схваченнымъ всюду преслѣдовавшими его Датчанами. Наконецъ это состояніе ему наскучило и онъ рѣшился выступить открыто. На Рождествѣ 1520 года онъ открылся въ большомъ собраніи Далекарлійцевъ въ Мерѣ. Воззваніе его къ возстанію противъ Датскаго господства не имѣло ожидаемого имъ успѣха; воспоминаніе о прежнихъ несчастныхъ войнахъ было еще свѣжо и при томъ тиранія Христіана обременяла болѣе дворянъ, нежели крестьянъ. Видя, что это

предложеніе принято съ холодностію, Густавъ рѣшился оставить свое отечество. Къ счастію его вооруженные Датчане,—которые, преслѣдуя Густава, проходили эту страну во всѣхъ направленіяхъ,—именно въ то время стали причинять крестьянамъ насилія и разбойничать, такъ что крестьяне воротили уѣхавшаго Густава и сдѣлали его своимъ предводителемъ. При помощи этихъ храбрыхъ мужей Густавъ въ началѣ 1521 года, напавъ на Фалунь и взявъ городъ, объявилъ Королю Христіану войну. Хотя на его сторонѣ не было ни одного важнаго человѣка, ни одного прелата, и хотя онъ терпѣлъ недостатокъ въ деньгахъ, потому что поддерживавшіе его Ганзейцы помогали ему съ купеческою бережливостію и разсчетомъ, не смотря на то, онъ велъ войну съ успѣхомъ. Въ то самое время Христіанъ вступилъ въ споръ съ Датчанами и обстоятельства, лишившія Христіана Датской короны, содѣйствовали смѣлому Густаву Вазѣ возстановить независимость Шведскаго престола. Чѣмъ успѣшнѣе дѣйствовалъ Густавъ, тѣмъ болѣе дѣло его становилось въ Швеціи національнымъ. Въ 1521 году онъ завоевалъ города Вестеросъ и Упсалу и осадилъ Стокгольмъ; число приверженцевъ его увеличилось до того, что въ августѣ 1521 года онъ могъ въ Вадстенѣ собрать сеймъ, на которомъ его провозгласили государственнымъ намѣстникомъ. Когда изъ Даніи пришло извѣстіе о бѣгствѣ Христіана II и о возведеніи на престолъ дяди его Фридриха, то Шведовъ уже ничто не удерживало, чтобы совершенно отдѣлиться отъ Даніи. Въ 1523 году на сеймѣ въ Стренгнезѣ они предложили Густаву корону. Густавъ долго сомнѣвался, принять ли столь лестное предложеніе, но наконецъ всеобщее единодушіе, съ которымъ ему дѣлали это предложеніе, и согласіе Папскаго Легата уничтожили въ немъ всѣ сомнѣнія. Шестаго іюня 1523 года его торжественно провозгласили королемъ, а 23-го онъ вступилъ въ Стокгольмъ и мало по малу покорилъ своей власти всѣ крѣпости, которыя еще занимали Датчане. Между тѣмъ государство было такъ истощено, что новый Король Густавъ I во всемъ встрѣчалъ препятствія. У него не было денегъ, а бѣдность страны не толь-

ко не позволяла возвысить податей, но скорѣе требовала уменьшенія ихъ. При такомъ положеніи дѣлъ онъ весьма естественно дошелъ до мысли помочь государству на счетъ Церкви и такъ какъ реформатскія начала проникли въ Швецію, то принятіе ихъ представляло лучшее средство для утвержденія новаго порядка вещей. Однако же Густавъ не торопился совершить столь важный шагъ, но хотѣлъ сперва приготовить къ тому народъ и предоставилъ это дѣло тремъ мужамъ, которые считаются Шведскими реформаторами. Эти три мужа были *Лоренцъ Андерсонъ* и два брата *Олафъ* и *Лоренцъ Петерсоны*. Духовенство съ энергіею противилось новому ученію, такъ что наконецъ въ это дѣло вмѣшался Король и въ 1524 году въ Успалѣ назначилъ диспутъ между Олафомъ Петерсономъ и однимъ католикомъ, профессоромъ Петромъ Галле. Предметомъ диспута были важнѣйшіе въ то время спорные пункты, но послѣдствія его были таковы же, какъ и большей части диспутовъ, которые мы видѣли въ другихъ странахъ: на диспутѣ обѣ партіи горячились одна болѣе другой, по окончаніи же его каждая приписывала себѣ побѣду. Духовенство, опасаясь со стороны Короля рѣшительнѣйшихъ мѣръ, считало теперь себя въ правѣ употреблять всякія средства для защиты Церкви. По проискамъ его въ началѣ 1527 года явился Лже-Стуре, который нашелъ себѣ между католиками множество приверженцевъ *). Мятежники представили Королю рядъ требованій, написанныхъ въ такомъ фанатическо-католическомъ духѣ, что по нимъ всякаго, кто въ пятницу ѣлъ мясо, должно было жечь. Король отвѣчалъ имъ на каждый пунктъ, а на жалобу касательно нововведеній въ религіи возразилъ, что они столь же мало понимаютъ въ церковномъ ученіи какъ и въ Латинской обѣднѣ, которую хотятъ возстановить, и потому должны предоставить

*) Лже-Стуре назывался своими приверженцами *Тальюнкеромъ*, (Daljunkare). По словамъ Гейера (т. 2. ст. 58) это былъ крестьянинъ изъ прихода Біеркста въ Вестманландѣ, значительно старѣе того, за кого себя выдавалъ, однако же нѣженъ и красивъ лицемъ, хитеръ, краснорѣчивъ и не безъ опытности, потому что служилъ при господскихъ дворахъ.

это ему, Государственному Совѣту и ученымъ людямъ; однакоже для подавленія возстанія Густавъ долженъ былъ взяться за оружіе; въ короткое время все было усмирено и Лже-Стуре убѣжалъ въ Норвегію. Послѣ этого подвига Король въ іюнѣ 1527 г. созвалъ сеймъ въ Вестеросѣ. На сеймъ явилось множество дворянъ, всѣ прелаты, отъ каждаго штифта по два или по три священника, изъ каждаго города по одному бургомистру и одному ратсгеру, и изъ каждаго судебнаго округа по 6 крестьянъ. Такъ какъ на этомъ сеймѣ надобно было рѣшить вопросъ о реформаціи и о конфискованіи церковныхъ имѣній, то Линкепингскій Епископъ Браскъ, ревностнѣйшій защитникъ Папы, склонилъ всѣхъ духовныхъ къ тайному союзу, которымъ они обязывались не отступать отъ стараго ученія и единодушно противиться новому. Сеймъ былъ открытъ 22-го іюня Лоренцомъ Андерсономъ, котораго Король возвелъ въ достоинство канцлера. Король въ своихъ предложеніяхъ представилъ сейму, что расходы значительно превосходятъ доходы и что для устраненія этого неравенства необходимо возвратить часть имѣній, предоставленныхъ Церкви, и далѣе, что для внутренней и внѣшней безопасности государства непремѣнно должно прекратить большія несогласія въ народѣ, порожденныя реформаціею. Въ случаѣ отказа согласиться на эти требованія Король объявилъ, что онъ сложитъ съ себя корону. Когда Епископъ Браскъ возразилъ на это, что они клятвою обязаны быть вѣрными Папѣ и не могутъ распоряжаться церковными имѣніями, которыя не принадлежатъ имъ, а составляютъ собственность Церкви, то Король спросилъ у дворянъ и членовъ Государственнаго Совѣта, что они скажутъ на это. Рейхсгофмейстеръ Туре Іенсонъ, ревностный католикъ, отвѣчалъ во имя прочихъ, что они находятъ мнѣніе Епископа справедливымъ. Это весьма встревожило Короля и онъ, вставши, объявилъ, что рѣшительно отказывается отъ короны. Рѣшительность Короля склонила на его сторону гражданъ и крестьянъ, а когда въ слѣдъ за тѣмъ на новомъ религіозномъ диспутѣ, происходившемъ въ этотъ разъ на Шведскомъ языкѣ между Олафомъ Петерсономъ и Галле, протестант-

скія мнѣнія восторжествовали, то дворянство и духовенство также замолчали и сеймъ положилъ отправить къ Густаву депутацію съ тѣмъ, чтобы просить его о удержаніи королевскаго достоинства. Густавъ сначала подалъ видъ, что хочетъ отказаться, но наконецъ на повторенныя просьбы согласился и тогда побѣда была совершенно на его сторонѣ. Ему предоставили теперь устроить Церковь по Лютеранскому ученію, назначить священниковъ и опредѣлить имъ жалованье. Епископы объявили, что они по необходимости должны удовольствоваться тѣмъ состояніемъ, которое имъ дастъ Король, сколь бы богато или бѣдно оно ни было; но такъ какъ во всякомъ случаѣ доходы ихъ должны были уменьшиться, то они просили объ увольненіи себя отъ обязанности быть членами Государственнаго Совѣта. Король съ радостію согласился на ихъ просьбу, которою они сами лишали себя всякаго политическаго значенія. Такимъ образомъ въ слѣдствіе постановленія Вестеросскаго Сейма католичество въ Швеціи пало. Ревностный Браскъ оставилъ отечество и переселился въ одинъ Польскій монастырь. Іенсонъ послѣ тщетныхъ усилій произвести возстаніе также принужденъ былъ бѣжать. Архіепископскія и Епископскія мѣста заняли теперь приверженцы новаго ученія. Внѣшняя форма прежней іерархіи въ Швеціи была удержана, но такъ какъ Епископы отказались отъ всякаго политическаго вліянія, то, удержавъ прежній титулъ, они уже не пользовались прежнимъ значеніемъ. Конфискованныя церковныя имѣнія достались теперь частію Королю, частію дворянству; впрочемъ новая Церковь получила столь хорошее содержаніе, что была одною изъ богатѣйшихъ между протестантскими церквами. Но вскорѣ протестантское духовенство нашло королевское могущество для себя тягостнымъ и возстало противъ него. Противъ Короля сталъ дѣйствовать сильнѣйшій между Шведскими реформаторами Олафъ Петерсонъ, но онъ дѣйствовалъ преступно, открыто проповѣдуя противъ Короля и предсказывая, что чрезъ него вся страна подвергнется несчастію. Король велѣлъ сначала предостеречь проповѣдника, когда же это предостереженіе не произвело никакого дѣйствія,

то онъ въ 1540 году велѣлъ арестовать его. Олафа обвинили въ государственной измѣнѣ; въ это дѣло былъ замѣшанъ также Канцлеръ Андерсонъ. Не смотря на то, что при судѣ обоихъ обвиненныхъ предсѣдательствовалъ родной братъ Олафа, Лоренцъ Петерсонъ, возведенный въ достоинство Архіепископа Упсальскаго, однако же ихъ обоихъ приговорили къ смерти. Хотя Король помиловалъ ихъ, но это происшествіе такъ устрашило все прочее духовенство, что Церковь никогда болѣе не отваживалась сопротивляться Королю, но со всею преданностію покорялась его волѣ. Кромѣ этого Густавъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ независимость отъ Государственнаго Совѣта и такимъ образомъ управлялъ Швеціею неограниченнѣе, нежели кто либо изъ его предшественниковъ до Кальмарской Уніи. Впрочемъ онъ пользовался своею неограниченною властію ко благу государства; онъ уничтожилъ привилегіи Ганзейскихъ городовъ; торговыми договорами съ Даніею, Россіею, Англіею, Нидерландами и Франціею оживилъ отечественную торговлю и ввелъ столь благоразумную финансовую систему, что вмѣсто долговъ оставилъ по себѣ полную сокровищницу. Школы и Университеты также пользовались его споспѣшествованіемъ, а со времени введенія реформаціи и перевода библіи на Шведскій и Финскій языки отечественный языкъ въ Швеціи сталъ принимать болѣе образованныя формы. Хотя Густавъ имѣлъ многихъ враговъ въ своемъ собственномъ государствѣ, не смотря на то своими личными достоинствами вселялъ во всѣхъ такое уваженіе къ себѣ, что въ январѣ 1540 года на сеймѣ въ Эребро престолъ былъ признанъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ; это опредѣленіе сейма о наслѣдствѣ престола еще разъ было подтверждено на сеймѣ въ Вестеросѣ и такимъ образомъ домъ Вазы утвердился на Шведскомъ престолѣ, который былъ обязанъ ему своимъ возстановленіемъ. Послѣдніе годы жизни Густава протекли въ мирѣ и спокойствіи; его озабочивалъ только характеръ старшаго сына его Эрика, который обѣщалъ мало хорошаго. Его тяготила также глубокая старость и онъ, пережившъ своихъ искреннихъ друзей, уже не находилъ удовольствія въ жизни. Двадцать пя-

таго іюня 1560 года онъ въ послѣдній разъ созвалъ къ себѣ всѣ сословія и торжественно простился съ ними. Приписавъ Провидѣнію Божію свое удивительное жизненное поприще, на которомъ онъ изъ бѣглеца возвысился на степень Короля и освободителя своего отечества отъ свѣтскаго и духовнаго ига, онъ оправдывалъ свое правленіе, говоря, что хотя оно было сурово и строго, но за то справедливо. Послѣ того, изъявивъ всѣмъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ свою благодарность за ихъ любовь и повиновеніе и попросивъ прощенія за всѣ свои ошибки и слабости, онъ удалился. Когда достойный старецъ, окруженный сыновьями, уходилъ, то за нимъ раздавались громкія благословенія *). Онъ умеръ 29-го сентября 1560 года на 72 году отъ рожденія. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Эрикъ XIV, не встрѣтивъ никакого сопротивленія.

Въ Даніи реформація была введена въ одно время съ Швеціею. Но новый Король Фридрихъ I долженъ былъ дѣйствовать при этомъ весьма осторожно, чтобы не возбудить противъ себя сильной партіи, которая могла пристать къ племяннику его, изгнанному Христіану II. Христіанъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова овладѣть потеряннымъ престоломъ. Фридрихъ дѣйствительно не прежде приступилъ къ дѣлу, какъ достаточно утвердясь на своемъ мѣстѣ и замѣтивъ, что общественное мнѣніе рѣшительно благопріятствуетъ реформаціи; тогда въ 1527 году онъ созвалъ сеймъ въ Одензе и предложилъ слѣдующее: такъ какъ проповѣданіе слова Божія въ возможной чистотѣ составляетъ высшую его обязанность, то хотя онъ при коронованіи клятвою обѣщалъ защищать Церковь, однако же не можетъ распространять этой защиты и на заблужденія, а по тому при невозможности истребить лю-

*) Туанъ (кн XXVI. стр. 338) въ своей характеристикѣ Короля Густава гов. про него: nonnihil tamen avaritiae ac rapacitatis labe notatus, quae inter tot magnas et summo fastigio dignas virtutes ei vitio data est. Verum apud prudentes rerum aestimatores excusari meruit, si, cum primus imperii in sua familia fundati conditor munimenta firmandae novae potentiae quaereret, in imponendis et exigendis vectigalibus interdum morosior fuit.

терова ученія, предлагаетъ предоставить въ государствѣ одинакую терпимость послѣдователямъ обѣихъ религій. Это предложеніе весьма согласовалось съ господствовавшею приверженностію къ протестантству и такъ какъ дворянство, надѣясь обогатиться церковными имѣніями, дѣятельно поддерживало Короля, то предложеніе было принято. Духовные получили позволеніе жениться, монахи и монахини — оставлять свои монастыри, и католичество имѣло столь слабые корни въ Даніи, что пало безъ значительнаго сопротивленія въ слѣдствіе одного этого опредѣленія Одензейскаго Сейма. Король принялъ на себя назначеніе Епископовъ и мало по малу во всей Даніи было введено совершенно лютеранское церковное устройство и лютеранское ученіе, хотя впрочемъ религіозная свобода католиковъ не потерпѣла никакого ограниченія. Естественно, что нѣкоторые Епископы и ревностные католики негодовали на новый порядокъ вещей, но сколь мало онъ противорѣчилъ всеобщему настроенію умовъ, то вскорѣ показала попытка Христіана II снова овладѣть своимъ престоломъ, чего онъ надѣялся достигнуть при помощи католиковъ. Будучи изгнанъ, Христіанъ во время продолжительнаго пребыванія своего въ Курфиршествѣ Саксонскомъ принялъ Лютеранство; но вѣра въ немъ уступала честолюбію, и лишь только ему представилась возможность, сдѣлавшись католикомъ, составить себѣ партію въ Норвегіи и Даніи, то онъ тотчасъ въ 1530 году вступилъ въ переговоры съ Папою, чтобы полу̀чить себѣ благословеніе и помощь Церкви. Но прежде нежели эти переговоры привели дѣло къ какому либо рѣшенію, Христіанъ, подкрѣпленный Нидерландцами — которые оказывали ему помощь сами по себѣ безъ всякаго требованія со стороны своего правительства, — собралъ войско и флотъ и поплылъ съ нимъ въ Норвегію, куда и высадился 9-го ноября 1531 года при Опсло. Обѣщаніемъ возстановить католическую вѣру и хранить права государства и сословій онъ привлекъ на свою сторону Епископовъ и большую часть сословій, которые отказали Королю Фридриху въ повиновеніи. Рейхс-

гофмейстеръ Швеціи, католикъ Іенсонъ, равнымъ образомъ принялъ сторону Христіана и, увѣривъ его, что Швеція въ войнѣ его съ дядею будетъ держать нейтралитетъ, усилилъ его надежды. Но послѣдствія показали несправедливость увѣреній Іенсона, потому что весною 1532 года, когда явились на морѣ Датскій и Любекскій флоты, Король Шведскій послалъ Датскому Королю значительное вспомогательное войско. Несчастія еще такъ мало научили Христіана, что онъ, будучи обманутъ въ своихъ надеждахъ, въ пылу негодованія, велѣлъ умертвить Рейхсгофмейстера Іенсона, какъ лжеца и измѣнника. Превосходство непріятельскихъ силъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и деньгахъ привели его въ такое положеніе, что онъ вступилъ въ переговоры съ Гильденстерномъ, главно-командующимъ Датскимъ флотомъ и 1-го іюля 1532 года заключилъ договоръ, по которому отказывался отъ всѣхъ своихъ притязаній, освободилъ Норвежцевъ отъ данной ими ему присяги и самъ обѣщалъ отдаться Королю Фридриху, впрочемъ на случай несогласія съ Фридрихомъ онъ выговорилъ себѣ право отправиться въ Норвегію или Германію. Христіанъ написалъ теперь своему дядѣ въ высшей степени покорное письмо и 25-го іюля 1532 года прибылъ въ Копенгагенъ. Хотя Король Фридрихъ радовался этому окончанію дѣла, однако же условія договора поставили его въ немалое затрудненіе. Опасаясь дать свободу Христіану, а съ другой стороны стыдясь нарушить данное слово, Королевскій Совѣтъ долго не зналъ, что ему дѣлать. Но такъ какъ Любекъ, Швеція и Датское дворянство единодушно настаивали, чтобы не освобождать снова Христіана, то Совѣтъ объявилъ, что Гильденстернъ при заключеніи договора преступилъ предѣлы своего полномочія, и Христіанъ былъ признанъ плѣнникомъ; Фридрихъ долженъ былъ даже дать обѣщаніе дворянамъ и государственнымъ совѣтникамъ нисколько не смягчать участи плѣннаго безъ ихъ опредѣленія; государственные совѣтники тотчасъ же приставили къ плѣннику стражей, съ которыхъ взяли присягу. Это несчастіе сильно потрясло Христіана, и онъ

при вспыльчивости своего характера, то приходилъ въ отчаяніе, то съ преданностію покорялся своей судьбѣ; его заключили въ Зондербургѣ на островѣ Альзенѣ въ одной комнатѣ, всѣ отверстія которой кромѣ одного окна были заложены. Въ продолженіи многихъ лѣтъ одинъ только карликъ, а по смерти того старый солдатъ составляли его общество. Это столь суровое заключеніе было смягчено только въ 1549 году; тогда увеличили кругъ его общества и предоставили ему болѣе средствъ къ развлеченію. Проживъ такимъ образомъ 27 лѣтъ въ плѣну, онъ наконецъ 24-го января 1559 года умеръ 77 лѣтъ отъ роду.

По смерти Фридриха I католическая партія хотѣла, пользуясь наставшимъ въ Даніи междуцарствіемъ, возстановить тамъ католичество. Любекъ, считая это обстоятельство для себя благопріятнымъ, чтобы подорвать Датское могущество и возвратить себѣ прежнее значеніе въ Скандинавіи, подъ руководствомъ Бургомистра *Георга Вулленвебера* и храбраго *Марка Мейера* сдѣлалъ на Данію нападеніе. Но нападеніе его только ускорило избраніе въ Короли расположеннаго къ протестантству *Христіана III*, сына *Фридриха I;* планъ Любека не исполнился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и католичество въ Даніи, Норвегіи и Исландіи пало навсегда, лютеранство же сдѣлалось господствующею и единственно терпимою здѣсь вѣрою (*).

(*) Кромѣ монографіи Ф. В. Баргольда о Георгѣ Вулленвеберѣ въ Raumers historischem Taschenbuche 1835 года, прекрасное изложеніе этихъ событій находится еще въ Ranke's

Король Фридрихъ I не долго пережилъ плѣненіе своего противника; онъ умеръ 10-го апрѣля 1533 года. Хотя сословія дали ему письменное обѣщаніе возвести на престолъ одного изъ сыновей его, но чтобы удержать за собою право избранія не объявили рѣшительно, котораго именно. Старшій сынъ Фридриха, Христіанъ, имѣлъ по видимому предъ другими преимущества, какъ по возрасту, такъ и по способностямъ, однако же прибывшіе отъ него въ Данію посланники (потому что онъ самъ, будучи Герцогомъ Голштинскимъ, жилъ въ Голштиніи) встрѣтили здѣсь неожиданныя затрудненія. Именно Епископы и вся католическая партія, пользуясь междуцарствіемъ, хотѣли уничтожить въ Даніи реформацію и 3-го іюля дѣйствительно настояли, чтобы Епископамъ была возвращена часть отнятой у нихъ власти. Достигнувъ этого желанія, Епископы старались при предстоящемъ избраніи возвести на престолъ такого Государя, который былъ бы съ ними одинакаго образа мыслей. Они предлагали въ Короли втораго сына Фридриха I, Іоанна, которому было только 12 лѣтъ и котораго слѣдовательно можно было еще воспитать такъ какъ имъ хотѣлось. Въ основаніе своего предложенія они приводили то, что Принцъ Іоаннъ родился, когда уже отецъ его былъ на престолѣ, что онъ Датскій уроженецъ, тогда какъ Христіанъ для Даніи чужой и Нѣмецъ. Дворянство напротивъ и протестантская партія стояли за Христіана. При такомъ несогласіи государственныя сословія не могли избрать короля и сеймъ разъѣхался, отложивъ избраніе до Иванова дня 1534 года. Но послѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства привели дѣло къ насильственному рѣшенію.

Городъ Любекъ много содѣйствовалъ и низверженію Христіана II, и расторженію Кальмарской Уніи и отдѣленію Швеціи, отъ Даніи, надѣясь тѣмъ утвердить за собою свое прежнее значеніе на Сѣверѣ и господство на Балтійскомъ Морѣ. Но ни Густавъ Ваза, ни Фридрихъ I, не были столь благо-

deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, Bd. 3, S. 585 — 621.

дарны въ отношеніи къ Ганзейскому союзу, какъ тотъ ожидалъ отъ нихъ; напротивъ они оба ограничили привилегіи Ганзейцевъ, такъ что тѣ находились даже въ опасности упустить изъ своихъ рукъ Балтійскую торговлю и уступить ее Нидерландцамъ. По этому, когда въ Даніи, по смерти Фридриха I, былъ созванъ сеймъ, то Ганзейцы отправили туда Любекскаго бургомистра Вулленвебера, который требовалъ, чтобы Голландцы не допускались въ Балтійское море. Такъ какъ сеймъ въ своихъ отвѣтахъ уклонялся отъ согласія на требованіе Вулленвебера, то онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, предпріимчивымъ и храбрымъ воиномъ Маркомъ Мейеромъ, составилъ планъ, клонившійся къ преобразованію политическихъ отношеній Скандинавскаго Сѣвера. По мѣрѣ возвышенія королевскаго могущества на Сѣверѣ, могущество Ганзы непремѣнно должно было упадать; для предотвращенія же этого паденія смѣлымъ подвигомъ наступившее въ Даніи междуцарствіе представляло самый благопріятный случай. Сначала Вулленвеберъ намѣревался, дѣятельно поддерживая Христіана III, силою возвести его на Датскій престолъ и за свою услугу выговорить Ганзѣ большія привилегіи, но Христіанъ III не принялъ его плана. Тогда для ослабленія Даніи Вулленвеберъ соединился съ Бургомистрами Копенгагена и Мальме и въ Христоферѣ, Графѣ Ольденбургскомъ, нашелъ предводителя для исполненія своего предпріятія, цѣлью котораго было объявлено освобожденіе Христіана II и совершенное утвержденіе протестантства. Любекскій Совѣтъ соглашался на всѣ предложенія Вулленвебера и въ маѣ 1534 года, когда уже все было готово къ исполненію плана, Любекъ объявилъ Даніи и Голштиніи войну. Такъ какъ въ Даніи не было тогда надлежащаго правительства, то эта война приняла для Любека столь счастливый оборотъ, что Христоферъ въ короткое время занялъ Шонію, Блекингенъ, Лаландъ, Фальстеръ, Зеландъ, Фюненъ, большую часть Ютландіи и 16-го іюля 1534 года вступилъ въ Копенгагенъ. Въ слѣдствіе подвиговъ его Датскіе дворяне, не обращая вниманія на духовен-

ство, провозгласили Христіана III Королемъ, а Густавъ Шведскій, въ выгодахъ котораго равнымъ образомъ было препятствовать возвышенію Ганзы, доставилъ ему помощь. Предоставивъ сначала Данію самой себѣ, Христіанъ до тѣхъ поръ осаждалъ Любекъ, пока не принудилъ его къ миру, который и заключилъ съ нимъ, какъ Герцогъ Голштинскій. Послѣ этого онъ обратился на Данію, гдѣ ему благопріятствовала всеобщая ненависть къ Графу Христофору, которую тотъ навлекъ на себя крутыми мѣрами. Напрасно Вулленвеберъ старался поддержать свое дѣло, склонивъ на свою сторону въ апрѣлѣ 1535 года Альбрехта, Герцога Мекленбурскаго, и поручивъ ему вмѣстѣ съ Графомъ Христофоромъ главное начальство надъ войскомъ; 11-го іюня они оба были разбиты при Ассенсѣ, послѣ чего Христіанъ завоевалъ Фюненъ и началъ осаду Копенгагена. Послѣ столь неблагопріятнаго оборота, Вулленвеберъ долженъ былъ сложить съ себя бургомистерское достоинство и Любекъ поспѣшилъ заключить миръ. Миръ состоялся 14-го февраля 1536 года на томъ условіи, что бы Любекъ призналъ Христіана Королемъ Даніи и Норвегіи, за что самъ получалъ утвержденіе своихъ прежнихъ торговыхъ и пошлинныхъ правъ. Герцогу Альбрехту и Христофору было выговорено свободное отступленіе, если они принудятъ къ сдачѣ города Копенгагенъ и Мальме. Мальме сдался въ апрѣлѣ 1536 года, а Копенгагенъ спустя еще 4 мѣсяца. Тѣмъ кончилась война и 6-го августа Король Христіанъ торжественно вступилъ въ свою столицу и кроткими мѣрами успокоилъ встревоженный народъ. Это было послѣднее напряженіе силъ, послѣ котораго могущество Любека и Ганзейскаго союза пало; паденіе его было предуготовлено естественнымъ ходомъ дѣлъ. Намѣревавшіеся отвратить это паденіе потерпѣли горчайшую участь, нежели заслужили; Маркъ Мейеръ попался въ руки Датчанъ, а Вулленвеберъ въ руки Герцога Брауншвейгскаго и оба, доведенные пытками до сознанія въ своихъ намѣреніяхъ, въ 1537-мъ году претерпѣли казнь.

Эти событія имѣли еще другія важныя слѣдствія:

Норвегія во время войны старалась избрать себѣ собственнаго Короля, въ наказаніе за что была обращена въ Датскую провинцію и лишилась своего Государственнаго Совѣта и сейма. Кромѣ того Епископы на всегда утратили свою силу. Двадцатаго августа 1536 года всѣ Епископы были арестованы и до тѣхъ поръ не получали свободы, пока не дали письменнаго обѣщанія никогда болѣе не притязать на свое прежнее достоинство и могущество, не производить никакихъ безпокойствъ, не противиться болѣе реформаціи и повиноваться Королю. Въ октябрѣ того же года собрался сеймъ, въ слѣдствіе котораго церкви получили совершенно лютеранское устройство. Теперь реформація перешла также въ Норвегію и католичество не оставило здѣсь ни малѣйшаго слѣда; только на самомъ сѣверномъ пунктѣ Датскаго Королевства, на островѣ Исландіи, она держалась еще до 1551 года, когда, по подавленіи противной партіи, и здѣсь совершенно утвердилась реформація. Неоспоримое господство лютеранства въ Даніи скоро перешло въ нетерпимость, такъ что всякій за принятіе еретика закономъ подвергался лишенію жизни и имущества. Впрочемъ Христіанъ своимъ прекраснымъ правленіемъ пріобрѣлъ себѣ такую любовь подданныхъ, что смерть его, случившаяся 1-го января 1559 года, повергла всю страну въ искреннюю печаль. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Фридрихъ II*, который впрочемъ долженъ былъ увеличить права дворянъ на счетъ Королевской власти. Чрезмѣрное увеличеніе привилегій дворянъ, особенно когда, по паденіи католической церкви, они не имѣли уже себѣ противовѣса въ могущественномъ духовенствѣ, необходимо должно было повести со временемъ къ большимъ несогласіямъ и страшнымъ безпорядкамъ. Фридрихъ II велъ двѣ войны, одну съ Дитмарсами, а другую съ Шведами. Хотя Дитмарсы, какъ выше изложено, (*) отразивъ нападеніе соединенныхъ силъ Короля Датскаго и Герцога Голштинскаго, пользовались свободою и спокойствіемъ, но противники ихъ ждали

(*) См 2. томъ, 2-ое отдѣленіе, стр. 497 и 498.

только благопріятнаго случая, чтобы снова приступить къ покоренію ихъ. Адольфа, Герцога Голштинскаго, удерживало отъ войны съ Дитмарсами только миролюбіе брата его Христіана III; по смерти же Христіана онъ положилъ покорить страну Дитмарсовъ. Новый Король Фридрихъ II, узнавъ о намѣреніи своего дяди, считалъ для себя столь невыгоднымъ не принять ни чьей стороны, сколь также опаснымъ объявить себя противъ этой войны, такъ что ему ничего болѣе не оставалось какъ принять участіе въ ней. Въ апрѣлѣ 1559 года онъ заключилъ съ Герцогомъ Голштинскимъ договоръ, по которому они условились завоевать страну общими силами и раздѣлить ее между собою. Двадцать третьяго мая 1559 года Датско-Голштинское войско вторгнулось въ Дитмарсію и, пользуясь сухостью времени года, могло дѣйствовать весьма удачно, потому что болота и рвы не содержали въ себѣ воды и такимъ образомъ не могли служить туземцамъ, какъ прежде, столь важнымъ средствомъ для защищенія. По этому, не смотря на всю храбрость, съ которою даже жены и дѣти принимали участіе въ бояхъ, Дитмарсы не могли держаться противъ могущества непріятелей и 30 іюня 4000 мужей, которые только остались отъ всего населенія этой маленькой страны, покорились, выдали свое оружіе, военные припасы и льготныя грамоты и на колѣняхъ присягнули своему новому Государю. Война съ Швеціею началась въ 1563 году по поводу вопроса о трехъ коронахъ въ гербѣ; но собственно Данія хотѣла только сдѣлать новыя завоеванія, пользуясь тогдашнимъ положеніемъ Швеціи, которая за Лифляндію находилась въ войнѣ съ Россіею и Польшею. Мы обратимся еще къ этой войнѣ въ послѣдствіи, когда будемъ излагать столкновенія, происшедшія между сѣверными государствами за Лифляндію: впрочемъ что касается до частнаго дѣйствія ея на Данію, то хотя она была ведена съ большимъ ожесточеніемъ, но не имѣла никакихъ существенныхъ результатовъ. Она кончилась 13-го декабря 1570 года миромъ въ Штеттинѣ, по которому Датчане на всегда отказались отъ всѣхъ при-

тязаній на Швецію, но удержали за собою Норвегію и нѣкоторые спорные острова; изображеніе въ гербѣ трехъ коронъ было предоставлено обѣимъ странамъ, только съ тѣмъ, чтобы не основывать на этомъ никакихъ притязаній. Остальное время правленія Фридриха II протекло въ мирѣ и тишинѣ. При помощи своего Канцлера *Петра Окса* Король занимался устройствомъ финансовъ и избытки обращалъ на общеполезныя заведенія и на покровительство наукамъ. По смерти своей 4-го апрѣля 1588 года Король Фридрихъ II оставилъ свое государство въ цвѣтущемъ состояніи, такъ что сынъ и наслѣдникъ его *Христіанъ IV* уже могъ имѣть рѣшительное вліяніе на дѣла Европейскія.

Съ именемъ Короля Датскаго Фридриха II соединяется цвѣтущее время въ развитіи *Астрономіи*, которая въ немъ нашла щедраго покровителя, а въ ученомъ Датчанинѣ *Тихо-Браге* ревностнаго изслѣдователя. Тогда какъ Богословіе было главною наукою, занимавшею большую часть ученыхъ, нѣкоторые, не принимая участія въ религіозныхъ партіяхъ, занимались изслѣдованіемъ ненарушимаго порядка въ устройствѣ вселенной и на небѣ искали себѣ утѣшенія отъ смутъ и безпорядковъ земныхъ. Въ этомъ столѣтіи особенно примѣчательны три мужа, оказавшіе незабвенныя услуги Астрономіи; это *Николай Коперникъ*, *Тихо Браге* и *Іоаннъ Кеплеръ*. Коперникъ родился 19-го января 1472 года въ Торнѣ въ западной Пруссіи. Находясь въ Краковскомъ Университетѣ, онъ занимался Математикою и Астрономіею, изучая при томъ и медицину. Достигнувъ 23-лѣтняго возра-

ста, онъ отправился въ Болонью и Римъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ преподавалъ свою науку. По возвращеніи оттуда онъ занялъ въ Фрауенбургѣ мѣсто каноника и хотя строго исполнялъ возложенныя на него духовныя обязанности, однако же большую часть времени посвящалъ своимъ астрономическимъ занятіямъ и наблюденіямъ. Въ 1530 году онъ окончилъ свое большое твореніе, въ которомъ доказывалъ открытое имъ движеніе земли около солнца и тѣмъ опровергалъ прежнее мнѣніе о мірозданіи, господствовавшее со временъ Птоломея *). Онъ напечаталъ это твореніе не за долго до своей смерти, послѣдовавшей 24-го мая 1543 года, и предоставилъ времени дальнѣйшее развитіе положенныхъ имъ началъ. Хотя Тихо-Браге возсталъ противъ системы Коперника и старался поддержать прежнія мнѣія о видѣ и движеніи небесныхъ тѣлъ, но вскорѣ явился мужъ, котораго проницательный и смѣлый умъ возвысилъ ученіе Коперника на степень истины. Это былъ Іоаннъ Кеплеръ, родившійся 27-го декабря 1571 года въ Эльтингенѣ въ Виртембергѣ, который потому справедливо называется отцомъ новѣйшей Астрономіи **). Сначала онъ открылъ, что пути пла-

*) Заглавіе этого творенія: Nicolai Copernici Torinensis de revolutionibus orbium coelestium libri VI; первое изданіе его явилось въ 1543-мъ году.

**) Bailly hist. de l'astronomie mod. T. II, p. 5: Kepler est le véritable fondateur de l'astronomie moderne et c'est un présent que la Germanie a fait à l'Europe. Joh. Kepler's Leben und Wir-

нетъ составляютъ эллипсы; потомъ, узнавъ и доказавъ, что при наименьшемъ разстояніи планетъ отъ солнца движеніе ихъ бываетъ самое быстрое а въ наибольшемъ отдаленіи отъ него становится самымъ медленнымъ, очистилъ систему Коперника отъ ея невѣроятностей и привелъ ее въ такую ясность, что она мало по малу содѣлалась общею истиною. Этихъ очерковъ будетъ достаточно, чтобы обратить вниманіе на столь важные успѣхи въ развитіи человѣческаго ума.

Въ Швеціи, также какъ и въ Даніи, протестантство должно было выдержать испытаніе; тамъ по низверженіи Эрика XIV на престолъ вступилъ братъ его Іоаннъ, который по внушенію своей супруги Екатерины, происходившей изъ рода Ягеллоновъ, ревностной католички, обратился въ католичество. Народъ не послѣдовалъ примѣру своего Короля; старанія же обратить и его въ католичество произвели *раздѣленіе дома Вазы на двѣ линіи — католическую и протестантскую,* изъ которыхъ первая царствовала въ Польшѣ, а послѣдняя въ Швеціи.

Въ слѣдствіе перемѣны, происшедшей съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи, Лифляндія съ Курляндіею, Семигалліею и Эстляндіею сдѣлалась независимою. Вскорѣ и въ эти Нѣмецкія колоніи

ken nach neuerlich aufgefundenen Manuscripten von Freiherrn von Breitschwerdt. Stuttgart, 1831.

проникла реформація и безъ большаго труда одержала верхъ надъ католичествомъ. Этимъ воспользовался тогдашній Гермейстеръ Ордена Меченосцевъ Вальтеръ Фонъ Плеттенбергъ и намѣревался, покоривъ себѣ городъ Ригу съ Рижскимъ Архіепископствомъ, сдѣлаться обладателемъ всей страны. Но обстоятельства не позволили ему послѣдовать примѣру Герцога Прусскаго; по этому здѣсь не было ни секуляризаціи орденскихъ имѣній, ни введенія наслѣдственнаго господства. Хотя Лифляндія тѣснѣе соединилась теперь съ Нѣмецкою Имперіею, потому что Императоръ Карлъ V призналъ Орденскаго Гермейстера непосредственнымъ Нѣмецкимъ Княземъ, но эта связь, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Германіи и при ея отдаленности, не имѣла большаго значенія, потому казалось, что эта малая прибрежная страна, не имѣя могущественной опоры, должна была сдѣлаться легкою добычею своихъ сильнѣйшихъ сосѣдей *). Въ особенности Россія уже издавна обращала на нее свои взоры; препятствовать Россіи могли только другія прибалтійскія государства. Кромѣ Швеціи, ходъ дѣлъ которой мы сейчасъ видѣли, въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе *Польша*.

*) Для Лифляндской Исторіи кромѣ Arndts Livlaend. Chronik важно еще соч. Liflaendische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwuerdigsten Kriegs-und Friedensgeschichte Esth-Lief-und Lettlandes von Chr. Kelch. Reval, 1695.

Польша была въ то время одною изъ могущественнѣйшихъ державъ на сѣверѣ Европы. Собственно ядро государства, которое, какъ выше изложено, образовалось изъ соединенія Малой и Великой Польши съ Литвою, окружали завоеванныя области, на сѣверѣ же лежало находящееся въ ленной зависимости отъ Польской Короны Герцогство Пруссія. Но не смотря на свою обширность, это государство было слабо по своему внутреннему устройству. Въ немъ уже начала утверждаться анархія и развивалась тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе ограничивалась королевская власть. Верховная власть принадлежала здѣсь единодушной волѣ народа, которая лишалась своей силы при всякомъ образованіи партіи и даже при противорѣчіи одного лица. *)

Польская нація состояла изъ двухъ классовъ людей изъ большой массы крѣпостныхъ, которые, находясь въ зависимости отъ своихъ господъ, населяли и обработывали ихъ земли, и изъ свободныхъ или дворянства. Между этими двумя классами свободныхъ и крѣпостныхъ въ Польшѣ не было средняго состоянія. Свобода дворянства состояла въ томъ, что для него ни что не имѣло обязательной силы, что не было утверждено съ его одобренія и согласія. На этомъ началѣ основывалось Польское государственное устройство; изъ него родилось мнѣніе, что главу государства должно назначать по единодушному избранію и что онъ во время своего правленія не можетъ привести въ исполненіе ни одного

*) Lengnich jus publicum regni Poloni. Gedani, 1762; кромѣ того сюда принадлежитъ первый томъ сочиненія: histoire de l'anarchie de Pologne par Cl. Rulhiere. Paris, 1807.

государственнаго акта безъ общаго на то согласія. Хотя высшіе государственные и церковные сановники составляли средину между королемъ и дворянствомъ, но они пользовались своими достоинствами только пожизненно, по смерти же носившаго достоинство фамилія его опять нисходила на степень обыкновеннаго дворянства; по тому они не составляли особеннаго состоянія, но только особенную власть. И такъ при этихъ основныхъ началахъ Польша представляла государство, въ которомъ верховная власть принадлежала всѣмъ свободнымъ, избранному ими королю и сенату, состоявшему изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ *). Эти три элемента составляли также и законодательную власть въ государствѣ, и опредѣленія, сдѣланныя ими съ совершеннымъ единодушіемъ, были законами.

Во первыхъ, что касается власти королевской, то главнымъ назначеніемъ и слѣдовательно первою обязанностію ея было: начальство надъ войскомъ во время войны и соблюденіе правосудія во время мира. Кромѣ того къ преимуществамъ Короны принадлежало право порученія государственныхъ должностей и раздачи богатыхъ имѣній, которыя подъ именемъ староствъ давались за продолжительную и вѣрную службу. Король поручалъ управленіе палатинатствами или воеводствами, давалъ подъ начальство города и замки подъ именемъ кастелянствъ и предоставлялъ пользоваться доходами со староствъ, но все только на время жизни. Какъ ни была въ послѣдствіи ограничена королевская власть, но это драгоцѣнное право всегда оставалось въ рукахъ королей въ полной силѣ. Интересы самаго дворянства требовали не предоставлять его кому либо другому, потому что право притязаній на государственныя должности и имѣнія считалось общимъ правомъ всѣхъ дворянъ и потому, чтобы воспрепятствовать не многимъ фамиліямъ обратить ихъ въ наслѣдственныя собственности, не было лучшаго средства, какъ предоставить раздачу ихъ волѣ и милости короля. Впрочемъ пра-

*) Въ Польскомъ государственномъ правѣ это выражалось слѣдующими словами: Penes regem majestas, penes senatum auctoritas, penes ordinem equestrem libertas.

во такого изъявленія своей милости не давало королю столь большаго значенія, какъ это кажется съ перваго взгляда. По большой части лица, получившія должности и имѣнія, не считали себя за то обязанными королю и хотя, домогаясь ихъ, смотрѣли на полученіе желаемаго, какъ на королевскую милость, достигнувъ же своего желанія видѣли въ томъ только слѣдующую себѣ награду за свои услуги. Но болѣе всего препятствовали королямъ свободно распоряжаться государственными должностями и имѣніями, чтобы образовать преданный себѣ сенатъ и чрезъ то сдѣлаться независимымъ отъ дворянства, слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, что дворянство имѣло право составлять противъ короля конфедераціи и потомъ, что оно смотрѣло на королевское достоинство не какъ на наслѣдственное, но удерживало за собою право избранія. Лишь только дворянство считало государство въ опасности или видѣло нарушеніе правъ, то тотчасъ составляло *всеобщую конфедерацію* и избирало изъ среды своей главу. Конфедерація была нѣчто въ родѣ диктатуры и расходилась не прежде, какъ совершенно исчезали причины, подавшія поводъ къ ея образованію. Не смотря на то, что факты столь часто представляютъ намъ королевское достоинство въ Польшѣ наслѣдственнымъ, наслѣдственность эта никогда не была правомъ. Всегда предполагалось, что Поляки не иначе вручали кому либо правленіе, какъ по единодушному избранію. То обстоятельство, что Польская Корона являлась наслѣдственною въ домѣ Ягеллоновъ, служило только дворянству къ ограниченію королевской власти, потому что каждый король долженъ былъ уступками покупать наслѣдство своему сыну, когда же по смерти послѣдняго Ягеллона право избранія опять перешло къ народу, то не только не вышло изъ обыкновенія или не обратилось въ пустую церемонію, но съ этого времени даже положено было основнымъ государственнымъ закономъ не назначать наслѣдника при жизни короля, но по смерти его предоставлять избраніе дворянству. Для избранія новаго короля дворянство на лошадяхъ и въ вооруженіи собиралось на избирательное поле при Волѣ,

деревнѣ, лежащей недалеко отъ Варшавы; площадь, обнесенная рвомъ и валомъ, была достаточна для помѣщенія всѣхъ имѣвшихъ право участвовать при избраніи. Туда въѣзжало Великопольское, Малопольское и Литовское дворянство чрезъ трое особенныхъ воротъ. Деревянный домъ посреди площади, называвшійся Szopa, назначался для засѣданія сената; прочее же дворянство располагалось вокругъ него въ палаткахъ. Во все продолженіе избранія, избирательному собранію принадлежала вся власть въ государствѣ; по избраніи же новаго короля и по коронованіи его Архіепископомъ Гнезенскимъ опять все приходило въ прежній законный порядокъ.

Хотя всѣ дворяне были равны, не смотря на то высшіе духовные и свѣтскіе сановники въ государствѣ посредствомъ своихъ должностей пользовались во время жизни большимъ значеніемъ. Изъ нихъ состоялъ Государственный Совѣтъ или Сенатъ. Высшее духовенство при всеобщемъ уваженіи къ себѣ и при своихъ богатствахъ занимало первое мѣсто; Архіепископъ Гнезенскій, какъ Примасъ Польской Церкви, былъ послѣ короля первою особою въ государствѣ. Онъ былъ непремѣннымъ легатомъ Папскаго престола и потому въ дѣлахъ духовныхъ непосредственно пользовался верховною властію. Это усиливало его политическое значеніе: при жизни короля онъ былъ призедентомъ въ сенатѣ, по смерти же короля во время междуцарствія занималъ его мѣсто, созывалъ избирательное собраніе, велъ на немъ всѣ совѣщанія, и на рѣшенія ихъ имѣлъ большое вліяніе. Прочіе епископы были членами сената. Кромѣ нихъ могли засѣдать въ сенатѣ и подавать свои голоса воеводы, кастелланы и старосты.

Полная же законодательная власть въ государствѣ составлялась только чрезъ присоединеніе къ нимъ всѣхъ свободныхъ. Сначала всѣ свободные принимали участіе въ законодательствѣ на собраніяхъ, на которыя пріѣзжали также, какъ въ послѣдствіи для избранія короля, на лошадяхъ и въ вооруженіи. Съ увеличеніемъ же государственной области число дворянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество дѣлъ умножилось до такой степени, что частыя собранія

всего дворянства были не только не возможны, но и не выгодны. Потому въ 1468 году на государственное собраніе, гдѣ надобно было разсуждать о принятіи надлежащихъ мѣръ для удержанія отнятой у Нѣмецкаго Ордена провинціи Пруссіи, Казимиръ II созвалъ въ первый разъ только дворянскихъ депутатовъ; послѣ этого перваго съѣзда депутатовъ образовались правильно каждые два года повторявшіяся подобныя собранія. Дворянскіе депутаты или нунціи являлись на нихъ съ уполномоченіемъ отъ всего дворянства, заступать его мѣсто при законодательствѣ. Естественно, что теперь Государственный сеймъ сдѣлался чѣмъ-то другимъ и болѣе ограничивалъ королевскую власть нежели прежде. Прежде при неудобствѣ всеобщихъ съѣздовъ все дворянство собиралось рѣдко; теперь же со введеніемъ нунціевъ это затрудненіе уничтожилось и дворянство стало вмѣшиваться во всѣ правительственныя дѣла, которыми прежде распоряжался король съ сенатомъ. Созваніе сейма, равно какъ назначеніе мѣста и времени, гдѣ и когда онъ долженъ былъ собираться, составляло право, принадлежавшее королю. Король, или въ случаѣ междуцарствія Примасъ, циркуляромъ извѣщалъ воеводъ о созваніи сейма и о предметахъ, которые поступятъ на его разсужденіе. Тогда каждый воевода созывалъ все дворянство своей провинціи и оно избирало изъ среды своей трехъ нунціевъ. Избранные уполномочивались отъ своей провинціи и получали инструкціи, какъ имъ дѣйствовать на сеймѣ. Они обязывались буквально держаться данныхъ имъ инструкцій, и, по возвращеніи ихъ съ сейма, дѣйствія ихъ подвергались строжайшему изслѣдованію; тысячи сабель готовы были разрубить ихъ въ куски, если открывалось, что они не соблюли интересовъ своей провинціи. Потому каждый нунцій съ такимъ упорствомъ стоялъ за интересы своей провинціи, что время, назначенное для продолженія сейма, обыкновенно проходило въ разсматриваніи провинціальныхъ дѣлъ, до дѣлъ же обще-государственныхъ не доходили. Кромѣ того достаточно было противорѣчія одного голоса, чтобы разстроить весь сеймъ. Въ

этомъ liberum veto заключался корень страшной анархіи. Только до тѣхъ поръ никто не пользовался и не злоупотреблялъ этимъ правомъ, пока въ государствѣ господствовало единодушіе, необходимое при столь опасномъ правѣ, но какъ скоро образовались партіи, то liberum veto сдѣлалось орудіемъ ихъ слѣпыхъ страстей и сокрушило свободу, которую должно было охранять.

Самыя обстоятельства, образовавъ политическія и религіозныя партіи, развили анархическія начала глубоко вкорененныя конституціею. Равенство дворянства было только основнымъ положеніемъ государственнаго устройства, въ дѣйствительности же образовалось неравенство въ имуществахъ и какъ обыкновенное слѣдствіе того неравенство въ значеніи и силѣ. Въ однѣхъ фамиліяхъ господствовала бережливость, въ другихъ же расточительность; однѣ пользовались благоволеніемъ, другія же навлекали на себя не милость двора и такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ генерацій однѣ фамиліи пользовались выгодами, другія же терпѣли невыгоды, оттого произошло весьма неравное раздѣленіе имуществъ. Нѣкоторыя фамиліи собрали несмѣтныя богатства, другія же должны были радоваться, если могли получить содержаніе въ службѣ у богатѣйшихъ. Такимъ образомъ совершенно противъ духа Польскаго государственнаго устройства въ Польшѣ возникло *высшее и низшее дворянство*. Съ завистью и недовѣрчивостію слѣдило послѣднее за каждымъ шагомъ перваго, который могъ вести къ утвержденію аристократіи, и тѣмъ крѣпче держалось право liberum veto, что въ немъ еще отражалось уже почти не существовавшее равенство. Чѣмъ болѣе усиливалась непріязнь между высшимъ и низшимъ дворянствомъ, тѣмъ чаще пользовались этимъ опаснымъ правомъ и единодушіе, безъ котораго сеймъ не могъ сдѣлать ни одного постановленія и безъ котораго государство не могло существовать, въ то самое время, когда оно было необходимѣе всего, со дня на день становилось невозможнѣе. Еще обильнѣйшимъ источникомъ несогласій служило раз-

личіе въ вѣрѣ. Церковь своими законами и пака заніями не могла ни воспрепятствовать утвержденію въ Польшѣ новыхъ религіозныхъ мнѣній, ни подавить ихъ по утвержденіи. Всѣ религіозныя секты, нетерпимыя въ другихъ странахъ, искали и находили себѣ убѣжище въ Польшѣ. Туда проникла также и реформація и, не смотря ва всѣ противодѣйствія, нашла себѣ столько приверженцевъ, что даже пользовалась законностью. Но для государства, въ которомъ все основывается на единодушіи, нѣтъ ничего опаснѣе, какъ принятіе столь многихъ элементовъ несогласій. Чтобы предотвратить дурныя слѣдствія этого, было признано необходимымъ совершенно отдѣлить религіозныя убѣжденія отъ политики. Потому государственный сеймъ въ 1573 году закономъ утвердилъ терпимость. Всѣ свободные Поляки, принявъ общее названіе *Диссидентовъ*, взаимно обязались никогда не вступать между собою въ непріязненныя отношенія за вѣру, и положили на различіи въ вѣрѣ не основывать различія въ политическихъ правахъ. Впрочемъ легко видѣть, что эта терпимость не имѣла твердаго основанія и что съ различіемъ въ вѣрѣ въ Польское государство пала искра, которую стоило только раздуть волнующимся страстямъ, чтобы возжечь пламя по всей Польшѣ. Такимъ образомъ Польша вступила въ новое время, одержимая многими недугами. Она не только называлась республикою, но и была ею на самомъ дѣлѣ; королевская власть была такъ ограничена, что король ни на что не имѣлъ рѣшительнаго вліянія; собственно верховная власть принадлежала націи, единодушная воля которой была высшимъ закономъ.

Тогда какъ Польша быстрыми шагами приближалась къ анархіи, сосѣдственная и родственная ей держава Россія, идя по пути, проложенному Іоанномъ III, шла стольже быстро къ величію и силѣ. Здѣсь правители, одушевленные сознаніемъ

національнаго единства, дѣйствовали свободно и являли свое могущество внутри и внѣ государства. При *Василіи III* исчезло до послѣдняго слѣда прежнее раздробленіе Россіи и коронованный въ *цари* преемникъ его *Іоаннъ IV*, обезопасивъ на всегда покореніемъ Казани и Астрахани границы своего государства со стороны Азіи, могъ обратить свои взоры на Европу и для тѣснѣйшаго соединенія съ нею стремиться къ обладанію Прибалтійскою полосою. *Съ этого времени пріобрѣтеніе Лифляндіи дѣлается главною задачею Русской политики.*

Хотя въ слѣдствіе нападенія Русскаго Царя палъ Орденъ Меченосцевъ, бывшій не въ состояніи противустоять могуществу Россіи, но съ другой стороны оно побудило сосѣдственныя державы Швецію и Польшу принять на себя защиту Эстляндіи и Лифляндіи, такъ что эти береговыя страны сдѣлались теперь яблокомъ раздора между тремя главными державами на Сѣверѣ *). Польша *по прекращеніи Ягеллонова дома* получаетъ въ лицѣ воеводы Седмиградскаго *Стефана Баторія* мужественнаго Короля, который въ союзѣ съ Швеціею принудилъ Русскихъ къ уступкѣ Лифляндіи. По устраненіи притязаній

*) Кромѣ Heidenstein de bello Moscovitico, ap. Starczewski hist. Ruthenicae scriptor. ext. vol. II, также Туанъ въ 21-ой книгѣ своей Исторіи представилъ подробное и достовѣрное изложеніе Лифляндской войны.

Россіи сепершичество за Лифляндію продолжалось между Польшею и Швеціею. Поляки надѣялись на вѣрное окончить этотъ споръ избраніемъ въ Польскіе Короли по смерти Баторія наслѣдника Шведскаго престола *Іоанна Сигизмунда*; но втсупленіе Іоанна Сигизмунда на Польскій престолъ еще болѣе запутало отношенія на Сѣверѣ, ибо въ слѣдствіе того Іоаннъ Сигизмундъ лишился Шведскаго престола, что было причиною продолжительной войны за наслѣдство между Польскою и Шведскою отраслію дома Вазы. Эта война образовала въ Королѣ Шведскомъ *Густавѣ* II *Адольфѣ* героя своего вѣка и послѣ продолжительной борьбы окончилась въ 1629 году тѣмъ, *что Лифляндія и Эстляндія остались во владѣніи Швеціи.*

Орденъ Меченосцевъ былъ не въ состояніи противостоять той силѣ, съ которою Царь Іоаннъ IV въ 1558 году напалъ на Лифляндію. Всю страну наводнили Русскія войска и она подверглась страшному опустошенію. Послѣ того какъ Русскіе штурмомъ взяли Нарву, ключь къ Лифляндіи, то старый Гермейстеръ Фюрстенбергъ сложилъ съ себя свое достоинство. На мѣсто его главою ордена былъ назначенъ молодой и рѣшительный мужъ *Готгардъ Кетлеръ*; увидѣвъ вскорѣ невозможность противостоять Русскому могуществу, потому что одна крѣпость сдавалась за другою и вся страна находилась въ страшномъ опустошеніи, онъ обратился къ Польскому Королю Сигизмунду II Августу и 28-го ноября 1561 года заключилъ съ нимъ, какъ съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, договоръ, по которому Курляндія и Семигалія должны были составлять подъ покровительствомъ Польши наслѣдственное герцогство Кетлера; Лифляндія же совершенно соединялась съ Поль-

шею. Этотъ договоръ содержалъ еще условіе, чтобы по прекращеніи Кетлерова дома новое герцогство Курляндія также отошло къ Польшѣ. Но прежде нежели Польша въ слѣдствіе этого договора успѣла оказать Кетлеру дѣятельную помощь, Ревель обратился съ просьбою о помощи къ Швеціи, а Епископство Эзельское къ Даніи. Эрикъ послалъ въ Ревель Шведскій гарнизонъ и занялъ часть Эстляндіи, а Магнусъ, братъ Датскаго Короля Фридриха, утвердился между тѣмъ на островѣ Эзелѣ и на противулежащемъ берегу въ Гапсалѣ. Такимъ образомъ Лифляндія сдѣлалась предметомъ споровъ между главными державами на Сѣверѣ; въ одно время и тоже началась война между Польшею и Россіею, между Польшею и Швеціею, наконецъ между Швеціею и Даніею. Но Даніи наскучила война и она въ 1570 году въ Шеттинѣ заключила миръ, по которому удержала за собою островъ Эзель; прочія же державы продолжали Лифляндскую войну съ большимъ ожесточеніемъ, хотя не достигали рѣшительныхъ результатовъ.

Между тѣмъ въ Царѣ произошла перемѣна. Эта перемѣна началась въ немъ со времени смерти супруги его Анастасіи Романовны; съ нею какъ бы улетѣлъ добрый Ангелъ его и онъ во всѣхъ окружающихъ видѣлъ только измѣнниковъ, а въ боярахъ честолюбцевъ, стремившихся къ ограниченію его единодержавія *). Прежде всѣхъ Царскому гнѣву подверглись тѣ, которые руководили его къ добру и держали на пути истины: именно Сильвестръ и

*) О причинѣ внезапной перемѣны въ Іоаннѣ можно догадываться изъ письма его къ Курбскому, которымъ онъ самъ даетъ возможность глубоко проникнуть въ его душу, говоря: «Ради спасенія души моей приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ: но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился, съ Адашевымъ, *чтобы управлять Царствомъ безъ Царя ими презираемаго.* Они снова вселили духъ своевольства въ бояръ; роздали единомышленникамъ города и волости; сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я *былъ невольникомъ на тронѣ*». Карамзинъ Т. IX, стр. 13.

Адашевъ; ихъ обоихъ обвинили въ чародѣйствѣ и злоупотребленіи ввѣренной имъ власти и первый изъ нихъ посланъ въ Соловецкій монастырь, а послѣдній въ заключеніе, гдѣ вскорѣ и умеръ. Довѣріе Іоанна перешло теперь къ людямъ недостойнымъ, какъ Басмановъ, Малюта-Скуратовъ и Вяземскій; они, злоупотребляя благосклонностію Царя, безпрестанно увеличивали въ немъ подозрѣнія, которыми пользовались для низверженія друзей Сильвестра и Адашева. Страшно мучимый воображеніемъ, Іоаннъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ измѣну, и когда Князь Андрей Курбскій бѣгствомъ въ Польшу уклонился отъ его злобы и въ письмѣ упрекалъ его въ тираніствѣ, то Іоаннъ принялъ страшныя мѣры; онъ объявилъ, что отказывается отъ престола, по тому что не можетъ смотрѣть на безпорядки, произведенные боярами, и удалился въ Александровскую Слободу. На просьбу своихъ подданныхъ онъ объявилъ, что снова готовъ принять бразды правленія, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы никто не препятствовалъ ему казнить измѣнниковъ. Это считалъ теперь Іоаннъ своею главною задачею, и поручивъ государство подъ именемъ *Земщины* управленію коммиссіи, удержалъ за собою, подъ именемъ *Опричины*, только двадцать городовъ съ ихъ областями и окружилъ себя многочисленнымъ корпусомъ такъ называемыхъ *Опричниковъ*, которые служили ему стражею и были исполнителями его повелѣній. Находясь въ Александровской Слободѣ, онъ держалъ въ рукахъ своихъ верховную власть надъ всѣмъ государствомъ; сюда влачили всѣхъ несчастныхъ, казавшихся ему измѣнниками, и онъ самъ допрашивалъ и судилъ ихъ. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали тѣхъ, на которыхъ падало подозрѣніе Царя. Это состояніе государства продолжалось семь лѣтъ съ 1565 до 1572 года; хотя тогда Опричину уничтожили, но тѣмъ не прекратились преслѣдованія и казни обвиняемыхъ въ измѣнѣ. Отъ времени до времени разражалась опала надъ тѣми, которые своимъ вліяніемъ или своими заслугами навлекали на себя царскій гнѣвъ; въ одномъ припадкѣ гнѣва Іоаннъ умертвилъ даже соб-

ственнаго старшаго сына. Естественно, что эта перемѣна въ Царѣ имѣла дурное вліяніе на Лифляндскую войну, какъ и на оборотъ дурное окончаніе войны содѣйствовало еще большему ожесточенію Царя.

Во время Лифляндской войны произошло обильное для Польши слѣдствіями и давно ожидаемое событіе, именно 1-го іюня 1572 года со смертію Сигизмунда Августа прекратилось мужеское поколѣніе Ягеллонова дома. Поляки, пользуясь этимъ, торжественно объявили Польскій престолъ избирательнымъ. Въ собраніи, предшествовавшемъ избранію новаго Короля, было постановлено: впредь прекратить наименованіе или избраніе королемъ себѣ преемника, для того, чтобы по смерти Короля избраніе новаго совершалось свободно и неограниченно самимъ народомъ. Для ограниченія королевской власти, положено приставить къ королю тайный совѣтъ, состоящій изъ 16 избранныхъ сенаторовъ и подлежащій отвѣтственности предъ народомъ за всѣ распоряженія Короля. Каждые два года долженъ былъ созываться сеймъ. Кромѣ того нѣкоторыя права, принадлежавшія до сихъ поръ одному Королю, были предоставлены также и сейму. Сюда относится призваніе ко всеобщему ополченію, которое впредь нельзя было произвести безъ сейма; равнымъ образомъ Король не могъ безъ согласія Сената ни вступать въ бракъ, ни расторгать заключеннаго брака. Ему запрещалось также употребленіе своей частной печати въ дѣлахъ общественныхъ; государственная печать, которая одна только могла прилагаться въ подобныхъ случаяхъ, должна была всегда находиться у Государственнаго Канцлера. Всѣ иностранцы были лишены права на полученіе государственныхъ должностей и имѣній, и впредь положено предоставлять оныя только Польскимъ дворянамъ. Таковы были условія, которыя долженъ былъ принять новый Король Польскій; но тѣмъ не менѣе нашлось много соискателей короны и избраніе было тѣмъ затруднительнѣе, что избиравшіе колебались между избраніемъ Пяста и иностраннаго Принца *). На-

*) Въ числѣ соискателей былъ и царь Іоаннъ IV; онъ уже составилъ себѣ многочисленную партію между Литовцами, кото-

конецъ Французскій посланникъ Іоаннъ де Монлюкъ, Епископъ Валанскій, одержалъ верхъ своими лестными обѣщаніями; онъ склонилъ большинство голосовъ на сторону Французскаго принца Генриха Анжуйскаго; такъ какъ Монлюкъ, не долго думая, подписалъ и клятвою подтвердилъ во имя Генриха предложенныя ему pacta conventa или избирательную капитуляцію, то Генрихъ 17-го мая 1573 года единогласно былъ избранъ въ Короли. Но Генрихъ менѣе, нежели кто либо, былъ въ состояніи поддержать блескъ и права Польской короны противъ притязаній дворянства. Онъ принялъ королевское достоинство въ Польшѣ въ то время, когда слабое здоровье его брата Карла IX открывало ему виды на Французскій престолъ; онъ не спѣшилъ ѣхать въ Польшу и отправился туда съ намѣреніемъ по смерти брата оставить это государство. Королевское достоинство въ Польшѣ служило Генриху только для удовлетворенія его тщеславію, но онъ не находилъ нисколько интереса въ томъ, чтобы быть столь дѣятельнымъ, какъ того требовали дѣла. Онъ щедро дарилъ королевскія имущества и столь-же мало могъ прекратить распри между дворянами, сколь мало имѣлъ охоты ѣздить изъ одной провинціи въ другую и творить судъ. Но этому вскорѣ Польша также ему наскучила, какъ и его возненавидѣли Поляки; лишь только онъ получилъ извѣстіе о смерти своего брата и объ упраздненіи Французскаго престола, какъ тотчасъ-же 28-го іюня 1574 года совершенно тайно оставилъ королевство *). Удаленіе Короля было только тѣмъ непріятно Полякамъ, что, по видимому, стыдило ихъ. Впрочемъ Польская корона нисколько не потеря-

рые надѣялись избраніемъ его положить конецъ соперничеству между Россіею и Польшею, но этотъ планъ рушился потому, что нельзя было согласить предлагаемыхъ съ обѣихъ сторонъ требованій. См. эти интересные переговоры у Карамзина, т. IX, стр. 227—234.

*) Удаленіе Короля разсказываетъ Туанъ въ началѣ 58 книги своей исторіи. Поляки, чувствуя стыдъ, причиненный имъ этимъ событіемъ, старались письменно представить его иностраннымъ державамъ такъ, ne culpa clandestini discessus in se, qui reges ac principes suos praecipua semper veneratione prosecuti essent, rejiceretur.

ла своей прелести, что доказало большее число и значительность новыхъ соискателей, между которыми былъ и императоръ Максимиліанъ II, дѣйствовавшій въ пользу сына своего Эрнста. При этомъ избраніи обнаружилось уже соревнованіе между нисшимъ дворянствомъ и Сенатомъ. Сенатъ дѣйствовалъ въ пользу Австрійскихъ интересовъ, а нисшее дворянство не хотѣло и слышать объ Австрійскомъ Принцѣ; къ тому-же Турецкое правительство всѣми мѣрами старалось поддержать это расположеніе, чтобы не дать такъ значительно усилиться своему родовому врагу, дому Австрійскому. При такихъ обстоятельствахъ должно было воспослѣдовать двойное избраніе. Примасъ и Сенатъ 10 декабря 1575 года провозгласили Королемъ самаго императора Максимиліана; дворянство-же наименовало принцессу Анну, сестру послѣдняго Ягеллона, Королевою, а Седмиградскаго князя *Стефана Баторія* ея супругомъ. Такъ какъ Максимиліанъ медлилъ принять предложенныя ему pacta conventa, и даже не могъ принять ихъ, потому что обязывался ими имѣть постоянное пребываніе въ Польшѣ и не иначе удаляться оттуда, какъ съ согласія Сейма, то Баторій получилъ время утвердиться въ Польшѣ. Онъ исполнилъ всѣ предписанныя ему условія съ такою честностію, что мало по малу привлекъ къ себѣ своихъ противниковъ; только Прусскіе города, и между ними Данцигъ, надобно было принудить силою оружія къ признанію Стефана. Стефанъ былъ князь воинственный и большая часть правленія его протекла въ стараніи изгнать Русскихъ изъ Лифляндіи. Съ этою цѣлію онъ въ 1577 году соединился съ Швеціею и союзъ имѣлъ ожидаемыя слѣдствія. Тогда какъ Шведы подъ начальствомъ Понтаде-ла-Гарди вытѣснили Русскихъ изъ Эстляндіи и отняли у нихъ Нарву, Баторій овладѣлъ Лифляндіею и готовился ко вторженію въ самую Россію, чтобы принудить Царя къ миру. Въ его рукахъ былъ уже Полоцкъ и Великіе Луки, какъ Псковъ мужественнымъ защищеніемъ остановилъ его успѣхи. Впрочемъ царь Іоаннъ долженъ былъ уступить силѣ обстоятельствъ; въ своемъ затруднительномъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ посредничеству папы Григорія XIII, который по этому

случаѣ послалъ въ Россію Іезуита Антонія Поссевино *). Миръ съ Польшею состоялся 15-го января 1582 года въ деревнѣ Киверовѣ Горѣ; со Швеціею-же 26 мая слѣдующаго года было заключено перемиріе. Въ слѣдствіе этихъ договоровъ Лифляндія осталась во владѣніи Польши, а Эстляндія во владѣніи Швеціи, Россія-же совершенно была отрѣзана отъ Балтійскаго Моря.

Еще важнѣйшимъ слѣдствіемъ Лифляндской войны было то, что она подала поводъ новому ограниченію королевской власти въ Польшѣ. Эта война такъ занимала Стефана, что ему не оставалось времени для исполненія своихъ судейскихъ обязанностей. Пользуясь этимъ, дворянство исторгло изъ рукъ Короля и судейскую власть и присвоило её себѣ. Былъ учрежденъ верховный трибуналъ, состоящій изъ членовъ духовнаго и свѣтскаго званія каждаго воеводства; это судилище должно было по перемѣнно имѣть пребываніе въ Петрковѣ и въ Люблинѣ и, находясь въ первомъ мѣстѣ, съ октября до Пасхи, рѣшать процессы Великопольскіе, а на послѣднемъ въ остальную часть года процессы Малопольскіе. Для Литвы равнымъ образомъ въ 1581 году былъ учрежденъ верховный трибуналъ въ Вильнѣ. Въ начальствѣ надъ войскомъ королевская власть также потерпѣла ограниченіе. Продолжительность войны показала необходимость постояннаго войска, и дѣйствительно было составлено два корпуса, одинъ для Польши, другой для Литвы. Но, чтобы не отдать столь важнаго орудія въ руки Короля, главное начальство надъ обоими войсками было поручено генераламъ и хотя Король назначалъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, но не имѣлъ права отставлять ихъ; кромѣ того уплата жалованья войску зависѣла отъ согласія каждаго сейма. Вообще Стефанъ терпѣлъ отъ недовѣрчивости и не-

*) Пребыванію Поссевино въ Россіи мы обязаны сочиненіемъ которое, служитъ главнымъ источникомъ къ познанію тогдашняго состоянія Россіи: Antonii Possevini, Societatis Iesu, Moscovia et alia opera de statu hujus seculi adversus catholicae ecclesiae hostes. Nunc primum in unum volumen collecta atque ab ipsomet auctore emendata et aucta. Colon. 1587 fol. Сравн. Fried. v. Adelung kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland. St. Petersb. 1846. Bd. I, S. 321—360.

ревѣса сейма. По окончаніи войны съ Россіею ему казалось необходимымъ для утвержденія за собою Лифляндіи завоевать оставшуюся за Швеціею Эстляндію; съ этою цѣлію онъ часто дѣлалъ сейму представленія, но сеймъ не обращалъ на то вниманія. Сеймъ надѣялся другимъ путемъ легче достигнуть этой цѣли; казалось, что избраніемъ въ короли Шведскаго Принца вѣрнѣе можно было осуществить планы Стефана, нежели новою войною, которая неизвѣстно какъ кончится. По этому лишь только умеръ 12 декабря 1586 года Стефанъ, какъ тотчасъ въ наслѣдники ему былъ предложенъ Шведскій наслѣдный принцъ *Іоаннъ Сигизмундъ*. Кромѣ выгоды, которую представляло это избраніе, мирною сдѣлкою предотвратить споры съ Швеціею, въ пользу Сигизмунда могло дѣйствовать его происхожденіе и воспитаніе; потому что мать его была Ягеллонская принцесса и въ надеждѣ возвести его на Польскій престолъ старалась при воспитаніи развить въ немъ нужныя для того качества. Не смотря на то тотчасъ-же образовалась противная партія, которая объявила себя за Максимиліана, Эрцгерцога Австрійскаго. Обѣ партіи провозгласили своихъ кандидатовъ королями; Шведская 19-го августа 1587 года Іоанна Сигизмунда, а Австрійская 22-го августа Эрцгерцога Максимиліана; Литовцы же, не принимавшіе участія ни въ томъ, ни въ другомъ избраніи, по обратившіе свои взоры на Русскаго Царя, оставили избирательную площадь, протестуя противъ всего, что было положено на собраніи. За двойнымъ избраніемъ послѣдовала междоусобная война, которая впрочемъ вскорѣ кончилась въ пользу могущественнѣйшей Шведской партіи; Максимиліанъ, разбитый 25-го ноября 1587 года при Краковѣ, былъ преслѣдуемъ въ Силезію и послѣ второй несчастной битвы при Питченѣ 25-го января 1588 года взятъ въ плѣнъ. Для полученія свободы онъ отказался отъ престола, который теперь безъ споровъ остался за Сигизмундомъ III.

Возведеніе на Польскій престолъ Іоанна Сигизмунда еще болѣе запутало дѣла на Сѣверѣ. Глав-

ною причиною, побудившею Поляковъ къ его избранію, и главнымъ условіемъ его капитуляціи было соединеніе Шведской Эстляндіи съ Польскою Лифляндіею; но Сигизмундъ долженъ былъ отложить это дѣло до того времени, пока, по смерти своего отца, не получитъ Шведскій престолъ. Между тѣмъ, что нравилось въ Сигизмундѣ Полякамъ, за то ненавидѣли его Шведы. Хотя по смерти своего отца, который умеръ 19-го октября 1592 года, онъ дѣйствительно въ 1594 году короновался Королемъ Шведскимъ, но постоянное пребываніе его въ Польшѣ дало возможность дядѣ его Карлу, Герцогу Зюдерманландскому, какъ государственному правителю, воспользоваться ревностію протестантовъ и, отклонивъ народъ отъ его законнаго Короля, проложить путь къ престолу самому себѣ. Споръ между дядею и племянникомъ превратился въ 1595 году въ настоящую войну; въ этой войнѣ Сигизмундъ столь ясно видѣлъ неразположеніе къ себѣ Шведовъ, что не иначе рѣшался являться между подданными, какъ подъ защитою иностраннаго войска, по этому онъ не явился по обѣщанію на Стокгольмскій сеймъ, собравшійся для устроенія дѣлъ Швеціи. На требованіе Шведскаго сейма утвердить свое мѣстопребываніе въ Швеціи или, если онъ предпочитаетъ Польшу, то послать въ Швецію сына своего Владислава, чтобы онъ могъ воспитываться тамъ въ духѣ Лютеранской вѣры и въ правахъ страны, Сигизмундъ не далъ никакого отвѣта; тогда Шведскія сословія, считая себя въ правѣ устранить короля Сигизмунда съ его потомствомъ отъ Шведскаго престола, въ 1600 году признали Королемъ дядю его Карла IX впрочемъ съ условіемъ, которое съ этого времени дѣлается основнымъ государственнымъ закономъ, чтобы впредь каждый Король былъ Лютеранномъ, женился на Лютеранкѣ, жилъ въ Швеціи и кромѣ того никогда не принималъ иностранной короны. Первымъ слѣдствіемъ устраненія Сигизмунда отъ Шведскаго престола было то, что онъ старался теперь упрочить за своимъ домомъ корону Польскую. Но здѣсь связывали его постановленія конституціи и строго хранившее свои права дворянство не замедлило ему

напомнить объ нихъ. Лишь только Сигизмундъ подалъ видъ, что хочетъ назначить себѣ преемникомъ сына своего Владислава, какъ дворянство въ августѣ 1606 года подъ руководствомъ Краковскаго воеводы составило конфедерацію. Эта конфедерація приняла собственно верховную власть въ государствѣ и потребовала къ себѣ Короля и Сенатъ для отвѣтственности. Хотя конфедерація и не пріобрѣла такой прочности, чтобы исполнить всѣ свои намѣренія, но по крайней мѣрѣ успѣла разрушить противоконституціонные планы Короля. За то тѣмъ съ большимъ жаромъ обратился теперь Сигизмундъ противъ Швеціи; онъ старался возбудить противъ своего дяди Карла IX внутреннія безпокойства и силою оружія отнять у него Эстляндію, но ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Карлъ IX счастливо и благоразумно держался противъ внутреннихъ безпокойствъ до самой смерти, постигшей его 8-го ноября 1611 года, а сынъ и наслѣдникъ его *Густавъ II Адольфъ* взялся за войну съ Польшею, какъ за благопріятный случай для развитія своихъ воинскихъ талантовъ (*). Въ эту борьбу вмѣшались и религіозные интересы: Сигизмундъ, изгнанный изъ Швеціи, будучи католикомъ, явился представителемъ католичества, тогда какъ Густавъ Адольфъ съ такою-же ревностію принялъ сторону протестантства и сдѣлался столпомъ протестантской церкви. Хотя Сигизмунду содѣйствовали католическія державы, однако же ему не удалось одержать верхъ надъ воинскими талантами Густава. Густавъ Адольфъ завоевалъ всю Лифляндію и грозилъ занятіемъ самой Пруссіи, какъ Сигизмундъ, наученный наконецъ горькими опытами и неудачами, заблагоразсудилъ прибѣгнуть къ посредничеству Англіи и Франціи. При этомъ посредничествѣ 25-го сентября 1629 года въ Альтмаркѣ въ Западной Пруссіи состоялось шестилѣтнее перемиріе, по которому Густавъ Адольфъ удержалъ за собою Лифляндскія завоеванія. Эта война имѣла для Польши то важное слѣдствіе, что

(*) A. F. Gfrörer's Gustav Adolf, König von Schweden, und seine Zeit. 2-te Aufl. Stuttg. 1845.

развила въ ней религіозную партизанскую ревность и поколебала религіозный миръ. Король дѣлался тѣмъ ревностнѣйшимъ католикомъ, чѣмъ болѣе получалъ причинъ ненавидѣть протестантовъ. Естественно, что отъ королевскаго дома эта религіозная ревность распространилась и на окружающихъ его; Королю правились тѣ, которые раздѣляли съ нимъ его образъ мыслей, и такъ какъ легко было видѣть, что онъ не предоставитъ находившихся въ его распоряженіи государственныхъ имуществъ въ руки ненавистной ему религіозной партіи, то всѣ искали и достигали королевской благосклонности дѣйствительною или притворною приверженностію къ католической вѣрѣ. Католики получили теперь рѣшительный перевѣсъ въ королевствѣ, потому что ихъ духовенство пріобрѣло политическое значеніе, чего не имѣли ни епископы Греческіе, ни проповѣдники протестантскіе. Къ тому-же въ Польшѣ утвердилось братство Іисуса; оно овладѣло какъ и вездѣ мѣстами духовниковъ и воспитаніемъ, и дѣйствовало на ожесточеніе умовъ противъ иновѣрцевъ. Ихъ вліянію надобно особенно приписать, что многочисленные приверженцы Православной Церкви въ Литвѣ были доведены до соединенія съ Римскою Церковью на основаніи постановленій Флорентійскаго Собора. Эта Унія произошла въ 1596 году на соборѣ въ Брестѣ; мѣры, принятыя къ ея распространенію, равнымъ образомъ содѣйствовали усиленію взаимной ненависти между религіозными партіями *). Такимъ образомъ въ Польшѣ нарушенъ былъ религіозный миръ и искра несогласія, павшая въ государство въ слѣдствіе принятія различныхъ религіозныхъ сектъ, была поддерживаема и раздуваема до тѣхъ поръ, пока наконецъ не превратилась въ ясное пламя.

Не задолго до войны между Польшею и Швеціею и во время ея обѣ державы не спускали глазъ съ Россіи, гдѣ по прекращеніи Рюриковой

*) Объ *Уніи* см. Устрялова Русск. Исторія ч. I, стр. 267—273.

династіи противъ новаго царя *Бориса Годунова* явился самозванецъ подъ именемъ Димитрія, сына Іоанна IV, и при помощи Поляковъ вступилъ на царскій престолъ. Хотя обманъ былъ открытъ и наказанъ низверженіемъ и умерщвленіемъ самозванца, но возведенный послѣ него въ царское достоинство *Василій Шуйскій* также не могъ утвердиться на престолѣ. Поляки, выставляя новыхъ Лже-Дмитріевъ, продолжали волновать Россію и разстроивать дѣла ея съ рѣшительнымъ намѣреніемъ привести Русскій престолъ въ зависимость отъ Польши. Дѣйствительно Королю Сигизмунду открылась возможность вознаградить себя за потерю своего наслѣдственнаго государства, Швеціи, пріобрѣтеніемъ Русскаго престола. Но онъ медлилъ до тѣхъ поръ, пока Русская нація не поднялась противъ чужаго господства; народъ, возбужденный *Козьмою Мининымъ* къ возстанію, получивъ славнаго предводителя въ лицѣ Князя *Димитрія Пожарскаго*, освободилъ себя отъ несчастія, въ которое вовлекла его неопредѣленность престолонаслѣдія и, по низверженіи Польскаго ига, 21-го Февраля 1613 года избравъ Царемъ *Михаила Ѳеодоровича Романова* столь дѣятельно поддерживалъ его, что онъ какъ Шведовъ, такъ и Поляковъ принудилъ къ миру *).

*) *Н. Г. Устрялова* сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. С. Петербургъ 1831—34, 5 част.; *А. Бутурлина*

Тогда какъ царь Іоаннъ IV потерялъ Лифляндію, отрядъ предпріимчивыхъ Донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана *Ермака Тимоѳеева* утвердилъ его господство въ Сибири. Въ Сибири владычествовалъ тогда Киргизскій Ханъ Кучумъ, владѣнія котораго простирались отъ подошвы Урала до рѣки Оби. Онъ не только освободился отъ дани, которую платили Россіи его предшественники, но еще вступилъ съ Русскими въ непріязненныя отношенія, стараясь распространить свои владѣнія на западъ пріобрѣтеніемъ Перми. Здѣсь онъ встрѣтилъ владѣнія богатыхъ Строгановыхъ, начавшихъ извлекать изъ Урала его минеральныя богатства. Угрожаемые опасностію, Строгановы оказывали Сибирскому Хану тѣмъ сильнѣйшее сопротивленіе, что Царь позволилъ имъ строить для защиты своей крѣпости и держать вооруженную силу. Пользуясь этимъ позволеніемъ, они не довольствовались отраженіемъ непріятеля отъ своихъ предѣловъ, но преслѣдовали его въ его собственныхъ владѣніяхъ. Въ 1582 году къ нимъ вступилъ въ службу казацкій атаманъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, съ отрядомъ изъ 540 Донскихъ казаковъ; онъ далъ борьбѣ съ Кучумомъ новую силу. Въ одной кровавой битвѣ на берегахъ Иртыша онъ одержалъ побѣду, въ слѣдствіе которой овладѣлъ главнымъ городомъ Сибири, Искеромъ, и принудилъ Хана Кучума къ бѣгству въ Киргизскія степи. Какъ сначала царь Іоаннъ былъ не доволенъ предпріятіемъ казаковъ, такъ послѣ былъ доволенъ исполненіемъ его. Извѣстіе о столь значительномъ расширеніи его царства было послѣднею его радостію; вскорѣ послѣ того 18-го марта 1584 года онъ умеръ и утвержденіе вновь сдѣланнаго пріобртенія осталось сыну и наслѣднику его *Ѳеодору* I. Можно было ожидать, что Кучумъ употребитъ всѣ средства къ возвращенію потеряннаго царства. И дѣйствительно въ 1584 году онъ появился съ новыми силами и, напавъ на казаковъ, истребилъ большую часть ихъ; самъ Ермакъ палъ въ сраженіи, или, какъ разсказываютъ другіе, погибъ въ волнахъ

Исторія смутнаго времени въ Росс и въ началѣ XVII вѣка С. Петерб. 1839—1846. 3 ч.

Иртыша. Между тѣмъ новый Русскій царь Ѳеодоръ послалъ туда подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ правильно составленныхъ отрядовъ подъ начальствомъ Чулкова и Воейкова, которые тѣмъ легче снова овладѣли страною, что Кучумъ, соперничествуя въ то время съ княземъ Сейдакомъ, былъ съ нимъ въ войнѣ. Сейдакъ въ 1585 году попался Русскимъ въ плѣнъ, Кучумъ былъ изгнанъ и господство Русскихъ въ западной Сибири было упрочено на всегда заложеніемъ крѣпостей Пелыма, Березова, Тобольска и другихъ *).

Россія, истощенная неудачными войнами Іоанна IV, при недостаткѣ предпріимчивости въ Ѳеодорѣ получила теперь время для отдохновенія. Важнѣйшимъ дѣломъ его правленія было учрежденіе патріаршаго престола въ Москвѣ; въ 1589 году Московскій митрополитъ Іовъ былъ возведенъ въ санъ перваго Патріарха и Православная Церковь получила новую опору противъ нападеній, которымъ подвергались сыны ея въ Литвѣ со стороны Іезуитовъ. Къ несчастію 7-го января 1598 года съ Ѳеодоромъ I прекратилось поколѣніе Рюрика и несчастную Россію постигъ рядъ бѣдствій, грозившихъ подавить ея могущество. Зять Ѳеодора, Борисъ Годуновъ, еще при жизни Царя устроилъ все, чтобы по смерти его овладѣть Царскимъ престоломъ. Борисъ достигъ своей цѣли; по смерти Ѳеодора бояре и духовенство единогласно призывали его на царство и онъ, послѣ нѣкоторой нерѣшительности болѣе для приличія, нежели на самомъ дѣлѣ, принялъ наконецъ ихъ призваніе. Но едва только онъ успѣлъ утвердиться на престолѣ, какъ своими противными народу законами возбудилъ противъ себя неудовольствія. Какъ скоро господство его сдѣлалось тягостнымъ, тотчасъ стали изслѣдовать, какими средствами онъ достигъ его и не было ни одного преступленія къ которому-бы не считали способнымъ этого честолюбца **). Таково было настроеніе умовъ въ Россіи, какъ вдругъ въ 1603 году въ Литвѣ явился молодой человѣкъ, который выдавалъ себя за убіеннаго

*) Лѣтопись Сибирская, изд. съ Рукописи XVII вѣка. С. Петерб. 1821. Joh. Eb. Fischer's Sibirische Geschichte. St. Petersb. 1768. 2 Bde. *Карамзинъ* т. IX, стр. 370—411.

**) Многія обвиненія Бориса, выдуманныя ненавистію на-

въ Угличѣ Димитрія и сходствомъ съ убитымъ подтверждалъ справедливость своихъ увѣреній. Политика Польскаго правительства видѣла въ немъ надежное орудіе привести Россію въ замѣшательство и зависимость отъ Польши, по этому король Сигизмундъ принялъ его ласково и призналъ его, а воинственное и корыстолюбивое дворянство доставило ему помощь. Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, обручилъ его съ дочерью своею Мариною и тѣмъ сообщилъ ему блескъ, ослѣпившій многихъ. Напрасно царь Борисъ старался увѣрить свѣтъ, что мнимый Царевичъ есть бѣглый монахъ Чудова Монастыря, по имени *Гришка Отрепьевъ*; доброе мнѣніе о Борисѣ уже такъ поколебалось, что увѣреній его никто не принималъ. По этому когда въ октябрѣ 1604 года Лже-димитрій явился на Русской границѣ, то Сѣверная страна признала его царемъ, и города Черниговъ, Путивль и другіе отворили ему ворота. Но всего болѣе благопріятствовала Самозванцу внезапная смерть царя Бориса, который умеръ 13-го апрѣля 1605 года. Въ его неожиданной смерти народъ видѣлъ карающую руку небеснаго провосудія и оставилъ молодаго *Ѳеодора II*, который по смерти отца своего Бориса принялъ царскій титулъ. Уже 7-го мая Лжедимитрія провозгласило царемъ посланное противъ него войско и это обстоятельство рѣшило борьбу: все царство присягнуло Самозванцу и путь его отъ Путивля къ Москвѣ былъ совершеннымъ тріумфомъ. Въѣхавъ въ столицу, онъ велѣлъ умертвить Ѳеодора Борисовича, который 10-го іюня вмѣстѣ съ матерью былъ удавленъ.

Но едва Димитрій достигъ цѣли своего честолюбія, какъ тотчасъ же ему представились затрудненія, которыя не обѣщали продолжительности его

рода и переданныя потомству легковѣрностію современныхъ писателей на вѣрное, не имѣютъ никакого основанія; что-же касается до убіенія царевича Димитрія то оно, кажется, дѣйствительно было его дѣломъ, и наряженное имъ слѣдствіе, по показаніямъ котораго Царевичъ былъ самъ виною своей смерти (Розыскъ о смерти Ц. Димитрія, во второмъ томѣ собранія госуд. грамотъ, изд. гр. Румянцовымъ) подтверждаетъ это подозрѣніе, падающее на Бориса.

величію. Нечистая совѣсть сдѣлала его недовѣрчивымъ къ подданнымъ, которыхъ онъ обманулъ столь неслыханнымъ образомъ, и снисходительнымъ къ Полякамъ и другимъ иностранцамъ, на помощь которыхъ онъ единственно могъ разсчитывать. Русскіе, часто терпя со стороны Димитрія оскорбленіе національнаго чувства, еще болѣе вознегодовали на него, когда въ Москву прибыла обрученная его невѣста, Полька Марина, окруженная многочисленною свитою, въ которой они справедливо видѣли людей, желавшихъ только обогатиться въ Россіи. Во время увеселеній, сопровождавшихъ бракосочетаніе Царя 17 мая 1606 года народъ, долго скрывавшій свое негодованіе, произвелъ страшный мятежъ. Лжедимитрій съ большею частію своихъ Поляковъ былъ убитъ. Марина же со всѣми своими единоземцами, избѣжавшими ярости народа, взята подъ стражу. Глава этого удачнаго возмущенія *Василій Шуйскій* вступилъ на упразднившійся престолъ. Но молва, что Димитрій избѣжалъ смерти въ Москвѣ, не давала новому Царю спокойно править государствомъ. Хотя ему удалось разсѣять толпы народа, собравшіяся во имя Димитрія подъ начальствомъ какого то Ивана Болотникова, и захватить въ плѣнъ новаго самозванца, выдававшаго себя за сына Ѳеодора Іоанновича, Петра, не смотря на то положеніе дѣлъ совершенно перемѣнилось, когда въ началѣ 1608 года самъ новый Лжедимитрій, при помощи Поляковъ дошелъ до Москвы, и, укрѣпясь въ селѣ Тушинѣ, осадилъ столицу *). Успѣхъ его рѣшила Марина, которая, получивъ свободу, признала этого бродягу за своего мужа; такой обманъ снова увлекъ Русскихъ къ покорности Царю, навязанному имъ чужимъ оружіемъ. Стѣсненный Царь Шуйскій просилъ помощи у Шведскаго короля, Карла IX; но прибытіе Шведовъ, дѣйствовавшихъ только изъ своекорыстныхъ видовъ, привело Царя еще въ большое

*) Находясь при Тушинѣ онъ 17 мѣсяцевъ осаждалъ Москву, и отъ своего лагеря здѣсь извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *Вора Тушинскаго*. Состояніе и имя его собственно неизвѣстны, иные говорятъ, что это былъ Жидъ, другіе же называютъ его сыномъ Попа, Матвѣемъ Веревкинымъ.

затрудненіе, потому что вмѣшательство Швеціи послужило предлогомъ Королю Сигизмунду также принять участіе въ войнѣ. Въ сентябрѣ 1609 года Сигизмундъ съ могущественнымъ войскомъ вторгся въ Россію въ надеждѣ овладѣть Русскимъ престоломъ для себя или для сына своего Владислава. Въ слѣдствіе появленія въ Россіи Сигизмунда Поляки оставили Лжедимитрія и потому онъ не могъ долѣе держаться въ Тушинѣ. Въ декабрѣ 1609 года онъ удалился въ Калугу, гдѣ въ слѣдующемъ году былъ застрѣленъ однимъ изъ своихъ приверженцевъ за нанесенное ему оскорбленіе. Тогда какъ Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ, Гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, разбивъ при Клушинѣ 24 іюня 1610 года противопоставленную ему Русско-Шведскую армію, двинулся къ Москвѣ; Царь Шуйскій былъ низверженъ и постриженъ въ монахи; послѣ выданный Полякамъ, онъ былъ увезенъ въ Польшу, гдѣ спустя два года и умеръ въ плѣну. Побѣдители овладѣли теперь упраздненнымъ престоломъ и побудили Бояръ избрать въ Цари Польскаго Принца Владислава. Но медленность отца лишила Владислава и этого втораго наслѣдственнаго престола, который представляло ему счастіе, какъ и перваго, на который онъ имѣлъ право по рожденію. Какъ прежде Сигизмундъ отказывался послать сына своего въ Швецію, такъ теперь не пускалъ его въ Москву, почему Владиславъ какъ тогда такъ и теперь лишился престола. Русскіе только въ первомъ страхѣ избрали Владислава, медленность же его дала имъ время одуматься. Высокомѣріе Поляковъ сдѣлало для нихъ несносною самую мысль о зависимости отъ Польши, а слабость Польскаго гарнизона вселила въ нихъ смѣлость къ возстанію. На призваніе Патріарха Ермогена взяться за оружіе для спасенія отечества и вѣры, прежде всѣхъ поднялась Рязань подъ предводительствомъ Прокопія Ляпунова, ея примѣру послѣдовали многіе другіе города и въ началѣ 1611 года народъ многочисленными толпами шелъ для освобожденія Москвы. Когда они приблизились къ Москвѣ, то жители ея напали на Польскій гарнизонъ, состоявшій изъ 7000 человѣкъ

но Поляки, защищаясь въ Кремлѣ и крѣпкихъ башняхъ Китай-города, прибѣгли къ рѣшительному средству для своего спасенія; они зажгли городъ и 19 марта 1611 года Москва превратилась въ пепелъ. Возстаніе не удалось и два главные виновника его погибли жертвами своего патріотизма: патріарха Ермогена заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ, а Ляпунова убили. За тѣмъ во всемъ послѣдовало совершенное разстройство, одни покорялись новому самозванцу, который подъ именемъ Димитрія явился въ Псковѣ, другіе признавали Царемъ новорожденнаго сына Марины; Новгородъ предался Шведамъ, а Смоленскъ послѣ мужественнаго защищенія сдался Полякамъ. Но когда бѣдствія достигли высшей степени, тогда близка была и помощь; народъ, отягченный несчастіемъ, рѣшился отдать все для спасенія отечества или погибнуть со всѣмъ своимъ имуществомъ. Первый выказалъ эту рѣшительную мысль простой Нижегородскій гражданинъ *Козьма Мининъ* *). «Ополчимся старъ и младъ», говорилъ онъ своимъ согражданамъ, «наймемъ людей ратныхъ, продадимъ свои домы, заложимъ женъ, дѣтей и выкупимъ отечество.» Одушевленныя слова Минина были приняты съ одушевленіемъ; граждане Нижняго Новгорода не только пожертвовали для отечества своими драгоцѣнностями, но еще, что было важнѣе въ столь бѣдственное время, посвятили на службу ему сильныя руки и мужественныя сердца. Начальство надъ вооруженными принялъ Князь *Димитрій Пожарскій* и подкрѣпленный присоединеніемъ ополченій изъ другихъ городовъ, послѣдовавшихъ примѣру Нижняго Новгорода, въ августѣ 1612 года повелъ всѣхъ на Москву. Одержавъ побѣду надъ Польскимъ военноначальникомъ Хоткѣвичемъ, Пожарскій осадилъ Поляковъ въ Кремлѣ и 20 октября 1612 года принудилъ ихъ сдать Кремль. Удавшееся дѣло освобожденія довершилось избраніемъ Царя отъ Русскаго

*) О Мининѣ, которому признательное потомство воздвигло статую въ Нижнемъ Новгородѣ, извѣстно только то, что онъ торговалъ мясомъ и завѣдовалъ Нижегородскимъ посадомъ, въ званіи старосты.

корепя, при которомъ не нужно было опасаться за неприкосновенность Русской церкви, ни Русскихъ правовъ и который соединеніемъ всѣхъ партій могъ положить конецъ всѣмъ притязаніямъ иностранцевъ. Выборъ палъ 21 февраля 1613 года на *Михаила Ѳедоровича Романова*, шестнадцатилѣтняго юношу *). Надобно было имѣть необыкновенную рѣшимость чтобы при тогдашнихъ обстоятельствахъ принять Русскую Корону; Михаилъ дѣйствительно долго не рѣшался и согласился только на представленіе духовенства, что онъ избранъ Богомъ и за отказъ подвергнется предъ нимъ отвѣтственности. Третьяго марта онъ принялъ корону, сказавъ: «Если того хощетъ Богъ, да будетъ тако». Сколь ни жалко было положеніе Россіи при началѣ правленія Михаила, но всеобщее признаніе новаго Царя уничтожило по крайней мѣрѣ неопредѣленность въ наслѣдіи и тѣмъ устранило источникъ, изъ котораго доселѣ проистекало все зло. Съ единодушіемъ въ народѣ возвратилось могущество государства и врагамъ Россіи ничего болѣе не оставалось, какъ заключить съ нею миръ. Густавъ Адольфъ первый заключилъ съ Царемъ миръ 27-го февраля 1617 года въ Столбовѣ и по договору возвратилъ Россіи Новгородъ и другіе Русскіе города, занятые Шведами, но удержалъ Ингерманландію и Карелію. Польша также должна была отказаться отъ своихъ притязаній, она заключила съ Россіею 11 декабря 1618 года перемиріе въ селѣ Деулинѣ около Москвы и, признавъ Михаила Царемъ, получила за то Смоленскъ съ его областію, страну Сѣверскую и Черниговъ. Впрочемъ эти пріобрѣтенія скорѣе были

*) Михаилъ Ѳеодоровичъ род. 12-го іюля 1596 года Онъ былъ сынъ роднаго племянника Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна IV и такимъ образомъ находился въ близкомъ родствѣ съ прежде царствовавшимъ домомъ. Отца его Ѳеодора Никитича Романова Борисъ принудилъ вступить въ монашество, и онъ при постриженіи принялъ имя *Филарета*. Во время возведенія Михаила на Царскій Престолъ онъ находился въ Польскомъ плѣну. Въ слѣдствіе же мира съ Польшею онъ получилъ свободу и возведенный въ санъ Патріарха, какъ совѣтами такъ и дѣйствіями своими служилъ опорою своему сыну.

несчастіемъ для Польши, нежели увеличеніемъ ея внутренней силы, потому что они поддерживали національную ненависть къ ней Русскихъ и можно было предвидѣть, что Россія, прійдя въ лучшее состояніе, возвратитъ отъ Польши все, что уступила ей въ трудное для себя время и отомститъ ей за все, что претерпѣла отъ нея.

Здѣсь мы оставимъ Сѣверъ—когда Польша все очевиднѣе клонится къ анархіи, Россія мало по малу оправляется отъ слѣдствій прекращенія мужескаго колѣна Царственнаго дома, а Швеція подъ управленіемъ воинственнаго и предпріимчиваго Короля стоитъ на высокой степени могущества. Проведя реформацію чрезъ всѣ страны, которыхъ она коснулась и которыя отчасти преобразовала, мы опять обратимся туда, гдѣ она получила свое начало, къ Германіи. Германія дѣлается теперь средоточіемъ Европейской политики и вспыхнувшая здѣсь тридцатилѣтняя война есть первая всеобщая Европейская война.

Въ Германіи Богословіе все еще составляло главный интересъ въ жизни; интересы сословій и дворовъ, стремленія и страсти Князей и народовъ были въ связи съ богословскими ученіями. Но къ счастію религіозный миръ, налагая оковы на религіозныя партіи, удерживалъ ихъ въ покоѣ; хотя Германія раздѣлялась на двѣ партіи, но между ними были извѣстныя отношенія, опредѣлявшія права и обязанности каждой. Какъ Фер-

динандъ I такъ и преемникъ его Максимиліанъ II смотрѣли на протестантство какъ на фактъ, который уже нельзя лишить существованія и который потому долженъ имѣть законное мѣсто въ Имперіи. Они болѣе всего заботились о сохраненіи внутренняго мира въ Германіи, чтобы тѣмъ съ большею силою дѣйствовать противъ Османскихъ Турковъ и при удобномъ случаѣ отнять у нихъ Венгрію. Въ этомъ имъ благопріятствовала родовая вражда, въ которой жили тогда Турки съ Персами; вообще Османская Исторія представляетъ намъ съ этого времени безпрестанныя войны, которыя Турки ведутъ попеременно то съ Нѣмцами, то съ Персами. *)

Употребивъ много труда для заключенія Аугсбургскаго религіознаго мира, будучи еще Королемъ Римскимъ, Фердинандъ и въ Императорскомъ достоинствѣ сохранялъ его во всей точности. Его болѣе всего занимали дѣла Венгерскія; исторгнуть это государство изъ рукъ Турковъ и доставить въ немъ твердый оплотъ Христіанству было главнымъ его желаніемъ. Но во все время его жизни у Османовъ былъ знаменитѣйшій Султанъ Сулейманъ и Османское Царство находилось на высшей степени своего могущества: впрочемъ мы уже видѣли какъ Австрія остановила завоеванія Османовъ и что Фердинандъ устроилъ дѣла Венгерскія такъ, что Венгрія, по смерти Іоанна Заполіи, должна была присоединиться къ его владѣніямъ. Въ этомъ ему не мало благо-

*) Кромѣ вышеприведеннаго обширной исторіи правленія Фердинанда перваго Ф. Б. Бухгольца см. Ueber die Zeiten Ferdinands I. und Maximilians II in Rankes historisch-politischer Zeitschrift. Bd. 1. Hamb. 1832.

пріятствовало то обстоятельство, что Султанъ не могъ направить всѣхъ своихъ силъ противъ одной Австріи, но долженъ былъ обращаться и на Востокъ противъ Персовъ.

Въ Персіи въ 1523 году умеръ родоначальникъ династіи Софи, Шахъ Измаилъ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Тамаспъ. Хотя со времени Чальдиранской битвы и завоеванія Курдистава Османы и Персы не воевали между собою, но вражда между ними продолжалась, потому что причины ея были духовныя и притомъ не было недостатка въ поводахъ къ взаимнымъ столкновеніямъ. Персидскій намѣстникъ въ Багдадѣ отложился отъ своего Государя и,ославъ ключи города Султану Сулейману, вступилъ такимъ образомъ подъ его покровительство и призналъ надъ собою его верховное господство. Нѣкоторые оставшіеся вѣрными Шаху, напавъ на вѣроломнаго слугу и убивъ его, возвратили Багдадъ Персидскому господству. Это послужило Сулейману поводомъ къ походу на Персію; онъ смотрѣлъ на Багдадъ, какъ на свою собственность, и вступилъ въ 1534 году въ походъ, чтобы силою занять прежнюю резиденцію Калифовъ. Персы, не имѣя еще огнестрѣльнаго оружія и тяжелой артилеріи и помня прежнее пораженіе при Чальдиранѣ, избѣгали сраженія. Тамаспъ предоставилъ врагамъ самую резиденцію свою Тебризъ и Османы 13 іюля 1534 года вступили въ нее во второй разъ. Отсюда Султанъ трудными путями съ потерею большаго числа людей и обоза подступилъ къ Багдаду, который и сдался въ послѣдній день этого года. Достигнувъ своей цѣли, Сулейманъ возвратился въ Константинополь, но для утвержденія за собою сдѣланнаго завоеванія онъ долженъ былъ предпринимать еще два похода противъ Персовъ въ 1548 и 1553 годахъ; наконецъ ему надоѣли эти трудные походы, потому что Персы не вступали въ бой и онъ принялъ мирныя предложенія. Миръ между нимъ и Шахомъ Тамаспомъ былъ заключенъ 29-го мая 1554 года въ Амазіи. Персы уступили Туркамъ Багдадъ, за что тѣ обѣщали съ этого времени не переходить за Персидскія границы и избѣгать всякаго повода

къ непріязни и спорамъ. Какъ прежде Германія, такъ теперь Персія остановила стремленіе Османовъ къ завоеваніямъ и завоеванные Сулейманомъ города Бѣлградъ и Багдадъ должны были служить крайними предѣлами Турецкаго господства въ Европѣ и Азіи. Впрочемъ тогда все еще было сомнительно, будетъ ли Венгрія добычею Турковъ или подпадетъ Австрійскому господству. Въ 1540 году умеръ Король Іоаннъ Заполія, по договору, заключенный съ Фердинандомъ, остался неисполненнымъ. За 14 дней до его смерти у него родился сынъ, Іоаннъ Сигизмундъ; вопреки условіямъ Гросвардейнскаго мира этотъ новорожденный ребенокъ былъ провозглашенъ Королемъ Венгерскимъ и переданъ покровительству Султана Сулеймана. Сулейманъ въ 1541 году самъ прибылъ въ Венгрію и овладѣлъ городомъ Офеномъ, но вмѣсто того, чтобы передать городъ матери Принца Іоанна Сигизмунда, онъ подалъ видъ что хочетъ удержать Венгрію за собою. Такой образъ дѣйствій Султана послужилъ въ пользу Австрійскому дому, потому что Венгры питали такую антипатію къ Туркамъ и были такъ проникнуты Христіанствомъ, что не могли терпѣливо покориться Магометанскому игу. Они приняли бы отъ Султана владѣтеля изъ Венгерцевъ; но чтобы избавиться отъ него самаго охотнѣе присоединились къ Фердинанду. Въ послѣдствіи Фердинандъ убѣдилъ Принца Іоанна Сигизмунда отказаться отъ притязаній на Венгрію и Седмиградію, за что вознаградилъ его Силезскими Княжествами Оппельномъ и Ратиборомъ. Впрочемъ чрезъ то онъ пріобрѣлъ только право, а не дѣйствительное владѣніе и, заключивъ съ Турками въ 1562 году перемиріе, не только долженъ былъ оставить за Портою завоеванія ея въ Венгріи, но еще за ту часть Венгріи, которую удержалъ за собою, обязался платить Туркамъ дань въ 30,000 дукатовъ. Таково было положеніе дѣлъ, какъ 25-го іюля 1564 года умеръ Императоръ Фердинандъ I. Онъ оставилъ трехъ сыновей, между которыми и раздѣлилъ Австрійскія наслѣдственныя владѣнія. Старшій сынъ его *Максимиліанъ*, недавно избранный въ Короли Римскіе, и потому наслѣдовавшій

отца въ Императорскомъ достоинствѣ, получилъ Эрцгерцогство Австрію съ коронами Богемскою и Венгерскою; *Фердинандъ* получилъ Тироль и передовыя Австрійскія земли, а *Карлъ* Штирію, Каринтію и Крайну. Что касается до происшедшихъ чрезъ то боковыхъ линій, то Тирольская линія Фердинанда прекратилась смертію его самого; онъ вступилъ въ неровный бракъ съ прекрасною Аугсбургскою дѣвицею Филиппиною Вельсеръ и потому происшедшіе отъ этого брака сыновья не могли наслѣдовать престола *). Вторая же боковая линія, происшедшая отъ Карла Штирійскаго, пережила главную линію и въ ней, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ, продолжался Габсбургскій домъ.

Едва Максимиліанъ II вступилъ на простолъ, какъ тотчасъ же былъ вовлеченъ въ войну съ Турками. Іоаннъ Сигизмундъ, сынъ Заполіи, возобновилъ по смерти Фердинанда свои притязанія на Венгрію и при помощи Турковъ началъ войну. Старый Султанъ Сулейманъ еще разъ самъ вступилъ въ поле и обратился на крѣпость Сигетъ, который уже не разъ отражалъ нападенія Турковъ. Сулейманъ всячески ускорялъ осаду, но ему не удалось пережить паденія Сигета. Комендантъ Сигета, Николай Цринн, и въ этотъ разъ защищался съ непоколебимымъ мужествомъ; нѣсколько приступовъ было отражено съ потерею для Турковъ. Досада на тщетныя усилія приблизила кончину Султана, которая и безъ того, при преклонности лѣтъ его, не могла быть далека. Онъ умеръ ночью съ 5 на 6-е сентября 1566 года. Смерть его, скрыли отъ войска, и врача, бывшаго свидѣтелемъ ея, умертвили. Великій Визирь продолжалъ осаду, какъ будто бы Султанъ еще жилъ, и такъ стѣснилъ осажденныхъ, что имъ только оставался выборъ между сдачею и смертію. Цринн съ своими сподвижниками рѣшился на геройскую смерть. Вся крѣпость лежала уже въ развалинахъ, кромѣ одной

*) Изъ двухъ сыновей его старшій Андрей вступилъ въ духовное званіе и былъ Кардиналомъ, а младшій Карлъ получилъ Маркграфство Бургауское, которое по смерти его (1618) опять отошло къ Австріи.

башни, въ которой находился пороховой магазинъ; отсюда Цринни во главѣ вѣрныхъ своихъ воиновъ 8 сентября сдѣлалъ высадку и бился, пока не палъ; чрезъ его трупъ Турки ворвались въ крѣпость, но лишь только вступили въ нее, какъ пороховой магазинъ съ ужаснымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ и они всѣ погибли; такимъ образомъ Сигетъ и по паденіи своихъ защитниковъ былъ гибеленъ для непріятелей *). По завоеваніи Сигета, которое стоило Туркамъ 20000 человѣкъ, Великій Визирь сталъ отступать, а войско все еще ничего не знало о смерти Султана; между тѣмъ старшій сынъ Сулеймана, *Селимъ II*, успѣлъ утвердиться въ Константинополѣ и перемѣна въ правленіи произошла безъ всякихъ безпокойствъ, кромѣ того, что Янычары вынудили себѣ обыкновенную награду, которую получали при вступленіи на престолъ новаго Султана. Селимъ II склонился на перемиріе и заключилъ его въ 1568 году съ Императоромъ Максимиліаномъ II на томъ условіи, чтобы обѣ стороны удержали за собою свои завоеванія. Хотя Іоаннъ Сигизмундъ, котораго также включили въ перемиріе, не соглашался сначала на это, но вскорѣ, видя себя не въ силахъ бороться съ Императоромъ, заключилъ съ нимъ въ 1570 году договоръ, по которому отказался отъ Королевства Венгерскаго, но удержалъ за собою Княжество Седмиградское, какъ ленъ Венгерской короны; Седмиградскія сословія получили теперь право свободно избирать себѣ Князя. Въ скоромъ времени имъ представился случай воспользоваться этимъ правомъ; 15-го марта 1571 года умеръ Іоаннъ Сигизмундъ бездѣтнымъ и сословія избрали Княземъ Седмиградскимъ Стефана

*) Катастрофу Сигета и геройскую смерть Цринни описалъ Туанъ въ 39-ой книгѣ своей исторіи; онъ заключаетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: Nec incruenta Turcis ea victoria fuit, quippe in conflictu, ictibus, ruina aedificiorum, concipiente ignem sulphureo pulvere, flammisque et alia peste ad tria millia Turcarum perierunt; tantaque strages utrinque edita est, cruore passim exundante, ut non nisi per cadavera in arce incedi posset, et audiebatur in castris hostium confusus ejulantium clamor, publicam de capto Sigetho laetitiam minuente privatorum moestitia.

Баторія, по возведеніи котораго на Польскій престолъ, мѣсто его запялъ братъ его Христофоръ Баторій.

Въ отношеніи къ Нѣмецкой Имперіи и религіознымъ пяртіямъ Максимиліанъ былъ еще спокойнѣе и безпристрастнѣе своего отца. При кротости своего характера и при своей вѣротерпимости онъ равно былъ далекъ отъ крайностей обѣихъ партій, и равно не одобрялъ политики Іезуитовъ какъ и излишней ревности нововводителей. Онъ старался поддерживать отношенія, утвержденныя религіознымъ миромъ, и держать себя въ отношеніи къ обѣимъ партіямъ такъ, какъ падлежитъ Императору. Естественнымъ слѣдствіемъ того былъ перевѣсъ протестантства, потому что католики, потерявъ опору, которую доселѣ имѣли въ Императорской власти, должны были бороться съ духомъ времени, благопріятствовавшимъ нововведеніямъ, и съ горестью смотрѣть, какъ протестанты, не смотря на духовное предохраненіе, одно епископство за другимъ покоряли своей власти. Въ 1564 году по смерти Епископа Юлія Пфлуга епископство Наумбургское получилъ Принцъ Саксонскій, когда же въ слѣдующемъ году Принцъ умеръ, то оно перешло къ Курфирсту Августу самому и его наслѣдникамъ. Въ то время Архіепископство Магдебургское досталось Принцу Бранденбургскому и домкапитулъ не только сдѣлался лютеранскимъ, но еще пришелъ въ такую зависимость отъ Брандбенбургскаго дома, что Магдебургъ могъ считаться его собственностью. Въ Гальберштатѣ утвердился Принцъ Брауншвейгскій. Подобная же участь постигла большую часть духовныхъ штифтовъ въ Нижней Саксоніи; они вошли подъ управленіе протестантскихъ Князей и совершенно отпали отъ Папы, равно какъ отъ ученія и обрядовъ Католической Церкви. Еще удивительнѣе этой секуляризаціи епископствъ, лежащихъ среди протестантскихъ земель, то, что протестантство проникло и въ Австрійскія земли *). Хотя уже

*) Все, что касается до реформаціи въ Австріи собрано въ Bernh. Raupachs evangelisches Oesterreich. Hamb. 1732—41. 5 Bde in 4-to.

и Императоръ Фердинандъ не могъ удерживать распространенія новаго ученія въ Австріи, но по крайней мѣрѣ никакъ не соглашался дать законности существованію новой Церкви. Максимиліанъ же полагалъ, что легче всего ослабитъ религіозное волненіе и вѣрнѣе всего пріобрѣтетъ покорность протестантовъ, если учредитъ по примѣру лютеранскихъ Князей, лютеранскую консисторію. По этому въ 1568 году онъ позволилъ Австрійскому дворянству въ принадлежащихъ имъ городахъ, деревняхъ, замкахъ и во всѣхъ зависимыхъ отъ нихъ церквахъ ввести богослуженіе и ученіе по положенію Аугсбургскаго исповѣданія; такую же религіозную свободу получили и Гусситы въ Богеміи. Для устройства лютеранскихъ церквей въ Австріи, въ Вѣну пригласили Богослова *Давида Хитрея*, бывшаго тогда профессоромъ въ Ростокѣ, и составленную имъ агенду ввели въ Австріи въ употребленіе. Папѣ, котораго чрезвычайно безпокоили эти нововведенія, Максимиліанъ отвѣчалъ, что онъ позволилъ своему дворянству держаться Аугсбургскаго исповѣданія, потому что въ противномъ случаѣ могли бы вкрасться многія заблужденія, это-же исповѣданіе, говорилъ онъ, тѣмъ менѣе опасно для католичечкой религіи, что во многомъ съ нею согласно. Впрочемъ вскорѣ Императоръ узналъ, что никогда нельзя удовлетворить партіи половинною уступкою. Сдѣланныя протестантамъ снисхожденія не простирались на государственные города; дворяне же, принявшіе протестантство, умѣли устранить это ограниченіе тѣмъ, что имѣя въ государственныхъ городахъ собственные домы, совершали въ нихъ протестантское богослуженіе для себя, а притомъ позволяли присутствовать и другимъ жителямъ. Такимъ образомъ находившіеся въ городахъ домы дворянъ обратились въ протестантскія церкви, въ которыхъ проповѣдывали, причащали, крестили и вѣнчали. Хотя Максимиліанъ запрещалъ такія злоупотребленія, но, дѣйствуя безъ настойчивости, не могъ ничего сдѣлать.

При расположеніи времени къ нововведеніямъ протестантство пріобрѣло бы въ Германіи при

Максимиліанѣ II еще рѣшительнѣйшій перевѣсъ, если бы въ немъ въ слѣдствіе *перехода Курфирста Пфальцскаго къ Кальвинизму* не произошло глубоко вкоренившагося раскола. Къ великой радости католиковъ, протестанты раздѣлились теперь на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая имѣла своего главу: на Кальвинскую, главою которой сдѣлался Курфирстъ Пфальцскій, и Лютеранскую, во главѣ которой стоялъ домъ Саксонскій. Кромѣ того Лютеране не были даже согласны и между собою; строго державшіеся Лютеранства съ подозрѣніемъ слѣдили за прочими своими единовѣрцами, стараясь узнать, не скрываются ли въ нихъ криптокальвинисты и одно необдуманное слово, высказанное богословомъ, порождало сильныя распри и новые расколы во всей Лютеранской Церкви. Въ скоромъ времени упомянутый расколъ соединился со взаимною враждою двухъ линій Саксонскаго дома и получилъ чрезъ то политическую опору. Сынъ прежняго Курфирста, несчастнаго Іоанна Фридриха, еще несчастнѣйшій Іоаннъ Фридрихъ, пользуясь обстоятельствами, хотѣлъ сдѣлаться главою лютеранской партіи и даже возвратить себѣ Курфиршескія владѣнія, но дѣйствіями своими погубилъ себя и увлекъ за собою своихъ приверженцевъ. Хотя послѣ того Лютеране въ слѣдствіе акта, называемаго Formula concordiae, снова соединились между собою, но за то тѣмъ рѣз-

че отдѣлились отъ Кальвинистовъ. Такимъ образомъ Протестантство, достигнувъ рѣшительнаго перевѣса въ Нѣмецкой Имперіи, раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая имѣла могущественную опору въ иностранныхъ державахъ; ибо къ Кальвинской Церкви принадлежала Швеццарія, Гугенотская партія во Франціи, Нидерланды, Англія и Шотландія, тогда какъ Лютеранство господствовало въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. По этому Германія, гдѣ соединялись всѣ три главныя религіозныя партіи, сдѣлалась средоточіемъ Европейскихъ интересовъ, ибо во всякомъ происходившемъ здѣсь волненіи принимали участіе главныя Европейскія державы.

Мнѣніе Кальвина о Св. Тайнахъ, распространясь мало по малу въ Пфальцѣ, такъ утвердилось въ немъ, что Курфирстъ Фридрихъ III рѣшительно перешелъ отъ Лютеранской церкви къ Кальвинской. Въ 1563 году Захарія Урсинъ и Каспаръ Олевіанъ составили въ Гейдельбергѣ катихизисъ, обнародованный отъ имени Курфирста и бывшій подъ заглавіемъ *Гейдельбергскаго Катихизиса* одною изъ символическихъ книгъ Реформатской церкви. Это обстоятельство произвело много шуму и весьма ожесточило Лютеранъ. Протестантская партія ослабѣвала тѣмъ болѣе, что между самими Лютеранами не было согласія; между тѣмъ въ то время произошелъ разрывъ между двумя линіями Саксонскаго дома, враждовавшими между собою какъ въ области богословія такъ и политики. Происшествія Шмалькальденской войны поставили обѣ отрасли Саксонскаго дома въ непріязненное положеніе другъ къ другу; Эрнестинская линія не могла забыть, что она лишилась Курфирстскаго достоинства Сыновья несчастнаго Іоанна

Фридриха удержали за собою едва треть отцовскихъ владѣній, которою владѣлъ въ то время *Іоаннъ Фридрихъ Средній* вмѣстѣ съ двумя малолѣтными братьями. Приверженность народа и богослововъ къ Князю, почитавшемуся мученикомъ евангелической церкви, доставила сыну его значеніе, далеко превосходившее его силы. По этому честолюбивому и тщеславному Іоанну Фридриху легко могло притти на мысль сдѣлаться главою строгихъ Лютеранъ и такимъ образомъ не только возвратить себѣ управленіе всею евангелическою партіею, но, если можно такъ, и Курфирстскія владѣнія. Онъ вскорѣ окружилъ себя всѣми ревнителями Лютеранства, между которыми значительнѣйшими были: старикъ Амсдорфъ и пламенный Флаціи; находясь при Іенскомъ Университетѣ, основанномъ низложеннымъ Курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ въ замѣнъ потерянаго университета въ Виттенбергѣ, они образовали тамъ сильнѣйшую оппозицію противъ Виттенбергскаго университета и взаимная ненависть между обѣими линіями Саксонскаго дома обнаруживалась нѣкоторое время только въ распряхъ и взаимныхъ спорахъ ихъ богослововъ. Но спорами своихъ богослововъ Герцогъ Іоаннъ Фридрихъ не достигалъ своей цѣли и потому пошелъ другимъ, политическимъ путемъ для достиженія ея, на что склонилъ его Франконскій рыцарь *Вильгельмъ Грумбахъ*. Грумбахъ велъ запутанный процессъ съ Мельхіоромъ Цобелемъ, Епископомъ Вюрцбургскимъ, въ слѣдствіе котораго лишился своего имѣнія. Такъ какъ Епископъ не согласился на исполненіе опредѣленій Каммергерихта, рѣшившаго дѣло въ пользу Грумбаха, то Грумбахъ рѣшился самъ отыскивать свои права. Онъ намѣревался захватить Епископа въ свои руки и принудить его къ возвращенію имѣнія. Но по несчастію Епископа при нападеніи, сдѣланномъ на него Грумбахомъ 15-го апрѣля 1558 года, вмѣсто того, чтобы только схватить, застрѣлили. Такимъ образомъ Грумбахъ не достигъ своей цѣли и какъ Фридрихъ, наслѣдникъ Мельхіора, не соглашался на его требованія, то онъ, видя въ этомъ несправедливость, во второй разъ прибѣгнулъ къ силѣ. Онъ нашелъ себѣ

многихъ сподвижниковъ во Франконскихъ рыцаряхъ, но важнѣе всего для него было покровительство Герцога Іоанна Фридриха. Грумбахъ совершенно овладѣлъ волею этого слабаго Князя и склонилъ на свою сторону его канцлера Брюка; онъ льстилъ имъ обоимъ обѣщаніемъ помощи Англичанъ и Французовъ для возвращенія Герцогу курфирстскаго достоинства. Собравъ въ области Герцога войско, Грумбахъ 4-го октября 1563 года напалъ въ расплохъ на городъ Вюрцбургъ. Теперь онъ принудилъ Епископа и домканитулъ согласиться на всѣ свои требованія. Но Императоръ не могъ оставить безъ наказанія столь явнаго нарушенія земскаго мира, по этому онъ уничтожилъ вынужденный отъ Епископа договоръ и осудилъ рыцаря Грумбаха со всѣми участниками въ нарушеніи мира на изгнаніе; въ тоже время онъ совѣтовалъ Герцогу Іоанну Фридриху не держать болѣе при себѣ нарушителя мира и его сообщниковъ. Герцогъ не послѣдовалъ этому увѣщанію, но перенесъ свою столицу изъ Веймара въ крѣпкую Готу съ явнымъ намѣреніемъ противиться Императорской Юстиціи. Младшій же братъ его Іоаннъ Вильгельмъ былъ умнѣе, онъ не только уклонялся отъ всякаго участія въ этихъ безпокойствахъ, но даже отдѣлилъ свой участокъ земли отъ участка своего старшаго брата, чтобы не подвергнуться его несчастной участи, которую уже можно было предвидѣть. Іоаннъ Фридрихъ не слушалъ никакихъ предостереженій и отвѣчалъ на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія, что княжеская честь, вѣрность и совѣсть не позволяютъ ему выдать невинно преслѣдуемаго злымъ врагамъ. Къ тому же онъ не скрывалъ своихъ намѣреній, чеканя монеты, на которыхъ называлъ себя природнымъ Курфирстомъ. Естественно, что Курфирстъ Августъ старался избавиться отъ своего соперника. 12 декабря 1566 года Герцога осудили на изгнаніе и исполненіе приговора поручили Курфирсту Августу. Онъ въ этомъ же мѣсяцѣ приступилъ къ осадѣ Готы. Какъ ни храбро защищался Іоаннъ Фридрихъ, но средства его не соотвѣтствовали его рѣшительности. На четвертый мѣсяцъ осады у него не достало денегъ для уплаты

жалованья войску. Это произвело 4-го апрѣля 1567 года страшное возстаніе; войско окружило дворецъ и захватило Канцлера Брюка вмѣстѣ съ рыцаремъ Грумбахомъ; такъ какъ Герцогъ потерялъ всякій авторитетъ, то изъ дворянъ, начальниковъ войска и гражданъ составилась коммиссія, которая вступила съ осаждающими въ переговоры и 13 апрѣля городъ сдался. Гарнизонъ получилъ свободное отступленіе, граждане же на колѣняхъ просили о прощеніи и присягнули Герцогу Іоанну Вильгельму, какъ новому своему повелителю. Несчастнаго Іоанна Фридриха выдали побѣдителямъ на волю Императора. Его отправили въ Вѣну и онъ находился въ Австріи въ плѣну до самой смерти, послѣдовавшей 9-го мая 1595 года. Другихъ же плѣнныхъ казнили въ Готѣ. На пыткѣ они открыли, что замѣревались силою ниспровергнуть существовавшій порядокъ въ Нѣмецкой Имперіи. Грумбаха и Брюка живыхъ четвертовали, а прочихъ обезглавили. При этомъ случаѣ Курфюрстъ Августъ отмстилъ также за себя, къ чему богословы не уступили случая побудить его *).

Хотя по паденіи Герцога Іоанна Фридриха Средняго управленіе лютеранскою партіею осталось неоспоримымъ въ рукахъ Курфюрста Саксонскаго, но чтобы снова пріобрѣсти себѣ довѣріе ревностныхъ Лютеранъ и отклонить отъ себя подозрѣніе въ Криптокальвинизмѣ, онъ долженъ былъ дать доказательство своей ревности къ чистотѣ лютеранскаго ученія. По этому нѣсколько разъ пытались снова составить всѣми признаваемую формулу вѣры. Результатомъ этихъ попытокъ была Formula Concordiae, обнародованная 25-го іюня 1580 г., ровно черезъ 50 лѣтъ со дня представленія Аугсбургскаго исповѣданія. Это твореніе, долженствовавшее соединить и скрѣпить новую церковь, содержало въ себѣ не-

*) Говорятъ что кроткій Императоръ Максимиліанъ, получивъ извѣстіе о происшествіяхъ въ Готѣ, замѣтилъ: Excessit medicina modum. Подробное описаніе находится въ Historica descriptio captae urbis Gothae soloque aequati castri Grimmenstein ap. Schard. scriptt. rer. Germ. T. IV.

повѣданіе Апостольское, Никейское и Аоанасіево, Аугсбургское исповѣданіе, Апологію его, Шмалькальденскія статьи, большой и малой катихизисъ Лютера и наконецъ новую формулу въ двоякомъ видѣ: въ Epitome и въ solida declaratio. По этой формулѣ касательно важнѣйшихъ въ то время спорныхъ пунктовъ снова было принято ученіе Лютера и всѣ мнѣнія, уклонявшіяся отъ него, а именно мнѣнія Кальвинистовъ, были осуждены. Къ формулѣ согласія кромѣ трехъ Курфюрстовъ, приступило 20 Герцоговъ и Князей, 24 Графа, 4 Имперскіе Барона и 35 Имперскихъ городовъ; всего 86 Имперскихъ чиновъ. Проповѣдниковъ и учителей, не хотѣвшихъ подписать формулу согласія, вездѣ отрѣшили отъ должностей.

Католики смотрѣли тѣмъ съ большею радостію на протестантскій расколъ, чѣмъ болѣе со дня на день увеличивилась непріязнь между католическою и протестантскою партіями и чѣмъ менѣе религіозный миръ былъ въ состояніи обуздывать волненія и все держать въ предписанныхъ имъ предѣлахъ порядка. Не проходило ни одного Имперскаго сейма, на которомъ бы обѣ партіи не отягощали Императора жалобами другъ на друга и важнѣйшія Имперскія дѣла оставались нерѣшаемыми, потому что все время сейма занимали всегда споры партій. Современныя событія въ сосѣдственныхъ государствахъ, особенно кровавая свадьба въ Парижѣ и преслѣдованіе Протестантовъ въ Нидерландахъ, возбудили и въ Германіи повсюду духъ партизанства. При столь опасномъ положеніи дѣлъ смерть Императора Максими-

ліапа II была для Германіи тѣмъ тягчайшею потерею, что наслѣдникъ его, *Рудольфъ II*, не могъ обуздывать партій. Генерація, возросшая подъ вліяніемъ Іезуитовъ, питала еще большую ненависть къ Протестантамъ, нежели было прежде, и Католичество, получивъ въ Эрцгерцогѣ *Фердинандѣ* Штирійскомъ, и *Максимиліанѣ*, Герцогѣ Баварскомъ, рѣшительныхъ и умныхъ предводителей, пріобрѣло такую силу въ Имперіи, что Протестантамъ ничего болѣе не оставалось, какъ заключить между собою для безопасности союзъ. Противъ протестантской *Уніи* тотчасъ же составился католическій союзъ подъ названіемъ *Лиги*, такъ что теперь, какъ и предъ Шмалькальденскою войною, обѣ религіозныя партіи составили организированные союзы и готовы были поднять другъ на друга оружіе.

По желанію Максимиліана, уже въ октябрѣ 1575 года въ Римскіе короли избрали старшаго сына его Рудольфа, который не имѣлъ качествъ, нужныхъ для правителя. Хотя онъ былъ хорошо воспитанъ и обладалъ обширными свѣдѣніями въ Математикѣ, Астрономіи и Химіи, но любовь его къ этимъ наукамъ только болѣе препятствовала ему серьезно посвятить себя дѣламъ правленія. Сердечная доброта его не соединенная, какъ у отца, съ силою и мужествомъ перешла въ немъ въ слабость и боязливость и покорила его вліянію Іезуитовъ, папскихъ легатовъ, и Испанскаго двора, отъ которыхъ отецъ его умѣлъ держать себя въ совершенной независимости. Кромѣ того продолжительное пребываніе его въ Испаніи дало такое направленіе религіознымъ идеямъ его, что онъ совершенно не могъ держать себя въ отношеніи къ партіямъ такъ, какъ началъ Максимиліанъ.

По этому лишь только 12-го октября 1576 года умеръ Максимиліанъ, какъ въ существовавшей доселѣ системѣ терпимости произошла перемѣна. Рудольфъ II ограничилъ кругъ пользовавшихся религіозною свободою въ Австріи однимъ дворянствомъ и только возстаніе крестьянъ удержало его отъ дальнѣйшихъ мѣръ противъ подданныхъ, державшихся протестантства. Но чего не могъ достигнуть Рудольфъ, то съ величайшею энергіею совершилъ двоюродный братъ его изъ Штирійской линіи, Эрцгерцогъ Фердинандъ. Этотъ ревностный поборникъ католичества выступилъ на сцену въ одно время съ искреннимъ другомъ своимъ Максимиліаномъ, Герцогомъ Баварскимъ *). Фердинандъ, сынъ Эрцгерцога Карла Штирійскаго родился 9-го іюля 1578 года. При отцѣ его протестантство такъ усилилось въ Штиріи, что почти совершенно подавило католичество; Эрцгерцогъ Карлъ, хотя былъ ревностный католикъ, по по слабости своей не могъ доставить перевѣса своей вѣрѣ; непріятности же, которыя онъ терпѣлъ отъ религіозныхъ споровъ, такъ сильно дѣйствовали на его здоровье, что ихъ вліянію приписывали его смерть, случившуюся въ 1590 году. Сыну его Фердинанду было тогда только 12 лѣтъ; по этому Императоръ Рудольфъ и дядя Фердинанда съ материнской стороны, Вильгельмъ, Герцогъ Баварскій, приняли надъ нимъ опеку. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Максимиліаномъ, сыномъ Вильгельма, и ученія Іезуитовъ внушили обоимъ юношамъ одни и тѣ-же начала **). Главное между этими началами было то, что все счастіе правительства зависитъ отъ утвержденія или возстановленія католичества въ подвластныхъ ему народахъ. Такое ученіе нашло плодородную почву въ душѣ Фердинанда. При всемъ благоразуміи и кротости въ своихъ понятіяхъ и умѣренности въ своихъ

*) Для исторіи Фердинанда главное сочиненіе F. Ch. Khevenhüllers Annales Ferdinandei Leipzig. 1717—26 12 Bde. in Fol. а для исторіи Максимиліана P. P. Wolf Geschichte Kurfürst Maximilians I und seiner Zeit; fortgesetzt von Breyer. München 1807—11. 4 Bde.

**) Начала, въ которыхъ были воспитаны Фердинандъ и Максимиліанъ, лучше всего можно узнать изъ сочиненія Испанскаго Іезуита *Маріаны* de Rege et Regis institutione.

поступкахъ, онъ питалъ непреодолимое отвращеніе къ новой Церкви. По этому, вступивъ въ 1596 году въ управленіе своею землею и принимая отъ подданныхъ присягу, онъ отказался подтвердить предоставленную имъ отцемъ его вѣротерпимость. При тогдашнемъ могуществѣ Протестантовъ надобно было имѣть необыкновенное мужество, чтобы разомъ лишить ихъ всякой терпимости. Фердинандъ медлилъ два года и приступилъ къ дѣлу только въ1598 году, по возвращеніи изъ путешествія въ Римъ, откуда онъ привезъ себѣ благословеніе Папы Климента VIII. Тринадцатаго сентября онъ повелѣлъ сословіямъ отмѣнить протестантское богослуженіе и удалить изъ своихъ владѣній всѣхъ протестантскихъ проповѣдниковъ и учителей. Этотъ эдиктъ два раза усиливали и наконецъ распространили до того, что всѣмъ гражданамъ и поселянамъ, не-Католикамъ, повелѣвалось выселиться или принять католичество. Напрасно сословія протестовали противъ этого; Эрцгерцогъ ссылался на принадлежавшее ему право реформаціи и говорилъ, что онъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться имъ въ своихъ странахъ, какъ протестантскіе князья въ своихъ. Впрочемъ онъ поддерживалъ эдиктъ не только приведеніемъ основаній, но и принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ назначилъ коммиссію, которая съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ ѣздила съ мѣста на мѣсто и всюду принуждала народъ снова принимать католическую религію. Хотя жители нѣкоторыхъ мѣстъ хотѣли отвратить силу силою, но нигдѣ сопротивленіе не могло равняться съ сильными мѣрами правительства. Чтобы дѣйствовать страхомъ, во многихъ мѣстахъ поставили висѣлицы, которыя впрочемъ оставались безъ употребленія, потому что Фердинандъ боялся проливать кровь; тѣхъ протестантскихъ духовныхъ, которые не шли добровольно, насильно вывозили за границу. Протестантскія церкви разрушали или разрывали порохомъ; Библіи, постиллы, книги съ церковными пѣснями сожигали. На одномъ изъ мѣстъ сожженія ихъ Эрцгерцогъ заложилъ Капуцинскій монастырь. Капуцинскій орденъ, происшедшій, какъ мы уже видѣли, изъ преобразованія Францисканскаго ордена, служилъ теперь лучшимъ орудіемъ, чтобы отчужден-

ный отъ старой церкви народъ снова примирить съ нею. Это дотавилъ ему покровительство Фердинанда Штирійскаго равно какъ и Максимиліана Баварскаго, и Капуцины не безъ успѣха старались объ исполненіи плановъ своихъ покровителей. Хотя Эрцгерцогъ, достигнувъ результата своихъ усилій, лишился многихъ зажиточныхъ подданныхъ, которые выселились, но онъ считалъ эту потерю не значительною въ сравненіи съ выгодою возстановленія въ своихъ владѣніяхъ единства вѣры и церковнаго устройства. Тогда какъ одинъ герой католичества ознаменовалъ такимъ образомъ появленіе свое энергіею, и другой, Максимиліанъ Баварскій, выступилъ съ немепьшею рѣшительностію и силою. Не имѣя нужды обращать или изгонять изъ своихъ владѣній протестантовъ, потому что предшественники его совершенно уничтожили въ Баваріи протетстантскіе элементы, онъ обратилъ всю свою заботливость на управленіе страною, ввелъ строжайшую бережливость и порядокъ, что дало ему возможность доставить Баваріи такое могущество, что она возвысилась на степень одной изъ главныхъ Германскихъ державъ. Такимъ образомъ католичество сосредоточилось около двухъ столь славныхъ предводителей какъ Фердинандъ и Максимиліанъ, тогда какъ протестантство все болѣе и болѣе распадалось и расточало свою силу и ненависть на возникшія въ нѣдрахъ ея секты.

Въ это время, когда католическая и протестантская партіи становились непріязненнѣе другъ къ другу, ко многимъ различіямъ между ними присоединилось еще одно, находящееся въ тѣсной связи съ общественною жизнію, именно различіе въ счисленіи времени или календарѣ. Старый Юлянскій календарь считая годъ въ 365 дней и 6 полныхъ часовъ, давалъ ему нѣсколько большую продолжительность противъ настоящей; не смотря на всю незначительность этой ошибки, излишекъ въ продолженіе болѣе нежели 16 столѣтій употребленія этого календаря, такъ увеличился, что гражданское счисленіе времени отставало тогда отъ истиннаго теченія солнца на цѣлые 10 дней. Извѣстно съ какою ревностію и сколь великіе умы занимались

въ то время Математикою и Астрономіею, по этому несогласіе между употреблявшимся календаремъ и естественнымъ временемъ было замѣчено, и Папа Григорій XIII поручилъ математику Алоизію Лильо сдѣлать въ календарѣ нужныя перемѣны. Папа 13-го февраля 1582 года обнародовалъ исправленный календарь, по которому выпускалось 10 дней, чтобы согласить гражданскій годъ съ солнцемъ, и предлагалъ всѣмъ христіанскимъ государямъ ввести его въ употребленіе. Императоръ Рудольфъ и Имперскія католическія сословія, какъ и всѣ католическія державы приняли это предложеніе и ввели у себя новый календарь, принявъ въ 1583 году вмѣсто 5-го октября 15 октября. Протестанты напротивъ отказались принять его, опасаясь тѣмъ предоставить Папѣ право суда и власти надъ собою *). Такимъ образомъ къ большому замѣшательству во всѣхъ дѣлахъ присоединилось еще двоякое счисленіе времени: по новому и старому стилю. До сихъ поръ у обѣихъ партій церковные праздники были въ одни и тѣже дни, теперь же и эта связь исчезла между ними; и чѣмъ яснѣе выражался разрывъ, тѣмъ онъ становился сильнѣе. Двадцать пятаго марта 1584 года Григорій XIII издалъ извѣстную буллу In coena Domini, которою былъ возобновленъ обычай въ великій четвергъ торжественно проклинать и отлучать отъ церкви всѣхъ еретиковъ, съ ихъ покровителями, а именно Гусситовъ, Лютеранъ, Цвингліанъ и Кальвинистовъ. Кромѣ того и самая жизнь ежедневно производила множество столкновеній между обѣими партіями, что вело къ ниспроверженію существовавшаго положенія дѣлъ и подрывало религіозный миръ. Большая часть случаевъ оканчивалась въ пользу Ка-

*) Протестантскіе Князья представляли это опаснымъ не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи, считая преобразованіе календаря присвоеніемъ Императорскихъ правъ со стороны Папы; потому что первый Римскій Императоръ Юлій Цесарь составилъ календарь, Константинъ Великій опредѣлилъ когда праздновать Пасху, Карлъ Великій ввелъ календарь въ Имперію и слѣдовательно новую перемѣну въ счисленіи времени можетъ сдѣлать только Императоръ, а не Папа.

толиковъ, и это служило яснымъ доказательствомъ постоянно возраставшаго ихъ могущества.

Въ Императорскомъ городѣ Ахенѣ, гдѣ во время заключенія религіознаго мира всѣ были Католики, число Протестантовъ мало по малу до того усилилось, что они не только стали требовать права открыто совершать свое богослуженіе, но и участія въ управленіи городомъ. Въ слѣдствіе этого возникъ вопросъ: распространяется ли религіозный миръ и на тѣхъ, которые приняли новую религію уже по заключеніи его. Такъ какъ совѣтъ отвергъ требованіе Протестантовъ, то они силою доставили себѣ то, въ чемъ имъ отказывали; впрочемъ въ 1598 году Императоръ лишилъ городъ покровительства законовъ; его оружіемъ принудили къ покорности и по изгнаніи оттуда протестантскаго духовенства и властей, въ немъ снова привели все въ прежнее положеніе.

Къ счастію Христіанства въ то самое время, когда въ нѣдрахъ его готовилась всеобщая религіозная война, Турецкое могущество стало приходить въ упадокъ. Османское государство при Сулеймапѣ достигло высшей степени своего величія, но уже въ правленіи этого славнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ слутановъ были положены начала паденія, которыя быстро развивались при его преемникахъ. Не смотря на то Османское могущество еще долгое время оставалось грознымъ, какъ для Персовъ, такъ и для Австрійскаго дома. Персія, ослабленная спорами за наслѣдство, должна была уступить Туркамъ значительныя провинціи, а Австрія при недѣятельности Рудольфа II находилась въ опасности потерять Туркамъ цѣлую Венгрію. Наконецъ братъ Импера-

тора Рудольфа II, Эрцгерцогъ Матѳій, вступился за интересы своего дома. Онъ заключилъ 11-го ноября 1606 года въ Ситваторокѣ миръ съ Османскою Портою на выгоднѣйшихъ условіяхъ для Австріи, нежели она могла ожидать, судя по стѣсненному положенію, въ которомъ тогда находилась, и принудилъ Императора передать себѣ одну корону за другою. Напрасно Рудольфъ старался удержаться по крайней мѣрѣ въ Богеміи и далъ ей *грамоту Величества*; Матѳій овладѣлъ и Богеміею, а вскорѣ, по смерти Рудольфа, получилъ также Императорскую корону.

Болѣе всѣхъ былъ недоволенъ заключеніемъ мира и дѣйствіями Эрцгерцога Матѳія Императоръ Рудольфъ II. Чтобы оградить себя противъ его негодованія Матѳій доставилъ себѣ опору въ Протестантахъ и чрезъ то пріобрѣлъ средства принудить брата въ 1608 году уступить себѣ Венгрію, Австрію и Моравію. Но за полученную помощь онъ долженъ былъ согласиться на церковныя и политическія требованія Венгерцевъ, а Австрійцамъ дать такъ называемую *Капитуляціонную резолюцію*, по которой они снова получили религіозную свободу, которой лишились въ началѣ правленія Рудольфа II. Такимъ образомъ Матѳій конечно болѣе изъ внѣшнихъ политическихъ видовъ нежели по внутреннему побужденію принялъ систему терпимости Максимиліана II; теперь Рудольфъ, чтобы не лишиться и Богеміи, также долженъ былъ прибѣгнуть къ подобной уступчивости. По этому 9-го іюля 1609 года онъ далъ Богемцамъ такъ называемую *грамоту Величества* *). По этой грамотѣ Величества

*) Богемскую грамоту Величества часто печатали, между прочимъ она находится и въ вышеприведенномъ сочиненіи Кевенгюллера, томъ 7, стр. 185. Замѣчательно, что Канцлеръ Лобковицъ и Графы Мартиницъ и Славата не хотѣли подписать грамоту Величества.

въ пользу протестантовъ, или, какъ они названы въ грамотѣ, сословій sub utraque, было постановлено слѣдующее: чтобы никто не притѣснялъ другъ друга за вѣру, но что всѣ стояли за одного, какъ вѣрные друзья; союзные чины, Бароны, дворяне, Прага, горные и прочіе города съ ихъ подданными и всѣ признавшіе Богемское исповѣданіе, предоставленное Императору Максимиліану II, могли вездѣ свободно и безпрепятственно слѣдовать ему, и вообще относительно вѣры, религіи, духовенства и церковнаго устройства пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ до всеобщаго соединенія Церквей въ Священной Имперіи. Для управленія своими церковными дѣлами протестанты получили позволеніе учредить въ Прагѣ консисторію и кромѣ того право занимать каѳедры въ Университетѣ; для охраненія новаго учрежденія положено было назначить дефензоровъ; хотя утвержденіе дефензоровъ предоставлялось Императору, но они не зависѣли отъ него и должны были получать свои инструкціи отъ протестантскихъ сословій. Далѣе протестанты могли вездѣ, гдѣ нужно, строить Церкви и заводить училища *). Но чтобы упрочить эти важныя привилегіи на будущее время, напередъ было объявлено недѣйствительнымъ все, что когда либо предпримется противъ нихъ кто бы ни былъ. Споры касательно грамоты Величества надлежало рѣшать не одной какой либо партіи и не Императорскимъ чиновникамъ, но суду, въ которомъ должно было присутствовать по 12-ти членовъ съ каждой стороны. Такова была сущность содержанія Богемской грамоты Величества; подобную же получили и Силезцы. Въ

*) Этотъ членъ грамоты Величества, въ слѣдствіе котораго родились Богемскія безпокойства и возгорѣлась тридцатилѣтняя война, слово въ слово читается такъ: «Im Fall auch jemand aus den vereinigten dreien Ständen dieses Königreich's sub utraque über die Kirchen und Gotteshäuser, deren sie allbereit im Besitz sein und die ihnen zuvor zuständig, wobei sie friedlich gelassen und geschützt werden sollen, es sei in Städten, Märkten, Dörfern oder anderswo noch mehr Gotteshäuser oder Kirchen zum Gottesdienste oder aber auch Schulen zur Unterrichtung der Jugend aufbauen lassen wollte oder wollten, werden solches so wohl der Herren- und Ritterstand, als auch die Prager, Kuttenberger, und alle andere Städte gesammt und sonders jederzeit geraum und frei thun können ohne allermännigliches Verhindern.»

слѣдствіе этого акта тотчасъ же были пименованы дефензоры Прагской консисторіи и Университета, составившіе коллегіумъ, совершенно независимый отъ Императора. Дефензоры воспользовались своею властію для заключенія мира. Сначала они склонили всѣ различныя протестантскія секты соединиться подъ общимъ названіемъ «Христіанъ sub utraque» и оставить всѣ особенныя названія. Послѣ того они старались уничтожить главное затрудненіе, именно побудить католическія сословія къ принятію тѣхъ пунктовъ грамоты Величества, которые касались католическихъ интересовъ. Они успѣли въ томъ посредствомъ договора, по которому сословія sub una и sub utraque согласились, чтобы все относительно религіи оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ находилось теперь. Рудольфъ, полагая, что онъ этою уступчивостію утвердилъ за собою Богемію, старался возвратить себѣ земли, которыя по необходимости уступилъ брату своему Матѳію. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ двоюродному брату своему Леопольду, брату Эрцгерцога Фердинанда, собрать въ Пассауской области 12,000 войско. Но это войско послужило къ погибели Императора; Богемцы стали подозрѣвать, что Императоръ хочетъ силою отнять отъ нихъ сдѣланныя имъ уступки въ религіи. Подозрѣніе ихъ дѣйствительно казалось основательнымъ, когда командовавшій войскомъ полковникъ Раме въ 1611 году внезапно вторгнулся въ Богемію и занялъ городъ Будвейсъ. Отсюда войско двинулось къ Прагѣ и теперь казалось, что Императоръ намѣревается предоставить Богемскую корону Эрцгерцогу Леопольду, чтобы не допустить до нея ненавистнаго брата своего Матѳія. Богемцы воспротивились этому и обратились къ Матѳію съ просьбою о помощи. Императоръ, видя, что народъ дѣйствуетъ противъ него и его плановъ, впалъ въ малодушіе и отчаяніе; онъ надѣялся поправить дѣло тѣмъ, что распуститъ войско, но чрезъ то только лишилъ себя своихъ охранителей. Едва войска 11-го марта 1611 года оставили Прагу, какъ онъ увидѣлъ, что подданные обращаются съ нимъ почти какъ съ плѣннымъ, тогда какъ Матѳій, прибывъ изъ Вѣны на призваніе Богемцевъ, при въѣздѣ въ Прагу 24-го марта встрѣ-

тилъ радостнѣйшій пріемъ. Богемскія сословія требовали отъ Рудольфа, чтобы онъ передалъ Богемскую корону Матоію. Напрасно Императоръ старался ограничить это требованіе и принять своего брата только въ соправители; сословія отвергли это ограниченіе. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Рудольфъ пришелъ въ страшное негодованіе. Онъ всталъ съ мѣста, отворилъ окно, изъ котораго можно было обозрѣть весь городъ, и воскликнулъ: «Неблагодарная Прага! возвышенная и украшенная мною, ты теперь отвергаешь меня, твоего благодѣтеля; да отмститъ тебѣ Богъ и да пребудетъ мое проклятіе на тебѣ и на всей Богеміи». Когда Матоій согласился на всѣ условія, предложенныя ему Богемцами, то для избранія и коронованія его оставалось только, чтобы Рудольфъ освободилъ своихъ подданныхъ отъ присяги. Его принудили къ тому 22 мая 1611 г.; но онъ сдѣлалъ это съ великимъ неудовольствіемъ. На слѣдующій день Матоій короновался; Рудольфъ же удалился въ самые внутренніе покои дворца, чтобы не слышать трубныхъ звуковъ и торжественныхъ восклицаній, которые пронзали его душу. За низложеннымъ королемъ оставлено было 300,000 гульденовъ ежегоднаго дохода и право утверждать мѣстопребываніе своего двора, гдѣ ему угодно. Матоій оставилъ Прагу, не видѣвъ своего несчастнаго брата, и удалился въ Силезію и Лаузитцъ, чтобы принять присягу отъ подданныхъ и въ этихъ соединенныхъ съ Богеміею странахъ. Рудольфъ II не дожилъ до того времени, когда ему надлежало еще единственно остававшееся за нимъ Императорское достоинство раздѣлить съ Римскимъ Королемъ. Хотя Курфирсты уже назначили день для избранія Римскаго Короля, но Рудольфъ прежде наступленія его умеръ 20-го января 1612 года послѣ кратковременной болѣзни.

Двадцатаго іюня 1612 года Матоія избрали и въ Римскіе Императоры и такимъ образомъ онъ соединилъ на главѣ своей всѣ короны своего брата. Впрочемъ положеніе его было незавидно; хотя онъ былъ Императоромъ, но при взаимномъ ожесточеніи Католиковъ и Протестантовъ не могъ сдѣлать ни одного общаго опредѣленія и единственный сеймъ

созванный имъ въ 1613 году въ Регенсбургѣ, разошелся безъ всякаго результата, убѣдивъ только всѣхъ, что для опредѣленія отношеній между религіозными партіями надлежало еще разъ прибѣгнуть къ оружію. Столь же дурно шли дѣла и въ Австрійскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ; и здѣсь Матоій со своимъ министромъ, Кардиналомъ Клезелемъ, не могъ обуздывать противоборствующихъ элементовъ. Новый Императоръ тотчасъ почувствовалъ это, когда сталъ нуждаться въ помощи противъ Турковъ. Седмиградія по смерти Бочкая въ 1607 году не отошла къ Австріи, но сословія избрали Княземъ сначала Сигизмунда Ракоччи, а когда тотъ отказался въ 1608 году, то Гаврііла Баторія. Но въ 1613 году въ дѣла Седмиградскія вмѣшались Турки, и низложивъ Князя Гаврііла, возвели на его мѣсто преданнаго себѣ *Бетленъ Габора*. Седмиградія не могла оставаться въ рукахъ и подъ вліяніемъ Турковъ безъ очевидной опасности для Австріи; но такъ какъ ни Имперія, ни Австрійскія сословія не хотѣли пожертвовать ни чѣмъ на Турецкую войну, то Императоръ долженъ былъ оставить Седмиградію въ рукахъ Бетленъ Габора и въ 1615 году возобновить съ Турками Ситваторокскій миръ. Ни Матоій, ни братъ его не имѣли дѣтей; потому Императора въ послѣдніе годы занимало еще опредѣленіе порядка престолонаслѣдія; съ согласія всѣхъ членовъ Габсбургскаго дома престолъ переходилъ теперь непосредственно къ Фердинанду Штирійскому. Фердинандъ былъ извѣстенъ, какъ воспитанникъ Іезуитовъ и какъ противникъ Протестантовъ, по этому всѣ опасались, чтобы признаніе его не встрѣтило затрудненій. И дѣйствительно въ Богеміи Графы Турнъ и Колонна и другіе начальники Утраквистовъ воспротивились избранію его, впрочемъ не имѣли успѣха; когда Фердинандъ обѣщалъ утвердить всѣ привилегіи, предоставленныя этой странѣ, то Богемцы 9-го іюня 1617 года избрали его въ Короли, а 16-го мая 1618 года ихъ примѣру послѣдовали и Венгерцы, не оказавъ Фердинанду ни малѣйшаго сопротивленія. То обстоятельство, что одинъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ

католическихъ князей наслѣдовалъ всѣ земли Нѣмецкой линіи Габсбургскаго дома, казалось блестящею побѣдою католичества; и дѣйствительно увеличило смѣлость Католиковъ, особенно же Іезуитовъ. Послѣдніе уже объявили, что грамота Величества вынуждена, и что надобно держаться стараго правила: «новый король и новые законы». Дѣйствительно недавнія событія въ Австрійскомъ домѣ еще болѣе усилили отвращеніе Фердинанда къ новому ученію, онъ приписывалъ ему всѣ бывшія неустройства въ этомъ домѣ, и вліяніе Фердинанда на дѣла правленія тотъ часъ же обнаружилось въ особенной строгости къ Протестантамъ. Графа Турна и другихъ предводителей Утраквистовъ отставили и въ мѣсто того, чтобы уступать всѣмъ требованіямъ Протестантовъ, какъ до сихъ поръ, теперь уже имъ противились и все разлагали по буквамъ. Протестанты смотрѣли на Фердинанда со страхомъ, а Католики съ надеждою, и такъ какъ обѣ партіи составляли организированные союзы и стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, то теперь казалось неизбѣжнымъ начало великой борьбы. Такъ какъ въ это время Нѣмецкая линія Габсбургскаго Дома вступила съ Испанскою линіею въ тѣсный союзъ, который еще болѣе скрѣплялся вліяніемъ Іезуитовъ при обоихъ дворахъ, то эта борьба должна была увлечь и Испанію; но естественно, что всѣ враги Испанской державы были также противниками Австрійскаго дома и его плановъ въ Германіи; по тому теперь весь горючій матеріалъ, распространенный по Европѣ, поддерживалъ пламя, зараждавшееся въ Германіи, и произвелъ ужаснѣйшій пожаръ.

Унія и Лига, съ бдительною недовѣрчивостью слѣдившія другъ за другомъ, пришли въ столкновеніе въ слѣдствіе смерти Юлихъ-Клеве-Бергскаго Герцога, Іоанна Вильгельма, который умеръ 25-го марта 1609 года и, заключивъ собою мужеское поколѣніе своего дома, оставилъ богатое

наслѣдство. Наслѣдство въ Юлихъ-Клевскихъ земляхъ должно было породить тѣмъ болѣе споровъ, что весьма многіе домогались его, и представляло тѣмъ болѣе важности, чѣмъ болѣе каждая партія старалась доставить себѣ столь значительное пріобрѣтеніе. Генрихъ IV, Король Французскій, считалъ эти обстоятельства благопріятными, чтобы осуществить свои планы касательно преобразованія политическихъ отношеній въ Европѣ и на развалинахъ Испанско-Австрійскаго могущества утвердить перевѣсъ Франціи. Уже все было готово къ войнѣ, какъ убіеніе Генриха IV въ 1610 году перемѣнило положеніе дѣлъ и расположило умы къ миру. Курфирстъ Бранденбургскій и Пфальцграфъ Нейбургскій, овладѣвъ Юлихъ-Клевскими землями, раздѣлили ихъ между собою и такъ какъ послѣдній перешелъ въ католическую церковь, то ни одна изъ религіозныхъ партій не могла завидовать увеличенію области другой.

Наслѣдство въ земляхъ Герцога Юлихъ-Клевскаго домогались Курфурстъ Бранденбургскій, Пфальцграфъ Нейбургскій, Пфальцграфъ Цвейбрикенскій и Маркграфъ Бургаускій, и всѣ они основывали свои притязанія на правахъ наслѣдства сестеръ умершаго Герцога Іоанна Вильгельма. Старшая сестра его, *Марія Леонора*, была замужемъ за Герцогомъ Прусскимъ и имѣла дочь *Анну*, бывшую въ супружествѣ съ Іоанномъ Сигизмундомъ, Курфирстомъ Бранденбургскимъ. Вторая сестра умершаго Герцога, *Анна* была въ супружествѣ съ Филиппомъ Людовикомъ, Пфальцграфомъ Нейбургскимъ, и сынъ ея отъ этого

брака Вольфгангъ Вильгельмъ основывалъ свои притязанія на правѣ матери. Третья сестра *Магдалина* была за Іоанномъ Пфальцграфомъ Цвейбрикенскимъ и младшая *Сибилла* за Карломъ Маркграфомъ Бургаускимъ. Кромѣ ихъ объявили свои притязанія и обѣ линіи Саксонскаго дома, потому что Императоръ Фридрихъ III въ 1483 году предоставилъ имъ наслѣдовать эти страны, когда прекратится правящій въ нихъ домъ и на этотъ случай утвердилъ за ними ленныя права. Между тѣмъ какъ Саксонія старалась осуществить свои притязанія судебнымъ путемъ и потому обратилась къ Императору, Курфирстъ Бранденбургскій и Пфальцграфъ Нейбургскій, не обращая вниманія на запрещеніе Императора, заняли упразднившіяся земли. Когда же Императоръ велѣлъ секвестровать эти владенія и послалъ въ нихъ Эрцгерцога Леопольда, то родилось подозрѣніе, что Императоръ намѣренъ самъ занять ихъ во имя Имперіи и присоединить къ своему дому. Въ слѣдствіе того оба Князя, овладѣвшіе наслѣдствомъ, 31-го мая 1609 года заключили между собою въ Дортмундѣ договоръ, по которому согласились вмѣстѣ защищать свои притязанія и вмѣстѣ управлять страною, пока въ послѣдствіи мирнымъ образомъ не сдѣлаются между собою. Въ тоже время они пристали къ Уніи, а король Французскій Генрихъ IV такъ ободрилъ ихъ своими обѣщаніями, что они отважились непріязненно выступить противъ Эрцгерцога Леопольда, исполнителя Императорской секвестраціи.

Франція лишь только вышла, благодаря Генриха IV, изъ своего несчастнаго положенія, въ которое ее повергли продолжительныя гражданскія и религіозныя войны, и снова пріобрѣла сознаніе своего могущества, какъ тотчасъ же возобновила свою прежнюю непріязнь къ Австріи. Споръ объ Юлихъ-Клевскомъ наслѣдствѣ подалъ ей поводъ ко вмѣшательству въ дѣла Германскія и осуществленію уже давно составленнаго плана, клонившагося къ совершенному преобразованію Европы. На словахъ Генрихъ IV представлялъ цѣлію своихъ политическихъ проэктовъ установленіе совершеннаго равно-

вѣсія въ могуществѣ державъ и утвержденіе вѣчнаго мира въ Европѣ, на самомъ же дѣлѣ въ основаніи ихъ лежала ненависть къ Испаніи и Австріи равно какъ и намѣреніе, ослабивъ всюду Испанско-Австрійское могущество, возвеличить Францію *). По этому Генрихъ IV отвергалъ всѣ мирныя предложенія, которыми Испанія и Австрія старались удержать его отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи. Уже все было готово, чтобы весною 1610 года отправиться въ походъ; 13-го мая 1610 г. въ С. Дени короновалась Королева, которая въ отсутствіе Короля должна была управлять государствомъ; три дня спустя самъ Король хотѣлъ послѣдовать за войскомъ, которое уже пошло къ предѣламъ Германіи. 14-го мая онъ поѣхалъ послѣ обѣда къ Сюлли, чтобы еще переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ. При поворотѣ изъ одной улицы въ другую два обоза заградили дорогу и тѣмъ остановили экипажъ короля, но въ то время, какъ нѣ многіе слуги, сопровождавшіе Короля, старались очистить дорогу, одинъ неизвѣстный человѣкъ всталъ на колесо и, въ двухъ мѣстахъ пронзивъ Короля ножемъ, умертвилъ его на мѣстѣ **). Убійцу схватили и оказалось, что это былъ Францъ Равальякъ, учитель изъ Ангулема, человѣкъ ограниченнаго ума и мрачнаго расположенія духа. На пыткахъ до самой своей казни онъ утверждалъ, что вознамѣрился совершить убійство и исполнилъ свое намѣреніе безъ всякаго участія другихъ, но что если бы онъ зналъ всеобщее расположеніе къ королю и участіе въ немъ, которое видитъ теперь, то не рѣшился бы на такое дѣло. Со смертію Генриха IV

*) Планы Генриха IV утвердить такъ называемую République chrétienne сообщилъ Сюлли въ 30-й книгѣ своихъ мемуаровъ; обширное извлеченіе находится въ Capefigue hist. de la ref. T VIII, p. 324—330.

**) Капе фигъ (l. c. p. 354) приводитъ слѣдующее современное свидѣтельство: «Il donna ces deux coups si promptement, qu'ils furent plus tost reçus que vus; le premier porté entre la cinquième et sixième coste, perça la veine interieure vers l'oreillette du coeur, et parvint jusqu'à la veine cave qui, se trouvant coupée, fit à l'instant perdre la parole et la vie à ce grand monarque.»

разрушились и его планы; сынъ и наслѣдникъ его Людовикъ XIII былъ еще несовершеннолѣтенъ а потому правительница Марія-де-Медичи оставила теперь всѣ военные планы и войско, находившееся уже въ походѣ, разошлось.

Унія въ надеждѣ на Французскую помощь начала уже въ мартѣ 1610 года въ Германіи войну и Лига равнымъ образомъ взялась за оружіе. Извѣстіе объ убіеніи короля Французскаго тотчасъ измѣнило положеніе дѣлъ; Унія предложила Лигѣ миръ, который и состоялся на условіи, чтобы оба союза распустили свои войска. Впрочемъ кратковременный походъ членовъ Уніи произвелъ то, что городъ Юлихъ достался курфирсту Бранденбургскому и Пфальцграфу Нейбургскому, чѣмъ и кончилась Императорская секвестрація. Но вмѣстѣ со внѣшнею опасностію исчезло и согласіе между обоими наслѣдовавшими князьями. Для примиренія ихъ предполагался бракъ Пфальцграфа съ дочерью Курфирста, но за приданое между обоими князьями произошелъ столь жаркій споръ, что Курфирстъ, какъ говорятъ, въ жару далъ пощечину своему будущему зятю. Это разумѣется разстроило предполагаемый бракъ; Пфальцграфъ перешелъ къ католической церкви и женился на Баварской Принцессѣ, чтобы доставить себѣ содѣйствіе Лиги, а Курфирстъ Бранденбургскій напротивъ принялъ реформатское исповѣданіе, желая вовлечь въ свои интересы Унію и соединенные Нидерланды. Между тѣмъ въ 1624 году Юлихъ-Клевское наслѣдство было раздѣлено между ними такъ, что хотя обѣ религіозныя партіи увеличили свои владѣнія, равновѣсіе не нарушилось.

Споръ за Юлихъ-Клевское наслѣдство кончился, не воспламенивъ всеобщей войны, чего сначала опасались, по причинѣ господствовавшихъ всюду несогласій. Поводъ къ нарушенію всеобщаго спокойствія въ Европѣ подали Австрійскія наслѣдственныя земли и именно *Богемія*. Богемцы, не-

годуя на нарушеніе грамоты Величества, сдѣлали въ 1618 году открытое насиліе Императорскимъ Штатгальтерамъ Славатѣ и Мартиницу, чѣмъ и начинается *тридцатилѣтняя война* *). Послѣ такого возстанія противъ верховной власти партіи мятежниковъ ничего болѣе не оставалось, какъ отложиться отъ Австрійскаго господства. И дѣйствительно по смерти Императора Матѳія 20-го марта 1619 года Богемцы не признали своимъ королемъ наслѣдника его *Фердинанда II*, но тогда какъ Курфирсты избрали въ Императоры Фердинанда II, они возвели на Богемскій престолъ Фридриха V, Курфирста Пфальцскаго. Война за Богемію тотчасъ приняла характеръ войны религіозной, потому что Фердинанда поддерживала Лига, а Фридриха Унія. Битва на Бѣлой Горѣ при Прагѣ въ 1620 году рѣшила войну въ пользу Фердинанда, который ничего не потерялъ изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній кромѣ Лаузит-

*) Главнымъ источникомъ для исторіи 30-ти лѣтней войны служитъ сборникъ, изданный *Мих. Касп. Лондорпомъ* подъ заглавіемъ Acta publica, и съ продолженіями снова напечатанный въ Тюбингенѣ между 1739 и 41-мъ годами. Далѣе сюда относится компиляція, озаглавленная Theatrum Europaeum и содержащая исторію между 1617 и 1718 годами на 21 фоліантѣ; она вышла во Франкфуртѣ на М. между 1635 и 1738 годами. Поверхностное повѣствованіе одного современника находится въ Leon. Pappi Epitome rerum Germanicarum ab a. 1617 ad 43 gestarum, recens. et adnotationes adspersit J. G. Boehme. Lips. 1760. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій лучшее составляетъ отдѣлъ изъ K. A. Menzel's Neuerer Geschichte der Deutschen, который вышелъ также отдѣльно подъ заглавіемъ Geschichte des dreissigjährigen Krieges in Deutschland. 3 Bde. Breslau, 1835—39. Многія монографіи, служащія для объясненія отдѣльныхъ событій, мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

ца, уступленнаго Курфирсту Саксонскому за содѣйствіе его.

Въ Богеміи вліяніе Фердинанда на дѣла правленія обнаружилось тѣмъ, что всѣ двусмысленно выраженные члены грамоты Величества толковались въ пользу Католиковъ. Въ то время возникъ вопросъ, имѣютъ ли право Протестанты, подданные Аббата въ Браунау и Клостергрябѣ, выстроить въ этихъ городахъ свои церкви. Коммиссія рѣшила его утвердительно и не смотря на несогласіе Императора, Протестанты продолжали начатыя строенія и при слабости правительства, которое не могло воспрепятствовать имъ, выстроили свои церкви. Когда же съ избраніемъ Фердинанда въ наслѣдники Матоія правительство получило большую силу, то протестантскую церковь въ Браунау заперли, а въ Клостергрябѣ совершенно разрушили. Богемскіе Утраквисты смотрѣли на это, какъ на нарушеніе грамоты Величества; Графъ Генрихъ Матоій Турнъ принялъ на себя начальство надъ раздраженными и, собравъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ частей королевства, отправилъ ихъ съ представленіями къ Императорскимъ Штатгальтерамъ и къ самому Императору. Но какъ Штатгальтеры такъ и Императоръ не приняли этихъ представленій и отвѣтили на нихъ чрезвычайно рѣзко. Такой тонъ не только не ослабилъ смѣлости Протестантовъ, но возбудилъ въ нихъ еще большее негодованіе, которое тотчасъ назначило себѣ жертвы. Въ числѣ ихъ былп и оба Императорскіе Штатгальтера *Вильгельмъ Слават*а и *Ярославъ Мартиницъ*, совѣтамъ которыхъ особенно приписывали рѣзкій отвѣтъ Императора. 23-го мая 1618 года многіе Утраквисты въ вооруженіи явились въ Прагскій дворецъ въ канцелярію Штатгальтеровъ и стали обвинять ихъ въ ограниченія грамоты Величества и въ насиліи. Прежде нежели тѣ успѣли оправдаться, какъ менѣе ненавидимыхъ членовъ правленія: Стернберга, Лобковица и нѣкоторыхъ другихъ вывели въ другую залу, а Салавату и Мартиница вмѣстѣ съ ихъ секретаремъ

Фабриціемъ выбросили за окно и въ слѣдъ за ними выстрѣлили нѣсколькими пулями. Хотя они всѣ трое не смотря на высоту, съ которой были брошены, остались живы, но тѣмъ не менѣе столь необдуманный и насильственный поступокъ нельзя было оставить безъ наказанія *). Чтобы избѣжать его, возмутители пошли далѣе въ своемъ предпріятіи; они захватили въ свои руки правительственную власть, которую поручили 30 директорамъ и овладѣли государственными доходами. Властію своею они тотчасъ же воспользовались для изгнанія Іезуитовъ, а казну употребили на снаряженіе войска, которое расположили по всѣмъ городамъ кромѣ Будвейса и Пильзена, потому что тѣ оставались вѣрными Императору. Кромѣ того они вступили въ союзъ съ Австрійскими Протестантами и искали себѣ помощи въ иностранныхъ державахъ, которую протестантскіе князья обѣщали, а Унія дѣйствительно доставила имъ. Унія послала въ Богемію Эрнста, Графа Мансфельдскаго, который тотчасъ же оказалъ возмутителямъ важную услугу, покоривъ имъ 21-го ноября 1618 года городъ Пильзенъ. Хотя Императоръ Матоій въ слѣдствіе убѣдительныхъ увѣщаній Фердинанда рѣшился прибѣгнуть къ силѣ, но Австрійскій домъ находился въ столь затруднительномъ положеніи, что собранныя на Испанскія деньги войска надобно было поручить предводительству иностранцевъ Дампьерра и Букуа. Вступивъ въ Богемію, эти полководцы всѣ свои дѣйствія ограничивали только тѣмъ, что, отстаивая Будвейсъ, старались держаться въ Богеміи. Враги же Фердинанда ждали только смерти Императора Матоія, чтобы напасть на Австрійскія земли; Курфирсту Пфальцскому они хотѣли отдать Богемію, Седмиградскому Князю Бетленъ Габору Венгрію, а Герцогу Савойскому императорскую корону. Въ то время, какъ столь грозныя ту-

*) Богемскія сословія обнародовали двѣ апологіи для отправданія своего поступка. См. Acta Bohemica d. i. Beschreibung der fürnehmsten Historien, welche sich im Königreiche Böhmen und dessen incorporirten Ländern vom Anfange Martii 1618 bis 8. November 1620 zugetragen haben. 4 Thl. 1619—1622. 4.

чи собрались надъ домомъ Австрійскимъ, 20-го марта 1619 года умеръ Императоръ Матоій.

Рѣдко какой либо Князь, принимая бразды правленія, вступалъ въ столь затруднительное положеніе, какъ Фердинандъ II. Австрійцы не хотѣли давать ему присяги, Габоръ вторгся въ Венгрію, а Богемцы подъ предводительствомъ Турна подступили къ Вѣнѣ, чтобы захватить Фердинанда; въ Имперіи же, послѣ того какъ избраніе Герцога Савойскаго было оставлено, Протестанты старались возвести въ Императорское достоинство Максимиліана Баварскаго, чтобы отвлечь его и Лигу отъ интересовъ Австріи. Фердинандъ, находившійся въ Вѣнѣ, былъ такъ стѣсненъ, что возмутители осмѣлились предложить ему самыя суровыя условія. Когда онъ не хотѣлъ подписать ихъ, то одинъ изъ возмутителей, по имени Тонрадтель, дерзко выступивъ впередъ и взявъ Фердинанда за пуговицу его одежды, съ угрозою спросилъ, подпишетъ ли онъ или нѣтъ. Въ эту минуту величайшей опасности, когда Фердинанду угрожала личная обида, на дворцовый дворъ въѣхалъ полкъ всадниковъ Дампьерра; лишь только трубный звукъ возвѣстилъ о прибытіи его, какъ депутаты возмутителей тихонько оставили дворецъ. Такимъ образомъ Фердинандъ освободился отъ нихъ, явивъ при этомъ случаѣ мужество и твердость достойную истиннаго властителя. Въ тоже время изъ Богеміи пришла вѣсть о пораженіи Мансфельда въ борьбѣ съ Букуа и побудила Богемцевъ удалиться. Это открыло Фердинанду свободный путь во Франкфуртъ для присутствія тамъ при избраніи Императора. Проѣзжая чрезъ Мюнхенъ, Фердинандъ бесѣдовалъ съ Максимиліаномъ, другомъ своей юности; онъ столь живо и убѣдительно представилъ ему затруднительное положеніе и опасность всего католичества, что Максимиліанъ отказался отъ принятія Императорской короны и совершенно соединился съ Австріею. При избраніи всѣ голоса приняли сторону Фердинанда и онъ 28-го августа 1619 года былъ избранъ въ Императоры. Въ своей избирательной капитуляціи Фердинандъ долженъ былъ утвердить религіозный миръ и обѣщать, что не будетъ

своевольно ни налагать податей, ни заключать союза съ какою либо изъ иностранныхъ державъ безъ согласія Курфирстовъ, ни осуждать на изгнаніе безъ судебнаго процесса. По избраніи Фердинанда въ Императоры пришло извѣстіе, что Богемцы 19-го августа низложили его. Этотъ поступокъ Богемцевъ, сдѣлавъ ихъ непримиримыми съ ихъ противникомъ, поставилъ обѣ стороны въ такія отношенія, что Курфирсты, принявъ на себя посредничество между ними, не имѣли никакого успѣха. Сначала Богемцы намѣревались утвердить у себя республику по примѣру соединенныхъ Нидерландовъ, но вскорѣ оставили эту мысль, какъ неудобоисполнимую и положили предоставить свою корону какому либо иностранному сильному князю. Выборъ ихъ палъ на Курфирста Пфальцскаго, Фридриха V, который какъ глава Уніи и какъ зять Короля Англійскаго Іакова, по видимому наиболѣе могъ разсчитывать на содѣйствіе иностранныхъ державъ. По вліянію придворнаго проповѣдника Скультета и въ слѣдствіе убѣжденій гордой супруги своей Елисаветы, Фридрихъ, не смотря на совѣты своихъ благоразумныхъ слугъ и друзей, ни на просьбы и слезы старой матери, согласился принять Богемскую корону. Перваго ноября съ неописаннымъ торжествомъ въѣхалъ онъ въ Прагу и 4 ноября короновался. Но между тѣмъ какъ Фридрихъ, живя въ Прагѣ, блестящими празднествами торжествовалъ полученіе новаго достоинства и не заботился о принятіи нужныхъ мѣръ для защищенія себя, Фердинандъ готовился къ войнѣ. 8-го октября 1619 года онъ заключилъ съ Максимиліаномъ Баварскимъ договоръ, по которому тотъ обѣщалъ ему помощь Лиги противу всѣхъ его враговъ; Фердинандъ же съ своей стороны обязался дать ему за то денежное вознагражденіе и въ залогъ предоставить какую либо изъ Австрійскихъ наслѣдственныхъ земель. Максимиліанъ составилъ 21,000 войско, но кромѣ его Императору обѣщали еще значительное вспомоществованіе Папа и Испанія. 30 апрѣля 1620 года Императоръ велѣлъ объявить королю Фридриху, что ему угрожаетъ изгнаніе, если онъ къ 1-му іюня не сложитъ незаконно при-

своенной коропы. Хотя за Фридриха вооружилась Унія, но безъ особеннаго одушевленія, потому она охотно вступила въ переговоры, которые открылись въ Ульмѣ, при посредничествѣ Франціи. Изъ этихъ переговоровъ видно, какъ всѣ боялись войны, какъ будто предвидя, что если военная фурія сложитъ съ себя оковы, то уже никто не будетъ въ состояніи обуздать ее; потому каждый остерегался сдѣлаться виновникомъ войны. Въ слѣдствіе Ульмскихъ переговоровъ Лига и Унія заключили между собою договоръ, по которому обѣ стороны обѣщали другъ другу миръ для странъ, входящихъ въ составъ обоихъ союзовъ, въ этотъ миръ включили и Пфальцъ; Богемію же съ принадлежащими къ ней землями совершенно исключили, постановивъ дать дѣламъ ея свободный ходъ. Этотъ договоръ явно клонился къ тому, чтобы удержать пламя войны отъ Нѣмецкой Имперіи; а приверженцы Уніи надѣялись посредствомъ его спасти своему главѣ по крайней мѣрѣ наслѣдственныя земли, если онъ не будетъ имѣть успѣха въ Богеміи. Австрійцы еще ничего не знали о заключеніи Ульмскаго договора, какъ Герцогъ Максимиліанъ съ своимъ войскомъ вторгнулся въ ихъ земли и началъ войну противъ отложившихся отъ Императора. Онъ въ короткое время смирилъ верхнюю и нижнюю Австрію; 8-го сентября при Нейполлѣ Баварское войско соединилось съ Императорскимъ, чтобы итти на Богемію. Въ тоже время на нее напали съ другой стороны, съ которой она менѣе всего ожидала нападенія, именно изъ Саксоніи. Курфирстъ Саксонскій, не видя въ дѣлѣ Фридриха общаго интереса для всего протестантства, смотрѣлъ на него какъ на тріумфъ ненавистнаго ему кальвинизма и потому легко согласился на союзъ съ Императоромъ, увѣренный имъ, что религіозная свобода Лютеранъ останется неприкосновенною. Такъ какъ въ залогъ за издержки ему предоставили Лаузитцъ, то Саксы въ концѣ августа двинулись въ эту страну и 23-го сентября заняли главный городъ ея Бауценъ. Въ тоже время изъ Нидерландовъ подъ предводительствомъ Спинолы прибыли Испанцы и, нарушивъ Ульмскій договоръ,

вторглись въ Пфальцъ. Это происшествіе болѣе всѣхъ поразило Іакова, Короля Англійскаго; онъ надѣялся что его зять совершенно обезопасенъ Ульмскимъ договоромъ и при всей борьбѣ можетъ потерять только Богемскую корону, теперь же видѣлъ что на Фридриха со всѣхъ сторонъ сдѣланы нападенія; хотя Іаковъ предлагалъ миръ и договоры, но, дѣйствуя безъ надлежащей твердости, не могъ отклонить отъ Фридриха грозившей ему гибели. Самъ Фридрихъ упустилъ изъ виду самое важное для своего защищенія, именно не вооружилъ сильной арміи. Хотя съ этою цѣлію были сдѣланы строжайшія распоряженія, не смотря на то исполнилось не много, потому что слабый король самъ не входилъ въ дѣла, а лица, которымъ онъ поручилъ начальство, были между собою несогласны; Графы Турнъ и Мансфельдъ негодовали на то, что Король предоставилъ главное начальство надъ арміею Князю Ангальтскому Христіану и Графу Гогенлоге. Слѣдствія несогласій между начальствующими тотчасъ обнаружились, когда Богемское войско выступило противъ непріятелей; оно теряло одну позицію за другою и оттѣснялось къ Прагѣ. Фридрихъ, видя свое стѣсненное положеніе, просилъ Герцога Максимиліана о личномъ свиданіи, но тотъ отвѣчалъ: что переговоры и перемиріе могутъ начаться только тогда, когда Фридрихъ сложитъ съ себя корону. Между тѣмъ Богемцы, отступая, 7-го ноября 1620 года дошли до Праги. Сначала они намѣревались ввести войско въ городъ и выдерживать осаду, но какъ чрезъ то можно было подвергнуться большой опасности, то разбили и по возможности укрѣпили лагерь на Бѣлой Горѣ. На слѣдующій день на Богемцевъ напали войска Императора и Лиги, подъ предводительствомъ Максимиліана, Тилли и Букуа *). Въ началѣ битвы Богемская конница пріобрѣла нѣкоторыя выгоды, но вскорѣ лишилась ихъ, потому что другіе не исполняли своихъ обязанностей; Вен-

*) Битва происходила 8-го ноября, въ воскресенье, и въ Евангеліи на этотъ день говорилось: «Воздадите Кезарево Кезареви и Божіе Богови»,—что конечно Императорскимъ войскамъ казалось счастливымъ предзнаменованіемъ.

герскіе вспомогательные отряды бросились въ бѣгство, не извлекая меча, и ихъ примѣру, послѣдовали и другіе, объятые паническимъ страхомъ. За исключеніемъ Моравцевъ, которые съ храбростію бились до послѣдней минуты, всѣ прочіе оказали постыдное малодушіе. По этому спустя часъ побѣда осталась на сторонѣ непріятелей: лагерь, военные снаряды и обозы были потеряны и Богемское войско можно было считать уничтоженнымъ. Король Фридрихъ, пробывъ все утро этого несчастнаго дня на проповѣди Скультета, лишь только сѣлъ за столъ, какъ получилъ извѣстіе о началѣ битвы; онъ поспѣшилъ туда, но еще не дошелъ до воротъ, какъ прибылъ Князь Ангальтскій безъ шляпы и возвѣстилъ, что битва потеряна. Считая себя въ Прагѣ болѣе не безопаснымъ и опасаясь, чтобы его не выдали собственные подданные, Фридрихъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня бѣжалъ со своею фамиліею въ Силезію; оттуда же чрезъ Берлинъ отправился въ Индерланды, куда и прибылъ въ апрѣлѣ 1621 года. Графъ Турнъ убѣжалъ въ Венгрію.

Послѣ несчастной битвы на Бѣлой Горѣ и послѣ бѣгства Короля, Богемія покорилась; 11-го ноября присягнула Прага, а 13-го сословія отказались отъ всѣхъ союзовъ и поклялись Императору Фердинанду какъ своему наслѣдственному, коронованному и помазанному королю. Богемцы должны были выдать грамоту Величества и прочія данныя имъ привилегіи, а конфискованныя церковныя имѣнія возвратить ихъ прежнимъ владѣтелямъ. Управленіе всѣми учебными заведеніями было поручено единственно Іезуитамъ, а Кальвинскіе проповѣдники декретомъ 13-го марта 1621 года были совершенно изгнаны изъ Богеміи. Въ теченіе 1621 года были завоеваны тѣ части Богеміи и прилежащихъ къ ней странъ, которыя еще оставались въ рукахъ непріятелей. Во тоже время кончила свое существованіе Унія. Въ послѣднее время она достаточно испытала свое безсиліе и по тому сочла за лучшее сойти съ поприща, на которомъ уже не могла дѣйствовать съ честію. 12-го апрѣля 1621 года она заключила съ Испанскимъ генераломъ Спинолою договоръ, по которому

сбѣщала не содѣйствовать болѣе Курфирсту Пфальцскому и не продолжать, или не возобновлять своего союза, но повиноваться Императору. Въ концѣ апрѣля въ Гейльбронпѣ было послѣднее собраніе союзниковъ, послѣ чего Унія уничтожилась. Такимъ образомъ Императоръ освободился отъ всѣхъ своихъ непріятелей. Хотя онъ по природѣ былъ кротокъ, но ни его начала, ни окружавшіе не позволяли ему оставить мятежъ безъ наказанія. По этому онъ назначилъ чрезвычайную коммиссію, по рѣшенію которой 27 арестованныхъ зачинщиковъ претерпѣли смертную казнь; убѣжавшихъ объявили лишенными чести и имуществъ. Въ 1624 году въ Богеміи совершенно исчезла терпимость и все дѣло реакціи довершилось тѣмъ, что Императоръ въ 1627 году уничтожилъ грамоту Величества и запретилъ держаться всякой другой религіи кромѣ католической *). Только въ Силезіи, изъ уваженія къ Саксоніи, оставлено было Лютеранство, хотя и въ ограниченномъ видѣ. Такимъ образомъ Фердинандъ получилъ въ Богеміи столь обширную власть, какой никогда не имѣлъ тамъ никто изъ его предшественниковъ. Слѣдствіемъ покоренія Богеміи былъ договоръ съ Бетленъ Габоромъ, заключенный 26-го января 1622 года въ Никласбургѣ въ Моравіи, по которому Князь Седмиградскій отказался отъ Венгерской короны. Изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній Императоръ не потерялъ ничего, кромѣ Лаузитца, оставленнаго во владѣніи Курфирста Саксонскаго въ качествѣ Богемскаго лена. Но онъ долженъ былъ вознаградить Герцога Максимиліана за военныя издержки на счетъ Курфирста Пфальцскаго, что подало поводъ къ продолженію войны.

*) Ioh Amos Comenius hist. persecutionis Bohemicae. Amstelod. 1648. 12. Авторъ этого сочиненія переселился со своими единовѣрцами въ Польшу и былъ тамъ посвященъ въ Епископы Моравскихъ братьевъ. Отъ него епископское достоинство перешло къ его зятю Яблонскому, сынъ котораго Даніилъ Эристъ Яблонскій передалъ его старѣйшинамъ Геррнгутеровъ.

Подавленіемъ Богемскаго возстанія война еще не кончилась, потому что Курфирсту Пфальцскому приходилось, по видимому, расплачиваться за войну, воспламененную его собственнымъ честолюбіемъ. Императоръ передалъ Курфирстское достоинство и часть земель осужденнаго на изгнаніе Фридриха Пфальцскаго Максимиліану, Герцогу Баварскому. Но Фридрихъ нашелъ себѣ защитниковъ въ Графѣ Мансфельдѣ, Христіанѣ Брауншвейгскомъ и Маркграфѣ Баденскомъ; когда они не устояли въ Цфальцѣ противъ могущества Лиги и Испанцевъ, то война перешла въ нижнюю Саксонію, гдѣ защитникомъ протестантскихъ интересовъ явился *Христіанъ IV, король Датскій*. Кромѣ арміи Лиги, находившейся подъ предводительствомъ Тилли, Императоръ отправилъ туда еще свое собственное войско подъ начальствомъ Валленштейна и пріобрѣлъ такой перевѣсъ, что король Датскій по Любскому миру въ 1629 году долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ связей съ Имперскими сословіями. Пользуясь своимъ перевѣсомъ, Императоръ хотѣлъ теперь посредствомъ такъ называемаго *реституціоннаго эдикта* привести въ исполненіе любимую мысль Іезуитовъ, что въ высшей степени взволновало умы въ то самое время, когда можно было возстановить всеобщій миръ. Хотя Императоръ былъ принужденъ оставить Валленштейна и уменьшить войско, но

тѣмъ не менѣе оставался столь сильнымъ, что Протестанты не безъ основанія опасались совершеннаго подавленія протестантства и преобразованія Имперскаго устройства.

Когда Императоръ 22-го января 1521 года наложилъ опалу на Курфирста Фридриха вмѣстѣ съ его главными приверженцами, именно Княземъ Христіаномъ Ангальтскимъ, Георгомъ Маркграфомъ Егерндорфскимъ и Георгомъ Графомъ Гогенлоге и поручилъ исполненіе своего приговора Лигѣ, то начался *второй актъ тридцатилѣтней войны*. Въ тоже время въ Мадритѣ было положено возобновить войну съ Нидерландами, потому что заключенное въ 1609 году 12-тилѣтнее перемиріе уже прошло. Сторону осужденнаго Фридриха приняли два мужа, сами по себѣ не имѣвшіе ни силы, ни значенія, но пользовавшіеся и тѣмъ и другимъ посредствомъ наемныхъ войскъ, которыя они успѣли привязать къ своимъ знаменамъ. Это были *Графъ Эрнстъ Мансфельдъ* и *Христіанъ Брауншвейгскій*. Мансфельдъ, котораго мы уже видѣли въ Богемской войнѣ, изобрѣлъ искуство собирать и содержать армію, не имѣя денегъ; онъ предоставлялъ солдатамъ чужое добро и водилъ ихъ такъ, чтобы они могли пріобрѣтать опое. Христіанъ Брауншвейгскій, младшій сынъ Герцога Генриха Юлія, былъ Администраторомъ Епископства Гальберштатскаго и теперь равнымъ образомъ поднялъ оружіе за осужденнаго Курфирста. Къ нимъ присоединился еще третій защитникъ дѣла Фридрихова, *Георгъ Фридрихъ Маркграфъ Баденскій*. Но чтобы не подвергать своей страны опасности, онъ уступилъ ее сыну своему, а самъ явился на театръ войны, перенесенный въ области Рейна и Майна. Сначала военное счастіе такъ благопріятствовало Графу Мансфельду, что Фридрихъ поспѣшилъ къ нему изъ Нидерландовъ; но вскорѣ всѣ три защитника Фридриха одинъ за другимъ потерпѣли рѣшительныя пораженія: Маркграфъ Баденскій 6-го мая

1622 года при Вимпфенѣ, Мансфельдъ при Дармштадтѣ и Христіанъ 20-го іюня при Гехстѣ. Теперь осужденный Курфирстъ снова потерялъ всякую надежду; желая пріобрѣсти милость Императора и склонить его къ примиренію, онъ оставилъ 13-го іюля Мансфельда и Христіана и возвратился въ Нидерланды. Мансфельдъ и Христіанъ пробились чрезъ Испанцевъ въ Нидерланды и вступили въ Нидерландскую службу. Пфальцъ, не имѣя защиты, былъ совершенно оставленъ на волю исполнителей приговора; по этому Герцогъ Максимиліанъ въ короткое время завоевалъ Оберъ-Пфальцъ, а генералъ его Тилли Рейнъ-Пфальцъ. Въ Гейдельбергѣ, доставшемся 20-го сентября Баварцамъ, находилась одна изъ прекраснѣйшихъ и полнѣйшихъ библіотекъ того времени; многія книги въ ней были истреблены невѣжествомъ солдатъ или проданы за ничтожную цѣну, но большая и драгоцѣннѣйшая часть ихъ была отослана въ Римъ въ подарокъ Папѣ, гдѣ и до сихъ поръ подъ именемъ Palatina составляетъ одно изъ главныхъ украшеній Ватиканской библіотеки *). Такимъ образомъ Курфирстъ Фридрихъ не только лишился Богемской короны; но также своихъ наслѣдственныхъ владѣній, и нельзя было ожидать, чтобы Императоръ пощадилъ своего униженнаго противника. Императоръ Фердинандъ на княжескомъ сеймѣ, который онъ открылъ 7-го января 1623 года въ Регенсбургѣ, объявилъ, что Курфирста Пфальцскаго послѣ оказанной имъ невѣрности нельзя снова принять въ Коллегію Курфирстовъ; что потому Курфирстское достоинство и часть владѣній изгнаннаго Курфирста, доставшихся Императору и Имперіи, онъ передалъ Максимиліану Баварскому и что теперь остается только торжественно утвердить за нимъ предоставленныя ему права. Хотя нѣкоторые возвратили, что если самъ Фридрихъ и заслужилъ изгнаніе, все же наказаніе его не можетъ распространяться на его невинныхъ дѣтей и боковыхъ родственниковъ, но Императоръ опровергъ это возраженіе примѣровъ Карла V, говоря, что какъ Карлъ

(* Fr. Wilken, Geschichte der Heidelbergischen Bibliothek Heidelberg, 1817.

послѣ Шмалькапденской войны, лишивъ старшую Саксонскую линію Курфирстскаго достоинства, передалъ его младшей, такъ и онъ теперь лишаетъ старшую линію Виттельсбахскаго дома Пфальцскаго Курфирстскаго достоинства, чтобы передать его младшей, чтобы тѣмъ наказать преступленіе Фридриха и наградить услуги Максимиліана. Католическіе Князья согласились на мнѣніе Императора, видя, что это послужитъ къ усиленію ихъ партіи въ собраніи Курфирстовъ: такимъ образомъ Императоръ настоялъ на своемъ и 23-го февраля передалъ Курфирстское достоинство Герцогу Максимиліану, при чемъ для нѣкотораго успокоенія дѣтей и родственниковъ низложеннаго Курфирста сказалъ, что права, которыя они приписываютъ себѣ, остаются за ними и что ихъ разсмотрятъ еще судебнымъ порядкомъ. Изъ земель Фридриха новый Курфирстъ Баварскій получилъ только Оберъ-Пфальцъ, большая же часть Рейнъ-Пфальца осталась въ рукахъ завоевавшихъ его Испанцевъ, а изгнанный Курфирстъ и его дѣти остались безъ малѣйшаго вознагражденія. Хотя Максимиліанъ Баварскій старался примириться съ Фридрихомъ, но тотъ отвергалъ всякое примиреніе, которое не возстановляло его наслѣдственныхъ правъ и владѣній; когда король Англійскій Іаковъ отказалъ своему зятю во всякомъ содѣйствіи кромѣ денегъ и переговоровъ, то явились другіе защитники его дѣла. Графъ Мансфельдъ и Герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій снова выступали въ полѣ за Фридриха и такъ какъ они двинулись изъ Нидерландовъ въ Нижне-Саксонскія области, то война перешла тевъ въ совершенно новое мѣсто и поддерживалась вскорѣ вовлеченными въ нее новыми интересами.

Хотя Христіанъ IV, Король Датскій, былъ зятемъ Курфирста, но до сихъ поръ не помогалъ ему; теперь же, когда война приблизилась къ его предѣламъ, то началъ готовиться къ войнѣ и искалъ союза съ Англіею и Нидерландами. 25 марта 1625 года его избирали главою Нижне-Саксонскаго округа; въ тоже время былъ заключенъ союзъ, къ которому мало по малу приступила большая часть Нижне-Саксонскихъ чиновъ. Когда такимъ образомъ Императору

грозила война съ сѣвера, Франція также начала направлять противъ него свою политику. Эти обстоятельства поставили Императора въ немалое затрудненіе, снова подвергая его опасности потерять только что пріобрѣтенный имъ перевѣсъ, потому что единственное, дѣйствовавшее за него войско подъ предводительствомъ Тилли зависѣло болѣе отъ Курфюрста Баварскаго и Лиги, нежели отъ него. Изъ этой нужды вывелъ Императора одинъ Богемскій дворянинъ *Валленштейнъ*, обѣщавъ доставить ему 50,000 армію. Албрехтъ Венцеславъ Евсевій Вальдштейнъ или Валленштейнъ родился 15 сентября 1583 года; онъ рано лишился своихъ родителей, которые оба были Протестанты; бывъ подъ опекою дяди своего, ревностнаго Католика, и получивъ воспитаніе у Іезуитовъ, онъ вскорѣ принялъ католическую вѣру. Окончивъ свои занятія, онъ путешествовалъ по Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи и особенно долго оставался въ Падуѣ, гдѣ познакомился съ Астрологіею, и такъ предался этой мнимой наукѣ, что въ послѣдствіи часто слѣдовалъ въ рѣшеніяхъ болѣе толкованіямъ звѣздочетовъ, нежели собственнымъ своимъ мнѣніямъ. По возвращеніи своемъ онъ женился на старой, но богатой вдовѣ, Лукреціи Никессинъ фонъ Ландекъ. Онъ отличался въ Императорской военной службѣ и въ 1614 году по смерти первой супруги своей, которой былъ обязанъ началомъ своего большаго имѣнія, женился на дочери графа Гарраха, пользовавшагося большимъ значеніемъ у Фердинанда. По покореніи Богеміи онъ значительно увеличилъ свое и безъ того большоеимѣніе, купивъ за малую цѣну обширныя владѣнія въ Богеміи. При такомъ имѣніи онъ могъ предложить Императору армію; впрочемъ онъ не думалъ содержать ее на свой собственный счетъ, но хотѣлъ, чтобы она по способу Мансфельда сама содержала себя грабежемъ, опустошеніями и контрибуціями, и дѣйствительно Валленштейнъ до того довелъ эту систему, что не только по обѣщанію своему составилъ армію, но еще болѣе обогатился самъ и обогатилъ своихъ приверженцевъ *). Такъ какъ те-

*) Главнымъ источникомъ для познанія характера Валленштейна служатъ: Albrecht von Wallenstein, Herzogs von Fried-

перь въ Нижней Саксоніи кромѣ войска Лиги, бывшей подъ предводительствомъ Тилли, явилось еще и Императорское войско подъ предводительствомъ Валленштейна, то война приняла болѣе дѣятельный и рѣшительный характеръ. Валленштейнъ разбилъ 25-го апрѣля 1626 года Графа Мансфельда при Дессаускомъ мостѣ и чтобы не дать ему времени снова собраться съ силами, преслѣдовалъ его чрезъ Силезію до самой Венгріи. Здѣсь Мансфельдъ распустилъ остатки своего войска и хотѣлъ чрезъ Боснію и Далмацію отправиться въ Венецію, но въ дорогѣ захворалъ и въ ноябрѣ 1626 года въ одной Далматской деревнѣ умеръ. Между тѣмъ Тилли принудилъ многихъ чиновъ Нижне-Саксонскаго округа отказаться отъ союза съ Королемъ Датскимъ и послѣ того 27-го августа 1626 года сошелся съ нимъ при Люттерѣ на Баренбергѣ. Датчане послѣ храбраго сопротивленія потерпѣли пораженіе и пораженіе ихъ было тѣмъ рѣшительнѣе, что Саксонскіе чины одинъ за другимъ покорялись Императору, такъ что король Датскій остался одинъ *). Въ предѣлахъ Германіи никто уже болѣе не противился Императору и Лигѣ; и казалось, что они могли преслѣдовать короля Датскаго въ его собственномъ государствѣ, сколько имъ было угодно. Какъ прежде Императоръ вознаградилъ на чужой счетъ Герцога Баварскаго, такъ теперь онъ заплатилъ за услугу Валленштейну. Онъ еще прежде сдѣлалъ его Герцогомъ Фридландскимъ; теперь же, въ слѣдствіе недавнихъ побѣдъ, располагая всею сѣверною Германіею, полагалъ, что нельзя лучше наградить Валленштейна и вселить сильнѣйшаго страха къ возстаніямъ и непокорству, какъ предоставивъ побѣдоносному полководцу владѣнія измѣнившихъ Герцоговъ Мекленбургскихъ. Не обращая вниманія

land und Meckelnburg ungedruckte, eigenhändige, vertrauliche Briefe herausgegeben von Fr. Förster. Berlin, 1828—29. 3 Bde.

*) Для войны въ нижней Саксоніи какъ во время борьбы съ Христіаномъ IV, такъ и въ продолженіи всей 30лѣтней войны главное сочиненіе есть: Herzog Georg von Braunschweig-Lüneburg. Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Kriegs nach Originalquellen des Königlichen Archivs zu Hannover von Fr. Graf von der Decken. Hannover, 1833—34. 4 Bde.

на противорѣчіе Имперскихъ сословій, Императоръ 1-го апрѣля 1628 года дѣйствительно отдалъ Герцогство Мекленбургское въ наслѣдственный ленъ Валленштейну и такимъ образомъ возвелъ его въ Имперскіе Князья, вытѣснивъ изъ Мекленбурга древній родъ; Мекленбургскія сословія должны были присягнуть Герцогу, а кто не присягалъ, того осуждали на изгнаніе и лишали имущества. Уже нѣсколько столѣтій въ этихъ странахъ не видали Императорскаго оружія; Императорскій авторитетъ дѣйствовалъ здѣсь только посредственно чрезъ Имперское управленіе, теперь Императорскіе полки стояли на берегахъ Балтійскаго Моря и какъ далеко простиралъ свои планы смѣлый и предпріимчивый Валленштейнъ, видно изъ того, что онъ принялъ титулъ: генерала *Балтійскаго Моря и Океана*. Изъ всѣхъ гаваней, лежащихъ на Померанскихъ и Мекленбургскихъ берегахъ, только одинъ Штральзундъ не принялъ Императорскаго гарнизона. Валленштейнъ тотчасъ осадилъ его и хотя самъ Императоръ совѣтовалъ своему полководцу кончить это дѣло мирнымъ образомъ, но гордый Валленштейнъ объявилъ, что если бы даже эта крѣпость цѣпями была прикованы къ небу, то и тогда должна была бы пасть. Стѣсненный городъ прибѣгъ къ покровительству Швеціи; 25-го іюня 1628 года онъ заключилъ съ Густавомъ Адольфомъ договоръ, по которому, нисколько не нарушая своей связи съ Имперіею, предался на 20 лѣтъ покровительству Швеціи. Король Шведскій послалъ въ Штральзундъ гарнизонъ, который въ соединеніи съ храбрыми гражданами отражалъ всѣ нападенія Валленштейна, такъ что тотъ 3-го августа долженъ былъ снять осаду. Между тѣмъ война съ Даніею продолжалась; Тилли и Валленштейнъ въ теченіи 1628 года завоевали всю Голштинію и Шлезвигъ. Сначала Императоръ предложилъ королю, который просилъ уже о мирѣ, весьма суровыя условія, но послѣ оставилъ ихъ одно за другимъ, особенно, когда самъ Валленштейнъ торопился заключить миръ, чтобы отвлечь короля Датскаго отъ дѣла изгнанныхъ Герцоговъ Мекленбургскихъ и тѣмъ обезопасить вновь пріобрѣтенное герцогство. По этому въ Любекѣ открылись мирные переговоры; на

этотъ мирный конгрессъ и король Шведскій отправилъ своихъ пословъ, но Валленштейнъ не допустилъ ихъ до конгресса. 6-го іюня 1629 года состоялся Любекскій миръ, по которому Христіанъ отказался отъ всякаго союза съ Имперскими сословіями, но ничего не потерялъ изъ наслѣдственныхъ земель.

Теперь можно было бы заключить всеобщій миръ и успокоить взволнованные умы, если бы Католики не вздумали напередъ пожать плоды своихъ побѣдъ. Уже прежде распространилась мысль о возвращеніи всѣхъ Архіепископствъ, Епископствъ и церковныхъ имѣній, конфискованныхъ со времени заключенія Аугсбургскаго религіознаго мира; и Католики ставили это условіемъ для утвержденія религіознаго мира. Теперь же когда перевѣсъ находился въ рукахъ Католиковъ, по видимому наступило самое благопріятное время для осуществленія и этой мысли и ревностный къ своей вѣрѣ Фердинандъ не оставилъ этого безъ вниманія. 6-го марта 1629 год онъ издалъ такъ называемый *реституціонный эдиктъ*, который снова разжегъ войну еще болѣе ужасиѣе. Этотъ эдиктъ содержалъ слѣдующія два главныя постановленія: 1) чтобы по Reservatum ecclesiasticum всѣ духовныя имѣнія, конфискованныя со времени 1555 года, были возвращены и 2) чтобы религіозный миръ распространялся только на приверженцевъ Аугсбургскаго исповѣданія, но не на Кальвинистовъ. Противъ этого эдикта возстали всѣ протестанты, какъ противъ незаконной мѣры по формѣ и по содержанію; Саксонія также ошиблась въ своей приверженности къ Австріи и стала сожалѣть о доставленной ей помощи, когда почувствовала слѣдствія Императорскаго перевѣса. Реституціонный эдиктъ былъ во двое суровѣе по строгости, съ которою его приводили въ исполненіе и вдвое ненавистнѣе по злоупотребленіямъ при распредѣленіи возвращенныхъ имѣній. Вмѣсто того, чтобы ихъ отдавать прежнимъ владѣтелямъ, большую часть ихъ отдали Іезуитамъ и самъ Императоръ предоставилъ сыну своему Леопольду Вильгельму возвращенныя Архіепископства Магдебургское и Бременское и Епископство Гальберштадское, не смотря на то, что онъ былъ уже Епископомъ Страсбургскимъ и Пассаускимъ. Съ

негодованіемъ Протестантовъ соединилось и неудовольствіе Католиковъ, которые обманулись въ своихъ надеждахъ. Императоръ почувствовалъ это, когда въ 1630 году собралъ Курфирстовъ въ Регенсбургѣ, чтобы предложить имъ для избранія въ Римскіе короли старшаго сына своего. Курфирсты Саксонскій и Бранденбургскій объявили, что они не прежде согласятся на его предложеніе, какъ по уничтоженіи реституціоннаго эдикта и по возвращеніи владѣній Герцогамъ Мекленбургскимъ; католическіе Курфирсты также были противъ этого избранія и сопротивленіе ихъ особенно усиливалъ хитрый патеръ Іосифъ, Капуцинецъ, котораго прислало Французское правительство въ Регенсбургъ своимъ посредникомъ. По этому планъ Императора не удался, Курфирсты же настояли на удаленіи Валленштейна отъ начальства надъ войскомъ и на умеьшеніи Императорскаго войска. Со всѣхъ сторонъ слышались справедливыя жалобы на Валленштейна и на необузданность его войскъ *). Эти жалобы поддерживалъ Курфирстъ Баварскій, ненавидѣвшій Императорскаго полководца за то, что чрезъ него Императоръ вышелъ изъ зависимости отъ Лиги. Фердинандъ, хотя неохотно, однакоже долженъ былъ уступить общему требованію и согласиться на удаленіе Валленштейна. Сначала опасялись, что этотъ высокомѣрный полководецъ добровольно не покорится, но противъ всякаго ожиданія онъ безпрекословно повиновался Императорскому повелѣнію и только въ особенномъ письмѣ просилъ Императора, чтобы онъ удержалъ за нимъ его земли и подданыхъ и неслушалъ болѣе его враговъ. На эту просьбу Валленштейна Курфирсты объявили, что Императоръ можетъ оставить за нимъ земли, лежащія въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, но что они съ своей стороны должны стоять за членовъ Имперскаго союза и за княжества; по этому если Герцоги Мекленбург-

*) Жалобы на Валленштейна изъ всѣхъ земель, въ которыхъ стояло Императорское войско, помѣщены въ Theatrum Europaeum; въ жалобѣ Померанскихъ сословій Валленштейнъ называется odium et nausea generis humani и Riccius, de bello Germ. справедливо замѣчаетъ, что ejus asperitas Suecicum bellum maturavit justiusque fecit.

скіе окажутся невинными въ оскорбленіи Величества, то Валленштейнъ долженъ выдать имъ герцогство. По удаленіи столь же ненавистнаго сколь и опаснаго полководца Имераторское войско было уменьшено до 39,000 человѣкъ и вмѣстѣ съ войскомъ Лиги вступило подъ главное начальство Графа Тилли, возведеннаго въ достоинство генералиссимуса. Хотя Императоръ по необходимости согласился удалить Валленштейна и уменьшить свое войско, но тѣмъ не менѣе оставался столь сильнымъ, что Протестанты отчаявались въ своемъ дѣлѣ. Католики были согласны и готовы къ дѣйствію, Протестанты же находились въ утомленіи, въ долгахъ, всякій думалъ только о себѣ; и кромѣ того, по несогласіямъ между Лютеранами и Кальвинистами, они были между собою въ разрывѣ. Кому, говорили тогда, начать сопротивленіе? гдѣ искать помощи? Данія разбита, Швеція далека, Англія занята своими внутренними дѣлами, а Голландія слишкомъ для того осторожна. Но между тѣмъ какъ безпадежные такъ отчаявались и въ унынін хотѣли покоряться своей участи, уже составлялись планы для спасенія ихъ и начались переговоры противъ Императора. Эти планы вышли изъ Франціи и повели къ соединенію съ Швеціею, чтобы силою сокрушить могущество Императора и предоставить протестантству надлежащее мѣсто въ Имперіи.

Ни одна изъ Европейскихъ державъ не была столь не равнодушна къ могуществу Императора какъ Франція. Окруженная Габсбургскими землями она издавна старалась, сокрушить силу Австрійскаго дома. Для этой цѣли она не презирала никакихъ средствъ и при заключеніи политическихъ союзовъ не обращала вниманія на религіозныя отношенія. Такъ мы видѣли Францію, католическую даржаву, въ союзѣ съ Турками и Протестантами;

и кажется, почти наслѣдственною политикою Французскаго правительства было: во Франціи какъ можно болѣе ограничивать Протестантовъ, въ Германіи же поддерживать ихъ и содѣйствовать увеличенію ихъ правъ и привилегій. Эта политика пробудилась во всей своей силѣ, когда Людовикъ XIII во главѣ правленія поставилъ умнаго политика *Кардинала Ришелье*. Ришелье убѣдилъ Шведскаго короля Густава Адольфа явиться въ Германіи съ арміею и когда такимъ образомъ противъ одушевленнаго католическою религіею Императора Фердинанда выступилъ Государь съ неменьшимъ одушевленіемъ въ пользу новаго ученія, то открылся *третій актъ тридцатилѣтней войны* съ совершенно новою и неожиданною силою.

Генрихъ IV, какъ мы видѣли выше, не долго до начала похода въ Германію былъ убитъ, преемнику его Людовику XIII было тогда только 10 лѣтъ и потому онъ до 14 лѣтъ, пока не сдѣлался совершеннолѣтнимъ, находился подъ опекою *). За него правила мать его Марія-де-Медичи, но такъ слабо, что вскорѣ возникло всеобщее неудовольствіе. Мѣсто благоразумной бережливости заступила безразсудная расточительность, отчего государственная казна не только опустѣла, но еще вошла въ долги; вмѣсто того чтобы продолжать соперничество съ Австріею, правительница вступила съ Испанскою линіею Австрійскаго дома въ дружественныя отношенія, обручивъ сына своего съ Инфантиною Анною Австрійскою. Въ слѣдствіе этого родились безпокойства и недовѣрчивость Гугенотовъ, а между дворянами мѣсто прежняго повиновенія

*) Histoire de France sous Louis XIII, par A. Bazin. Paris 1840. 4 vol.

заступило явное своеволіе. Дурное правленіе королевы-регентши всѣ приписывали вліянію ея камер-фрау, Итальянки, и супруга сей послѣдней, Кончини, котораго королева возвела въ достоинство Маршала д'Анкръ; по этому между вельможами образовалась коалиція противъ правительницы и ея любимцевъ; эта коалиція грозила тѣмъ большею опасностію, что во главѣ выступилъ Принцъ Конде и что съ нею соединилась вся Гугенотская партія. Она настояла на томъ, чтобы въ 1614 году въ Парижѣ были созваны états généraux; это государственное собраніе замѣчательно тѣмъ, что было послѣднимъ предъ революціею. Дворъ успѣлъ возбудить въ сословіяхъ несогласія и бездѣятельность, такъ что сеймъ разошелся, не сдѣлавъ ничего. Теперь коалиція взялась за оружіе, но прежде нежели дѣло дошло до сраженія, дворъ заключилъ миръ, по которому коалиція для своей безопасности получила 4 крѣпости; начальникоъ коалиціи удовлетворили назначеніемъ ихъ въ штатгальтеры, а Протестантовъ успокоили утвержденіемъ Нантскаго эдикта. Однакоже внутреннія безпокойства прекратились не прежде, какъ по убіеніи Кончини 24-го апрѣля 1617 года *). Впрочемъ по смерти Кончини правленіе не перешло въ достойнѣйшія руки, потому что слабый Людовикъ XIII предоставилъ его своему любимцу де-Люиню, не отличавшемуся ни политическими, ни воинскими талантами. Къ счастію де Люинь умеръ въ 1621 году прежде, нежели всобщее неудовольствіе успѣло разразиться противъ него съ такою же силою, какъ прежде противъ Кончини, и кормиломъ правленія мало по малу овладѣлъ Кардиналъ Ришелье, Епископъ Люсонскій. Занявъ въ 1624 году мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, Ришелье въ качествѣ главнаго министра управлялъ дѣлами Фран-

*) Супруга Кончини *Леонора Галигай*, которой онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, также была замѣшана въ дѣло убіенія его; Парижскій Парламентъ осудилъ ее на смерть и казнилъ, какъ государственную преступницу. Подробное извѣстіе одного очевидца о низверженіи Королевы-регентши и ея любимцевъ находится въ Raumer's Briefen aus Paris zur Erläuterung der Geschichte des 15ten und 16ten Jahrhunderts Bd. 1, S. 474—481.

ціи до самой смерти. Съ тонкостію политическаго генія онъ соединялъ необыкновенную силу характера, но при Макіавелическихъ началахъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, какъ всѣ государственные мужи того времени, въ политикѣ его не было никакой нравственности. Сначала онъ обратилъ всю свою дѣятельность на утвержденіе королевской власти внутри государства. Для того напередъ представлялось необходимымъ обезоружить Гугенотовъ, которые, владѣя собственными крѣпостями, составляли нѣкоторымъ образомъ государство въ государствѣ. Когда не хотѣли сдать ему своихъ крѣпостей и положить оружіе, то онъ прибѣгнулъ къ силѣ. Городъ Рошель, крѣпчайшее мѣсто Гугенотовъ, съ большимъ усиліемъ въ 1628 году былъ взятъ и Гугеноты по миру, заключенному ими въ слѣдующемъ году, должны были во всемъ уступить требованіямъ сильнаго министра. Между тѣмъ Ришелье ни сколько не касался предоставленной имъ религіозной свободы; для него было достаточно обезоружить ихъ и сдѣлать ихъ, какъ политическую партію, безвреднымъ. Послѣ того ближайшею цѣлію его было укрощеніе вельможъ, въ чемъ онъ также дѣйствовалъ съ поспѣшностію и послѣдовательностію. Казнивъ столь значительныхъ мужей, какъ Маршала Марильяка и Герцога Монморанси, онъ далъ грозный примѣръ и хотя всю жизнь боролся съ заговорами и интригами дворянъ, однакоже успѣлъ на всегда покорить ихъ королевской власти. Внѣшняя политика его клонилась къ ослабленію могущества Австрійскаго дома. Но прежде, нежели онъ вмѣшался въ дѣла Нѣмецкія, дѣло о Мантуанскомъ наслѣдствѣ подало поводъ къ войнѣ съ Испаніею. Въ 1627 году Винценцомъ Гонцагою прекратился домъ Герцоговъ Мантуанскихъ и ближайшимъ наслѣдникомъ ихъ остался Французъ, Герцогъ Карлъ Неверскій, но такъ какъ домъ Австрійскій не желалъ предоставить Франціи вліянія на Италію, то Испанцы противупоставили Герцогу Неверскому другаго претендента, Фердинанда Гуастальскаго, и такимъ образомъ произошла война за наслѣдство, въ которой Французы поддерживали своего единоземца, а Испанцы его соперники. Эта война продолжалась до 1631 года, въ которомъ 6-го апрѣля

окончилась миромъ въ Хераско. Французская партія одержала верхъ; и не только Карлъ Неверскій былъ признанъ Гевцогомъ Мантуанскимъ, но еще Французы удержали за собою крѣпости Пиньероль и Казале. Утвердивъ такимъ образомъ вліяніе Франціи на Италію, Ришелье рѣшился и на большее, именно сломить могущество Австрійскаго дома въ Германіи. Лучшимъ орудіемъ для того онъ считалъ Короля Шведскаго, котораго ревность къ протестантству побуждала поддерживать своихъ единовѣрцевъ въ Германіи. Король Шведскій имѣлъ достаточное основаніе начать непріязненныя дѣйствія противъ Императора, потому что тотъ поддерживалъ противъ него Поляковъ и кромѣ того Валленштейнъ не допустилъ Шведскихъ пословъ на мирный конгрессъ въ Любекѣ. Надлежало только развязывать руки Королю Шведскому и Ришелье сдѣлалъ это, успѣвъ своимъ посредничествомъ утвердить между Швеціею и Польшею перемиріе на 6 лѣтъ. Франція согласилась помогать Королю деньгами, количество которыхъ положено было опредѣлить въ послѣдствіи. Хотя въ Швеціи родились нѣкоторыя опасенія касательно этой войны, но большинство народа говорило въ ея пользу. Честолюбіе и приверженность къ религіи побудили и народъ употребить всѣ мѣры для спасенія протестантсва въ странѣ, бывшей колыбелью его. Такъ какъ Густавъ не хотѣлъ безъ пользы платить жалованья собранному имъ войску, то онъ ускорилъ начатіе войны и хотя не успѣлъ еще склонить на свою сторону ни одного Имперскаго Князя, на содѣйствіе котораго могъ бы разсчитывать, не смотря на то 30 го мая 1630 года сѣлъ на корабли. Противный вѣтръ держалъ его недѣли четыре въ шкерахъ; наконецъ поднялся попутный вѣтръ и онъ въ день столѣтія со времени представленія Аугсбургскаго исповѣданія высадился на Померанскомъ берегу противъ острова Узедома. Продолжительная Лифляндская война образовала въ Густавѣ совершеннаго воина; всѣ недостатки своего войска онъ замѣнялъ своими прекрасными личными качествами. Онъ отличался высокимъ ростомъ и благородными чертами лица, имѣлъ тщательно образованный умъ, а иногда излишнюю живость его могъ обуздывать первый ми-

нистръ и другъ его *Аксель Оксеншерна*. Но прекраснѣйшую черту въ характерѣ Густава Адольфа составляла его искренняя религіозность, которая не только проникла его, но переходила также на его окружающихъ и распространяла свое вліяніе до простаго солдата. Въ Шведскомъ лагерѣ ежедневно два раза совершилось богослуженіе и строжайшая дисциплина считалась религіозною обязанностію. По этому Шведское войско въ сравненіи съ Имперраторскою арміею представлялось кроткимъ существомъ и Шведы, куда ни приходили, вездѣ пріобрѣтали за свою дисциплину любовь, тогда какъ Императорскія войска своими грабежами и насиліями навлекали на себя ненависть.

Хотя по прибытіи Короля Шведскаго въ Германію, сердца Протестантовъ стремились къ нему тѣмъ съ большею радостью, что Протестанты ожидали въ немъ освободителя отъ тяжкаго ига Императорскихъ войскъ, не смотря на то протестантскіе князья не отважились соединиться съ нимъ. Они старались въ предстоящей борьбѣ быть нейтральными и съ этою цѣлію подъ руководствомъ Курфирста Саксонскаго, Іоанна Георга, составили *Лейпцигскій союзъ*. Но этого нейтралитета не признавалъ ни Императоръ, ни Король Шведскій; между тѣмъ какъ городъ Магдебургъ, взятый и разрушенный войсками Тилли, сдѣлался жертвою нейтралитета, Король Шведскій принудилъ Курфирста Бранденбургскаго вступить съ нимъ въ союзъ, а Тилли старался принудить Курфирста Саксонскаго присоединиться къ Императорскому вой-

ску. Это побудило Курфирста Саксонскаго пристать къ арміи Короля Шведскаго; побѣда, одержанная 7-го сентября 1631 года Густавомъ Адольфомъ надъ Тилли при Брейтенфельдѣ, вдругъ измѣнила положеніе дѣлъ. Императоръ и Лига терпѣли теперь нападенія въ своихъ собственныхъ земляхъ и Императору послѣ новаго пораженія и по паденіи Тилли ничего болѣе не оставалось, какъ снова поручить начальство надъ войскомъ за три года передъ тѣмъ отставленному Валленштейну, не смотря на то, что онъ предлагалъ самыя унизительныя условія. Валленштейнъ остановилъ побѣды Короля Шведскаго и хотя 6-го ноября 1632 года въ битвѣ при Люценѣ потерпѣлъ пораженіе, но Католики считали это пораженіе побѣдою, потому что на полѣ битвы палъ опаснѣйшій врагъ ихъ Густавъ Адольфъ.

Между тѣмъ какъ Герцогъ Померанскій, въ области котораго высадились Шведы, принужденъ былъ дѣйствовать съ ними за одно, ни Курфирстъ Бранденбургскій, ни Курфирстъ Саксонскій не хотѣли соединяться съ ними. При такомъ положеніи дѣлъ Густаву Адольфу надлежало бы во все оставить свое предпріятіе, потому что онъ не могъ совершить его безъ чужой помощи только своею собственною малочисленною силою, если бы Ришелье, опасаясь Австрійскаго могущества, не оставилъ всѣ опасенія и 23-го января 1631 года не заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Франція обязывалась платить Королю Шведскому въ продолженіи 5 лѣтъ ежегодно по 1,200,000 ливровъ, за что тотъ долженъ былъ содержать 36,000-ое войско; кромѣ

того положено было признавать нейтралитетъ Баваріи и Лиги, если они захотятъ быть нейтральными. Между тѣмъ, какъ Король Шведскій въ Помераніи велъ войну съ Императорскими войсками, Курфирстъ Саксонскій собралъ протестантскихъ Князей въ Лейпцигѣ и 28-го марта 1631 года склонилъ ихъ къ заключенію съ нимъ союза на слѣдующихъ условіяхъ: 1) жить съ Католиками въ мирѣ, не стремиться къ распространенію своихъ владѣній и быть готовыми ко всякимъ переговорамъ; 2) но какъ настоящая нужда и утѣсненія, причиняемыя войною, болѣе не выносимы и такъ какъ настоящее состояніе противно законамъ, чести и благоразумію, то настоятельно просить Императора о прекращеніи войны и о помощи; 3) поручить управленіе дѣлами особой коммиссіи и каждому принимающему участіе въ общемъ дѣлѣ вооружиться, но только для защиты, а не для нападеній и не противъ Императора, Имперіи, сословій или законовъ. Видно, что Курфирстъ Саксонскій хотѣлъ образовать третію силу, которая, занимая средину между обѣими воюющими партіями, могла-бы рѣшить дѣло въ пользу той или другой; но столь трудная задача была не по силамъ Курфирсту Саксонскому, да и самый ходъ дѣлъ не допускалъ нейтральнаго положенія, къ чему стремился Лейпцигскій союзъ. Императоръ по своей Императорской власти объявилъ Лейпцигскія постановленія недѣйствительными; Король Шведскій равнымъ образомъ не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ вскорѣ показалъ это на Георгѣ Вильгельмѣ, Курфирстѣ Бранденбургскомъ. Изгнавъ Императорскія войска изъ Помераніи и овладѣвъ уже Одеромъ до Франкфурта, Густавъ Адольфъ въ началѣ маѣ 1631 года явился со своимъ войскомъ подъ Берлиномъ. Курфирстъ Бранденбургскій принужденъ былъ соединиться съ нимъ и уступить ему крѣпость Шпандау. Императорскія войска отступили на лѣвый берегъ Эльбы и, соединясь подъ начальствомъ Тилли и Паппенгейма, обратились на Магдебургъ, за то, что этотъ городъ, приверженный къ протестантству, тотчасъ же присоединился къ Шведамъ и принялъ своего прежняго Администра-

тора и Шведскаго коменданта. Важность этого мѣста въ военномъ отношеніи для Шведовъ побуждала Тилли во чтобы то ни стало захватить его въ свои руки; по этому онъ осадилъ городъ и 10 (20) мая 1631 года взялъ его штурмомъ, прежде нежели Густавъ Адольфъ успѣлъ подоспѣть къ нему на помощь. По вторженіи въ городъ Императорскихъ войскъ, тамъ распространился пожаръ, но до сихъ поръ не извѣстно кому приписать вину, Императорскимъ войскамъ или самимъ гражданамъ; вѣрно только то, что Императорскія войска предались тамъ страшному неистовству и что самъ Тилли не могъ остановить ихъ безчинствъ *). Ужасное паденіе столь цвѣтущаго города распространило страхъ по всей Германіи, особенно чувствительно оно было для Тилли, потому что Магдебургъ не представлялъ уже ему теперь опоры, которую онъ надѣялся найти въ немъ. Густавъ-Адольфъ 30-го іюня при Тангермюнде перешелъ Эльбу и утвердилъ крѣпкій лагерь при Вербенѣ. Теперь Императоръ и Лига особенно старались удержать Курфирста нейтральнымъ, но Тилли, не получивъ еще повелѣнія дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, потребовалъ отъ Курфирста, чтобы онъ отказалъ отъ Лейпцигскаго союза и обезоружилъ свое войско или соединился его съ Императорскимъ, а когда Курфирстъ не согласился на это, то началъ тѣснить Саксонію. Это наконецъ уничтожило въ Курфирстѣ Іоаннѣ Георгѣ всѣ сомнѣнія; 1 (10) сентября онъ совершенно принялъ сторону Короля Шведскаго и соединилъ свои полки со Шведскимъ войскомъ. Соединенное Саксонско-Шведское войско 7 (17) сентября встрѣ-

*) Въ новѣйшее время память Тилли оправдали отъ тѣхъ упрековъ, которыми особенно помрачило ее болѣе риторическое, нежели историческое описаніе паденія Магдебурга въ извѣстномъ твореніи *Шиллера*; теперь доказано, что онъ не только не былъ виновникомъ убійства и пожара, но былъ такъ подавленъ разореніемъ города, что даже плакалъ о томъ. Такъ современный протестантскій историкъ *Брахеліусъ* (hist. nostri temp lib. IV, p. 245) говоритъ: Certe Tillius collucentem late urbem cumulosque caesorum et manantes tabo vicos obequitans illacrymasse visus est.

тило Тилли при Брейтенфельдѣ недалеко отъ Лейпцига и дало ему битву. Хотя Саксовъ сбили съ поля сраженія, за то Шведы одержали блистательную побѣду; Тилли едва спасъ жизнь и долженъ былъ оставить непріятелю весь свой лагерь, артилерію и военную кассу. Эта рѣшительная побѣда вдругъ возвысила Короля Шведскаго и тѣмъ болѣе, что онъ воспользовался ею для нападенія на Императора и Лигу въ ихъ собственныхъ земляхъ; при этомъ нападеніи Саксы и Шведы отдѣлились другъ отъ друга; между тѣмъ какъ Курфирстъ Саксонскій чрезъ Силезію вторгнулся въ Богемію, Густавъ Адольфъ чрезъ Тюрингенъ пошелъ на Франконію. Всѣ протестантскіе города добровольно отпирали ему ворота, а католическіе оказывали незначительное сопротивленіе. Войско и сила его возрасли въ слѣдствіе присоединенія къ нему протестантскихъ князей, между которыми въ послѣдствіи значительнѣе всѣхъ былъ *Герцогъ Бернгардъ Веймарскій* *). Къ концу 1631 года вся Франконія и Оберъ-Рейнъ находились въ рукахъ Шведовъ, между тѣмъ какъ гарнизоны Императора и Лиги мало по малу удалились за Эльбу и Везеръ.

Между тѣмъ Тилли, собравъ и пополнивъ свою разсѣянную армію, принудилъ Короля при берегахъ Рейна остановить свой побѣдоносный маршъ и обратиться къ Дунаю. Густавъ Адольфъ побѣдою проложилъ себѣ путь чрезъ Лехъ; здѣсь въ сраженіи Тилли получилъ столь тяжелую рану, что вскорѣ, именно 30-го апрѣля 1632 года, умеръ. Теперь вся Баварія досталась Шведамъ и Курфирстъ Максимиліанъ долженъ былъ оставить свою резиденцію Мюнхенъ, куда 17-го мая вступилъ Король. Между тѣмъ Саксы вторгнулись въ Богемію и, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, дошли до Праги, которая 11-го ноября 1631 года сдалась имъ. Всѣ выселившіеся снова возвратились и опять заняли свои

*) Объ этомъ Князѣ, который игралъ столь важную роль въ 30-тилѣтней войнѣ, мы имѣемъ прекрасную монографію Herzog Bernhard der Grosse von Sachsen-Weimar. Biographisch dargestellt von Dr. Bernh. Röse. Weimar, 1828 — 29 2 Bde.

имѣнія. Такимъ образомъ Императоръ снова пришелъ въ столь же стѣсненное и опасное положеніе, въ какомъ находился при началѣ правленія. Онъ каждую минуту опасался, что Саксы изъ Богеміи, а Шведы изъ Баваріи вторгнутся въ Австрію и, соединясь съ его недовольными подданными, подойдутъ къ Вѣнѣ. У него же не было ни войска, ни денегъ. Въ этой нуждѣ ему снова помогъ Валленштейнъ, который уже разъ безъ денегъ составилъ армію. Валленштейнъ, хотя послѣ продолжительныхъ просьбъ, согласился собрать войско и своими лестными приглашеніями къ марту 1632 года дѣйствительно успѣлъ собрать 15 тысячное войско, только не хотѣлъ принять начальство надъ нимъ, получивъ однажды столь обидную отставку. Но всѣ видѣли, что только онъ могъ управлять собранною имъ арміею и потому Императорскій дворъ согласился на всѣ условія, которыми Валленштейнъ старался пріобрѣсти почти полную независимость отъ двора. Эти условія, на которыхъ Валленштейнъ въ апрѣлѣ обѣщалъ принять начальство надъ войскомъ, были слѣдующія: Валленштейнъ есть генералиссимусъ всѣхъ Австрійскихъ земель и Испанскаго государства in absolutissima forma. Ни Императоръ и ни одинъ изъ его сыновей не могутъ находиться при войскѣ или начальствовать надъ нимъ. Въ обыкновенное награжденіе Валленштейнъ требовалъ, чтобы Императоръ далъ ему формальное обѣщаніе на одну изъ наслѣдственныхъ земель Австрійскаго дома и въ особенное вознагражденіе самую значительную регалію во всѣхъ занятыхъ имъ земляхъ. Такъ ему предоставлены были по всей Имперіи конфискація in absolutissima forma, salvus conductus и пардонъ, безъ всякаго рѣшенія Имперскаго Камергерихта или надворнаго суда; даже безъ подписи Валленштейна Императоръ могъ оказывать милости только ad famam, а не ad bona, ибо въ противномъ случаѣ, говорилъ Валленштейнъ, ничего не останется для награжденія офицеровъ и солдатъ. Въ случаѣ заключенія мира Валленштейнъ требовалъ наконецъ осуществленія своихъ притязаній на герцогство Мекленбургское. Сколь ни безмѣрны бы—

ли таковыя условія, однакоже нужда заставила Фердинанда согласиться на все, чтобы только быть въ состояніи выступить противъ непріятелей. Валленштейнъ тотчасъ же оправдалъ общее ожиданіе блестящимъ успѣхомъ; 4-го мая 1632 года онъ завоевалъ Прагу и послѣ того выгналъ Саксовъ изъ всей Богеміи. 11-го іюня онъ остановился при Эгерѣ и соединился съ Курфирстомъ Максимиліаномъ, который съ остатками своихъ силъ удалился въ Регенсбургъ. Король Шведскій долженъ былъ очистить Баварію и возвратиться во Франконію, гдѣ онъ 19 го іюня при Нюрнбергѣ утвердилъ крѣпкій лагерь. 30-го іюня у Нюрнберга явились также Императорскія войска и Баварцы и всѣ тѣмъ болѣе ожидали рѣшительной битвы, что Валленштейнъ далеко превосходилъ непріятеля многочисленностію своихъ войскъ. Но осторожный Валленштейнъ избѣгалъ битвы и расположился крѣпкимъ лагеремъ противъ Короля. Когда столь огромныя массы людей опустошили всю страну, то въ обоихъ лагеряхъ открылся недостатокъ. Густавъ Адольфъ, усиленный отрядами, приведенными къ нему Оксеншерною, Баннеромъ и Бернгардомъ Веймарскимъ, 24-го августа сдѣлалъ нападеніе на укрѣпленный лагерь Валленштейна, но былъ отбитъ съ большою потерею и при невозможности держаться долѣе въ опустошенной странѣ 8-го сентября выступилъ изъ нея: Валленштейнъ также оставилъ окрестности Нюрнберга. Онъ вторгнулся въ Саксонію и въ октябрѣ занялъ Галле и Лейпцигъ. Теперь Густаву Адольфу во второй разъ надобно было двинуться на помощь Курфирсту Саксонскому; онъ безъ замедленія по призванію Курфирста поспѣшилъ изъ южной Германіи въ Саксонію. Между тѣмъ наступила зима и Валленштейнъ, считая походъ уже оконченнымъ, отослалъ Паппенгейма въ Вестфалію, а въ Саксонскихъ городахъ самъ хотѣлъ расположить свои войска по зимнимъ квартирамъ. Лишь только Густавъ Адольфъ получилъ извѣстіе объ отдѣленіи Паппенгейма, какъ отъ Наумбурга прямо двинулся къ Лейпцигу, чтобы напасть на Валленштейна. 6 (16) ноября 1632 года при Люценѣ, городкѣ между Лейпцигомъ и Наумбургомъ, онъ по-

ставилъ свое войско въ боевой порядокъ. Валленштейнъ тотчасъ отправилъ гонцевъ къ Графу Паппенгейму, который не могъ еще уйти далѣе Галле, съ повелѣніемъ возвратиться, и, надѣясь, что Паппенгеймъ успѣетъ прибыть къ надлежащему времени, согласился на предложенную ему битву. Густой туманъ покрывалъ всю страну; только къ 11 часамъ онъ началъ расходиться; тогда Густавъ Адольфъ, выѣхавъ впередъ, воскликнулъ: «Теперь пора въ бой и да будетъ воля Божія!» Потомъ онъ громко молился; «Господи Іисусе, помоги намъ сегодня въ борьбѣ во славу Святаго имени Твоего.» Послѣ того онъ далъ знакъ къ нападенію и битва началась. Его крыло превозмогло всѣ препятствія мѣстности и храброе сопротивленіе враговъ; съ другаго же крыла онъ получилъ извѣстіе, что тамъ дѣла находятся въ опасномъ положеніи. По этому онъ рѣшился лично поспѣшить туда и поскакалъ съ немногими спутниками, но, обманутый туманомъ и своею близорукостію, слишкомъ близко подошелъ къ непріятелю; одинъ выстрѣлъ ранилъ лошадь его въ шею, а его самаго въ руку. Ѣхавшій возлѣ него Францъ, Герцогъ Лауенбургскій, хотѣлъ увезти раненаго съ поля сраженія, но въ эту минуту подъѣхалъ на 10 шаговъ одинъ всадникъ, котораго ни кто не счелъ за непріятеля, именно подполковникъ Фалькенбергъ, и выстрѣлилъ Королю въ спину, такъ что онъ упалъ. Такъ какъ сюда подоспѣло еще нѣсколько другихъ непріятельскихъ всадниковъ, то всѣ спутники Короля разбѣжались, исключая Лейбельфинга, однаго изъ Нѣмецкихъ пажей его. Всадники потребовали отъ Лейбельфинга, чтобы онъ напменовалъ имъ убитаго, и когда тотъ сказалъ, что это офицеръ, то такъ изранили его, что онъ спустя 5 дней умеръ; потомъ шпагами и пистолетами довершили убіеніе Короля (*). Бернгардъ, Гер-

*) Лейбельфингъ, который былъ одинъ свидѣтелемъ смерти Короля, жилъ еще столько, что могъ сообщить подробное извѣстіе о ней; по его показаніямъ это событіе изложено въ Geijer's Geschichte Schwedens, Bd 3, S. 232. Показанія его совершенно опровергаютъ обвиненіе въ измѣнѣ, которымъ нѣкоторое время омрачали память Герцога Лауенбургскаго.

цогъ Веймарскій, командовавшій другимъ крыломъ, получивъ извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи, не послѣдовалъ совѣту тѣхъ, которые предлагали ему отступить, но сказалъ, что теперь надобно думать только о побѣдѣ и мести. Онъ тотчасъ принялъ на себя начальство надъ всѣмъ войскомъ и съ такою силою устремился на второе крыло Валленштейна, что выбилъ его изъ поля. Но въ это мгновеніе прибылъ Паппенгеймъ и возобновилъ битву. Только по паденіи Паппенгейма бѣгство Императорскихъ войскъ содѣлалось всеобщимъ; они потеряли артиллерію и обозъ и въ нѣсколько дней очистили Саксонію. Хотя Валленштейнъ и претерпѣлъ пораженіе, но смерть Густава Адольфа представляла это пораженіе выгоднѣе самой побѣды; въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Римѣ и Мадритѣ благодарили Бога, что онъ избавилъ Католиковъ отъ столь опаснаго врага. Съ Густавомъ Адольфомъ сошли въ могилу и его воинскія предначертанія. Онъ, кажется, намѣревался въ лицѣ своемъ противопоставить католическому Императору Императора протестантскаго; возможно ли бы было привести это въ исполненіе, о томъ конечно сказать нельзя ничего опредѣленнаго, достовѣрно только то, что если бы Густавъ изъ безкорыстнаго героя вѣры обратился въ честолюбиваго и властолюбиваго завоевателя, то вмѣсто прежней славы и участія къ себѣ навлекъ бы на себя позоръ и ненависть многихъ. По этому можно утверждать, что ни что не могло болѣе содѣйствовать той чистой славѣ, которою теперь озаряется память его, какъ доблестная смерть среди побѣдъ (*).

По паденіи Густава Адольфа управленіе общими дѣлами протестантовъ перешло въ руки Швед-

*) Даже современные Католики съ почтеніемъ отзываются о Густавѣ Адольфѣ и его великихъ достоинствахъ, и Кардиналъ Караффа, сочиненіе котораго Germania sacra reformata служитъ главнымъ источникомъ для исторіи этого времени, называетъ его Королемъ, cui parem Suecia nullum, Europa paucos dedit.

скаго Государственнаго Канцлера *Акселя Оксенштерны*; на сторонѣ Католиковъ въ слѣдствіе *низверженія и убіенія Валленштейна* также произошла та важная перемѣна, что главное начальство надъ войскомъ перешло въ другія руки. Такимъ образомъ *четвертый актъ тридцатилѣтней войны* открылся съ появленіемъ на сцену новыхъ лицъ. Блистательная побѣда, одержанная 4-го сентября 1634 года Императорскими войсками надъ Шведами при Нердлингенѣ, возстановила равновѣсіе между обѣими партіями. Пользуясь этимъ временемъ Курфюрстъ Саксонскій по *Пражскому миру* примирился съ Императоромъ и такъ какъ многіе Нѣмецкіе чины послѣдовали его примѣру, то Шведы повидимому не могли долѣе держаться въ Германіи, но должны были возвратиться въ отечество безъ всякаго вознагражденія за свои усилія.

По смерти Короля Шведскаго верховное управленіе дѣлами Протестантовъ получилъ бы Курфюрстъ Саксонскій, если бы онъ былъ нѣсколько дѣятельнѣе и рѣшительнѣе; но его предупредилъ мужъ, обладавшій большою силою ума, Аксель Оксенштерна. Онъ получилъ изъ Швеціи—гдѣ за несовершеннолѣтнюю дочь Густава Адольфа Христину правленіе приняло на себя Государственный Совѣтъ — уполномочіе неограниченно управлять войскомъ и вести переговоры. Своимъ государственнымъ умомъ и своимъ рѣшительнымъ тономъ онъ пріобрѣлъ себѣ такое же уваженіе, какимъ пользовался Король за свое счастіе въ сраженіяхъ. 13-го апрѣля 1633 года онъ въ Гейльброннѣ заключилъ съ протестантскими чинами

Южной Германіи союзъ на продолженіе войны и съ титуломъ Директора союза получилъ управленіе военными дѣлами, а для веденія другихъ дѣлъ получилъ шесть совѣтниковъ. Кромѣ того Оксеншерна старался подарками привязать къ Шведскимъ интересамъ князей и сословія. Онъ возвратилъ наслѣдникамъ умершаго 19-го ноября 1632 года Курфирста Пфальцскаго Фридриха—Пфальцскія земли и удовлетворялъ другихъ князей, стремившихся къ распространенію своихъ владѣній, даря имъ духовные штифты и имѣнія. Но такъ какъ во владѣніи этими подарками надлежало утверждаться оружіемъ, то война получила чрезъ то новаго двигателя въ жадности обогащавшихся ею. Шведско-Нѣмецкое войско, подъ предводительствомъ Бернгарда Веймарскаго и Густава Горна, своими побѣдами снова потрясало всю Германію: а Валленштейнъ между тѣмъ спокойно оставался въ Богеміи, куда удалился послѣ битвы при Люценѣ. При Императорскомъ дворѣ уже стали терять къ нему довѣренность и думать объ ограниченіи его власти; но онъ оправдалъ себя новымъ блистательнымъ подвигомъ; 18-го октября 1633 года онъ напалъ на Шведовъ въ Силезіи при Штейнау такъ стѣснилъ ихъ, что они должны были сдаться. Между плѣнными находился и старый графъ Турнъ, главный виновникъ Богемскаго возстанія; Валленштейнъ возвратилъ ему свободу и тѣмъ снова заставилъ подозрѣвать себя въ невѣрности. Хотя онъ оправдывался тѣмъ, что Турнъ по своей неспособности можетъ быть полезнѣе для Императора находясь во главѣ непріятелей, нежели въ плѣну, но столь не основательная причина не могла уничтожить недовѣрчивости Фердинанда, который тѣмъ легче подозрѣвалъ своего полководца, что, будучи вынужденъ необходимостію, облекъ его столь необыкновенною властію. И дѣйствительно, въ послѣднее время Валленштейнъ своимъ поведеніемъ самымъ постыднымъ образомъ подтверждалъ то, что говорили про него его многочисленные враги *).

*) Wallenstein's Verrath an Kaiser Ferdinand II. Von Dr. R. Roepell; въ Raumers Histor. Taschenbuch, Jahrg. 1845. Wallenstein,

Около этого времени Бернгардъ Веймарскій занялъ Регенсбургъ и такъ стѣснилъ Курфирста Баварскаго, что тотъ долженъ былъ бѣжать изъ своихъ владѣній въ Тироль. Валленштейнъ получилъ отъ Императора повелѣніе итти на помощь къ Курфирсту, но не повиновался ему, а возвратился въ Богемію и расположилъ тамъ свои войска по зимнимъ квартирамъ. Въ чувствѣ своего могущества Валленштейнъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно; по точномъ изслѣдованіи оказывается, что онъ намѣревался отдѣлить Саксонію и Бранденбургъ отъ Шведовъ, потомъ на сходныхъ условіяхъ водворить всеобщій миръ, удовлетворить всѣ партіи, изгнать нарушителей спокойствія, именно Іезуитовъ, и тогда вести все войско противъ Турковъ. Съ этою цѣлію вступилъ онъ въ переговоры съ Саксоніею, Бранденбургомъ, Франціею и Швеціею, онъ велъ ихъ съ каждою страною отдѣльно и такъ двусмысленно, что трудно было понять: хочетъ ли онъ только раздѣлить непріятелей, или дѣйствительно замышляетъ измѣну противъ Императора и стремится къ пріобрѣтенію Богемской короны *). Эти переговоры не могли долго оставаться скрытыми и таинственность, съ которою были ведены, возбудила только большее подозрѣніе при Императорскомъ дворѣ. Враги Валленштейна, слѣдившіе за каждымъ шагомъ его и излагавшіе все по своему, считали его измѣну несомнѣнною и побуждали Императора принять рѣшительныя мѣры. Въ слѣдствіе этого Императоръ велѣлъ тонкимъ образомъ предложить Валленштейну, чтобы онъ добровольно сложилъ съ себя начальство; велѣлъ сказать ему, что Императоръ весьма сожалѣетъ о его слабомъ здоровьи, разстроиваемомъ подагрою и другими болѣзнями, которыя лишаютъ его возможности дѣйствовать въ

Beiträge zur nähern Kenntniss seines Charakters, seiner Plane, seines Verhältnisses zu Bayern. Von K. M. Freiherrn von Aretin. Regensburg, 1846.

*) Что Ришелье старался поколебать вѣрность Валленштейна къ Императору предложеніемъ ему Богемской короны, мы знаемъ изъ мемуаровъ Marquis de Feuquières, который въ качествѣ Французскаго посланника велъ съ Валленштейномъ переговоры.

полѣ: что потому лучше бы онъ сложилъ съ себя начальство надъ войскомъ и спокойно пользовался своею славою, вмѣсто того, чтобы подвергать ее опасности, что это не будетъ для него униженіемъ, потому что онъ достигъ высшей степени почестей, славы и могущества и что преемникомъ его будетъ только старшій сынъ Императора, Фердинандъ, Король Венгерскій. Валленштейнъ отвѣчалъ на эти предложенія съ принужденною твердостію, что онъ готовъ принять ихъ, если только Императоръ исполнитъ всѣ данныя имъ условія, и что въ такомъ случаѣ онъ можетъ назначить главнокомандующимъ кого ему угодно. Но оказавъ такую покорность, онъ никакъ не хотѣлъ возвратиться въ состояніе частнаго человѣка и рѣшился принять мѣры, чтобы устрашить своихъ враговъ и отомстить двору. Въ январѣ 1634 года онъ созвалъ въ Пильзенѣ большую часть лучшихъ офицеровъ, какъ бы для совѣщанія о веденіи войны, собственно же, чтобы склонить ихъ на свою сторону и побудить къ открытымъ дѣйствіямъ противъ двора. Благодаря стараніямъ друзей своихъ Илло и Терцки, онъ дѣйствительно получилъ отъ большей части офицеровъ клятвенное обѣщаніе, что они будутъ поддерживать его въ начальствѣ надъ войскомъ и не отстанутъ отъ него. Это событіе представили Императору въ такомъ видѣ, что не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ измѣнѣ Валленштейна; по этому нельзя винить Императора въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ скоро и исполнялъ желанія враговъ Валленштейна. 25-го января Императоръ тайно передалъ начальство надъ войскомъ Галласу и уполномочилъ его захватить Валленштейна живаго или мертваго. Напрасно тотъ объявлялъ теперь, что никогда не думалъ предпринимать что либо противъ Императора и католической религіи, уже было поздно и объявленіе его не могло возстановить довѣренности къ нему Императора. Валленштейна 18-го февраля публично признали измѣнникомъ и такъ какъ армія сверхъ ожиданія весьма скоро покорилась повелѣнію Императора, то онъ принужденъ былъ начать то, за что уже наказывался. Онъ предложилъ

соединиться съ собою Бернгарду Веймарскому и съ нѣсколькими отрядами въ сопровожденіи оставшихся ему вѣрными друзей обратился на Эгеръ: хотя онъ прибылъ туда бѣглецомъ, однакоже въ союзѣ съ Шведами надѣялся дать вскорѣ Императору почувствовать свое мщеніе. Между тѣмъ въ кругу самыхъ близкихъ къ нему лицъ таилась измѣна: надежда на большое вознагражденіе прельстила Эгерскаго коменданта Бутлера и онъ вмѣстѣ съ Гордономъ, Лесліомъ и почти 30-ю солдатами, между которыми были два Шотландца, одинъ Испанецъ, а прочіе Ирландцы, рѣшился убіеніемъ Валленштейна положить конецъ всѣмъ его предначертаніямъ. 25-го февраля 1634 года, спустя день по прибытіи Валленштейна въ Эгеръ, сначала убили друзей его: Илло, Терцки, Кински и Неймана на одномъ пиршествѣ, данномъ имъ Бутлеромъ; потомъ убійцы отправились въ квартиру Валленштейна, чтобы и его предать той же участи. Стража стала сопротивляться и Валленштейнъ, пробужденный происшедшимъ отъ того шумомъ, всталъ. Лишь только онъ успѣлъ одѣться, какъ въ комнату его вошелъ капитанъ Деверу и закричалъ: ты ли тотъ злодѣй, который хочетъ перевести Императорское войско на сторону непріятелей и лишить Императора короны? Валленштейнъ видѣлъ въ этомъ свою судьбу и съ достоинствомъ покорился ей; не сказавъ ни слова, онъ распростеръ руки и, пронзенный бердышемъ, палъ. Убійцы получили богатое вознагражденіе, объ винѣ же убитаго полководца не было обнародовано никакого оффиціальнаго извѣстія. Хотя Валленштейнъ не былъ виновенъ въ приписываемой ему измѣнѣ, но его таинственность и его переговоры съ непріятелями, которые онъ старался скрывать отъ Императора, весьма оправдываютъ сего послѣдняго въ томъ, что онъ въ столь опасное время сталъ недовѣрять своему полководцу, облеченному столь чрезвычайною властію и который по видимому намѣренно старался играть довѣренностію Двора. Недостаткомъ въ откровенности и чистотѣ дѣйствій Валленштейнъ самъ вырылъ себѣ яму, въ которую его повергла злоба и ненависть враговъ его.

Шведы не воспользовались паденіемъ Валленштейна и происшедшими въ слѣдствіе того безпорядками для нанесенія рѣшительнаго удара, оттого что между ними и союзниками ихъ возникли несогласія. Нѣмцы наконецъ замѣтили, что иностранцы стараются только обогащаться на ихъ счетъ. Они жаловались, что Французы явно домогались Эльзаса, а Шведы Померанін, Магдебурга и Гальберштата, что какъ тѣ, такъ и другіе подъ видомъ безкорыстія стремились только къ обогащенію себя и увеличенію своихъ владѣній, что позорно для Нѣмецкихъ Князей находиться въ службѣ иностраннаго дитяти, Королевы Христины, и вымаливать милости у Шведскаго дворянина, Оксеншерны. Такой переворотъ въ общественномъ мнѣніи долженъ былъ со временемъ произвести важныя перемѣны, и если бы Императоръ теперь оказалъ уступчивость Протестантамъ и старался о заключеніи мира, то могъ бы соединить Германію подъ своимъ скипетромъ, по постоянныя притѣсненія принуждали Протестантовъ держаться Шведовъ. Вмѣсто Валленштейна начальство надъ войсками Императорскаго двора принялъ Фердинандъ, Король Венгерскій; уваженіе, оказываемое молодому Королю, подъ начальствомъ котораго служили опытные генералы, доставило Императорскому войску единство, котораго не было на сторонѣ непріятелей по причинѣ взаимной ненависти и зависти между военачальствующими. Потому Король тотчасъ ознаменовалъ появленіе свое въ полѣ возвращеніемъ Регенсбурга и изгнаніемъ Шведовъ изъ Баваріи: послѣ того онъ осадилъ Нердлингенъ и когда для освобожденія города прибыла Шведско-Нѣмецкая армія подъ предводительствомъ Бернгарда Веймарскаго и Горна, то 4-го сентября 1634 года дѣло дошло до битвы. Здѣсь Императорскія войска одержали рѣшительную побѣду, Горнъ попался въ плѣнъ, а Бернгардъ едва избѣжалъ подобной же участи. Столь важная побѣда утвердила за Императоромъ перевѣсъ во всей южной Германіи и всѣ теперь предались надеждѣ на миръ. Іоаннъ Георгъ, Курфирстъ Саксонскій, по своему положенію былъ болѣе всѣхъ склоненъ къ примире-

нію съ Императоромъ; онъ только по необходимости соединился съ Шведами, служилъ имъ безъ одушевленія и со смерти Густава Адольфа оказывалъ въ отношеніи къ нимъ совершенную холодность. Переговоры между Саксоніею и Императоромъ, начавшіеся въ 1634 году въ Лейтмерицѣ и продолжавшіеся въ Пирнѣ, окончились 30-го мая 1635 года въ Прагѣ заключеніемъ формальнаго мира. Существенные пункты Прагскаго мира суть слѣдующіе: 1) Императоръ снова утвердилъ Аугсбургскій религіозный миръ; 2) всѣ духовные штифты и имѣнія, конфискованные до 12-го ноября 1627 года, какъ Саксоніею, такъ и вообще Лютеранами, приступившими къ миру, могли оставаться въ ихъ владѣніи въ продолженіи сорока лѣтъ; 3) если по истеченіи сорока лѣтъ нельзя будетъ рѣшить дѣла мирнымъ образомъ, то владѣніе можетъ продолжиться; 4) иностранцевъ со всѣми ихъ силами положено удалить изъ предѣловъ Имперіи и отнять у нихъ все, чѣмъ они овладѣли, 5) Оберъ и Нидерлаузитцъ были уступлены Саксоніи, въ качествѣ Богемскаго лена, а Магдебургъ предоставленъ въ пожизненное владѣніе Саксонскому Принцу Августу. Касательно Пфальца постановлено только, чтобы вдова Курфирста и ея дѣти получили денежное вознагражденіе, о Кальвинистахъ же и не упомянули, равнымъ образомъ ничего не опредѣлили касательно сеймовъ и Имперскихъ судовъ. Не смотря на всю неполноту Прагскаго мира большая часть чиновъ согласилась на предложеніе Императора приступить къ миру въ продолженіи 10-ти дней и это существенно измѣнило положеніе Шведовъ въ Германіи, особенно когда по окончаніи перемирія съ Польшею, Шведамъ грозила опасность, что съ врагами ихъ соединится Польша, Россія и Данія. По этому 17-го сентября Оксеншерна непосредственно обратился къ Императору съ предложеніемъ мира, но чрезъ Курфирста Саксонскаго получилъ постыдный отвѣтъ, что Императоръ соглашается предоставить Шведамъ только свободное отступленіе въ ихъ отечество.

Когда по заключеніи Прагскаго мира Шведы

находились въ опасности быть оставленными и подавленными въ Германіи, то настало время выступить Франціи, если она не хотѣла потерять выгоды отъ всѣхъ доселѣ употребленныхъ ею усилій. Ришелье видѣлъ это и взялся за дѣло; кромѣ Франціи, которая теперь сама открыла дѣйствія противъ Испаніи и Австріи, въ тридцатилѣтней войнѣ съ 1635 года мало по малу приняла участіе большая часть Европы. Характеристическую черту *этого пятаго и послѣдняго акта тридцатилѣтней войны* составляетъ то, что религіозные интересы, подавшіе первый поводъ къ войнѣ, теперь совершенно исчезли. Распространяя страшное опустошеніе по Германіи, которая оставалась главнымъ театромъ войны, война продолжалась до совершеннаго истощенія обѣихъ партій; и уже почти при невозможности продолжаться долѣе, въ 1648 году окончилась *Вестфальскимъ миромъ*; впрочемъ Испанія и Франція еще не прекратили своихъ дѣйствій.

Ришелье сначала освободилъ Шведовъ отъ опасности со стороны Польши, успѣвъ своимъ посредничествомъ склонить Швецію и Польшу къ договору, заключенному 12-го сентября 1635 года въ Стумсдорфѣ, по которому обѣ державы возобновили между собою перемиріе на 26 лѣтъ. Послѣ того онъ объявилъ войну Испаніи, а вскорѣ потомъ и Императору. Хотя театръ войны чрезъ то значительно расширился, но тѣмъ не менѣе главная война оставалась въ Германіи. Чтобы принимать въ ней участіе не выставляя своей собственной арміи, Французское правительство приняло въ свою служ-

бу Бернгарда Веймарскаго. Бернгардъ обязался за ежегодную сумму 4 милліоновъ ливровъ содержать армію въ 12000 пѣхоты и 5000 конницы и съ нею дѣйствовать противъ непріятелей Франціи; тайно Франція обѣщала предоставить Бернгарду Эльзасъ и кромѣ того хлопотать о неприкосновенности всего того, что онъ получилъ отъ Шведовъ. Между тѣмъ какъ Франція устроила такимъ образомъ войну въ земляхъ Рейнскихъ, Оксеншерна также принялъ дѣятельныя мѣры для продолженія ея со стороны Швеціи. Главное начальство надъ Шведскими силами получилъ Баннеръ, одинъ изъ славнѣйшихъ генераловъ, вышедшихъ изъ школы Густава Адольфа. Четвертаго октября 1636 года онъ разбилъ союзныя Саксонскія и Императорскія войска при Виттстокѣ и этою блестящею побѣдою возстановилъ перевѣсъ Швеціи въ сѣверной Германіи. Онъ тотчасъ наказалъ Саксонію за отпаденіе отъ Шведовъ страшными опустошеніями, при чемъ Шведы дѣйствовали съ тѣмъ же варварствомъ и такою же жестокостію какъ прежде Императорскія войска. Впрочемъ пораженіе при Виттстокѣ не ослабило значенія Императора и 22-го декабря 1636 года онъ настоялъ, чтобы сына его избрали въ Короли Римскіе; онъ успѣлъ совершить это въ надлежащее время, чтобы безъ труда удержать Императорскую корону за своимъ домомъ, потому что онъ умеръ 15-го февраля 1637 года, не дожившъ до конца войны, воспламененной его ревностію къ вѣрѣ. Вступленіе на Императорскій престолъ Фердинанда III не произвело перемѣны въ ходѣ дѣлъ и не остановило войны, которая при совершенной одичалости солдатъ и безнравственности народа все становилась ужаснѣе. Чѣмъ менѣе происходило большихъ сраженій, тѣмъ болѣе отдалялось окончаніе войны и такъ какъ обѣ партіи попеременно превозмогали другъ друга и то только на короткое время, то миръ представлялся въ недосягаемомъ отдаленіи. Война раздѣлилась на три главныя вѣтви; тогда какъ Шведы подъ предводительствомъ Баннера боролись съ Императорскими войсками въ сѣверной Германіи, а Гессенцы въ Вестфаліи и на Нидеръ-Рейнѣ, Бернгардъ Веймарскій

поддерживалъ оружіе союзниковъ на Оберъ-Рейнѣ. Достаточно будетъ вкратцѣ представить главныя событія этой войны, потому что подробное изложеніе могло бы утомить. Весною 1637 года Императорскія войска такъ заперли Шведовъ, предводительствуемыхъ Баннеромъ, въ ихъ крѣпкомъ лагерѣ при Торгау, что на вѣрное расчитывали взять въ плѣнъ самаго Баннера со всѣмъ его войскомъ, но онъ 29-го іюня счастливо выбрался изъ сѣтей и сдѣлалъ столь искусное отступленіе въ Померанію, что могъ послѣ въ насмѣшку говорить: попался было въ мѣшокъ къ Императорскимъ войскамъ, да тѣ забыли завязать меня въ немъ. Между тѣмъ какъ Шведовъ оттѣснили къ Балтійскому Морю, Бернгардъ разбилъ своихъ противниковъ при Рейнфельденѣ и Виттенвейрѣ въ Брейсгау и 19го декабря 1638 года завоевалъ Брейсахъ. Этотъ успѣхъ такъ возвысилъ Герцога Бернгарда, что въ его рукахъ по видимому сосредоточивалась рѣшительная сила; союзники смотрѣли на него съ подозрѣніемъ, а Императоръ со страхомъ. По этому неожиданная смерть Герцога 18-го іюля 1639 года составляетъ важное и обильное слѣдствіями событіе *). Хотя въ завѣщаніи своемъ онъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ завоеванія его принадлежали Нѣмецкой Имперіи и вмѣстѣ съ войскомъ были бы предоставлены тому изъ его братьевъ, который захочетъ взять ихъ, не смотря на то и Императоръ, и Швеція, и сынъ Курфирста Пфальцскаго, и Франція всѣ старались пріобрѣсти войско и завоеванія Бернгарда. Императоръ и Швеція не могли ничего

*) Смерть его послѣдовала такъ быстро за началомъ болѣзни, что тутъ подозрѣвали дѣйствіе яда, cujus suspicionem, говоритъ Гуго Гроціи, vix vitare possunt potentum exitus. Точныя изслѣдованія показали, что это подозрѣніе вовсе не основательно и что его погубила чума, отъ которой умерли и многіе изъ его солдатъ. Историкъ Людовика XIII, Bazin T. IV, p. 138 гооритъ: Déjà trois mois auparavant il avait été retenu au lit dans la ville de Pontarlier. Cette fois le mal prit aussitôt un caractère allarmant: un grand nombre de ses soldats en furent atteints et on crut y reconnaître des symptômes de peste. La mort suivit si promptement l'invasion de la maladie que le comte de Guébriant, qui l'avait quitté pour donner ordre au logement des troupes, le trouva sans vie à son retour.

сдѣлать, потому что не имѣли денегъ, чтобы склонить на свою сторону войско, а Пфальцскаго Принца Ришелье велѣлъ схватить, когда онъ проѣзжалъ чрезъ Францію, а до тѣхъ поръ держать подъ стражею, пока переговоры съ войскомъ не кончатся въ пользу Франціи. По договору 9-го октября 1639 года войско продало себя и завоеванія Бернгарда въ Эльзасѣ и Брейсгау Людовику XIII. Съ этого времени Веймарскіе отряды составляли главную часть войска, съ которымъ Французы подъ предводительствомъ Маршала Гебріана продолжали войну съ Австріею. Въ 1640 году Императоръ, послѣ того какъ уже 27 лѣтъ не было сейма, созвалъ наконецъ Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ. Хотя здѣсь выразилось вообще желаніе мира, но такъ какъ никто ничего не уступалъ и ни чѣмъ не хотѣлъ жертвовать, то это желаніе осталось безъ удовлетворенія. Между тѣмъ къ Регенсбургу внезапно подступилъ Баннеръ и едва не разогналъ сейма; только оттепель воспрепятствовала Шведамъ перейти по льду чрезъ Дунай. Спустя нѣсколько времени 10-го мая 1641 года умеръ Баннеръ. До прибытія новаго главнокомандующаго, война продолжалась слабо, потому что опустошеніе страны заставляло держаться тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно было надѣяться на полученіе съѣстныхъ припасовъ, что конечно препятствовало слѣдовать правильному плану. Между тѣмъ Король Датскій принялъ на себя посредничество для заключенія всеобщаго мира и къ концу 1641 года въ Гамбургѣ дѣйствительно были подписаны первоначальныя условія, на основаніи которыхъ дальнѣйшіе переговоры надлежало продолжать въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, но это еще не остановило войны, напротивъ каждая партія старалась пріобрѣсти новыя выгоды, чтобы при мирныхъ переговорахъ оказывать тѣмъ большія притязанія. Назначенный на мѣсто Баннера главнокомандующимъ Шведскихъ силъ въ Германіи *Леонгардъ Торстенсонъ*, прибывъ къ войску въ октябрѣ 1641 года съ деньгами и свѣжимъ народомъ, снова доставилъ Шведскому оружію высокую славу и прежнее могущество. Не смотря на такую слабость и болѣзненность, что его чаще выносили на

поспѣхахъ, нежели онъ выѣзжалъ на лошади, Торстенсонъ отличался быстротою своихъ дѣйствій. Весною 1642 года онъ чрезъ Силезію вторгнулся въ Моравію и привелъ въ страхъ самую Вѣну; хотя при появленіи Императорскихъ войскъ онъ отступилъ въ Саксонію, но 2-го ноября разбилъ слѣдовавшихъ за нимъ непріятелей при Лейпцигѣ на той самой равнинѣ, гдѣ за 11 лѣтъ Густавъ Адольфъ одержалъ свою первую блестящую побѣду въ Германіи. Эта побѣда въ слѣдующемъ 1643 году снова открыла ему путь въ Австрійскія наслѣдственныя земли почти до самой Вѣны; но и въ этотъ разъ Торстенсонъ только напугалъ столицу и поспѣшилъ на Сѣверъ, чтобы въ этомъ году занять зимнія квартиры въ Даніи, которой еще не касалась война. Данія уже давно съ завистію смотрѣла на возраставшее величіе Швеціи и Императоръ конечно не упускалъ случая пользоваться этимъ для своихъ выгодъ, подстрекая Данію къ войнѣ со Швеціею; Швеція же съ своей стороны весьма желала войны съ Даніею, потому что эта еще неопустошенная страна представляла богатыя средства для продолженія войны въ Германіи. Торстенсонъ въ сентябрѣ 1643 года вступилъ въ Данію и овладѣлъ Голштиніею, Шлезвигомъ и Ютландіею. Императорскій генералъ Галласъ намѣревался запереть Шведовъ въ Ютландіи, но искусный Торстенсонъ совершенно разрушилъ его планы: все Императорское войско было разстроено и непріятелямъ снова открылся путь въ Богемію. Напрасно Императоръ составилъ новую армію, ее также разбили и разсѣяли въ битвѣ при Янкау, послѣ чего Австрійскія наслѣдственныя земли въ третій разъ почувствовали тѣ бѣдствія, которыя уже столь долго тяготѣли надъ прочею Германіею. Въ слѣдствіе побѣдъ Торстенсона Данія 13-го августа 1645 года заключила съ Швеціею миръ въ Бремзебро, по которому соглашалась освободить Швецію отъ Зундской пошлины и кромѣ того уступить ей острова Готландъ и Эзель. Саксонія также отдѣлилась отъ Императора и заключила перемиріе.

Тогда какъ Шведское оружіе дѣйствовало съ та-

кимъ успѣхомъ, Французы 24-го ноября при Дуттлингенѣ потерпѣли рѣшительное пораженіе и были оттѣснены за Рейнъ. Во Франціи въ это время произошли важныя перемѣны; во первыхъ тамъ умеръ Кардиналъ Ришелье, которому удалось совершенно преобразовать внутренній составъ Франціи. Хотя Ришелье предоставлялъ Королю Людовику XIII господство надъ всѣмъ, къ чему онъ только былъ способенъ, однако же мало по малу захватилъ въ свои руки всю правительственную власть и, пользуясь ею, дѣйствовалъ съ большою энергіею въ пользу королевскаго единодержавія. По этому онъ всю жизнь боролся съ сопротивленіемъ подавленныхъ имъ элементовъ и даже въ послѣдніе мѣсяцы его жизни открылся заговоръ, клонившійся къ низверженію его и составленный тѣмъ, котораго онъ самъ возвысилъ, — любимцемъ Короля, *Сенмаромъ*. Хотя онъ пережилъ казнь Сенмара и соумышленника его де Ту, которые 12-го сентября 1642 года погибли на эшафотѣ, но соединенныя съ этимъ непріятности такъ разстроили и безъ того слабое его здоровье, что онъ 4-го декабря 1642 года умеръ. Находившійся подъ властію его Король Людовикъ XIII не долго пережилъ его; онъ умеръ 14-го мая 1643 года. Такъ какъ сыну и наслѣднику его Людовику XIV, родившемуся 5-го сентября 1638 года, было только пять лѣтъ, то теперь наступило продолжительное правленіе опеки. Хотя Король, изъявляя предъ смертію послѣднюю свою волю, самъ назначилъ опеку, но Королева Анна Австрійская уничтожила всѣ распоряженія своего умершаго супруга и сама приняла бразды правленія за сына. Такъ какъ она назначила главнымъ министромъ Кардинала *Джуліо Мазарини* или *Мазаренъ*, то политика Французскаго двора ни сколько не измѣнилась; потому что Мазарини, образовавшись въ школѣ Ришелье, считалъ своею обязанностію не отступать отъ плановъ прежняго министра. По этому пріобрѣтеніе Испанскихъ Нидерландовъ и утвержденіе Французовъ въ Эльзасѣ по прежнему составляло главную задачу Французской политики. Между тѣмъ какъ Герцогъ Ангіенскій, который въ

послѣдствіи подъ именемъ Принца Конде пріобрѣлъ славу великаго полководца, счастливо боролся съ Испанцами и 19-го мая 1643 года разбилъ ихъ при Рокруа, главнокомандующимъ въ Германіи былъ назначенъ Викомтъ Тюренпь, по представленіямъ котораго Французское правительство согласилось со Шведскимъ, чтобы Французскія и Шведскія войска дѣйствовали впредь уже не отдѣльно, какъ было до сихъ поръ, но по возможности въ тѣснѣйшемъ соединеніи. Между тѣмъ Торстенсонъ по болѣзни сложилъ съ себя обязанность главнокомандующаго, которую исполнялъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ и на мѣсто его поступилъ Густавъ Врангель. Онъ въ іюлѣ 1646 года при Гисенѣ соединилъ свое войско съ Французскою арміею, находившеюся подъ начальствомъ Тюренія, и они двинулись въ Швабію и Баварію. Курфирстъ Баварскій, видя страшныя опустошенія, производимыя непріятелями въ его владѣніяхъ, поколѣбался въ своей вѣрности и согласился на перемиріе; объявивъ, что Императоръ, не заключая всеобщаго мира и оставляя его безъ помощи, принудилъ его уступить превосходству непріятельскихъ силъ, Курфирстъ 14-го мая 1647 года въ Ульмѣ заключилъ съ Швеціею и Франціею перемиріе. Этотъ поступокъ Курфирста крайне раздражилъ Императора, потому что теперь вся тягость войны падала на него одного; онъ старался всенародно опровергнуть основанія, приведенныя Курфирстомъ въ оправданіе отдѣльнаго мира, и призывалъ Баварское войско къ соединенію съ своею арміею. Его призываніе произвело на Баварское войско такое впечатлѣніе, что Баварскій предводитель Іоаннъ Фонъ Вертъ едва не увелъ армію къ Императору. Хотя Курфирстъ не допустилъ до этого, но, видя расположеніе умовъ въ войскѣ и опасаясь, чтобы оно не оставило его, 14-го сентября рѣшился нарушить Ульмское перемиріе и снова соединиться съ Императоромъ. Послѣ этого Шведы въ 1648 году снова вторглись въ Баварію и опустошили ее еще ужаснѣе, нежели два года назадъ. Въ тоже время они снова напали на Богемію и Шведскій генералъ Кенигсмаркъ 15-го іюля занялъ часть

Праги. Шведы уже хотѣли воспользоваться своими успѣхами для нанесенія рѣшительнаго удара, какъ разнеслась радостная вѣсть, что мирные переговоры кончились и что 24-го октября 1648 года въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ подписанъ *Вестфальскій миръ*. По полученіи этого извѣстія военныя дѣйствія тотчасъ прекратились. И дѣйствительно уже было пора положить конецъ этой войнѣ, чтобы не обратить Германіи, бывшей главнымъ театромъ ея, въ совершенную пустыню. Трудно себѣ представить то жалкое состояніе, въ которое повергла эта продолжительная война всѣ страны, которыхъ только она касалась *). Необузданныя войска позволяли себѣ величайшія жестокости надъ безоружными гражданами и крестьянами сначала, чтобы выпытать у нихъ гдѣ спрятаны ихъ сокровища, а потомъ изъ привычки и для удовольствія. Различныя націи, принимавшія участіе въ войнѣ, старались превосходить одна другую въ изобрѣтеніи новыхъ истязаній и предупреждать другъ друга въ опустошеніи. Въ слѣдствіе опустошеній къ бѣдствіямъ войны присоединился еще страшный голодъ, который повлекъ за собою неразрывную съ нимъ порчу нравственную и физическія болѣзни. По этому неудивительно, что отъ меча, голода и болѣзней цѣлыя области лишились своего населенія и цвѣтущія страны обратились въ пустыни, въ которыхъ поселились волки. Такъ какъ война продолжалась столь долго, что подъ вліяніемъ ея возрасла новая генерація, то она должна была оставить глубокіе слѣды въ духѣ Нѣмецкой націи и дѣйствительно только цѣлое столѣтіе могло изгладить ихъ.

Столь же продолжительны, трудны и столь обильны перемѣнами и переворотами, какъ сама война, были и переговоры, которыми она кончи-

*) Въ Raumer's Geschichte Europas seit dem Ende des 15 ten Jahrh. т. 3, стр. 596—614 изъ современныхъ писателей представлена поразительная картина всѣхъ бѣдствій 30-лѣтней войны и пагубнаго дѣйствія ея на нравственность.

лась. Со времени Констанцскаго Собора ни на одномъ собраніи не рѣшали столь важныхъ вопросовъ для большей части Европы, какъ на мирномъ Конгрессѣ въ Вестфаліи. Здѣсь уже на долгое время были опредѣлены взаимныя отношенія Европейскихъ державъ: ресбуплику соединенныхъ Нидерландовъ и Швейцарію признали независимыми государствами, Швецію и Францію вознаградили на счетъ Германіи, а Нѣмецкая Имперія по уничтоженіи всѣхъ бывшихъ до селѣ ограниченій въ дѣлахъ вѣры и по утвержденіи взаимныхъ отношеній между Императоромъ и Имперскими сословіями получила тотъ видъ, который сохраняла до конца своего существованія. Только между Франціею и Испаніею и между Испаніею и Португаліею не состоялось мира и они продолжали войну еще долѣе десяти лѣтъ. Такъ какъ Франція и Швеція приняли на себя сохраненіе Вестфальскаго мира, то Сѣверъ Европы пришелъ въ тѣснѣйшее соединеніе съ Западомъ. *)

Казалось, что по утвержденіи въ 1641 году въ Гамбургѣ первоначальныхъ условій мира, воюющія державы поспѣшатъ какъ можно скорѣе окончить бѣдственную войну; между тѣмъ протекло нѣсколько лѣтъ, пока согласились касательно мѣста собранія мирнаго

*) J. G. v. Meiern Acta pacis Westphalicae oder Westphälische Friedenshandlungen und Geschichte. Hannover, 1734—366. Bde in fol. Geist das Westphälischen Friedens nach dem innern Gehalte und wahren Zusammenhange der darin verhandelten Gegenstände historiscch und systematisch dar gestellt von J. St. Pütter. Goettingen, 1795.

конгресса и времени, когда начать переговоры. Равнымъ образомъ прошло много времени въ спорахъ о лицахъ, о ихъ званіи и титулахъ и вообще объ этикетѣ. Папа и республика Венеціанская приняли на себя посредничество между воюющими державами; по этому Папа Урбанъ VIII прислалъ на мирный конгрессъ умнаго, обладавшаго обширными свѣдѣніями и умѣреннаго мужа, Кардинала Фабіо Киджи, а Венеція искуснаго дипломата Контарини. Папа предлагалъ начать переговоры заключеніемъ перемирія, многіе же, и особенно Франція, не согласились на то. Война продолжалась и при перемѣнчивомъ счастіи обѣихъ сторонъ замедлила переговоры, потому что каждая партія, пріобрѣтя какую либо выгоду, увеличивала свои притязанія на мирномъ конгрессѣ. Къ началу 1644 года мало по малу собрались уполномоченные отъ воюющихъ державъ; изъ Австріи прибылъ *Dr. Вольмаръ* и позже, особенно замѣчательный, Врафъ *Трахтмандорфъ*, изъ Испаніи Графъ *Пеньяренда*, изъ Франціи Графъ *Д'Аву* и *Сервьенъ*, изъ Швеціи сынъ Государственнаго Канцлера, *Іоаннъ Оксеншерна* и *Сальвій*; изъ Нидерландовъ депутація, состоявшая изъ осьми лицъ. Нѣмецкія сословія при помощи Франціи и Швеціи, которыя старались увеличить власть ихъ на счетъ Императора, также выхлопатали себѣ право отправить на мирный конгрессъ уполномоченныхъ. Чтобы надлежащимъ образомъ разграничить и не перепутать сложныя и разнообразныя занятія, предстоявшія конгрессу, переговоры открылись въ двухъ различныхъ мѣстахъ въ Оснабрюкѣ, гдѣ Шведы и Протестанты вели переговоры съ Императоромъ и Католиками, и въ Мюнстерѣ, гдѣ Франція договаривалась съ державами, съ которыми она была въ войнѣ. Франція не могла примириться съ Испаніею, но въ Мюнстерѣ 30-го января 1648 года состоялся миръ между Испаніею и Нидерландами. Нидерланды желали оставить лучше Бельгію во владѣніи Испаніи, нежели отдать ее въ руки Французовъ, въ которыхъ могли найти себѣ сильныхъ и опасныхъ сосѣдей, тогда какъ Испанія, занимая владѣнія между ними и Франціею, служила имъ твердымъ оплотомъ противъ стремившихся къ завоеваніямъ Французовъ.

По тому они отказались отъ союза съ Франціею и заключили съ Испаніею отдѣльный миръ. По этому миру какъ Испанія, такъ и Римская Имперія признали республику соединенныхъ Нидерландовъ независимою; кромѣ того Нидерланды получили такъ называемыя генералитетскія земли, крѣпость Мастрихтъ и доселѣ неслыханное право запереть Шельду. О пріобрѣтеніяхъ Нидерландцевъ внѣ Европы будетъ сказано ниже. Швейцарію Римская Имперія равнымъ образомъ признала независимымъ государствомъ.

Между пунктами, которые надлежало опредѣлить на мирномъ конгрессѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ было *вознагражденіе Швеціи и Франціи и ихъ союзниковъ*. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ вскорѣ оставили вопросъ: имѣютъ ли иностранныя державы право на вознагражденіе, когда онѣ безъ призыва вмѣшались въ дѣла Германіи, — дѣло шло только о томъ: *какъ* и *чѣмъ* вознаградить ихъ. Многіе утверждали, что для избавленія отъ потерь нѣкоторыхъ Имперскихъ сословій собственно всѣ безъ различія должны принять предстоящія потери на себя; но эта мысль вскорѣ оказалась неудобоисполнимою. По этому вся тягость потерь падала на пограничныхъ владѣтелей. Въ вознагражденіе Франціи ей были формально уступлены Мецъ, Тулъ и Вердюнъ, которыми она уже овладѣла съ 1552 года, но не имѣла только на то признанія со стороны Имперіи. Кромѣ того она получила Ландграфское достоинство въ Эльзасѣ, Зундгау, Брейзахъ и Ландфогство Гагенау вмѣстѣ съ правомъ держать гарнизонъ въ Имперской крѣпости Филиппсбургѣ; впрочемъ Епископы Базельскій и Страсбургскій, равно какъ и всѣ прочіе духовные и свѣтскіе чины и Имперское рыцарство въ Эльзасѣ сохранили свои прежнія отношенія къ Имперіи, и въ Эльзасѣ произошла только та перемѣна, что права, которыя до сихъ поръ имѣла на него Австрія, перешли теперь въ руки Франціи. Но спрашивалось, должна ли Франція, получивъ уступленныя ей Имперскія земли, принадлежать къ Имперіи. Во Франціи взвѣсили всѣ выгоды и невыгоды вступленія въ Германскій Имперскій союзъ и нашли, что невыгодъ больше, потому что вступивъ въ Им-

перскій союзъ легко войти въ зависимость отъ него и подвергнуться опалѣ; потому Франція сочла болѣе безопаснымъ и сообразнымъ съ своимъ достоинствомъ совершенно отдѣлиться отъ Имперіи. Швеція получила въ вознагражденіе въ качествѣ Имперскаго лена всю переднюю Померанію съ островомъ Рюгеномъ; изъ задней Помераніи Штетинъ, Гарцъ, Дамме, Гольнау и островъ Волинъ; далѣе она получила Висмаръ, Бременъ и Верденъ; такимъ образомъ Швеція съ этихъ поръ составляла часть Нѣмецкой Имперіи. Всѣ денежныя требованія Швеціи ограничили 5 милліонами талеровъ, которые она должна была заплатить войску, чтобы какъ можно скорѣе распустить его. Вознагражденіе Швеціи повлекло за собою и многія другія. Именно Курфирстъ Бранденбургскій лишился по этому случаю своихъ наслѣдственныхъ притязаній на Померанію—и требовалъ за то вознагражденія. На Бранденбургскомъ Курфирстскомъ престолѣ 21-го ноября 1640 года слабому Георгу Вильгельму наслѣдовалъ великій сынъ его *Фридрихъ Вильгельмъ*. Этотъ славный князь умѣлъ съ большимъ искуствомъ поставить себя на такую ногу, что его уважали и опасались всѣ партіи; требованія его касательно вознагражденія признали справедливыми и ему уступили Архіепископство Магдебургское и Епископства Гальберштатское, Миндепское и Камминское въ качествѣ свѣтскихъ княжествъ. Герцоговъ Мекленбургскихъ не только возстановили въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ, но еще за Висмаръ, уступленный Шведамъ, вознаградили Епископствами Шверинскимъ и Рацебургскимъ и имѣніями Іоаннитскаго ордена, лежавшими въ Мекленбургскихъ земляхъ. Брауншвейгъ-Люнебургъ также могъ требовать вознагражденія за то, что лишился права уступленныя теперь Швеціи и Бранденбургу епископства предоставлять одному изъ принцевъ своего дома; въ вознагражденіе его Конгрессъ положилъ назначать въ Епископы Оснабрюкскіе Брауншвейгскаго Принца поперемѣнно съ Католикомъ. Гессенъ получилъ аббатство Герсфельдъ, графство Шаумбургъ и 600,000 талеровъ. Относительно Пфальцскаго дѣла, собственно бывшаго причиною продолженія войны, сдѣланы слѣдующія опредѣленія, которыми

удовлетворялись всѣ партіи: старшій сынъ осужденнаго Курфирста Фридриха V, Карлъ Людовикъ, получилъ всѣ владѣнія своего отца, кромѣ Оберъ-Пфальца, который остался въ рукахъ Курфирста Баваркаго; чтобы вознаградить его за потерю Курфирстскаго достоинства, переданнаго Баваріи, его сдѣлали *осьмымъ Курфирстомъ съ званіемъ Эрцшацмейстера*, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы по прекращеніи одной изъ линій Виттельсбахскаго Дома осьмое Курфиршество снова уничтожилось. Наконецъ всѣ прочіе чины получили всеобщую амнистію и возвратили себѣ тѣ права и имущества, которыми пользовались въ 1619 году, принятомъ за нормальный въ этомъ отношеніи.

Второй важный пунктъ Вестфальскаго мира составляютъ *ограниченія въ вѣрѣ*, при разсмотрѣніи которыхъ страсти дѣйствовали еще сильнѣе, нежели при вопросѣ о вознагражденіи иностранныхъ державъ. По прошествіи долгаго времяни и съ немалымъ трудомъ Конгрессъ согласился: не только утвердить по Вестфальскому миру Пассавскій договоръ 1552 года и Аугсбургскій религіозный миръ 1555 года, но также предоставить Кальвинистамъ одни права съ Лютеранами. Исповѣдающіе обѣ протестантскія религіи были совершенно сравнены съ Католиками *). Касательно распредѣленія духовныхъ владѣній и религіи въ имперіи вообще 1624 годъ былъ принятъ за нормальный, чѣмъ уничтожился реституціонный эдиктъ. Относительно перехода владѣтельныхъ лицъ изъ одной религіи въ другую положено различіе, смотря потому, переходитъ ли владѣтельное лице изъ Лютеранства въ Кальвинизмъ и на оборотъ или изъ Протестантства въ Католичество и на оборотъ. Въ первомъ случаѣ владѣтель для себя можетъ держать придворнаго

*) По 7-му члену Оснабрюкскаго мира эти три исповѣданія признаны единственно терпимыми въ имперіи: Praeter religiones supra nominatas nulla alia in sacro imperio Romano recipiatur vel toleretur. Хотя надежда нѣкогда соединить спорныя религіи не исчезла и нѣсколько разъ высказана въ пятомъ членѣ Оснабрюкскаго мира, но, если она не осуществится, опредѣлено было: Si vero, quod Deus prohibeat, de religionis dissidiis amicabiliter conveniri non possit, nihilominus haec conventio perpetua sit et pax semper duratura.

проповѣдника, относительно же другихъ долженъ соблюдать терпимость, не дѣлать насильственныхъ перемѣнъ, не лишать никого правъ или не назначать духовниками лицъ своего исповѣданія. Относительно втораго случая постановлено, что переходъ владѣтеля не принуждаетъ къ тому и подданныхъ, что владѣтель долженъ соблюдать терпимость, а въ случаѣ несогласія на то обязывается предоставить своимъ иновѣрнымъ подданнымъ по крайней мѣрѣ трехъ-лѣтній срокъ для переселенія и не дѣлать имъ при этомъ ни прямо, ни косвенно никакихъ притѣсненій. Въ то время мирный Конгрессъ старался уничтожить происходившее изъ различія вѣры пристрастіе въ судилищахъ и въ имперскихъ дѣлахъ вообще. По этому онъ постановилъ, чтобы въ имперскомъ каммергерихтѣ изъ четырехъ предсѣдателей двое были Протестанты и изъ пятидесяти присутствующихъ только двадцать шесть назначались изъ Католиковъ, а остальные двадцать четыре изъ Протестантовъ. Такое же устройство было предписано и Имперскому Надворному Суду, столь же важному и сильному Имперскому судилищу, какъ и Имперскій Каммергерихтъ. Въ обыкновенныя Имперскія депутаціи положено отъ каждой партіи назначать равное число депутатовъ; а на всеобщихъ Имперскихъ сеймахъ рѣшать дѣла религіозныя не по большинству голосовъ, но по взаимному согласію обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ каждой предоставлялся одинъ голосъ. Избраннымъ и нарѣченнымъ въ Протестантскіе Архіепископы, Епископы и Прелаты было предоставлено закопное мѣсто на Имперскомъ сеймѣ и они должны были садиться на поперечной скамьѣ между скамьею духовныхъ и скамьею свѣтскихъ князей. Папа Урбанъ VIII вскорѣ по открытіи мирныхъ переговоровъ умеръ и ему наслѣдовалъ *Иннокентій X.* Хотя онъ по своему положенію и долженъ былъ противиться уступкамъ, которыя дѣлались Протестантамъ, но онъ ограничился только протестомъ противъ всѣхъ опредѣленій, клонившихся ко вреду католической церкви и апостольскаго престола.

Третій важный пунктъ Вестфальскаго мира состоялъ *въ утвержденіи отношеній между Императоромъ и Имперскими сословіями.* За Императоромъ исклю-

чительно остались только не многія права, законодательная власть была предоставлена Имперскому сейму *). Имперскіе города получили право подавать рѣшительный голосъ вмѣсто совѣщательнаго, которымъ пользовались доселѣ. За Имперскими сословіями были утверждены ихъ территоріальныя права; этимъ имъ предоставлялись права величества, а изъ того само собою слѣдовало право, которымъ въ послѣдствіи Князья такъ часто пользовались, — именно заключать союзы между собою и съ иностранными Князьями, вести войну и заключать миры. Относительно этого третьяго пункта, и то болѣе для поддержанія чести Императора, была сдѣлана слабая оговорка, что никто не можетъ заключать союзовъ и поднимать оружія противъ Императора и Имперіи. Запрещено было Имперскимъ сословіямъ отыскивать свои права оружіемъ между собою; преступившему это запрещеніе опредѣлялось наказаніе нарушителя земскаго мира. Такое же наказаніе назначалось и тому, кто осмѣлится нарушить опредѣленія Вестфальскаго мира; за прочность этого вѣчнаго всеобщаго мира поручилась Швеція и Франція.

Политическое тѣло Германіи получило въ слѣдствіе Вестфальскаго мира свои опредѣленныя формы, особенно потому что съ 1663 года Имперскій сеймъ сдѣлался постояннымъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Регенсбургѣ. По этому необходимо наглядно представить устройство этого сейма, который въ томъ же видѣ оставался до начала девятнадцатаго столѣтія **). Собраніе Имперскихъ сословій, или

*) Права Имперскихъ сословій опредѣлены во 2-мъ параграфѣ 8 го члена и выражены такъ: Gaudeant sine contradictione jure suffragii in omnibus deliberationibus super negotiis Imperii, praesertim ubi leges ferendae vel interpretandae, bellum decernendum, tributa indicenda, delectus aut hospitationes militum instituendae, novamunimenta intra statuum ditiones exstruenda nomine publico veterave firmanda praesidiis, nec non ubi pax aut foedera facienda aliave ejusmodi negotia paragenda fuerint, nihil horum aut quicquam simile posthae unquam fiat vel admittatur, nisi de comitiali liberoque omnium Imperii Statuum suffragio et consensu.

*) C. W. v. Lancizolle Uebersicht der Deutschen Reichsstandschafts-und Territorial-Verhältnisse vor dem Französischen Revolutionskriege. Berlin. 1830.

Имперскій сеймъ, раздѣлялось на три коллегіи: Курфирстскую, Княжескую и коллегію городовъ. Каждая изъ трехъ коллегій имѣла свои особенныя собранія и совѣщанія и только чрезъ согласіе всѣхъ трехъ происходило *мнѣніе сейма*, которое, получивъ Императорскую ратификацію, становилось Имперскимъ *опредѣленіемъ*. При рѣшеніи дѣлъ религіозныхъ примѣнялось такъ называемое jus eundi in partes; по этому праву религіозныя дѣла рѣшались не per majora; но Протестантскія и Католическія сословія составляли особыя Corpus Evangelicorum и Corpus Catholicorum.

Вестфальскій миръ, положивъ конецъ тридцатилѣтней войнѣ, не былъ эпохою для всей Европы, потому что, какъ выше замѣчено, Испанско-Французская война еще продолжалась. Что Испанія при всемъ истощеніи силъ своихъ кромѣ столь могущественнаго врага, какъ Франція, могла бороться еще съ возстаніемъ Каталоніи, отпаденіемъ Португаліи и мятежемъ въ Неаполѣ, тому содѣйствовали внутреннія безпокойства, которыя въ то время ослабляли Францію; тамъ всѣ элементы, обузданные Министромъ Ришелье, составивъ *фронду*, снова взволновались противъ Мазарини. По *Пиренейскому миру*, окончившему въ 1659 году войну, Испанія не сдѣлала большихъ уступокъ, но только совершенно потеряла Португалію, потому что всѣ усилія къ покоренію ея при сопротивленіи и мужествѣ Португальцевъ не имѣли успѣха. Въ 1668 году Испанія признала независимость Португальскаго престола и домъ Браганцскій.

Какъ ни смотрѣть на Испанію въ 16-мъ столѣтіи, во всякомъ случаѣ она является первенствующею державою. Въ политикѣ господствовало ея вліяніе, въ литературѣ ея языкъ, который въ то время послѣ Итальянскаго былъ образованнѣйшимъ въ Европѣ; стоитъ только упомянуть о *Сервантесѣ*, *Лопе де-Вегѣ* и *Кальдеронѣ*, чтобы обозначить высокую степень образованія, которой достигла тогда Испанская литература; творенія *Рибальты*, *Мурильо* и *Наваретте эль Мудо* съ немепьшею живостью свидѣтельствуютъ о развитіи живописи въ Испаніи, какъ *Эскуріалъ*, это величайшее и великолѣпнѣйшее зданіе шестнадцатаго столѣтія, о состояніи Испанской архитектуры и тогдашнемъ богатствѣ Испаніи. Но въ правленіе Филиппа II Испанія упала съ этой политической и духовной высоты; и по вступленіи на престолъ Филиппа III въ 1598 году государство, обремененное долгами, во всемъ своемъ составѣ чувствовало какое то изнеможеніе. Новый Король не могъ изцѣлить его отъ этой слабости, и будучи самъ слабаго характера, только увеличилъ ее. Любимецъ его, Герцогъ Лерма, правившій за него государствомъ, казалось, ничего болѣе не понималъ въ искусствѣ правленія, какъ обогащать себя и свою фамилію. При дворѣ никто не получалъ никакого права, не купивъ его у Лермы или его кліентовъ, и Король былъ такъ слабъ, что не могъ отказать никакому требованію своего любимца, сколь бы безразсудно оно ни было. Лерма же такъ неблагоразумно расточалъ и безъ того небогатые Королевскіе доходы, что наконецъ прибѣгъ къ неслыханной мѣрѣ сравнить цѣну мѣдныхъ денегъ съ цѣною серебра. Онъ надѣялся тѣмъ уничтожить недостатокъ въ деньгахъ, который считалъ единственною причиною упадка Испаніи, но въ слѣдствіе столь неблагоразумнаго средства серебро выходило за границу, а въ Испанію тайно привозили мѣдь. Думая этими мѣрами возвысить народное благосостояніе, Лерма нанесъ ему смертельную рану *совершеннымъ изгнаніемъ Мавровъ*. Я уже изложилъ суровыя постановленія Филиппа II, изданныя противъ этихъ несчастныхъ потомковъ прежнихъ обладателей страны. Въ слѣдствіе этихъ постановленій, тѣ, которые не переселились въ то время, жили, по

внѣшности, какъ Христіане; чтобы устроивать для нихъ школы и образовывать для нихъ священниковъ, духовныхъ съ согласія Папы обязали налогомъ. Этотъ налогъ усилилъ ненависть духовенства къ невѣрнымъ. Архіепископъ Валенціянскій, Донъ Жуанъ де Рибейра, предложилъ двору примѣнить къ Маврамъ законъ, данный Богомъ Израильтянамъ относительно Хананеевъ, именно истребить невѣрныхъ, потому что никто не можетъ знать: есть ли между Маврами добрые Христіане, ибо они почти всѣ лицемѣрятъ. Дворъ принялъ это предложеніе, не смотря на противорѣчія Аррагонскаго и Валенціянскаго дворянства, которое представляло, что Мавры прилежнѣйшіе и искуснѣйшіе подданные Короля. Такъ какъ Папа Пій V, спрошенный въ этомъ дѣлѣ, также объявилъ, что Мавры заслуживаютъ истребленія, если они не вѣрны Христіанству, то Король изъявилъ согласіе на самыя суровыя мѣры противъ нихъ. Тайно собрали солдатъ, снарядили корабли и приготовили все къ изгнанію Мавровъ. Послѣ того 22-го сентября 1609 года вышло Королевское повелѣніе, въ которомъ было сказано: что Мавры еретики и отступники, виновные въ оскорбленіи Величества Божія и Королевскаго; что они подъ страхомъ смерти въ три дня должны приготовляться къ отъѣзду; если же кто удалится отъ своего мѣста жительства или по истеченіи даннаго срока найдется въ Испаніи, тѣхъ можно хватать, грабить и въ случаѣ сопротивленія умерщвлять; такое же наказаніе назначалось всякому, кто скроетъ, сожжетъ, перепортитъ свои имущества или возметъ съ собою болѣе, нежели въ состояніи нести; дѣтей менѣе 4-хъ лѣтъ Маврамъ повелѣвалось оставить въ Испаніи; кромѣ того могли остаться изъ каждыхъ 100 фамилій по 6, избранныхъ для обученія Христіанъ неизвѣстнымъ имъ ремесламъ и наконецъ тѣ, которые удостовѣрятъ свидѣтельствами отъ священниковъ, что они добрые Христіане и принимаютъ Св. причастіе. Большая часть Мавровъ покорилась повелѣнію и рѣшилась выселиться, но участь ихъ была ужасна; многіе потерпѣли кораблекрушеніе; другихъ во время переправы убили бывшіе на корабляхъ матросы, женъ и дѣтей ихъ побросали въ море; высадившіеся въ Африку частію

были избиты разбойничествующими Бедуинами, частію же погибли отъ разнаго рода недостатковъ. Тѣхъ, которые силою воспротивились повелѣнію и удалились въ горы и лѣса, равнымъ образомъ мало по малу истребили; такъ какъ за голову Мавра была назначена цѣна, то ихъ ловили, какъ дикихъ звѣрей. Можно принять, что Испанія потеряла до полумилліона своихъ трудолюбивѣйшихъ подданныхъ. Хотя оставшаяся добыча была безмѣрна, но она не послужила въ пользу государства, а разошлась по рукамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, между тѣми, которымъ было поручено исполнить Королевскій приказъ. Такимъ образомъ Испанія сама къ ранамъ, нанесеннымъ ей ея внѣшними непріятелями, прибавила еще одну неизцѣлимую, отъ которой все болѣе и болѣе изнемогла.

Не смотря на свое изнеможеніе и недостатокъ въ деньгахъ, Испанія неотказывалась отъ своихъ прежнихъ притязаній и положила по истеченіи заключеннаго съ Нидерландцами перемирія возобновить войну. Лишь только началась война, какъ 28-го февраля 1621 года умеръ Филиппъ III. Его сынъ и наслѣдникъ Филиппъ IV былъ слабъ, какъ и онъ самъ, и предоставилъ правленіе любимцу своему Герцогу Оливарецу. Оливарецъ старался для покрытія военныхъ издержекъ преобразовать финансовую систему; онъ хотѣлъ уничтожить излишнія должности, упростить налоги, наложить новыя пошлины и принять другія подобныя мѣры, но зло такъ глубоко вкоренилось при прежнемъ правленіи, что ему не удалось ни одно изъ его намѣреній. Хотя Испанцы, предводительствуемые Спинолою, успѣшно дѣйствовали на сушѣ, въ Нидерландахъ, но за то Нидерландскій флотъ отнялъ у нихъ многія богатыя колоніи, въ слѣдствіе чего торговля ихъ совершенно упала. По отозваніи Спинолы въ 1627 году Нидерландцы пріобрѣли перевѣсъ и на сушѣ, а когда въ войнѣ приняла участіе Франція, то они могли бы въ соединеніи съ этою державою завоевать Испанскую Бельгію, если бы, опасаясь Франціи, не предпочли удержать въ сосѣдствѣ у себя Испанію. Такимъ образомъ Испанцы удержались въ Нидерландахъ; но когда Французы объявили войну Ис-

панiи, то война открылась также на Пиренеяхъ, а вскорѣ перешла и за Пиренеи; тамъ въ 1640 году негодуя на притѣсненiя возстала провинцiя Каталонiя; Каталонцы уже издавна жаловались, что ихъ, не смотря на предоставленныя имъ привилегiи отягощаютъ денежными налогами и собираніемъ войска; когда же Оливарецъ не только не принялъ этихъ жалобъ, но еще велѣлъ арестовать Каталонскихъ депутатовъ, то Каталонцы взялись за оружiе противъ правительства. Будучи же сами по себѣ слабы, чтобы противустоять двору, они призвали на помощь Французовъ и покорились Королю Людовику XIII*). Между тѣмъ какъ Французы утвердились такимъ образомъ за Пиренеями, и, не извлекая меча, завоевали цѣлую провинцiю, возстанiе Катагонiи нашло себѣ подражанiе въ Португалiи. Это Королевство чрезъ соединенiе съ Испанiею лишилось всего своего блеска. Съ тѣхъ поръ какъ оно стало имѣть съ Испанiею *одного* Короля, оно имѣло съ нею и *однихъ* непрiятелей. Пользуясь этимъ, Нидерландцы отняли у Португальцевъ ихъ богатыя колонiи въ Остъ-Индiи и часть Бразилiи, а Персидскiй Шахъ Аббасъ Великiй занялъ Ормусъ. Съ этою потерею внѣшней силы соединялась еще потеря внутренней свободы, потому что изъ всѣхъ обѣщанiй, данныхъ Португальцамъ Филиппомъ II при покоренiи ихъ, ни одно не было исполнено. Вскорѣ вся Португалiя стала проклинать несчастное соединенiе съ государствомъ, которое сообщило ей заразу паденiя. Всѣ взоры и надежды въ Португалiи обратились теперь на Герцога *Iоанна Браганцскаго*, какъ законнаго наслѣдника; Герцогъ же былъ столь же не предпрiимчивъ, какъ и его дѣдъ, который не рѣшался притязать на корону противъ Филиппа II. Но за него думала и дѣйствовала его рѣшительная супруга Луиза Гусманъ; она все устроивала тайно и случай помогъ ей достигнуть цѣли, когда въ негодующемъ народѣ произошло всеобщее возстанiе. Герцогъ Оливарецъ повелѣлъ Пор-

*) О возстанiи Каталонiи см. Bazin hist. de France sous Louis XIII. T. IV, стр. 229—237. Каталонцы присягнули 20-го Февраля 1641 года чрезъ депутатовъ въ Парижѣ. Bazin, l. c. p. 260.

тугальскому дворянству подъ страхомъ лишенія лен-ныхъ владѣній итти на возмутившуюся Каталонію. Это повелѣніе при негодованіи народа произвело возстаніе; 1-го декабря 1640 года Герцога Браганцскаго въ Лиссабонѣ провозгласили Королемъ и при всеобщемъ стремленіи къ освобожденію отъ Испанскаго ига въ продолженіе осьми дней вся Португалія послѣдовала примѣру столицы и изгнала Испанцевъ. Испанцы нигдѣ не оказывали сопротивленія насильственнымъ дѣйствіямъ Португальцевъ, такъ что вся революція, въ слѣдствіе которой Португалія снова объявила себя независимою, только тремъ стоила жизни, Министру Васконцеллосу и двумъ солдатамъ *). Новаго Короля *Іоанна IV* тотчасъ признали во Франціи, Голландіи, Англіи и Швеціи, Папа же просилъ двадцать лѣтъ на обдумываніе, потому что въ это время должно было открыться: въ состояніи ли будетъ Португалія удержать свою независимость. Съ Индерландами Португалія заключила наступательный союзъ въ Европѣ и десятилѣтнее перемиріе въ Остъ-и-Вестъ Индіи; колоніальныя отношенія между обѣими державами были опредѣлены на это время такъ, что Португалія почти всѣ свои Остъ-Индскія владѣнія оставила въ рукахъ Индерландцевъ и удержала изъ нихъ только малые остатки въ Гоѣ и нѣкоторыхъ факторіяхъ на Малабарскомъ берегу, но за то возвратила себѣ всю Бразилію. Сначала Испанія только интригами и заговорами могла дѣйствовать противъ новаго Короля, потому что всѣ силы свои должна была употреблять на возвращеніе Каталоніи и на защищеніе своихъ Белгійскихъ провинцій. Къ возстанію Каталоніи и Португаліи присоединилось еще возстаніе въ Неаполѣ, который равнымъ образомъ хотѣлъ отторгнуться отъ Испанской коропы.

*) Между многими источниками для исторіи отпаденія Португаліи отъ Испаніи важнѣйшіе слѣд. Fern. de Menezes historiarum Lusitanarum ab anno 1640—1657 libr X. Ulyssip. 1734. 2 voll. 4-to; Historia delle revolutioni del regno di Portogallo, per le quali la corona e stata transferita dal Rè di Castiglia al Duca di Braganza, Giovanni IV; composta dal Don Gio Battista Birago. Genev. 1646.

Во время продолжительныхъ войнъ Испаніи, обѣ Сициліи терпѣли уже отъ набора способныхъ носить оружіе для дополненія арміи и еще болѣе отъ тяжкихъ налоговъ, которые взыскивались съ величайшею строгостію, но съ этимъ соединились еще другія взысканія, которыя дѣлалъ Вице-король для своихъ собственныхъ выгодъ. Продолженіе войны заставило Испанское правительство назначить чрезвычайный сборъ въ то время, когда только что были правильно выплачены обыкновенныя подати. Кромѣ того тогдашній Вице-король Неаполитанскій *Донъ Родриго Понсе де Леонъ*, *Герцогъ Аркосскій* 3-го января 1647 года обнародовалъ новый налогъ на жизненые припасы, это возбудило въ народѣ такое неудовольствіе, что достаточно было самаго незначительнаго повода для произведенія мятежа. 7-го іюля на площади въ Неаполѣ произошелъ споръ между зеленщикомъ и сборщикомъ; ссора ихъ привлекла къ себѣ множество народа, который съ крикомъ Viva il re di Spagna e muore il mal governo соединился и излилъ свою ярость на таможни. Возстаніе тотчасъ нашло себѣ предводителя въ Амальфійскомъ рыбакѣ *Ѳомѣ Аніелло* или *Масаніелло* и чрезъ присоединеніе деревенскихъ жителей получило такую силу, что весь городъ подпалъ власти народа и Масаніелло управлялъ имъ съ титуломъ Генералъ-Капитана *). Вице-король убѣжалъ въ Castello Nuovo, но будучи не въ состояніи выдержать правильной осады заключилъ съ Масаніелло договоръ, по которому, въ случаѣ согласія Короля, обѣщалъ уничтожить всѣ налоги, введенные со времени Карла V; до тѣхъ поръ, пока не придетъ Королевское утвержденіе, народу предоставлено было право оставаться подъ оружіемъ. Хотя Масаніелло сохранялъ въ Неаполѣ прекраснѣйшій порядокъ, но счастіе породило въ немъ гордость и высокомѣріе. Бѣдный рыбакъ, величавшійся теперь серебряннымъ вооруже-

*) Для исторіи возстанія въ Неаполѣ главное сочиненіе Historia overo narrazione giornale dell'ultime revoluzioni della citta e regno di Napoli scritta da Don Agost. Nicolai. Amsterd. 1660. Histoire de la révolution au royaume de Naples par Mlle. de Lussan вышла въ С. Петербургѣ между 1775 и 1779 годами въ Русскомъ переводѣ Малигина въ 3 томахъ.

піемъ и пуховою шляпою, совершенно потерялъ тактъ въ своихъ дѣйствіяхъ и тѣмъ самъ вырылъ себѣ яму, въ которую былъ ввергенъ чрезъ нѣсколько дней. Такъ какъ гордость отдалила его отъ народа, то Вице-король велѣлъ 16-го іюля застрѣлить его. Вмѣсто его достоинство Генералъ-Капитана принялъ одинъ дворянинъ *Донъ Франческо Торальто*, но онъ не могъ сохранить спокойствія, такъ что до прибытія Королевскаго повелѣнія какъ городъ такъ и вся страна находились въ постоянномъ волненіи. Перваго октября явился незаконный сынъ Короля, Донъ-Жуанъ Австрійскій, съ флотомъ; но вмѣсто того, чтобы во имя Короля утвердить договоры, онъ потребовалъ выдачи оружія; когда-же ему отказали въ томъ, то 5-го октября онъ съ флота а Вице-Король съ крѣпостей открыли пальбу въ городъ. Но такія дѣйствія не устрашили, а только болѣе ожесточили народъ; Неаполитанцы, одержавъ верхъ въ этой борьбѣ, рѣшились отложиться отъ Испаніи и начали тѣмъ, что 22-го октября казнили Генералъ-Капитана Торальто; мѣсто его занялъ оружейный мастеръ по имени *Дженнаро Аннезе*. Впрочемъ инсургенты вскорѣ увидѣли необходимость иностранной помощи и потому обратились сначала съ просьбою къ Папѣ Иннокентію X, какъ верховному ленному владѣтелю Неаполя, а когда тотъ отказалъ имъ, то къ Французскому посланнику, находившемуся въ Римѣ; но такъ какъ посланникъ не рѣшался согласиться на это безъ повелѣнія своего двора,—то случайно находившійся въ то время въ Римѣ Французскій вельможа *Герцогъ Генрихъ Гизъ* принялъ ихъ предложеніе сдѣлаться главою Неаполитанцевъ. Герцогъ сдѣлалъ это въ надеждѣ пріобрѣсти себѣ корону. Когда онъ 15-го ноября прибылъ въ Неаполь, то Неаполитанцы приняли его съ торжествомъ, надѣясь чрезъ него вовлечь въ свои интересы Францію. Однако же Герцогъ вскорѣ увидѣлъ затруднительность своего положенія; Аннезе хотѣлъ стоять выше его, тогда какъ Герцогъ не хотѣлъ видѣть его даже на равной съ собою степени, а Французское правительство поддерживало Герцога весьма слабо, видя, что онъ дѣйствуетъ болѣе для себя, нежели для Франціи. По этому инсургенты вскорѣ раздѣлились на Французско-

Гизовскую и Французско-Королевскую партіи; третья же, т. е. Испанская партія, конечно извлекала изъ этого раздѣленія своихъ противниковъ выгоды и пріобрѣтала силу. Наконецъ даже самъ Джеппаро Аннезе изъ ненависти къ Гизу со всею своею партіею перешелъ на сторону Испанцевъ и въ апрѣлѣ 1648 года сдалъ имъ всѣ занятыя имъ мѣста; Гиза же захватили въ плѣнъ и отвезли въ Испанію, гдѣ онъ 5 лѣтъ томился въ суровомъ заключеніи, пока принцъ Конде не выпросилъ ему свободы. По заключеніи Гиза весь Неаполь покорился снова Испаніи. По уничтоженіи акцизовъ на съѣстные припасы и уменьшеніи прочихъ податей народъ такъ успокоился, что правительство могло приступить къ наказанію виновныхъ; тогда казнили и самого Джеппара Аннезе.

Что Французское правительство не сильнѣе поддерживало возстанія въ Неаполѣ, тому, кромѣ соревнованія къ Гизу, были еще причиною бывшія въ то время во Франціи внутреннія безпокойства. По этому же Испанцы не кончили переговоровъ въ Мюнстерѣ заключеніемъ формальнаго мира, надѣясь обратить внутреннія безпокойства во Франціи въ свою пользу, какъ во времена Лиги. Хотя Ришелье обуздалъ высшее Французское дворянство, но оно только съ ропотомъ покорилось министерскому деспотизму, который Мазаринъ продолжалъ въ томъ же духѣ, какъ началъ Ришелье, но только не съ такою силою. Противъ искуснаго и хитраго Итальянца, державшаго совершенно въ своихъ рукахъ Королеву мать, вскорѣ образовалась партія, которая называлась *Фрондою* *). Эта партія нашла себѣ опору въ. негодованіи народа на наложеніе податей и въ законномъ сопротивленіи парламентовъ. Эти верховныя судилища, съ тѣхъ поръ какъ уже не созывались болѣе états-généraux, служили для народа единственною защитою противъ

*) Всѣ интриги фронды лучше всего можно узнать изъ мемуаровъ человѣка, который имѣлъ въ рукахъ ключь къ нимъ, именно Парижскаго Коадьютора, извѣстнаго въ послѣдствіи подъ именемъ *Кардинала Ретца:* Mémoires du Cardinal de Retz (1648—1655). Cologne, 1718. 3 voll. Новѣйшая исторія фронды есть: Histoire de la Fronde par M. le Comte de St. Aulaire. Paris 1827. 3 voll.

введенія новыхъ или увеличенія старыхъ податей. Такъ какъ всякое королевское повелѣніе, которое могло подать поводъ къ судейскому рѣшенію и къ принудительнымъ мѣрамъ, получало силу только тогда, когда парламенты вводили ихъ въ свои реэстры, то парламенты особенно пользовались этимъ при введеніи новыхъ податей и имѣли право противиться имъ, не вводя ихъ въ свои реэстры. Франція конечно, какъ и всѣ державы, принимавшія участіе въ 30-тилѣтней войнѣ, принуждена была вводить новые налоги и Мазарини поручилъ управленіе финансами своему земляку по имени *Пертичелли*, или, какъ онъ называлъ себя по Французски, *Эмери*, обладавшему необыкновенною способностію добывать деньги. Парижскій Парламентъ въ 1647 году не хотѣлъ ввести въ свой реэстръ новаго тарифа на всѣ приходящіе въ Парижъ товары и чрезъ то началъ борьбу съ дворомъ или лучше съ Мазарини. Этотъ споръ продолжался и въ 1648 году, когда пришло извѣстіе, что Принцъ Конде при Лепсѣ одержалъ надъ Испанцами блистательную побѣду. Извѣстіе о побѣдѣ дало смѣлость Мазарини рѣшительнымъ шагомъ подавить сопротивленіе Парламента; онъ велѣлъ арестовать двухъ членовъ Парламента: Петра Брусселя и Бланкъ-Мениля, которые считались начальниками оппозиціи противъ двора. Арестованіе этихъ двухъ мужей доставило недовольнымъ желаемый случай возмутить народъ; выстроены были баррикады и Мазарини, испуганный готовившимся возстаніемъ, согласился освободить арестованныхъ. Фронда, ободренная такимъ успѣхомъ, равно какъ и удаленіемъ Эмери, стала дѣйствовать рѣшительнѣе и распространять сильнѣйшія жалобы на главнаго министра; парламентъ даже возобновилъ старый эдиктъ, которымъ иностранцамъ запрещалось вмѣшиваться въ управленіе дѣлами Франціи. Мазарини искалъ себѣ опоры противъ угрожавшей ему бури въ Принцѣ Конде и, склонивъ его на свою сторону, убѣдилъ дворъ 6-го января 1649 года оставить Парижъ. Но это не только не устрашило, но еще раздражило противниковъ Кардинала; 8-го января парламентъ съ согласія всѣхъ камеръ издалъ эдиктъ, въ которомъ объявлялъ Мазарини врагомъ

государства и повелѣвалъ ему подъ страхомъ смертной казни оставить предѣлы Франціи. Въ то же время Парламентъ опредѣлилъ составить армію; Парижане вооружились; къ Фрондѣ приступили Принцъ Конти, братъ Принца Конде, и Герцогъ Лонгвиль, зять Принца Конде, со многими другими знатными лицами и когда принцъ Конде по повелѣнію двора началъ осаду Парижа, то открылась междоусобная война. Хотя Виконтъ Тюреннь, командовавшій арміею въ Германіи, принялъ сторону Фронды и хотѣлъ вести свои войска къ ней на помощь, но, будучи оставленъ своими офицерами и войсками, бѣжалъ въ Нидерланды. Въ одно время съ возстаніемъ въ Парижѣ, открылись такія же безпокойства во всѣхъ городахъ Королевства, гдѣ парламенты соглашались съ Парижскимъ Парламентомъ и гдѣ губернаторами были Фрондеры; дворъ пришелъ въ большое замѣшательство. Впрочемъ такъ какъ Принцъ Конде при помощи своего отличнаго полководческаго таланта отрѣзалъ подвозъ отъ столицы, то недостатки заставили Парижанъ подумать о примиреніи съ дворомъ. Уже въ концѣ февраля былъ заключенъ миръ, по которому дворъ обѣщалъ всеобщую амнистію, а парламентъ уничтожилъ свой эдиктъ противъ Кардинала Мазарини. Но этотъ миръ продолжался только до тѣхъ поръ, пока кардиналъ и Принцъ Конде оставались друзьями. Оказавъ большія услуги двору и кардиналу, Принцъ, какъ и можно было ожидать, притязалъ на большее, нежели сколько соглашался предоставить ему кардиналъ; по этому вскорѣ между Принцемъ и главнымъ министромъ произошла вражда, въ слѣдствіе которой возникли еще сильнѣйшія безпокойства. Кардиналъ примирился съ Фрондою для того, чтобы развязать себѣ руки противъ Принца; и думая, что уже достигъ этого, 18-го января 1650 года велѣлъ арестовать Принца Конде, его брата Конти и ихъ зятя Герцога Лонгвиля и всѣхъ ихъ отвезти въ Венсеннъ. Послѣ этого насилія междоусобіе возобновилось, друзья заключеннаго Принца взялись за оружіе и соединились съ Испанцами. Испанское Правительство находилось тогда подъ руководствомъ Донъ-Луп-де-Гаро, возведеннаго на мѣсто Герцога Оливареца въ званіе перваго министра; пользуясь безпокойствами во

Франціи, оно хотѣло извлечь изъ нихъ себѣ пользу и послало войска на помощь Тюренню и другимъ друзьямъ принцевъ. Хотя Королевская армія при Ретелѣ разбила Испанско-Французскія войска, предводительствуемыя Тюреннемъ, не смотря на то всякій видѣлъ опасное положеніе государства и Мазарини долженъ былъ наконецъ уступить силѣ обстоятельствъ. Шестаго февраля 1651 года онъ выѣхалъ изъ Парижа и уѣхалъ на Германскую границу, впрочемъ и оттуда продолжалъ руководить Королеву мать своими совѣтами. Слѣдствіемъ его отъѣзда было освобожденіе арестованныхъ принцевъ. Но едва они получили свободу, какъ Королева стала опасаться, чтобы дворянство снова не пріобрѣло всего прежняго своего могущества; столь велики были требованія Принца Конде для себя и своей партіи. Она уже начала сожалѣть, что отпустила Кардинала Мазарини, потому что съ каждымъ днемъ становилась яснѣе необходимость его возвращенія. Принцъ Конде тайно готовился къ междоусобной войнѣ и наконецъ, узнавъ, что ему снова угрожаетъ арестъ, взялся за оружіе, послѣ чего въ началѣ 1652 года возвратился Кардиналъ Мазарини. Возвращеніе его побудило всѣхъ принцевъ крови и большую часть высшаго дворянства принять сторону Принца Конде; такъ какъ онъ кромѣ того соединился съ Испанцами и привлекъ на свою сторону Парижъ, то дѣло Короля приняло бы весьма дурной оборотъ, если бы Король не нашелъ себѣ искуснаго защитника въ Виконтѣ Тюреннѣ. Этотъ славный полководецъ держалъ въ междоусобной войнѣ сторону двора и дѣйствовалъ съ рѣшительнымъ успѣхомъ, хотя въ числѣ своихъ войскъ часто уступалъ противникамъ. Дворъ успѣлъ раздѣлить союзниковъ; такъ какъ онъ во второй разъ удалилъ Кардинала Мазарини, то всѣ соединившіеся съ принцемъ только изъ ненависти къ Кардиналу, оставили его; вскорѣ также Парижу надоѣла война, которую отчасти вели на его счетъ и онъ равнымъ образомъ заключилъ миръ съ дворомъ. Послѣ этихъ отпаденій Принцу Конде ничего болѣе не оставалось, какъ перейти къ Испанцамъ; а Кардиналъ Мазарини въ началѣ 1653 года снова возвратился въ Парижъ и до самой смерти спо-

койно пользовался неограниченною властію. Возмущеніе Фронды было послѣднимъ отблескомъ прежняго мятежничества дворянъ; съ этого времени королевская власть пріобрѣла такую силу и крѣпость, что ей уже нечего было опасаться. Если бы Испанія не была истощена, то пользуясь этими безпокойствами во Франціи, могла бы извлечь изъ нихъ значительныя для себя выгоды; теперь же она удовольствовалась только утвержденіемъ своего перевѣса въ Каталоніи и завоеваніемъ потерянныхъ мѣстъ на Нидерландской границѣ. Самъ принцъ Конде, который теперь формально принялъ начальство надъ Испанскою арміею въ Нидерландахъ, не сообщилъ войнѣ новой силы, потому что въ Тюреннѣ имѣлъ равно искуснаго противника; съ обѣихъ сторонъ вся военная дѣятельность ограничивалась только осадами. Эта слабость военныхъ дѣйствій еще продолжилась бы, если бы въ войну не вмѣшался Оливеръ Кромвель, тогдашній протекторъ Англіи. Кромвель считалъ внѣшнюю войну необходимою, чтобы отвлечь вниманіе Англичанъ отъ своего правленія; онъ напалъ на Испанцевъ и въ 1655 году отнялъ у нихъ Ямайку. Въ слѣдующемъ году онъ заключилъ союзъ съ Франціею съ условіемъ оставить за Англичанами Дюнкирхенъ и Мардикъ, если только они завоюютъ эти мѣста. Въ 1657 году предъ Дюнкирхеномъ явился Англійскій флотъ; для спасенія этого города Испанцы рѣшились 14-го іюня вступить въ битву, но потерпѣли пораженіе, послѣ чего Дюнкирхенъ 23-го іюня сдался на капитуляцію. Въ слѣдующемъ году смерть Кромвеля пробудила желаніе мира, къ чему стремился и Мазарини, намѣреваясь сочетать бракомъ молодаго Короля своего со старшею Испанскою Инфантиною Маріею Терезіею. Хотя Филиппъ IV не хотѣлъ выдать старшей дочери своей за Людовика XIV, какъ бы предчувствуя пагубныя слѣдствія, но долженъ былъ согласиться на это, чтобы не воспрепятствовать заключенію мира, потому что Мазарини поставлялъ этотъ бракъ главнымъ условіемъ мира. Главные министры обѣихъ державъ положили лично переговорить о мирѣ и въ 1659 году съѣхались на Пиренейской границѣ. На Фазановомъ островѣ на рѣкѣ Бидассоа, отдѣляющей Францію отъ

Испаніи, въ одномъ домѣ было устроено мѣсто для совѣщаній, на которыхъ Донъ-Луи-де-Гаро и Кардиналъ Мазарини старались опредѣлить спорные пункты. Трудпѣйшій пунктъ при мирныхъ переговорахъ составляло требованіе Испаніи, чтобы Принцу Конде было возвращено его имѣніе, и на оборотъ со стороны Франціи, чтобы Испанія въ такомъ случаѣ признала независимость Португаліи. Испанія настояла на своемъ; Франція же оставила своихъ союзниковъ, такъ дорого цѣнилъ Мазарини бракъ своего Короля съ Инфантиною, хотя онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ наслѣдственныхъ правъ, на которыя Франція могла бы притязать на основаніи этого брака. Такимъ образомъ 7-го ноября 1659 года состоялся Пиренейскій миръ. Онъ состоитъ изъ 124 членовъ и содержитъ слѣдующія существенныя опредѣленія: 1) Людовикъ XIV долженъ былъ сочетаться бракомъ съ Инфантиною Маріею Терезіею, но отказаться отъ всякаго права на наслѣдованіе Испанской Короны и этотъ отказъ положено внести въ брачный контрактъ. 2) Испанія уступила Франціи на Пиренейской границѣ Графство Руссильонъ, а на Нидерландской все Артуа съ нѣкоторыми мѣстами во Фландріи, Геннегау и Люксембургѣ, за что возвратила всѣ прочія отнятыя у нея земли; Англіи она уступила Дюнкирхенъ, Мардикъ и Ямайку; 3) Португаліи положено было исключить изъ условій мира и Франція обязалась не оказывать ей помощи; 4) Изъ союзниковъ Испаніи Герцогу Лотарингскому возвращена была только часть его владѣній, а Принцу Конде всѣ его владѣнія *). Такимъ образомъ Франція не выполнила своего проэкта, который имѣла при началѣ войны, именно завоевать Испанскія Нидерланды, но она утѣшалась надеждою, чрезъ бракосочетаніе своего Короля съ Инфантиною легче достигнуть своей цѣли, потому что во Франціи молча принимали данный отказъ только за одну форму. Въ слѣдующемъ году оба Короля имѣли свиданіе на мѣстѣ злключенія мира и Король Испанскій самъ передалъ свою дочь Людовику XIV. Эта война такъ не-

*) Histoire des negociations et du traité de paix des Pyrénées. Amsterd. 1750. 2 voll.

тощила Испанію, что она весьма не скоро и то съ трудомъ могла собрать приданое для Инфантины, хотя оно простиралось не болѣе какъ на 500,000 талеровъ.

При такомъ истощеніи Испанія не могла снова покорить Португалію своему господству. Іоаннъ IV умеръ 28-го февраля 1656 года и оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, *Альфонса* и *Петра*, и дочь подъ опекою ихъ рѣшительной матери. Альфонсъ VI, принявъ правленіе, оказался весьма слабымъ и кромѣ того навлекъ на себя ненависть Іезуитовъ, которые употребляли всѣ мѣры, чтобы низвергнуть его съ престола и предоставить корону преданному имъ брату Короля Петру. Такимъ образомъ Португалію, оставленную въ слѣдствіе Пиренейскаго мира всѣми внѣшними ея союзниками, ослабляли еще внутреннія несогласія и безпокойства и потому Испанцы надѣялись покорить ее безъ большаго труда. Французское же Правительство не могло равнодушно смотрѣть на опасность Португаліи и хотя не прямо, однако же поддерживало ее. Оно позволило Тюреннію, родственнику Королевы Португальской, собрать 4000 армію, которая подъ предводительствомъ маршала Фридриха Шомберга двинулась на помощь Португальцамъ. Получивъ такое подкрѣпленіе, Португальцы разбили между Эворою и Эстремосомъ Испанскаго Принца Донъ-Жуана Австрійскаго, который въ 1663 году вторгся въ Португалію. Послѣ этой побдѣы Португальцы одерживали верхъ во всѣхъ сраженіяхъ и когда Испанцы въ 1665 году отправили новую армію, то 17-го іюня при Вилламиціозѣ и ее разбили на голову. Король Филиппъ IV не дожилъ до конца войны; онъ умеръ 17-го сентября 1665 года и ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ II, слабое правленіе котораго началось подъ опекою его матери. По этому, не смотря на величайшее замѣшательство, въ которомъ находилась тогда Португалія по обстоятельствамъ Королевской фамиліи, Испанія дважды потерпѣвъ пораженіе, не могла ничего сдѣлать. Въ Португаліи Іезуиты успѣли своими происками возбудить всеобщую ненависть къ Королю Альфонсу; они привлекли на свою сторону даже супругу его Елисавету Савойскую и умѣли расположеніе ея къ Альфонсу перевести на брата его Петра. Короле-

лева 21-го ноября 1667 года убѣжала отъ двора и отказалась отъ брака съ Альфонсомъ. Короля, оставленнаго всѣми друзьями и совѣтниками, стали теперь принуждать, чтобы онъ уступилъ корону своему брату; сдѣлавъ это наконецъ, онъ поѣхалъ въ монастырь, гдѣ жилъ до 1683 года. *Петръ II*, который теперь женился на супругѣ своего брата, принялъ правленіе и утвердилъ его за собою заключеніемъ мира съ Испаніею. Испанское правительство увидѣло наконецъ невозможность снова покорить Португалію и потому 3-го февраля 1668 года заключило съ Петромъ II миръ, по которому признало независимость Португальскаго престола. Изъ всѣхъ Португальскихъ владѣній Испанія удержала только крѣпость Цеуту въ Африкѣ въ воспоминаніе прежняго господства.

При взглядѣ на положеніе Европы по окончаніи этой продолжительной борьбы, мы видимъ въ ней перевѣсъ Франціи, утвержденный на ослабленіи ея прежнихъ соперницъ. Истомленная Испанія уже не представляла Франціи никакой опасности, такъ что со стороны Пиренейской границы она могла быть совершенно спокойною; Нѣмецкая линія Габсбургскаго Дома равнымъ образомъ перестала быть страшною и особенно потому, что въ случаѣ нужды противъ нея можно было поднять Турковъ; Нѣмецкая имперія, со времени Вестфальскаго мира уже не имѣла внѣшней силы, а Швеція находилась въ союзѣ съ Франціею. При такомъ положеніи Европы сколь блестящіе виды открывались молодому, даровитому и столь властолюбивому Монарху, какъ Людовикъ XIV! И дѣйствительно съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XIV дѣлается самостоятельнымъ, въ

правленіе его весь интересъ Европейской Исторіи вращается около стремленія Франціи къ диктатурѣ въ Европѣ и средствъ, которыя употребляла Европа для сопротивленія этой диктатурѣ. Средства эти состояли въ коалиціяхъ для поддержанія равновѣсія, *такъ что главный интересъ начинаютъ составлять уже не религіозныя, а политическія идеи.* Эта перемѣна будетъ содержаніемъ слѣдющаго отдѣленія, но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію ея, мы должны довести до этого времени Исторію Англіи и Турціи, которыя не участвовали въ тридцатилѣтней войнѣ.

Англія, имѣвшая при Королевѣ Елисаветѣ столь сильное вліяніе на Европу, при преемникѣ ея быстро пришла въ упадокъ.

Лишь только Пуританизмъ взялъ верхъ въ народѣ и между избираемыми изъ среды его депутатами Парламента, *то тотчасъ же вспыхнула борьба не только между религіозными началами Пуританъ и епископальной системой Англійской церкви, но также между прежними привилегіями народа и преимуществами короны.* При наслѣдникахъ Елисаветы *Іаковѣ I* и *Карлѣ I* оппозиція въ Парламентѣ пріобрѣла такую силу, что Іаковъ для поддержанія своего постоянно распускалъ Парламентъ, а Карлъ рѣшился на опасный шагъ, съ 1629 года править совершенно безъ Парламента.

Это вовлекло Короля въ нужду, которая еще увеличила силу и значеніе Парламента; будучи созванъ въ 1640 году послѣ продолжительнаго промежутка, Парламентъ собрался съ рѣшительнымъ намѣреніемъ разойтись не прежде, какъ по преобразованія государства и церкви *).

Іаковъ I, принявъ правленіе въ Англіи, хотѣлъ дѣйствовать деспотически, но не могъ поддерживать своихъ притязаній своими личными достоинствами и силою характера. Хотя онъ воспитывался въ Пресвитеріанской странѣ, не смотря на то тотчасъ по вступленіи на Англійскій престолъ, призналъ Англійскую церковь, потому что она казалась ему опорою королевской власти. Въ слѣдствіе вступленія Іакова на Англійскій престолъ Шотландія и Англія соединились *однимъ* скипетромъ и приняли общее названіе Великобританіи, но не образовали еще *одного* государства, а каждое изъ этихъ государствъ удержало свое правленіе и свой особый парламентъ. Англійскіе Пуритане, ожидавшіе отъ Іакова,—какъ Короля, воспитаннаго въ Пресвитеріанствѣ,—большаго покровительства, обманулись также, какъ и Католики, надѣявшіеся, что сынъ Маріи Стюартъ возстановитъ церковь, за которую мать его умерла мученицею; такимъ образомъ Іакова равно возненавидѣли двѣ совершенно противоположныя партіи. Католики первые обнаружили свою ненависть. Многіе знатные Католики, меж-

*) Англійская революція составляетъ содержаніе многихъ мемуаровъ, которые для исторіи ея служатъ главными источниками; ихъ издалъ Гизо во Французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Collection des mémoires rélatifs à l'histoire de la révolution Anglaise. Кромѣ общихъ сочиненій объ исторіи Англіи для этого періода важны еще слѣдующія отдѣльныя изслѣдованія: A history of the British Empire from the accession of Charles I to the restoration, by George Brodie Esq. Edinb. 1822. 4 vol. Histoire de la révolution d'Angleterre par M. Guizot. Paris 1826—27, 2 vol. Значительнѣйшее собраніе актовъ находится въ John Rushworth's historical collections. London 1680—92. 6 vol. in fol.

ду которыми значительнѣйшими были Робертъ Кетсби и Ѳома Перси, сговорились погубить Короля. Для совершенія своего заговора они рѣшились на ужасную мѣру—при открытіи Парламента въ 1605 году, Короля съ его старшимъ сыномъ и обѣ палаты Парламента порохомъ поднять на воздухъ; въ случаѣ удачи они намѣревались назначить Принцессу Елисавету наслѣдницею престола и воспитывать ее въ Католичествѣ. Уже все было готово къ исполненію заговора и уже приближался день открытія Парламента, между тѣмъ какъ никто и не думалъ о страшномъ ударѣ, грозившемъ государству. Но одинъ изъ заговорщиковъ, желая спасти своего друга Лорда Монтигля, послалъ къ нему безъимянную записку, въ которой предостерегалъ его, чтобы онъ не ходилъ въ Парламентъ, ибо, какъ было сказано въ запискѣ, Богъ и люди положили наказать нечестіе временъ; что Парламентъ получитъ ударъ, не зная откуда, и что все совершится скорѣе, нежели сколько времени нужно, чтобы сжечь эту записку. Монтигль показалъ записку Государственному Совѣту, а тотъ счелъ ее довольно важною, чтобы сообщить Королю. Іаковъ проникъ смыслъ этого темнаго предостереженія; онъ тотчасъ предположилъ, что тутъ дѣло идетъ о порохѣ и велѣлъ 5-го ноября 1605 года, когда положено было открыть Парламентъ, ночью осмотрѣть погреба подъ Парламентскимъ домомъ. Здѣсь нашли 36 тонъ пороху и одного изъ заговрщиковъ, Факса, снабженнаго всѣмъ нужнымъ для произведенія взрыва. Факсъ на пыткѣ признался во всемъ; другихъ заговорщиковъ, которые по первому извѣстію объ открытіи ихъ заговора бѣжали, тотчасъ стали преслѣдовать и всѣхъ уничтожили, прежде нежели они успѣли произвести въ какой либо провинціи значительное возстаніе; они погибли частію въ борьбѣ, частію на эшафотѣ. Хотя открытіе и уничтоженіе этого заговора пробудило всеобщее участіе къ Королю, не смотря на то въ Парламентахъ, которые онъ созывалъ въ свое правленіе, оппозиція все усиливалась. Нижняя Палата, которая при Елисаветѣ выражалась съ боязливостію, при Іаковѣ говорила смѣло и рѣшительно, хотя впрочемъ постоянно оставалась въ предѣлахъ при-

личія и должнаго уваженія къ Королю. Въ слѣдствіе продолжительнаго спора съ Королемъ Нижняя Палата въ декабрѣ 1621 года издала свое замѣчательное объявленіе. Въ этомъ объявленіи сказано, что самое рожденіе сообщаетъ каждому Англичанину несомнѣнное право на всѣ льготы, привилегіи и судебную власть Парламента, что Парламентъ имѣетъ полное право вмѣшиваться во всѣ государственныя дѣла и что всѣ члены Парламента, пока онъ не распущенъ, подлежатъ отвѣтственности только предъ нимъ *). Такимъ образомъ при Іаковѣ I Нижняя Палата пріобрѣла важное значеніе и оппозиція встрѣчала въ народѣ тѣмъ большое одобреніе, чѣмъ ненавистнѣе становились въ дѣлахъ внутреннихъ недостойные любимцы, а во внѣшней политикѣ недостатокъ энергіи. Что касается до перваго пункта, то король находился сначала подъ вліяніемъ любимца своего *Роберта Карра*, Шотландца, котораго онъ возвелъ въ достоинство Герцога Сомерсетскаго, но который самъ погубилъ себя своимъ необыкновеннымъ безумiемъ и впалъ въ немилость, послѣ чего мѣсто его занялъ *Георгъ Вилье*, возведенный въ достоинство Герцога Букингемскаго. Во внѣшней политикѣ вліяніе Англіи на дѣла внѣшнія, которое имѣла Елисавета, совершенно упало. Единственною цѣлію своей внѣшней политики Іаковъ представлялъ по видимому блестящее бракосочетаніе старшаго сына своего Карла; для достиженія этой цѣли онъ старался доставить Принцу Валлійскому руку дочери Филиппа III, Инфантины Анны Маріи. Онъ всячески старался получить отъ Папы позволеніе на бракосочетаніе Протестантскаго Принца съ Католическою Принцессою, а чтобы склонить на свое намѣреніе Испанскій дворъ, пожертвовалъ Австрійскимъ интересамъ зятемъ своимъ несчастнымъ Фридрихомъ V, Курфирстомъ Пфальцскимъ,

*) Это замѣчательное объявленіе напечатано въ приложеніяхъ къ Hume's hist. of Engl. T. VIII, p. 371. Первое положеніе въ немъ утверждаетъ: that the liberties, franchises, privileges and jurisdictions of parliament are the ancient and undoubted birthright and inheritance of the subjects of England; изъ этого выводятся потомъ freedom of speech and an unbounded authority to interpose with their advice and counsel.

надѣясь чрезъ Нѣмецкую линію Габсбургскаго дома привлечь на свою сторону Испанскую. Однако же онъ не достигъ своего желанія: когда Принцъ Валлійскій самъ отправился въ Испанію въ сопровожденіи Герцога Букингемскаго, то высокомѣрный Букингемъ нарушалъ тамъ всякое приличіе и соблюдаемый при Испанскомъ дворѣ этикетъ, такъ что Испанскій Министръ Оливарецъ вступилъ съ нимъ въ явную непріязнь, послѣ чего Букингемъ всячески старался разстроить бракосочетаніе Принца Валлійскаго съ Испанскою Инфантиною. Вмѣсто того, чтобы искать теперь въ невѣсты своему сыну Протестантку, Іаковъ обратилъ свои взоры на Французскій Дворъ и Принцъ Карлъ къ величайшей досадѣ Протестантовъ обручился съ Французскою Принцессою Генріеттою; и по смерти Іакова бракъ дѣйствительно былъ совершенъ. Хотя Іаковъ по теоріи ставилъ королевскую власть выше, нежели сколько это согласовалось съ обычаями Англичанъ, не смотря на то въ дѣйствительности она упала при немъ въ Англіи, и когда по смерти его 27-го марта (6 го апрѣля) 1625 года на престолъ вступилъ Карлъ I, то всякій могъ предвидѣть сильное столкновеніе между притязаніями Короля и Парламента.

Вступивъ на престолъ, Карлъ прежде всего созвалъ Парламентъ. Парламентъ собрался 18–го іюня 1625 года съ лучшимъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ къ новому Королю, отъ котораго всѣ ожидали только добраго для блага страны. Карлъ дѣйствительно обладалъ многими отличными качествами. Сами враги его не отказывали ему въ твердости характера, простотѣ и чистотѣ нравовъ, въ дѣятельности и умѣренности; но онъ долженъ былъ бороться съ политическими притязаніями Нижней Палаты, какъ и съ религіозными началами Пуританъ, тогда какъ тѣ и другія пріобрѣтали все болѣе и болѣе вѣсу въ народѣ. Такимъ образомъ Короля и народъ съ первой встрѣчи раздѣлила бездна противорѣчащихъ мнѣній. Нижняя Палата тотчасъ изслѣдовала положеніе правительства, назначила Королю незначительныя субсидіи и только на короткое время. Король тѣмъ болѣе оскорбленный этимъ, что дѣйствовалъ въ Парламен-

тѣ съ откровенностію, 12-го августа распустилъ Парламентъ. Нуждаясь въ деньгахъ и не получивъ ихъ отъ Парламента, правительство сдѣлало заемъ и полученную сумму употребило на экспедицію противъ Испаніи, съ которою Король вступилъ въ борьбу по случаю разстроившейся женитьбы. Правительство надѣялось этимъ предпріятіемъ расположить къ себѣ народъ, но предпріятіе не удалось и Правительство получило только упреки за то, что не умѣло избрать хорошихъ людей для исполненія своего плана. Спустя шесть мѣсяцевъ по распущеніи перваго Парламента оказалось нужнымъ созвать второй и Правительство, употребивъ все стараніе, чтобы законными мѣрами исключить изъ числа членовъ самыхъ сильныхъ своихъ противниковъ, надѣялось встрѣтить въ Парламентѣ большую покорность. Но оно ошиблось; и Парламентъ въ этотъ разъ уже неограничился однѣми жалобами, но даже объявилъ Герцога Букингемскаго виновникомъ всѣхъ бѣдъ. Букингемъ пріобрѣлъ у новаго Короля такое же расположеніе, какимъ столь долго пользовался у прежняго и потому для Короля было весьма чувствительно, когда Нижняя Палата осмѣлилась обвинять его друга и перваго министра. Онъ оспаривалъ у Нижней Палаты это право, а какъ она тѣмъ не менѣе стояла на своемъ, то Король 15-го іюня 1626 года распустилъ Парламентъ. Правительство пришло теперь въ большое затрудненіе, особенно потому, что обѣщало помощь Гугенотамъ, стѣсненнымъ министромъ Ришелье, и именно городу Рошели. По этому оно опять прибѣгло къ произвольному сбору; подъ именемъ займа была назначена подать и всѣхъ противившихся платить ее принуждали къ тому военною силою. Гавани и приморскія области получили повелѣніе представить на службу Королю опредѣленное число кораблей. Многихъ противившихся этому повелѣнію взяли подъ стражу; когда они ссылались на актъ habeas corpus, то имъ объявили, что всѣ, заключенные по повелѣнію Короля, не могутъ получать свободы за поручительство.

По случаю смерти Герцога Букингемскаго въ министерствѣ произошла перемѣна. Король привлекъ на свою сторону нѣсколькихъ знаменитыхъ членовъ

оппозиціи и между ними Сэра Ѳому Вентворта, возведеннаго сначала въ достоинство Барона а потомъ Графа Страффордскаго. Отпаденіе Страффорда оскорбило Нижнюю Палату, слѣдствія чего обнаружились, когда 20-го января 1629 года снова собрался Парламентъ. Король потребовалъ отъ Парламента согласія на взиманіе пошлинъ въ продолженіе всего времени своего правленія, но онъ напрасно употреблялъ и просьбы, и угрозы для достиженія этой цѣли. Напротивъ всѣ предложенія Пуританъ Палата принимала съ одобреніемъ и между ораторами, ознаменовавшими себя своею ревностію къ религіи во время этого Парламета, является *Оливеръ Кромвель*. Онъ родился 25-го апрѣля 1599 года въ Гунтингдонѣ. Проведя свою юность въ грубости и распутствѣ, онъ съ 1617 года перемѣнилъ свой образъ жизни и, оставивъ прежнее распутство, сталъ придерживаться пуританской нравственности. Своею щедростію, съ которою онъ поддерживалъ преслѣдуемое пуританское духовенство, онъ пріобрѣлъ себѣ сначала имя въ своей партіи и былъ избранъ отъ своего графства депутатомъ въ Нижнюю Палату въ Парламентѣ отъ 1625 до 1628 года. Хотя онъ по недостатку ораторскаго таланта рѣдко говорилъ рѣчи и только избирался въ такія коммиссіи, дѣла которыхъ требовали болѣе знлота въ вѣрѣ, нежели государственнаго человѣка, не смотря на то друзья его знали таившіяся въ немъ силы, хотя еще не успѣвшія развиться *). Сила пуританизма и непреодолимое упорство, съ которымъ Нижняя Палата не соглашалась на требованіе правительства, вывела наконецъ Короля изъ терпѣнія; когда Нижняя Палата подала протестъ противъ

*) О жизни Кромвеля самое важное сочиненіе есть Life of Oliver Cromwell, написанное однимъ изъ потомковъ фамиліи Кромвеля, *Ѳомою Кромвелемъ*; хотя оно пристрастно, но содержитъ многія доселѣ не напечатанныя извѣстія. См Villemain Histoire de Cromvell. Paris, 1823. Геніяльный, но склонный къ парадоксамъ Ѳома Карлейль собралъ 200 писемъ и 18 рѣчей Кромвеля: Oliver Cromwell's letters and speeches. With elucidations and connecting narrative. London, 1846 3 Vol и пытался опровергнуть все то, въ чемъ обыкновенно упрекаютъ Кромвеля.

наложенія пошлинъ, и всякаго, кто безъ согласія Парламента осмѣлится взять пошлину или заплатить ее, объявила государственнымъ измѣнникомъ, то Король 10-го марта 1629 года отправился въ Верхнюю Палату и гнѣвною рѣчью распустилъ Парламентъ. Въ тоже время онъ издалъ прокламацію, въ которой объявилъ, что впредь будетъ править безъ Парламента. Чтобы легче исполнить свое желаніе, Король заключилъ миръ съ Франціею 14-го апрѣля 1629 года и съ Испаніею 5-го ноября 1630 года. Заключеніемъ этихъ мировъ Король избавился отъ чрезвычайныхъ расходовъ и полагалъ, что уже нашелъ средство править, не получая субсидій отъ Парламента. Своего искуснѣйшаго министра Страффорда онъ назначилъ Вице-Королемъ въ Ирландію, а Лауда, Архіепископа Кентрбурійскаго, поставилъ во главѣ всего правленія Англіи. Но, чтобы собирать необходимыя суммы, Правительство должно было возобновить всѣ прежнія злоупотребленія, и потому лишь только находили въ старыхъ реэстрахъ какую либо вышедшую изъ употребленія пошлину, ее тотчасъ востановляли какъ привилегію короны, а если кто отказывался платить и обращался въ судъ, то суды всегда рѣшали въ пользу короны. Опять возобновились столь ненавистныя народу монополіи и кто осмѣливался возставать противъ нихъ, съ тѣхъ брали тяжкіе денежные штрафы. Доходъ отъ этихъ штрафовъ былъ такъ значителенъ, что его стали считать источникомъ Королевской казны *). Такимъ образомъ Королю удалось нѣсколько лѣтъ править безъ Парламента, но чрезъ то упало значеніе государства въ глазахъ иностранныхъ державъ, потому что Король не могъ пускаться ни въ какія предпріятія, требовавшія издержекъ, такъ что когда на материкѣ вели тридцатилѣтнюю войну

*) По historical collections Рушворта можно составить полный списокъ этихъ денежныхъ пеней; я приведу для примѣра только нѣкоторыя: Чамберса присудили къ денежному штрафу въ 2000 ф. стерлинговъ за то, что онъ не хотѣлъ платить пошлины; Гильярда къ 5000 ф. за то, что онъ, не смотря на монополію, продавалъ селитру; Лейтона къ 10,000 ф. за пасквиль; Сэра Давида Фулиса и его сына къ 5500 ф. за то, что онъ непочтительно отзывался о Сѣверномъ Судѣ.

Англія не принимала въ ней участія, соотвѣтствующаго своей силѣ и своему значенію.

Не меньшею опасностію грозило престолу то, что Король рѣшился соединить свое дѣло съ участію Епископальной Церкви, вмѣстѣ съ системою Англиканской церкви торжествовать и вмѣстѣ съ нею падать. Архіепископъ Лаудъ началъ сильнѣйшее преслѣдованіе Диссентеровъ или Неконформистовъ; въ то же время, чтобы Англиканскіе обряды болѣе отдѣлить отъ Пресвитеріанскихъ, къ нимъ прибавили много новыхъ церемоній, чѣмъ приблизили къ обрядамъ Римской церкви. Богослуженіе, на перекоръ господствовавшему стремленію времени къ упрощенію его, содѣлалось богаче обрядами и великолѣпнѣе. Такъ какъ Пуритане еще не образовали особой церкви, то всѣ духовные, державшіеся Пуританскихъ началъ, были прогнаны. Между 1630 и 37 годами множество священниковъ подверглось этой участи. Изгнанные ходили всюду какъ странствующіе проповѣдники, или вступали въ богатые домы домашними капелланами и воспитателями, пока и сюда не проникло преслѣдованіе и не принудило ихъ или присоединиться къ Англиканской церкви или оставить страну. Кто осмѣливался проповѣдывать запрещенныя ученія, тѣмъ отрѣзывали уши, нажигали клейма или выставляли ихъ къ позорному столбу. Но такая строгость не подавила пуританизма; она только разожгла ненависть къ Англиканской церкви, которая никогда не была такъ близка къ паденію какъ теперь, хотя и считала свое господство прочнымъ. Впрочемъ Пуритане не отпали отъ господствующей церкви, но только старались преобразовать ее; нѣкоторыя же неконформистическія секты совершенно отдѣлились отъ Англиканской церкви, именно *Индепенденты*. Эту опасную секту преслѣдовали болѣе нежели Пуританскую. Большая часть ея приверженцевъ оставила Англію и бѣжала за Атлантическое Море, чтобы тамъ въ лѣсахъ Сѣверной Америки найти себѣ новое отечество и безопасное мѣсто для своихъ идей. Пока переселялись люди бѣдные и незначительные, то правительство позволяло переселеніе; но вскорѣ ихъ примѣру стали слѣдовать также знатные, которые уво-

зили съ собою большія имущества. Противъ такого переселенія правительство сочло нужнымъ принять свои мѣры и 1-го мая 1637 года вышло запрещеніе переселяться. Въ то время, какъ вышло это запрещеніе, на Темзѣ стояло 6 кораблей съ переселенцами, готовыми отправиться въ путь; на одномъ изъ нихъ находился Джонъ-Пимъ Сэръ Артуръ Гаселригъ Джонъ Гампденъ, и Оливеръ Кромвель. Вышедшее запрещеніе принудило ихъ остаться въ Англіи. Такимъ образомъ судьба странно устроила, что правительство само удержало тѣхъ людей, которые въ послѣдствіи болѣе всего содѣйствовали его ниспроверженію. Видя невозможность сопротивляться, они хотѣли оставить отечество, но, будучи удерживаемы силою, рѣшились теперь не платить долѣе произвольныхъ налоговъ. Джонъ Гампденъ первый возсталъ противъ податей. Съ него требовали небольшую сумму въ 20-ть шиллинговъ на сборъ, назначенный подъ именемъ корабельной таксы, но онъ не соглашался заплатить ее опираясь на незаконности этого налога. Онъ представилъ свое дѣло въ судъ и тѣмъ въ первый разъ послѣ распущенія послѣдняго Парламента снова произвелъ прения между правительствомъ и народомъ по случаю весьма спорнаго вопроса. Вся страна съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія его процесса. Оно послѣдовало 12-го іюня 1637 года въ пользу правительства; Гампдена принудили заплатить таксу и этотъ налогъ признали законнымъ. Какъ ни радовались противники его такому рѣшенію дѣла, тѣмъ не менѣе участіе народа къ Гампдену обнаруживало такое настроеніе, которое должно было озаботить правительство.

Вмѣсто того, чтобы при такомъ положеніи дѣлъ благоразумно избѣгать всего, на что не доставало обыкновенныхъ доходовъ, правительству пришла несчастная мысль ввести Англійскую литургію и церковное устройство въ Шотландіи. Это было тѣмъ безразсуднѣе, что въ Шотландіи съ 1588 года существовалъ союзъ, подъ именемъ *Ковенанта*,—клятвою обязавшійся противиться Римской церкви и всякому нововведенію, которое могло вести къ ней. Этотъ союзъ былъ еще твердъ и обнаружилъ всю свою силу, ко-

гда народу, строго державшемуся Пресвитеріанизма, стало угрожать введеніе Англійской литургіи. Такъ какъ правительство настаивало на своемъ намѣреніи, то въ началѣ 1639 года открылась формальная война между Королемъ и Ковенантерами. Впрочемъ Король, видя трудность своего положенія, старался прекратить военныя дѣйствія при самомъ началѣ, и 18-ог іюня 1639 года согласился на Бервикскій договоръ, по которому положено: обѣимъ сторонамъ распустить войска и въ наискорѣйшемъ времени созвать духовный синодъ и Шотландскій Парламентъ. Однакоже обѣ стороны весьма подозрѣвали другъ друга въ искренности; Шотландцы, распустивъ солдатъ, удержали въ службѣ офицеровъ съ повелѣніемъ каждую минуту быть въ готовности, Король же обратилъ свои взоры на Графа Страффорда, который съ большою энергіею управлялъ Ирландіею и по видимому могъ доставлять оттуда Королю нужныя средства для исполненія его плановъ. Вскорѣ между Королемъ и Шотландскимъ Парламентомъ возникъ споръ касательно Бервикскаго договора и Король положилъ снова поднять оружіе на Шотландцевъ. Въ надеждѣ получить содѣйствіе отъ своихъ Англійскихъ подданныхъ онъ снова созвалъ Парламентъ, уже одиннадцать лѣтъ не созывавъ его. Впрочемъ онъ, ошибся, разсчитывая на прежнюю національную ненависть Англичанъ къ Шотландцамъ: Шотландцы и Англійскіе Пуритане стремились къ одной и той же цѣли. Такъ какъ выборы въ Англіи пали большею частію на Пуританъ, то по открытіи Парламента 13-го апрѣля 1640 года требованія Короля и Нижней Палаты тотчасъ пришли въ непріязненное столкновеніе. Король требовалъ, чтобы Парламентъ сначала занялся вопросомъ о субсидіяхъ и доставилъ ему нужныя средства для веденія войны съ Шотландцами, а Нижняя Палата не хотѣла и думать о субсидіяхъ пока не удовлетворятъ ея жалобъ. При такомъ противорѣчіи Король 5-го мая 1640 года опять распустилъ Парламентъ. Весьма трудное положеніе Короля было только облегчено помощью, доставленною ему Страффордомъ. Страффордъ получилъ отъ Ирландскаго Парламента деньги и войско и самъ при-

везъ то и другое въ Англію; его пылкіе и рѣшительные совѣты опять ободрили Короля и онъ съ рвеніемъ началъ войну съ Шотландцами. Но въ Англійской арміи вовсе не было такого рвенія, въ рядахъ ея господствовало тоже самое настроеніе, которое побудило и Шотландцевъ взяться за оружіе. Страффордъ долженъ былъ всегда отступать предъ Шотландцами, которые вторглись въ Англію, потому что не имѣлъ достаточнаго довѣрія къ своимъ войскамъ чтобы отважиться на битву. Между Шотландскими инсургентами и недовольными въ Англіи стали даже открываться тайныя сношенія, такъ что Король увидѣлъ себя въ необходимости, какъ можно скорѣе, заключить миръ. Сначала заключено было перемиріе, по которому Шотландская армія должна была оставаться нераспущенною и получать жалованье отъ Короля до заключенія формальнаго мира. Для ускоренія мира Король 23-го октября 1640 года созвалъ новый Парламентъ. Выборы въ депутаты Нижней Палаты пали на тѣхъ же лицъ, которые засѣдали въ недавно распущенномъ Парламентѣ, такъ что Король при открытіи Парламента встрѣтилъ то-же самое настроеніе, которое его раздражало и огорчало во время предшествовавшаго Парламента. Это дѣйствительно оскорбило и привело въ уныніе Короля. Парламентъ же, сознавая свое могущество, рѣшился дѣйствовать всѣми силами.

Собравшійся въ октябрѣ 1640 года такъ называемый *длинный Парламентъ* отвѣтилъ на требованіе Правительства изложеніемъ злоупотребленій и, при одобреніи народа, цѣлымъ рядомъ билей сталъ уничтожать ихъ вопреки сопротивленію двора. Обвиненіе, осужденіе и казнь Графа Страффорда обнаружили перевѣсъ Парламента надъ королевскою властію, а заключеніе Архіепископа

Лауда, равно какъ и исключеніе Епископовъ изъ Верхней Палаты показали побѣду Пуританизма надъ Англиканскою церковью. Злоупотребляя свою власть, Парламентъ представилъ Королю такія требованія, на которыя тотъ не могъ согласиться, если не хотѣлъ оставить въ своихъ рукахъ только тѣни королевской власти. Уже въ половинѣ 1642 года разрывъ дошелъ до того, что могъ разрѣшиться только междоусобною войною. Удаленіе Короля изъ Лондона въ Іоркъ подало знакъ къ открытію ея. Вся Англія раздѣлилась на королевскую и противную ей партію.

Хотя въ началѣ междоусобной войны Король благодаря искуству дворянства, служившаго подъ его знаменами, пріобрѣлъ перевѣсъ, вскорѣ же опять потерялъ его, особенно когда вліяніе и примѣръ Оливера Кромвеля сообщили воинственность и Парламентской арміи. Но съ этою воинственностію въ войскѣ утвердились религіозныя и политическія идеи, которыя были столь же непріязненны Пресвитеріанизму Парламента, какъ и Епископальной системѣ Короля. Послѣ того какъ всѣ члены Парламента, за исключеніемъ Кромвеля, по такъ называемому *акту самоотверженія*, оставили Парламентъ, войско возвысилось на степень независимой силы и Парламентъ, побѣдивъ Короля, тотчасъ вступилъ въ столь же

жаркую и гораздо труднѣйшую борьбу съ войскомъ *).

Увидѣвъ себя во главѣ значительной силы, Король тотчасъ двинулся къ Лондону, чтобы однимъ ударомъ кончить войну; племянникъ его Пфальцграфъ Рупрехтъ командовалъ подъ его начальствомъ конницею. При подошвѣ холма Эджгилля при Кейнтонѣ въ графствѣ Варвикѣ Эссексъ съ Парламентскою арміею загородилъ Королю дорогу и 23-го октября 1642 года здѣсь произошла битва. Пфальцграфъ стремительнымъ набѣгомъ своей конницы привелъ непріятеля въ смятеніе, но когда онъ пустился въ преслѣдованія и удалился отъ поля сраженія, то пѣхота Короля была разбита Парламентскою. Хотя возвращеніе Пфальцграфа опять дало благопріятный оборотъ дѣлу Короля, такъ что Парламентское войско отступило и на слѣдующій день не рѣшилось возобновить битву, однако же и Король не воспользовался своею побѣдою для нападенія на Лондонъ; онъ назначилъ себѣ зимнія квартиры въ Оксфордѣ, а войско Парламента заняло квартиры внутри и около Лондона. Въ восточныхъ, юго-восточныхъ и среднихъ графствахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Парламента; въ сѣверныхъ, западныхъ и юго-западныхъ графствахъ одерживало верхъ дѣло Короля; многія же графства, въ которыхъ обѣ партіи были равны, старались оставаться нейтральными, но безъ успѣха, потому что этого не допускали ни страсти партій, ни повелѣнія Короля и Парламента. Однако же вообще эта война была ведена безъ жестокостей. Въ зиму открылись переговоры, но они только показали невозможность согласить притязанія обѣихъ сторонъ. Весною 1643 года прибыла Королева съ материка, гдѣ частію продажа государственныхъ драгоцѣнностей, частію же помощь соединенныхъ Нидерландовъ доставили ей средства

*) Главнымъ источникомъ для исторіи междоусобной войны служитъ: The history of the rebellion and civil wars in England by Edward Hyde Earl of Clarendon. Oxford, 1667, 3 voll. fol.

собрать значительное количество военныхъ припасовъ. Прибытіе ея сообщило Королевской партіи новую силу. Сраженія, которыми начался второй походъ, были вообще успѣшны для Короля; въ одномъ изъ нихъ Джонъ Гампденъ получилъ смертельную рану; онъ умеръ отъ нея 24-го іюня 1643 года. Между тѣмъ какъ графъ Эссексъ съ главною арміею Парламента оставался въ бездѣйствіи для защиты Лондона, другіе Парламентскіе отряды всюду терпѣли пораженія и только на сѣверѣ Сэръ Ѳома Ферфаксъ поддерживалъ нѣсколько дѣло Парламента противъ Королевскаго военачальника Маркиза Ньюкастельскаго. Находясь въ такомъ положеніи, Парламентъ согласился бы на выгодныя для Короля мирныя условія, но Король, увлеченный своими успѣхами, содѣлалъ разрывъ съ Парламентомъ непримиримымъ. Онъ издалъ объявленіе, что лица, собирающіяся въ Вестминстерѣ въ Лондонѣ, не могутъ болѣе представлять собою двѣ истинныя палаты Парламента, потому что удаленіе многихъ членовъ и принужденіе, которому эти собранія подвергались въ своихъ совѣщаніяхъ и опредѣленіяхъ, лишаютъ ихъ законнаго характера свободнаго Парламента; что потому онъ впредь не будетъ называть ихъ Парламентомъ и запрещаетъ всѣмъ своимъ подданнымъ повиноваться этой толпѣ измѣнниковъ и мятежниковъ. Въ слѣдствіе Королевскаго объявленія Парламентъ положилъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ уничтожено, не вступать съ Королемъ въ переговоры. Кромѣ того Парламентъ собралъ еще вторую армію и главное начальство надъ нею поручилъ Лорду Манчестеру, какъ назывался Лордъ Кимбольтонъ по смерти своего отца; къ нему былъ приставленъ еще Оливеръ Кромвель въ качествѣ генералъ-лейтенанта. Наконецъ Парламентъ опредѣлилъ отправить пословъ въ Шотландію и искать тамъ союза съ Шотландскими Пресвитеріянами. Между тѣмъ Король осадилъ городъ Глостеръ и какъ храбро городъ не защищался, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ бы его къ сдачѣ, если бы Эссексъ не пошелъ для освобожденія его отъ осады. Хотя при приближеніи его Король снялъ осаду, но при Ньюбюри занялъ такую позицію, что за-

перъ Парламентскому войску обратный путь въ Лондонъ. По этому оно должно было проложить себѣ дорогу битвою, которая послѣдовала 20-го сентября 1643 года, но была не рѣшительна. Съ обѣихъ сторонъ бились съ одинаковою храбростію; послѣ битвы Эссексъ отступилъ въ Лондонъ, а Король въ Оксфордъ. Битва при Ньюбюри стоила Королю нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ изъ его приверженцевъ; особенно онъ сожалѣлъ о Лордѣ Зундерландѣ и Лордѣ Фалькландѣ, изъ которыхъ послѣдній, какъ говорятъ, нарочно искалъ смерти, видя несчастіе своего отечества.

Въ обоихъ первыхъ походахъ Король былъ обязанъ перевѣсомъ воинственности своего дворянства, которое составляло главную силу въ его войскѣ. Кромвель первый не только увидѣлъ, что этой воинственности надобно противопоставить подобную же силу, но умѣлъ даже внушить ее своему войску. Онъ утвердилъ ее на энтузіазмѣ къ религіи; собравъ около своихъ знаменъ ревностнѣйшихъ фанатиковъ, онъ образовалъ войско, въ которомъ всѣ были одинакого образа мыслей. Въ его лагерѣ молитва и церковное пѣніе мѣнялись съ безпрестанными военными упражненіями; шутки и веселыя игры не имѣли въ немъ мѣста и солдатъ, оставляя оружіе, брался не за карты или кости, но за Библію и молитвенникъ. Его полки служили для прочаго войска образцомъ страха Божія, дисциплины и военнаго искуства; въ той мѣрѣ, какъ этотъ духъ распространялся въ Парламентскихъ войскахъ, возрастало и превосходство ихъ надъ роялистами, а съ тѣмъ и значеніе Кромвеля, котерый пробудилъ и въ совершенствѣ развилъ его. Но этотъ духъ, проникавшій Кромвеля и чрезъ него переходившій въ его армію, не былъ уже Пуританскимъ; Кромвель присоединился къ Индепендентамъ и потому ихъ религіозныя и политическія идеи пріобрѣли мало по малу перевѣсъ въ войскѣ, хотя въ самомъ Парламентѣ они имѣли только не многихъ приверженцевъ; между которыми послѣ Кромвеля значительнѣйшими были Сэръ Генрихъ Венъ, Наоанаилъ Фейенсъ и Оливеръ Сентъ-Джонъ. Тогда какъ въ арміи утвердился такимъ образомъ Индепендентизмъ, въ Парламентѣ господствовалъ Пресвитеріанизмъ, который тѣмъ бо-

лѣе успѣлся, что Парламенту удалось заключить съ Шотландцами формальную лигу и ковенантъ. Этотъ союзъ 15-го сентября 1643 года въ Лондонѣ былъ подтвержденъ клятвою; союзники объявили Пресвитеріанскую церковь господствующею въ Англіи и Шотландцы обязались содѣйствовать своимъ братьямъ Англійскимъ Пресвитеріанамъ 21,000 войскомъ. Такимъ образомъ въ третьемъ походѣ Королю надлежало бороться съ новымъ духомъ и новыми непріятелями. Онъ хотѣлъ противопоставить Лондонскому Парламенту Парламентъ въ Оксфордѣ, и съ этою цѣлію собралъ около себя всѣхъ бывшихъ на его сторонѣ членовъ Верхней и Нижней Палаты. Это собраніе хотя и было довольно многочисленно, но не имѣло никакаго значенія и не принесло Королю никакой выгоды, кромѣ нѣкоторыхъ субсидій, которыя онъ могъ собирать теперь въ странахъ, на которыя еще простиралась его власть. Въ апрѣлѣ 1644 года Оксфордскій Парламентъ былъ отсроченъ и снова началась война. По плану Парламента для третьяго похода Эссексъ долженъ былъ обратиться на Короля и, если можно, то взять Оксфордъ, а Лордъ Манчестеръ и Кромвель получили повелѣніе соединиться съ Шотландцами и Ферфаксомъ для покоренія сѣверной Англіи. Манчестеръ и Кромвель нашли Шотландцевъ и Ферфакса предъ Іоркомъ, гдѣ заключился предводитель роялистовъ Маркизъ Ньюкастель. Прибытіе упомянутыхъ военачальниковъ привело Парламентскую армію въ состояніе обратить бывшую доселѣ блокаду Іорка въ осаду, но когда для освобожденія Іорка явился Пфальцграфъ Рупрехтъ съ 20,000 войскомъ, то Шотландскіе и Парламентскіе генералы, снявъ осаду, расположились въ обширной тундристой странѣ, окружающей Марстонъ, и здѣсь ожидали нападенія роялистовъ. Маркизъ Ньюкастель напрасно старался удержать Принца Рупрехта отъ нападенія, онъ увлекся своею горячностію и 1-го іюля 1644 года далъ сраженіе на Марстонмурѣ. Правое крыло роялистовъ, которымъ командовалъ самъ Пфальцграфъ, Кромвель послѣ жаркаго сраженія обратилъ въ бѣгство, но когда онъ сталъ преслѣдовать кавалеровъ, роялисты одержали верхъ надъ другимъ

крыломъ; они уже хотѣли приступить къ разграбленію обоза, какъ Кромвель возвратился на поле сраженія и довершилъ пораженіе Королевской арміи. Въ слѣдствіе этого сраженія Іоркъ сдался побѣдителямъ, а Маркизъ Ньюкастель, отчаваясь въ счастливомъ окончаніи дѣла, которое онъ доселѣ защищалъ, убѣжалъ за море во Францію. Но никто столько не радовался Марстонмурской побѣдѣ, какъ партія Индепендентовъ, потому что это было дѣломъ ея военачальниковъ и ея воиновъ. Эта побѣда была тѣмъ блистательнѣе, что собственно Пресвитеріанскую армію, находившуюся подъ начальствомъ графа Эссекса, Король принудилъ не только снять осаду съ Оксфорда, но и положить оружіе. По этому значеніе Кромвеля, а съ нимъ и Индепендентовъ въ той же мѣрѣ возвысилось, въ какой значеніе графа Эссекса упало. Съ этого времени Кромвель, обыкновенно скрывавшій свои планы и умѣвшій съ рѣдкимъ искуствомъ лицемѣрить, сталъ дѣйствовать открытѣе. Онъ и его партія воспользовались жалобами на тягости войны и захватили въ свои руки все управленіе арміею. Въ декабрѣ 1644 года Сэръ Генрихъ Венъ и Кромвель объявили въ Парламентѣ, что честь этого собранія страждетъ отъ того, что всѣ выгодныя мѣста при арміи и въ гражданскомъ управленіи предоставляются его членамъ, что народъ никогда не повѣритъ чтобы люди, обогащавшіеся отъ несчастія страны, пожелали когда либо положить конецъ столь выгодной для нихъ войнѣ, и что для спасенія чести Парламента всѣ члены должны забыть свои частные интересы и оставить всѣ выгодныя должности. Послѣ этихъ вступительныхъ рѣчей одинъ мало извѣстный депутатъ, по имени Цаучъ Тетъ, сдѣлалъ предложеніе, *чтобы въ продолженіе настоящей войны ни одинъ членъ Парламента не занималъ ни военной, ни гражданской должности.* Предложеніе его встрѣтило сильное сопротивленіе; были остроумные люди, которые проникали намѣренія Индепендентовъ, и Витлокъ прекрасно представилъ опасность, грозившую Парламенту, если бы войско было поручено военачальнику, интересы котораго не согласны съ интересами Парламента; какъ легко могъ онъ обратить свой мечъ на тѣхъ, отъ кото-

рыхъ получилъ его. Онъ приводилъ въ примѣръ Римлянъ, которые облекали военною властію своихъ сенаторовъ. Но Индепенденты такъ повели свое дѣло, что Парламентъ не могъ отвергнуть сдѣланнаго предложенія, чтобы не показаться народу своекорыстнымъ. Потому назначена была коммиссія для разсмотрѣнія биля извѣстнаго подъ именемъ *акта самоотверженія* (Self-deniyng ordinance). По представленію этой коммиссіи 12-го декабря биль приняла Нижняя Палата и 21-го она передала его въ Верхнюю палату. Палата перовъ долго не соглашалась на этотъ биль, въ которомъ видѣла свой смертный приговоръ. Между тѣмъ Пресвитеріане, пользуясь еще своимъ могуществомъ казнили многихъ изъ своихъ враговъ; этой участи подвергся и Лаудъ, который съ 1640 года томился въ заключеніи и процессъ котораго начинался уже нѣсколько разъ, но всегда снова прерывался. Хотя его также нельзя было обвинить въ государственной измѣнѣ, какъ и Страффорда, не смотря на то его приговорили къ смерти и 10-го января 1645 года казнили. За восемь дней до его смерти Парламентъ уничтожилъ Англиканскую литургію и на всемъ пространствѣ своего обладанія ввелъ Пресвитеріанское церковное устройство. Но во время этого тріумфа Пресвитеріанизмъ уже былъ близокъ къ своему паденію, потому что Верхняя Палата уже рѣшалась утвердить биль, предоставлявшій перевѣсъ въ руки Индепендентовъ. Лорды Эссексъ и Манчестеръ сложили съ себя военачальство и Верхняя Палата утвердила актъ самоотверженія. Теперь единственную надежду Пресвитеріане возлагали на скорое примиреніе съ Королемъ; они увидѣли трудность своего положенія и были сурово наказаны за высокомѣріе, съ которымъ стремились къ совершенному ослабленію королевской власти. При всемъ желаніи своемъ они не могли теперь опустить ни одного изъ своихъ прежнихъ требованій, Король же не могъ согласиться на нихъ;по этому открывшіеся въ Уксбриджѣ переговоры не имѣли успѣха и война продолжалась. Появленіе графа Монтроза въ Шотландіи дало королевскому дѣлу блестящій оборотъ; Монтрозъ, командуя горными Шотландцами, втргся въ южную Шот—

ландію и выбилъ съ поля сраженія посланное противъ него Пресвитеріанское войско. Движеніе его должно было или принудить находившихся въ Англіи Шотландцевъ къ отступленію, или дать ему возможность соединиться съ Королемъ; во всякомъ случаѣ Король ожидалъ хорошаго отъ предстоящаго похода и льстилъ себя надеждою, что супруга, удалившаяся въ прошедшемъ году на материкъ, опять въ тріумфѣ возвратится въ Англію.

По утвержденіи акта самоотверженія Парламентское войско потерпѣло преобразованіе. Оно должно было состоять теперь изъ 22,000 человѣкъ и на содержаніе получать ежемѣсячно 44,950 фунтовъ стерлинговъ. Главное начальство надъ войскомъ получилъ *Сэръ Ѳома Ферфаксъ.* Кромвель, какъ членъ Парламента, долженъ былъ собственно сложить съ себя начальство, но какъ Ферфаксъ увѣрялъ, что безъ него нельзя обойтись, то для него сдѣлали исключеніе. Такимъ образомъ Кромвель удержалъ свое мѣсто при войскѣ и не только служилъ правою рукою новому главнокомандующему, но былъ также душою составленной по его плану и одушевленной имъ арміи *). Она состояла большею частію изъ Индепендентовъ и приверженцевъ другихъ сродныхъ сектъ; между офицерами замѣчательнѣйшими были два зятя Кромвеля, Эйртонъ, и Флитвудъ, и шуринъ Десборугъ, такъ что и родственныя узы привязывали къ нему войско. Съ этимъ войскомъ Ферфаксъ и Кромвель открыли весною 1645 года четвертый походъ и счастіе сопровождало ихъ оружіе. Они

*) Замѣчательно, что опредѣленіе Ферфакса въ должность главнокомандующаго было написано уже не во имя Короля, какъ у Эссекса, но только во имя Парламента. Впрочемъ Ферфаксъ въ политическомъ отношеніи былъ весьма незначительный характеръ: The extreme narrowness of his genius rendered the part, which he acted, even when vested with the supreme command, but secondary and subordinate. Потому съ тѣхъ поръ какъ при арміи утвердился Кромвель, то все значеніе принадлежало ему и его партіи: Thus the independents, though the minority, prevailed by art and cunning over the presbyterians and bestowed the whole military authority in appearance upon Fairfax, in reality upon Cromwell. Hume, T. IX, p. 385 и 386.

вмѣстѣ 13-го іюня приблизились къ королевскому войску, стоявшему при Несби, мѣстечкѣ въ Лейстершейрѣ, и Король не отказался отъ предложенной ему битвы. Данная на слѣдующій день битва была самою упорною и самою кровавою изъ всѣхъ происходившихъ въ теченіе этой войны. Принцъ Рупрехтъ обратилъ въ бѣгство состоявшее противъ него крыло подъ предводительствомъ Эйртона, но при своей обыкновенной горячности слишкомъ далеко преслѣдовалъ его; въ это время Кромвель со своими всадниками разбилъ противопоставленную ему непріятельскую конницу и, не увлекаясь горячностію подобно Принцу Рупрехту, хладнокровно умѣлъ воспользоваться всѣми выгодами, которыя пріобрѣлъ своимъ мужествомъ. Отдѣливъ небольшой отрядъ для преслѣдованія бѣжавшихъ, онъ самъ возвратился на поле битвы и поддержалъ стѣсненную пѣхоту Ферфакса. Король вскорѣ увидѣлъ, что побѣда, на которую онъ навѣрное разсчитывалъ, въ рукахъ непріятеля; онъ не могъ остановить бѣгущихъ войскъ, когда же возратился Принцъ Рупрехъ, то уже было поздно возобновлять битву; Король въ отчаяніи отъ своего несчастія отступилъ. Хотя въ войскѣ его пало не болѣе какъ и у побѣдителей, но за то вся его артиллерія, обозъ и 5000 плѣнныхъ попались въ руки непріятелей; кромѣ того непріятели къ большому вреду для Короля захватили его письма и бумаги *). Сколь ни мужественно боролся Король со своими несчастіями послѣ пораженія при Несби, но противъ него дѣйствовали обстоятельства. Пока онъ собиралъ новое войско, войска Парламента дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, а начальствующіе въ Королевскихъ крѣпостяхъ оказывали имъ столь слабое сопротивленіе, что одинъ городъ за другимъ переходилъ во власть Парламента. Даже Принцъ Рупрехтъ послѣ осады, продолжавшейся нѣсколько дней, сдалъ Бристоль, что сильно поразило Короля. Королю оставалась теперь единственная надежда на

*) Многія секретныя бумаги Короля Парламентъ напечаталъ подъ заглавіемъ: King's Cabinet opened. (въ Rushworth hist. collect. T. VI.)

бѣгство въ Шотландію, гдѣ Монтрозъ дѣйствовалъ столь удачно, что проникъ до Эдинбурга и овадѣлъ имъ; впрочемъ могущество Монтроза основывалось только на побѣдѣ, но не поддерживалось никакою сильною партіею въ Шотландскомъ Королевствѣ; а потому одно пораженіе могло неспровергнуть его. Лишь только Карлъ вознамѣрился отправиться въ Шотландію, какъ получилъ извѣстіе, что Монтрозъ разбитъ, изгнанъ и блуждаетъ, скорѣе самъ нуждаясь въ защитѣ, нежели въ состояніи доставить ее. Окруженный со всѣхъ сторонъ несчастіями, Король въ началѣ 1646 года остался только во владѣніи городами Оксфордомъ, Честеромъ, Ворстеромъ и Ньюаркомъ. Старшій сынъ его Принцъ Валлійскій счастливо удалился изъ Англіи, а ему осталось на выборъ сдаться или Англичанамъ, или Шотландцамъ. Онъ предпочелъ предаться Шотландской арміи, потому что въ ней надѣялся встрѣтить меньшее ожесточеніе противъ себя и получилъ отъ генераловъ увѣреніе въ ихъ преданности. Подъ чужимъ одѣяніемъ онъ 27-го апрѣля 1646 года оставилъ Оксфордъ и 5-го мая прибылъ въ Шотландскій лагерь предъ Ньюаркомъ. Хотя его приняли тамъ съ почестями и въ внѣшнемъ обращеніи оказывали ему должное уваженіе, но содержали какъ плѣнника; между Англійскимъ Парламентомъ и Шотландскою арміею открылись переговоры, которые кончились тѣмъ, что Парламентъ заплатилъ Шотландской арміи должное жалованье, а Шотландцы за то выдали ему Короля. Въ началѣ 1647 года Карлъ былъ выданъ Англійскимъ коммисарамъ и заключенъ въ Гольмби въ графствѣ Нордгамптонѣ.

Побѣдивъ Короля, Парламентъ пришелъ въ разрывъ съ арміею. Хотя Король и находился въ плѣну, но несогласіе между его противниками снова сообщило ему значеніе; казалось, что при возрастающемъ замѣшательствѣ въ дѣлахъ общественныхъ всѣ партіи прибѣгнутъ къ его за-

конному авторитету, какъ единственному средству къ спасенію государства отъ несчастія. Но Карлъ самъ лишилъ себя выгодъ своего положенія; грозя Парламенту Индепендентами, а Индепендентамъ Парламентомъ онъ потерялъ разположеніе обѣихъ партій. Между тѣмъ въ войскѣ распространилась мысль, что Карлъ нарушеніемъ клятвы данной при коронованіи, лишилъ себя своего достоинства и подлежитъ отвѣтственности за кровь, пролитую въ междоусобную войну. Послѣ пораженія Шотландцевъ лѣтомъ 1648 года, за то, что они, будучи недовольны ходомъ дѣлъ въ Англіи, хотѣли вмѣшаться въ дѣла Англійскія съ вооруженною силою, войско еще громче заговорило объ этомъ; всѣ члены Парламента, не раздѣлявшіе этой мысли, такъ называемымъ *очищеніемъ Парламента* были удалены; оставшійся же *туловище–Парламентъ* положилъ предать Короля суду. Карла I осудили на смерть которую онъ и претерпѣлъ на эшафотѣ 30-го января 1649 года.

Въ день смерти Короля Англія была объявлена республикою (Commonwealth) и всякій, кто осмѣлится провозгласить Принца Валлійскаго Королемъ, былъ признанъ государственнымъ преступникомъ. Ирландія и Шотландія объявили себя противъ новой республики; въ первой подъ предводительствомъ Маркиза Ормондскаго господство-

вавала партія роялистовъ, а въ послѣдней Карлъ II занялъ престолъ своихъ отцевъ. Ту и другую надлежало покорить оружіемъ и Кромвелю, которому надлежало совершить и который дѣйствительно съ быстротою и счастіемъ совершилъ этотъ подвигъ, представился такимъ образомъ случай еще болѣе привязать къ себѣ войско. Когда Парламентъ вздумалъ отнять мечъ отъ этого опаснаго слуги, то подобно всѣмъ законодательнымъ собраніямъ не могъ ничего противопоставить военной силѣ, кромѣ безсильныхъ опредѣленій; Кромвель, 20 апрѣля 1653 года силою разогнавъ длинный Парламентъ, подъ титуломъ *Лорда Протектора* принялъ на себя управленіе Англіею, Шотландіею и Ирландіею и повелъ дѣла такъ, что въ странѣ, раздираемой партіями, возстановилъ внутреннее спокойствіе, возвеличилъ ея внѣшнее могущество и распространилъ ея господство. Но по смерти его, послѣдовавшей 3 сентября 1658 года, снова возстали обузданныя имъ партіи; между тѣмъ какъ сынъ его Ричардъ не могъ удержаться во главѣ государства и военачальники оспаривали верховную власть другъ у друга, въ народѣ пробудилось желаніе возстановить прежнее устройство, по которому правленіе предоставлялось наслѣдственному Королю и раздѣленному на двѣ Палаты Парламенту. Генералъ *Монкъ* съ благоразуміемъ и счастіемъ совершилъ дѣло *реставра-*

ціи; въ маѣ 1660 года Карлъ II былъ возведенъ на отцевскій престолъ и прежняя ненависть къ королевской власти обратилась теперь въ любовь и довѣріе къ ней.

По объявленіи Англіи республикою, 6-го февраля была уничтожена Верхняя Палата а 7-го введена новая государственная печать, на одной сторонѣ которой представлялась карта Англіи и Ирландіи съ гербами обоихъ государствъ, а на другой собраніе Нижней Палаты съ надписью 1648 *). Государственное управленіе предварительно было устроено такъ, что законодательная власть предоставлялась Парламенту, состоявшему теперь только изъ одной Палаты, а исполнительная поручалась избранному Парламентомъ Государственному Совѣту изъ 38 членовъ (Council of the State). Парламентъ былъ дополненъ частію новыми выборами, частію возвращеніемъ прежде исключенныхъ членовъ, которые признали сдѣланныя съ того времени опредѣленія; потомъ онъ обѣщалъ по устроеніи государства возвратить свою власть народу, отъ котораго и получилъ ее. Между тѣмъ какъ послѣ столь сильной бури отношенія не могли еще установиться, Парламентъ также колебался и только одинъ Кромвель частію по обстоятельствамъ, частію же по своей прозорливости дѣйствовалъ послѣдовательно. Обстоятельства дали ему возможность дѣйствовать во главѣ арміи и рядомъ побѣдъ еще болѣе привязать къ себѣ солдатъ. Возстаніе въ Ирландіи въ пользу роялистовъ, получивъ въ лицѣ Маркиза Ормонда искуснаго руководителя, принудило республику послать туда войска. Кромвель получилъ надъ ними начальство и совершилъ данное ему порученіе съ

*) On the first year of freedom, by God's blessing restored, 1648. Въ Англіи въ то время начинали годъ съ 24 марта, потому событія, которыя по нынѣшнему счисленію приходтся въ первые три мѣсяцы 1649 года, относились къ 1648 году.

обыкновенною быстротою и энергіею. Собравъ въ западной Англіи 12,000-ное войско, онъ отправилъ 4,000 впередъ для подкрѣпленія гарнизона въ Дублинѣ, единственномъ городѣ въ Ирландіи, державшемъ сторону Парламента. Получивъ такое подкрѣпленіе, Дублинскій комендантъ не только принудилъ Ирландцевъ снять съ города начатую имъ осаду, но еще въ счастливой вылазкѣ разсѣялъ осаждавшее войско. Потому Кромвель, подойдя къ Дублину 15 августа 1649 года, не нашелъ въ открытомъ полѣ ни одного непріятеля, но за то въ крѣпостяхъ и замкахъ находились сильные гарнизоны. Ближе всѣхъ къ столицѣ лежала крѣпость Дроггеда или Треда, и такъ какъ она имѣла хорошія укрѣпленія и сильный гарнизонъ, то Ормондъ надѣялся задержать здѣсь непріятеля до тѣхъ поръ, пока самъ снова не соберетъ разсѣяннаго войска. Но Кромвель старался быстротою своихъ дѣйствій и кровавою жестокостію при исполненіи своихъ предпріятій привести противниковъ въ страхъ и замѣшательство; по этому штурмомъ взялъ считавшуюся непобѣдимою Дроггеду и истребилъ весь гарнизонъ. Въ слѣдствіе этого всѣ крѣпости, предъ которыми онъ только показывался, отворяли ему ворота и когда Ормондъ съ 40,000 Ирландцевъ оставилъ островъ, то вся Ирландія покорилась ему. Лишь только Кромвель покорилъ Ирландію, какъ вспыхнувшая война съ Шотландіею призвала его на новый театръ войны, гдѣ онъ пріобрѣлъ еще большую славу.

Шотландцы не хотѣли по примѣру Англіи обратить свое государство въ республику. Хотя противъ прежняго Короля они были столько же раздражены какъ и Англичане, но осужденіе и казнь его сильно поразили ихъ и они провозгласили сына Карла I, Карла II, своимъ Королемъ. Они надѣялись, что молодой Король, наученный несчастіями своего отца, признаетъ Пресвитеріанизмъ. Карлъ II, принявъ всѣ условія, которыми ограничивалась его власть, въ іюнѣ 1650 прибылъ въ Шотландію и вступилъ на Шотландскій престолъ. Англичане считали вступленіе Карла на престолъ опаснымъ для своей республики и, чтобы

уничтожить угрожавшую ей опасность въ самомъ началѣ, предупредили Шотландцевъ объявленіемъ имъ войны. Такъ какъ Ферфаксъ отказался воевать съ Шотландцами и сложилъ съ себя военачальство, то мѣсто его заступилъ Кромвель и былъ признанъ Оберъ-Генераломъ всѣхъ военныхъ силъ республики. Поручивъ Ирландію своему зятю Эйртону, онъ поспѣшилъ къ арміи, назначенной противъ Шотландіи, и лѣтомъ 1650 года вступилъ съ нею въ Шотландію. Напрасно онъ старался принудить къ битвѣ Шотландцевъ, которые подъ предводительствомъ Леслея утвердили крѣпкій лагерь между Эдинбургомъ и Лейтомъ; Шотландскій генералъ весьма хорошо зналъ превосходство Англійскихъ силъ и хотя имѣлъ вдвое болѣе войска, но не рѣшился на открытый бой съ ними. Онъ ограничилъ свои дѣйствія стычками и старался отдѣльными отрядами отрѣзать отъ Англичанъ подвозъ. Этимъ онъ дѣйствительно привелъ ихъ въ такую нужду, что Кромвель отступилъ въ Дунбаръ и рѣшился пѣхоту и артиллерію отослать въ Англію моремъ, а самъ хотѣлъ съ конницею пробиться сквозь непріятелей. Но неблагоразуміе Пресвитеріанскаго духовенства въ Шотландскомъ лагерѣ избавило его отъ отступленія; духовенство принудило Шотландскаго генерала дать сраженіе. Кромвель 3-го сентября съ величайшею радостію увидѣлъ, что Шотландцы сходятъ съ возвышенностей Леммермура на равнину и объявилъ, что Господь предалъ непріятеля въ его руки. И дѣйствительно не болѣе какъ черезъ *часъ* онъ одержалъ рѣшительную побѣду. Шотландцы оставивъ 4,000 своихъ воиновъ на полѣ битвы и 9,000 плѣнныхъ, съ 200 знаменами и всѣмъ обозомъ въ рукахъ Англичанъ, убѣжали въ Стирлингъ; между тѣмъ Кромвель занялъ Эдинбургъ и Лейтъ и только приближеніе зимы и лихорадка воспрепятствовали ему еще болѣе преслѣдовать выгоды своей побѣды. Впрочемъ онъ и зимою не оставался бездѣятельнымъ; онъ перемѣнилъ мечь на перо и поражалъ Шотландскихъ Пресвитеріанъ индепендентскою богословіею съ не меньшимъ искуствомъ и счастіемъ, какъ разбивалъ ихъ оружіемъ. Съ приближеніемъ весны 1651 года начался новый походъ. Шотландцы, находясь

теперь подъ предводительствомъ самого молодаго Короля, держались въ крѣпкой позиціи при Стирлингѣ до тѣхъ поръ, пока Кромвель не зашелъ имъ въ тылъ и не отрѣзалъ ихъ отъ горной Шотландіи и ихъ магазиновъ. Король рѣшился теперь на отчаянную мѣру и хотѣлъ вторгнуться въ самую Англію. Онъ надѣялся, что тамъ присоединятся къ нему всѣ роялисты и что всѣ недовольные съ радостію примутъ своего законнаго Короля. Но прибытіе его и его прокламація къ народу и дворянству произвела слабое впечатлѣніе, такъ что, прибывъ 22-го августа къ Ворстеру и расположивъ здѣсь на нѣсколько дней свои войска для отдыха, онъ увидѣлъ, что силы его были таковы же, какъ и при переходѣ чрезъ границу. Кромвель между тѣмъ устроилъ дѣла Шотландскія и, оставивъ въ Шотландіи съ 7,000 отрядомъ генерала Монка, самъ послѣдовалъ за Королемъ и настигъ его при Ворстерѣ. Шотландцы изъ опасенія, быть запертыми здѣсь, 3-го сентября, ровно черезъ годъ послѣ пораженія при Дунбарѣ, должны были согласиться на битву. При Ворстерѣ Кромвель одержалъ еще рѣшительнѣйшую побѣду, нежели при Дунбарѣ. Все Шотландское войско или пало, или досталось непріятелю и самъ Король съ большимъ трудомъ ускользнулъ во Францію *). Народъ приписывалъ побѣду Кромвеля союзу его съ Дьяволомъ, а онъ самъ называлъ ее дѣломъ *вѣнчающей благодати* (crowning mercy). Но чѣмъ болѣе усиливалось значеніе Кромвеля какъ въ собственномъ его сознаніи, такъ и въ глазахъ свѣта, тѣмъ болѣе Парламентъ имѣлъ причинъ смотрѣть на него съ завистью и подозрѣніемъ и стараться лишить его могущества. Война объявленная Парламентомъ въ 1652 году соединеннымъ Нидерландамъ, которую конечно надлежало вести только на морѣ, доставила къ тому хорошій предлогъ. По повелѣнію Парламента нѣкоторые пѣхотные полки

*) Карлъ II почти полтора мѣсяца скрывался подъ разными одѣяніями, пока ему удалось удалиться изъ Англіи; въ это время болѣе 40 человѣкъ знали объ его мѣстопребываніи, но никто не выдалъ его. См. Boscobel, ou Abrégé de ce qui s'est passé dans la retraite mémorable de S. M. Britannique aprés la bataille de Worcester. Rouen, 1676. 8.

должны были вступить во флотъ, а остальныя сухопутныя силы по случаю причиненныхъ войною издержекъ положено было уменьшить. Кромвель понялъ виды Парламента ослабить его власть и не замедлилъ предупредить исполненіе ихъ. Такъ какъ армія находилась въ опасности быть распущенною, то военачальнику было не трудно вооружить ее противъ Парламента и повторить въ третій разъ уже два раза совершенное насиліе. Данное Парламентомъ, но еще не исполненное до сихъ поръ обѣщаніе, по устроеніи государства разойтись и уступить мѣсто новому Парламенту, доставило войску предлогъ, сдѣлать въ Парламентѣ представленіе, въ которомъ оно напоминало ему о данномъ обѣщаніи и требовало скораго исполненія его. Это представленіе весьма раздражило Парламентъ и между тѣмъ какъ Кромвель 20-го апрѣля 1653 года совѣщался въ военномъ совѣтѣ, какъ устроить временное правленіе, когда разойдется Парламентъ, Парламентъ и не думалъ расходиться, но еще разсуждалъ о замѣщеніи у себя вакансій новыми выборами. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Кромвель разогналъ Парламентъ, послѣдній вышелъ изъ залы, велѣлъ замкнуть двери, взялъ ключь въ карманъ и тогда спокойно возвратился домой.

Съ такою смѣлостію Кромвель разогналъ длинный Парламентъ. Въ тотъ же день онъ послалъ повелѣніе въ государственный совѣтъ, что по распущеніи Парламента прекращается и его значеніе, какъ производное отъ Парламента. Вся военная и гражданская власть въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи находилась теперь въ рукахъ Кромвеля; флотъ, сухопутное войско и многія корпораціи прислали ему привѣтствованія, изъ которыхъ видно, если только они писаны откровенно, что народъ былъ доволенъ тѣмъ, что онъ разогналъ длинный Парламентъ. Однако же Кромвель еще не рѣшался захватить единодержавіе; чтобы не вооружить противъ себя республиканской партіи, онъ назначилъ новый государственный совѣтъ и по просьбѣ города Лондона созвалъ Парламентъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ военнымъ совѣтомъ наименовалъ 128 особъ изъ раз-

личныхъ графствъ и городовъ Англіи, 5 изъ Шотландіи и 6 изъ Ирландіи членами Парламента и пригласилъ ихъ на 4-е іюня 1653 года въ Вестминстеръ, чтобы заступить мѣсто распущеннаго Парламента. Они должны были составлять Парламентъ въ продолженіи 15 мѣсяцевъ и разойтись не прежде, какъ по назначеніи равнаго себѣ числа преемниковъ. Хотя Кромвель употребилъ всѣ старанія, чтобы это собраніе не могло ему быть опаснымъ, не смотря на то въ немъ образовалась партія, которая будучи одушевлена идеями Анабаптистовъ, стремилась къ утвержденію Царства Христова на землѣ, которому конечно должно было уступить мѣсто военное господство Кромвеля. По этому Кромвель счелъ за лучшее прекратить засѣданія Парламента. Преданные ему Индепендеты въ Парламентѣ положили 12-го декабря 1653 года возвратить главнокомандующему полученную отъ него власть, но главы Анабаптистовъ числомъ 17 продолжали свои засѣданія и не хотѣли закрывать Парламента. Тогда посланы были два офицера съ отрядомъ войска, которые силою прогнали ихъ изъ залы и заперли его. Такимъ образомъ военная сила положила конецъ и этому Парламенту, который по имени кожевенника Презгода Бербона, отличавшагося особенно длинными рѣчами, называется обыкновенно *Бербонскимъ Парламентомъ* или иначе *малымъ Парламентомъ* (the little godly parliament).

Чрезъ два дня по распущеніи Бербонскаго Парламента военный Совѣтъ провозгласилъ Кромвеля *Лордомъ Протекторомъ* Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ титуломъ *Высочества*. Онъ 16-го декабря далъ клятву управлять по новому государственному устройству, составленному другомъ его Ламбертомъ. По этому устройству Протекторъ былъ высшимъ правительственнымъ лицемъ въ республикѣ. Во имя его совершались всѣ акты, производились всѣ суды и замѣщались всѣ правительственныя мѣста. Ему содѣйствовали и ограничивали его власть Парламентъ и Государственный Совѣтъ. Опредѣленное число членовъ въ Парламентѣ было 400 для Англіи, 30 для Шотландіи и 30 для Ирландіи, всѣ

тѣ, которые не имѣли покрайней мѣрѣ 20 ф. стерлинговъ годоваго дохода, не могли быть избираемы въ Парламентъ; равнымъ образомъ всѣ Католики и всѣ, во время междоусобной войны сражавшіеся за Короля, лишались права на избираніе. Парламентъ надлежало созывать каждые три года и распускать не ранѣе какъ по истеченіи пяти мѣсяцевъ; опредѣленія его и безъ утвержденія Протектора имѣли силу законовъ. Число членовъ Государственнаго Совѣта не могло превышать 21-го и быть менѣе тринадцати. Члены его удерживали за собою свои мѣста пожизненно, когда же открывалась ваканція, то Государственный Совѣтъ представлялъ Протектору 3-хъ лицъ, изъ которыхъ онъ избиралъ кого-либо на вакантное мѣсто. Начальство надъ арміею, которая должна была состоять изъ 20,000 пѣхоты и 10,000 конницы находилось въ рукахъ Протектора, потому что военная сила, которая утвердила его власть, должна была ее и поддерживать. Такимъ образомъ все вскорѣ приняло опять монархическій видъ, хотя имя республики все еще оставалось. Но пользовавшійся монархическою властію былъ узурпаторъ и потому принималъ всѣ мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ узурпаторы, чтобы утвердиться на своемъ мѣстѣ. Такъ чтобы отвратить отъ себя вниманіе обузданныхъ имъ партій, онъ указалъ имъ другую цѣль и силы, которыя доселѣ расточались въ борьбахъ партій, направилъ за предѣлы государства. Самое положеніе Кромвеля по принятіи протекторства принуждало его пускаться во внѣшнія предпріятія и такъ какъ онъ дѣйствовалъ вездѣ съ энергіею, то вскорѣ возвратилъ Англіи ея прежнее значеніе, потерянное въ слабое правленіе Іакова I и безпокойное время Карла I. Слава, которую онъ умелъ пріобрѣсти своему правленію, содѣлывала для страны нечувствительнымъ тяготѣвшее надъ нею иго. Когда Кромвель принялъ верховную власть, то война, начатая длиннымъ Парламентомъ съ Нидерландами, еще продолжалась; но онъ поспѣшилъ кончить ее. 5-го апрѣля 1654 года обѣ республики заключили миръ и оборонительный союзъ. Нидерланды предоставили преимущество

Англійскому флагу и признали *навигаціонный актъ* изданный длиннымъ Парламентомъ. По этому акту торговля съ Англійскими колоніями могла производиться только Англичанами и на Англійскихъ корабляхъ, иным державамъ дозволялся только ввозъ собственныхъ продуктовъ на своихъ корабляхъ. Въ слѣдствіе этого акта Голландцы потеряли часть своей торговли, между тѣмъ какъ Англійская торговля и Англійскій флотъ быстро пришли въ цвѣтущее состояніе. Съ какимъ успѣхомъ Кромвель принималъ участіе въ войнѣ Франціи съ Испаніею изложено выше; Англія пріобрѣла въ эту войну Ямайку, Дюнкирхенъ и Мардикъ. Съ неменьшею энергіею, какъ въ внѣшнихъ предпріятіяхъ, дѣйствовалъ Кромвель и во внутреннемъ управленіи республикою, но здѣсь онъ встрѣчалъ больше затрудненій. Узурпаторская власть его была ненавистна всѣмъ партіямъ; бывшіе нѣкогда членами длиннаго Парламента Пресвитеріане, — которымъ безусловная свобода въ вѣрѣ казалась чѣмъ то ужаснымъ, республиканцы, которые свергли Короля не для того, чтобы терпѣть военнаго деспота, наконецъ роялисты, которые ничего такъ не желали, какъ возстановленія Стюартовъ, всѣ, не смотря на различіе ихъ образа мыслей, одинаково ненавидѣли Кромвеля и узурпаторскую власть его. Протекторъ увидѣлъ затруднительность свего положенія, когда 3-го сентября 1654 года созвалъ Парламентъ. Парламентъ, выслушавъ вступительную рѣчь Кромвеля, устроясь и избравъ Вилліама Ленталя своимъ ораторомъ, тотчасъ началъ разбирать вопросъ, законна ли власть Кромвеля, принятая имъ съ званіемъ протектора? Кромвель 13-го сентября сдѣлалъ рѣзкіе упреки Парламенту за этотъ поступокъ. Онъ говорилъ, что изслѣдованіе о законности его власти неблагоразумно и смѣшно со стороны Парламента, потому что Парламентъ въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ по тому же установленію, по которому и онъ въ званіи Протектора стоитъ въ главѣ государства и что всякое сомнѣніе во его правахъ столько же касаетя созваннаго имъ Парламента, какъ и его самого; утвержденныя новымъ устройствомъ права

Парламента и Протектора должны служить основными началами, которыя нельзя ни изслѣдывать ни измѣнять. Въ тоже время онъ представилъ въ Парламентъ грамоту, и требовалъ, чтобы каждый членъ своею подписью засвидѣтельствовалъ, что онъ признаетъ существующее государственное устройство; за тѣмъ поставилъ стражу къ дверямъ засѣданія, которая не пускала въ засѣданіе не подписавшихъ этой грамоты. Хотя болѣ 300 членовъ подписались, не смотря на то оппозиція продолжалась. По этому Кромвель поспѣшилъ распустить непокорное собраніе. Предписанный ему въ установленіи пятимѣсячный срокъ для продолженія Парламента онъ сократилъ тѣмъ, что считалъ мѣсяцъ въ 28 дней, что обыкновенно дѣлалось при платѣ жалованья сухопутному войску и флоту, и лишь только пришло время Парламента по этому счисленію, то тотчасъ же 22-го января 1655 года съ гнѣвомъ распустилъ его.

Настроеніе умовъ, обнаружившееся въ Парламентѣ, дало роялистамъ смѣлость рѣшиться на открытое возстаніе. Но бдительность Кромвеля вскорѣ открыла заговоръ и уничтожила его. Прежде нежели они успѣли произвести возстаніе, которое въ маѣ 1655 года должно было распространиться по всей Англіи, Кромвель велѣлъ арестовать многихъ изъ нихъ, а тѣхъ, которые уже взялись за оружіе но не успѣли еще собрать народа, разсѣялъ безъ большаго труда. Протекторъ воспользовался этою неудачною попыткою ниспровергнуть его правленіе, для распространенія и утвержденія своей власти. Съ согласія Государственнаго Совѣта онъ наложилъ на роялистовъ подать, съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, чтобы покрыть издержки, къ которымъ было вынуждено правительство мятежничествомъ роялистовъ; для собиранія ея онъ назначилъ одиннадцать Генералъ-Маіоровъ по числу одиннадцати военныхъ дистриктовъ, на которые раздѣлялась вся республика. Этимъ сановникамъ, получившимъ для своей защиты и для поддержанія своего достоинства вооруженную дружину, предоставлялось на волю, съ кого требовать подать и кого какъ по-

дозрительнаго и опаснаго Правительству, брать подъ стражу. Чрезъ то они получили неограниченную власть надъ собственностію и свободою каждаго изъ подданныхъ и хотя не мало содѣйствовали утвержденію господства Кромвеля, но за то и усилили ненависть къ нему во всѣхъ тѣхъ, которые видѣли, что власть его вдвое превосходитъ ту, за которую лишили короны и жизни законнаго Короля. На Шотландію и Ирландію Кромвель смотрѣлъ, какъ на совершенно покоренныя провинціи. Гражданское управленіе въ Шотландіи онъ поручилъ Государственному Совѣту, члены котораго были большею частію Англичане; спокойствіе и повиновеніе поддерживалось разставленнымъ по всему королевству по замкамъ и крѣпостямъ 10,000 войскомъ, находившимся подъ начальствомъ Генерала Монка. Такъ какъ онъ успѣлъ кромѣ того обуздать богословскіе споры, то Шотландія пользовалась теперь большимъ порядкомъ и спокойствіемъ, нежели когда либо при своихъ Короляхъ. Въ Ирландіи Протекторъ дѣйствовалъ еще строже и насильственнѣе. Земли, отнятыя у Католическихъ мятежниковъ или приверженцевъ Короля, были раздѣлены между Протестантами и особенно между солдатами, которые были тѣмъ удовлетворены за недоплату жалованья. Кромвель намѣревался даже ограничить Ирландскихъ уроженцевъ одною провинціею, Коннаутъ; но этотъ планъ оказался невыполнимымъ. По смерти Эйртона штатгальтерство въ Ирландіи получилъ Флитвудъ, а послѣ него управленіе островомъ принялъ Генрихъ Кромвель, второй сынъ Протектора.

Протекторъ считалъ теперь свою власть довольно прочною, чтобы ожидать большей покорности въ Парламентѣ. Выборы въ Парламентъ, созванный къ сентябрю 1656 года, пали большею частію по его желанію. Кромѣ того онъ изъ предосторожности назначилъ стражу, которая всѣхъ не признававшихъ его власти или вообще казавшихся ему опасными, не впускала въ засѣданія; такимъ образомъ онъ доставилъ большинство своей сторонѣ. Это тотчасъ обнаружилось въ опредѣленіяхъ Пар-

ламента, которыя соотвѣтствовали видамъ Протектора. Парламентъ объявилъ притязанія Карла Стюарта и всей его фамиліи не дѣйствительными и всякое предпріятіе противъ правительства или жизни Протектора государственною измѣною. Онъ разсуждалъ также о формѣ правленія и рѣшилъ тѣмъ, что предложилъ Кромвелю корону. Хотя республиканцы противились такому предложенію, не смотря на то значительное большинство въ Парламентѣ 4-го апрѣля 1657 года согласилось на это. Приведенныя на то въ опредѣленіи и представленныя Протектору основанія были въ сущности слѣдующія: что нація требуетъ впредь спокойствія, на которое нельзя надѣяться безъ постояннаго главы. Что она желаетъ ограниченной королевской власти, но не хочетъ поручить ее роду Стюартовъ, по мужу, предпріятія котораго Богъ благословилъ. Что для нея болѣе важна форма правленія, нежели законность наслѣдства. Что наслѣдство часто переходило отъ одного рода въ другой и что Его Высочество можетъ послѣдовать не давно бывшему примѣру въ Португаліи, гдѣ Герцогъ Браганцскій принялъ предложенную ему королевскую корону. Кромвель проспалъ времени на обдуманіе; но онъ не могъ принять королевскаго титула, чтобы не придти въ противорѣчіе со своими прежними началами и господствовавшимъ образомъ мыслей въ арміи и его собственной фамиліи *). По этому 12-го мая онъ отказался отъ предложенной ему коропы. Рѣчь, говоренная имъ при этомъ случаѣ, такъ запутанна и темна, что она наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, сколько труда стоило ему противиться прелестямъ коропы. Парламентъ положилъ теперь по крайней мѣрѣ дать

*) Кларендонъ разсказываетъ, что многіе солдаты сговорились умертвить Кромвеля, если онъ приметъ Королевскій титулъ. Съ такимъ настроеніемъ въ арміи согласовался образъ мыслей его собственной фамиліи, потому что зять его Флитвудъ и шуринъ Десборугъ, объявили ему, что, если онъ сдѣлается Королемъ, то они не будутъ болѣе оказывать ему почестей и уваженія, какъ главѣ фамиліи. См. Lingard hist. of England T. XI. p. 310.

законную силу существующему правленію и въ 18 членахъ начерталъ новое устройство, которое въ видѣ покорной просьбы и представленія (humble petition and advise), 25-го мая отправилъ къ Протектору. Нѣкоторыми пунктами власть Кромвеля здѣсь распространялась, другими же ограничивалась. Такъ онъ получилъ право избранія себѣ преемника и полученія опредѣленной суммы на содержаніе сухопутной и морской силы, равно какъ и на издержки по гражданскому управленію, но за то потерялъ право издавать законы въ промежуточное время между Парламентами и безъ согласія Парламента лишать членовъ его права засѣданія въ немъ. За тѣмъ была возстановлена Верхняя Палата, но съ меньшимъ числомъ членовъ и еще меньшею властію. Число членовъ въ ней не могло превосходить 70 и быть менѣе 40; ихъ избиралъ Протекторъ, и утверждала Нижняя Палата, обязанность же ихъ состояла только въ томъ, чтобы рѣшать дѣла представляемыя въ Парламентъ изъ судовъ. Относительно религіи всѣмъ объявлена терпимость, кромѣ папистовъ и послѣдователей Епископальной Церкви, которыхъ ставали подъ одну категорію съ богохульниками и безбожниками. Кромвель, какъ будто бы только теперь начиналась его власть, 26-го іюня торжественно принялъ свое достоинство и клятвою подтвердивъ новые основные законы республики, получилъ Библію въ великолѣпномъ переплетѣ, мечъ и жезлъ, какъ знаки протекторства. Ставъ такимъ образомъ, по новому устройству, во главѣ государства, Кромвель вызвалъ къ себѣ сына своего Ричарда, чтобы ввести и его въ дѣла государственныя, между тѣмъ самъ старался съ одной стороны вступить въ связи съ древними знаменитыми родами, а съ другой удаленіемъ честолюбивыхъ и безпокойныхъ людей прочнѣе утвердить могущество своего дома. По этому онъ выдалъ замужъ двухъ своихъ дочерей: одну за графа Варвика, а другую за Вискаунта Факонберга, впрочемъ, вообще говоря, онъ не пріобрѣлъ большаго вѣсу у старинаго дворянства. Прежніе перы презирали мѣста въ возстановленной Верхней Палатѣ и счи-

тали не сообразнымъ со своимъ достоинствомъ подчиняться выходцу, который ниже ихъ по рожденію. Прежній другъ Кромвеля Ламбертъ съ нѣкоторыми другими офицерами получилъ отставку и замѣчательно, что ихъ прежнее значеніе въ войскѣ совершенно исчезло, лишь только они потеряли свои мѣста. Но не смотря на такую преданность войска и на кажущуюся прочность господства, утвержденнаго на основаніи даннаго Парламентомъ устройства, Кромвель вскорѣ снова почувствовалъ сомнительность своего положенія, когда 20-го января 1658 года собрался отложенный въ прошломъ году Парламентъ. Такъ какъ онъ не поставилъ стражи при дверяхъ засѣданія, то всѣ члены, исключенные въ прошломъ году изъ Парламента, возвратились и отняли большинство у Кромвелевой партіи, и безъ того уже ослабленной перемѣщеніемъ многихъ изъ ея приверженцевъ въ Верхнюю Палату. Они не только не хотѣли признать новыхъ лордовъ, но еще сомнѣвались въ законности даннаго въ прошломъ году Парламентомъ устройства, говоря, что Парламентъ находился подъ принужденіемъ и военною силою былъ лишенъ многихъ изъ своихъ членовъ. Эта оппозиція такъ раздражила Протектора, что онъ 4-го февраля распустилъ Парламентъ. Но тѣмъ онъ въ высшей степени раздражилъ народъ и всѣ стали обращать свои взоры на Карла Стюарта, въ которомъ видѣли уже спасителя и освободителя отъ своего опаснаго положенія. Кромвель съ этого времени не имѣлъ покоя; по выходѣ одного сочиненія, подстрекавшаго народъ къ убіенію его, и по открытіи заговора одного изъ его сподвижниковъ, Синдеркомма, который намѣревался убить его, онъ вездѣ боялся вражескихъ кинжаловъ. Онъ представляетъ собою подобный образъ, въ какомъ намъ переданы нѣкоторые тираны Древности. Видъ чужихъ лицъ для него былъ непріятенъ; онъ не дѣлалъ ни одного шага безъ сопровожденія тѣлохранителей, не имѣя при себѣ меча, кинжала и пистолетовъ, или не надѣвъ подъ платье латъ. Никогда не возвращался тою же дорогою, по которой отправлялся; самая быстрота,

съ какою онъ всегда ѣздилъ, показывала, что онъ вездѣ боялся враговъ, и думалъ, что ихъ можно избѣжать только скоростію. Рѣдко спалъ онъ три ночи подъ рядъ въ одной и той же комнатѣ и никогда напередъ не говорилъ, въ какой комнатѣ намѣренъ ночевать. Въ своей собственной фамиліи онъ не находилъ спокойствія, потому что его зять и дочери считали единовластіе неспоснымъ даже въ рукахъ главы своей собственной фамиліи. Ненавидимый всѣми партіями, терзаемый боязнію и не имѣя истиннаго и искренняго друга, къ которому могъ бы обратиться съ довѣренностію, Протекторъ впалъ въ лихорадку, которая грозила ему смертію. Врачи не осмѣливались объявить объ опасности его положенія, такъ что онъ былъ уже въ безпамятствѣ, когда Государственный Совѣтъ прислалъ къ нему депутатовъ съ требованіемъ, чтобы онъ назначилъ себѣ преемника. Когда его спросили, не назначитъ ли онъ себѣ преемникомъ сына своего Ричарда, то онъ уже въ безпамятствѣ отвѣчалъ: да. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ 3-го сентября 1658 года, въ день своихъ побѣдъ при Дунбарѣ и Ворстерѣ, день — который онъ считалъ особенно счастливымъ для себя. Ему было только 59 лѣтъ и онъ при своемъ крѣпкомъ и сильномъ тѣлосложеніи могъ бы прожить еще долго, если-бы неспокойное состояніе духа не разстроило его здоровья.

Всѣ думали, что теперь снова поднимутся партіи, освобожденныя смертію Кромвеля отъ оковъ, и произведутъ большой переворотъ въ положеніи дѣлъ. Сначала это ожиданіе не оправдалось; почти всѣ признали Ричарда Кромвеля протекторомъ, такъ что онъ, хотя и не былъ честолюбивъ, однако же не могъ не принять достоинства, предлагаемаго ему съ такимъ единодушіемъ большею частью народа. Но эта благовидная внѣшняя сторона его положенія спустя нѣсколько мѣсяцевъ исчезла. Когда 7-го января 1659 года собрался Парламентъ, то подъ руководствомъ Сэра Генриха Вена образовалась оппозиція противъ правительства; въ арміи, куда возвратились отставленные и на время удаленные Кромвелемъ офицеры, пробудился прежній духъ и офицеры снова образова-

ли, по прежнему, совѣщательную и рѣшающую корпорацію *). Ричардъ не зналъ, какъ помочь себѣ въ такомъ затрудненіи. Онъ не обладалъ тѣмъ искуствомъ, которымъ отецъ его умѣлъ привязывать къ себѣ людей, и презиралъ насильственныя и кровавыя мѣры, не желая кровію пріобрѣтать себѣ господство и силу. Когда Парламентъ запретилъ собраніе офицеровъ, то военный совѣтъ потребовалъ отъ Протектора, чтобы онъ распустилъ Парламентъ, Ричардъ, осажденный Флитвудомъ и Десборугомъ, согласился на это требованіе и 22-го апрѣля письменнымъ повелѣніемъ распустилъ Парламентъ, но тѣмъ какъ бы подписалъ свое отрѣшеніе. Дѣйствительно, военный совѣтъ, не обращая теперь большаго вниманія на Протектора, считалъ себя верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ и въ этомъ достоинствѣ созвалъ для защиты «добраго стараго дѣла» за шесть лѣтъ предъ симъ распущенный Кромвелемъ длинный парламентъ, чтобы онъ продолжалъ прерванныя тогда занятія. 7-го мая собрались 42 члена этого парламента, который впрочемъ потерялъ всякое довѣріе народа и въ насмѣшку назывался *туловищемъ* (Rump Parliament). Находясь подъ защитою военной силы, онъ составлялъ верховную власть въ государствѣ. По этому слабому Ричарду болѣе ничего не оставалось, какъ формально отказаться отъ протекторства, что онъ и сдѣлалъ 25-го мая 1659 года; братъ его Генрихъ равнымъ образомъ безъ сопротивленія сложилъ съ себя штатгальтерство въ Ирландіи и Кромвелева фамилія опять пришла въ прежнюю неизвѣстность и незначительность, скорѣе нежели возвысилась **).

*) Партія войска собиралась обыкновенно у Флитвуда въ Валлингфордгузѣ и оттого получила названіе Cabal of Walingfordh ouse.

**) Ричардъ по низложеніи своемъ жилъ нѣсколько времени за границей; въ 1680 году онъ снова возратился въ Англію и умеръ только въ 1712 году; братъ его Генрихъ также спокойно жилъ въ Англіи до самой смерти. О дочеряхъ Кромвеля см. Fr. v. Raumer's Geschichte Europa's Bd. 5. S. 329.

Теперь Англія опять находилась въ величайшемъ замѣшательствѣ; между тѣмъ какъ въ религіи открылось самое безсмысленное мечтательство, политическія дѣла находились въ неменьшемъ разстройствѣ. Генералы Ламбертъ и Флитвудъ были въ ссорѣ съ туловищемъ-парламентомъ. Ламбертъ, который старался играть роль Кромвеля и достигнуть его могущества, во второй разъ разогналъ туловище-парламентъ. Между тѣмъ въ большинствѣ народа болѣе и болѣе утверждалась мысль, что для возстановленія спокойствія въ государствѣ и благоразумія въ церкви надлежитъ возстановить прежній порядокъ дѣлъ. По этому теперь стали обращать взоры на изгнанныхъ Стюартовъ и генералъ *Георгъ Монкъ*, начальствовавшій войсками въ Шотландіи, содѣлался орудіемъ *реставраціи*. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ въ Лондонѣ и опасаясь Ламберта, какъ своего личнаго врага, Монкъ положилъ воспрепятствовать возвышенію его, принявъ сторону Парламента. Въ слѣдствіе этого онъ выступилъ съ войскомъ изъ Шотландіи, какъ бы съ намѣреніемъ освободить Парламентъ отъ притѣсненій и возвратить ему надлежащія права. Хотя во время его марша Парламентъ собрался снова, не смотря на то онъ продолжалъ свой походъ въ Лондонъ и въ февралѣ 1660 года вступилъ въ столицу, гдѣ никто не могъ равняться съ нимъ военною силою. Здѣсь Монкъ прежде всего возвратилъ въ длинный Парламентъ всѣхъ членовъ, исключенныхъ нѣкогда изъ него Индепендентами, и въ нѣдрахъ Парламента Королевская партія тотчасъ же пріобрѣла перевѣсъ. Впрочемъ прямо объявить возстановленіе Королевскаго достоинства казалось еще опаснымъ; какъ прежде Индепенденты пріобрѣли верхъ тѣмъ, что составили армію въ своемъ духѣ, такъ теперь и Монку надлежало очистить армію отъ остатковъ Индепендентства и преобразовать ее въ духѣ роялистовъ, прежде нежели они рѣшатся объявить *реставрацію*.. Успѣвъ произвесть реформу въ войскѣ, онъ тотчасъ на мѣсто длиннаго Парламента, который наконецъ разошелся самъ, созвалъ 25-го апрѣля 1660 года свободно избранный Парламентъ въ прежнемъ его видѣ, и первое, что

опредѣлили обѣ палаты, было возстановленіе прежняго государственнаго устройства, по кототому правленіе предоставлялось наслѣдственному Королю и раздѣленному на 2 палаты Параламенту. Теперь конечно было самое удобное время, чтобы рѣшить надлежащимъ образомъ всѣ спорные вопросы, которые подали поводъ къ междоусобной войнѣ; Король еще не былъ провозглашенъ и потому касательно важнѣйшихъ пунктовъ съ нимъ можно было заключить капитуляцію. По всѣ такъ стремились выйти изъ настоящаго тягостнаго положенія, что никто не подумалъ о будущности. Когда Карлъ прислалъ изъ Нидерландскаго города Бреды объявленіе Парламенту, гдѣ обѣщалъ совершенную амнистію всѣмъ подданнымъ, которые покорятся ему въ продолженіе 40 дней, за исключеніемъ тѣхъ, кого Парламентъ объявитъ недостойнымъ этой милости, и въ тоже время предоставлялъ имъ безусловную свободу совѣсти, то его 8-го мая провозгласили Королемъ. Флотъ перевезъ его вмѣстѣ съ братьями, Герцогами Іоркскимъ и Глостерскимъ, изъ Голландіи на островъ и Карлъ II 26-го мая высадился въ Дуврѣ, а 29-го мая въ день своего рожденія, когда ему исполнилось 30 лѣтъ, въѣхалъ въ Лондонъ при необыкновенномъ стеченіи народа. Ничто не нарушало всеобщей радости, которой предались теперь Англичане; ихъ не тревожила даже мысль о склонности Стюартовъ къ католичеству, которую они пріобрѣли во время продолжительнаго пребыванія своего на материкѣ и которая въ Герцогѣ Іоркскомъ дошла до того, что онъ дѣйствительно перешелъ въ католическую церковь. Теперь опустили безъ вниманія это обстоятельство, въ послѣдствіи же оно произвело новыя волненія въ Англіи.

За реставраціею непосредственно слѣдовало наказаніе убійцъ Короля и возстановленіе Англиканской церкви. Что касается до перваго, то трупы Кромвеля, Бреджа и Эйртона были вырыты и привлечены на мѣсто казни, гдѣ они цѣлый день провисѣли на висѣлицахъ; изъ убійцъ Короля, бывшихъ еще въ живыхъ, десятерыхъ предали суду, осудили на смерть и казнили. Съ возстановленіемъ королевскаго досто-

ничества возстала и Англиканская Церковь изъ своего паденія. Она возвратила себѣ всѣ свои прежнія права и владѣнія; а Архіепископамъ и Епископамъ опять были предоставлены мѣста и голоса въ Верхней Палатѣ. Всѣ духовные, которые не хотѣли принять епископскаго посвященія и дать клятвы въ каноническомъ повиновеніи, должны были отказаться отъ своихъ мѣстъ, и ихъ было такъ много, что въ одинъ день до 2000 оставили свои приходы. Диссентеры, хотя пользовались терпимостію, но не имѣли никакого участія въ церковномъ имуществѣ и ихъ духовенство не могло оказывать никакихъ притязаній на жалованье со стороны Правительства. Такимъ образомъ Англійская революція по видимому не имѣла никакого опредѣленнаго результата, но въ дѣйствительности она произвела ту существенную перемѣну, что въ государствѣ сталъ господствовать другой образъ мыслей и что Нижняя Палата получила значеніе, котораго прежде не имѣла.

Этимъ религіознымъ волненіямъ, обнаружившимся въ Англіи съ такою силою, мы обязаны однимъ твореніемъ, принадлежащимъ къ классическимъ произведеніямъ англійской литературы, это Paradise lost (потерянный рай) *Джона Мильтона.* Авторъ былъ ревностнѣйшимъ приверженцемъ Индепендентства и защитникомъ убіенія Короля. По низверженіи своей партіи, отягощенный бѣдностію и потерявъ зрѣніе, онъ написалъ эту духовную эпопею, въ которой надобно удивляться какъ смѣлости плана, такъ силѣ и глубокомыслію въ исполненіи его. Изъ этого стихотворенія видно, что оно есть выраженіе времени религіозныхъ волненій и созданіе поэта,

котораго умъ былъ напитанъ великими подвигами, а фантазія картинами величественной борьбы. При всеобщемъ отвращеніи въ то время ко всему, что напоминало о фанатизмѣ прошедшихъ годовъ, достоинства стихотворенія Мильтона только по смерти автора разсѣяли предубѣжденія противъ его личности и пріобрѣли значеніе, котораго они въ высшей степени достойны (*). Политическая борьба въ Англіи равнымъ образомъ произвела значительное литературное явленіе: противъ политическихъ идей, распространенныхъ Пуританами и Индепендентами, выступилъ защитникомъ неограниченной королевской власти *Ѳома Гоббесъ* и написалъ два сочиненія, которыя по своему вліянію имѣютъ историческую важность (**). Представляя мнѣніе, что естественное состояніе людей есть bellum omnium in omnes, Гоббесъ утверждаетъ, что происхожденіе государства основывается на договорѣ, по которому для поддержанія мира признается одна

*) Мильтонъ умеръ въ 1674 году. Хотя во время преобладанія его партіи онъ занималъ государственныя должности, но кажется не имѣлъ значенія, соотвѣтствующаго его генію. Юмъ замѣчаетъ: Whitlocke talks of one Milton, as he calls him, a blind man, who was employed in translating a treaty with Sweden into Latin. These forms of expression are amusing to posterity, who consider how obscure Whitlocke himself, though lord-keeper and ambassador, and indeed a man of great abilities and merit, has become in comparison of Milton.

**) Elementa philosophica de cive, auct. Th. Hobbes Malmesburiensi. Amstelod. 1647. Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. London 1651.

верховая власть, опредѣленіямъ которой всѣ обязаны покоряться безусловно. Эта власть въ государствѣ тоже, что душа въ человѣкѣ, и такъ какъ она достигаетъ своего назначенія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ нераздѣльнѣе и сильнѣе можетъ дѣйствовать, то Гоббесъ, какъ само собою слѣдуетъ, считаетъ монархію именно неограниченную и наслѣдственную монархію лучшею формою правленія.

Къ счастію Христіанской Европы въ то время, когда въ ней свирѣпствовала тридцатилѣтняя война, Османскихъ Турковъ равнымъ образомъ занимали внутреннія безпокойства и борьба съ Персами, такъ что они не могли и думать о войнѣ съ Европою. Османское Государство потрясали въ то время мятежи янычаръ и перемѣны правителей; когда же въ немъ снова возстановился порядокъ и сила, то тридцатилѣтняя война, которая весьма могла бы благопріятствовать Туркамъ при нападеніяхъ на Европу, уже давно была окончена, а между тѣмъ въ продолженіе ея въ Европѣ развилось военное искуство, которое было не по силамъ Османскому оружію *).

*) Объ этомъ отдѣленіи Турецкой Исторіи кромѣ 4-го тома Hammer's Geschichte der Osmanen, см. статью, составленную по свидѣтельствамъ Венеціанскихъ посланниковъ, въ Ranke's Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16 und 17 Jahrhundert. Bd, 1, S. 1–96.

Со времени Ситваторокскаго мира Турки находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Императоромъ, но враждовали съ Персидскимъ Шахомъ Аббасомъ Великимъ. Впрочемъ Персидская война была для нихъ не благопріятна. Персія по миру, заключенному въ концѣ 1612 года, возвратила отъ Турціи всѣ завоеванія Мурада III и Магомета III и между обоими государствами возстановились прежнія границы, раздѣлявшія ихъ при Селимѣ II. Въ обоихъ мирахъ обнаружилась слабость Османскаго Государства; причины ея, лежавшія въ необузданности войска, обнаружились ясно по смерти Ахмета I-го. Ахметъ умеръ 22 ноября 1617 года и оставилъ кромѣ семи сыновей еще брата, по имени *Мустафу*. При вступленіи на престолъ Ахмета Мустафа остался въ живыхъ, потому что былъ единственною отраслію Османской фамиліи; въ послѣдствіи же Султанъ щадилъ его изъ страха, потому что всякій разъ, когда онъ рѣшался умертвить Мустафу, его останавливало какое либо неблагопріятное обстоятельство. Такимъ образомъ въ первый разъ въ Османской Исторіи по смерти Султана кромѣ дѣтей его остался еще ихъ дядя и по праву первородства былъ предпочтенъ имъ при престолонаслѣдіи. Потому по смерти Ахмета Мустафа освободился изъ заключенія, въ которомъ томился 14 лѣтъ, и вступилъ на престолъ. Но во время своего продолжительнаго заключенія онъ сдѣлался болѣзненъ и боязливъ; спустя три мѣсяца всѣ убѣдились, что Султанъ не способенъ къ правленію. Потому 26 февраля 1618 года Мустафу безъ шума снова возвратили въ прежнее состояніе, а на престолъ возвели старшаго сына Ахметова *Османа II*. Никто сначала не былъ такъ доволенъ этими перемѣнами, какъ войско, потому что оно въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ получило два подарка, даваемые Султанами при вступленія на престолъ; но вскорѣ оно возненавидѣло новаго Султана за то, что онъ началъ возстановлять упавшую дисциплину и кромѣ того съ бережливостію и даже скупостію сталъ ограничивать расточеніе государственныхъ денегъ. Между янычарами распространилась молва, что Султанъ намѣревается ихъ распустить и уничтожить. Въ ожесто-

ченіи на то они въ маѣ 1622 года произвели мятежъ и требовали головъ шестерыхъ высшихъ сановниковъ Порты; когда Султанъ отказалъ имъ въ ихъ требованіи, то они съ крикомъ ворвались за шестью головами во ввутренность сераля. Здѣсь въ мятежникахъ родилась мысль низвергнуть самого Султана; стоило только одному провозгласить: «Мы хотимъ Султана Мустафу» и тысячеголовная гидра мятежа тотчасъ же повторила эти слова. Такъ какъ янычары не могли найти дверей въ мѣсто заключенія Мустафы, то они сняли крышу съ купола и вытащили узника къ себѣ. Онъ трепеталъ всѣми членами, когда вдругъ увидѣлъ себя въ толпѣ мятежныхъ янычаръ съ обнаженными мечами; въ этомъ состояніи его принесли въ престольную залу и онъ принялъ одушевленную присягу отъ янычаръ и вынужденную отъ Улемовъ. Османъ, видя такой оборотъ мятежа, думалъ подавить его выдачею мятежникамъ Великаго Визиря и Кислараги, двухъ изъ числа тѣхъ, которыхъ они хотѣли обезглавить; обѣ эти жертвы были тотчасъ же изрублены въ куски, но смерть ихъ не остановила мятежничества. Османа схватили и объявили низложеннымъ; хотя солдаты не требовали его смерти и даже хотѣли сохранить ему жизнь, но мать султана Мустафы и назначенный имъ Великій Визирь Даудпаша считали гибель Османа необходимою и 20 мая 1622 года велѣли его задушить. Такое убійство, въ первый разъ омрачившее Османскую исторію и утвержденное имъ владычество янычаръ, по волѣ которыхъ теперь назначались высшіе сановники, поколебало государство въ самомъ основаніи. Въ Азіи Эрзерумскій Паша Абаза явился мстителемъ за Османа; въ Константинополѣ между тѣмъ господствовалъ величайшій безпорядокъ; по волѣ войска, окружавшаго престолъ, пять разъ перемѣнялись Великіе Визири, и наконецъ шестой Великій Визирь въ это кратковременное правленіе, въ августѣ 1623 года, согласился вмѣстѣ съ прочими сановниками низложить Мустафу. Всѣ были того мнѣнія, что благо государства требуетъ удаленія слабоумнаго Мустафы отъ престола; единственное затрудненіе состояло въ томъ, что при совершенномъ истощеніи казны новый сул-

танъ ни какъ не могъ дать войску обыкновеннаго подарка: но эта трудность устранилась, когда янычары приняли сдѣланныя имъ представленія; они отказались отъ подарка, и Мустафа 30 августа 1623 года во второй разъ былъ низверженъ съ престола, на который возвели слѣдующаго брата Османова *Мурада IV*, бывшаго въ то время только одиннадцати лѣтъ. Мурадъ конечно заслужилъ славу тѣмъ, что снова изощрилъ Османскій мечь и съ энергіею дѣйствовалъ имъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; но онъ не могъ возвратить государству прежнихъ силъ. По смерти его, послѣдовавшей 9 февраля 1640 года, возстановленная имъ дисциплина снова ослабѣла при его преемникѣ *Ибрагимѣ I*, который царствовалъ до 18 августа 1648 года. Ему наслѣдовалъ *Магометъ IV*.

Такъ мы окончили отдѣленіе Европейскаго развитія въ то время, когда распространенныя реформаціею идеи дѣйствовали прямо или посредственно на нѣкоторыя страны Европы; но прежде нежели мы обратимся къ слѣдующему отдѣленію, гдѣ религіозные и церковные интересы вытѣсняются чисто политическими двигателями, мы должны бросить взглядъ на поселенія Европейцевъ внѣ Европы. Колоніи начали теперь оказывать значительное обратное вліяніе на свои метрополіи, что доставило имъ всеобщую историческую важность. Мы уже при случаѣ упомянули объ утвержденіи Европейцевъ и распространеніи ихъ господства въ прочихъ частяхъ свѣта. Португальцы и Испанцы первые воспользовались успѣхами географическихъ наукъ для от-

крытія новыхъ морскихъ путей и новыхъ странъ и въ вознагражденіе за свои усилія и мужество пріобрѣли обширныя и богатыя земли. Намъ не къ чему повторять какъ Португальцы образовали могущественное государство въ Остъ-Индіи и положили основаніе еще обширнѣйшимъ владѣніямъ на берегамъ Бразиліи, какъ они утвердились на Африканскомъ берегу и захватили въ свои руки всемірную торговлю; они имѣли себѣ соперниковъ только въ Испанцахъ, смѣлости и предпріимчивости которыхъ открытіе Америки сообщило новую силу. Послѣ того какъ они еще съ Колумбомъ, или по крайней мѣрѣ при жизни Колумба, открыли и заняли Вестъ-Индскіе острова, жажда къ золоту побудила ихъ перейти на Американскій материкъ, гдѣ между 1519 и 1521 годами *Фердинандъ Кортецъ* завоевалъ Мексику а между 1525 и 1535 годами были заняты провинціи Перу, Квито, Чили, Террафирма и Новая Гранада.

Изъ Кубы въ 1518 былъ открытъ берегъ Мексики, и штатгальтеръ Кубы Діего-Веласквецъ тотчасъ же снарядилъ экспедицію, чтобы овладѣть открытыми землями *). Во главѣ ея онъ поставилъ Испанска-

(*) Касательно завоеванія Мексики кромѣ свидѣтельствъ самаго Кортеца весьма достовѣрны Denkwürdigkeiten des Hauptmanns Bernal Diaz del Castillo, herausgegeben von Ph. J. v. Rehfues. Bonn, 1838 4 Bde. Оно также хорошо изложено въ *пятой* книгѣ Rebertson's history of America. Новѣйшее сочиненіе: Geschichte der Eroberung von Mexico, mit einer einleitenden Uebersicht des frühern Mexicanischen Bildungszustandes und dem Leben des Eroberer's Hernando Cortez von W. H. Prescott. Aus dem Englischen übersetzt. Leipzig. 1845. 2 Bde.

го дворянина, *Фердинанда Кортеца*, который родился въ 1485 году и въ послѣдствіи отправился въ новый свѣтъ искать себѣ тамъ счастія. Кортецъ, побуждаемый своимъ стремленіемъ къ подвигамъ, уѣхалъ прежде нежели штатгальтеръ, который изъ зависти снова лишилъ его начальства, успѣлъ его задержать. Онъ 10 февраля 1519 года поплылъ не болѣе какъ съ 508-ю спутниками и высадился въ томъ пунктѣ, гдѣ въ послѣдствіи былъ заложенъ городъ Веракрусъ, въ царствѣ Ацтековъ, надъ которыми господствовалъ въ то время десятый царь ихъ *Монтецума*. Испанцы не мало удивились, когда въ Америкѣ, гдѣ до сихъ поръ встрѣчали только грубую дикость, нашли благоустроенное государство, въ которомъ господствующій классъ народа былъ уже такъ образованъ, что зналъ искусства и условія образованной жизни; только гнусное идолопоклонство, требовавшее въ жертву богамъ людей, и обыкновеніе ѣсть мясо принесенныхъ въ жертву налагали на Ацтековъ печать грубости и варварства. Кортецъ на вопросъ о причинѣ его прибытія выдалъ себя чиновникамъ за посла великаго Императора Карла V къ Монтецумѣ, между тѣмъ какъ о томъ пошло извѣстіе въ столицу, Мексику, онъ высадился и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Вскорѣ пришелъ отказъ на требованіе Испанцевъ; но богатые подарки, которыми Мексиканскій монархъ хотѣлъ удержать чужестранцевъ отъ своей столицы, возбудили въ нихъ еще большее желаніе итти впередъ. Робость Мексиканцевъ и ихъ золото равно подстрекали Испанцевъ отважиться на смѣлое предпріятіе. Отъ остроумнаго Кортеца не ускользнуло и то, что господство Мексиканцевъ имѣло опасныхъ враговъ въ зависти сосѣдей и ненависти подвластныхъ ему, и что онъ могъ воспользоваться этимъ для низверженія его. Имѣя это въ виду и надѣясь на превосходство своихъ силъ при Европейскихъ вооруженіи и дисциплинѣ, онъ рѣшился со своею толпою проникнуть во внутренность государства. Но прежде того онъ считалъ нужнымъ занять твердый пунктъ на берегу и дать своему начальству, котораго лишилъ его Веласквецъ, законное основаніе. Съ этою цѣлію при помощи старѣйшинъ или Кацивковъ

Цемпоаллы и Квіабислана, которые отпали отъ Мексиканцевъ и соединились съ нимъ, онъ основалъ крѣпость, которую назвалъ *Villa ricca de la vera Cruz* и правленіе этой новой колоніи, которому онъ передалъ свой командорскій жезлъ, во имя Короля Испанскаго избрало его самостоятельнымъ Генералъ-Капитаномъ. Онъ послалъ одинъ изъ своихъ кораблей въ Испанію съ извѣстіемъ о случившемся и съ просьбою, чтобы Король утвердилъ сдѣланныя имъ распоряженія, а прочіе велѣлъ сломать такъ, что ему и его спутникамъ оставалось теперь побѣдить или умереть. 16-го августа 1519 года онъ двинулся во внутрь и дошелъ до Тласкалы, не встрѣтивъ сопротивленія; но здѣсь Тласкаланцы выступили противъ Испанцевъ съ оружіемъ въ рукахъ и не давали имъ прохода чрезъ свою область; но не смотря на всю ихъ многочисленность и храбрость, при ихъ несовершенномъ вооруженіи, они не могли ничего сдѣлать противъ Испанцевъ. Испанцы съ своею артиллеріею, которою подражали грому и молніи небесной, и со своею конницею показались имъ неземными существами. Тласкаланцы послѣ троекратнаго пораженія прекратили всѣ непріязненныя дѣйствія противъ Испанцевъ и сдѣлались ихъ преданнѣйшими друзьями; они присягнули Королю Испанскому и присоединили къ войску Кортеца шеститысячный отборный вспомогательный корпусъ. Усиленный такимъ образомъ и на дальнѣйшемъ своемъ походѣ принятый во многихъ мѣстахъ, какъ освободитель отъ тягостнаго ига Мексиканцевъ, Кортецъ приблизился къ столицѣ, Мексикѣ или Тенухтитлану; когда Испанцы 8 ноября 1519 года увидѣли ее, то пришли въ немалое изумленіе. Городъ, выстроенный на большомъ озерѣ, частію на сваяхъ, частію на островахъ и соединенный съ материкомъ тремя длинными плотинами,—своими безчисленными домами, высокими храмами, дворцами, садами и мостами представлялъ удивительное зрѣлище; тысячи каноэ оживляли озеро, въ которое вдавались многіе города, лежавшіе по берегамъ его *). Кортецъ стоялъ уже, можно ска-

*) Робертсонъ (томъ II, стр. 300), по Берналъ-Діацу, представляетъ впечатлѣніе, произведенное на Испанцевъ видомъ

зать, предъ самыми воротами Мексики, а Монтецума еще не рѣшилъ, принять ли Испанцевъ какъ друзей, или какъ непріятелей. Наконецъ онъ вышелъ къ Кортецу на встрѣчу и ввелъ его въ столицу, чѣмъ ясно обнаружилъ перевѣсъ его надъ собою. Воспользовавшись древнимъ народнымъ вѣрованіемъ Мексиканцевъ, что основатель ихъ государства удалился на востокъ, но что потомки его нѣкогда возвратятся съ притязаніями на свое достояніе, Кортецъ приложилъ его къ себѣ. Повѣривъ этому, Монтецума призналъ Кортеца штатгальтеромъ, а себя самаго вассаломъ восточнаго Императора и былъ столь слабъ предъ богоподобными пришельцами, что даже согласился жить въ квартирѣ Испанцевъ и послѣ торжественной присяги заплатить золотомъ контрибуцію.

По утвержденіи Кортеца въ Мексикѣ противъ него собралась грозная туча съ другой стороны. Діего Веласквецъ, раздраженный неповиновеніемъ Кортеца, послалъ противъ него, подъ предводительствомъ Памфила Нарваеца, войско изъ 1400 пѣхотинцевъ и 80 всадниковъ съ 14-ю пушками съ тѣмъ, чтобы захватить его въ плѣнъ и прислать въ Кубу для наказанія. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи между Мексиканскимъ населеніемъ и непріязненнымъ войскомъ своихъ единоземцевъ, Кортецъ не потерялся; оставивъ Петра Альварадо съ отрядомъ изъ 80 человѣкъ для стражи при Монтецумѣ, онъ самъ пошелъ на Нарваеца, съ спутниками котораго онъ былъ уже въ тайныхъ сношеніяхъ, — и воспользовавшись темнотою ночи 27 мая 1520 года напалъ на него при

Мексики, слѣдующимъ образомъ: When they first beheld this prospect, one of the most striking and beautiful on the face of the earth; when they observed fertile and cultivated fields, stretching farther than the eye could reach; when they saw a lake resembling the sea in extent, encompassed with large towns, and discovered the capital city rising upon an island in the middle adorned with its temples and turrets; the scene so far exceeded their imagination, that some believed the fanciful descriptions of romance were realized, and that its enchanted palaces and gilded domes were presented to their sight; others could hardly persuade themselves that this wonderful spectacle was any thing more than a dream.

Цемпоаллѣ. Нарваецъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, въ слѣдствіе чего побѣда осталась на сторонѣ Кортеца; съ побѣжденною арміею онъ обошелся такъ искусно, что она вступила подъ его начальство и онъ возвратился въ Мексику съ новыми силами. Между тѣмъ Мексиканцы поняли виды чужестранцевъ; видя, что ихъ Государь Монтецума, какъ рабъ, находится въ рукахъ Испанцевъ, они рѣшились силою свергнуть съ себя наложенное на нихъ иго. По этому лишь только Кортецъ возвратился въ Мексику, какъ противъ него вспыхнуло возстаніе столь яростное и столь упорное, что его ничѣмъ нельзя было укротить; попытка остановить волненіе самимъ Монтецумою стоила только жизни сему послѣднему и еще болѣе ожесточила Мексиканцевъ. Несчастный Монтецума, смертельно раненный стрѣлами и камнями, пущенными его собственными подданными, умеръ 13 го іюня 1520 года; теперь Кортецу и его сподвижникамъ болѣе ничего не оставалось какъ выйти изъ города; но такъ какъ плотина была прорвана, то это отступленіе стоило ему болѣе половины его спутниковъ и всѣхъ снарядовъ. Ночь 1-го іюля 1520 года, въ которую остатокъ Испанцевъ достигъ берега Такубы, справедливо называется *печальною* *). Впрочемъ тѣмъ бѣдствія ихъ еще не окончились; прежде нежели они нашли себѣ покой и безопасность въ дружественной Тласкалѣ, имъ надлежало пробить себѣ путь чрезъ непріятельское войско побѣдою, которую они одержали 7 іюля при Отумбѣ.

Истинно геройское величіе обнаруживается только въ несчастіи и Кортецъ дѣйствительно показалъ его, сохранивъ твердость духа во всѣхъ трудностяхъ и употребивъ всѣ силы ума, чтобы поддержать довѣріе своихъ единоземцевъ и покорность присоединившихся къ нему Индіанцевъ. Вскорѣ онъ снова пришелъ въ такое положеніе, что могъ вторично итти на Мексику. Здѣсь послѣ Монтецумы царствовалъ сначала братъ его *Кветлавака*, а по

*) Это отступленіе извѣстно въ исторіи Новой Испаніи подъ названіемъ *печальной ночи* (Noche triste.)

смерти его племянникъ и зять Монтецумы *Гуатимоцинъ*. Не смотря на всѣ укрѣпленія, сдѣланныя обоими государями для защиты Мексики, и на все искуство и храбрость Гуатимоцина при защищеніи ея, послѣ трехмѣсячной, почти ежедневно происходившей борьбы на водѣ и на сушѣ, верхъ остался на сторонѣ Кортеца; борьба кончилась 13-го августа 1521 года плѣненіемъ Гуатимоцина. Кортецъ помрачилъ свою славу тѣмъ, что сначала пыталъ этого несчастнаго властителя, чтобы вынудить у него признаніе, гдѣ скрыты его сокровища, а послѣ по подозрѣнію въ заговорѣ велѣлъ его повѣсить. Царство Ацтековъ обратилось теперь въ Ис[illegible]ую провинцію. Хотя Кортецъ и незаконно на[illegible] свое предпріятіе, но заслуга его была слишкомъ велика, чтобы не быть при[illegible]анною Императоромъ Карломъ; потому онъ былъ утвержденъ Генералъ-Капитаномъ *Новой Испаніи*, какъ названа была завоеванная страна; когда же онъ въ 1527 году прибылъ въ Испанію, то получилъ орденъ Св. Іакова и достоинство Маркиза Оаксака. Впрочемъ онъ, какъ и Колумбъ, потерпѣлъ отъ неблагодарности и зависти двора; когда онъ во второй разъ пріѣхалъ въ Испанію, то изслѣдованіемъ его дѣйствій его удержали въ Испаніи до самой смерти; онъ умеръ 2 декабря 1547 года недалеко отъ Севиллы.

Въ 1526 году находившіеся въ Панамѣ незаконнорожденный *Францъ Пицарро*, пайденышъ *Діего Альмагро* и священникъ *Фердинандъ Де-Луквe* открыли Перу *). Пицарро тотчасъ отправился въ Испанію и привезъ себѣ оттуда полномочіе на завоеваніе открытой страны и титулъ штатгальтера тѣхъ провинцій, которыя завоюетъ. Въ февралѣ 1531 года онъ выѣхалъ изъ Панамы на трехъ корабляхъ съ 180-ю спутниками и послѣ тринадцатидневной ѣзды вошелъ въ бухту Св. Матоія. Въ Перу

*) Такъ какъ Пицарро не умѣлъ ни читать, ни писать, то мы не имѣемъ его собственныхъ свидѣтельствъ о его дѣяніяхъ; впрочемъ нѣтъ недостатка въ современныхъ описаніяхъ; они высчитаны и охарактеризованы въ Robertson's hist. of Amer. T. III. p. 384 — 87. См. Histoire de la decouverte et de la conquête du Pérou. Amsterd. 1717. 2 voll.

правили тогда потомки Инки *Манго-Капака*, который за 12 поколѣній предъ симъ съ своею женою *Маммою-Околло* появился между дикими Индіянцами, объявивъ, что онъ происходитъ отъ благодѣтельнаго божества Солнца и присланъ къ нимъ отъ него. Манго Капакъ соединилъ ихъ въ одно государство и научилъ земледѣлію и другимъ искуствамъ образованной жизни. Инки, его потомки, господствовали надъ Индіянцами тѣмъ съ большею неограниченностію, что въ нихъ, какъ дѣтяхъ Солнца, чтили божественныя существа. Изъ города Куско они распространили мало по малу свое господство, а съ нимъ и благодѣянія образованной жизни по всему Перу. Незадолго до прибытія сюда Испанцевъ, двѣнадцатый государь въ ряду Инкъ, *Гуана Капакъ*, завоевалъ Квито и первый отступилъ отъ обыкновенія своихъ предковъ не брать себѣ женъ внѣ фамиліи Инкъ; онъ женился на дочери побѣжденнаго владѣтеля въ Квито и имѣлъ отъ нея сына *Атагуальпу*. При смерти своей въ 1529 году онъ назначилъ ему государство Квито; а въ Перу долженъ былъ ему наслѣдовать другой сынъ его *Гуаскаръ*, происходившій отъ чистой крови Инкъ.

Это, противное прежнему обыкновенію раздѣленіе власти, произвело между братьями войну, которая была въ полной силѣ, когда сюда явился Пицарро. По этому конечно онъ легче могъ утвердиться на берегу и проникнуть во внутренность земли. Между тѣмъ Атагуальпа побѣдилъ брата своего Гуаскара и взялъ его въ плѣнъ; только теперь онъ обратилъ свое вниманіе на прибывшихъ чужестранцевъ и пригласилъ Пицарро съ его спутниками на свиданіе въ Каксамальку. Пицарро, слѣдуя примѣру Кортеца въ Мексикѣ, положилъ при этомъ случаѣ захватить Инку въ свои руки. Во время свиданія 16-го ноября 1532 года сопровождавшій экспедицію патеръ Вальверде съ крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ вышелъ къ Перуанскому монарху и изложилъ ему въ длинной рѣчи, что Христосъ для спасенія людей нисходилъ на землю, и что Папа, намѣстникъ Христа на землѣ, предоставилъ Королю Испанскому

всѣ земли новаго свѣта, по этому предлагалъ ему принять Христіанскую религію и присягнуть Королю Испанскому, какъ своему верховному государю. Когда Атагуальпа, изумленный этими неслыханными ученіями и притязаніями, спросилъ откуда Испанцы это узнали, то патеръ подалъ ему Евангеліе; Атагуальпа приложилъ его къ уху, и подержавъ нѣсколько времени, сказалъ: «оно мнѣ ничего не говоритъ!» Тогда патеръ воскликнулъ: за оружіе, Христіане! По этому воззванію Испанцы бросились на Перуанцевъ съ трубнымъ звукомъ и пушечнымъ громомъ; Перуанцы, пораженные и испуганные этимъ, разсыпались какъ пыль; Атагуальпу между тѣмъ взяли въ плѣнъ. Сначала съ этого несчастнаго Инки брали огромныя количества золота, льстя ему обѣщаніями свободы, — послѣ же когда уже съ него нечего было взять, его осудили по судебнымъ формамъ на смерть и казнили. Его богатую страну завоеватели раздѣлили между собою; Альмагро занялъ Чили, Пицарро удержалъ за собою Перу, гдѣ въ 1535 году и основалъ столицу Лиму, а братъ его Гонцало сдѣлался штатгальтеромъ въ Квито. Отсюда онъ ходилъ для открытій за Анды; одинъ изъ офицеровъ его *Орельяна* проѣхалъ по всему теченію Амазоны и изъ этого путешествія привезъ въ Испанію сказанія объ Эльдорадо и Амазонкахъ. Хотя завоеватели по взаимнымъ несогласіямъ вели другъ съ другомъ ожесточенныя междоусобныя войны, при чемъ приверженцы Пицарро въ 1539 году задавили Альмагро, а друзья Альмагро въ 1541 году убили Пицарро, не смотря на то Перуанцы не могли свергнуть наложеннаго на нихъ Испанскаго ига и страна ихъ осталась Испанскою провинціею.

Мексика и Перу были образованными государствами въ сравненіи съ прочими Индіянскими поколѣніями и потому въ нихъ легко было утвердить благоустроенное и правильное правленіе; а

надъ безчисленными поколѣніями, которыя вели охотническую свободную жизнь въ равнинахъ и лѣсахъ занятыхъ Испанцами земель, Испанцы не иначе могли утвердить свое господство, какъ обращеніемъ ихъ въ Христіанство. По этому вскорѣ образовались троякаго рода колоніи: 1) гавани и береговые города; 2) миссіи, вдоль по берегамъ рѣкъ и 3) рудокопные города во внутренности земли, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены горные заводы и съ успѣхомъ производились горные промыслы. Устройство метрополіи перешло и въ эти Заатлантическія провинціи, а между тѣмъ въ самой Испаніи такъ называемый *Индійскій Совѣтъ* (Conseyo Real y supremo de Indias) имѣлъ верховный надзоръ надъ управленіемъ всѣхъ колоній. Съ политическими формами метрополіи въ колоніяхъ утвердилось и все внѣшнее устройство католической Церкви. Архіепископства, Епископства, приходы, монастыри и даже инквизиція существовали тамъ еще прежде, нежели туземцы были обращены въ Христіанство; съ Церковью же распространилось въ этихъ странахъ Европейское ученое образованіе и въ удобнѣйшихъ пунктахъ возникли его институты, университеты и школы. Уже въ 1551 году были основаны университеты въ Мексикѣ и Лимѣ. Въ слѣдствіе этихъ учрежденій въ покорныхъ странахъ мало по малу исчезло ихъ собственное образованіе, а съ тѣмъ и

національность. Впрочемъ многаго еще не доставало для того, чтобы изъ этихъ огромныхъ колоніальныхъ государствъ могла образоваться *одна* нація; при существовавшихъ условіяхъ естественнѣе было развиться здѣсь отдѣльнымъ кастамъ, которыя различались по происхожденію и по видимому отличительному признаку, по цвѣту кожи. Бѣлые составляли господствующій классъ, а цвѣтные далеко отстояли отъ нихъ; бѣлые раздѣлялись на *Креоловъ*, или поселившіяся бѣлыя фамиліи, и на *Хапетоновъ* или присланныхъ метрополіею чиновниковъ; изъ смѣшенія различныхъ цвѣтовъ произошли *Местицы, Терцероны, Квартероны и Мулаты;* всѣ они пользовались различнымъ значеніемъ, смотря по тому болѣе или менѣе они приближались по цвѣту кожи къ бѣлымъ.

Когда Испанія присоединила къ себѣ Европейскую Португалію, а съ нею получила и ея колоніи, то не было въ то время ни одного государства, которое могло бы равняться съ нею по обширности владѣній. Но именно въ то время, когда Испанское колоніальное господство дошло до высшей степени, Испанія нашла себѣ соперниковъ въ Голландцахъ, которые, воюя въ Европѣ за независимость, утвердили внѣ Европы въ трехъ частяхъ свѣта такія колоніи, которыя боль-

рукахъ Голландцевъ, не имѣла ни политической, ни меркантильной важности, впрочемъ она интересна, какъ единственный пунктъ, который, бывъ колоніею Голландцевъ, усвоилъ языкъ и правы метрополіи и сохранилъ ихъ до настоящаго времени. Въ Америкѣ Голландцы не имѣли успѣха: ихъ Вестъ-Индская компанія хотѣла отнять у Португальцевъ Бразилію, но не успѣла; единственныя владѣнія, которыя Голландцы пріобрѣли въ Вестъ-Индіи и гдѣ держались долгое время, составляли острова: Св. Евстафія, Курасао, Саба и Св. Мартина, которые доставляли Голландцамъ только ту выгоду, что давали имъ возможность торговать съ Испанской Америкой контрабандою.

Когда Голандцы довершили огромное зданіе своего колоніальнаго господства въ трехъ частяхъ свѣта, то съ ними стали соперничать Англичане; впрочемъ въ этотъ періодъ они только приготовились къ этой роли, которую имъ надлежало со временемъ играть на морѣ, и утвердились въ нѣкоторыхъ пунктахъ тѣхъ странъ, которыя въ послѣдствіи подпали ихъ господству. Важнѣйшею же и исторически значительнѣйшею колонизаціею, вышедшею въ это время изъ Англіи, было *поселеніе Англичанъ* въ Сѣверной Америкѣ *).

Самое положеніе на островѣ указывало Англичанамъ на мореплаваніе и они уже нѣсколько столѣ-

*) Для исторіи Англійской торговли вообще главное сочиненіе есть: A. Anderson's historical und chronological deduction of commerce from the earliest accounts to the present time. London 1789. 4 voll. Для Остъ-Индской компаніи: Annals of the honorable East India Company by John Bruce, Esq. London, 1810. 3 voll. Для поселеній въ Сѣверной Америкѣ 9-ая и 10-ая книга Robertson's history of America, которыя изданы по смерти автора сыномъ его въ 1796-мъ году.

тій вели значительный торгъ съ сосѣдями. Открытіе новаго морскаго пути пробудило и въ нихъ стремленіе къ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Это повело къ открытію Бѣлаго Моря, къ началу торговли съ Россіею чрезъ Архангельскъ и съ Персіею чрезъ Каспійское Море; Англичане старались открыть сѣверовосточный или сѣверозападный путь въ Остъ-Индію, при чемъ особенно отличились и обезсмертили свои имена *Форбишеръ*, *Дависъ* и *Гудсонъ*. Правленіе Королевы Елизаветы составляетъ эпоху какъ въ цѣломъ развитіи Англійской націи, такъ и въ исторіи Англійской торговли. Въ ея правленіе возникли многія привилегированныя общества, которымъ поручались важнѣйшія вѣтви иностранной торговли. Русская, Турецкая, Африканская компанія и многія другія получили монополіи для торговли въ извѣстныхъ странахъ; весьма естественно, что образовалась также *Остъ-Индская компанія*. Эта компанія, привилегированная грамота которой была утверждена 31 декабря 1600 года, получила монополію торговли со всѣми странами и мѣстами, не занятыми еще никакою Европейскою державою по ту сторону мыса Доброй Надежды и Магелланова Пролива. Хотя компанія уже въ 1601-мъ году завела двѣ факторіи въ Индѣйскомъ морѣ, одну въ Ахемѣ на Суматрѣ, другую въ Бантамѣ на Явѣ, а въ 1612 году и третію въ Суратѣ для Персидской торговли, не смотря на то при ревностѣ Голландцевъ она не могла подняться и была весьма маловажна. Въ 1619-мъ году по проискамъ Голландцевъ, на островѣ Амбойнѣ избили, а съ прочихъ острововъ прогнали всѣхъ Англичанъ. По этому они обратили свои взоры на Коромандельскій берегъ, гдѣ въ 1640 году они получили Мадрасъ и заложили крѣпость; но дѣла компаніи все еще шли дурно, такъ что она на нѣсколько времени прекратилась, пока Кромвель въ 1658 году снова не возстановилъ ее.

Въ Вестъ-Индіи Англичане поселились въ 1625 году на нѣкоторыхъ малыхъ Антильскихъ островахъ; сначала только табакъ и хлопчатая бумага вознаграждали труды переселенцевъ; когда же было

введено и пришло въ цвѣтущее состояніе обработываніе сахарнаго тростника, то эти острова и сдѣлались весьма важными; завоевавъ Ямайку утвердясь въ ней, Англичане положили въ то время и въ этой части свѣта начало будущему своему господству. Но особенную важность безъ сомнѣнія имѣетъ поселеніе ихъ въ Сѣверной Америкѣ. Первыя попытки къ тому дѣлались еще при Елизаветѣ, къ чему побуждала надежда на открытіе тамъ странъ богатыхъ золотомъ, какія Испанцы нашли въ Южной Америкѣ, но какъ эта надежда не оправдалась, то дальнѣйшія предпріятія были оставлены. При Іаковѣ I начались переселенія въ Виргинію и Новую Англію; въ 1607 году былъ основанъ Джемстаунъ, первый Англійскій городъ въ Сѣверной Америкѣ. Эти колоніи по своей природѣ были земледѣльческими; чтобы подняться, онѣ должны были преодолѣть величайшія трудности. Имъ надлежало смягчить суровую и дикую природу этихъ странъ, чтобы получать вознагражденіе за свои труды; не менѣе трудностей представляли и туземные Индіянцы, съ которыми была ведена истребительная война. Только удивительное мужество и не преклонная твердость могла одерживать верхъ въ этой безпрестанной борьбѣ съ суровою природою и столь же дикимъ населеніемъ; легко видѣть, что здѣсь въ колонистахъ долженъ былъ развиться совершенно другой духъ, нежели въ просто торговыхъ колоніяхъ.

Въ Сѣверной Америкѣ благосостояніе колониста возрастало съ увеличеніемъ пространства земли, которую онъ выводилъ изъ дикаго состоянія, и онъ утверждался на почвѣ, которую пріобрѣталъ съ опасностію собственной жизни. Изъ Англіи перешла въ Сѣверную Америку мысль о свободномъ управленіи и колонисты уже въ 1619 году учредили у себя на подобіе Англійскаго Парламента такъ называемый general assembly и приняли конституцію, совершенно сходную съ конституціею метрополіи. Впрочемъ едва ли бы эти не гостепріимныя страны привлекли туда многихъ переселенцевъ изъ образованной и удобной жизни въ Англіи, если бы религіозный расколъ именно въ это время не отвратилъ многихъ

умныхъ и богатыхъ людей отъ отечества; цѣлыя толпы Пуританъ и другихъ диссентерскихъ сектъ убѣгали отъ Англиканской Церкви и искали себѣ религіозной свободы въ Сѣверо-Американскихъ лѣсахъ. А Пуританское упорство и непреклонность были необходимы для укрощенія этихъ дикихъ странъ; вскорѣ при многочисленныхъ переселеніяхъ въ правленіе Карла I въ Сѣверной Америкѣ возникли одна за другой слѣдующія колоніи: въ 1621 году *Массачузетсъ*, въ 1627 году городъ *Бостонъ*, въ 1634 году *Родейландъ*, въ 1636 году *Нюгампширъ* и *Менъ*. Католики также бѣжали за море изъ Англіи и подъ начальствомъ Лорда Балтимора заняли въ 1632 году провинцію *Мериландъ*; по имени предводителя столица была названа *Балтиморомъ*. Хотя эти колоніи получили начало по негодованію на религіозное и политическое состояніе метрополіи, не смотря на то онѣ оставались въ зависимости отъ нея; онѣ не переставали чувствовать, что составляютъ часть Англійскаго народа и охотно покорялись Англійскимъ законамъ, какъ скоро за ними утвердили ихъ религіозныя и политическія привилегіи. Но самый характеръ Англійской колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ предполагалъ уже развитіе здѣсь особеннаго направленія, которое не могло не пріобрѣсти со временемъ исторической важности.

Французы также заботились о пріобрѣтеніи колоніи, но безъ большаго успѣха. Поселеніе ихъ въ Канадѣ, которое они утвердили основаніемъ Квебека, имѣло цѣлію только торговлю мѣхами и рыболовство. Они поселились еще на Антильскихъ островахъ; между 1625 и 1635 годами они утвердили свои колоніи на островахъ Гваделупѣ и Мартиникѣ. Кромѣ этого Французы не пріобрѣли въ это время ничего, не смотря на всѣ усилія своего правительства.

Обратное вліяніе колоній на Европейскія метрополіи не мало содѣйствовало тому, чтобы отвлечь умы отъ догматики и направить ихъ болѣе къ меркантильнымъ и политическимъ интересамъ. Съ утвержденіемъ этихъ интересовъ происходитъ важная перемѣна въ жизни Европейскихъ народовъ и во всемъ воззрѣніи ихъ на міръ; цѣль, къ которой теперь стали стремиться, состоитъ въ матеріяльныхъ имуществахъ; по этому самая жизнь становится матеріяльнѣе, а средства къ достиженію цѣли болѣе механическими. Слѣдующій періодъ можно назвать *временемъ меркантилизма и развитія политическаго равновѣсія въ Европѣ.* Стремленіе къ всемірной торговлѣ составляетъ пружину, которая приводитъ въ движеніе всѣ Европейскія Государства и поселяетъ въ нихъ взаимную недовѣрчивость и зависть. Такое направленіе породило бы непрерывную борьбу противоположныхъ интересовъ и сильные подавили бы слабыхъ, если бы постоянно развивавшееся политическое равновѣсіе въ Европѣ не образовало защитительной системы въ пользу слабыхъ. Но эта система, долженствовавшая утвердить спокойствіе въ Европѣ, была причиною безпрестанныхъ безпокойствъ и волненій; никогда союзы и договоры не измѣнялись такъ быстро, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ; оружія, которыя дѣйствовали сегодня въ ожесточенномъ бою другъ про-

тивъ друга, завтра соединялись для общей цѣли. Необходимыми условіями этой системы были *постоянное войско и постоянныя посольства*. Воинъ совершенно отдѣлился отъ мирнаго гражданина и военное искуство дошло до такого механизма, который стали усвоивать только продолжительнымъ упражненіемъ. Содержаніе постоянныхъ посольствъ привело въ тѣснѣйшія сношенія самыя далекія государства. Уже со временъ Ришелье большіе дворы имѣли обыкновеніе содержать постоянныя посольства даже при малыхъ дворахъ, теперь же стали имъ подражать и малые дворы и такимъ образомъ развилась дипломатическая система, тѣмъ бо[illegible] ее требовало самое положеніе дѣлъ. Вся Европа, не исключая и Турціи, вошла въ систему политическаго равновѣсія; изъ пяти главныхъ державъ настоящей Европы, въ слѣдующемъ періодѣ одна лишь возникаетъ, а другая только что входитъ въ кругъ Европейскаго образованія и вступаетъ въ рядъ Европейскихъ державъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Ген. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

СОЧИНЕНІЯ С. Н. СМАРАГДОВА,

изданныя Ю. А. ЮНГМЕЙСТЕРОМЪ.

—

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ,

для ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ училищъ,

(ИСТОРІИ ДРЕВНЯЯ, СРЕДНЯЯ И НОВАЯ).

Изданіе 4-е, Спб. 1850. Ц. 75 коп. съ пер. 1 р.

—

РУКОВОДСТВО

КЪ ПОЗНАНІЮ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ,

для **ЖЕНСКИХЪ** учебныхъ заведеній:

Часть 1-я ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ,

Спб. 1849. Ц. 1 р. 50 коп. съ пер. 2 р.

Часть 2-я СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ,

Спб. 1849. Ц. 1 р. 50 коп. съ пер. 2 р.

Часть 3-я НОВАЯ ИСТОРІЯ,

Спб. 1853. Ц. 1 р. 50 коп. съ пер. 2 р.

У ИЗДАТЕЛЯ, КНИГОПРОДАВЦА

Ю. А. ЮНГМЕЙСТЕРА,

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ЧАСТИ

ИСТОРІИ Dr. Ф. ЛОРЕНЦА:

—

ЧАСТЬ I, ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ВСЮ **ДРЕВНЮЮ** ИСТОРІЮ Изд. 2, С. П. Б. 1846. Цѣна 2 р. 50 к.

— II, **ОТДѢЛЕНІЕ 1,** ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ **ПЕРВУЮ** ПОЛОВИНУ **СРЕДНЕЙ** ИСТОРІИ. Изд. 2, С. П. Б. 1847 Ц. 2 р.

— II, **ОТДѢЛЕНІЕ 2,** ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ **ВТОРУЮ** ПОЛОВИНУ **СРЕДНЕЙ** ИСТОРІИ. Изд. 2, С. П. Б. 1851 Ц. 2 р. 50 к.

— III, **ОТДѢЛЕНІЕ 1,** ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ **ПЕРВУЮ** ПОЛОВИНУ **НОВОЙ** ИСТОРІИ. Изд. 2, С. П. Б. 1853. Ц. 2 р.

— III, **ОТДѢЛЕНІЕ 2,** ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ **ВТОРУЮ** ПОЛОВИНУ **НОВОЙ** ИСТОРІИ. С. П. Б. 1849. Ц. 3. р.

На почтовую пересылку каждаго отдѣленія, прилагается 50 к. сер.

Думали что за Варф ночь
простятся грехи так мыслил
[illegible] гов при смерти что Гос
простить грехи его за усердие
во Вар ночь Тогда погибло
несколько [illegible] знатных врагов дол
живали своихъ [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] что побоище возобно
вилось междуусобие въ разныхъ
местахъ Франции убитыхъ до [illegible]
Пар [illegible]

Логреничъ

Логреничъ

Мадръ и брат Гонкуръ [8 р]

дѣтиже

для отказчиковъ

Маннимораней

Первый воранъ

Сенъ-Маръ

Въ конюшней

303

Гобленъ   Люинь

Равальякъ Армандъ де Ришелье

Елеонора Галигаи

Кончини (д'Анкръ)

Герцогъ Сутвиль

Долина Вальтелинъ

Герцогъ Неверскій

Соперникъ Гер Савойскаго

Взятіе крѣпости

Пиньероль